ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ РОССИИ

А.Б. Широкорад

ЧЕТЫРЕ ТРАГЕДИИ КРЫМА

Annotation

Проблема Крыма за последние 15 лет стала крайне актуальна для населения нашей страны. Военный историк А.Б. Широкорад в своей книге обращается к прошлому и настоящему этой древней земли, пытаясь ответить на ряд принципиальных вопросов. А вопросов этих немало. Когда и как русские появились в Крыму? Как возникло Крымское ханство и почему его ликвидация стала вопросом жизни и смерти для России? Почему Россия проиграла Крымскую войну? Что происходило в Крыму во время Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны? Почему был сдан Крым в 1941–1942 годах и что происходило там во время оккупации? Как Крым для россиян оказался «за границей»? Как происходил раздел Черноморского флота и каковы перспективы развития ситуации в Крыму в контексте российско-украинских отношений?

- Александр Широкорад
  - Раздел I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
  - Раздел II
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - Раздел III
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5

        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
    - Раздел IV
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
    - Приложения
        - Приложение 1
        - Приложение 2
    - Список использованной литературы
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59

- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98

- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137

- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176

- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215

- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254

- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293

- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303

Александр Широкорад
Четыре трагедии Крыма

Раздел I
От Тмутаракани до Крымской войны

Глава 1
Русский остров в русском море

Взглянув на карту Черного моря, мы сразу же заметим два главных стратегических пункта – пролив Босфор и полуостров Крым. Все остальные стратегические пункты имеют лишь третьестепенное значение, как, например, устья рек Дуная, Днестра, Днепра и Дона.

А, кстати, почему Черное море называется Черным? Первое дошедшее до нас название этого моря – Понт Аксинсинский, то есть Море Негостеприимное. Так его называли греки в VI веке до н. э. Любопытно, что во III вв. до н. э. Черное море греки называли уже Понт Эвксинский, то есть Море Гостеприимное.

А вот арабы в VIII–XI веках называли море Русским. Тут надо напомнить, что тогда арабы считались лучшими мореходами мира и в области географии на несколько веков опередили страны Западной Европы. Арабские источники не делают тайны из этого названия – флотилии русов в IX веке доминировали на этом море.

И тут возникают новые вопросы: откуда взялись флотилии русов, почему о них ничего не написано в школьных учебниках и, наконец, вообще кто такие русы и откуда они взялись?

Как гласит «Повесть временных лет»: в лето 6370[1] от сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске…

…И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в

этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и теми всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?”» Тамошние же жители ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»[2].

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами[3].

И тут новая загадка – а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье северной Европы, но и на весь средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам было гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений

углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «joisegatoi», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

А что это за «русь», которую по летописи привел Рюрик? Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни и утверждают, что именно там существовал народ рос, или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

Итак, поначалу славяне и византийцы называли русью дружины норманнов и славян, передвигающиеся на гребных судах. Через несколько десятилетий это слово стало ассоциироваться с дружиной киевского князя, а затем – с его владениями и его подданными.

В IX–XI веках многие десятки отрядов норманнов (варягов) приезжали на Русь, часть из них следовала без остановки по знаменитому пути «из варяг в греки», а часть нанималась на службу к русским князьям. Прослужив какое-то время, часть из них возвращалась в Скандинавию, а многих привлекали полноводные реки, могучие леса, красивые славянские девушки, и они оставались, чтобы вместе с местным населением рубить города и громить врагов. Они-то и стали, неважно, в какой пропорции, основой великого народа русского.

Варяги, осевшие на Руси, как правило, обрусевали уже во втором поколении. Для нового поколения русский язык был родным, да и имена у них были славянские. Увы, до нас не дошли семейные предания обрусевших варягов. Но мы можем это понять на многих примерах служилых немцев, шотландцев и др. в Москве в XVI–XVIII веках. Вот, к

примеру, при царе Алексее Михайловиче в Москву приехал служить немец Цыклер, а его сын Иван настолько обрусел, что участвовал в бунте против Петра и введения немецких порядков, за что и был казнен царем.

Если норманны и превосходили славян в военном искусстве, то в остальном они стояли на более низком уровне развития и быстро перенимали элементы славянской культуры. Норманны в Византии и Западной Европе довольно быстро меняли свою религию на христианство, а в Новгороде и Киеве – на славянских богов. Кстати, пантеоны скандинавских и наших богов были довольно схожи. В договорах с Византией варяжский князь Олег, ближайший сподвижник Рюрика, клянется не скандинавскими богами Одином и Тором, а славянскими Перуном и Велесом.

Невысокий культурный уровень варягов-норманнов и их быстрая ассимиляция дали мощные козыри в руки историкам-антинорманистам. С последними можно согласиться в том, что варяги практически не оказали никакого влияния на быт, обычаи, культуру, религию и язык славян. Однако в политике и особенно в военной истории славян варяги сыграли весьма существенную роль.

Таким образом, Русь VIII–IX веков – это смешанные отряды воинов, состоявшие в самых разных пропорциях из этнических скандинавов и этнических славян. То же самое можно сказать и о купцах-русах. Кстати, у русов часто было, что воин становился купцом и наоборот. К X веку норманны практически ассимилируются со славянами, и теперь все славяне считают себя русскими. Разумеется, я привел здесь лишь упрощенную схему становления русского народа. На самом деле все было намного сложнее. Но в эту схему гармонично укладываются все дошедшие до нас письменные свидетельства современников о руссах, все новейшие археологические находки и т. д.

Почему же тогда наши официальные историки не придерживаются этой схемы? Ответ до предела прост – наши историки всегда выполняют социальный заказ – то царей, то генсеков, а теперь «всенародноизбранных».

Официальные царские историки были «примитивными норманистами». Им был нужен сам Рюрик, от которого пошли династия киевских князей, а затем род Ивана Калиты и множество самых знатных княжеских родов Российской империи. А вот славяно-скандинавская Русь была им попросту не нужна, и о ней забыли.

Большевикам не было нужды и в конуге Рюрике, и они поддерживали историков-антинорманистов. Но поскольку у тех в истории IX – X веков

вообще концы с концами не сходились, то в советское время некоторым историкам было позволено использовать и «примитивно-норманистскую» концепцию.

Раскопки варяжских курганов под Новгородом («Рюриково городище»), в Гнездово под Смоленском, в Старой Ладоге, в Угличском кремле, в Тимерево (под Ярославлем) и др. привели к обнаружению большого числа захоронений викингов, их оружия и других предметов. Это подтверждает сведения арабских и византийских историков о многочисленных походах русов по Днепру, Русскому морю, Волге, Каспию и т. д.

Таким образом, в IX – X веках далеко не все русы подчинялись киевским князьям. Например, ни Рюрик, ни Олег, ни Игорь не владели Волгой, а вот русы контролировали весь Волжский торговый путь.

Итак, разобравшись с вопросом, кто такие русы, мы можем перейти к истории Крыма. Первые греческие поселения появились на северном побережье Черного моря в VI веке до н. э. Однако академик Н.Я. Марр, рассматривая цикл мифов, связанных с Понтом, считал вполне возможным, что греки впервые посетили Черное море еще в середине II тысячелетия до н. э.

Возьмем, к примеру, миф об аргонавтах. За 79 лет до начала Троянской войны Язон, сын царя Фессалии Эсона, снарядил корабль «Арго» и с 56 спутниками отправился в Черное море. Достигнув Колхиды, аргонавты при помощи Медеи, дочери колхидского царя, захватили золотое руно – главное сокровище колхов. Золотое руно – это шкура волшебного барана с золотой шерстью, но ценность ее заключалась не в золоте, а в том, что она была предметом религиозного культа.

Троянскую войну археологи датируют XIII–XII веками до н. э. Значит, путешествие аргонавтов можно отнести к XIV – последней четверти XIII веков до н. э.

Так или иначе, но к V–IV векам до н. э. в Крыму уже существовало несколько греческих городов, наиболее крупными из которых были Херсонес, Пантикапей (Керчь) и Феодосия.

В I веке н. э. на Южном берегу Крыма появляются римские гарнизоны, а греческие города становятся союзниками Рима, а позже – Византии.

В конце III – начале IV веков начинается интенсивное переселение племен и народов в Европе, которое продолжалось несколько столетий. В историю оно вошло как «Великое переселение народов».

В III веке н. э. в Крым вторгаются племена готов (ветвь германских племен), а в IV веке – гуннов. Замечу, и тем и другим не удалось покорить

ни греческий город Херсонес, ни горный Крым. Вскоре гунны уходят из Крыма.

В начале VI века началось массовое вторжение славянских племен на территорию Византийской империи. Славяне в 540-м, 547-м, 549-м, 550-м и 556 годах переходили Дунай и опустошали Иллирию, Фракию и все земли от Ионического моря до Константинополя. Несколько раз в VI веке славяне вторгались в Крым и осаждали, правда, безуспешно, Херсонес. Значительная часть славян осталась на полуострове и слилась с местным населением – потомками скифов, готов и гуннов.

В VII веке на Каспии, а затем и на Черном море появляется народ рус (русь). Впервые в арабских источниках русы упоминаются под 643 годом в тексте договора арабов с правителем Дербента. Арабы освободили его от уплаты дани, а взамен он брал обязательство охранять Дербентский проход от северных народов, в числе которых назывались и «русы».

Арабские историки IX–XI веков много пишут о так называемом острове русов, откуда они совершали грабительские походы. В монументальном труде «Древняя Русь в свете зарубежных источников» говорится: «Споры о местонахождении “острова русов” начались еще в прошлом веке и породили огромную историографию, на которую к тому же определенное влияние оказала полемика между норманистами и их оппонентами. Специалисты-востоковеды (Х.Д. Френ, Ф. Шармуа, В.Р. Розен, Ф. Вестберг, В.В. Бартольд, А.П. Новосельцев и другие) помещали его на севере Европы – в Скандинавии, в районе Новгорода, на Верхней Волге. К такому выводу их подталкивал не только анализ самих сообщений об “острове русов”, но и вся совокупность ранних данных о русах в мусульманской литературе, указывающая на их северное происхождение. Иной точки зрения придерживались исследователи-невостоковеды (А.Д. Чертков, Е.Е. Голубинский, Г.В. Вернадский, Б.А. Рыбаков и др.), предлагавшие искать “остров русов” не на севере, а на юге Восточной Европы – в Киеве, в Тмутаракани, в Крыму, в дельте Дуная»[4].

На мой взгляд, наиболее вероятным представляется нахождение «острова русов» на территории будущего Тмутараканьского княжества. Кстати, арабские географы часто именовали Керченский пролив «устьем реки русов», считая пролив как бы продолжением реки Дон (реки русов).

Любопытно, что поначалу арабы именовали Черное море «бахр Бунтус», то есть море Бунтус, происходящее от греческого слова Понт (Понтус), однако позже арабы начинают называть его бахр ар Рус, то есть Русское море. Причем арабские географы различали русов и варягов, так, арабский ученый Бируни упоминает бахр Варанк – море Варяжское, то есть

Балтийское море. Арабский историк Ал-Масуди, которого заслуженно назвали «арабским Геродотом», писал: «…Море Нейтус (Понтус) есть море русов; никто, кроме них, не плавает по нему. А они (русы) живут на одном из его берегов. Они – великий языческий народ, не повинующийся ни царю, ни шариату. Между ними есть купцы, посещающие царство Булгар (вариант): город моря болгар»[5].

Первые достоверные упоминания о нападении русов на византийские города датируются не позднее 842 г.[6].

18 июня 860 г. войско русов внезапно появилось под Константинополем. Русы под началом князя – Аскольда – приплыли на двухстах судах по Черному морю в Босфор из устья Днепра.

Взять Константинополь тогда русам не удалось, но они страшно опустошили окрестности византийской столицы, включая Принцевы острова в Мраморном море, и 25 июня отправились восвояси.

В 964–966 гг. киевский князь Святослав совершил большой поход на Волгу и в Хазарию. Как писал академик Б.А. Рыбаков: «.русские войска воевали в Волжской Болгарии, в земле Буртасов и в Хазарии, где взяли Итиль и древнюю столицу каганата – Семендер на Каспийском море. Затем были покорены народы Северного Кавказа – ясы (осетины) и касоги (адыгские племена). Поход был закончен на Таманском полуострове, который с этого времени стал русской Тмутараканью»[7].

Ряд историков считает, что русское Тмутараканьское княжество возникло не при Святославе, а при его сыне Владимире. Как бы то ни было, но в конце X века обе стороны Керченского пролива принадлежали киевским князьям. При этом русские князья опирались в Тмутараканьском княжестве не столько на свои гарнизоны, сколько на местное русское население.

Не лишены интереса и летописные сведения об осаде в 988 г. князем Владимиром Херсонеса, который удалось взять только с помощью его жителей, раскрывших русским секрет обороны города.

Князь Владимир посадил наместником в Тмутараканьском княжестве своего сына Мстислава. Считается, что развалины города Тмутаракани расположены у станции Тамань на Таманском полуострове. Там найдены остатки каменных стен и по крайней мере двух христианских храмов. Один из них – это церковь Богородицы, построенная в 1023 г. князем Мстиславом Владимировичем.

Точная граница Тмутараканьского княжества в Крыму составляет предмет спора современных историков. Вполне возможно, в его состав

входили и земли за пределами Керченского полуострова. Так, на холме Тепсель близ современного поселка Планерное в Крыму археологи обнаружили славянское поселение XII–III веков. Отрытый на холме христианский храм по своему плану близок к храмам Киевской Руси[8].

15 июля 1015 г. князь Владимир Красное Солнышко скончался. Его многочисленные сыновья начинают большую усобицу[9]. Мстислав Тмутараканьский поначалу держит нейтралитет в войне. Но, разделавшись с другими братьями, Ярослав Мудрый в 1023 г. идет войной на Мстислава. В ходе кровопролитной битвы у города Листвена Мстислав наголову разбил дружину Ярослава, состоявшую в основном из варяжских наемников. В конце концов братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную сторону с Киевом. «И начали жить мирно, в братолюбстве, перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в Земле», – говорит летописец.

В 1036 г. князь Мстислав Владимирович умер, не оставив наследника. Поэтому все его земли попали под власть брата Ярослава. Тмутараканьское княжество вошло в состав Черниговского княжества.

Последовавшая за смертью Ярослава Мудрого усобица не обошла и Тмутаракани, которая то становилась независимой, то вновь попадала под власть черниговских князей. После 1094 г. Тмутаракань в русских летописях не упоминается. Примерно в это время княжество было захвачено половцами.

Глава 2
Как Таврида стала татарским Крымом

Первый набег на Тавриду (Крым) татары совершили в 1223 г. в ходе похода темника Субэдэя против половцев. Тогда дело ограничилось разграблением Судака (Сугдеи).

При Батые татары произвели еще несколько набегов – в 1238-м, 1248-м и 1249 годах. В конце концов татары подчинили себе Судак, обложили его данью и посадили туда наместника. А в Солхате (Старый Крым) во второй половине XIII века обосновалась татарская администрация, город же татары переименовали в Кырым. В XIV веке название города Кырым перешло постепенно на весь полуостров Таврида. С конца XIII происходит исламизация татарского населения Крыма.

Поначалу татарское влияние ограничивалось лишь Восточным Крымом, причем зависимость от татар не шла дальше выплаты дани, поскольку татары кочевники еще были не в состоянии экономически господствовать в жизни края.

На юге полуострова по-прежнему существуют венецианские и генуэзские города-колонии, возникшие еще в начале XIII века в связи с захватом в 1204 г. Константинополя крестоносцами.

Между итальянцами и татарами неоднократно возникали конфликты, но в целом улусские эмиры терпели поражение. С одной стороны, прибрежные города-крепости были хорошо укреплены и могли получать подкрепление с моря, а с другой стороны, торговля с итальянцами приносила эмирам неплохие барыши, так зачем же резать курицу, несущую золотые яйца.

В 1292 г. между Венецией и Генуей началась семилетняя война, закончившаяся победой Генуи. В 1299 г. республики заключили «вечный мир», по которому единственным владельцем итальянских колоний в Крыму стала Генуя.

На Южном берегу Крыма татары впервые появились в 1299 г., когда орда хана Ногая[10] разрушила Херсонес. В начале XIV века татары постепенно начинают оседать в Крыму. В это время в восточном (около Судака) и юго-западном районах Крыма появляются первые феодальные поместья полуоседлой татарской знати – беев и мурз. И только в конце XVI века, а особенно в XVII–XVIII веках переход к оседлому земледелию у

татар принял массовый характер. Процесс этот шел повсеместно как в Восточном, так и в Западном Крыму. В районе Бахчисарая еще на рубеже XIII–XIV веков возник татарский бейлик (вотчинное землевладение) бея из рода Яшлавских. Бейлик этот представлял собой полунезависимое княжество с центром в Кырк-ор (Чуфут-Кале).

В первой половине XV века Золотая Орда не только фактически, но и формально перестала быть единым государством, распавшись на отдельные ханства, где утвердились собственные династии. Среди отдельных ханств был и Крымский улус Золотой Орды.

Основатель династии Гиреев Хаджи-Девлет Гирей родился в 20-х годах XV века в литовском замке Троки, куда бежали его родственники в ходе ордынских усобиц.

Хаджи Гирей был не то сыном, не то внуком золотоордынского хана Таш-Тимура. Сам Таш-Тимур был прямым потомком Тукой-Тимура, тринадцатого сына хана Джучи и внука Чингисхана. Поэтому впоследствии Гиреи считали себя Чингизидами и претендовали на власть над всеми государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды.

В Крыму Хаджи Гирей впервые появился в 1433 г. По мирному договору от 13 июля 1434 г. генуэзцы признали Хаджи Гирея крымским ханом. Однако через несколько месяцев ногайский хан Сейид-Ахмет выбил Гирея из Крыма. Гирей был вынужден бежать на «родину» в Литву. Там в 1443 г. он и был провозглашен крымским ханом. Затем при военной и финансовой поддержке великого литовского князя Казимира IV Гирей двинулся в Крым. Вновь став крымским ханом, Хаджи Гирей сделал своей столицей город Крым-Солхат. Но вскоре Сейид-Ахмет вновь изгнал Хаджи Гирея из Крыма. Окончательно Хаджи Гирей стал крымским ханом лишь в 1449 г.

В Крыму Хаджи Гирей основал новый город Бахчисарай («Дворец в садах»), ставший при его сыне Менгли Гирее новой столицей государства.

А между тем на другом краю Черного моря 29 мая 1453 г. турецкий султан Мехмед II взял Константинополь. Так окончательно пала Византия – наследница Римской империи. По приказу султана главный храм империи и всего православного мира – собор Святой Софии – был обращен в мечеть.

С момента своего восшествия на престол Мехмед II мечтал стать наследником Римской империи. Завоевание Константинополя материализовало его мечты. Как уверял Мехмеда греческий историк Георгий Трапезундский: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица Римской империи».

Мехмед II одновременно объявил себя Римским императором, наследником Августа и Константина, и падишахом, что по-персидски означает «тень бога на земле».

Еще до падения Константинополя греческая православная церковь приняла унию с католиками. Перед непосредственным нападением турок византийский патриарх Григорий Мамма бежал в Рим. Понятно, что, заключив унию, греческие иерархи надеялись на помощь Запада в борьбе с неверными. Однако ни римский папа, ни западноевропейские монархи ничем так и не помогли погибающей Византии.

Мехмед II решил использовать греческую церковь для решения своих внутренних и внешних проблем. По его приказу был сыскан среди пленных монах Геннадий Схоларий, который ранее возглавлял оппозицию унии с Римом. В январе 1454 г. Мехмед II возвел Геннадия в сан константинопольского патриарха. Причем султан взял на себя все функции византийских императоров по отношению к православной церкви. Султан лично преподнес Геннадию атрибуты, отличающие его сан, – мантии, пасторские принадлежности и новый позолоченный нагрудный крест из серебра взамен исчезнувшего старого. Затем Мехмед благословил Геннадия словами: «Будь патриархом со счастливой судьбой и будь уверен в нашей дружбе, сохраняя все привилегии, которые имели все патриархи до тебя».

Так в православной церкви стало сразу два патриарха – один в католическом Риме, а другой в Стамбуле.

А как отнеслись на Руси к падению Второго Рима? Начну с того, что Русь оказывала серьезную материальную помощь Византии в XIV и начале XV веков. Так, только в 1395–1396 гг. московский, тверской и другие русские князья отправили в Царьград огромную по тем временам сумму – 20 тысяч рублей. При этом не будем забывать, что в те годы Русь платила и огромную дать Золотой Орде.

Но в середине XV века денежный поток в Константинополь резко сократился. На Руси шла большая гражданская война. Вдова великого князя московского Василия I Дмитриевича Софья Витовтовна и ее сын Василий II воевали за московский престол с братом Василия I Юрием Дмитриевичем и его сыновьями.

С 1448 г. московские князья сами начали ставить русских митрополитов, без санкции Константинополя. С 1480 г. Московское государство стало уже де-юре не зависимым от Золотой Орды.

И теперь Москва сумела ответить на идеологический вызов турецких султанов. Ведь султаны вполне серьезно считали себя повелителями всех мусульман, в том числе и в Крыму, Казани, Астрахани и даже в Касимове,

под боком у Москвы. Бороться с идеологической агрессией только с помощью пушек было довольно бесперспективно, поэтому русские начали ответное идеологическое наступление под лозунгом «Москва – Третий Рим».

В окончательном варианте этот тезис прозвучал в послании монаха псковского Елизарова монастыря Филофея в 1514 г. к великому князю Василию III. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый – Константинополь, а в последнее время на их месте стал Третий Рим – Москва. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертого не бывать», – писал Филофей. Заметим, что Филофей знал, к кому обращаться. Мать Василия III София Палеолог была племянницей последнего византийского императора.

Филофей был не одинок. Одним из самых серьезных его соавторов в идее Третьего Рима оказался… римский папа Лев X. Стоит привести дословно послание папы к Василию III, отправленное в 1517 г.: «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с римскою церковью, не умаляя и не переменяя их добрых обычаев и законов, хочет только подкрепить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь греческая не имеет главы; патриарх константинопольский в турецких руках; папа, зная, что на Москве есть духовнейший митрополит, хочет его возвысить, сделать патриархом, как был прежде константинопольский; а наияснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем. А если великий князь захочет стоять за свою *отчизну* константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы».

Итак, вопреки всем ненавистникам России первым овладеть Константинополем предложил римский папа. А по канонам католической церкви римский папа непогрешим, то есть не может ошибаться.

Надо ли говорить, что замена московского герба с Георгием Победоносцем на новый с двуглавым орлом была предложена исключительно для внешнего потребления, чтобы доказать, что Россия является Третьим Римом и наследницей Византии. Для Византии двуглавый орел означал раздел Римской империи на Западную и Восточную, а для России этот символ был довольно странным. Также для внешнего потребления Иван IV сам себя объявил царем (искаженное от «цезарь»). В России никаких кесарей ранее не водилось, и власти Ивану от нового титула не убавилось, не прибавилось. Это тоже была претензия на византийское наследство.

Итак, к концу XVI века две великие империи – Россия и Порта, – еще не имея общей границы, стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных мусульман, а царь – защитником миллионов православных турецких подданных и владельцем константинопольской вотчины, которая по совместительству была султановой столицей.

Но мы забежали вперед, и сейчас придется вернуться в середину XV века. Став хозяином Босфора, султан Мехмед II, естественно, решил овладеть и всем Черным морем. Кстати, именно турки назвали Русское море Черным, а, соответственно, Эгейское море турки назвали Белым. Между прочим, в России в XVII – первой половине XIX веков Эгейское море также именовали Белым. У историков нет единого мнения, почему турки так назвали оба моря. Одни утверждают, что это связано с цветом моря, другие считают, что черный и белый цвета у мусульман ассоциировались со сторонами света.

В 1461–1464 гг. султан Мехмед II захватил все черноморское побережье Малой Азии, включая города Синоп и Трапезунд. Затем настала очередь Крыма.

Глава 3
«Чтоб тебя крымская сабля посекла!»

По указаниям царей и генсеков наши ученые мужи обращались с отечественной историей, как с публичной девкой. Но независимо от них в народной памяти всегда оставались самые важные события. Так, еще в середине XIX века самым страшным ругательством малороссийских крестьян было: «Чтоб тебя крымская сабля посекла!»

А вот в советской исторической литературе истории Крыма с античных времен до XIII века посвящены десятки изданий, а по истории Крымского ханства не было издано ни единой книги до 1990 г. В изданиях же по русской истории авторы лишь вскользь касались Крымского ханства.

Это было связано как с депортацией крымских татар в 1944 г., так и с несоответствием истории ханства марксизму-ленинизму. Марксисты считали, что в Средние века существовало два класса – феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и К°, не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира.

Когда говорят «феодализм», «капитализм», «социализм» и т. п., автоматически подразумевается, что основной способ производства – феодальный, капиталистический или, соответственно, социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным же способом производства был грабеж соседей. Такой способ производства не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII–XIX веке вообще не было. Вот, к примеру, Швеция и Русь вели между собой почти два десятка больших и малых войн. В ходе боевых действий обе стороны жгли и грабили деревни, насиловали женщин, убивали мирных жителей. Но все это было побочными продуктами войны. Целью же войны было подписание мира, сопряженного с территориальными приобретениями, льготами в торговле и т. п. Средством достижения мира было уничтожение вооруженных сил неприятеля и взятие его крепостей. За несколькими годами войны между Швецией и Россией следовали лет 50 мира, а то и 100–200 лет. То же самое было и у других европейских государств, например, у Франции и Испании.

Крымские же татары совершали набеги на соседей практически

ежегодно. Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника. Их стратегическая и она же тактическая цель войны – награбить и благополучно увезти награбленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал историк Д.И. Яровицкий: «Недостатков в таких охотниках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин: бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления»[11].

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях составляло 560 тысяч человек обоего пола или 280 тысяч человек мужского пола. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымский хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет Гирей вел с собой на Русь и по 120 тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, как утверждали советские историки, а, собственно, все без исключения мужское население Крыма. Это, кстати, подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из России, Украины, Польши и других стран.

Между прочим, Маркс и Энгельс не стеснялись называть крымских татар разбойниками. Но вот наши отечественные марксисты так и не решились выговорить это слово ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве.

Татарские войска хорошо описаны французским военным инженером Г. де Бопланом, состоявшим с 1630 по 1648 г. на польской службе, и полковником Кристофом Манштейном, состоявшим в 1727–1742 гг. на русской службе. Обе книги были написаны во Франции и Германии, соответственно, то есть не подлежали цензуре польского и русского правительства и могут считаться сравнительно объективными источниками.

Зимой татары шли всегда более многочисленным войском, чем летом. Причиной этого, главным образом, было то, что летом татары не всегда могли скрыть следы движения свое конницы по высокой степной траве, не всегда успевали обмануть бдительность сторожевых казаков и, наконец, летом татары были менее свободны, чем зимой. Татары шли в поход всегда

налегке: они не везли с собой ни обозов, ни тяжелой артиллерии. Повозок, запряженных лошадьми, татары не терпели даже у себя дома, обходясь в случае необходимости волами или верблюдами, совершенно непригодными для быстрых набегов на христианские земли. Татарские лошади, число которых доходило до двухсот тысяч голов, довольствовались степной травой даже в зимнее время, приученные добывать себе корм, разбивая снег копытом. Огнестрельного оружия татары не употребляли, предпочитая неверным выстрелам из ружей меткие выстрелы из луков. Стрелами же они так отлично владели, что, по словам очевидцев, могли попадать на всем скаку в неприятеля с шестидесяти и даже со ста шагов. Зато лошадей в поход они брали значительно больше, чем какие-либо другие степные народы. Каждый татарин вел с собой в поход от трех до пяти коней, а все вместе – от 100 тысяч до 300 тысяч голов. Это объясняется, с одной стороны, тем, что часть лошадей шла татарам в пищу, а с другой стороны, тем, что всадники имели возможность заменять усталых лошадей свежими, что значительно увеличивало скорость передвижения войска.

В ходе подготовки к набегу татары запасались оружием, продовольствием, возможно большим количеством верховых лошадей. Татары очень легко одевались: рубаха из бумажной ткани, шаровары из нанки, сафьяновые сапоги, кожаные шапки, иногда овчинные тулупы. Вооружались татары только ручным холодным оружием, то есть брали с собой сабли, луки, колчаны с 18 или 20 стрелами, нагайки, служившие им вместо шпор, и деревянные жерди для временных шатров. Кроме того, к поясу привешивали нож, кресало для добывания огня, шило с веревочками, нитками и ремешками, запасались несколькими кожаными сыромятными веревками 10–12 метров длины для связывания невольников и астрономическим инструментом, заменявшим собой компас, для определения точек горизонта в безориентирной степи. Кроме того, каждый десяток татар брал с собой котел для варки мяса и небольшой барабанчик на луку седла. Каждый в отдельности татарин брал свирель, чтобы при необходимости созывать товарищей, привешивал деревянную или кожаную бадью, чтобы самому пить воду или поить из нее лошадь. Знатные и богатые татары запасались кольчугами, очень ценными и редкими у татар. Для собственного пропитания каждый татарин вез на своем коне в кожаном мешке некоторое количество ячменной или просяной муки, которую называли толокном и из которой, с добавлением к ней соли, делали напиток пексинет. Кроме того, каждый татарин вез с собой небольшой запас поджаренного на масле и подсушенного на огне в виде сухарей теста. Но основной пищей татар в походе была конина, которую они получали во

время пути, убивая изнуренных и не годных к бегу, а иногда и издохших коней. Из конины татары делали различные кушанья: смесь крови с мукой, сваренной в котле; тонкие круги мяса, пропотевшие и подогретые под седлом на спине коня в течение двух-трех часов; и большие куски мяса, сваренные с небольшим количеством соли, которые ели вместе с накипевшей от воды пеной в котле.

Вообще татары старались не обременять своих лошадей, поэтому больше заботились о них, чем о себе. «Коня потеряешь – потеряешь голову», – говорили они в этом случае, хотя в то же время мало кормили своих лошадей в пути, считая, что они без пищи лучше переносят усталость. С этой же целью татары одевали на своих коней самые легкие седла, которые в пути служили всаднику для различных целей: нижняя часть, называемая тург-чио, то есть сбитый из шерсти войлок, служил ковром; основа седла – изголовьем; бурка, называемая капуджи или табунчи, при натягивании ее на воткнутые в землю жерди служила шатром.

Татары сидели на своих лошадях, согнувшись спиной, «подобно обезьянам на гончей собаке», потому что слишком высоко подтягивали к седлу стремена, чтобы тверже, по их мнению, опираться и оттого крепче сидеть в седле. Сидя верхом, татары мизинцем левой руки держали уздечку, остальными пальцами той же руки держали лук, а правой рукой быстро пускали стрелы назад и вперед.

Встретив на своем пути реку, татары переплывали ее, сделав из камыша плот, который привязывали к хвосту лошади и на который клали все свое имущество. Сами же, раздевшись донага, хватались одной рукой за гриву коня, понуждая его к скорейшей переправе через реку, другой рукой гребли и быстро переправлялись с одного берега на другой. Иногда вместо импровизированных плотов татары применяли лодки, поперек которых клали толстые жерди, к жердям привязывали лошадей, одинаковое число, для равновесия, с каждой стороны. Внутрь лодки они складывали свои вещи и таким способом переправлялись через реку. Переправы татары совершали всем строем, растянувшись вдоль реки иногда километра на два.

Татарские лошади, называемые бакеманами, не подковывались. Только знатные вельможи и некоторые мурзы подвязывали своим коням толстыми ремнями вместо подков коровьи рога. Бакеманы в основном были малорослы, поджары и неуклюжи. Исключение составляли красивые и сильные кони знатных вельмож. Зато бакеманы отличались необыкновенной выносливостью и быстротой. Они в состоянии были проскакать в один день без отдыха и усталости 85—130 километров.

В походе татарин всегда имел трех и более коней: на одном сидел, а

двух других вел с собой в поводу для перемены в случае усталости. Если какой-либо конь утомлялся, не мог нести всадника и даже следовать за ним, то такого бросали в степи и на обратном пути находили его в хорошем состоянии.

Сами всадники отличались легкостью, проворством и ловкостью. Несясь во весь опор на коне во время преследования врагом и чувствуя изможденье коня под собой, татарин мог на всем скаку перебросится с одного коня на другого и мчаться безостановочно дальше. Конь же, освободившийся от всадника, тут же брал вправо и продолжал скакать рядом с хозяином, чтобы в случае усталости второй лошади вновь взять хозяина на свою спину.

Походы татар были зимние и летние.

Зимние походы предпринимались, чтобы избежать лишних трудностей во время водных переправ и дать возможность некованым лошадям бежать по мягкой снежной равнине. Для зимних походов выбиралось время около января или в январе, когда ровные степи покрывались глубоким снегом и не было никакой опасности от гололедицы для татарских лошадей. В гололедицу татарские неподкованные кони скользили, падали, калечили себе ноги и оказывались бессильными против запорожской конницы. Кроме гололедицы, татары избегали и жестоких степных морозов, от которых они гибли сотнями и даже тысячами и спасались только тем, что разрезали брюха у лошадей, залезали вовнутрь и грелись.

Число всадников, отправившихся в поход, зависело от того, какого звания было лицо, стоявшее во главе похода. Если шел сам хан, то с ним двигались 80 тысяч человек. Если шел мурза, то 50 или 40 тысяч человек.

Перед началом похода делался подробный смотр войска, и только после этого позволялось выступить в поход. Вся масса войска двигалась не отдельными отрядами, а длинным узким рядом, растягиваясь на 4—10 миль, имея фронт в 100 всадников и 300 коней, а центр и арьергард – в 800 всадников или 1000 коней, при длине от 800 до 1000 шагов.

Во время наступательного похода, пока татары были в собственных владениях, они шли медленно, не более шести французских миль в день, хотя в то же время рассчитывали так, чтобы возвратиться в свои владения до вскрытия рек, всегда губительного для поспешно уходившего татарского войска, обремененного добычей и пленниками. Продвигаясь медленно вперед, татары в то же время применяли все меры предосторожности, чтобы обмануть сторожевых казаков и скрыть от них все следы своего передвижения. Для этого татары выбирали глубокие балки или низменные лощины, вперед отрядов высылали ловких и опытных наездников для

поимки “языков”, при ночных остановках не разводили огней, завязывали морды лошадям, не позволяя им ржать. Ложась спать, привязывали лошадей арканами к рукам, чтобы можно было в случае внезапной опасности сейчас же поймать коня, сесть на него и бежать от неприятеля.

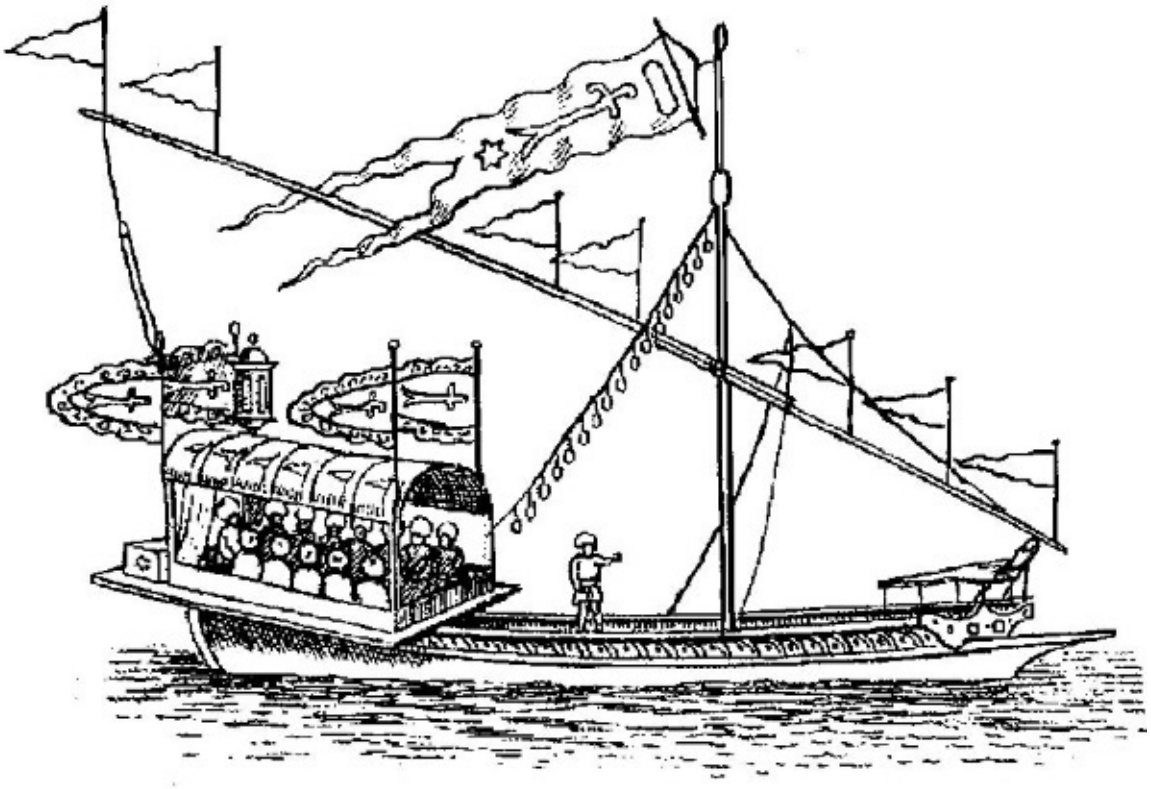
При общем движении татары время от времени останавливались, спрыгивали со своих коней, «pour donne loisir à leurs chevaux d’uriner»[12] – и лошади их в этом случае так были выдрессированы, что тотчас это делали, как только всадники сходили с них. Все это происходило «в полчетверть» часа, после чего всадники снова двигались в путь.

Медленность движения татар, страшная масса лошадей и людей, молчаливость и сдержанность их в пути, темное вооружение всадников наводили ужас даже на самых смелых, но не привыкших к такому зрелищу воинов.

Впервые в союз с турками вступил крымский хан Хаджи Гирей в 1454 г., всего через несколько месяцев после падения Константинополя. В июне 1456 г. была проведена первая совместная турецко-татарская операция против генуэзцев в Кафе (современная Феодосия). Эта акция закончилась подписанием мирного договора, согласно которому, генуэзцы стали платить дань туркам и татарам.

А в мае 1475 г. турецкая эскадра под командованием верховного визиря Кедука-паши высадила десант в Кафинском заливе. С берега десант поддерживали татарские отряды Менгли Гирея. На пятый день Кафа пала. Город стал называться по-турецки – Кефе. Он стал главным опорным пунктом Турции в Крыму. Турецкие войска разгромили и заняли княжество Феодоро и все города Южного побережья Крыма. С генуэзским присутствием в Крыму было покончено. Затем турки захватили Таманский полуостров.

Весной 1484 г. объединенные войска султана Баязида II и крымского хана Менгли Гирея напали на Польшу. 14 июля 1484 г. они захватили важнейший порт в устье Дуная – крепость Килию, 4 августа заняли Аккерман (современный Белгород-Днестровский) – крепость в устье Днестра. Теперь Турция и Крымское ханство владели всем побережьем Черного моря от устья Дуная до устья Днестра. Во всех завоеванных городах были оставлены большие турецкие гарнизоны. Крымские татары на захваченных землях образовали свое государство Буджицкую Орду.

Турецкая галера начала XVII века

23 марта 1489 г. Польша подписала мирный договор, по которому Турция оставляла за собой захваченные земли в Северном Причерноморье.

Таким образом, в конце XV века Турции удалось закрепиться в Крыму и Северном Причерноморье. Крымское ханство на 300 лет стало вассалом Турции. Большинству отечественных историков зависимость Крымского ханства от Оттоманской империи представлялась минимальной. Кстати, также думали беи и простые татары. Дело в том, что интересы Турции и Крымского ханства в подавляющем большинстве вопросов совпадали. Фактически ханство находилось на длинном, но жестком поводке Стамбула. Султан был религиозным главой крымских мусульман. Многие члены семьи Гиреев постоянно жили в Турции, и у султана всегда было в запасе несколько претендентов на ханский престол. Для ханства Стамбул являлся фактически единственным окном в мир. Турция была единственным скупщиком захваченных татарами пленных и награбленного имущества (если не считать выкупа за пленников). И, наконец, Турция была «крышей» разбойничьей конторы «Гирей и К°». Не будь Оттоманской империи, Россия и Речь Посполитая, поодиночке или объединившись,

сумели бы покончить с этой «конторой» еще в XVI веке или по крайней мере в XVII веке.

Все это накрепко привязало Бахчисарай к Стамбулу, куда крепче, чем, к примеру, Алжир или Египет, которые формально были частями Оттоманской империи.

Крымские татары стали на три века страшным бедствием для Московского государства и Польши.

Вот краткая хроника нападений татар на Малую Россию. В 1447 г. и 1452 г. – походы на Подолию, в 1453, 1462 и 1469 годах разорение Волыни. В конце лета 1482 г. хан Менгли Гирей с огромной ордой ворвался в Киевскую землю. Татары осадили Киев, штурмом взяли его замок, ограбили и сожгли город, увели в неволю множество жителей.

В 1489 г. крымские татары несколько раз вторгались на Подолию. Она была опустошена ими и в 1494 г. В Каменце, например, как видно из описания подольских замков, все его укрепления и строения были разрушены, запасы оружия и продовольствия уничтожены.

В 1498 г. татарское войско вместе с турецким разорило Галичину и Подолию, захватив в плен около 100 тысяч человек.

В 1499 г. крымская орда вновь разграбила Подолию.

В первой половине XVI века, как и раньше, Крымское ханство было неспособно само обеспечить себя продовольствием. Ханы абсолютно не заботились о развитии экономики ханства, видя источник существования государства и своего обогащения в грабеже других народов и в войнах.

Когда турецкий султан однажды запретил крымскому хану Мухаммеду Гирею I (1513–1523) нападать на дружественные ему тогда государства, тот цинично спросил сюзерена: «Не велишь поити на московского и волошского (князей), чем быть (тогда) сыту и одету?»

Не менее страдало от набегов и Московское государство. Так, в 1521 г. хан Мухаммед Гирей подошел к Москве и раскинул стан на Воробьевых горах. Московские бояре и царевич Петр вступили в переговоры с Гиреем. Оказавшись в сложном положении, Василий III был вынужден подписать унизительный мирный договор – формально признать зависимость Московского государства от крымского хана и платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам Золотой Орды.

Крымские татары гонят пленных, захваченных на Руси

По людским потерям поход Мухаммеда Гирея был сопоставим с Батыевым нашествием. Хан похвалялся, что взял у московского государя 800 тысяч пленников.

Весной 1572 г. хан Девлет Гирей I собрал 120-тысячную орду и двинулся на Русь.

Иван Грозный поспешил уехать «по делам» в Александровскую слободу, а оттуда – в Ростов. При этом в походе хана он обвинил «изменников бояр», назвавших татар.

Крым и Дикое поле в конце XVII века

24 мая хан подошел к Москве. В предместьях города завязался бой, и татары сумели поджечь окраины Москвы. Были сильный ветер и жара, и за три часа пожар истребил громаду сухих деревянных строений. Уцелел только Кремль. По сведениям иностранцев, в огне погибли до 800 тысяч человек. Данные эти, видимо, преувеличены, но не следует забывать, что в Москву, спасаясь от татар, сбежало много народу из окрестностей. По русским данным, людей погорело бесчисленное множество. Митрополит с духовенством просидели в соборной церкви Успения. Первый боярин, князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе. Других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: специально были поставлены люди

спускать трупы вниз по реке. Хоронили только тех, у кого были родственники или знакомые.

В XVI–XVII веках борьбу с татарами и турками параллельно вели Московское государство и вольные русские люди – запорожские и донские казаки.

Тульский участок Большой засечной черты

Вольные казаки и государство в XVI–XVII веках в большинстве случаев действовали независимо друг от друга. Причем стратегия Московского государства в борьбе с Крымом сводилась к пассивной обороне (за редкими исключениями), а казаки предпочитали молниеносные войны.

Уже при великом князе Василии III в 1512 г. была составлена первая «роспись» русских полков для обороны «крымской украины». Воеводы с полками размещались вдоль Оки – в Кашире, Серпухове, Тарусе, Рязани, «на Осетре», и по берегу Угры. В 1513 г. пять полков были направлены в Тулу.

Охрана «берега» от татарских набегов стала общегосударственной повинностью. На Оку прибывали отряды из самых отдаленных областей Руси. Например, отряд из Великого Устюга стоял «на перевозе на Кашире», а потом «стояла сила устюжская заставою на стороже на Оке, на устье реки

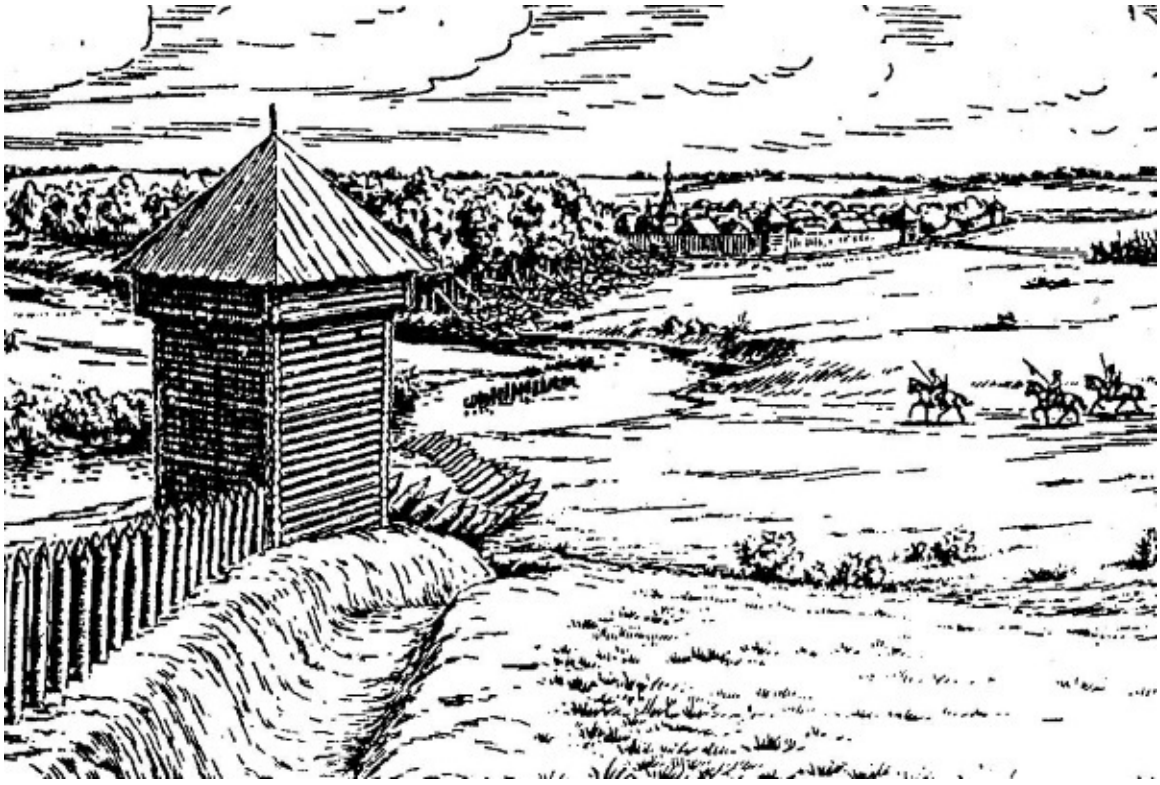
Угры от Орды». Отряды, оборонявшие «берег», формировались из «детей боярских», «посошных» и «пищальников».

В начале XVI века оборона Московского государства от татар включала в себя укрепленные линии по берегам рек Оки и Угры, где стояли русские полки, и действия «легких воевод» «за рекой».

В XVI–XVII веках считалось успехом, если московские воеводы останавливали крымцев на Оке, а это сделать удавалось, увы, не всегда.

С 1580 г. по 1590 г. русские строят южную линию городов-крепостей – Белгород, Воронеж, Валуйки, Елец, Кромы, Курск, Лебедянь, Ливны, Оскол, Царев-Борисов. Города-крепости соединялись между собой малыми укреплениями и «засечными чертами». «Засечные черты» представляли собой в 100 метров шириной полосы поваленных верхушками на юг деревьев, укрепленные валами. Вдоль всей черты располагались дозорные вышки и укрепленные пункты – остроги. Эти меры в известной степени ослабили набеги татар, прорывы крымцев к Оке стали редкостью.

Смута на Руси в начале XVII века существенно ослабила обороноспособность государства. С 1607 г. по 1618 г. татары разрушили города Болхов, Данков, Дедилов, Елец, Епифань, Калугу, Карачев, Козельск, Крапивну, Кромы, Лебедянь, Мещерск, Михайлов, Ливны, Лихвин, Перемышль, Путивль, Орел, Оскол, Ряжск, Серпухов, Серпейск, Царев-Борисов, Чернь, Шацк.

Оборонительное сооружение засечной черты

В июле 1632 г. 20-тысячное татарское войско разграбило Елецкий, Карачевский, Ливенский, Мценский, Новосильский и Орловский уезды. Только в октябре татары ушли домой. В июне 1633 г.

20-тысячное татарское войско во главе с Мубарек Гиреем разорило приокские уезды – Алексинский, Калужский, Каширский, Коломенский, Серпуховской, Тарусский и даже Московский за Окой.

В ответ Московское правительство в 1635 г. начало грандиозные по своим масштабам строительные работы на новой линии – Белгородской черте, протянувшейся на 800 км от реки Ворсклы (приток Днепра) до реки Челновой (приток Цны). Это была сплошная укрепленная линия с вновь построенными десятками крепостей, с валами и рвами. «Белгородская черта» проходила от Ахтырки через Вольный, Хотмышск, Карпов, Белгород, Корочу, Яблонов, Новый Оскол, Уверд, Ольшанск, Воронеж, Орел, Усмань, Сокольск, Добрый, Козлов до Тамбова. Строительство ее было в основном завершено к 1646 г., а доделки продолжались еще 10 с лишним лет.

При царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче были построены еще две засечные черты – Симбирская (1648–1654) и

Сызраньская (1683–1684). Строительство защитных линий

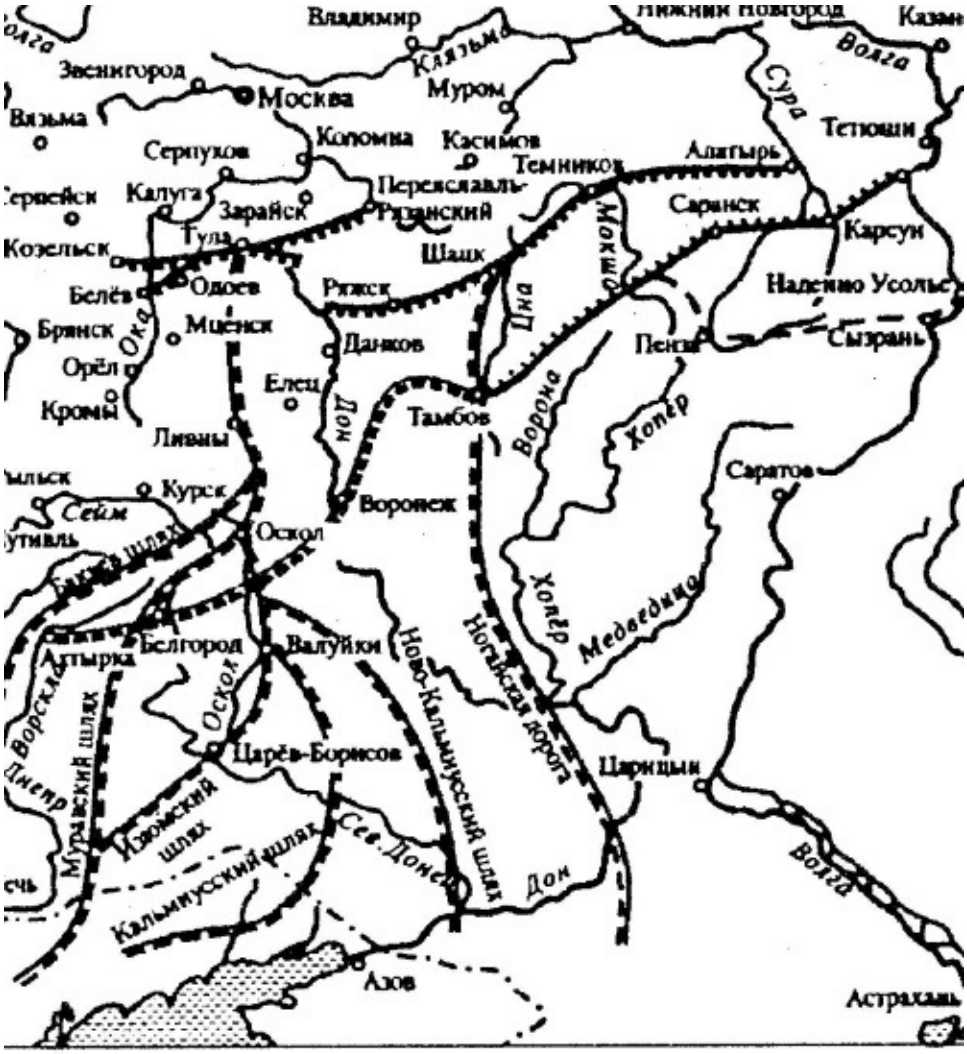
продолжалось вплоть до присоединения Крыма к России.

Однако, несмотря на мужество русских воевод и простых ратников, несмотря на огромные средства, вложенные в строительство защитных линий, татарские набеги не прекращались. Только в первой половине XVII века татары увели в плен 150–200 тысяч человек.

Муравский шлях. Схема набегов татар на южные границы Московского государства

Огромные суммы ежегодно выплачивала Русь крымским ханам и мурзам в качестве «поминок». Московское государство брало на себя все расходы на содержание татарских послов. За первую половину XVII века на эти цели было израсходовано из московской казны около миллиона рублей, то есть в среднем по 26 тысяч рублей в год. Деньги по тем временам огромные – на них можно было построить четыре новых города.

Засечные черты Руси в XV–XVII веках

Причина была в неверной стратегии русских царей. Оборона хороша только тогда, когда она непроницаема для противника или по крайней мере

наносит неприемлемый уровень потерь ему. Причем последнее справедливо только для цивилизованного противника. Для войны с татарами эффективной могла быть только наступательная тактика. Причем все нормы так называемого военного или международного права тут неприемлемы. Они годятся только для Европы, и дело тут не в расизме, а в здравом смысле. Возьмем, для примера, деревушку Артаньян на юге Франции. Из ее жителей в течение многих столетий воевало только одно семейство – дворяне д’Артаньяны, а прочие обитатели деревни только кормили их. Когда деревню занимали испанцы, жители кормили испанцев и т. д. Поэтому убийство мирных жителей противоречило здравому смыслу, и, соответственно, сформировались нормы морали и права. Жители же селения, живущие столетиями разбоем, все являются разбойниками. Пресечь бандитизм временно можно, поставив рядом крепкий гарнизон, но как только гарнизон уйдет, разбои возобновятся. Навсегда же покончить с разбоем можно, только уничтожив все население или, изолировав мужчин, ассимилировать женщин и детей с мирным населением.

Глава 4
Присоединение Крыма и основание Севастополя

В 1768 г. Турция объявила войну России. Однако боевые действия начались лишь в январе 1769 г., когда 70-тысячная орда хана Крым Гирея вторглась в русские пределы. Это был последний набег татар на Русь. Екатерина Великая приказала занять Крым Второй армии, командующим которой был назначен князь Василий Михайлович Долгоруков.

Сосредоточение войск на Днепровской линии закончилось к концу мая. 27 мая Сивашский отряд двинулся к Геническу, а главный корпус 9 июня начал движение к Перекопу. 12 июня он вышел к крепости Орь, а в это время Сивашский отряд начал погрузку на корабли Азовской флотилии вице-адмирала А.Н. Сенявина.

Укрепления Перекопа защищали 50 тысяч татар и 7 тысяч турок под начальством крымского хана Селим Гирея III.

Разделив свой корпус на семь колонн, Долгоруков в ночь с 13 на 14 июня начал штурм Перекопской линии. Две колонны действовали в центре, одна – против левого фланга, а четыре – против правого фланга перекопских укреплений. Главные удары наносились по слабым участкам, в то время как на сильно укрепленных участках производились только демонстрации, отвлекающие противника от направления главного удара. К 15 июня Перекопская линия пала, а гарнизон крепости Орь капитулировал. Так же успешно действовал Сивашский отряд, который высадился на косе 17 июня, а в ночь на 18 июня штурмом овладел крепостью Арабат. Действия войск прикрывались с моря эскадрой Сенявина.

После разгрома татарских войск на Перекопе Селим Гирей бежал в Румелию, поручив защиту Крыма Ибрагиму-паше. Последний предлагал сначала защищаться в Карасубазаре, но затем отошел к Кафе, надеясь на прибытие подкреплений из Константинополя.

29 июня основные силы Долгорукова подошли к Кафе и начали бомбардировку ее укреплений. Стоявшие на рейде турецкие корабли после обстрела русской артиллерией ушли в море.

Русские войска стремительно атаковали Кафу, и комендант отдал приказ сдать крепость. Турки под Кафой потеряли около 3500 человек. Считается, что турок и татар там было 95 тысяч, но, по мнению автора, эта цифра явно преувеличена. Тем не менее численность неприятеля существенно превышала число русских.

Узнав о взятии Кафы, турки, находившиеся в Керчи, поспешили отплыть на кораблях в Стамбул. Русские войска без боя заняли Керчь и Еникале.

22 июня отдельным отрядом генерала Брауна был взят Козлов (Евпатория). Вскоре русские войска заняли восточный и южный берега Крыма, включая Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар.

Быстрое продвижение русских войск в Крыму в известной степени было обусловлено раздорами среди татар. Так, еще до начала похода Долгорукова едисанцы, бубжаки и джамбулуки (орды, кочевавшие в Северном Причерноморье) объявили себя сторонниками России. В худшем случае они держали нейтралитет. Естественно, что тут не обошлось без подкупа. Толька едисанской орде Екатерина отстегнула 14 тысяч рублей якобы за обиды, чинимые орде запорожцами.

В самом Крыму после бегства Селим Гирея царило безвластие. Несмотря на продолжение боевых действий, с конца июня крымская верхушка находилась в переписке со штабом Долгорукова. Фактически с конца июля большая часть крымских татар согласилась на перемирие.

Успехи Долгорукова крайне обрадовали Екатерину. В письме Долгорукову было сказано: «Вчерашний день (17 июля) обрадована я была вашими вестниками, кои приехали друг за другом следующим порядком: на рассвете – конной гвардии секунд-ротмистр кн. Иван Одоевский со взятием Кафы, в полдень – гвардии подпоручик Щербинин с занятием Керчи и Еникале и перед захождением солнца – артиллерии поручик Семенов с ключами всех сих мест и с вашими письмами. Признаюсь, что хотя Кафа и велик город, и путь морской, но Еникале и Керчь открывают вход г. Синявину водой в тот порт, и для того они много меня обрадовали. Благодарствую вам и за то, что вы не оставили мне дать знать, что уже подняли русский флаг на Черном море, где давно не казался, а ныне веет на тех судах, кои противу нас неприятель употребить хотел и трудами вашими от рук его исторгнуты».

Долгоруков получил Георгиевский орден первой степени, 60 тысяч рублей денег, табакерку с портретом императрицы, сын его был произведен в полковники.

28 июля к Долгорукову прибыли два знатных татарина с вестью об избрании в Карасубазаре нового хана – Сагиба Гирея II. Посланные от имени всего общества ручались за верность избранных как не имеющих никакой привязанности к Порте, от которой вовсе отторглись, что подтвердили клятвой перед целым обществом, с Русскою же империей вступили в вечную дружбу и неразрывный союз под высочайшую

протекцию и ручательство императрицы.

Долгоруков потребовал от нового хана немедленного освобождения русских и вообще христианских рабов. «Чтобы не возбудить негодования черни», татарские мурзы и духовенство решили платить владельцам за отпущенных рабов-христиан: за мужчину – 100 левков, за женщину – 150 левков. Как видим, даже «чернь» в Крыму была рабовладельцами. Вот еще одно доказательство неприменимости марксистских теорий к крымским татарам. Посредством такого выкупа в армию приведено было мужчин и женщин 1200 человек. Многие солдаты, особенно из поселенных гусарских и пикинерских полков, нашли среди них своих жен и детей.

Но как только между рабами пронеслась весть, что их освобождают, те не стали дожидаться определенного для выкупа срока и бросились бежать к русским. Таких беглецов в августе месяце при армии было уже до 9 тысяч душ. По уговору с крымцами русский главнокомандующий велел поднять кресты на двенадцати греческих церквях в Кафе и снабдить их колоколами. Также по всем городам и селам начали восстанавливать греческие церкви.

Нетрудно догадаться, насколько «приятными» оказались сии «новшества» для татар. Немедленно же начались столкновения с новым ханом. Князь Долгоруков уведомил Сагиб Гирея, что в крымских крепостях останутся русские гарнизоны для защиты от турок и что крымцы должны доставлять этим гарнизонам топливо. Хан отвечал, что Крым от Порты стал независим и, следовательно, должен сам себя защищать да и в конце 1771 г. никакой опасности от турок нет, так как в это время навигация на Черном море закончилась. А на будущий год, если будет грозить опасность, хан даст знать о ней главнокомандующему. Крымский народ и без того разорен и бесплатно не может давать русскому войску топливо. Долгоруков отвечал: «Хотя до апреля месяца никакой опасности с турецкой стороны ожидать нельзя, однако я гарнизоны вывести власти не имею, ибо оные введены в силу повеления моей государыни, а вашей великодушнейшей покровительницы и щедрейшей благодетельницы». Относительно отопления главнокомандующий распорядился, чтоб солдаты были размещены в христианских домах, где будут пользоваться теплом сообща с хозяевами. Где же нет христианских домов, то в пустых магометанских, и только в этом случае татары должны доставлять им топливо.

Русским поверенным в делах при хане был назначен канцелярии советник Веселицкий. Он должен был вручить Сагиб Гирею акт, в котором говорилось, что Крымская область учреждается вольною и ни от кого не зависимой, а так как это «сокровище получено единственно от человеколюбия и милосердия ее императорского величества Великой

Екатерины», то Крымская область вступала в вечную дружбу и неразрывный союз с Русской империей под сильным покровительством и ручательством ее самодержицы. Хан обязывался не вступать с Портой ни в какие соглашения. Веселицкий должен был требовать подписания этого акта и также требовать просительного письма к императрице, чтоб она приняла под свою власть города Керчь, Еникале и Кафу.

Назначенные для переговоров с Веселицким мурзы отвечали на последнее требование: «Какая же будет свобода и независимость, когда в трех главных местах будет находиться русское войско? Народ наш всегда будет беспокоиться насчет следствий этой уступки, опасаясь такого же угнетения, какое мы терпели во время турецкого владычества в этих городах».

Веселицкий объяснил, что это делается для их благоденствия, что от Порты надо всегда и всех опасаться и они будут подвержены гибели из-за своей отдаленности от русских пределов. Спросил, могут ли они защищаться собственным войском. Татары все это выслушивали без возражений, но отвечали просьбой, нельзя ли их избавить от этой новости, как они выражались. Тогда Веселицкий объявил им, что если они этого требования не исполнят, то он не приступит ни к чему другому. Хан созвал всех старшин для совета об уступке Керчи, Еникале и Кафы. Совет продолжался пять дней подряд, и 7 ноября присланы были знатные люди к Веселицкому с объявлением, что духовенство находит эту уступку противной их вере, и так как русское правительство объявило, что оно не будет требовать ничего противного мусульманской религии, то они на отдачу городов согласиться не могут. Веселицкий отвечал, что русским хорошо известно содержание Корана и там не указано о невозможности уступки городов. Препирательства о трех городах продолжались, и формальная сторона дела так и не была решена в 1771 г. Фактически же эти города уже принадлежали России.

10 июля 1774 г. Россия и Турция подписали Кючук-Кайнард-жийский мир. Этот договор привел Крым в метастабильное положение. Формально Крымское ханство было объявлено независимым. Но турецкий султан по-прежнему был духовным главой татар. Крымский хан, вступающий на престол, должен был быть утвержден султаном. Профиль султана по-прежнему чеканился на крымских монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

С другой стороны, в нескольких районах Крыма остались русские войска, а из Петербурга в Крым не пересыхал золотой ручеек, заканчивавшийся в бездонных кошельках татарских мурз. Естественно, что

в Крыму образовались две враждующие между собой партии: русская, стоявшая за дружбу с Петербургом, и турецкая, призывавшая татар вернуться в подданство Турции.

В апреле 1783 г. Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». В нем говорилось: «В прошедшую с Портой Оттоманскую войну, когда силы и победы оружия Нашего давали нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскую, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии… Но ныне… по долгу предлежащего нам попечения о благе и величии Отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между империями Российскою и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда сохранить искренне желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших, решилися Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону».

У России не было иной возможности обеспечить безопасность своих южных границ, кроме как присоединить Крым. До сих пор ни один самый ярый русофоб не предложил реальной альтернативы этому.

И вот рескриптом Екатерины Великой Крым присоединен к России. Екатерина блестяще закончила дело Дмитрия Донского, Ивана III и Ивана Грозного. Екатерина писала, что по приобретении Крыма «исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украйна и Елисаветград поныне еще помнят».

Тем не менее еще в начале XX века старики на юге Украины ругались: «Чтоб тебя крымская сабля посекла!».

За прошедшие 200 лет нашлось немало историков, как за рубежом, так и у нас, осуждавших Екатерину Великую за «захват Крыма и лишение татар независимости». Не будем напоминать, как в XVIII и XIX веках Англия и Франция захватывали территории в

Африке и Азии, не будем вспоминать истребление индейцев в Америке. Скажем лишь, что даже по меркам современной морали и права Екатерина поступила вполне лояльно с татарами, принесшими столько горя Руси.

Григорий Потемкин в ордере командующему русскими войсками в

Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 г. указал: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Великая императрица была и великой конформисткой. Она без лишней огласки, даже не спросив мнения русского дворянства, дала все дворянские права всем татарским мурзам. Позже русские историки XIX века острили, что в первые годы после присоединения Крыма дворянство давалось каждому, кто носил саблю на боку и орал, что он «балшой человек».

Мало того, многие из татар были поставлены военными и гражданскими чиновниками. Так, Метша бей Ширинский был временно назначен областным предводителем дворянства и получил чин коллежского советника (чин VI класса, соответствовавший военному званию полковника).

Согласно «Очерку военной службы крымских татар с 1783 по 1899 г.» татарского историка Измаила Мурзы Муфтийзаде, опубликованному в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии^ 30, 1899 г.: «В январе 1787 г. были произведены в Крыму первые дворянские выборы, на которые съехались со всего Крыма до ста мурз, и закрытыми шарами были избраны:

Уездными предводителями дворянства:

Симферопольским – Абдувели ага Топечокракский.

Феодосийским – майор Атай мурза Ширинский (владелец д. Учкуй).

Перекопским – Уссин бей Мансурский.

Евпаторийским – Арсланша мурза Ширинский.

Уездными судьями:

Симферопольским – Черкес Мегмед ага.

Феодосийским – Мамбет мурза Ширинский.

Перекопским – Мердимша мурза Мансурский.

Евпаторийским – Батыр ага (владелец д. Кабач).

Уездными исправниками:

Симферопольским – капитан Болат бей.

Феодосийским – Темирша мурза.

Перекопским – Сеит Ибрам ага Тащи-оглу.

Евпаторийским – капитан Абдураман ага Мамайский.

Все места депутатов, заседателей как дворянских опек, так и верхних и нижних земских судов, были замещены молодыми мурзами с чинами. Перечень их имен считаю лишним помещать здесь, но позволю себе упомянуть, что до 1840 года большинство выборных мест по Крыму было

занято мурзами».

Екатерина II отменила для крымских татар рекрутские наборы, распространенные на все губернии, заселенные этническими славянами. С другой стороны, для всех татар, желавших добровольно служить в русской армии, согласно указу военной коллегии от 1 марта 1784 г., было создано Национальное татарское войско в составе 5 дивизионов.

По штату в каждом дивизионе положено было иметь по одному майору, по 2 ротмистра, 2 поручика, 2 прапорщика, 10 наказных и 195 рядовых с жалованьем в год: майору – 300 руб., ротмистру – 200 руб., поручику – 150 руб., прапорщику – 120 руб., наказному – 40 руб. и рядовому 35 руб.

Могли ли о таком мечтать русские крестьяне? Причем замечу, что даже для старших офицеров из татар не требовалось перехода в православие. До 1917 г. в русской армии постоянно служили несколько генералов мусульманского вероисповедания.

Риторический вопрос: мог ли какой-либо западноевропейский монарх, в той же Англии и Франции, в конце XVIII века дать дворянство и чины вождям и знати племен на вновь присоединенных территориях, например, арабам, готентотам, бушменам и др.?

Наконец крымским татарам было оставлено собственное судопроизводство. Им предоставлялось право разбирать взаимные тяжбы у улемов. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей.

Итак, татары в Крыму получили те же права, что и остальные жители империи, но были избавлены от рекрутских наборов и ряда других тягот. Никто не покушался на их веру, на их скот, на их земли. Но у них отняли самое главное их право – грабить соседей и торговать рабами. Этого они никогда не простят русским.

Любопытный момент – ни татары, ни другие народы не строили крупных населенных пунктов в Севастопольской бухте. Согласно одной из легенд, татары считали берега Севастопольской бухты проклятыми. К 1778 г. на берегах бухты имелось лишь маленькое селение Ахт-Яр[13] из нескольких домишек, да и располагалось оно не у воды, а высоко на холмах. По названию этого селения будущая Севастопольская бухта получила название Ахтиарской.

В мае 1778 г. 10 турецких судов под командованием Гаджи-Мегмета бросили якоря в Ахтиарской бухте (на месте будущего Севастополя). 7 июня высадившиеся на берег турки атаковали русский дозор и убили казака. Туда немедленно поскакал Суворов. Суворов первым делом

потребовал у турецкого адмирала найти и наказать убийцу. В ожидании ответа генерал-поручик поехал осматривать Ахтиарскую бухту. Его внимание привлек сравнительно узкий вход в бухту. Там он приказал построить земляные укрепления для «приличной артиллерии».

Как и следовало ожидать, Гаджи-Мегмет прислал письмо с уверениями в дружбе, но наказывать виновных не собирался. Суворов не стал вступать в полемику с турком. А в ночь на 15 июня по обеим сторонам бухты шесть пехотных батальонов приступили к постройке укреплений. Поутру разъяренный Гаджи-Мегмет разглядывал в трубу укрепления русских, закрывавшие ему выход в море. Немедленно к Суворову был отправлен посыльный с письмом, где запрашивалось, зачем русским понадобилось строить столь мощные укрепления. Ответ Суворова не замедлил себя ждать: «Дружески получа ваше письмо, удивляюсь нечаянному вопросу, не разрушили ли мы обосторонней дружбы… к нарушению взаимного мира никаких намерений у нас нет, а напротив, все наше старание к тому одному устремлено, чтобы отвратить всякие на то неприязненные поползновения и чтоб запечатленное торжественными великих в свете государей обещаниями содружество сохранить свято. Итак, мой приятель, из сего ясно можете видеть мою искреннюю откровенность и что сумнение ваше выходит из действий вашей внутренности.»

Мало того, по всей бухте были расставлены многочисленные конные и пешие посты русских, которые под угрозой оружия не разрешали туркам высаживаться на берег. Офицерам это Суворов объяснил карантином против чумы, свирепствовавшей в Турции. Оставшись без воды, Гаджи-Мегмет приказал уходить в Синоп. Больше турецкие корабли здесь не появятся до 1918 года.

Еще в войну 1768–1774 гг. на Днепре и его притоках Икорец и Хопер было основано несколько верфей – Икорецкая, Новохоперская и Гнильтонская (в устье Дона, на его притоке Гнилая Тоня). Там были построены 11 «новоизобретенных» кораблей и 8 фрегатов, составивших ядро Азовской флотилии.

В апреле 1783 г. капитан 2 ранга И.М. Берсенев на фрегате «Осторожный» осмотрел Ахтиарскую бухту и предложил создать там военно-морскую базу. 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли 5 фрегатов и 8 малых судов Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Клокачева.

Сразу же на берегах Ахтиарской бухты началось строительство офицерских домов, казарм для матросов и солдат. В августе была освящена первая небольшая каменная церковь.

Было создано несколько новых береговых батарей, а построенные в 1778 г. Суворовым редуты значительно усилены.

10 февраля 1784 г. последовал рескрипт Екатерины II: «Нашему Генерал-фельдмаршалу, военной коллегии президенту, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину… с распространением границ Империи Всероссийской необходимо. и обеспечение оных, назнача по удобностям новые крепости. Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение.»

Севастополь быстро строился. В Артиллерийской бухте построили пристань и склады. Вокруг южной оконечности Южной бухты возник поселок купцов и ремесленников. В Крым и в Севастополь Потемкин привлекал все категории переселенцев – иностранцев, беглых крестьян, старообрядцев и т. д. Вспомним, что в те времена крестьяне не имели права покидать своих помещиков, а дворяне вовсе не жаждали ехать в Крым, даже когда Потемкин бесплатно раздавал там пустующие земли.

Матушка-императрица прекрасно знала и о беглых, и о раскольниках. В нескольких письмах к Потемкину, соглашаясь с его политикой, она, тем не менее, просила его не афишировать наличие таких переселенцев в Крыму.

Любопытна топонимика названий Севастопольской бухты. Так, в 1785 г. капитан 1 ранга Ф.Ф. Ушаков выбрал для своего корабля «Святой Павел» стоянку у безымянного мыса на восточном берегу Южной бухты. С тех пор мыс стал именоваться Павловским.

Знаменитая Графская пристань обязана своим названием графу Марку Ивановичу Войновичу. Капитан 1 ранга Войнович командовал эскадрой, базировавшейся на Севастополь, и каждый день в одно и то же время садился на причале в шлюпку и отправлялся на корабли. В честь приезда императрицы было решено назвать главную пристань города Екатерининской, но это название не прижилось, и пристань осталась Графской.

В известном фильме «Адмирал Ушаков» Потемкин упрекает Ушакова за отсутствие титула, а граф Войнович представлен аристократом. На самом же деле Ушаков происходит из старинного русского дворянского рода, а Марк (Марко) Войнович… пират и сын пирата. Далматинцы Марк и Иван Войновичи в 1770 г. поступили на русскую службу и каперствовали в Средиземном море на своих кораблях с греческими экипажами. А нанимаясь на русскую службу, лихие флибустьеры объявили, что они

графы. Граф Алексей Орлов спорить не стал – графы, так графы. Благо, сам он получил титул за устроение «геморроидальных колик» императору Петру Федоровичу. И вот юный граф, он же мичман российского флота Марко Войнович с сотней головорезов – греков, албанцев и славян – на полаке[14] «Ауза» отправляются «добывать зипуны».

22 мая 1787 г., завершая свое знаменитое путешествие, Екатерина II прибывает в Севастополь. Специально для нее в Инкермане на возвышенности, откуда хорошо просматривается Севастопольская бухта, Потемкин приказал возвести дворец. Екатерина вместе со свитой, куда входили знаменитые европейские аристократы и несколько послов, прибыла в Инкерман ночью, и до обеда никто не видел Севастопольской бухты.

Во время торжественного обеда по знаку Потемкина упал большой занавес, и императрица, и все присутствующие увидели эскадру в составе трех кораблей, двенадцати фрегатов, трех бомбардирских и двадцати малых судов. Громыхнул салют из сотен орудий. Восхищенная Екатерина провозгласила тост за здравие Черноморского флота.

За два года до этого, 10 августа 1785 г., Потемкин направил императрице донесение, в основу которого лег документ, подготовленный инженером Корсаковым, – «Краткая идея об укреплении Севастопольского пристанища». В документе определялись три главные задачи: первая – «чтобы устье Севастопольского пристанища защитить сильным огнем и в то же время закрыть от огня противника прилегающие к нему заливы; вторая – стенами сего укрепления оградить морские магазины, доки для строения и починки кораблей; третья – сие место должно быть столь сильно укреплено, что хоть неприятель и высадит на берег превосходящие силы, облечь крепость с земли и с моря, чтобы она была в состоянии его нападениям противиться, доколе из других пределов России не прибудет помощь».

По проекту планировалось строительство каменной плотины на южном и северном мысах длиной до 150 саженей (320 м) и на конце каждой «замок о двух рядах пушек, чтобы нижними очищать морскую поверхность, а верхними вредить неприятелю на дальнем расстоянии…». После окончания работ расстояние между двумя мысами для прохода в бухту будет всего 300 саженей (640 м). На плотине предполагалась установка «светильника» (маяка).

Екатерина II проект утвердила, особо отметив роль Севастополя и необходимость превращения его в «крепость чрезвычайной силы».

В 1786 г. императрица одобрила добавление к проекту,

предусматривающее укрепление береговой обороны не только главной севастопольской бухты, но и большинства смежных с ней бухт. Проект включал в периметр крепости почти весь Херсонесский полуостров. Планировалось построить: «первую северную батарею» на 28 орудий на Константиновском мысу и «вторую северную батарею» на 10 орудий на втором мысу от Константиновского мыса, а также «первую южную батарею» на 24 орудия на мысу между Карантинной и Песочной бухтами и еще три батареи, вооруженные 28 орудиями, на побережье между Артиллерийской и Южной бухтами.

Все эти батареи должны быть сомкнутыми, неправильной формы, временными, с одеждами из плетней и туров. На северных батареях и «первой южной» проектировалась двухъярусная оборона. По предварительным подсчетам, сумма проекта превышала 6 миллионов рублей.

В 1792 г. была учреждена Экспедиция строения южных крепостей, в ведомстве которой находились крепости Кинбурн, Очаков, Симферополь, Феодосия, Севастополь и др. Указом Екатерины II от 10 ноября 1792 г. экспедицию возглавил граф А.В. Суворов, который был назначен командующим войсками, расквартированными в Екатеринославской губернии, Таврической области, в том числе и в Крыму.

В начале 1793 г. генерал прибыл в свою штаб-квартиру в Херсоне и начал знакомиться с составленными до его приезда проектами. В феврале 1793 г. Суворов посетил Севастополь, осмотрел крепость и проверил состояние инженерных работ.

По указанию Суворова его заместитель инженер-подполковник Ф.П. де Волан разрабатывает новый план строительства севастопольских укреплений. Причем стоимость их резко снижена с 6 миллионов до 231 752 рублей.

Согласно этому проекту, намечалось строительство пяти береговых фортов с ярусами и казематами, имевшими в горже сухой ров. Их планировалось построить на мысах, выступающих в Севастопольскую бухту. Это были «северный форт» – Константиновский – в форме неправильного шестиугольника с каменными одеждами и напротив, на Южной стороне, «южный форт» – Александровский в виде круглой каменной башни. Дальше, на северной стороне, на мысу за Константиновской батареей, еще одна, похожая на последнюю, батарея с земляной горжей. Напротив, на западном мысу, у входа в Артиллерийскую бухту – открытая двухъярусная батарея с бастионным фронтом в горже.

Между Артиллерийской и Южной бухтами на мысу предполагалось

построить форт «Николай», на котором планировалось сосредоточить морские запасные и пороховые магазины, морской и крепостной арсеналы.

Кроме этих береговых укреплений, авторы проекта доказывали необходимость строительства усиленных сухопутных фортов на возвышенных местах южной и северной сторон Севастопольской бухты. Это были южный форт «Екатерина» в тылу батареи «Николай» и северный форт «Елизавета» в тылу форта «Константин» на Северной стороне.

На вооружение всех перечисленных укреплений предполагалось поставить 270 орудий, в том числе на береговые батареи – 152 орудия, а на сухопутные – 118.

По приказу Суворова предварительные работы в крепости были начаты в апреле 1793 г., еще до высочайшего утверждения.

Ко времени смерти Екатерины (1796 г.) в Севастополе было построено восемь береговых батарей: Константиновская, Александровская, Николаевская, Павловская, а также батареи № 1№ 2, №№° 5, расположенные на мысах тех же названий. Это были земляные временные укрепления, большей частью открытые, состоящие из двух или трех фасов, изломанных по направлению берега. Батареи № 2 №° 3 на северном берегу и Николаевская батарея на южном берегу были в виде редутов.

На возвышении за Константиновской батареей находилось довольно обширное земляное укрепление неправильной формы для охраны батарей «Константин» и № 1.

К строительству сухопутных фортов на Северной и Южной сторонах бухты не приступали.

По данным последнего отчета Экспедиции строения южных крепостей, на все постройки и работы, начиная с 1792 г., было израсходовано 1 534 046 руб. 27 коп.

10 января 1797 г., согласно Указу императора Павла I, Экспедиция строения южных крепостей России была упразднена. Вскоре строительные работы в Севастопольской крепости были приостановлены, а затем прекращены вовсе, инженера же де Волана уволили со службы.

Стоит отметить, что де Волан прозорливо предусматривал построить береговые батареи во всех крупных бухтах рядом с Севастополем, до Балаклавы включительно, дабы исключить использование этих бухт неприятелем. Увы, мнение фортификатора было проигнорировано, за что Россия жестоко поплатилась в ходе Крымской войны.

Павла бесило все, что было создано его матерью. Как-то Павел патетически спросил Попова, бывшего секретаря Потемкина: как «исправить все зло, свершенное одноглазым»? «Отдать Крым туркам!» –

быстро нашелся Попов. По зрелому размышлению Павел отдавать Крым не стал, но специальным указом переименовал Севастополь в Ахтиар. Увы, в ночь на 12 марта 1801 г. Павла Петровича «хватил апоплексический удар». По этому случаю уже к полудню следующего дня в петербургских лавках исчезло шампанское, а вечером горожане устроили иллюминацию. В Ахтиаре же был двойной праздник – по случаю «удара» и в связи с возвращением славного имени Севастополь.

Глава 5
Англо-французский флот атакует Севастополь

В 1834 г. Николай I утвердил план строительства новых и реконструкции старых береговых батарей Севастополя. Работы были начаты уже 1 августа того же года.

Александровская батарея располагалась на Южной стороне на узком длинном мысу в ухода в Севастопольскую бухту. Очертания длинного узкого мыса, на котором стояла батарея, обусловили форму всех ее сооружений. На самой оконечности мыса высилась круглая двухэтажная башня диаметром более 20 м. Ее своды защищала насыпь из грунта, покрытая кровлей из черепицы. 12 орудий из амбразур держали под прицелом акваторию перед рейдом и сам проход в бухту. К башне примыкали одноярусные казематы с открытой платформой для стрельбы через банк. Их выстрелы защищали подходы к рейду. Основания башни и казематов возвышались над уровнем моря на 6 м, а на отметке 14 м возводилась земляная батарея с двумя фасами для размещения 18 орудий.

По проекту Александровская батарея должны была быть вооружена тридцатью четырьмя 24-фунтовыми пушками, тридцатью четырьмя однопудовыми длинными единорогами, четырьмя 1/2-пудовыми длинными единорогами, шестью 5-пудовыми мортирами, двумя 6-дюймовыми кугорновыми мортирами и одной 12-фунтовой карронадой.

В 1836 г. началось строительство Константиновской батареи на Северной стороне на мысу, напротив Александровской батареи. В плане укрепление повторяло очертания берега мыса и имело форму подковы. Правый фас укрепления обстреливал акваторию перед рейдом, центральная закругленная часть – вход в бухту, левая назначалась для поражения прорвавшихся на рейд кораблей противника. В двух ярусах размещалось 54 каземата, а над ними платформа для открытой обороны.

На этой батарее было обеспечено постоянное присутствие артиллерийской прислуги в казематах. Каземат длиной 12 м разделялся сквозным проходом на орудийную и жилую части. В последней устанавливали нары и печи в круглых железных футлярах (печи в любое время года обеспечивали положительную температуру для проживавших в казематах солдат).

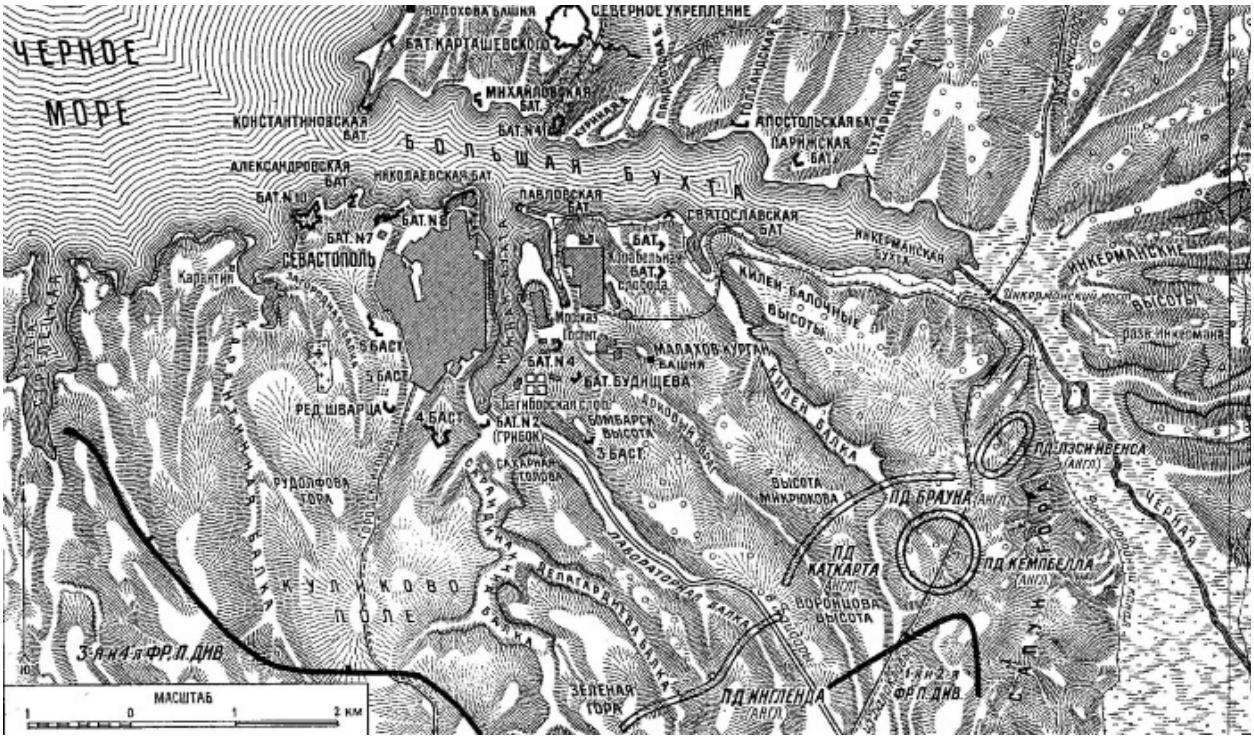
Горжевую часть защищали ров и две оборонительные казармы. Они соединялись при помощи двух стен с казематами, образуя замкнутую,

удобную для обороны территорию. Казармы предполагалось построить по типовому проекту на 250 солдат каждая, с кухнями, пекарнями и складами.

На флангах казематов находились трехэтажные, хорошо защищенные пороховые погреба, а во внутреннем дворе – большая металлическая емкость для запаса воды.

В 1837 г. было начато строительство Николаевской батареи. Это фортификационное сооружение не имело себе равных во всех приморских крепостях России. Оно располагалось на Николаевском мысе, между Южной и Артиллерийской бухтами, протянувшись на 460 м. Левый двухъярусный фас батареи обстреливал вход на рейд, а правый, трехъярусный, держал под прицелом фарватер рейда и вход в Южную бухту. Там же находились 24 бойницы для ружейной обороны со стороны города. Батарея имела 194 орудийных каземата и 7 бойниц для запуска ракет из полуподвальных помещений на левом фланге.

В 1842 г. началось строительство Михайловской батареи. В Севастопольской крепости она была второй после Николаевской как по размерам, так и по огневой мощи. Главный фас Михайловской батареи длиной более 100 м контролировал вход на рейд, короткий южный фланг действовал по фарватеру рейда, а аналогичный ему северный фланг предназначался для отражения атак с суши. Этим же целям служила оборонительная стена с бойницами для ружей, замыкавшая с горжи двор батареи. Укрепление опоясывал ров, примыкавший к берегам бухты. Он находился под фланговым огнем восьми пушек, установленных в казематах, и большого количества ружей, для которых в стенах боковых крыльев батареи были прорезаны бойницы. Всего на батарее было до 115 орудий разного калибра. Они укрывались в 58 казематах на первом и втором ярусах, а также устанавливались на открытой платформе.

Окрестности Севастополя и укрепления к началу осады

Внутри Михайловской батареи мог быть размещен большой гарнизон. Здесь, как и на других укреплениях Севастополя, в каждом каземате были установлены печи и сделаны деревянные нары. По проекту предусматривалось оборудовать помещения для 750 нижних чинов Артиллерийского ведомства и 23 каземата для проживания офицеров. При необходимости можно было дополнительно разместить батальон пехоты. На первом этаже имелись две кухни с пекарнями и цейхгаузы. В северном крыле, более защищенном от прямых попаданий снарядов, находились склады боезапасов. Для стрельбы каленными ядрами соорудили две ядрокалильные печи.

Всего за 10 лет строительства севастопольских береговых батарей было израсходовано 2 миллиона 484 тысяч рублей.

За то же время на строительство сухопутных укреплений было истрачено всего 17 тыс. рублей. Однако военная история свидетельствует, что большая часть береговых крепостей берется с суши, а не с моря. Вспомним тот же Тулон в 1793 г.

Боевое крещение севастопольских батарей состоялось 5(17) октября 1854 г., когда англо-французский флот атаковал Севастополь с моря. У нас принято считать, что русские моряки, затопив свои корабли у входа в Севастопольскую бухту, сделали невозможным проход вражеских кораблей

внутрь ее. На самом же деле затопленные корабли лишь затруднили вход в бухту, и, подавив береговые батареи русских, союзники без особых проблем провели бы свои корабли между затопленных кораблей, а при желании даже могли их подорвать.

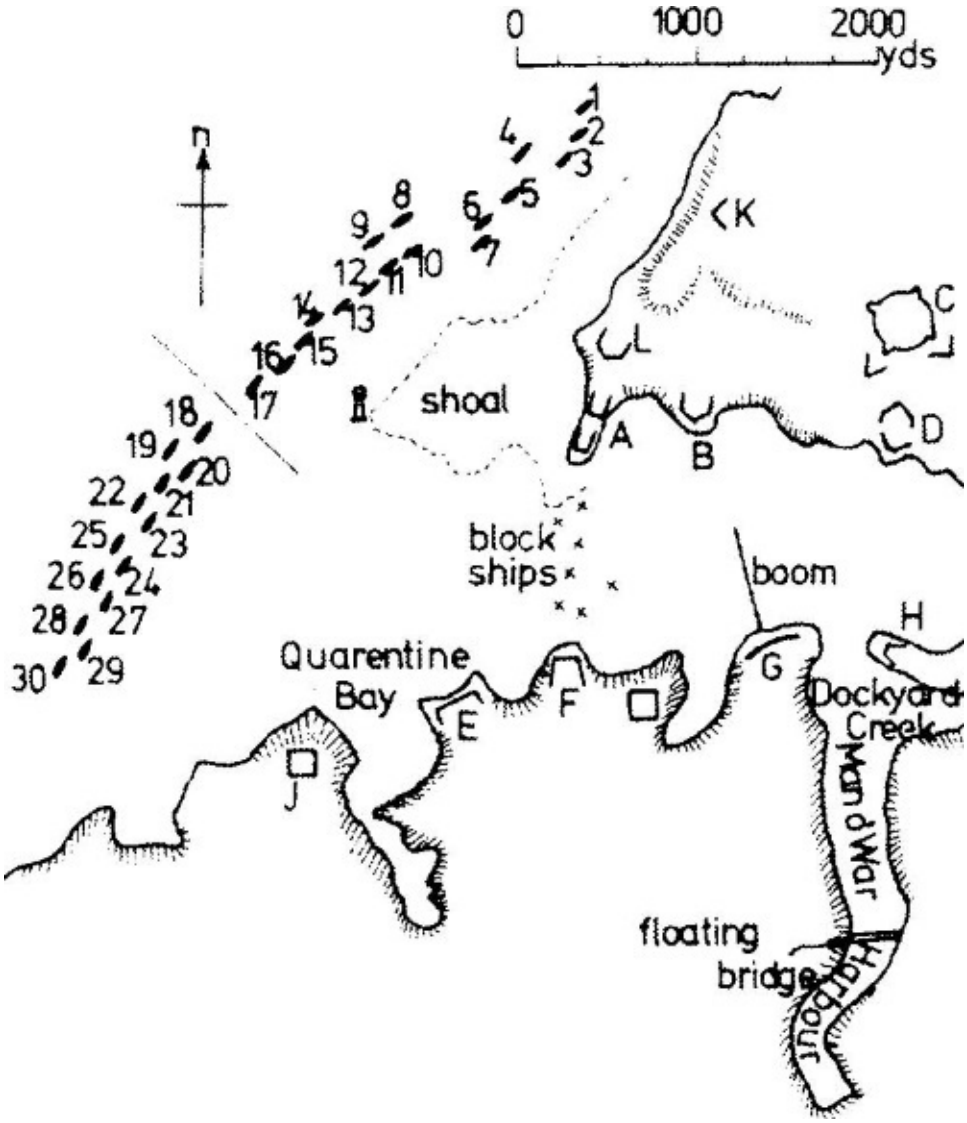
К великому сожалению, до сих пор ни один историк не сумел объяснить, почему вместо затопления кораблей в столь узком месте нельзя было поставить минное заграждение, управляемое с берега. Ведь мины у русских имелись и использовались против союзников на Балтике и в Днепро-Бугском лимане. Ну а, в крайнем случае, почему нельзя было за несколько месяцев между началом войны с Англией и Францией и приходом союзного флота к Севастополю построить из бревен и цепей надежное боновое заграждение? Ведь даже в гимназиях учили, что византийцы и турки неоднократно перегораживали цепями Золотой Рог и Босфор.

Именно с Севастополя у нас пошла дурная традиция «героически» топить свои собственные корабли. «Сами взорвали “Кореец”, нами потоплен “Варяг”», в 1918 г. героические моряки затопили эскадру в Новороссийске по мудрому указанию самого Ленина. И опять по этому поводу ставились спектакли и снимался фильм «Гибель эскадры».

5 октября союзники решили одновременно атаковать Севастополь с моря и с суши. В 7 часов утра сухопутные батареи союзников открыли огонь по сухопутным укреплениям города. Однако флот не смог своевременно занять позиции у русских береговых батарей. Дело в том, что с утра был штиль, а большинство кораблей союзников были парусными, и потребовалось больше времени для буксировки их малыми пароходами. Поскольку союзники считали выход русских кораблей из бухты маловероятным, они сняли значительную часть такелажа со своих кораблей. Это существенно увеличивало живучесть кораблей в бою, но парусные корабли при этом потеряли способность двигаться под парусами и стали фактически плавбатареями, которые могли передвигаться лишь с помощью буксирных пароходов. Любопытно, что пароходы буксировали британские парусные корабли[15] не на канатах сзади, а боком (буксиры крепились канатами к левому борту кораблей).

Согласно заранее разработанному плану, французские суда должны были обстреливать укрепления Южной стороны, а английские – Северной. Между французскими находились и немногочисленные турецкие корабли.

Расположение союзных кораблей видно на схеме.

Расположение союзных кораблей перед атакой Севастополя

Вооружение союзных кораблей состояло из 1244 орудий (см. табл. 1). 5 октября союзный флот атаковал Севастополь с моря. Ему могли отвечать только пять батарей – Александровская, Константиновская, № 1Q№ 13 й № 12 (Картошевского). Огонь остальных батарей был малоэффективен. Батареи Николаевская, Михайловская, Павловская и № 4 поначалу открыли огонь, но вскоре прекратили.

На Александровской батарее было 56 орудий, из них: две 3-пудовые бомбовые пушки, одиннадцать 36-фунтовых пушек, шестнадцать 24-фунтовых пушек, четыре 18-фунтовых пушки, девятнадцать 1-пудовых единорогов и четыре 5-пудовые мортиры.

На Константиновской батарее было 91 орудие, из них: пятьдесят 24-

фунтовых пушек, тридцать четыре однопудовых единорога, четыре полупудовых единорога, одна 12-фунтовая карронада, две 5-пудовые мортиры.

Таблица 1

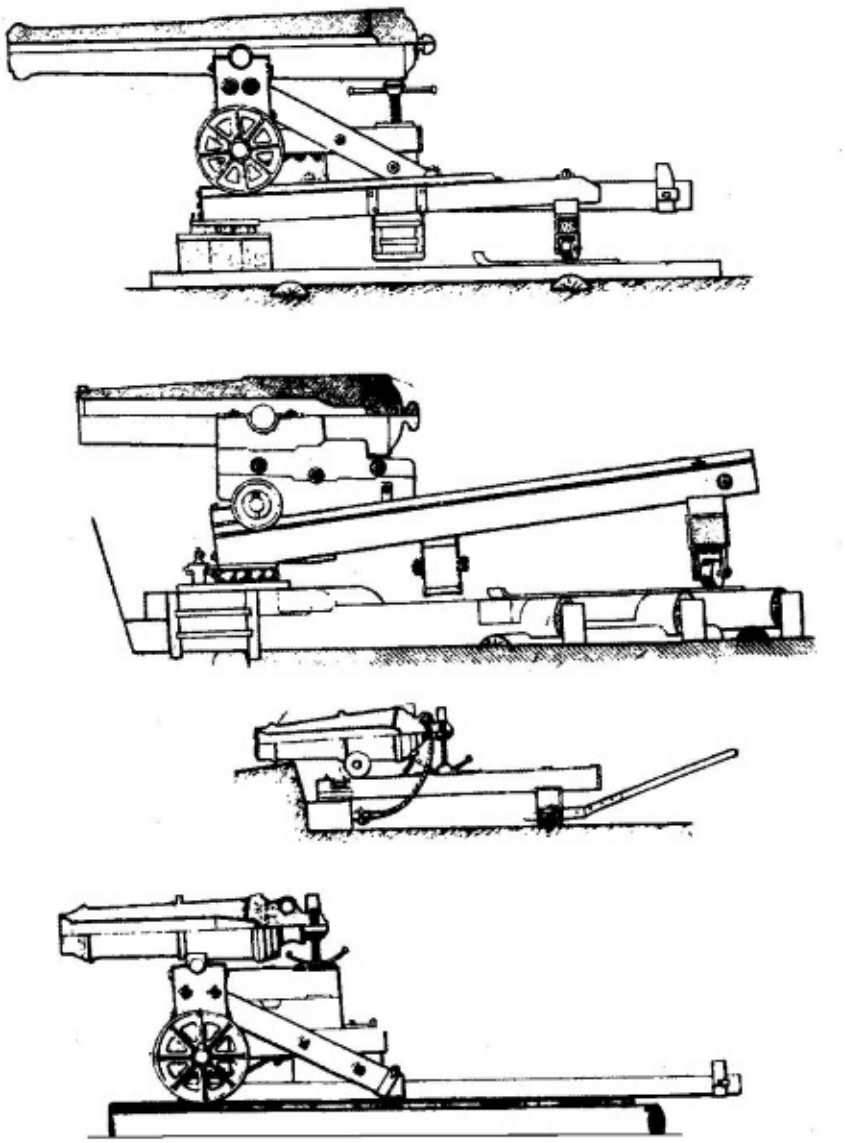
Расположение союзных кораблей 5 октября 1854 г.

№н а схеме	Название корабля	Примечание
Британские силы		
1	Terrible	Пароходо-фрегат, 21 орудие
2	Albion	Парусный корабль, 91 орудие
3	Arethusa	Парусный фрегат, 50 орудий
4	Sampson	Парусный корабль
5	London	Парусный корабль, 90 орудий
6	Sanspareil	Винтовой корабль, 70 орудий
7	Agamemnon	Винтовой корабль, 91 орудие
8	Sphinx	
9	Tribune	Винтовой фрегат, 31 орудие
10	Spitfire	
11	Lynx	Винтовой фрегат, 4 орудия
12	Queen	Парусный корабль, 116 орудий
13	Bellerophon	Парусный корабль, 80 орудий
14	Rodney	Парусный корабль, 90 орудий
15	Vengeance	Парусный корабль, 84 орудия
16	Trafalgar	Парусный корабль, 120 орудий
17	Britannia	Парусный корабль, 120 орудий
Французские и турецкие силы		
18	Le Napoleon	Винтовой корабль, 90 орудий
19	Henri IV	Парусный корабль, 100 орудий
20	Махмудие	Турецкий парусный корабль
21	Valmy	Парусный корабль, 120 орудий
22	Ville de Paris	Парусный корабль, 112 орудий
23	Jupiter	Парусный корабль, 86 орудий
24	Friedland	Парусный корабль, 120 орудий
25	Шериф	Турецкий парусный корабль
26	Marengo	
27	Montebello	
28	Suffren	
29	Jean Bart	
30	Charlemanne	Паровой корабль

На батарее № 10 было 58 орудий, из них: две 3-пудовые бомбовые пушки, двадцать девять 36-фунтовых пушек, двенадцать однопудовых единорогов, девять полупудовых единорогов, шесть 5-пудовых мортир.

На батарее № 12 было 5 орудий, из них: одна 36-фунтовая пушка, три однопудовых единорога и один полупудовый единорог.

На батарее № 13, расположенной в каменной башне Волохова, было 10 пушек, из них: восемь 36-фунтовых и две 18-фунтовые.

Русские крепостные орудия, состоявшие на вооружении Севастополя а) 36-фунтовая пушка; б) 3-пудовая бомбовая пушка обр. 1838 г.; в) 36-фунтовая карронада; г) 96-фунтовая карронада

Корабли союзников бомбардировали береговые батареи Севастополя в течение всего светового дня (около 12 часов). Огонь 11 французских и 2 турецких кораблей, имеющих 746 орудий одного борта, был направлен по

преимуществу на батарею № 10 и Александровскую с дистанции 800 сажен (1707 м). Корабли подвергались действию 73 орудий батарей № 10, Александровской и Константиновской.

На следующий день корреспондент британской газеты «Таймс» писал: «Огонь был ужасен. На расстоянии шесть миль шум был похож на грохот локомотива, несущегося на полной скорости, только много сильнее. День был абсолютно безветренным, корабли и батареи окутывал пороховой дым, и зачастую противники не видели друг друга. Огонь время от времени прерывался, чтобы дать рассеяться густому дыму».

5 английских кораблей, стоявших против правого фланга Константиновской батареи, действовали из 259 орудий одного борта с дистанции 650 сажен (1387 м). Они же подверглись действию 54 орудий батарей Константиновской, Александровской и № 10. Из них 18 орудий Константиновской батареи действовали с 650 сажень (1387 м), другие две батареи с 900–950 сажен (1921–2027 м), четыре английских корабля к северо-западу от Константиновской батареи в необороняемом секторе действовали из 169 орудий одного борта с дистанции 450 сажен (960 м). По ним действовали только два орудия Константиновской батареи, 13 орудий батареи № 10 и Александровской, которые стреляли в них с 900–950 сажен (1921–2027 м).

Корабль «Аретуза» с 25 орудиями одного борта действовал по Константиновской батарее с 300 саженей (640 м), и корабль «Альбион» с 45 орудиями действовал по башне Волохова с 450 саженей (960 м).

В бою британская эскадра потеряла 44 человека убитыми и 266 человек ранеными. Согласно рапорту вице-адмирала Дандаса, командовавшего британской эскадрой, «корабли, мачты, такелаж повреждены в большей или меньшей степени, в основном бомбами и раскаленными ядрами. “Альбион” получил повреждения как корпуса, так и рангоута. “Родней” сел на мель и был снят при помощи “Спайтфула”… Все корабли, за исключением “Аретузы” и “Альбиона”, которые отправлены в Константинополь на ремонт, будут отремонтированы за 24 часа».

Замечу, что «Аретузу» и «Альбион» в Константинополе отремонтировать не удалось, и их отправили на Мальту – главную британскую военно-морскую базу на Средиземном море.

Французская эскадра потеряла всего убитыми и ранеными 212 человек. Французские корабли потерпели сильные повреждения: «Виль де Пари» получил 50 пробоин, «Наполеон» получил опасную подводную пробоину, «Шарлемань» получил повреждение машины.

На турецкие корабли севастопольские артиллеристы не обращали

особого внимания, и они отделались всего парой раненых.

Повреждения же русских батарей оказались невелики. На батарее № 10 было подбито 3 орудия и у 7 повреждены лафеты. На Александровской батарее подбито 3 орудия и столько же лафетов. На башне Волохова поврежден один лафет. Сильно пострадала батарея Константиновская из-за неудачного расположения. Хотя она находилась на выдающемся мысе, у нее только половина орудий могла стрелять по кораблям. А 27 орудий на верхнем ярусе не были прикрыты от тыльных и продольных выстрелов, поэтому там остались неповрежденными только 5 орудий.

Из 152 береговых орудий было сделано 16 тысяч выстрелов. Союзники из 1244 орудий выпустили 50 тысяч снарядов.

На береговых батареях убыли: 16 убитых и 122 раненых.

После неудачной попытки 5 октября союзный флот ни разу не предпринимал решительных действий против береговых батарей Севастополя и ограничивался только редкими действиями отдельных судов против русских укреплений на больших дистанциях.

Так два сильнейших в мире флота оказались бессильны против береговых батарей Севастополя.

Глава 6
Почему был сдан Севастополь

Почему Россия столь позорно проиграла Крымскую войну? Классический ответ на это дан в монографии Л. Горева «Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя»: «Отсталость экономическая и политическая обусловила отсталость военную… Крепостная Россия, конечно, не могла победить в войне с двумя развитыми капиталистическими странами, исход войны был предрешен до ее начала. Причина неизбежного поражения крепостной России крылась в ее общей отсталости»[16].

Примерно такое же объяснение причин поражения можно найти в любом издании, хотя бы вскользь касающемся Крымской войны, от школьных учебников по истории до академических изданий.

Оспорить подобные утверждения невозможно. Тут все верно. Русские парусные корабли не могли сражаться с пароходами противника. Пароход даже с более слабой артиллерией мог зайти с кормы парусника и почти безнаказанно расстрелять его бортовым огнем.

Кстати, именно так бриг «Меркурий», шедший под веслами в штиль, 21 мая 1789 г. атаковал шведский фрегат «Венус». На «Венусе» было 44 пушки, на «Меркурии» – двадцать две 24-фунтовые карронады. При нормальном ветре «Венус» разнес бы противника в щепки, не входя в зону эффективного огня его карронад. Но в штиль «Меркурий» зашел с кормы и в упор начал расстреливать «Венус», бортовые пушки которого не могли отвечать на огонь. В итоге «Венус» был вынужден спустить флаг перед слабейшим противником.

На суше русская пехота была вооружена гладкоствольными ружьями, а вражеская – нарезными. Союзники стреляли из винтовок почти в три раза дальше и гораздо метче. Основным снарядом русской полевой артиллерии была картечь. Но с введением винтовок вражеские стрелки выбивали прислугу и лошадей русских батарей прежде, чем они приближались на картечный выстрел.

Оружие, боеприпасы, продовольствие и личный состав в Англии и Франции доставлялись в порты по железным дорогам, а оттуда – морем до крымских баз союзников – Балаклавы, Камышовой бухты и Евпатории. Русские же на телегах, запряженных лошадьми или волами, везли все

необходимое в Севастополь через всю Россию.

Казалось бы, теорема доказана: отсталость политическая, экономическая и военная была основной причиной поражения России в 1854–1855 гг. А вот тут-то я позволю себе усомниться и опровергнуть эту теорему.

Давайте подумаем. В 1861 г. в России были освобождены крестьяне, началась череда реформ – административные, судебные и др. Быстрыми темпами шло развитие капитализма как в городе, так и в деревне. Строились заводы и железные дороги.

В 1863–1867 гг. была принята система орудий образца 1867 г. – нарезных, заряжаемых с казенной части. В этом отношении мы опередили Англию почти на 20 лет – в британском флоте орудия главного калибра заряжались с дула вплоть до середины 1880-х годов. Я думаю, не надо говорить, что заряжание с дула тяжелых орудий крайне затрудняло систему заряжания, снижало скорострельность и приводило к частым разрывам снарядов в канале ствола.

Но вот в 1877 г. начинается война с Турцией. К войне с «больным человеком Европы» Россия готовилась почти три года, пока турки подавляли восстание славян на Балканах. И вот капиталистическая Россия, оснащенная более современными орудиями отечественного производства, нападает на феодальную Турцию.

В итоге Россия получила три подряд жесточайших поражения под Плевной. Затем, правда, ценой огромных жертв русские войска выходят к Константинополю. Но вдруг в Дарданеллы входят три британских броненосца адмирала Горнби. «Дымки трех броненосцев подействовали сокрушительно на нашу талантливую дипломатию, столь высоко державшую русское знамя… Мы капитулировали по всему фронту, победоносные полки были остановлены в полупереходе от заветной цели»[17].

А вот Русско-японская война. Тут-то можно говорить лишь о значительной отсталости полуфеодальной Японии перед Россией в экономике и в военных областях. Русские военный бюджет, армия, флот имели превосходство над японскими как минимум в три раза. Результат – Порт-Артур, Мукден и Цусима!

На самом же деле Крымская и Русско-японская войны были проиграны царской Россией 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. И дело не в том, что были повешены и сосланы в Сибирь лучшие офицеры Российской армии и флота. Стране требовались кардинальные реформы, а вместо них Николай I решил законсервировать существующие порядки.

Царь боялся мыслящих самостоятельно генералов и офицеров. Романовым не были нужны думающие офицеры и профессионалы своего дела – Бонапарты, Пестели, Орловы и Потемкины. Их наши два Николая и три Александра боялись как огня. Они предпочитали вымуштрованных болванов, которые слепо и бездумно выполняли любой царский приказ. В январе 1905 г. они будут расстреливать из магазинных винтовок народ, идущий с иконами просить у царя лучшей жизни, а в 1914 г. с сигаретой в зубах поведут свои полки церемониальным маршем на германские пулеметы.

И Романовы были абсолютно правы. Кстати, Романовыми я называю царскую династию исключительно по традиции, как говорят, что ток идет от плюса к минусу, а на самом деле все наоборот. Последние цари России никакого отношения к вымершей династии бояр Романовых не имели. Последним Романовым был Петр Алексеевич, внук Петра I и сын убитого царевича Алексея. Даже в Готском альманахе[18] наша династия называлась «Гольштейн-Готторпы-Романовы». За это Николай II хотел запретить сие издание в России, но сановники его отговорили. Мол, это вызовет насмешки на Западе и нежелательные толки в стране.

На самом деле потомки Павла I принадлежали к Гольштейн-Готторпам лишь в том случае, если Екатерина действительно родила ребенка от Петра III, который, впрочем, неоднократно отрицал свое отцовство. В противном случае династия пошла либо от Салтыкова – тогдашнего любовника Екатерины, либо от безвестного чухонца, сына которого принесли Екатерине и назвали Павлом.

Повторяю, действительно наши цари были правы. Талантливый полководец всегда будет коситься на ничтожество на троне, особенно если политика монарха идет вразрез с прогрессом и интересами страны. Так, например, князь Долгоруков в начале 60-х годов XIX века писал: «Наивны Гольштейн-Готторпы, если они думают свековать при своих штыках и пушках. Не все же военные будут олухами, как были по сию пору, поймут же они наконец свою пользу и еще более пользу дорогой своей родины»[19].

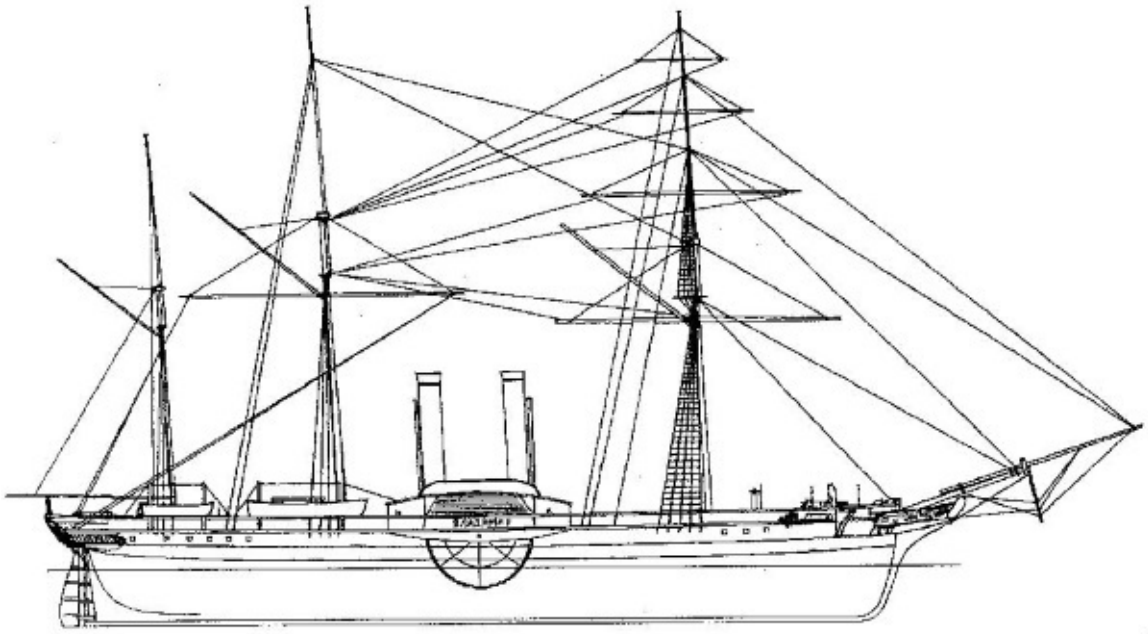
И правительство делало все, чтобы не появлялось талантливых офицеров, о которых мечтал князь Долгоруков. Замечу, что среди декабристов хватало князей Рюриковичей, имевших юридически куда больше прав на престол, чем Готторпы. Кстати, и позднейшие диссиденты, те же Петр Долгоруков и Петр Кропоткин – тоже князья Рюриковичи, и оба они неоднократно в полушутливой форме писали о своих правах на престол.

Вот, к примеру, на фоне ничтожеств появился знаменитый «белый генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев – герой русско-турецкой войны и завоеватель Средней Азии. Надо ли говорить, что герой попадает в немилость к Александру II. И наоборот, руководители «Народной воли» ищут с ним контакта[20]. Через некоторое время М.Д. Скобелев скончался в московской гостинице при до сих пор не выясненных обстоятельствах. Многие историки говорят об отравлении генерала.

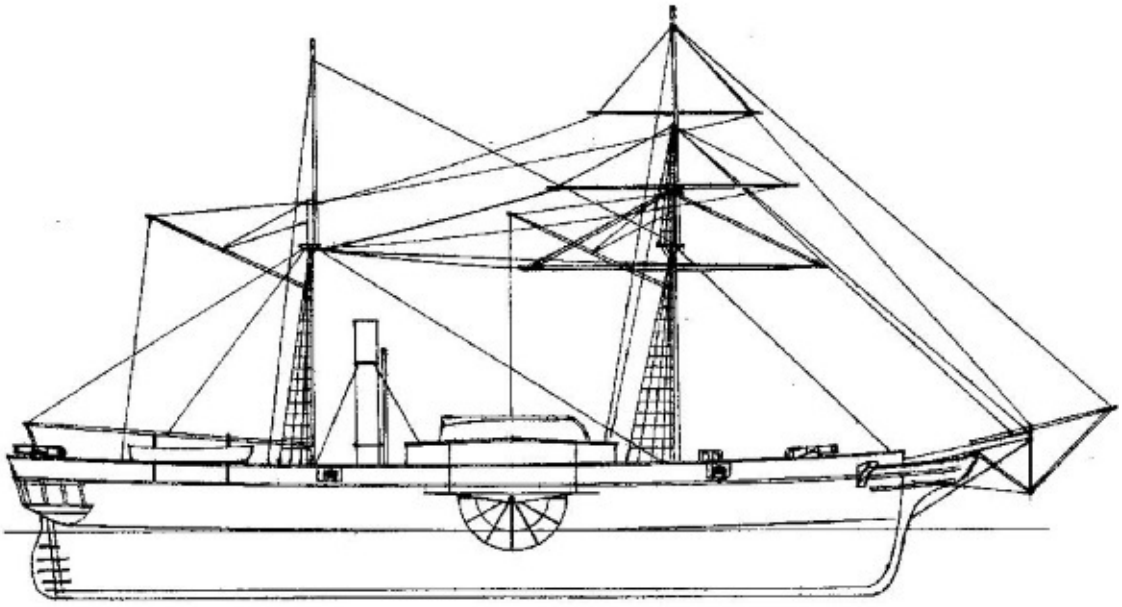
Итак, в 1854 г. в русской армии и флоте не оказалось ни Суворовых, ни Орловых, ни Потемкиных. Перевозка союзных войск в Турцию (в зону Проливов) началась 18 (30) марта 1854 г. В июне того же года союзные войска перебазировались в порт Варна на Черном море, принадлежавший тогда Турции. Союзный же флот вошел в Черное море еще 22 декабря 1853 г. (3 января 1854 г. по новому стилю). Как видим, времени на подготовку к союзному вторжению у русского командования было более чем достаточно.

В мае 1854 г. союзники имели на Черном море 15 парусных кораблей, 2 парусных фрегата, 8 винтовых кораблей, 6 винтовых фрегатов и 6 пароходо-фрегатов (то есть фрегатов с колесным движителем), а также несколько малых пароходов и парусных транспортов.

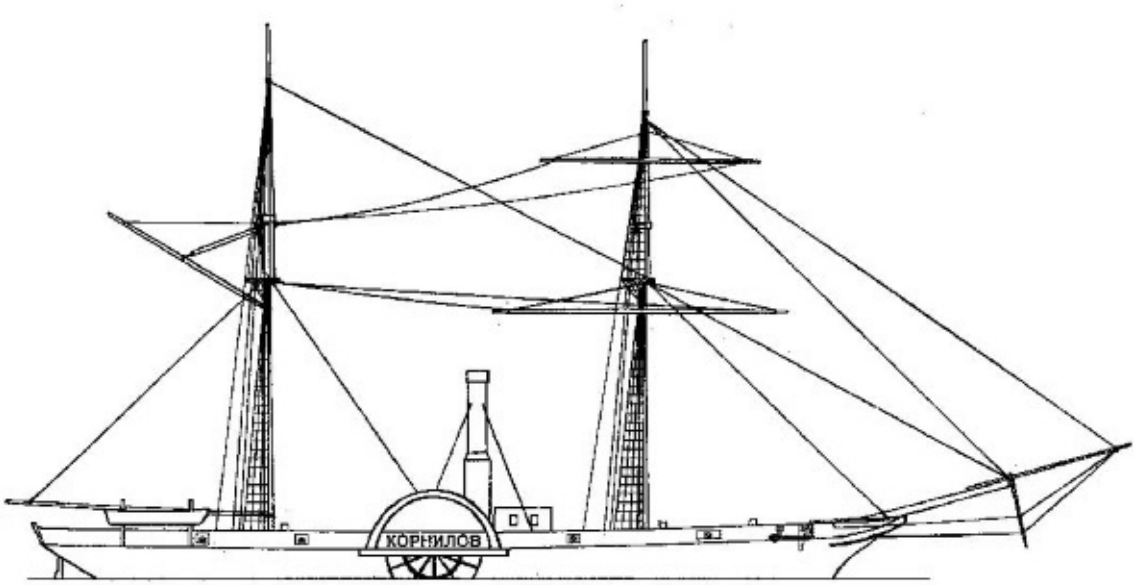
К этому времени в составе Черноморского флота состояли 15 парусных кораблей, 7 парусных фрегатов, 7 пароходо-фрегатов и 21 вооруженный малый колесный пароход. Винтовое судно на Черноморском флоте имелось лишь одно – шхуна «Аргонавт». Кроме того, было большое число парусных судов различных типов: корветов – 5 (90 орудий), бригов – 12 (166 орудий), шхун – 6 (80 орудий), тендеров – 7 (42 орудия), яхт – 2 (20 орудий), транспортов – 28 (156 орудий).

Пароходо-фрегат «Владимир»

Пароходо-фрегат «Бессарабия»

Колесный пароход «Корнилов», бывший турецкий «Перваз-Бахри

Формально по числу вымпелов и пушек Черноморский флот превосходил силы союзников, но с учетом мощи английских и французских орудий, а главное, из-за числа их паровых кораблей и фрегатов шансы русских на победу в генеральном сражении «а-ля Трафальгар» были равны нулю.

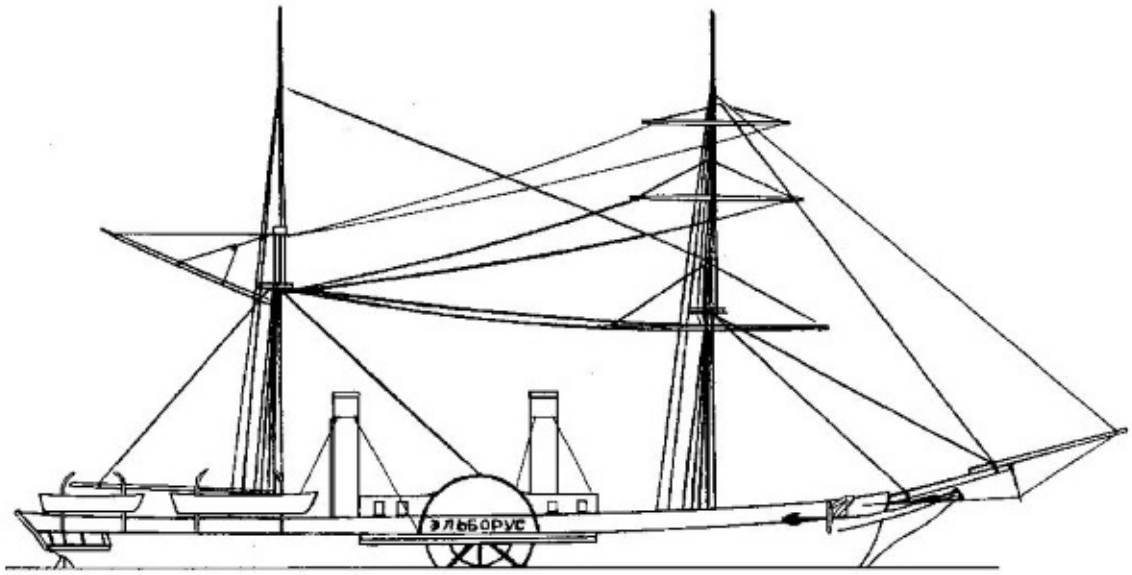
Наши храбрые адмиралы провели несложные расчеты и решили: драться нельзя, надо самим топиться с горя. Ну а что если отступить от шаблона и от заученных наставлений? Сразу оговорюсь, что не следовало изобретать что-то новое, надо было действовать тем, что имелось под рукой.

Всего через 7 лет после описываемых событий, в 1861 г., начнется Гражданская война в США. Там обе стороны станут применять самые разнообразные способы войны на море. В ход пойдут и брандеры, и таран, и шестовые мины, и подводные минные заграждения. Никаких особых изобретений, необходимых для создания и использования этих примитивных типов вооружений делать в 1855–1861 гг. не надо было. Так, например, брандеры новгородцы использовали против шведских судов еще в 1300 г. на Неве, а в 1770 г. граф Орлов с помощью брандеров сжег при Чесме превосходящие силы турецкого флота. Но вот Орловых-то в 1854 г. в России и не оказалось.

Неужели нельзя было из двадцати одного малого парохода,

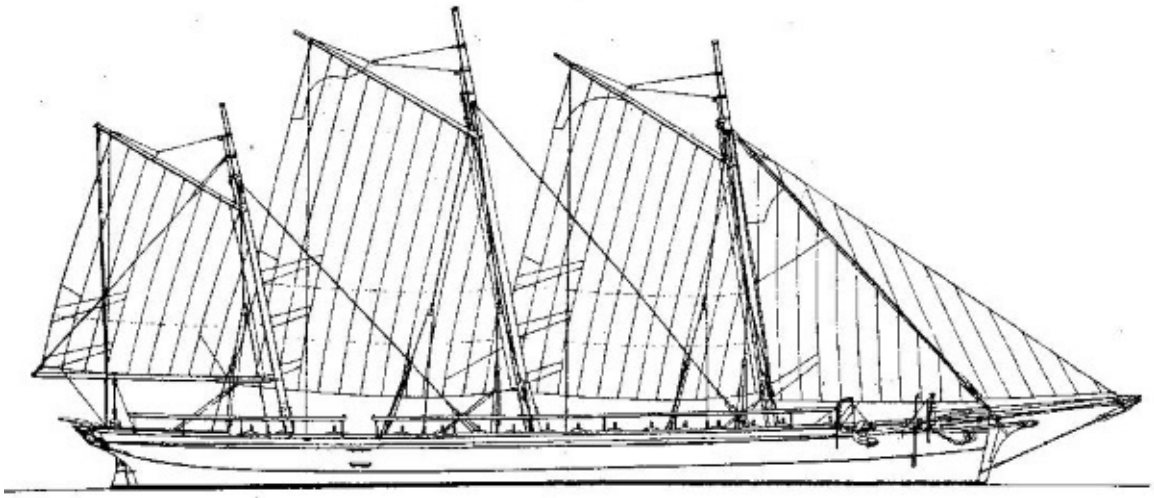
находившихся в составе Черноморского флота, сформировать несколько штурмовых флотилий? Можно было мобилизовать еще как минимум два десятка речных пароходов, принадлежавших различным гражданским ведомствам и частным лицам. Эти пароходы плавали ранее в Азовском море, по Днепру и Дону.

В принципе, можно было мобилизовать пароходы даже на Волге, где к 1854 г. их насчитывалось десятки. Так, например, с 1850 г. между Тверью и Астраханью ходили буксирные пароходы «Минин» и «Пожарский» с машинами мощностью в 200 номинальных лошадиных сил[21], принадлежавшие обществу «Меркурий». В январе 1854 г. три парохода с машинами мощностью в 50 номинальных л.с. были доставлены в разобранном виде с завода Коккериль (Бельгия) в Тверь, и с апреля того же года они находились в плавании.

Черноморский железный пакетботный пароход «Эльборус»

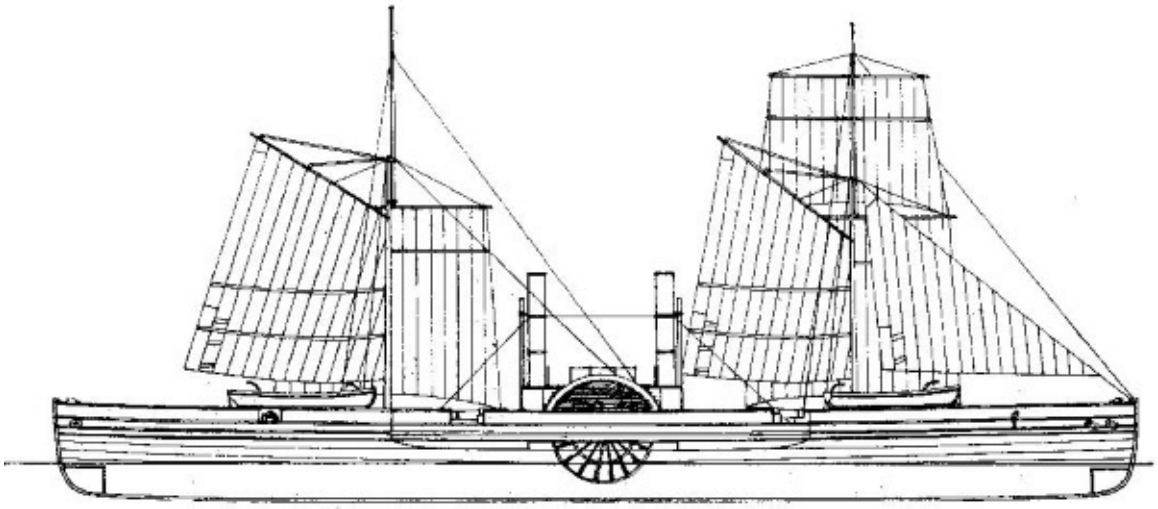
Риторический вопрос: при необходимости эти пароходы по частям или целиком могли быть перетащены с Волги на Дон, в район современного канала Волго-Дон? Замечу, что в этом месте суда перетаскивали уже не менее тысячи лет.

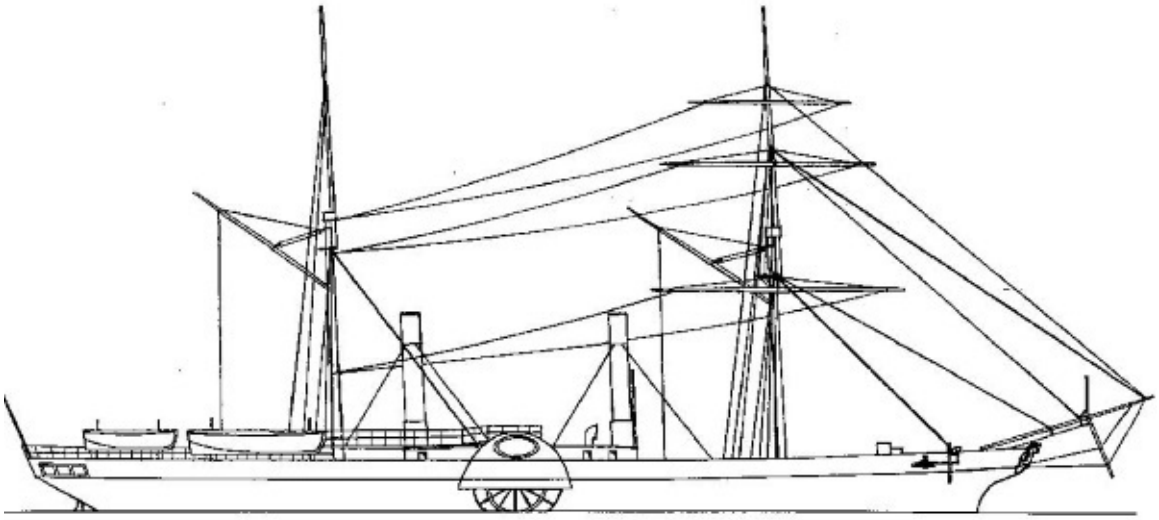

Трехорудийная канонерская лодка

Спору нет, речные пароходы были неспособны нести регулярную службу на Черном море. Но от них требовалось совершить один или два рейса, чтобы быть использованными в качестве брандеров.

Русские колесные пароходы если и уступали в скорости хода, то совсем немного союзным винтовым кораблям и фрегатам, не говоря уж о больших колесных пароходах. Зато они были маневреннее больших пароходов.

Пароход «Тамань» Черноморского флота

В 1854 г. не было мелкокалиберных скорострельных орудий (они появятся только через 15–20 лет), а пушки больших и средних калибров имели малую скорострельность. Эти орудия были рассчитаны на линейный бой с неподвижным или малоподвижным кораблем противника и в подавляющем большинстве своем не имели поворотных устройств. Таким образом, в ночном бою малые пароходы, используемые в качестве брандеров и носителей шестовых мин, были малоуязвимы для огня артиллерии противника. Вспомним, что в 1877–1878 гг. ни одна русская миноноска не была потоплена артиллерийским огнем турецкого корабля, причем не только в ночных, но и в дневных атаках.

Защиту команд малых пароходов от ружейного огня организовать было проще простого. Для этого годилось все – от мешков с песком до железных щитов.

Разумеется, был риск потерять несколько пароходов и несколько десятков человек из их команд. Поэтому команды должны были состоять исключительно из охотников, как тогда называли добровольцев. А их явно хватало среди десятков тысяч офицеров и матросов Черноморского флота да и матросов гражданских судов.

Увы, в Российской империи, как и позже в СССР, тратились огромные средства на вооружение, а героям, спасавшим страну, платили медяки. До

царей и генсеков не доходило, что если человек идет на смерть за Родину, то он должен быть уверен, что члены его семьи будут пожизненно материально обеспечены и защищены от произвола чиновников.

В применении к 1854 г. это должно было означать, что команда малого парохода, потопившая большой пароход, получала бы как минимум треть стоимости потопленного судна. Офицеры подлежали производству через чин, а нижние чины получали бы наследственное дворянство.

Надо ли говорить, что при таких условиях команды из охотников сами бы рвались в огонь и в воду.

Внезапность операции штурмовых флотилий можно было бы обеспечить элементарной дезинформацией. Так, сбор большого числа малых, в том числе и речных пароходов можно было объяснить необходимостью буксировки парусных кораблей, фрегатов и корветов Черноморского флота к месту боя и в самом бою. Такой прием, как уже говорилось, использовали союзники при бомбардировке Севастополя, да и до войны во всех флотах Европы практиковалась буксировка малыми пароходами больших военных парусных судов.

Любопытный момент: 18 марта 1854 г. вице-адмирал Корнилов издал подробную инструкцию командирам судов Черноморского флота на случай появления союзного флота у Севастополя. Из восьми страниц инструкции три посвящены действиям брандеров! «Ах! Какой прозорливый адмирал! – воскликнет квасной патриот. – А Широкорад еще говорит, что у нас не было Орловых!»

Увы, Корнилов подробно расписывал возможные действия союзных (!) брандеров против Черноморского флота. В инструкции Корнилов вспоминал успешные действия брандеров при Чесме, на Баскском рейде в 1809 г., но ему даже не пришло в голову самому атаковать врага брандерами, тараном и шестовыми минами. Уж лучше всем героически затопиться на Севастопольском рейде! Глядишь, и вице-адмиралу, и затопленным кораблям памятник красивый поставят.

Чтобы не быть обвиненным в пристрастности в описании действий союзного флота, я предоставлю слово известному морскому теоретику германскому адмиралу Альфреду Штенцелю: «…самое удивительное – это план, выработанный союзниками для перевозки войск. Вместо того чтобы заблокировать русский флот в Севастополе и тем обезопасить переход транспортов с войсками, они решили только прикрыть их конвоем из военных судов. Конечно, эта роль выпала лишь на долю английских кораблей, т. к. французские были битком набиты войсками. Не было даже организовано наблюдение за стоявшим в гавани неприятельским флотом.

Странным кажется то, что старшие флагманы остались на парусных линейных кораблях, между тем как младшие находились на винтовых судах. Столь же фантастичен, как переход морем, был и план десантирования: предполагалось высадить сразу 30 000 человек, без палаток, всего с несколькими батареями артиллерии и небольшим количеством припасов, несмотря на то что у западного берега Крыма часто бывал довольно сильный прибой.

В Варне были посажены на суда 28 000 французов с 3000 лошадей, 24 000 англичан и 8000 турок. Для перевозки войск французы предоставили 15 линейных кораблей (из них 4 винтовых), 5 парусных фрегатов, 35 военных пароходов, 80 парусных транспортов и 40 судов для перевозки провианта, англичане – 150 больших коммерческих судов, в том числе много паровых, турки – 9 линейных кораблей и 4 парохода. Прикрытие осуществляли 12 английских линейных кораблей и столько же фрегатов. Вся эскадра состояла их 350 судов.

Посадка на суда французских экспедиционных войск продолжалась с 31 августа по 2 сентября. Некоторые линейные корабли приняли сверх 1000 человек собственной команды еще около 2000 десантных войск и были ввиду этого почти совсем не способны к бою. Англичане, задержанные плохой погодой, закончили посадку лишь 7 числа. Несмотря на это, первый эшелон французских транспортов из 14 парусных судов покинул рейд уже 5 сентября без всякого конвоя и находился трое суток в море совершенно беззащитным. Из английских линейных кораблей, назначенных для охраны транспортного флота, только на одном имелась паровая машина…

… 8 сентября англичане догнали французов и турок у Змеиного острова. Здесь произошел инцидент, как нельзя лучше осветивший все недостатки совместных операций союзников, не имеющих общего начальника. Среди французских генералов вдруг возникли сомнения: они почему-то нашли более удобным высадиться не у Качи, а в другом месте, лучше всего у Феодосии, к западу от Керчи. Движение же на Севастополь они считали слишком опасным. Прямо во время перехода все генералы и адмиралы собрались на совет и пришли опять к согласию лишь благодаря дипломатическому искусству лорда Раглана. Решили произвести новую рекогносцировку западного берега Крыма, что и было сделано 10 числа целой комиссией. Флот в это время стоял на якоре в открытом море. Образ действий совершенно непонятный, если принять во внимание предшествовавшие всему этому основательные дискуссии, тянувшиеся целыми месяцами!..

По позднейшим данным, русский флот не мог выполнить своего

намерения атаковать транспорты во время перехода и высадки из-за того, что в течение этих дней у западных берегов Крыма был штиль или господствовали слабые противные ветры. Вернее же, причиной было отсутствие дальновидности и энергии у его начальников. Таким образом, весь переход и высадка десанта сопровождались редкостно удачным стечением обстоятельств»[22].

Итак, союзникам крупно повезло из-за «отсутствия дальновидности и энергии» у Корнилова, Нахимова и Истомина. Что же касается штиля, то он не только мешал русским парусникам, но и парализовывал паруснички союзников, которых было большинство в союзной армаде. Можно легко представить, что было бы, если бы не сорок, а только два десятка русских малых пароходов атаковали ночью это огромное скопище слабо охраняемых судов. Что же касается семи русских пароходо-фрегатов, то они могли связать боем наиболее активные суда охранения противника.

Среди союзного командования и так существовали серьезные разногласия относительно целесообразности высадки в Крыму.

Поэтому если бы в результате ночного боя погибло хотя бы 10 % судов и личного состава десанта, вопрос о высадке был бы окончательно решен. Одна ночь и двадцать смелых капитанов могли изменить весь ход войны.

Под стать морскому действовало в Крыму и сухопутное начальство. На суше причиной поражения стала косность мышления русских генералов, которые забыли собственную военную историю. Почему Карл XII в 1708 г. не дошел до Смоленска 14 верст и повернул на юг? Убоялся петровских войск? Да нет, он жаждал сражения, а русские, наоборот, бежали перед шведами. Карл испугался генерала Голода, который через сто лет погубит Великую армию Наполеона.

Дело в том, что по приказу Петра русские разоряли собственную страну так же, как и Польшу. Чтобы не быть голословным, приведу цитату из указа Петра: «Ежели же неприятель пойдет на Украйну, тогда идти у оного передом и везде провиант и фураж, також хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов)… польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным и по бокам, также мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара: «.сказать везде, ежели кто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, который ведает, а не скажет». В другом указе царь велел не вывезенный в Смоленск хлеб «прятать в ямы», а «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба». Генерал-

поручик Боур получил аналогичный приказ Петра: «.главное войско обжиганием и разорением утомлять».

Поэтому-то Карл и не пошел на Москву, а повернул на Украину, где надеялся найти большие запасы продовольствия и союзные войска гетмана Мазепы.

Высадка союзников в Крыму вовсе не была неожиданностью для русского командования. Еще 5 марта 1854 г. военный министр писал командующему русским флотом в Крыму князю А.С. Меншикову: «По полученным здесь сведениям, подтверждается, что соединенный англо-французский флот намеревается сделать высадку на Крымских берегах, чтобы атаковать Севастополь с сухопутной стороны. Государь император поручил мне сообщить о сем вашей светлости с нарочным фельдъегерем и покорнейше просить вас принять все зависящие от вас меры, дабы быть готовым встретить и отразить угрожающие Крыму и в особенности Севастополю неприятельские покушения».

Неужели за 6 месяцев светлейший князь не мог подготовиться к защите Крыма? Неужели русские генералы и адмиралы не понимали, где могли высадиться союзники? Может, князь Меншиков думал, что они полезут по горным дорогам и тропинкам в Балаклаве, Алупке, Ялте или Судаке? Было только два удобных места высадки столь крупного десанта – район Евпатории и район Феодосии. Но Феодосия слишком удалена от Севастополя. Поэтому был лишь один десантоопасный район, и именно там нужно было строить укрепления и там попытаться задержать врага. Ну а если бы союзники прорвали оборону наших войск? Вопрос первый – куда бы они пошли? К Северной стороне Севастополя, чтобы взять город с ходу? Это надо быть сумасшедшим. Северная сторона еще до войны была относительно хорошо укреплена, взять ее с ходу было нереально.

Нужна длительная осада, а как прикажете в этом случае снабжать огромную армию? Из Евпатории? Так она слишком далека от Севастополя, а главное, там нет защищенной от бурь стоянки кораблей, тем более для огромного флота. У союзников был единственный путь – пройти вдоль побережья к Инкерману, а затем расположиться южнее Севастополя, получив таким образом вполне приемлемые места базирования для флота – Балаклаву и Камышовую бухту.

И тут-то у Меншикова оказалось меньше ума, чем у неграмотных татарских беев во времена крымского похода 1736 года фельдмаршала Миниха[23]. Почему тогда русская армия без сражений была вынуждена покинуть Крым с большими потерями? Правильно! Потому что татары оставляли русским выжженную землю. Неужто Меншиков за 6 месяцев не

мог подготовить к взрыву мосты и крупные каменные здания? Все жители в районе Балаклавы подлежали выселению, домашний скот следовало забить и бросить в водоемы. Особых сложностей это не представляло, так как южный берег Крыма был очень мало заселен. К примеру, в Ялте насчитывались всего 86 душ обоего пола! На «выжженной земле» союзников неминуемо ждала бы судьба наполеоновской армии в 1812 г.

Но, увы, светлейший князь Меншиков был слишком галантным кавалером. Он дал возможность союзникам захватить в Евпатории 12 тысяч кубометров зерна, которые еще до войны были собраны для вывоза за рубеж. Этого зерна хватило союзникам на 4 месяца.

В XIX веке не существовало специальных десантных судов, и союзники высадили сравнительно большую армию, но практически без обоза. То есть они могли провести успешное сражение у места высадки, что, кстати, и сделали 8 сентября 1854 г. на реке Альме, но наступать они не могли, не имея достаточного количества лошадей и телег.

И тут на помощь союзникам пришли крымские татары. Сразу после высадки первого небольшого отряда в Евпатории английские офицеры увидели с пристани 350 татарских телег и несколько сотен лошадей. Видимо, кто-то заранее организовал сбор транспортных средств. Затем татары стали ежедневно пригонять в район Евпатории десятки, а то и сотни лошадей и телег.

После неудачного сражения на реке Альме князь Меншиков растерялся: то он хотел прикрыть своей армией Севастополь, то Бахчисарай. Предотвратить же единственно возможный, я бы сказал, спасительный марш союзников к Балаклаве русские даже не пытались.

Итак, союзная армия с помощью татар сумела обогнуть с юга Севастополь и получила отличные места стоянки для боевых кораблей и транспортов почти рядом с Севастополем.

В ходе всей Крымской войны вооруженные татарские отряды, точнее, банды, не представляли непосредственной угрозы для наших регулярных войск. Однако татары вместе с десантными отрядами союзников сильно нервировали русское командование, которое чувствовало себя в Крыму, как в осажденной со всех сторон крепости.

Татары терроризировали русское население почти во всех частях Крыма, вне расположения наших войск. Уже 5 сентября 1854 г. к имению помещика Ракова у деревни Майрык приехали татары из деревни Тузлы и заявили, что «посланы англичанами забирать у русских помещиков весь скот; но когда им ответили, что скота не дадут, то они сказали, что скоро прибудут другие подобные им и разделаются иначе»[24].

Из отчета губернатору евпаторийского исправника графа Мамуна: «Некоторые из татар в угождение неприятелю приняли на себя обязанность за условное вознаграждение выдавать чиновников в руки неприятеля, разыскивая их по уезду…

3 сентября Евпаторийский уездный судья Стойкович с делами уездного суда отправился в Перекоп. Ночью с 4 на 5 сентября в д. Бейбулат госпожи Фесенковой, где он остановился с семейством, произошло нападение взбунтовавшихся татар, причем дела и книги уездного суда были разбиты и почти уничтожены. Сам Стойкович был избит, взят в плен и увезен в Евпаторию.

2 сентября татары задержали в Кара-Чора-Молда дворянского заседателя Комаровского и не пустили в Перекоп под угрозой смерти. Вооруженные ружьями, они разъезжали в большом числе по всем дорогам и говорили, что поступили на службу к своему султану»[25].

Комаровского татары отвезли в Евпаторию, занятую союзниками. Там он узнал, что «уездный судья Стойкович взят татарами в плен и отвезен в Евпаторию, что имение его разграблено, постройки разрушены и находившиеся там дела уездного суда уничтожены».

Комаровскому удалось спрятать от татар часть денег, и в Евпатории он дал взятку в 60 рублей какому-то турецкому чиновнику, представлявшему «новую власть». Турок велел освободить Комаровского, и через несколько часов тот оказался под защитой эскадрона русских улан.

В губернаторском отчете за сентябрь-октябрь 1854 г. говорится о грабежах «имений русских помещиков и нападения буйными толпами на проезжающих до самого Армянского Базара. Большое имение генеральши Поповой Караджа в Евпаторийском уезде было совершенно разграблено татарами. Они отняли весь рогатый скот, овец, лошадей, забрали весь хлеб урожая двух лет, смолоченный в амбарах и немолоченый в скирдах, разорили виноградный и фруктовый сад, рыбный завод, разграбили имущество, мебель, серебро. Убытку было сделано свыше чем на 17 000 р. 4 сентября было разграблено татарами имение Аджи-Байчи, а владелец Весинский с братом отведены в Евпаторию»[26].

Обратим внимание, данных о нападениях на военных нет, татары нападали лишь на мирных граждан.

«Исполняющий должность ялтинского уездного стряпчего Щербак 17 сентября доносил прокурору, что производство дел в ялтинских присутственных местах приостановилось, в присутствии никто не бывает и многие чиновники выехали из города после того, как неприятель взял

Балаклаву и Байдары. «Слухи носятся, что тамошние татары начали заниматься грабежом, а 16 сентября доставлен в Ялту из Байдарского поста раненный татарами донской казак». Прокурор, со своей стороны, доносил министру юстиции, что, «как видно из поступающих сведений, некоторые из крымских татар в местах, занятых неприятелем, поступают предательски, доставляя во враждебный стан на своих подводах фураж, пригоняя туда для продовольствия стада овец и рогатого скота, похищаемые насильственно в помещичьих экономиях, указывают неприятелю местности, предаются грабежу и вооруженной рукой противоборствуют нашим казакам»»[27].

Замечу, что осенью 1854 г. в Крыму массовый грабеж творили не только татары, но и «просвещенные европейцы». Так, 22 сентября в Ялте высадились около тысячи англичан, «до 1000 человек неприятелей пошли по домам и преимущественно по присутственным местам, следуя указанию татар, и начали грабить казенное и частное имущество, а затем 23-го числа ушли. Стряпчий доносил прокурору, что у него сожжено было много дел, но дела, как оказалось, были почти все целы, а сожжена белая бумага, которой неприятели поджигали дрова посреди двора, чтобы жарить кур и уток, взятых у стряпчего и его соседей»[28].

Те же бесчинства продолжались и в следующем, 1855 г. Вот, к примеру, «25 июня целый эскадрон французской кавалерии был в

Мшатке, 2 июля снова. Отсюда французы, числом в 140 человек, с двумя пушками под начальством генерала отправились в имение графа Перовского Мелас. Провожатыми были татары. Там они обедали, пили кофе и экономическое вино, взяли из экономии два плана и одну картину и ушли в Байдары»[29].

«6 июня французы пытались высадиться в Мухалатской бухте, но казаки вовремя открыли огонь. В то же время французы постоянно съезжали на берег за вином, обобрали имения князя Голицына (Форос), Перовского, графа Кушелева-Безбородко и др. Проводниками везде были татары…

18 июля имение графа Перовского Мелас, Сабурова – Ай-Юри и Кушелева-Безбородко – Мшатка были разграблены неприятелем. Мухалатские татары имения Шатилова держали в это время цепь и следили за казаками»[30].

Выведенный из себя бесчинствами татар император Николай I приказал всех «подозрительных» татар выслать на жительство в Курскую или иную губернии. Однако смерть императора и успехи союзников

помешали провести это мероприятие в полном объеме. В Курск были высланы около 100 татар, в екатеринославскую тюрьму отправлены 78 татар и т. д.

Но вернемся к союзным войскам. После неудачного для русских сражения на реке Альме 20 сентября 1854 г. князь Меншиков не знал, что делать. Отступая от Альмы, он приказал собрать войска на Каче, а затем построить их левым флангом к верховью Большой бухты, правым – к Бельбеку, фронтом – к морю, чтобы прикрыть дорогу на Бахчисарай. Но утром 9 сентября он изменил приказ: войска должны были следовать в Севастополь и расположиться на Куликовом поле (на Южной стороне города).

Союзники также не имели определенного плана операции и вовсю импровизировали. Поначалу их армия двинулась вдоль моря за армией Меншикова к Северной стороне Севастополя. При этом союзники не имели контакта с русской армией и в большинстве случаев не знали о ее перемещениях. Но 12 сентября французский командующий Канробер и английский командующий лорд Раглан приказали войскам двинуться к реке Бельбек. На следующий день по единственной дороге союзники прошли через хутор Макензия, а 14 сентября перешли через Черную речку, после чего французы расположились на Федюхинских высотах, а англичане с турками – в окрестностях Балаклавы.

Одновременно с союзниками совершила фланговый марш и армия Меншикова. 12 сентября русские выступили с Южной стороны Севастополя и через два дня достигли реки Качи в 5 км южнее Бахчисарая. В «Военной энциклопедии»[31] об этой ситуации говорилось: «Таким образом, лишь обоюдная неосведомленность противников предотвратила их столкновение». Добавлю от себя, что и Раглан, и Канробер, и Меншиков боялись нового сражения. А ведь дело происходило в горной местности. Завалы на дорогах, засады, фугасы, наскоки кавалерии могли надолго задержать союзников. Но светлейший князь предпочел «потерять» противника.

Разительным контрастом с действиями русских генералов, решивших «потерять» противника, являются действия Балаклавского греческого батальона. Собственно, даже не батальона, а его 4-й роты. В сентябре 1854 г. две роты батальона находились на Кавказе, третья рота – в Бахчисарае, и лишь четвертая рота в составе 110 солдат, из которых 30 были отставными инвалидами, встала на пути английской армии.

Князь Меншиков даже не подумал укрепить Балаклаву, что было очень легко сделать с учетом гористой местности. Вспомним, что планы обороны

Балаклавы были составлены инженером де Воланом еще при Суворове.

Утром 14 (26) сентября английские войска двинулись к Балаклаве, но у входа в город были встречены метким ружейным огнем греков. Через час подошли основные силы англичан и артиллерия. Защитники города были вынуждены отступить в старую генуэзскую крепость. Там стояли четыре маленькие полупудовые медные мортиры. Разрывы первых же мортирных гранат остановили противника. Англичане выдвинули вперед свою артиллерию. «В это же время на горе Кефаловриси показалась голова второй вражеской колонны, численностью в 5000 человек, которая так же стала устраивать артиллерийскую батарею, а со стороны моря подошли более 20 английских пароходов, которые выстроились в боевую линию. Несмотря на численное превосходство противника, мортирная батарея продолжала действовать в трех направлениях. С открытием огня с батарей неприятеля вперед вышел английский винтовой трехдечный линейный корабль и бортовыми залпами стал стрелять по генуэзской крепости. Несмотря на усиленное бомбардирование с трех сторон, командир мортирной батареи поручик Иван Марков продолжал вести неравную артиллерийскую дуэль до тех пор, пока не закончились снаряды.

Видя, что батарея прекратила стрелять, осмелевшие англичане бросились на штурм укрепления, однако греки, вступив с ними в рукопашную схватку, защищались до последней возможности. Раненый командир Балаклавского греческого батальона полковник Матвей Афанасьевич Манто, 6 офицеров и около 60 израненных солдат попали в плен. Одному офицеру и двум солдатам удалось уйти от врага горными тропами и спасти знамя батальона, которое так и не досталось победителям. В 14 часов 30 минут над укреплением был поднят английский флаг, однако взятие Балаклавы стоило противнику до 100 человек убитыми и 100 ранеными. На допросе спросили командира роты капитана Стефана Михайловича Стамати: неужели он надеялся с горсткой храбрецов остановить целую армию? И в ответ изумленные враги услышали: “Безусловно, своей сдачею я навлек бы на себя и гнев моего начальства, и ваше презрение; теперь же совесть моя спокойна, потому что я исполнил свой долг”»[32].

Сразу же после занятия Балаклавы англичане провели там этническую чистку, принудительно выселив всех русских и греков. Ну и что?.. Просвещенным англосаксам можно все, что не позволено русским и немцам, и этнические чистки производить, и концлагеря строить. Отечественные либералы всему найдут оправдание.

Бой роты греков красноречиво показывает, что стало бы с союзниками,

если бы Меншиков попытался остановить их в горном Крыму и не дать выйти к удобным бухтам – Балаклавской и Камышовой.

Замечу, что в честь греков, защищавших Балаклаву, нет ни памятника, ни даже мемориальной доски, зато по всей стране стоят памятники в честь героев-самозатопленцев от Корнилова до Руднева[33].

Раздел II
Революция и гражданская война

Глава 1
В Крым приходит революция

О революции в Петрограде население Крыма узнало из опубликованного 3 марта (по ст. стилю) приказа командующего Черноморским флотом за № 711. Приказ гласил: «В последние дни в Петрограде произошли вооруженные столкновения с полицией и волнения, в которых приняли участие войска Петроградского гарнизона. Государственной думой образован временный комитет под председательством председателя Государственной думы Родзянко для восстановления порядка».

На следующий день был опубликован манифест об отречении Николая II.

В воскресенье 5 марта военные власти провели в Севастополе парад войск гарнизона, морских частей и учащихся города, посмотреть на который на площадь Нахимова вышла большая часть севастопольцев.

Перед парадом епископ Сильвестр отслужил молебен «во здравие богохранимой державы Российской, народного правительства, Верховного главнокомандующего и всего российского воинства».

После парада официальные лица отправились на обед к военному генерал-губернатору контр-адмиралу М.М. Веселкину, а для горожан на Историческом бульваре и на Большой Морской улице у здания Городской думы были организованы митинги.

В 2 часа дня митинг состоялся и во флотском экипаже, на котором перед собравшимися матросами, солдатами и портовыми рабочими выступил командующий Черноморским флотом адмирал А.В. Колчак.

После митинга Колчак отправился в Городскую думу, где шло обсуждение вопроса о разоружении полиции и жандармерии. Думцы решили распустить полицию и организовать народную милицию, а также ввести для поддержания порядка флотские патрули. По распоряжению Колчака из тюрьмы выпустили политических заключенных.

Но и левые не дремали. 4 марта в казармах Севастопольского флотского полуэкипажа был сформирован временный военный исполнительный комитет. 6 марта в Народном доме, располагавшемся на Базарной площади у Артиллерийской бухты, при большом скоплении народа состоялись выборы в Городской исполнительный комитет. В него вошли 19 человек (от Городской думы – 3, от населения – 3, от рабочих – 6,

от гарнизона – 3, от флота – 4 человека). Одновременно был создан Центральный военный исполнительный комитет (ЦВИК) из 10 рабочих, 23 матросов, 12 солдат и 6 кондукторов[34]. ЦВИК находился под контролем командующего флотом.

На следующий день, 7 марта, по инициативе офицеров флота и гарнизона был сформирован Офицерский временный исполнительный комитет, в который вошли девять человек. В этот же день заявили о своем объединении Совет солдатских и Совет рабочих депутатов.

17 марта по всему Крыму была проведена присяга на верность Временному правительству.

22 марта на совместном заседании ЦВИКа, Городского исполнительного комитета, Совета солдатских и рабочих депутатов и

Городской думы был образован Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов. В этот совет вошли 163 депутата, председателем его избрали прикомандированного к 35-му авиационному отряду Севастопольской военно-авиационной школы старшего унтер-офицера Константина Васильевича Сафонова, состоявшего в партии эсеров.

Пока в Севастополе и в Крыму был относительный порядок и не пролилось еще ни капли крови. Для сравнения, в базах Балтийского флота Гельсингфорсе и Кронштадте уже были убиты десятки морских офицеров, а пьяные матросы чинили насилия и над обывателями.

Князь В.А. Оболенский, побывавший в Севастополе в конце марта 1917 г., по этому поводу писал: «Особенно поразил меня вид Севастополя: солдаты и матросы, подтянутые и чистые, мерно отбивающие шаг в строю и отчетливо козыряющие офицерам вне строя. После того, что привык видеть в Петербурге – после этих распоясанных гимнастерок, сдвинутых на затылок шапок, всевозможной распущенности и хамства, так быстро сменивших в частях Петербургского гарнизона утраченную военную дисциплину, севастопольский “революционный порядок” казался каким-то чудом. И невольно в это чудо хотелось верить и верилось»[35].

В марте до Севастополя дошли приказы военного и морского министров, отменявшие звание «нижние чины», титулование офицеров, ограничения гражданских прав солдат и матросов. Согласно приказу Колчака, с 8 марта нижние чины освобождались от наказаний, наложенных по суду. В апреле по флоту и Морскому ведомству отменили ношение погон, вензелей на фуражках и т. п. Необязательным стало и отдание воинской чести вне строя.

Первый звонок ко второй трагедии Крыма прозвучал 25 марта, когда в

Симферополе в торжественной обстановке открылся съезд мусульман Крыма. На съезде был создан Крымский мусульманский исполнительный комитет (КМИК), в состав которого вошли Челеби Челебиев (избран также комиссаром духовного правления и Таврическим муфтием), Джафар Сайдамет, А. Озенбашлы, С. Меметов и другие, в основном члены национальных татарских партий крайне левого, и к тому же сепаратистского, направления.

Революция революцией, а боевые действия на Черном море все еще продолжались.

С 25 мая 1917 г. русские начали ставить мины у Босфора с моторных баркасов. Первое заграждение было поставлено в 300 м от входа в пролив, а на следующий день 72 мины было поставлено уже в начале самого пролива.

В конце мая русские корабли обстреляли Синоп и Самсун, а самолеты с авиатранспортов бомбили эти порты. Были уничтожены несколько небольших торговых судов и ряд береговых объектов.

Первой германской подводной лодкой, вышедшей в Черное море в 1917 г., стала UB-14. Она была отправлена 30 мая к Кавказскому побережью. Лодка высадила трех диверсантов, а также потопила парусник водоизмещением 145 тонн с грузом соли. 14 июня подводная лодка вернулась в Босфор.

23 июня в 18 ч. 45 мин. крейсер «Бреслау» вышел из Босфора, имея 80 мин на борту. Поздно вечером следующего дня крейсер выставил 70 мин у устья Дуная. В 3 ч. ночи 25 июня «Бреслау» обстрелял маяк на острове Фидониси (Змеином). Затем на остров был высажен десант, который захватил маяк и радиостанцию. Десантом были уничтожены две 77-мм пушки (трофейные, германские). В 4 ч. 55 мин. десант возвратился на крейсер. В заключении «Бреслау» поставил недалеко от маяка оставшиеся 10 мин.

«Бреслау» двинулся назад, но в 12 ч. 15 мин. был обнаружен русскими эскадренными миноносцами. В 13 ч. 25 мин. эсминцы открыли огонь с дистанции 107 кабельтовых (19,6 км), но выстрелы дали недолеты. Из-за дальней дистанции «Бреслау» не отвечал. В 13 ч. 35 мин. с «Бреслау» заметили дредноут «Екатерина Великая». В 14 ч. 13 мин. дредноут открыл огонь с дистанции 136 кабельтовых (24,9 км). Недолеты достигали 400–600 метров, но залпы ложились в одну точку. Скорость хода дредноута достигла 24 узлов. «Бреслау» увеличил скорость до 25 узлов и надеялся при помощи постепенного уклонения вправо выйти из района обстрела. «Бреслау» поставил несколько дымовых завес. В результате ни «Екатерина», ни наши

турбинные эсминцы ни разу не попали в крейсер. В 17 ч. 15 мин. «Екатерина» прекратила огонь, и «Бреслау» спокойно вошел в Босфор.

Результатом этой операции явилась гибель 7 июля на мине русского эскадренного миноносца «Лейтенант Зацаренный» у острова Фидониси. Эсминец вез команду и оборудование для восстановления маяка и радиостанции на острове. Погибли 37 человек.

15 июня 1917 г. в строй вступил третий (после «Екатерины Великой» и «Николая I») дредноут, «Император Александр III». Почти одновременно с ним вступили в строй эсминцы «ушаковской» серии: «Гаджибей», «Калиакрия», «Керчь» и «Фидониси», а также подводные лодки «Буревестник», «Гагара» и «Утка».

Но еще раньше, в апреле 1917 г., произошло переименование чуть ли не половины Черноморского флота. В первую очередь переименовали два состоявших в строю и один строящийся в Николаеве дредноуты. «Императрица Екатерина Великая» стала «Свободной Россией», «Император Александр III» стал «Волей», а «Император Николай I» – «Демократией». Авиатранспорты (гидрокрейсера) «Александр I» и «Николай I» получили названия «Республиканец» и «Авиатор». Броненосцу «Пантелеймон» и крейсеру «Кагул» 31 марта вернули их революционные названия «Потемкин-Таврический» и «Очаков». Но матросы броненосца, не дюже знакомые с революционной историей, потребовали нового переименования, и 28 апреля «Потемкина» переименовали в «Борец за свободу».

Уже в июне 1917 г. на кораблях Черноморского флота начались случаи открытого неповиновения командирам. Так, на эсминце «Жаркий» в начале июня команда отказалась выполнять приказы командира Г.М. Веселого. А комиссия ЦИК предложила миноносцу «Жаркий»… «прекратить кампанию», то есть встать на прикол в Севастополе и более не участвовать в боевых действиях.

5—6 июня в Севастополе революционные матросы произвели аресты нескольких десятков офицеров. А затем было решено обыскать и обезоружить всех офицеров Черноморского флота.

Желая избежать кровопролития, адмирал Колчак издал приказ, немедленно переданный по радиотелеграфу: «Считаю постановление делегатского собрания об отобрании оружия у офицеров позорящим команду, офицеров, флот и меня. Считаю, что ни я один, ни офицеры ничем не вызвали подозрений в своей искренности и существовании тех или иных интересов, помимо русской военной силы. Призываю офицеров во избежание возможных эксцессов добровольно подчиниться требованиям

команд и отдать им все оружие».

В 17 часов того же дня, 6 июня, члены судового комитета флагманского броненосца «Георгий Победоносец» пришли в адмиральскую каюту и потребовали от Колчака сдать оружие. Тот выставил депутатов из своей каюты, затем вышел на палубу и выбросил за борт свою Георгиевскую саблю с надписью «За храбрость», полученную за оборону Порт-Артура.

В тот же вечер начальник штаба Черноморского флота адмирал М.И. Смирнов телеграфировал в Петроград Временному правительству о произошедших событиях. Ночью он получил ответную телеграмму, подписанную премьером князем Львовым и военным министром Керенским. В телеграмме приказывалось Колчаку и Смирнову немедленно выехать в Петроград для личного доклада. Временное командование флотом возлагалось на адмирала

В. К. Лукина. В телеграмме также содержался строжайший приказ возвратить оружие офицерам.

7 июня в Севастополь прибыла американская военно-морская миссия контр-адмирала Дж. Г. Гленнона. Целью миссии было изучение постановки минного дела и методов борьбы с подводными лодками на Черноморском флоте. Члены миссии посетили несколько кораблей, подводных лодок и береговых батарей. Кэптен А. Бернард позже писал: «Когда мы поднялись на флагманский корабль, в поле зрения не попало ни одного офицера, а шканцы были довольно плотно заполнены бездельничающими матросами в грязной белой форме, пялившими на нас глаза. Оказалось, что почти все офицеры съехали с корабля еще прошлой ночью, а несколько офицеров заперты в своих каютах. Дверь в кают-компанию открыл с внешней стороны рядовой матрос. Арестованный же офицер сказал, что прощается с жизнью и готовится к смерти каждый раз, когда открывается дверь. Он был капитаном 3 ранга, механиком»[36].

Черноморский флот практически стал небоеспособен. 7 июля команда крейсера «Память Меркурия» отказалась выполнять приказ командования, а 29 июля то же произошло на эсминце «Поспешный». Да и на кораблях, участвовавших в боевых действиях, дисциплина стала понятием относительным.

27 июля миноносец «Гневный» возвратился в Севастополь с захваченной турецкой лайбой, груженной маслинами, орехами и табаком. Команда отказалась сдать груз в распоряжение Севастопольского Совета и сама распродала его прямо на площади Нахимова. Такого отродясь не бывало в Российском флоте. Даже греческие корсары в 1769–1774 гг.

отдавали половину добычи адмиралу Ушакову.

В Крыму началось мародерство. Военная комиссия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов вынуждена была выпустить воззвание: «В Военную комиссию поступают неоднократно мольбы от арендаторов имений, садов, виноградников и от целых селений о защите их от анархистских выступлений матросов и солдат, целыми толпами громящих сады, огороды и виноградники. Военная комиссия, негодуя на таковые выступления темных элементов армии и флота, требует прекращения подобного рода разгромов и расхищения народного достояния и более сознательных товарищей просит удерживать эти элементы, т. к. все такие действия ведут только к контрреволюции».

18 июля Временное правительство назначило на должность командующего Черноморским флотом Александра Васильевича Немитца с производством его в контр-адмиралы. Сам Немитц вспоминал: «Адмирал А.В. Колчак, уезжая с заданием Временного правительства в Америку, указал на меня, как своего заместителя в Черном море. Поставив меня в известность о таком предложении, А.Ф. Керенский пригласил проехать с ним в Ставку Верховного главнокомандующего… Я в беседе с А.Ф. Керенским интересовался только одним вопросом, могут ли быть приняты правительственные меры для ограждения дисциплины в частях. Ответ на этот вопрос был равносилен ответу на вопрос, “существует или нет власть Временного правительства?”»

В тот же день, 18 июля, Керенский назначил генерала Л.Г. Корнилова Верховным главнокомандующим вместо генерала А.А. Брусилова, а Б.В. Савинков стал управляющим Военным министерством, хотя Керенский продолжал формально оставаться военным министром.

Перед отъездом в Севастополь А.В. Немитц встретился с Корниловым, который предложил Немитцу следующий план действий: «1. На австро-германском фронте оборона. 2. На Черноморском – наступление и занятие проливов и Константинополя. 3. Твердые меры по ограждению воинской дисциплины. 4. Решив константинопольскую задачу, немедленно – мир с Германией».

Однако через месяц произошел так называемый корниловский мятеж. На самом же деле беспринципный проходимец Керенский «подставил» генерала. В Севастополь из Петрограда шли одна за другой взаимоисключающие телеграммы: «Не подчиняться Керенскому…», «Не подчиняться Корнилову». Командующий флотом Немитц был вынужден отдать приказ: «Черноморский флот был и остается верным Временном правительству – единственной верховной власти в России».

Севастопольский Совет поддержал Немитца и направил телеграмму ЦИК Совета и Керенскому, в которой заявил «о своей твердой готовности до конца стоять на страже завоеваний революции», а выступления Керенского назвал «предательством Родины и Революции».

В апреле 1917 г. в Киеве с попустительства Временного правительства было создано сепаратистское правительство Украины, так называемая Центральная рада. Приехавший в Киев в середине июля А.Ф. Керенский фактически признал власть Центральной рады над Киевской, Полтавской, Подольской, Волынской и Черниговской губерниями.

Как видим, Таврической губернии в этом списке не было, тем не менее украинские националисты поддержали Центральную раду и в Крыму. Собственно украинского населения на полуострове проживало немного, но среди части матросов и солдат, призванных из малороссийских губерний, распространялись националистические настроения.

8 августа в Севастополе было созвано собрание украинцев – солдат, матросов, офицеров и рабочих. На собрании было принято постановление, в котором говорилось, что «в случае какого-либо насилия над Центральной радой они все, как один человек, с оружием в руках выступят на ее защиту». Собрание также потребовало учредить при штабе командующего Черноморским флотом должность Генерального комиссара по украинским делам.

В октябре 1917 г. в Севастополь прибыл «украинский» комиссар флота капитан 2 ранга Е.Н. Акимов, вывесивший над своей резиденцией флаг Центральной рады. Украинский войсковой комитет прямо агитировал за полную «украинизацию» Черноморского флота и передачу его Украине на правах собственности. Этой пропаганде в ноябре поддались экипажи линкоров «Воля», «Евстафий», «Борец за свободу», крейсера «Память Меркурия», эсминцев «Завидный», «Звонкий» и нескольких других судов. В ответ на решение большинства команды крейсера вместо Андреевского поднять 12 ноября флаг Украины «великороссы и не сочувствующие подъему украинского флага» решили покинуть корабль. Судовой комитет просил Исполком Совета назначить на крейсер матросов-украинцев взамен ушедших, но Совет и Центрофлот отвергли эти домогательства.

Иностранец, приехавший в Севастополь осенью 1917 г., решил бы, что в бухту вошли флоты как минимум четырех стран: «Одни корабли еще стояли под Андреевскими флагами, другие под красными, третьи подняли “жовто-блакитные” самостийной Украины, четвертные – черные флаги анархистов».

С 8 по 15 сентября в Киеве проходил съезд народов России.

Фактически это было сборище сепаратистов, требовавших разорвать Россию на куски. Собрались 92 делегата, среди которых были и представители Крыма. Руководитель группы крымских татар А. Озенбашлы выступил с докладом по вопросу о национальногосударственном устройстве. Он подтвердил позицию Милли-Фирки (национальной партии), что «Крым должен быть субъектом Российской Федеративной республики». Центральная рада подтвердила право крымских татар строить свою государственность на полуострове.

В течение весны 1917 г. почти во всех крымских городах и частях расквартированной в Крыму 38-й запасной пехотной бригады были созданы национальные мусульманские комитеты – филиалы Крымского мусульманского исполнительного комитета.

18 мая 1917 г. КМИК и организованный в его составе военный комитет, возглавляемый подполковником 32-го запасного пехотного полка Алиевым, постановили создать из солдат – крымских татар – отдельные воинские части и перевести в Крым запасной эскадрон Крымского конного полка, подчинив его КМИКу.

38-я запасная пехотная бригада, состоявшая из 32-го, 33-го и 34-го полков, бригадной школы прапорщиков, находившейся в Симферополе, 35-го полка, расквартированного в Феодосии, и ряда других более мелких подразделений, насчитывала более 20 тысяч солдат-запасников из Таврической губернии и Украины. Крымские татары составляли в этой бригаде довольно большой процент.

В июле 1917 г. большинство татар из 38-й бригады вышли из повиновения командованию. Они заняли под казармы Татарскую учительскую школу и ряд других зданий в Симферополе. Татарские подразделения демонстративно маршировали по городу. Любопытно, что Керенский сообщил по телефону Крымскому мусульманскому военному комитету, что он ничего не имеет против формирования татарских частей.

В Севастополе татар обывателей практически не было, но тем не менее 8 июня на собрании матросов и солдат – мусульман был создан «Мусульманский военный комитет».

Вечером 25 октября в Севастопольскую почтово-телеграфную контору начали поступать отчаянные телеграммы министерств Временного правительства о захвате большевиками почтамта в Петрограде, а также распоряжение о задержании всех телеграмм, призывающих к ниспровержению Временного правительства и исполнению приказов большевиков. Через несколько часов поступила и новая телеграмма: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в

руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета».

С 1 по 5 ноября 1917 г. состоялся последний поход кораблей Черноморского флота. В нем участвовали «Свободная Россия», «Воля», «Борец за свободу», «Иоанн Златоуст», румынский вспомогательный крейсер «Король Карл» и эсминцы. Соприкосновений с противником русские корабли не имели. Поход имел скорее политическое, чем военное значение.

С 6 по 19 октября 1917 г. в Севастополе в здании Морского собрания прошел I Общечерноморский съезд военных моряков. Всего было 88 делегатов, из них 27 левых эсеров, 22 большевика, 17 украинских эсеров, 16 беспартийных и 6 социал-демократов. По первому вопросу о власти приняли резолюцию: «I черноморский съезд признает II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и его решения вполне правомочными, считает вновь избранный ЦК Всероссийского съезда Советов единственным представителем власти».

По решению съезда 19 ноября все суда Черноморского флота спустили Андреевские, черные и «жовто-блакитные» флаги и на следующий день подняли только красные.

А вот по поводу борьбы с Калединым голоса разделились. Большевики требовали немедленной отправки моряков на Дон, а эсеры были категорически против, считая, что это станет началом Гражданской войны.

Между тем 25 октября (то есть 7 ноября по новому стилю) атаман «донского казачества» Каледин[37] ввел в Донбассе военное положение и разогнал Советы в 45 городах и других населенных пунктах.

А в Севастополе победило… безвластие. Каждый делал, что хотел. Две с половиной тысячи матросов отправились на Дон «бороться с контрреволюцией». А отряд из восьмисот матросов, преимущественно украинцев, отправился по железной дороге в Киев на помощь Центральной раде.

11 декабря в Севастополь вернулись остатки 1-го Черноморского отряда, разбитого на Дону. Потерпев поражение от казаков, матросы для начала расстреляли на станции Тихорецкой лейтенанта А.М. Скаловского, обвинив его в измене. А теперь они решили сорвать зло на флотских офицерах и обывателях Севастополя.

12 декабря в газетах был опубликован приказ Военной комиссии Севастопольского Совета о введении выборности командного состава. 13 декабря командующий Черноморским флотом Немитц вместе с главным комиссаром Черноморского флота В.В. Роменцом выехал в Петроград по

вызову властей, но туда не прибыл. И в Севастополь Немитц не вернулся. 30 января 1918 г. приказом по флоту и Морскому ведомству его уволили со службы и отдали под суд. Исполняющим обязанности командующего флотом стал бывший начальник штаба флота контр-адмирал М.П. Саблин.

Любопытно, что А.В. Немитц позже сделал хорошую карьеру у красных. В августе – октябре 1919 г. он стал начальником штаба Южной группы войск 12-й армии. Принимал участие в разгроме войск Врангеля и создании морских сил на Черном и Азовском морях. С февраля 1920 г. по декабрь 1921 г. командовал всеми морскими силами республики и был управляющим делами Наркомата по военным и морским делам. Позже вел преподавательскую и научную работу в Военно-морской, Военно-воздушной и Военно-политической академиях. Закончил службу вице-адмиралом, умер в 1967 г. в Ялте в возрасте 88 лет.

12 декабря на эсминце «Фидониси» кочегар Коваленко, находясь в машинном отделении вместе с мичманом Н. Скородинским, выстрелил в него и тяжело ранил только за то, что тот посмел ему сделать замечание за нерадивую службу. Скородинский скончался на следующий день в госпитале, так и не придя в сознание.

А 15 декабря в Севастополе начались массовые расправы с офицерами. На эсминце «Гаджибей» матросы схватили шесть офицеров и привели их в тюрьму. Но там отказались принять арестованных без санкции Следственной комиссии, и тогда офицеров отвели за Малахов курган и там расстреляли.

В эту ночь были арестованы еще много офицеров, обвиняемых в контрреволюционной деятельности, 28 из них расстреляли в ближайшие несколько дней. Двенадцать из убитых офицеров были из Минной бригады, пятеро – с эсминца «Гаджибей», четверо – с эсминца «Пронзительный». Были убиты председатель Севастопольского военно-морского суда генерал-лейтенант Ю.Э. Кертиц, бывший начальник тыла флота и главный командир Севастопольского порта вице-адмирал А.И. Александров, начальник высадки контр-адмирал М.И. Каськов, начальник Минной бригады капитан 1 ранга И.С. Кузнецов, начальник Службы связи флота капитан 1 ранга А.Ю. Свиньин, начальник дивизиона сторожевых судов капитан 1 ранга Ф.Д. Климов и другие[38].

Глава 2
Вакханалия

В ночь с 15 на 16 декабря в Севастополе был распущен старый состав Совета и избраны новый Совет и Военно-революционный комитет из двадцати человек. В президиуме, состоявшем из шести человек, все были большевиками. Председателем Военно-революционного комитета стал Ю.П. Гавен. Таким образом, власть в Севастополе перешла в руки большевиков.

Между тем Центральная рада по-прежнему считала Крым своей территорией. В ноябре 1917 г. Генеральный комиссар Украины по внутренним делам В.К. Винниченко объявил бывшие органы

Временного правительства на полуострове подчиненными Центральной раде, а 1 ноября для контроля над Черноморским флотом создается Генеральная рада по морским делам.

В декабре 1917 г. украинские большевики собрали в Харькове 1-й Всеукраинский съезд Советов, который 12 (25) декабря и провозгласил УССР. Правительство Центральной рады было объявлено «врагом народа». Вскоре на Украине начались боевые действия между силами большевиков и Центральной рады.

А между тем в Киеве на заседании «Генерального секретариата» было заявлено: «Морской секретариат должен руководить Черноморским флотом, который будет охранять берег Украинской республики и тех держав, которые имеют с нею границу по берегу Черного моря. Содержание флота должны взять на себя все те державы, интересы которых он охраняет. Для этой цели достаточно двух броненосцев и флотилии миноносцев с командой 10–12 тыс. матросов. Прочие корабли демобилизовать и перевести в государственный торговый флот, развитие которого находится в ближайших интересах Украинской республики»[39].

29 декабря 1917 г. Центральная рада принимает универсал, по которому Черноморский флот объявляется флотом УНР, все военные и транспортные корабли обязаны поднять флаги республики. Генеральному секретариату международных дел поручалось довести содержание документа до сведения всех государств.

26 января (8 февраля) 1918 г. красные взяли Киев, а руководство Рады бежало на Волынь – сначала в Житомир, а затем в Сарны. Любопытно, что

перед бегством эти персонажи провозгласили независимость Украины. По сему поводу в Севастополь была отправлена директива: «Предупреждаем организации и начальников украинского флота в Севастополе, что все сношения с представителями чужеземных держав, как с Россией, так и с другими, будут преследоваться отныне как государственная измена»[40].

Но из далекого Киева, а тем более с Волыни Центральная рада могла лишь слать универсалы в Крым. Зато татары собрали 26 ноября 1917 г. Курултай, который объявил себя учредительным собранием Крыма и даже сформировал Национальное правительство, более известное под именем Директории (не путать с украинской Директорией).

Татарское правительство возглавил Ч. Челебиев, а директором по военным и внешним делам стал Джафар Сайдамет. 21–22 декабря все части Крымской конной бригады и полк «Уриет», согласно приказу Крымского штаба № 6, в торжественной обстановке были приведены к присяге «на защиту основных законов Курултая».

У татар не было командующего войсками, который был бы военным специалистом и имел хоть какой-то политический вес. Посему они предложили принять начальство над татарским воинством… барону П.Н. Врангелю. Собственно, ничего удивительного в этом не было. Объявил же себя другой немецкий барон, Унгерн, монгольским ханом, наследником Чингисхана, так почему бы генерал-майору фон Врангелю не стать наследником Гиреев? Однако Петр Николаевич благоразумно отказался. Далее он выждал несколько месяцев, а затем вступил в Добровольческую армию.

В 20-х числах декабря татарские подразделения начали разоружать все войска, находившиеся на полуострове и е подчинившиеся Курултаю.

Татарские отряды 23 декабря вошли в Евпаторию и после короткой перестрелки разоружили находившиеся там части, в том числе Киевскую школу летчиков-наблюдателей, школу стрельбы по воздушному флоту и 1-ю Украинскую казачью батарею.

9 января 1918 г. татарские подразделения за несколько километров до железнодорожной станции Бахчисарай разоружили эшелон с семьюстами матросами Черноморского флота. Эти матросы демобилизовались, то есть без всякой санкции сверху захватили в Севастополе эшелон, естественно, не забыв взять с собой трехлинейки и «максимы». Они собирались проехать через Бахчисарай и Симферополь и далее за Перекоп.

Татар тоже можно понять. Пропускать через город такую массу пьяных, никому не подчиненных и хорошо вооруженных людей было крайне опасно.

Понятно, что разоружение «братишек» у Бахчисарая вызвало взрыв возмущения у моряков в Севастополе. Но это было еще полбеды. Воодушевленные легким успехом в Евпатории, татары двинулись на Севастополь. Через два часа после разоружения семисот матросов татарские части – 2-й конный полк и две роты полка «Уриэт» – перешли границу Севастопольского крепостного района у села Дуванкой и попытались захватить Камышловский железнодорожный мост. Мост охраняла дружина рабочих Севморзавода. Вскоре на помощь к ним из города пришел отряд красногвардейцев. Совместными усилиями им удалось отбить атаку татар.

10 января татары выбили отряд матросов из имения графа Мордвинова. Матросы отошли за реку Качу, а затем, после часовой перестрелки, погрузились в железнодорожный эшелон и убыли в Севастополь.

В Севастополе большевики и анархисты поняли, что надо экстренно спасать ситуацию. Срочно был создан Военно-революционный штаб и сформированы десантные отряды из моряков. Присутствие кораблей Черноморского флота решило все дело.

31 января гидрокрейсер «Румыния»[41], а также вооруженные транспорты «Трувор», «Данай» и «Геркулес» вышли с десантом из Севастополя в Евпаторию. Десанту матросов без особого труда удалось выбить татар из Евпатории. Естественно, что, захватив город, «братишки» начали его грабить и резать буржуев.

В 1919 г. по указанию Деникина была создана «Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков». Она была, естественно, весьма тенденциозна, но иногда хорошо передавала «колорит» времени. Из ее отчета о событиях в Евпатории: «Вечером 14 января 1918 г. (на самом деле 13 января. – *А.Ш.)*, на взморье вблизи Евпатории, показались два военных судна – гидрокрейсер “Румыния” и транспорт “Трувор”… Утром 15 января “Румыния” открыла по Евпатории стрельбу, которая продолжалась минут 40. Около 9 часов утра высадился десант приблизительно до 1500 человек матросов и рабочих. К прибывшим тотчас присоединились местные банды, и власть перешла в руки захватчиков. Первые три дня вооруженные матросы с утра до позднего вечера, по указанию местных большевиков, производили аресты и обыски, причем под видом отобрания оружия отбирали все то, что попадало им в руки. Арестовывали офицеров, лиц зажиточного класса и тех, на кого указывали как на контрреволюционеров. В те дни непрерывно заседал Временный военно-революционный комитет, образовавшийся частью из прибывших матросов, а частью пополненный

большевиками и представителями крайне левых течений г. Евпатории… Всех, предназначенных к убийству, перевозили на катерах с “Трувора” на “Румынию”, которая стояла на рейде неподалеку от пристани. Лиц, приговоренных к расстрелу, выводили на верхнюю палубу и там, после издевательств, пристреливали, а затем бросали за борт в воду. Бросали массами и живых, предварительно связав.»[42]

Кроме Евпатории, матросы Черноморского флота высадились в Ялте и Феодосии. Особенно упорные бои шли в районе Ялты, где войска Курултая были поддержаны боевиками мусульманской организации «Тан». Руководил татарами полковник Е.И. Достовалов. Ялта два раза переходила из рук в руки. Окончательно большевики захватили ее лишь 15 января, а переодевшийся в штатское Достовалов бежал в Симферополь.

Повсеместно революционные матросы устраивали погромы и убийства. Поэт Максимилиан Волошин был свидетелем этих событий. Он написал цикл стихов «Личины – 1918»: «Красногвардеец», «Матрос» и «Большевик».

Думаю, он хорошо проиллюстрировал ситуацию в Крыму.

Матрос:

Широколиц, скуласт, угрюм,
Голос осипший, тяжкодум,
В кармане браунинг и напилок,
Взгляд мутный, злой, как у дворняг,
Фуражка, с лентою «Варяг»,
Сдвинутая на затылок,
Татуированный дракон
Под синей форменной рубашкой,
Браслеты, в перстне кабошон,
И красный бант с алмазной пряжкой…
<…>
Входя на миноносце в порт,
Кидал небрежно через борт:
«Ну как буржуи ваши?живы?»
Устроить был всегда не прочь
Варфоломеевскую ночь,
Громил дома, ища поживы,
Грабил награбленное, пил,
Швыряя керенки без счета…

Не менее колоритно и стихотворение о Большевике. Приведу его полностью:

Зверем зверь. С крученкой во рту.
За поясом два пистолета.
Был председателем Совета,
А раньше грузчиком в порту.
Когда матросы предлагали
Устроить к завтрашнему дню
Буржуев общую резню
И в город пушки направляли, —
Всем обращавшимся к нему
Он заявлял спокойно волю:
«Буржуй здесь мой, и никому
Чужим их резать не позволю»[43].
Гроза прошла на этот раз:
В нем было чувство человечье —
Как стадо он буржуев пас:
Хранил, но стриг руно овечье.
Когда же вражеская рать
Сдавила юг в германских кольцах,
Он убежал. Потом опять
Вернулся в Крым при добровольцах.
Был арестован. Целый год
Сидел в тюрьме без обвиненья
И наскоро «внесен в расход»
За два часа до отступленья.

13 января моряки штурмом овладели Бахчисараем и двинулись к Симферополю. Войска Курултая начали разбегаться. При подходе красных к Симферополю на татарские части напали учебная команда 33-го запасного полка и боевая дружина завода «Анатра».

Город был взят почти без боя. У красных при занятии Симферополя был убит один человек, в татарских войсках – один офицер и трое рядовых. Тем не менее большевики начали массовые расстрелы в городе, коснувшиеся в первую очередь лидеров татарских националистов и офицеров старой русской армии, как помогавших татарам, так и просто подвернувшихся по руку. Среди расстрелянных татар стоит отметить Ч.

Челебиева, штаб-ротмистра Биарсланова Осман бея, подполковника Алиева, прапорщика Сеид-Амет Сулейман Батбуртлы. А Джафару Сайдамету удалось скрыться.

Итак, в середине января 1918 г. весь Крым стал советским. Другой вопрос, что в то время отделить действия «идейных» большевиков от действий грабителей-«братишек» практически невозможно.

21 февраля на линкоре «Борец за Свободу» состоялось собрание судовых комитетов, постановившее «заставить буржуев опустить голову». Был намечен ряд действий, «вплоть до поголовного истребления буржуазии». Собрание избрало комиссию из 25 человек, возглавляемую председателем ЦК Черноморского флота С.И. Романовским, Басовым и С. Шмаковым. Все трое были анархистами.

По окончании собрания, около двух часов ночи, вооруженная толпа матросов вошла в город, и начались массовые обыски, грабежи и убийства. Позже белые назовут эту ночь с 21 на 22 февраля 1918 г. Варфоломеевской. Расписывать эту ночь в красках у меня нет никакого желания, поэтому я предоставлю слово очевидцам.

Лейтенант штаба Черноморского флота Владимир Антонович Лидзорь сидел 21 февраля в севастопольской тюрьме, позже он вспоминал: «Часов в 11 ночи вся тюрьма затихла. Ничего не подозревающие люди уснули… А под покровом ночи на кораблях решалось гнусное и ужасное дело. Там решалась судьба многих ни в чем не повинных людей.

Подогреваемая кровожадными статьями выходящих тогда в Севастополе “интернациональных газет” “Таврическая Правда” и “Путь борьбы” и кровожадными телеграммами Троцкого и других комиссаров разнузданная, звериная банда матросов, “красы и гордости революции”, от которых отшатнулось все светлое и чистое, собрала свой митинг и дала Ганнибалову клятву уничтожить всю интеллигенцию, офицерство и буржуазию…

…В 2 часа ночи 23 февраля 1918 г. ворвалась в тюрьму первая банда матросов, они по списку потребовали от комиссара тюрьмы выдачи пяти заключенных. Комиссар по телефону запросил Совет (Совет всю ночь заседал во дворце главного командира флота), как ему быть: выдавать или нет. Из Совета ответили: выдавать, кого потребуют матросы. В списке значились: адмирал Львов, капитан 1 ранга Карказ, капитан 2 ранга Цвинман, муфтий Челебиев и бывший старший городовой севастопольской полиции Синица. Им связали руки назад (вязали руки матросы и рабочий плотничной мастерской Севастопольского порта Рогулин). Их повели. никто из обреченных не просил пощады. Дорогой до места убийства, в

Карантинной балке, как передавал потом рабочий Рогулин, их истязали: больного старика Карказа били прикладами и кулаками и в буквальном смысле волокли, т. к. он болел ногами и не мог идти, адмирала Львова дергали за бороду, Синицу кололи штыками и глумились над всеми. Перед расстрелом сняли с них верхнюю одежду и уже расстрелянных, уже мертвых били по головам камнями и прикладами.

Мы, оставшиеся в тюрьме, ждали своей очереди. Мы простились друг с другом, наскоро написали письма родным.

В 4 часа утра в тюрьму ворвалась вторая банда матросов. Эти брали без списка, кто подвернется под руку.

Взяли: полковников по адмиралтейству Шперлинга, Яновского, капитана 2 ранга Вахтина, лейтенанта Прокофьева, мичмана Целицо, поручика по адмиралтейству Доценко (на другой день после расстрела был получен ордер Совета на его освобождение), прапорщиков по адмиралтейству Кальбуса и Гаврилова, матроса Блюмберга и инженера Шостака (последним трем – Блюмбергу, Шостаку и Гаврилову – удалось бежать из-под расстрела; Шостак был ранен и умер в июне 1918 г.). Всем обреченным связали руки, хотя полковники Яновский и Шперлинг просили не вязать им руки: “мы не убежим”, говорили они. И эти пошли на свою Голгофу, не прося пощады у своих палачей, лишь у мичмана Целицо выкатились две слезинки – мальчик он еще был, вся жизнь у него еще была впереди, да прапорщик Гаврилов о чем-то объяснялся с бандитами… Их увели, а нам, оставшимся, сказали: “Мы еще придем за вами”. Минут через 15–20 глухо долетел в камеру звук нестройного залпа, затем несколько одиночных выстрелов, и все смолкло. Мы ждем своей очереди.»[44]

А вот рассказ простого матроса Беляева: «Матросов было много, 3000 человек. Все они заняли улицы города, сам город был оцеплен так, чтобы никто не убежал. Я не знаю, как они, а я арестовывал и приводил в Совет, но Совет от арестованных отказывался, говорил, что это не нужно, т. Пожаров уговаривал, чтобы этого не было. Их увели обратно и привели человек 60 или 40, а может, 50, в Морское собрание. Когда все люди были собраны в одной комнате, я посмотрел на них; там были и офицеры, и священники, а так – просто разные, кто попало. Там были совсем больные старики. Половина матросов требовала уничтожить их. Была избрана комиссия, куда попал и я. Я старался, чтобы люди шли через эту комнату. Людей было много, были и доктора, была уже полная зала. Было много людей. Матросы не знали ничего. Никто не знал ни арестованных, ни того, за что их арестовывали. Больше стоять было негде. Пришла шайка матросов и требовала отдачи. Я уговаривал, что это офицеры на выборных

началах, доктора и старики. Ничего не слушали. Согласились вывести из залы. А около 12 ночи звонит телефон из городской больницы. И тогда я узнал, что всех поубивали. Я слыхал, что в Стрелецкой бухте на пристани много убитых»[45].

Наутро за Малаховым курганам были обнаружены шесть трупов мужчин, сброшенных в овраг. Лица у всех были разбиты до неузнаваемости. Личность ни одного из убитых установить не удалось.

Вдова капитана 1 ранга А.Г. фон Ризенкампфа, заведующего Пристрелочной станцией и складом мин Уайтхеда, писала в ходатайстве о предоставлении пенсии: «Ночью 22 февраля с.г. ко мне в квартиру явились несколько вооруженных матросов в форме и приказали моему мужу Анатолию Григорьевичу Ризенкампфу вместе с моим зятем Григорием Афанасьевичем Марковым (мичман с подводной бригады) и племянником Анатолием Александровичем Ризенкампфом (армейский прапорщик) идти с ними в Совет военных и рабочих депутатов. На следующий день я узнала, что мой муж, зять и племянник в Совет не приводились, а были расстреляны у ворот Исторического бульвара, причем муж и зять были убиты насмерть, а племянник тяжело ранен и на его выздоровление надежд очень мало (умер 7/20 марта 1918 г.). После этой ужасной ночи я осталась вдовой с тремя детьми, из них две дочери еще в гимназии, а третья осталась вдовой, пробыв замужем только пять дней»[46].

Глава 3
Немцы пришли

3 марта 1918 г. в городе Бресте правительство Советской России подписало мир с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Подробный рассказ об истории подписания и последствиях это «препохабнейшего мира» выходит за рамки нашего повествования. Я лишь замечу, что по условиям договора Советская Россия обязалась немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой (УНР), то есть с Центральной радой. Россия должна была вывести свои войска с территории Украины. При этом о границах новоявленной и никогда ранее не существовавшей страны Украины не было сказано ни слова. Таким образом, и немцы, и украинские националисты обеспечили себе полную свободу рук.

С 7 по 10 марта в Симферополе проходил съезд Советов, ревкомов и земельных комитетов Таврической губернии. На съезде был рассмотрен вопрос о Брестском мире. Первая резолюция, принятая почти единогласно, декларировала необходимость продолжения революционной войны с Германией. Но после сообщения о положении, создавшемся на фронте, и под давлением большевистской фракции съезд признал политику центральной Советской власти в отношении заключения мира с Германией правильной.

На съезде тон задавали большевики и левые эсеры, они и сформировали Таврический Центральный исполнительный комитет в составе 20 человек: 12 большевиков и 8 левых эсеров. Татарские беспартийные делегаты предложили ввести от них в состав ЦИК одного или двух членов, но им в этом было отказано. Председателем ЦИК был избран Ж.А. Миллер[47].

Совет народных комиссаров возглавил прибывший в Крым по направлению ЦК РКП(б) А.И. Слуцкий.

Поскольку границы с Украиной не были определены, а также из-за ряда других политических нюансов Ленин и Троцкий решают создать в Крыму Таврическую республику.

Через десять дней после закрытия съезда Советов ЦИК решил его переименовать в Учредительный и провозгласил Таврическую Республику Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов в составе

Симферопольского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Мелитопольского, Бердянского, Перекопского и Днепровского уездов.

22 марта Таврический ЦИК подтвердил создание республики, но теперь она стала называться Социалистической советской республикой Тавридой в составе Советской России, а территория ее ограничивалась Крымом.

А между тем немцы, игнорируя условия Брестского мира, начали занимать территорию Украины. 13 марта ими была занята Одесса. 18 апреля германские войска, не встречая сопротивления, заняли Перекоп и вторглись в Крым. Через два дня правительство Советской республики Таврида бежало из Симферополя. Одновременно по всему Крыму началось восстание татар. Часть членов правительства Тавриды во главе с А.И. Слуцким были захвачены татарами в районе Алупки и расстреляны.

Севастопольская крепость к 1918 г. была второй по мощи в России. Даже без флота она могла несколько месяцев противостоять германским войскам. А при наличии флота, господствовавшего на Черном море, взятие Севастополя немцами исключалось полностью. Но на дворе был не 1916-й, а 1918 год. Революционные «братишки» с большим удовольствием грабили и резали буржуев, но драться с немцами принципиально не хотели. Главный вопрос у одних состоял в том, куда и как драпать, а у других – как договориться с немцами.

Большевики хотели увести корабли в Новороссийск и по такому случаю выпустили из тюрьмы контр-адмирала Саблина[48] и немедленно назначили его командующим Черноморским флотом.

Немецкие войска вплотную подошли к Севастополю, и Саблин повел часть кораблей в Новороссийск. Среди них были линкоры-дредноуты «Воля», «Свободная Россия», эсминцы «Керчь», «Калиакрия», «Пронзительный», «Пылкий», «Громкий», «Поспешный», «Живой», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Гаджибей», «Жаркий», «Строгий», «Сметливый» и «Стремительный», вспомогательный крейсер «Троян», 65 моторных катеров, 8 транспортов и 11 буксиров.

С высот Северной стороны германские полевые пушки открыли по ним огонь. «Воля», «Свободная Россия» и три шедших впереди эсминца прорвались в открытое море. Эсминец «Гневный» был подбит артиллерийским огнем противника и выбросился на берег в районе Ушаковой балки, эсминец «Заветный» был затоплен своей командой в порту. Подводные лодки и малые корабли возвратились в Южную бухту. В Севастополе остались шесть броненосцев, два крейсера и ряд других

кораблей, многие из которых не были укомплектованы личным составом.

Русские корабли ушли вовремя. В ночь на 1 мая перед Севастополем заняли позицию линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Гамидие». В 1916 г. оба они стали бы легкой добычей одного русского дредноута, но сейчас, когда на русской эскадре почти не осталось офицеров, а «братишки» привели суда в небоеспособное состояние, исход боя был непредсказуем. 1 мая в 15 часов германские войска церемониальным маршем вступили в Севастополь.

2 мая «Гебен» и «Гамидие» вошли в Севастополь. 3–4 мая немцы подняли германские флаги на русских кораблях, оставшихся в

Севастополе. Немцы назначили капитана 1 ранга Остроградского «морским представителем Украинской Державы». Но никакой власти ни Остроградский, ни сама «держава» в Севастополе не имели. Всем распоряжался германский адмирал Гопман. Казенное, равно как и частное, имущество в Севастополе бессовестно разграблялось немцами.

13 мая на крейсере «Прут» (бывший «Меджидие») был торжественно поднят турецкий флаг. Затем крейсер «Гамидие» взял «Прут» на буксир и отвел его в Стамбул.

1 июня последний отряд кораблей прибыл в Новороссийск. Тут перед русскими моряками возник вопрос – что делать дальше?

24 мая, еще до ухода кораблей в Новороссийск, начальник Морского Генерального штаба Е.А. Беренс представил председателю Совнаркома доклад, где говорилось: «Германия желает во что бы то ни стало завладеть нашим флотом. Дальнейшие с нашей стороны попытки разрешить вопрос переговорами при вышеизложенных условиях дают только Германии возможность выиграть время и явно ни к чему не приведут. Наши суда в Новороссийске попадут в руки даже не Украине, а Германии и Турции и создадут этим в будущем господство их на Черном море… Все эти условия показывают, что уничтожение судов в Новороссийске надо произвести теперь же, иначе они несомненно и наверное полностью или в части попадут в руки Германии и Турции».

На докладе Морского генерального штаба В.И. Ленин написал: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно».

На имя командующего и главного комиссара Черноморского флота 28 мая была направлена секретная директива за подписью Ленина с приказанием «утопить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске».

Таким образом, болтовня нынешних СМИ о том, что Ленин-де по

злому умыслу решил утопить флот, не имеет никаких оснований. Ленин просто доверился специалистам, причем не большевикам, а офицерам царского флота. Между тем 3 июня перед Новороссийском заняла позицию подводная лодка UC-23. А 52-й германский корпус начал продвижение с целью занятия Новороссийска.

Однако вопрос о судьбе флота решила не ленинская телеграмма, а матросский референдум, проведенный 16 июля в Новороссийске. Референдум дал 939 голосов за возвращение в Севастополь, 640 – за затопление флота в Новороссийске и около 1000 воздержались от голосования. По дредноутам распределение голосов было таково: на «Воле» за возвращение – 360, за потопление – 140; на «Свободной России» за возвращение – 350, за потопление – 340. В результате 17 июля вечером «Воля», эсминцы «Пылкий», «Поспешный», «Дерзкий», «Беспокойный», «Жаркий» и «Жуткий» (на которых было всего состава 730 человек) и транспорт «Троян» ушли из Новороссийска в Севастополь. Остальные корабли 18 июня были затоплены на внешнем рейде Новороссийска.

Дредноут «Свободная Россия» был потоплен четырьмя торпедами с эсминца «Керчь». Вместе с ним у Новороссийска были затоплены эсминцы «Фидониси», «Пронзительный», «Гаджибей», «Калиакрия», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый» и «Стремительный». Эсминец «Керчь» ушел в Туапсе, где был затоплен своей командой.

19 июня «Воля» и сопровождавшие ее корабли пришли в Севастополь. По требованию немцев эти корабли были поставлены в Стрелецкой бухте Севастополя. Экипажи свезены на берег. Корабли были частично разоружены – сняты замки и ударники с орудий, выпущен воздух из торпед и т. п.

10 мая в Симферополе был созван Курултай, на котором в качестве почетного гостя присутствовал германский генерал Кош. Германское правительство и военное командование не знали, как управлять Крымом.

На Украине немцы решили проблему с властью довольно просто. 28 апреля в Киеве во время заседания Центральной рады туда заявилась рота ландвера и разогнала всю честную компанию. 29 апреля немцы собрали съезд «хлеборобов». В тот же день «хлеборобы» единодушно избрали гетманом Скоропадского[49]. В свою очередь, гетман провозгласил создание Украинской Державы взамен Украинской народной республики.

12 июня гетманское правительство вручило германскому послу ноту о необходимости присоединения Крыма к Украине. Немцы эту ноту проигнорировали. А 25 июня в Симферополе с согласия оккупационных

властей было создано «Крымское краевое правительство», во главе которого стоял Сулейман Сулькевич. По происхождению он был из крымских татар, осевших в Литве, в царской армии он дослужился до чина генерал-лейтенанта.

Киевские самостийники немедленно начали войну против Крыма, правда, она выразилась в таможенных придирках и разрыве почтово-телеграфной связи. На большее гетман не решился, боясь немцев.

Крымское правительство объявило о введении гражданства Крыма. «Гражданином Крыма мог стать любой, рожденный на крымской земле, если он своим трудом содержал семью. Приобрести гражданство мог только тот, кто был приписан к сословиям или служил в государственном, общественном учреждении и проживал в Крыму не менее трех лет при условии судебной и нравственной непорочности»[50]. Столицей объявлялся Симферополь, государственным языком – русский, официальными языками – татарский и немецкий.

Немцы начали массовый вывоз продовольствия из Крыма. В мае 1918 г. газета «Прибой» писала: «Немцы забрали все продовольственные товары, принадлежащие городу. Так, конфискованы хлебные амбары, забран месячный запас сахара, около 900 пудов чая, свыше 500 000 банок консервов». После публикации этой статьи власти закрыли газету, а жителям города определили ежедневный паек в полфунта (200 г) хлеба на взрослого и четверть фунта (100 г) на ребенка.

Немцы подвергли разграблению склады Черноморского флота и Севастопольской крепости. 7 июля в севастопольский док встал линейный крейсер «Гебен». Дело в том, что у турок не было дока, способного принять столь крупный корабль, и «Гебен» почти пять лет не был в доке.

К началу июля 1918 г. германские флаги были подняты над несколькими кораблями Черноморского флота. В первую очередь немцы захватили плавмастерскую «Кронштадт» водоизмещением 16 400 т. Фактически это был плавучий завод. Впоследствии Врангель продаст его французам, и он длительное время под названием «Вулкан» будет входить в состав французского флота.

Крейсер «Память Меркурия» немцы обратили в плавказарму. В боевой состав немцы ввели эсминец R-10 (бывший «Зоркий») и подводную лодку US-4 (бывшая «Гагара»), а также десять малых судов. Эти суда были укомплектованы германо-турецкими экипажами. В конце лета немцы ввели в строй эсминцы «Счастливый» и «Капитан Сакен».

Между тем Первая мировая война шла к концу. 30 октября 1918 г. в городе Мудрос на острове Лемнос состоялось подписание перемирия

между Турцией и странами Антанты. По условиям перемирия Турция обязалась открыть для союзников Черноморские проливы, демобилизовать армию и допустить оккупационные союзные войска на часть турецкой территории, включая зону Проливов. Теперь у германских войск, находившихся в Турции, была одна возможность избежать плена – бежать в Севастополь и Одессу.

31 октября германские войска, дислоцированные в фортах Дарданелл, на плавмастерской «Флейс» (бывшая «Кронштадт») отправились в Одессу. Германский адмирал Ребейр-Пашвиц, командовавший Средиземноморской эскадрой, попытался увести «Гебен» в Севастополь, но англичане пригрозили Турции серьезными репрессиями, и те не выпустили «Гебен» в Босфор. В Севастополь удалось провести только германские подводные лодки.

Однако Черному морю не суждено было стать театром военных действий между германским и союзным флотами. 3 ноября в Киле – главной военно-морской базе Германии началось восстание матросов. 9 ноября восстание в Берлине смело монархию, и была провозглашена республика. На следующий день кайзер Вильгельм II бежал в Голландию. Наконец, 11 ноября в Компьенском лесу в вагоне французского главнокомандующего маршала Фоша представители германского командования подписали перемирие, которое фактически являлось капитуляцией Германии.

Деятели из Крымского краевого правительства уже в середине октября почувствовали, что дело «пахнет жареным». Они попытались связаться с командованием Добровольческой армии Деникина, воссоздать волостные земства. Однако прошедший с 7 по 10 ноября съезд земцев потребовал отставки Сулькевича и роспуска Краевого правительства ввиду «полной несостоятельности во всех областях управления».

14 ноября германское оккупационное командование официально уведомило Симферопольскую губернскую земскую управу об устранении правительства генерала. А 16 ноября было сформировано новое Краевое правительство во главе с Соломоном Крымом[51].

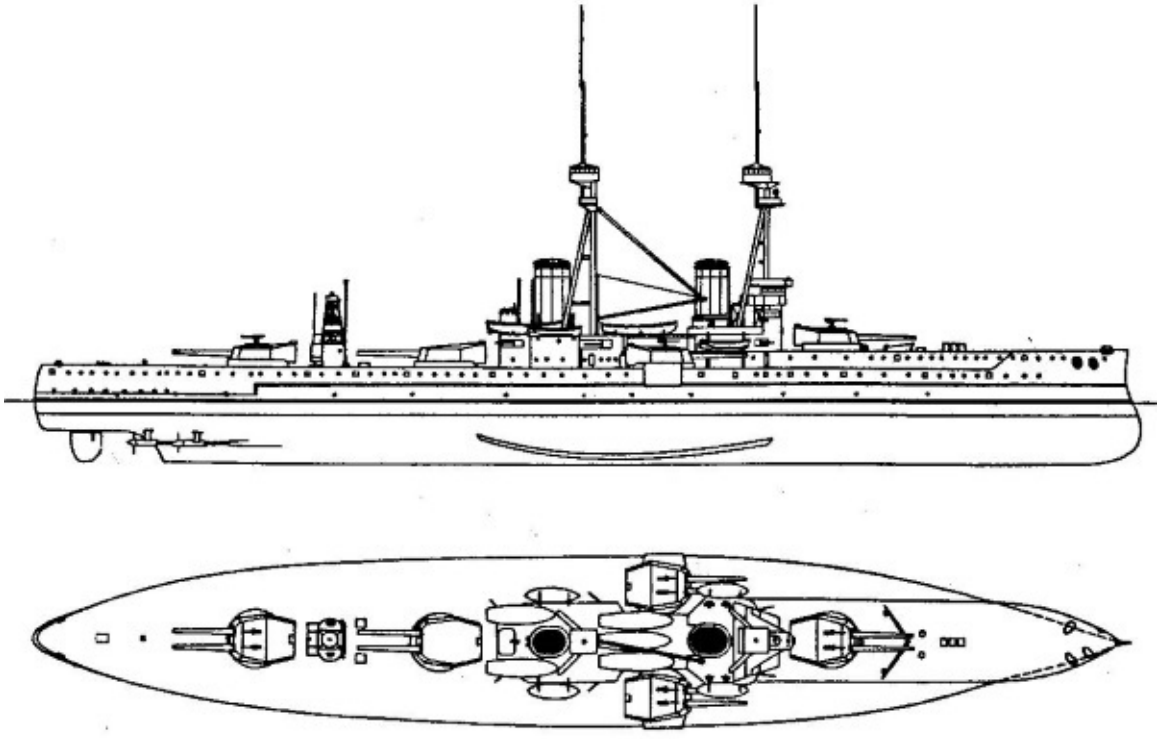
Очевидец ухода немцев князь В.А. Оболенский писал, что немцы утратили свою хваленую дисциплину и, вступив весной в Крым церемониальным маршем, уходили осенью, «лузгая семечки».

Несколько слов стоит сказать и о Черноморском флоте. Еще 23 октября германский вице-адмирал Гопман объявил «морскому председателю» Украины Клочковскому, что он передает Украине русский флот без права поднимать на этих судах Андреевский флаг. Тем не менее 24 ноября на

дредноуте «Воля», подводных лодках «Тюлень», «Гагара», «Утка» и нескольких миноносцах были подняты Андреевские флаги.

Глава 4
Визит «тетушки Антанты»

24 ноября в Севастополь пришел британский легкий крейсер «Кентербери», посланный на разведку. А на следующий день заявилась большая эскадра «тетушки Антанты». Как писал тот же Оболенский, ставший главой губернского земского собрания: «Солнце грело, как весной, зеленовато-синее море ласково шумело легким прибоем Приморского бульвара, с раннего утра наполнившегося густой толпой народа, с волнением ожидавшего приближения эскадры. Я тоже присоединился к этой толпе. Все напряженно смотрели в прозрачную синюю даль. Вдруг толпа заволновалась, кто-то из стоявших на скамейках крикнул – “вот они”, и действительно, на горизонте показалась полоска дыма, потом другая, третья… Суда шли в кильватерной колонне. Дредноуты, крейсера, миноносцы.»[52]

Линкор «Темерер»

Впереди шли британские дредноуты «Суперб» и «Темерер», за ними –

французский дредноут “Джастис” («Justice») и итальянский «Леонардо да Винчи», крейсера «Галатея», «Агордат» и девять эсминцев.

«Толпа кричала “Ура!” и махала шапками. Наконец свершилось то, чего мы ждали в течение четырех лет войны и двух лет разложения России»[53].

Как только дредноуты бросили якорь, к британскому флагману двинулись три катера: на одном находились деятели нового крымского правительства, на другом – губернского земского собрания, а на третьем – представители Добровольческой армии. Англичане быстро поставили почетную публику на место, как в переносном, так и в прямом смысле. Им пришлось постоять пару часов в помещении линкора, где не было мест для сидения. Затем их принял британский адмирал Колторн. Он выслушал гостей, но отказался вступать в какие-либо переговоры, сославшись на отсутствие инструкций от своего правительства.

На берег были высажены шестьсот британских морских пехотинцев и 1600 сенегальцев из 75-го французского полка. Англичане строго потребовали, чтобы на всех судах в Севастополе были спущены Андреевские флаги и подняты английские. Однако другие союзники потребовали и свою долю в разделе германских и русскихсудов.

Советский военно-морской историк В. Лукин писал: «Англичане споров не заводили, и когда французы пожелали поднять свои флаги на боевых германских подводных лодках, коих было четыре: “UB-14”, “UB-42”, “UB-37”, “UB-23”, то англичане спустили на двух из них свои флаги, а французы подняли свои. На «Воле» и миноносцах были подняты английские флаги и посажена английская команда (были оставлены всего три русских офицера), и суда эти отправились в Измид (залив и порт в Мраморном море). Германские подводные лодки англичане быстро снабдили командой, и через три дня суда стали опять действующими боевыми судами, но уже английского флота. Французы лодки только перекрасили, ими не воспользовались, и их две лодки пришли вскоре в полный беспорядок. Про весь происшедший разбор флота напрашивается такая заметка, если судить по имеемым письменным документам. Англичане желали все годное в боевом отношении забрать себе или сделать так, чтобы этих судов не было, т. к. всякий военный флот, кроме своего, им органически противен; французы желали взять флот для того, чтобы как трофеи привести его в свои порта; итальянцы были скромны и вели себя вежливо, греки зарились на коммерческие суда. Для русского офицерства приход союзников вместо ожидаемой радости принес много огорчений. Они не учли того, что Россия была дорога Антанте как сильный союзник, с

потерей же силы – Россия потеряла для них всякое значение. В политическом положении союзники не могли разобраться (и сами русские офицеры в этом путались). Становятся понятными все огорчения офицеров группы “Андреевского флага”, когда например, французы потребовали разоружения русских подводных лодок. Союзники желали обеспечить себя, и только, и поэтому оставить лодки боеспособными было для них рискованно. Англичане так и сделали они сразу увели суда в Измид – “подальше от греха”, как говорится. Им в местной политике белогвардейской России, конечно, было разбираться трудно: так, например, когда командующим русскими морскими силами на Черном море был назначен адмирал Канин (назначение это было не то “Крымского”, не то “Уфимского” правительства), Добровольческая армия выдвинула своего адмирала Герасимова. К 27 ноября оказалось, что Канин – Коморси всего моря, а в портах, занятых добрармией – Герасимов; затем – Герасимов является морским советчиком при начальнике армии в Екатеринодаре, а позднее – идет целый ряд новых комбинаций»[54].

Лукин писал это в 1923 г., в пору относительной свободы слова в СССР. Однако уже в начале 1930-х годов советские историки создали миф о «походах Антанты», которая якобы хотела задушить молодую Советскую республику и восстановить в России власть капиталистов и помещиков. Увы, реальное состояние дел в 1918–1919 гг. не только на Черном море, но и на Севере и на Дальнем Востоке ничего не имело общего с этим мифотворчеством. Союзники были совсем не против свержения советской власти, но они вовсе не жаждали увидеть во главе «единой и неделимой» России сильного диктатора типа Колчака или Деникина.

Союзники пришли не для участия в классовой борьбе, а за… «зипунами»! Да, да, они пришли грабить, а при хорошем раскладе и добиться иных политический целей. При этом на первом этапе их более заботили не большевики, а друзья-союзнички, как бы те не урвали более жирных кусков. На Черном море англичане побаивались французов и итальянцев, на Дальнем Востоке американцы – японцев и т. д. Соответственно, интервенты во всех регионах пытаются балансировать между белыми армиями и самостийными правительствами.

«Тетушка Антанта» в ноябре-декабре 1918 г. высадила десанты не только в Крыму, но и в районах Одессы, Николаева, Херсона, а также в главных портах Кавказа. Основной контингент оккупантов составляли французы и греки. Наступать в глубь Украины союзники не имели ни сил, не желания.

Между тем гетман Скоропадский оправдал свою фамилию и убежал из

Киева, переодевшись раненым германским офицером (обмотав лицо и голову бинтами). Михаил Булгаков в знаменитой пьесе «Дни Турбинных» почти документально показал финал этой политической оперетты.

В начале 1919 г. Украина погрузилась в хаос. В центральной и восточной частях Украины действовали красные и петлюровцы, а главное – различные банды, а в западной части существовали различные местные государственные формирования и банды поляков. За 1919 г. Киев переходил из рук в руки не менее шести раз.

В Крыму в январе – марте 1919 г. боевых действий не велось, но было многовластие. Оккупанты создали свой орган власти под руководством полковника Труссона, по-прежнему существовало и кадетско-эсеро-меньшевистское Краевое правительство. На полуострове была сформирована Крымская дивизия под командованием генерал-майора А.В. Корвич-Круковского, подчинявшаяся власти Деникина. В декабре дивизия была переформирована в Крымско-Азовский корпус, командующим которого стал генерал-майор А.А. Боровской. В степных районах власть принадлежала татарским националистам. Все эти четыре власти ненавидели друг друга, но не пытались силой нарушить хрупкий политический баланс на полуострове. Это было вызвано нехваткой сил у каждой из сторон, а главное, общей боязнью большевиков.

2 апреля 1919 г. в Севастополь прибыл перешедший на службу в Добрармию контр-адмирал М.П. Саблин. Деникин назначил его на пост «Главного командира судов и портов Черного моря». В инициативном порядке русские морские офицеры создали в Крыму флотилию из нескольких вооруженных мобилизованных гражданских судов и подводной лодки «Тюлень». В конце марта – начале апреля эта белая флотилия начала действовать на Азовском море и в Керченском проливе.

Любопытно, что и крымское Краевое правительство решило создать собственный флот. По его указанию мичман Г.М. Галафре начал восстановление миноносца «Живой».

В первые дни апреля 1919 г. 1-я Заднепровская Украинская советская дивизия прорвала оборону деникинцев на Перекопе и начала наступление в степном Крыму. 7 апреля Краевое правительство бежало из Симферополя в Севастополь, под защиту союзного флота. Однако там они быстро поняли, что «тетушка» тоже начала собирать чемоданы.

10 апреля в середине дня члены Краевого правительства с семьями собрались на Графской пристани. Отсюда их перевезли на катерах на греческое судно «Трапезонд». Но отход судна был отложен из-за разногласий с главнокомандующим сухопутными войсками

Антанты полковником Труссоном. Он категорически требовал, чтобы министры передали ему все деньги, взятые из Краевого банка и казначейства Севастополя. Сумма эта достигала одиннадцати миллионов рублей. Члены Краевого правительства пытались объяснить, что часть денег уже потрачена на жалованье чиновникам, съехавшимся со всего полуострова, и на организацию эвакуации. Но эти объяснения для полковника были малоубедительны, и он пригрозил оставить Краевое правительство в Севастополе. В результате через два дня французам были переданы семь миллионов рублей и значительные ценности из банков Симферополя и Севастополя[55]. Каково! Чем не разборки крутых парней?!

Драпануть «краевым» удалось только 15 апреля на греческом судне «Надежда». 16 апреля красные подошли к окраинам Севастополя. Союзное командование, не уверенное в своих солдатах, вступило в переговоры с большевиками. В конце концов, было достигнуто какое-то соглашение. Я пишу «какое-то», поскольку его оригинальный текст так и не был опубликован официальными историками, как западными, так и советскими. И те, и другие предпочитают держать его в секретных фондах. Суть же соглашения ясна: союзники сдают Севастополь красным, а те не мешают им уничтожать корабли Черноморского флота и вывозить награбленное.

Под соглашением поставили свои подписи начальник штаба 1-й Крымской дивизии Красной Армии Сергей Петриковский, комиссар дивизии Астахов и французский полковник Труссон.

Председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий счел это соглашение предательским и приказал передать дело Петриковского в ревтрибунал. Однако у последнего были какие-то связи с Дмитрием Ильичем Ульяновым, и тот быстренько накатал письмо брату. В результате Петриковский «вышел сухим из воды».

Сейчас некоторые крымские историки, видимо, не обладая полнотой информации, считают Петриковского героем, спасшим тысячи жизней севастопольцев. На самом же деле красные имели возможность лихим налетом захватить не только Севастополь, но и значительную часть флота Антанты.

Французские матросы отказались воевать с большевиками. «Очевидец вспоминал: “Обнявшись, рука об руку, шагают шеренги радостных, возбужденных матросов. В воздух летят бескозырки. Красные помпоны, которые французские моряки носят на бескозырках, прикреплены к груди… Звучат революционные песни. По пути к демонстрантам примыкают все новые и новые группы моряков”.

С балкона здания Городской думы по Большой Морской со словами

приветствия к ним обращается председатель подпольного городского комитета РКП(б) Я.Ф. Городецкий.

Во второй половине дня командование оккупационных войск приняло меры для прекращения “противозаконной акции”. В конце ул. Большой Морской и Хрулевского спуска и у часовни на площади было поставлено несколько взводов греческих солдат. Около 16.00 они открыли огонь по демонстрантам. Было ранено 14 человек, пятеро из них (жители города) скончались в больнице»[56].

17 апреля союзное командование произвело «учебную стрельбу» с французского дредноута «Франция» («France»), в результате которой было убито и ранены несколько мирных севастопольцев. После этого команда линкора взбунтовалась и подняла красный флаг.

19 апреля около часу дня съехавшие на берег команды с французских кораблей «Франс», «Жан Барт», «Мирабо», «Дюшайль» и «Верньо» устроили по улицам Севастополя демонстративное шествие с красными флагами и пением Интернационала.

После расстрела демонстрантов «Франс» под командованием судового комитета поднял якоря и убыл восвояси. 1 мая дредноут был уже в Бизерте.

Кроме всего прочего, к 16 апреля, то есть к подходу красных к Севастополю, французский линкор «Мирабо» водоизмещением 20 тыс. тонн стоял на ремонте в севастопольском доке, и вывести его можно было лишь через 10 дней.

Соглашение же, подписанное Петриковским, дало возможность союзникам увести из Севастополя десятки боевых судов и транспортов. Так, самый сильный корабль Черноморского флота «Воля» был уведен англичанами в турецкий порт Измид, где он стал рядом с германским «Гебеном».

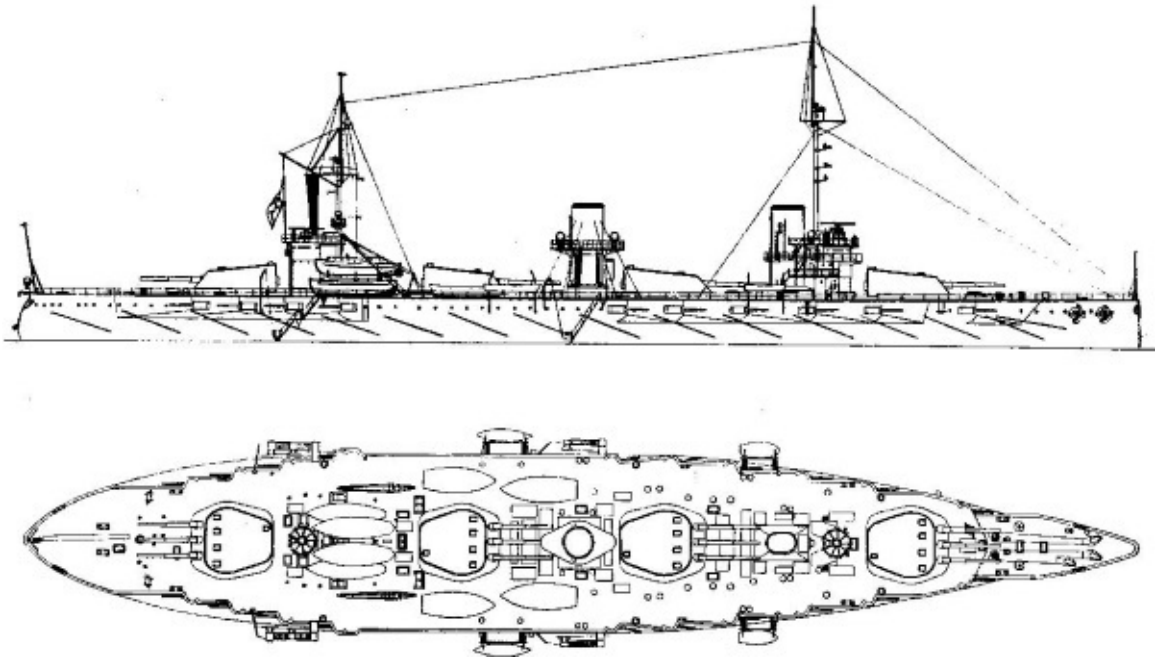
У линейных кораблей дредноутного типа «Иоанн Златоуст», «Евстафий», «Борец за свободы» (бывший «Пантелеймон»), «Три Святителя», «Ростислав», «Синоп», а также у крейсера «Память

Меркурия» англичане взорвали машины и тем самым сделали невозможным их использование в течение всей Гражданской войны.

26 апреля англичане вывели в открытое море на буксире одиннадцать русских подводных лодок и затопили их, двенадцать подводных лодок типа «Карп» было затоплено в Северной бухте. Французы тем временем взорвали ряд фортов Севастопольской крепости, а также разгромили базу гидроавиации, уничтожив все самолеты. Лишь два гидросамолета французы погрузили на русский транспорт «Почин», который был уведен интервентами в Пирей.

Обратим внимание, по версии советских историков, союзники прибыли в Россию, чтобы помогать белым, но, несмотря на все мольбы командования Добрармии, интервенты категорически отказались передавать им боевые корабли Черноморского флота. Кстати, то же самое произошло и на Каспийском море, где англичане до осени 1919 г. не допустили создания белогвардейской флотилии, а затем, уходя, отдали самые ценные корабли царской Каспийской флотилии «Карс», «Ардаган» и др. мусаватистам (азербайджанским националистам), а белым – лишь несколько вооруженных пароходов, которые ранее числились наливными шхунами. Это еще одна хорошая иллюстрация того, что Англии да и Западу вообще как кость в горле был императорский флот и они не желали видеть любой русский флот – хоть советский, хоть деникинский.

Как уже говорилось, белым удалось в феврале-марте 1919 г. захватить подводную лодку «Тюлень» и несколько вооруженных пароходов. А в апреле к ним присоединился крейсер «Кагул» (бывший «Очаков»»). Крейсер был в прекрасном состоянии, в 1917 г. на нем завершился капитальный ремонт. Он получил новую артиллерию: четырнадцать 130/55-мм пушек, две 75/50-мм пушки Кане, переделанные для зенитной стрельбы, и два 40-мм зенитных автомата Виккерса. По непонятным причинам немцы в 1918 г. сделали крейсер «плавбазой» водолазной партии, работавшей по подъему линкора «Императрица Мария». Союзники же решили, что находившийся в затрапезном виде крейсер ни на что не годен, и оставили его в покое.

Дредноут «Императрица Мария»

Этим воспользовались белые. «Капитан 2 ранга Потапьев начал набирать команду и готовить крейсер к походу. К моменту ухода из Севастополя команда крейсера состояла из 42 морских офицеров, 19 инженеров-механиков, двух врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, включая три десятка присланных из Екатеринодара кубанских казаков, и это при нормальном составе в 570 человек»[57].

Замечу, что «охотниками» в дореволюционной русской армии называли добровольцев. Увы, среди этих охотников не было ни одного профессионального моряка. В основном это были юнкера, гимназисты, семинаристы и т. д.

«Кагул» не был исключением, в 1919–1920 гг. белый флот на Черном море имел низкую боеспособность из-за отсутствия профессиональных матросов. Так, в конце апреля 1919 г. из-за недостатка кочегаров «Кагул» мог идти лишь со скоростью 6 узлов.

15—16 апреля белая флотилия в составе «Кагула», «Тюленя», посыльных судов «Буг» и № 7, а также нескольких буксиров и транспортов покинула Севастополь. Пароход «Дмитрий» вел на буксире подводные лодки «Утку» и «Буревестник», буксир «Бельбек» – миноносец «Жаркий», буксир «Доброволец» – миноносец «Живой», который с полпути пошел своим ходом. Кроме того, на буксирах шли эсминцы «Поспешный» и «Пылкий», миноносцы «Строгий» и «Свирепый», канонерская лодка «Терец», посыльное судно № 10 (бывший миноносец № 258) и транспорт «Рион». Белая флотилия направлялась в Новороссийск.

Большевики не препятствовали эвакуации союзников. 28 апреля последние французские части покинули Севастополь. При этом линкор «Мирабо», который с большим трудом удалось вывести из дока, шел на буксире линкора «Джастис». Его броневые плиты общим весом свыше 1000 тонн французы оставили в Севастополе. Летом 1920 г. Врангель ухитрился эту броню тихо «толкнуть» итальянской фирме.

Несколько слов стоит сказать и о судьбе части семейства Романовых, находившихся в районе Ялты. Дело в том, что Временное правительство, которое не могло решить ни одного социального или внешнеполитического вопроса, чтобы удержаться у власти, с весны 1917 г. стращало народ угрозой «контрреволюции и реставрации проклятого царизма». На самом же деле весной и летом 1917 г. в России не было никаких серьезных организаций, ставивших себе целью реставрацию. Замечу, и потом

Деникин, Колчак и Юденич принципиально отказывались принимать в ряды своих армий не только членов семейства Романовых, но и даже их отдаленных родственников. Строго говоря, в России не было… белых. А вообще откуда взялся термин «белые»? Из Франции, где в 1792–1814 гг. дворяне-эмигранты сражались под белым знаменем Бурбонов.

А в России в 1918–1920 гг. ни одна армия не ставила себе целью восстановление на троне Романовых или иной династии. Так что белой Добрармию и другие соединения назвали по аналогии. Соответственно, и я их так называю: «белые» – это очень удобная метка.

Весной 1917 г. Временное правительство в ходе борьбы с контрреволюцией ссылает на Южный берег Крыма в имения великих князей Александра Михайловича и Петра Николаевича «Ай-То-дор» и «Дюльбер» великих князей Александра Михайловича, Николая и Петра Николаевичей с семьями. Туда же отправляют и вдовствующую императрицу Марию Федоровну, а также семейство Юсуповых в полном составе.

Временное правительство обращалось с людьми, ни в чем не повинными, кроме своего происхождения, как с закоренелыми преступниками.

21 июня 1917 г. вдовствующая императрица написала своему брату в Данию: «На прошлой неделе во время домашнего обыска с нами обращались очень грубо и непристойно. Половина шестого утра: я была разбужена морским офицером, вошедшим в мою комнату, которая не была заперта. Он заявил, что прибыл из Севастополя от имени правительства, чтобы произвести у меня и в других помещениях обыск. Прямо у моей кровати он поставил часового и сказал, что я должна встать. Когда я начала протестовать, что не могу сделать это в их присутствии, он вызвал отвратительную караульную, которая встала у моей постели. Я была вне себя от гнева и возмущения. Я даже не могла выйти в туалет… Офицер вернулся, но уже с часовым, двумя рабочими и 10–12 матросами, которые заполнили всю мою спальню. Он сел за мой письменный стол и стал брать все: мои письма, записки, трогать каждый лист бумаги, лишь бы найти компрометирующие меня документы»[58].

Великая княгиня Ирина в письме к своему дяде великому князю Николаю Михайловичу рассказала об обысках и произволе, чинимых их тюремщиками. Тот по простоте душевной как интеллигент к интеллигенту, как масон высокого градуса к такому же брату пришел к А.Ф. Керенскому. Увы, результат был совсем противоположный. По приказу министра юстиции Керенского в «Ай-Тодоре» были проведены новые обыски, а

режим арестованных еще более ужесточен.

В декабре 1917 г. в имение «Ай-Тодор» прибыл представитель Севастопольского совета прапорщик Задорожный. Он объявил Александру Михайловичу, что «по стратегическим соображениям» узники «Ай-Тодора» будут переведены в соседнее имение «Дюльбер», принадлежавшее великому князю Петру Николаевичу. Великий князь попробовал пошутить:

– Какие могут быть «стратегические соображения»? Разве ожидается турецкий десант?

Задорожный усмехнулся.

– Нет, дело обстоит гораздо хуже, чем вы думаете. Ялтинские товарищи настаивают на вашем немедленном расстреле, но Севастопольский Совет велел мне защищать вас до получения особого приказа от товарища Ленина. Я не сомневаюсь, что Ялтинский Совет попробует захватить вас силой, и поэтому приходится ожидать нападения из Ялты. Дюльбер, с его высокими стенами, легче защищать, чем Ай-Тодор, – здесь местность открыта со всех сторон.

Задорожный достал план «Дюльбера», на котором красными чернилами были отмечены крестиками места для расстановки пулеметов. Александр Михайлович никогда и не задумывался над тем, как много преимуществ с чисто военной точки зрения имеет прекрасная вилла великого князя Петра Николаевича.

В 1897 г. архитектор П.Н. Краснов закончил строительство дворцового комплекса «Дюльбер», что в переводе с арабского значит «прекрасный». Осмотрев дворец, браться Михайловичи смеялись над чрезмерной высотой толстых стен и высказывали предположение, что Петр Николаевич, вероятно, собирается начать жизнь «Синей Бороды». В ответ он отшучивался:

– Нельзя никогда знать, что готовит нам грядущее.

Александр Михайлович вспоминал: «События последующих пяти месяцев подтвердили справедливость опасений новых тюремщиков. Каждую вторую неделю Ялтинский Совет посылал своих представителей в «Дюльбер», чтобы вести переговоры с нашими неожиданными защитниками.

Тяжелые подводы, нагруженные солдатами и пулеметами, останавливались у стен Дюльбера. Прибывшие требовали, чтобы к ним вышел комиссар Севастопольского Совета товарищ Задорожный. Товарищ Задорожный, здоровенный парень двух метров росту, приближался к воротам и расспрашивал новоприбывших о целях их визита. Мы же, которым в таких случаях было положено не выходить из дома, слышали

через открытые окна обычно следующий диалог:

– Задорожный, довольно разговаривать! Надоело! Ялтинский Совет предъявляет свои права на Романовых, которых Севастопольский совет держит за собою незаконно. Мы даем пять минут на размышление.

– Пошел к черту Ялтинский Совет! Вы мне надоели. Убирайтесь, а не то я дам отведать севастопольского свинцу!

– Сколько вам заплатили эти аристократишки, товарищ Задорожный?

– Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

– Председатель Ялтинского Совета донесет о вашей контрреволюционной деятельности товарищу Ленину. Мы вам не советуем шутить с правительством рабочего класса.

– Покажите мне ордер товарища Ленина, и я выдам вам заключенных. И не говорите мне ничего о рабочем классе. Я сам старый большевик. Я уже был в партии, еще когда вы сидели в тюрьме за кражу.

– Товарищ Задорожный, вы об этом пожалеете!

– Убирайтесь к черту!..

…Каждый вечер, перед тем как идти ко сну, я полушутя задавал Задорожному один и тот же вопрос: “Ну что, пристрелите вы нас сегодня ночью?” Его обычное обещание не принимать никаких “решительных мер” до получения телеграммы с севера меня до известной степени успокаивало.

По-видимому, моя доверчивость ему нравилась, и он спрашивал у меня часто совета в самых секретных делах. В дополнение к возведенным укрытиям для пулеметов я помог ему возвести еще несколько укреплений вокруг нашего дома, а по вечерам редактировал его рапорты Севастопольскому Совету о поведении бывших великих князей и их семейств.

Однажды он явился ко мне по очень деликатному вопросу.

– Послушайте, – неловко начал он, – товарищи в Севастополе боятся, что контрреволюционные генералы пошлют за вами подводную лодку.

– Что за глупости, Задорожный. Вы же служили во флоте и отлично понимаете, что подводная лодка здесь пристать не может. Обратите внимание на скалистый берег, на приливы и глубину бухты. Подводная лодка могла бы пристать в Ялте или в Севастополе, но не в Дюльбере.

– Я им обо всем этом говорил, но что они понимают в подводных лодках! Они посылают сегодня сюда два прожектора, но вся беда заключается в том, что никто из здешних товарищей не умеет с ними обращаться. Не поможете ли вы нам?

Я с готовностью согласился помогать им в борьбе с мифической подводной лодкой, которая должна была нас спасти. Моя семья терялась в

догадках по поводу нашего мирного сотрудничества с Задорожным. Когда прожекторы были установлены, мы пригласили всех полюбоваться их действием. Моя жена решила, что

Задорожный, вероятно, потребует, чтобы я помог нашему караулу зарядить винтовки перед нашим расстрелом»[59].

Узники «Дюльбера» практически не получали информации извне. Поэтому Александр Михайлович считал, что от ялтинских комитетчиков их спасло появление немцев. На самом же деле 20–30 апреля на Южном берегу Крыма шли ожесточенные бои между татарами с одной стороны и матросами и красногвардейцами – с другой. А 30 апреля 1918 г. в Севастополь вошли германские войска.

1 мая в 6 часов утра в «Дюльбере» зазвонил телефон. Александр Михайлович услышал громкий голос Задорожного, который взволнованно говорил: «Да, да… Я сделаю, как вы прикажете…»

Задорожный вышел на веранду, впервые за пять месяцев он выглядел растерянным.

– Ваше императорское высочество! – сказал он, опустив глаза. – Немецкий генерал прибудет сюда через час.

– Немецкий генерал? Вы с ума сошли, Задорожный. Что с вами случилось?

– Пока еще ничего, – ответил он. – Но боюсь, что случится, если вы не примете меня под свою защиту.

– Как могу я вас защищать? Я вами арестован.

– Вы свободны. Два часа тому назад немцы заняли Ялту. Они только что звонили сюда и грозили меня повесить, если с вами что-нибудь случится.

Ксения Александровна, присутствовавшая при разговоре, удивленно смотрела на Задорожного в полной уверенности, что тот сошел с ума.

– Слушайте, Задорожный, не говорите глупостей! – возмутился Александр Михайлович. – Немцы находятся еще в тысяче верст от Крыма!

– Мне удалось сохранить в тайне от вас передвижение немецких войск. Немцы захватили Киев еще в прошлом месяце и с тех пор делали ежедневно на восток от двадцати до тридцати верст. Но, ради Бога, Ваше императорское высочество, не забывайте, что я не причинил вам никаких ненужных страданий! Я исполнял только приказы!

Александр Михайлович с удивлением наблюдал, как этот двухметровый великан дрожал при приближении немцев и молил о пощаде. Великому князю стало жаль его, и он, похлопывая Задорожного по плечу, сказал:

– Не волнуйтесь. Вы очень хорошо относились ко мне. Я против вас ничего не имею.

– А их высочества великие князья Николай и Петр Николаевичи? – растерянно пробубнил Задорожный.

Александр Николаевич и Ксения не смогли сдержать смеха, а затем Ксения успокоила Задорожного и пообещала, что ни один из старших великих князей не будет жаловаться на него немцам.

Ровно в 7 часов утра в «Дюльбер» прибыл немецкий генерал. Немец держался вежливо и предупредительно. Тем не менее императрица Мария Федоровна отказалась его принять. Переговоры вел великий князь Александр Михайлович. Для начала он предложил оставить весь отряд революционных матросов во главе с Задорожным для охраны «Дюльбера» и «Ай-Тодора». Немецкий генерал, вероятно, решил, что великий князь сошел с ума.

– Но ведь это же совершенно невозможно! – воскликнул он по-немецки, возмущенной этой нелогичностью.

Ведь, по мнению генерала, император Вильгельм II и племянник Александра Михайловича кронпринц никогда не простят ему, если он разрешит оставить на свободе и около родственников русского императора этих «ужасных убийц». И Александр Михайлович вынужден был дать слово генералу, что обязательно напишет об этом его начальству и что он берет всецело на свою ответственность эту «безумную идею».

После этого императрица Мария Федоровна с дочерью великой княгиней Ольгой Александровной, ее мужем и недавно родившимся внуком переехали в имение «Харакс», а Александр Михайлович с семьей вернулись в свое имение «Ай-Тодор». Великий князь Николай Николаевич с женой поселились в Кичкине.

В течение почти полугодовой германской оккупации Крыма ни великий князь Николай Николаевич, ни Мария Федоровна так и не пожелали принять представителей германского командования. Немцы быстро раскусили незатейливую хитрость Романовых и соблюдали правила игры.

Британский адмирал Кэльторп предложил от имени короля Георга V и его матери королевы Александры, родной сестры Марии Федоровны, всему семейству Романовых переехать в Англию.

Мария Федоровна отказалась, что же касается великого князя Александра Михайловича, то, желая увидеть глав союзных правительств, собравшихся тогда в Париже, чтобы представить им доклад о положении в России, он обратился к адмиралу Кэльторпу с письмом, в котором просил

его оказать содействие его отъезду из Крыма до отъезда его семьи.

Английский миноносец доставил великого князя и его старшего сына Андрея из Ялты в Севастополь. «Странно было видеть севастопольский рейд, пестревший американскими, английскими, французскими и итальянскими флагами, – пишет Александр Михайлович. – Я напрасно искал среди этой массы флагов русский флаг или же русское военное судно»[60].

11 декабря 1918 г. на британском крейсере «Форсайт» великий князь навсегда покидает Россию.

По приказу короля Георга V линкор «Мальборо» бросил якорь на внешнем рейде Ялты. На борт дредноута поднялись: родная тетя Георга императрица Мария Федоровна, кузина великая княгиня Ксения Александровна с младшими детьми, великий князь Николай Николаевич, Феликс Юсупов с женой и родителями, а также несколько их придворных.

Утром 28 марта (11 апреля) 1919 г. «Мальборо» поднял якорь и направился к Босфору. Старая императрица молча стояла на корме корабля, и из ее глаз текли слезы. Ни она, ни ее спутники больше никогда не увидят Россию.

Глава 5
«Проклятый 1919 год»

28—29 апреля 1919 г. в Симферополе прошла 3-я областная конференция большевиков. Из Москвы на конференцию прибыли чрезвычайный уполномоченный Совета обороны Л.Б. Каменев, кандидат в члены Оргбюро ЦК ВКП(б), инструктор ЦК М.К. Муранов, нарком внутренних дел УССР К.Е. Ворошилов. Конференция приняла постановление об обороне Крымской

Советской Социалистической республики (КССР) и Временного рабоче-крестьянского правительства.

В состав правительства вошли председатель Д.И. Ульянов[61], нарком внутренних дел Ю.П. Гавен, нарком военно-морских сил П.Е. Дыбенко, нарком просвещения И.А. Назукин, нарком иностранных дел С.М. Меметов, нарком юстиции И. Арабский и др. Замечу, что в правительстве не менее пяти человек были крымскими татарами (Фирдевс, Меметов, Удрисов, Арабский и Боданинский).

6 мая 1919 г. правительство опубликовало Декларацию, в которой провозглашались задачи КССР: борьба против контрреволюции; создание регулярной Красной Армии (для этого был образован Наркомат по военным и морским делам, РВС); организация советской власти на местах и подготовка Съезда Советов.

Декларация провозглашала КССР не национальным, а территориальным образованием. Объявлялось о равноправии всех национальностей в Крыму, о национализации промышленных предприятий и о конфискации помещичьих, кулацких и церковных земель.

В Севастополе же для начала местный ревком по старой памяти решил взять с обывателей контрибуцию. С 4 по 13 мая «спекулянты» должны были уплатить 5 млн. рублей, 3 млн. рублей – «торгово-промышленный класс», 1 млн. рублей – домовладельцы и 1 млн. рублей – владельцы садовых и земельных участков. Увы, собрать контрибуцию в срок не удалось, и ревком арестовал всех сборщиков оной. Однако дни советской власти в Крыму были сочтены.

После оставления Севастополя белые остались в Крыму лишь на Керченском полуострове. Это отчасти объясняется тем, что корабли союзников поддерживали огнем белые части, занявшие оборону на Ак-

Манайском перешейке шириной 22 км. 27 апреля к Керченскому перешейку подошел крейсер «Кагул», из-за недостатка кочегаров имевший 6-узловой ход.

К этому времени в Феодосийском заливе, примерно в двух милях от берега, вытянувшись в одну линию, стояли английские дредноуты «Айрон Дюк» и «Мальборо», одни гидрокрейсер (база гидросамолетов) «Емпресс», греческий броненосец «Лемнос», несколько английских и два французских миноносца.

28 апреля по просьбе штаба сухопутного отряда дредноут «Айрон Дюк» под флагом командующего английским флотом адмирала Сеймура бомбардировал селение Владиславовка, где сосредоточились части красных. Через несколько дней по Владиславовке одним орудием стрелял «Кагул», а корректировалась стрельба с английского гидросамолета. Это были первые выстрелы деникинского флота по позициям красных.

С 1 по 4 мая красные вели отчаянные атаки позиций белых, особенно на берегу Азовского моря. Но, увы, и туда доставали 13,5-дюймовые (343-мм) снаряды британских дредноутов. Наступление красных 5 мая окончательно захлебнулось.

17 июня началось новое наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне, угрожавшее сообщению Крыма с севером. На 18 июня было назначено наступление войск на Ак-Манайской позиции на Керченском полуострове. Утром 18-го крейсер «Кагул» должен был высадить в тылу у красных у местечка Коктебель армейский десант, в задачу которого входил захват дорог, ведущих из Феодосии в глубь Крыма. Командовал десантом генерал-майор Яков Александрович Слащов.

Ночью крейсер принял на борт 160 человек десанта из состава 52-го Виленского полка при десяти пулеметах. Командовал десантом полковник Корольков. Рано утром «Кагул» в сопровождении английского миноносца подошел к Коктебелю и с помощью буксира «Дельфин» высадил десант. Не встретив сопротивления, десант двинулся вперед и занял деревню Насыпкой.

После этого «Кагул» с дистанции 17 км сделал 20 выстрелов по селению Старый Крым, где находились резервы красных. Кроме того, имея телефонную связь с начальником десанта, крейсер по его указанию оказал десанту огневую поддержку. Всего «Кагул» выпустил 67 фугасных и 4 шрапнельных 130-мм снаряда.

Около 17 часов десант соединился с прорвавшими фронт на Керченском полуострове левофланговыми частями генерала Боровского.

Наступление на перешейке было поддержано артиллерийским огнем:

со стороны Черного моря – дредноута «Мальборо» и другими английскими кораблями, со стороны Азовского моря – посыльным судном «Граф Игнатьев» и мониторами.

В ночь на 21 июня красные в панике оставили Севастополь и Симферополь и бежали к Перекопу. Уйти красным помог случай. 22 июня белая флотилия при поддержке британских кораблей попыталась высадить десант в Геническе – последнем порту Азовского моря, остававшемся у красных. Ночью с двух болиндеров[62]под прикрытием канонерской лодки К-15 был высажен первый эшелон десанта. Транспорт «Перикл» со вторым эшелоном рано утром подошел к берегу под прикрытием двух английских эсминцев. Но тут из-за сильной пелены дождя выскочил красный бронепоезд, в упор расстрелял «Перикл» и огнем разогнал эсминцы. Высадившиеся десантники второго эшелона были захвачены в плен или уничтожены. Первый эшелон десанта белым пришлось забрать на суда. Таким образом, один бронепоезд красных сорвал высадку тактически важного десанта. Геническ был занят белыми лишь 6 июля, и то с суши.

Летом 1919 г. войска Деникина добились значительных успехов. К концу августа Добровольческой армии удалось взять Киев и Царицын и подойти на расстояние 50 км к Воронежу. В последующие 40 дней Добрармии удалось взять Воронеж, Курск и Орел. До Москвы оставалось чуть более двухсот километров.

Осенью 2005 г. в связи с перезахоронением останков Деникина в российских СМИ была начата шумная кампания по возвеличиванию великого русского полководца А.И. Деникина, который двинулся на Москву спасать русский народ от злодеев большевиков. Причем большевиков средства массовой информации представляли какими-то неземными пришельцами, прямо как марсиане у Герберта Уэлса. Не удивлюсь, если завтра какой-нибудь демократ напишет, что Ленин привез 10 миллионов большевиков в «пломбированном вагоне» из Германии.

На самом же деле Деникин был весьма заурядным генералом. Сути Гражданской войны он так и не понял, даже сидя за мемуарами в Париже. В Добрармии были прекрасные офицерские полки, и, сосредоточив их на одном направлении удара, понятно, на Московском, грамотно используя танки и артиллерию, осенью 1919 г. вполне можно было взять Москву. Это была Гражданская, а не Первая мировая война, когда эскадрон мог быть сильнее дивизии, четыре бронепоезда могли разгромить целую армию (взятие Баку в апреле 1920 г.) и т. д. Другой вопрос, что со взятием Москвы Гражданская война бы не закончилась, а лишь затянулась.

Деникин же разбросал свою армию чуть ли не на 1500-километровом

фронте от Киева до Царицына и был вдребезги разбит.

Первоначальные успехи Деникина объясняются, с одной стороны, рыхлостью красных частей, а с другой – желанием значительной массы обывателей поиграть в демократию, в эсеров, в меньшевиков, в анархистов. Характерный пример: в начале июня 1919 г. в занятом красными Севастополе было всего 100 коммунистов и от 400 до 500 сочувствующих. Многие не осознавали, что на дворе не 1917-й, а 1919 год и есть только две партии – деникинцы и большевики. Тут генерал-лейтенант Деникин оказал огромную услугу товарищу Ленину, превратив в труху все партии болтунов-краснобаев – кадетов, эсеров, меньшевиков и др. Именно благодаря Деникину народ пошел к большевикам.

Болтовне СМИ о народной поддержке Деникина я противопоставлю мелкий, но типичный пример – выдержку из рапорта командира миноносца «Живой» за 14 (27) – 15 (28) апреля 1919 г. В рапорте говорится, что «в 4 часа 30 мин. миноносец вышел в море из Новороссийска восьмиузловым ходом. В 10 часов в кочегарке упустили воду, дали самый малый ход. В 11 часов застопорили машины, т. к. люди очень устали. В 12 часов дали ход. В 13 часов застопорили опять, ибо мало пару. В 15 часов в помощь кочегарам посланы люди с верхней палубы и все офицеры. В 16 часов дали малый ход. В 23 часа подошли к Туапсе, где держались малым ходом. В 4 часа 30 мин. вошли на рейд Туапсе, после чего миноносец около 2 суток занимался переборкой механизмов для дальнейшего плавания. Непривычные к физическому труду люди быстро выдыхаются и делаются ни к чему не пригодными»[63], – так заканчивается донесение.

Хреново воевать без народа! А где были матросы – трюмные, кочегары и др.? Они были на бронепоездах и речных канонерках красных, а в крайнем случае носились на махновских тачанках по Северной Таврии.

Что мог дать Деникин русскому народу? Да он даже пообещать ничего не мог! Даже наврать! Идеологи белого движения были идейными импотентами. Они не могли дать ответ на самые животрепещущие вопросы: форма правления – республика, монархия или что? Кому будет принадлежать земля – крестьянам или помещикам? На все единый ответ: придет время – узнаете. Естественно, что народ не желал получать «кота в мешке».

Единственный вопрос, на который идеологи Добрармии давали четкий ответ, – целостность «единой и неделимой России». Это был фактически единственный козырь белой пропаганды. На бортах деникинских бронепоездов красовались гордые названия «Единая Россия», «Минин», «Пожарский» и т. д. Но, увы, на самом деле все вожди белого движения –

Колчак, Деникин, Юденич, Миллер, Семенов и другие – находились в большой зависимости от государств Антанты. Мало того, эти вожди систематически заключали сделки, продавая русские земли многочисленным самостийным государственным образованиям, возникавшим в 1918–1920 гг. на территории бывшей Российской империи.

Естественно, возникает вопрос, можно ли было верить белым вождям в вопросе территориальной неприкосновенности России? Я отвечу цитатой: «Мне было ясно тогда, неспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке»[64].

Любопытно, кто сие написал? Какой-нибудь сменовеховец или «красный граф» типа Алексея Толстого? Увы, эти строки принадлежат великому князю Александру Михайловичу, у которого большевики отняли все чины и поместья и даже расстреляли двух братьев.

Кроме большевиков, ни одно движение не смогло бы воссоздать в 1922 г. Государство Российское. Пусть были и небольшие потери, но и их большевики вернули через 20–25 лет, согласно пророчеству великого князя.

Но мы ушли в другую эпоху, и пора вернуться в 1919 год, в Крым, оказавшийся в глубоком тылу Добровольческой армии. Приказом Деникина Крым перестал быть автономным краем, а был включен в состав Таврической губернии. Главноначальствующим края Деникин назначил генерал-лейтенанта Н.Н. Шиллинга, Таврическим губернатором – графа Н.А. Татищева. В Севастополе представителями власти стали комендант Севастопольской крепости, градоначальник генерал-майор В.Ф. Субботин и комендант города генерал Шатковский.

Деникин приказал распустить все старые органы самоуправления, и 15 сентября 1919 г. прошли перевыборы в городские думы и земские

учреждения. Результаты этих выборов весьма любопытны. «Из 71 гласного 38 были представителями социал-демократов и социалистов-революционеров, 12 мест получил демократический блок, 21 член Городской думы представлял интересы домовладельцев»[65]. Сразу поставлю точки над «i». Такой результат говорит не о демократичности белых, а лишь об отсутствии у них убедительной политической платформы.

31 августа Деникин сформировал правительство Юга России, так называемое Особое совещание, но он сам в мемуарах писал: «На территории, освобождаемой Добровольческой армией, самим ходом событий установилась диктатура в лице Главнокомандующего».

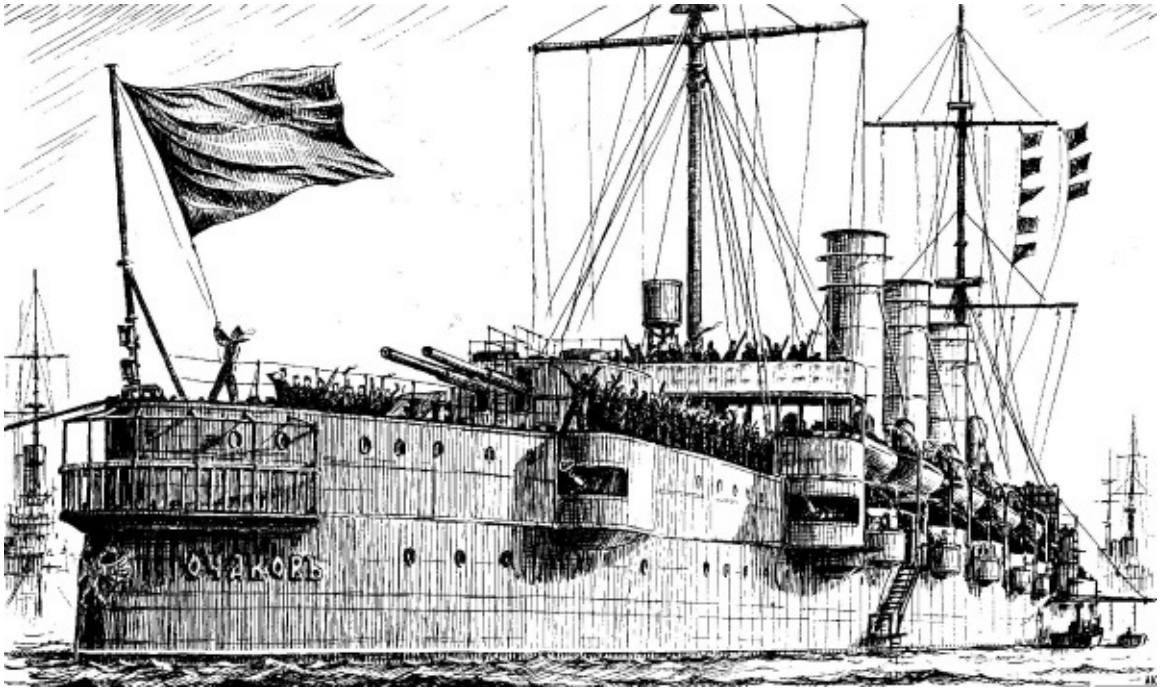
На самом деле у Деникина были армия, контрразведка и даже бюро пропаганды «ОСВАГ», но у Деникина не было и не могло быть партии, а главное, не было надежной опоры среди населения.

23 сентября 1919 г. в Севастополь нанес визит сам Деникин, прибывший на вспомогательном крейсере «Цесаревич Георгий». Местные власти на Графской пристани оказали ему почти царские почести. Затем вся честная компания отправилась на молебен во Владимирский собор, потом – военный парад и посещение «Панорамы». Вечером – торжественный обед в Морском собрании. На следующий день «спаситель России» посетил Симферополь, а к вечеру он уже на крейсере «Генерал Корнилов» (до 25 марта 1907 г. «Очаков», до 31 марта 1917 г. «Кагул») убыл в Одессу.

В 1919 г. в Крыму был собран отменный урожай. Внешне в Крыму в конце 1919 г. все обстояло благополучно. Местные и заезжие кадетские деятели разрабатывали различные проекты законов, касавшихся землевладения, народного просвещения и т. п. В Севастополе проходили эстафеты по бегу, футбольные матчи, в том числе игры сборной города против команд британских кораблей. В театрах города выступали знаменитости. «В конце августа прошли выступления артистов Московского Художественного театра В.И. Качалова, О.Л. Книппер-Чеховой, Н.Г. Александрова и др. Много раз в течение осени танцевала на севастопольской сцене балерина Большого театра Е.Ю. Андерсон. Газеты писали о ней как “об одной из самых ярких выразительниц высокой традиции классического балета”, “продолжательнице высокого искусства А. Павловой, Е. Гельцер, Т. Карсавиной”.

Восторженно принимали зрители и артистов Большого императорского балета М. Мордкина и М. Фроман, исполнявших сцены из балетов “Дон Кихот”, “Грезы” и др. Неизменным успехом у публики пользовались и оперные певцы: Л.В. Собинов – “соловей русской сцены”, Эмилио Барио, Лабинский.

В ноябре в помещении театра “Ренессанс” выступала труппа московского Петровского театра под руководством М.Н. Нининой-Петипа»[66]. Но фактически в Крыму царил… бардак. Белое офицерство пренебрежительно относилось к местным властям, крымские татары предпочитали подчиняться своим лидерам.

Крейсер «Очаков». (Рис. А. Карелова.) В октябре 1919 г. белые переименовали его в «Генерал Корнилов»

Большевики в Крыму и особенно в Севастополе создали обширную инфраструктуру. Так, 22 декабря 1919 г. большевики попытались взорвать крейсер «Генерал Корнилов». 28 января 1920 г. группа севастопольских подпольщиков совершила нападение на железнодорожный мост через речку Альму юго-западнее станции Альма (сейчас станция Почтовая). Но мост разрушить не удалось, и после небольшого ремонта движение восстановилось. В свою очередь, деникинская контрразведка периодически проводила массовые аресты и расстрелы всех заподозренных в связях с большевиками.

В горах постоянно озорничали «зеленые», то есть попросту бандиты. А на Черном море большой размах получило… пиратство. Вот небольшой пример, выдержки из рапорта командира Евпаторийского порта от 18 августа (1 сентября) 1919 г.: «.в порту у меня ничего нет; вывозится же из порта мука и соль на миллионы рублей, но я не могу даже прекратить

грабежи парусников на рейде, так как нет ни одного катера, нет вооруженной команды, а не то чтобы учесть и взять в руки правительства вывоз продуктов. В городе очень много большевиков»[67].

Итак, белые власти не могут пресечь пиратство на рейде Евпатории. Вообразите себе, что происходило в открытом море!

Само собой разумеется, население Крыма усиленно занималось контрабандой, в чем ему активно помогали малые суда белого флота, хотя формально их роль сводилась к ловле контрабандистов.

Кончился 1919 год, который сатирик Аркадий Аверченко назвал «проклятым старикашкой» в одноименном фельетоне: «“Многоуважаемый” негодяй, да ведь год тому назад мы тебя за человека считали! За приличное существо! Коллеги твои 17-й и 18-й поперек горла всей России стали, так мы тебя, как родного, ждали! Думали, вот придет барин, барин нас рассудит. Рассудил ты, нечего сказать! Одних к стенке, другим – голодная смерть, третьим – тиф!»

Глава 6
Врангель пытается взять реванш

Осенью 1919 года деникинская армия, разбитая под Воронежем и Касторной, начала стремительно отступать на юг. Основная часть армии во главе с самим Деникиным двигалась на Кавказ, части генералов Шиллинга и Драгомирова – к Николаеву и Одессе. К Крыму же шел 3-й армейский корпус под командованием генерала Слащова. У него было в наличии 2200 штыков, 12 000 шашек и тридцать две 76-мм полевые пушки.

Позже генерал Слащов писал: «Фронт Северной Таврии тянулся полукругом около 400 верст, причем прорыв моего расположения в одном месте мог привести красных к перешейкам раньше остальных моих частей, которые, следовательно, вынуждены были бы в этом случае бежать назад вперегонки с красными и подвергнуться неминуемому поражению.

Поэтому я решил Северной Таврии не оборонять и до Крыма в бой с красными не вступать, а немедленно отбросить Махно от Кичкасского моста и отправить пехоту в Крым, прикрывая ее отход от красных конной завесой. Бригаду 34-й (пехотной) дивизии с обозами из Екатеринослава отправить по железной дороге на Николаев, где погрузить на суда и перевезти в Севастополь. Самому немедленно после переправы у Кичкасс ехать в Николаев – Севастополь и осмотреть оборонительное положение. План обороны Крыма в моей голове уже был намечен в общих чертах, так как Крым я знал по боям 1919 г., но окончательное решение я хотел принять на месте»[68].

Деникин приказал Слащову оборонять Северную Таврию во что бы то ни стало. Яков Александрович ответил категорическим отказом.

27 декабря 1919 г. белые выбили Махно с позиций у Кичкасского моста, захватив 5 пушек. 5 января 1920 г. Слащов прибыл в Севастополь, а его части отступали в районе Мелитополя. Белые отходили столь быстро, что соприкосновение с частями красных было потеряно. Происходили лишь стычки кавалерийских дозоров.

Кроме 3-го корпуса Слащова в Крым хлынули толпы беглецов из различных частей Добровольческой армии. «Масса отдельных людей и отдельных частей в составе отдельных людей, в особенности хозяйственных частей, потекла в Крым, – вспоминал Слащов. – Единственным важным для меня приобретением среди беглецов были

восемь, хотя и испорченных, бронепоездов и 6 танков (3 тяжелых и 3 легких).

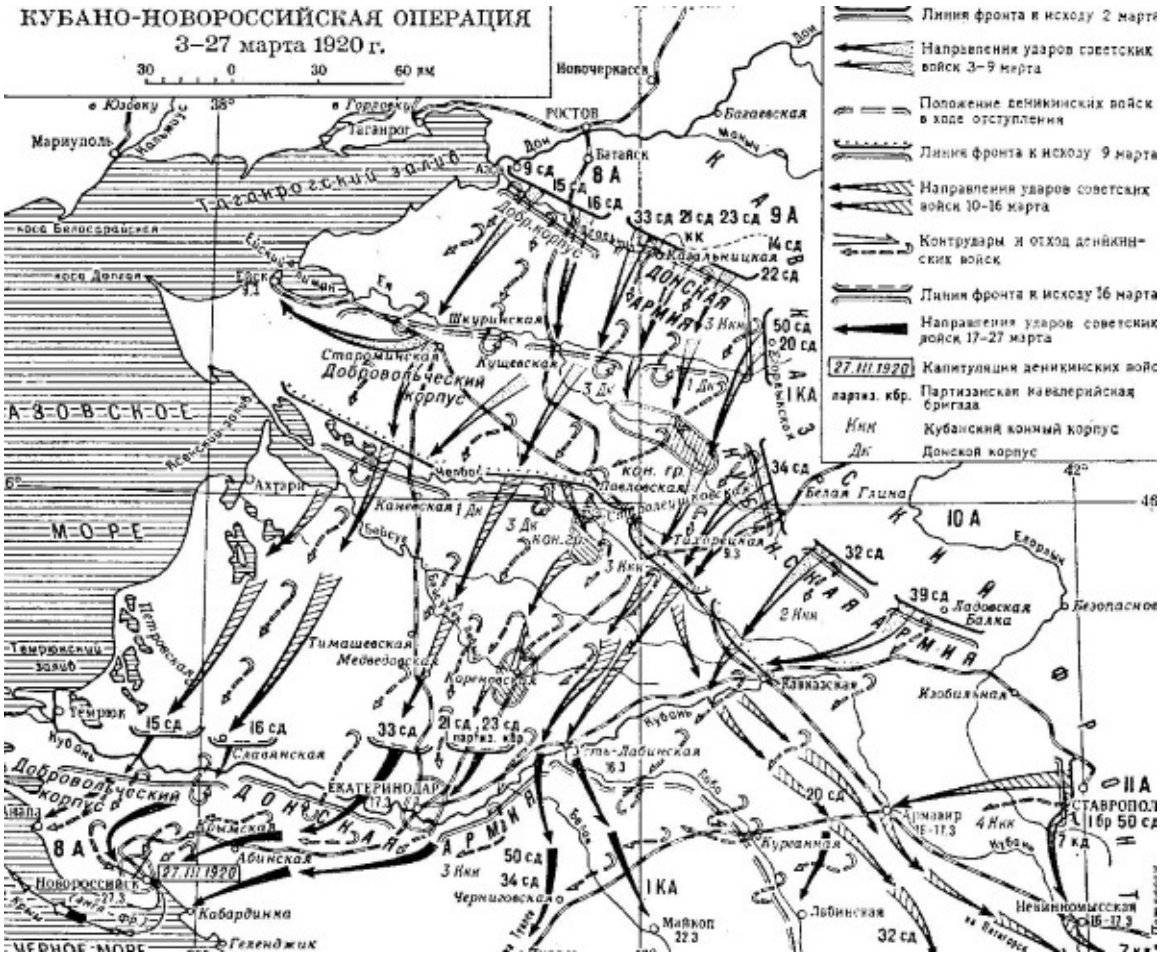
Вся ватага беглецов буквально запрудила Крым, рассеялась по деревням, грабя их…

…Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше награбить и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения»[69].

До прибытия Слащова в Севастополь белое командование собиралось защищать Крым на Перекопском валу и Сальковском перешейке. Там было вырыто несколько окопов, натянута колючая проволока и поставлены четыре 152-мм тяжелых крепостных орудия. Слащов же посоветовал сдать красным оба перешейка вместе с крепостными орудиями. Красные должны были ворваться в Крым, а в районе Ишуня Слащов собирался нанести им решительный контрудар.

23 января на рассвете красные начали наступление на Перекоп. Стоявшие у вала четыре старые крепостные пушки стреляли, бывший в охранении Славянский полк (100 штыков) бежал. Красные заняли город Армянск и двинулись к Ишуню. Но 24 января, согласно плану Слащова, красные были контратакованы и бежали за Перекоп.

Во время боя 24 января губернатор граф Н.А. Татищев буквально через каждые 5 минут звонил Слащову и спрашивал, как дела на фронте. Ведь в Севастополе и Ялте многие господа офицеры и почтенная публика начали грузиться на суда. Татищев «допек» Слащова: «И вот в самый разгар диктовки, перебивая мою мысль, является адъютант, сотник Фрост, человек очень исполнительный, но мало думающий, и докладывает, что губернатор Татищев настоятельно просит сообщить о положении на фронте. Сознаюсь, я извелся – тут дело, а там продолжается паника – и резко отвечаю: “Что же, ты сам сказать ему не мог? Так передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов”. А Фрост, по всегдашней своей исполнительности, так и передал. Что было!.. Паника улеглась, но на меня посыпались жалобы и выговоры, тем более что лента передачи досталась репортерам. Даже Деникин прислал мне выговор, но это выражении стало ходячим по Крыму»[70].

Кубано-Новороссийская операция 3—27 марта 1920 г.

7 февраля 1920 г. конная бригада Котовского ворвалась в Одессу. На следующий день город был окончательно очищен от белых. Часть «добровольцев» сумела морем уйти в Крым, а другая – отступила к Днепру, где вскоре сдалась в плен.

Деникин не сумел ни защитить Новороссийск, ни организовать эвакуацию войск оттуда. 27 марта 1920 г. в районе Новороссийска капитулировало 22 тысячи белых. Некоторые белые части отошли к Сочи, где 2 мая капитулировало не менее 60 тысяч «добровольцев» и казаков.

Не помогли белым даже 343-мм пушки дредноута «Император Индии», огнем которых англичане пытались задержать красных, штурмовавших город. По завышенным данным белого командования, из Новороссийска были вывезены 35 тысяч «добровольцев» и 10 тысяч казаков.

Генерал Деникин из Новороссийска перебрался в Феодосию.

Поражения Добровольческой армии привели к кризису в ее

руководстве. Барон Врангель с лета 1919 г. интриговал против Деникина и стремился стать главнокомандующим. На эту должность претендовал и генерал Шиллинг.

Генерал Врангель прибыл в Севастополь на «Императоре Индии». На всякий случай барон решил не останавливаться на берегу, а занял каюту на крейсере «Генерал Корнилов»[71].

Из всех претендентов на пост главнокомандующего был лишь один толковый военачальник – Слащов, но он был всего лишь генерал-майором, и его ненавидело большинство генералов.

20 марта 1920 г. генерал Деникин написал своему заместителю генералу А.М. Драгомирову: «Многоуважаемый Абрам Михайлович, три года Российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование.

Уважающий Вас А. Деникин».

Между тем британское правительство предъявило Деникину ультиматум с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы с тем, чтобы правительство короля Великобритании обратилось бы с предложением к Советскому правительству об амнистии населению, и в частности войскам юга России. Причем в случае отказа генерала Деникина от этого предложения британское правительство категорически отказывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую-то ни было помощь.

Предложение, замечу, вполне разумное, поскольку советское правительство находилось в довольно сложной ситуации, связанной с экономическими проблемами (голодом, разрухой, тифом и др.), а также войной в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Поэтому британское предложение, скорей всего, было бы принято. Разумеется, господам офицерам, а особенно старшим офицерам, пришлось бы отправиться в Константинополь и далее, поскольку они все равно бы не вписались в жизнь Новой России. А вот низшие чины и часть младших офицеров могли бы остаться под британскую гарантию. Был шанс, что Россия пошла бы по несколько иному и существенно менее кровавому пути.

Но господам генералам было плевать и на Россию, и на Англию, они

хотели воевать. Процитирую самого Врангеля: «Все молчали. Наконец генерал Махров стал говорить о том, что, как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать: “Пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия”.

– Да, Петр Семенович, это так, – отвечал генерал Шатилов, – если бы этот шанс был… Но, по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде.

Генерал Махров не возражал».

22 марта 1920 г. в Севастополе на заседании старших начальников, выделенных из состава Военного совета, главнокомандующим был избран генерал-лейтенант барон Врангель.

В тот же день Деникин издал приказ № 2899:

«1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

2. Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин».

29 марта 1920 г. Врангель издал приказ: «Объявляю положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на Юге России.

Правитель и Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск независимы в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главнокомандующему»[72].

Таким образом, Врангель установил в Крыму ничем не ограниченную диктатуру. Генерал-лейтенант Деникин убыл во Францию на французском миноносце. Генерала Шиллинга Врангель упек в отставку. Получили отставку и ряд других сухопутных и морских чинов. Однако отправить в отставку спасителя Крыма Слащова барону сразу не удалось.

Врангель писал о Слащове: «Хороший строевой офицер генерал Слащов, имея сборные случайные войска, отлично справляется со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым. Однако полная вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала

окончательно запутался. Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу»[73].

Про наркотики, а конкретно о потреблении кокаина, равно как и о различных чудачествах Слащова, Врангель будет писать и далее: «Слащов жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах – разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка Слащов в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и дивану, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина.

Я настоял на том, чтобы генерал Слащов дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастении, требующую самого серьезного лечения»[74].

К большому сожалению, многие отечественные историки приняли мемуары Врангеля за святое писание и безоговорочно поверили в сильную наркотическую зависимость Слащова и в его сумасшествие. Определенную роль тут сыграла и пьеса М. Булгакова «Бег», где Слащов выведен под именем полусумасшедшего генерала Хлудова.

На самом же деле барон нагло врал, стремясь очернить более талантливого соперника. Я не буду говорить, что различные чудачества свойственны великим полководцам, вспомним Суворова и Кутузова. Дело в другом: последующие поступки генерала Слащова говорят о его трезвом аналитическом уме. Осенью 1921 г. Слащов обратился к Советскому правительству с просьбой разрешить ему вернуться на Родину. Он был амнистирован и назначен старшим преподавателем на курсах комсостава «Выстрел». В Москве он публикует несколько военно-исторических работ в военных журналах, пишет мемуары и монографию по вопросам военной стратегии. И все это делает законченный наркоман и неврастеник?!

Забавно, что в 1925 г. Слащова приглашают консультантом на съемки фильма «Врангель». Там он дебютировал в качестве актера, играя самого себя.

11 января 1929 г. Слащов был убит евреем Коленбергом, мстившим за брата, казненного по приказу генерала в 1920 г. В СМИ печатались различные инсинуации по поводу того, что убийство Якова Александровича было спецоперацией ОГПУ. Увы, это очередная «утка». Коленберг был осужден советским судом и действительно сидел, да и недавно раскрытые материалы этого дела не дают никаких оснований

полагать, что к убийству причастны чекисты.

Итак, Врангель не смог сразу расправиться со Слащовым и даже попытался его задобрить, присвоив чин генерал-лейтенанта. Однако барон сделал все, чтобы Яков Александрович не мог влиять на политические дела в Крыму.

Весной 1920 г. власть Врангеля распространялась лишь на Крым. У барона было лишь два варианта дальнейших действий. Можно было по примеру 1918–1919 гг. создать независимую республику Крым и предложить мир большевикам. Советская республика располагала многочисленной Красной Армией и ресурсами большей части бывшей империи. Но у нее было много внутренних и внешних проблем. Врангель мог создать за полгода неприступную линию укреплений. Наконец, правительства стран Антанты уже убедились в полной неперспективности действий белых армий, но были крайне заинтересованы в создании небольших государств на окраинах бывшей Российской империи. Таким образом, у независимого Крыма были все шансы просуществовать хотя бы 10 лет.

Однако Врангель выбрал иной путь. Он в течение нескольких недель переформировал части Добровольческой армии, бежавшие в Крым, и создал фактически новую армию. К началу июня 1920 г. она насчитывала до 32 тысяч штыков и 12 тысяч шашек, 1144 пулемета, 272 орудия, 14 бронепоездов, 16 автобронеотрядов, один танковый и 11 авиаотрядов. А далее Врангель решил вновь вторгнуться на Кавказ и в южные районы Украины.

Врангель надеялся, что значительная часть советских войск будет направлена на польский фронт. Действительно, 25 апреля шесть польских армий начали массированное наступление по всему фронту от Литовской республики до границ Румынии. Маршал Пилсудский решил восстановить Речь Посполитую «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. В мае поляки взяли Киев и далеко отбросили советские войска.

Первый десант Врангель осуществил в Хорлах. Хорлы – небольшой приморский поселок с одной пристанью в мелководном заливе Черного моря, в 40 км к западу от Перекопа. В высадке приняли участие 1-й и 2-й Дроздовские полки с батареей четырех легких пушек, восемнадцатью верховыми лошадьми, радиостанцией, двумя автомобилями «Форд» и двумя мотоциклетами.

В Севастополе десант был погружен на транспорты «Цесаревич Георгий», «Веста», «Павел», «Россия», № 412 и на тральщик «Скиф».

Командовать десантом было приказано генерал-майору Витковскому.

2 апреля десант успешно высадился в тылу красных войск. Пройдя с боями более 60 км по красным тылам, дроздовцы разгромили всю инфраструктуру красных, готовившихся к атаке Перекопа.

Красное командование, сняв с Перекопа лучшие части, артиллерию и конницу, бросило их на дроздовцев. Окруженные со всех сторон многочисленным противником, дроздовцы медленно, но упорно пробивались к Перекопу. Когда патроны подошли к концу, 1-й Дроздовский полк с оркестром впереди без единого выстрела пошел в психологическую атаку. Красные не выдержали и отступили. Это была последняя психологическая атака в Гражданской войне.

В ходе боев дроздовцы потеряли 575 человек убитыми и ранеными, причем ни один раненый не был брошен, некоторых выносили на руках. Из-за неразберихи в штабах белых, а может, и интриг Врангеля части Крымского корпуса, подчиненные Слащову, ничего не знали о десанте. Они слышали орудийную стрельбу в тылу у красных, но не пришли на помощь дроздовцам. И когда дроздовцы вышли к Перекопу у деревни Преображенки, то лишь благодаря счастливой случайности они не были встречены огнем своих же орудий и пулеметов.

Одновременно с десантом дроздовцев в Хорлах 2 апреля 1920 г. в 8 часов утра в красном тылу у деревни Кирилловки на Азовском море был высажен десант под командованием капитана 1 ранга Н.Н. Машукова. Десантников доставили ледокол «Гайдамак», канонерка «Стража», две баржи и три буксирных парохода. Первым высадился отряд в 450 человек при одном орудии. В отряд входили 1-й Алексеевский и Самурский полки и сотня юнкеров Керченского корниловского военного училища. Около сотни человек оставались на одной из барж, чтобы высадиться ближе к Геническу. Десантом командовал полковник М.А. Звягин.

Красноармейцы, занимавшие Кирилловку, сдались без боя. Соседнее селение Горелое также было занято белыми. Дальше десантники должны были дойти до Акимовки, разрушить там железную дорогу и через Геническ вернуться в Крым. А сводно-стрелковый полк под командованием полковника Г.К. Гравицкого, защищавший Арабатскую стрелку, должен был взять Геническ.

По железной дороге срочно были переброшены красные части – два конных полка Буденного, три латышских полка, один китайский полк, два полка из Геническа, несколько бронепоездов, артиллерийских батарей и сорок пулеметов, которые не дали белым десантникам выйти из прибрежной полосы. Десант, подойдя с тяжелыми боями к Геническу, узнал, что город в руках красных.

Десантники, теснимые со всех сторон красными, поддерживаемые огнем вооруженных судов «Терец», «Страж», «Георгий», ледокола № 1, после кровопролитного боя вошли в Геническ. Два батальона сводно-стрелкового полка смогли сбить красные пулеметы, перешли мост и вошли в город с юга. Затем белые части вернулись в Крым. Из-за своей малочисленности десант не выполнил своей задачи, но зато выяснил обстановку и возможности более крупного десанта.

Успех этих двух десантов и наступление поляков привели Врангеля к идее большого наступления в Северной Таврии. Причин для этого было много. На юге Украины барон хотел захватить продовольствие и лошадей, которых так не хватало в Крыму. Наконец, военные успехи и захват новых территорий должны были усилить поток помощи со стороны Антанты. Амбициозный барон 28 апреля (10 мая) отдал приказ переименовать остатки Добровольческой армии в Русскую армию. В конце мая Врангель решил начать большое наступление. Корпус генерала Слащова был снят с Перекопа, его там заменили части генерала Писарева.

21—23 мая (2–3 июля) корпус Слащова в порту Феодосия был погружен на транспортные суда. Всего погрузили 10 тысяч штыков и сабель, 2 тысячи лошадей, 50 полевых орудий, 2 броневика и 150 повозок обоза.

В состав отряда судов десанта вошли: вооруженные ледоколы № 1, «Гайдамак», «Всадник»: разведывательное судно «Мария»; канонерские лодки: «Грозный», «Алтай», «Урал», «Страж»; транспорт «Россия»; десять пароходов; шесть буксирных катеров; девять барж и вооруженный буксир «Азовец» (бывший «Республиканец», захваченный у красных в Мариуполе 2 мая 1920 г.).

24 мая (5 июня) эскадра вышла из Феодосии и ночью прошла Керченский пролив в полутора километрах от Таманского берега. Однако красные не догадались или не сумели поставить дальнобойные морские орудия на Таманском полуострове.

Высадка прошла с 25 по 28 июня (далее все даты по новому стилю) в чрезвычайно тяжелых условиях. На море был сильный шторм, шел дождь, сильный прибой переворачивал шлюпки, и войска высаживались по плечи в воду. При высадке погибли один вольноопределяющийся и две лошади.

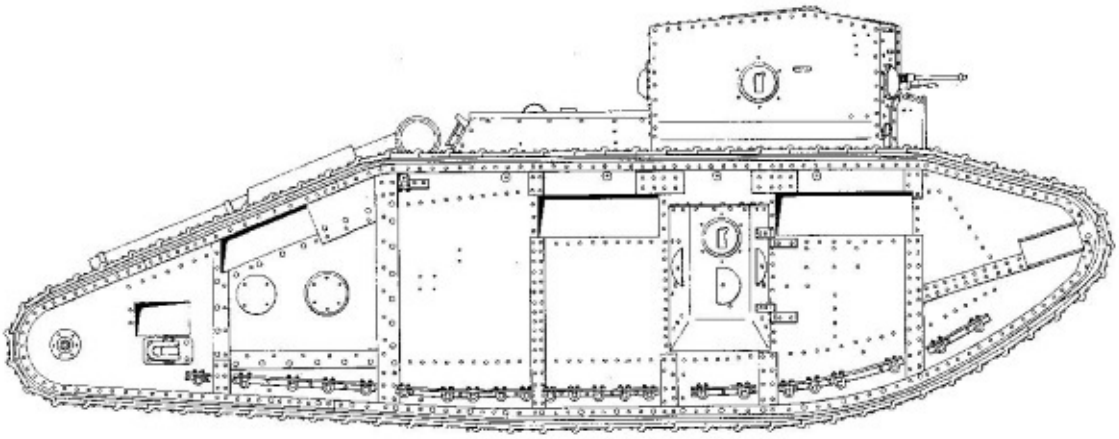
Получив радиограмму об удачной высадке войск Слащова у Кирилловки, Врангель приказал начать наступление на перешейке. На рассвете 7 мая армия перешла на всем фронте в наступление. После короткой артиллерийской подготовки части генерала Писарева при поддержке танков и бронепоездов атаковали красных, а десант Слащова в

это время занял деревни Ефремовку и Давыдовку и подходил к железной дороге. Красные отступили, почти не оказывая сопротивления. Геническ, станция Ново-Алексеевка и деревня Ново-Михайловка были заняты частями белого Сводного корпуса. Белые бронепоезда пошли на станцию Рыково. Красные части отходили на село Рождественское. Здесь белые взяли несколько сот пленных и два орудия.

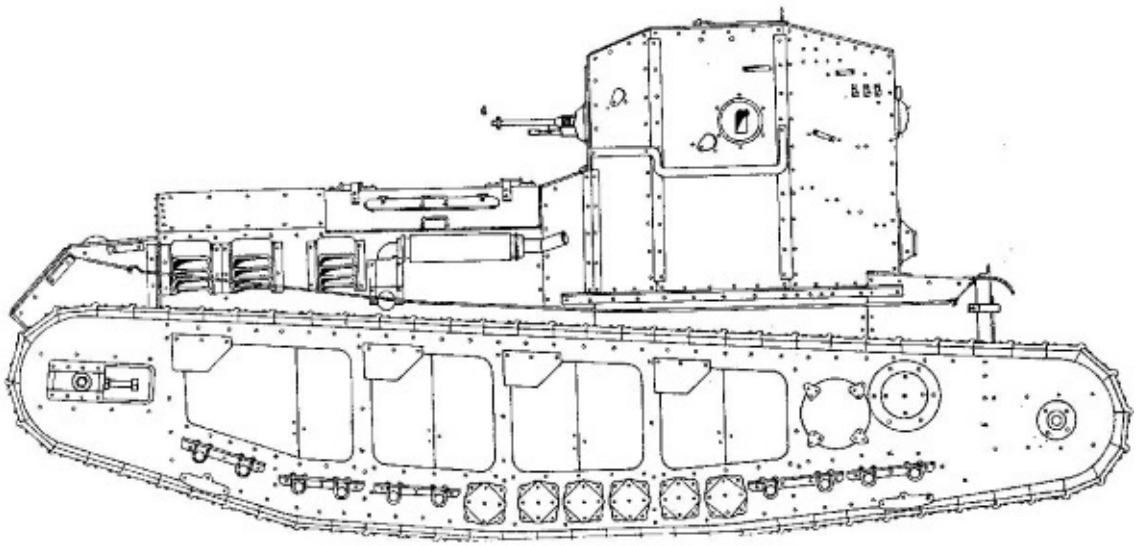
В это время корпус Кутепова атаковал на перекопском участке главные силы советской 13-й армии. Танки и броневики двигались впереди белых цепей, прорывая проволочные заграждения. Красные отчаянно сопротивлялись, особой стойкостью отличались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка и Первоконстантиновка, в упор расстреливали белые танки. Несколько танков было подбито, однако белая пехота овладела всей укрепленной позицией. По советским данным, только один 1-й легкий артиллерийский дивизион Латышской дивизии подбил два танка и четыре броневика. 7 июля наводчик 1-го орудия 2-й батареи 1-го легкого дивизиона 3-й стрелковой дивизии Константин Никулин прямой наводкой с расстояния 100 м подбил четвертой гранатой танк, носивший громкое название «Генерал Врангель».

Марковская дивизия выдвинулась на линию Первоконстантиновка – Спендиарово, а Корниловская дивизия – на линию Преображенка – Адамань. 2-я конная дивизия генерала Морозова начала преследование отступавших красных частей. Дроздовская и 1-я конная дивизии (пешая) оставались в резерве командира корпуса.

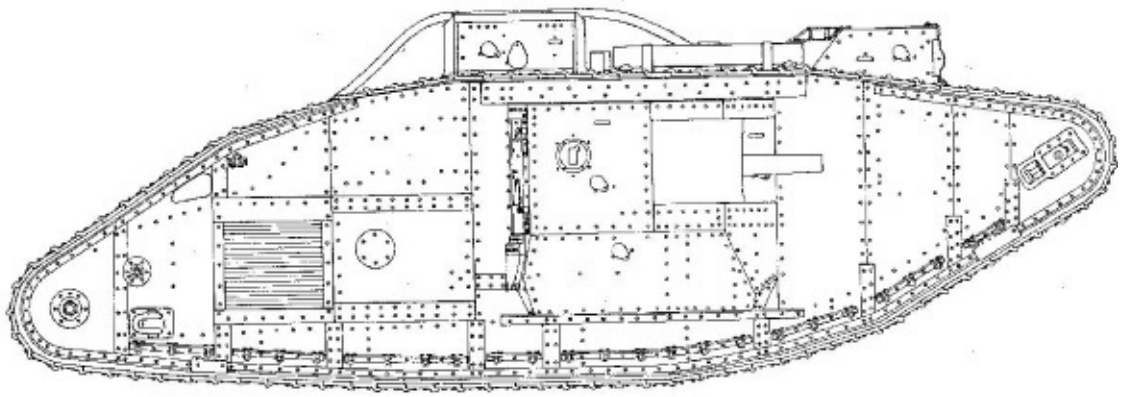
8 июня продолжались ожесточенные бои. Части Слащова к вечеру с боями вышли на железную дорогу между станциями Большой Устюг и Акимовка., при этом захватив несколько тысяч пленных из состава мелитопольского гарнизона. Белые бронепоезда выдвинулись к станции Сокологорное, где подбили красный бронепоезд.

Английский танк Мк. В. (Рис. С. Игнатьева)

Английский танк «Уиппет». (Рис. С. Игнатьева)

Английский танк Mk.V в варианте «Композит». (Рис. С. Игнатьева).

Эти танки состояли на вооружении Добровольческой армии и использовались в боях за Крым

Части сводного корпуса генерала Писарева продолжали наступать. Кубанская дивизия вышла на линию станция Юрицыно село Рождественское, 3-я дивизия – на линию Отрада – НовоТроицкое. В свою очередь, красная конная дивизия Блинова (до 2500 шашек), только что прибывшая с Кавказа, атаковала белых, охватывая фланг Сводного корпуса. Красные захватили деревню Ново-Михайловка, но к вечеру были выбиты оттуда противником. Дроздовская дивизия прочно заняла Первоконстантиновку. А красные части под прикрытием артиллерии отходили на Владимировку. С запада их преследовали дроздовцы, а с севера – 2-я конная дивизия генерала Морозова.

Около полудня дроздовцы захватили Владимировку. На участке между Владимировкой и Строгановкой красные были прижаты к Сивашу. После короткого боя и атаки белых аэропланов красные бросились врассыпную. Кто-то пытался спастись вплавь через Сиваш, но их расстреливали шрапнелью батареи белых. Переплывших же на южный берег задерживали белые сторожевые посты. Большая часть красных сдалась. Белые захватили около полутора тысяч пленных, пять орудий и три броневика. У Спендиарова марковцы и корниловцы отбили в течение дня все атаки красных.

За два дня боев 1-й корпус белых захватил 3500 пленных, 25 орудий и 6 броневиков, но и в корпусе были значительные потери, особенно в офицерском составе. В 1-м Дроздовском полку все батальонные и ротные командиры были убиты или ранены.

В ночь с 8 на 9 июня красная дивизия Блинова, использовав растянутое положение 3-й конной дивизии белых, лихим налетом заняла деревню Отрада и прорвалась в Ново-Михайловку, где захватила весь штаб 3-й конной дивизии во главе с начальником дивизии генералом Ревишиным.

К вечеру 9 июня части Слащова заняли Мелитополь. А части Сводного корпуса медленно продвигались вперед. Части 1-го армейского корпуса вышли на линию Аскания-Нова – Чаплинка – Колончак и продолжали преследовать красных. В Чаплинке белые захватили брошенные красными баллоны с удушливыми газами, а также лабораторию для производства газов и батарею газометов.

Конница генерала Морозова, разгромив красных под Строгановкой, 8 июня была переброшена на Чаплинку. К вечеру 9 июня генерал Морозов

был уже в хуторе Бальтазаровском.

10 июля части Слащова заняли станцию Мелитополь и продолжали удерживать город.

Как видим, наступление белых было тактически удачно, но в стратегии барон был, явно, не силен. Как писал Слащов: «Таким образом, армия Врангеля, не имея достаточно ресурсов для пополнения, веерообразно расходилась по Северной Таврии в убеждении, что потери есть доказательство доблестного и заслуживающего награды боя.

Чего хотел достигнуть Врангель своим веерообразным расположением, какова была основная идея плана его операции, я понять не могу. Расположение войск веером одинаково не годилось ни для наступления, ни для обороны, ни для давления на противника с целью заключения мира.

На правом берегу Днепра происходит восстание кулаков, для подавления которого красным приходилось выделять войска. Восставшие целыми рядами занимали днепровские плавни и просили у Врангеля помощи.

Врангель ее не дал – чем он руководствовался? Остается предположить, что он начал какие-то секретные переговоры с поляками или получил от своих хозяев-французов директиву не вступать в назначенную полякам Украину»[75].

В результате белого наступления армия Врангеля ввязалась в тяжелые и совершенно бесперспективные бои в нижнем течении Днепра.

В июле 1920 г. Врангель попытался открыть еще один фронт против красных, высадившись на Кубани и желая поднять восстание кубанского казачества.

В Керчи и Феодосии в конце июля 1920 г. были сосредоточены основные силы десанта – 3400 штыков, 1100 сабель, 133 пулемета, 26 полевых пушек, несколько броневиков и восемь аэропланов. Эти силы были перевезены на тринадцати транспортах и шести десантных баржах при семи буксирах. Их прикрывали военные корабли Азовского отряда: канонерские лодки «Алтай», «Урал», «Салгир», «Страж» и «Грозный», а также вооруженные ледоколы «Гайдамак» и «Джигит».

В ночь с 12 на 13 августа десант вышел в море. На рассвете 14 августа авангард высадился на Ясенской косе в 14 км от станицы Приморско-Ахтарской. Береговые батареи красных были уничтожены дальнобойными орудиями белых судов, и десант высадился без потерь. Станица Ахтарская была взята авангардом, и там произошла высадка основных частей белых с лошадьми, орудиями и всей материальной частью.

Белая конная дивизия генерала Бабиева[76] быстро продвигалась вперед, захватив станицы Тимашевскую, Поповичевскую и Брюховецкую. До Екатеринодара оставалось не более сорока верст. Но, несмотря на блестящие победы генералов Бабиева и Улагая[77], наступление белых захлебнулось. Красные спешно перебросили крупные силы и атаковали десант со всех сторон. Не оправдались надежды Врангеля и на всеобщее восстание казаков.

К 31 августа Врангель решил эвакуировать десант. В течение девяти дней производилась погрузка и вывоз в Крым всех частей, складов и беженцев. Несмотря на большие потери, десант увеличился на 10 тысяч человек. Это были кубанские казаки – добровольцы.

При эвакуации десанта на минах подорвались миноносец «Звонкий», канонерка «Алтай» и транспорт «Волга», однако все три судна удалось удержать на плаву.

4 августа генерал Слащов, возмущенный придирками Врангеля, подал в отставку. Барон отставку принял, но пытался «подсластить пилюлю», добавив в особом приказе к фамилии Слащова приставку «Крымский» по аналогии с Румянцевым-Задунайским, Потемкиным-Таврическим и др. Врангель предложил Слащову поехать полечиться в Европу, и тому ничего не оставалось, как отправиться на отдых, но не в Европу, а в Ливадию.

Ликвидация улагаевского десанта на Кубани 14 августа – 7 сентября 1920 г.

Немецкий барон – борец «за единую и неделимую» – летом и осенью 1920 г. отчаянно пытался найти себе союзников. Он послал несколько эмиссаров к Махно, но батька повел себя уклончиво, а позже встал на сторону красных. Более успешными стали переговоры с украинскими националистами. Так, в конце августа в Севастополь прибыла делегация от одного из крупнейших украинских повстанческих отрядов генерала М. Омельяновича-Павленко. А в конце сентября в Крым явилась делегация заграничного Украинского Национального Комитета в составе председателя С.К. Маркотуна, генерального секретаря Б.В. Цитовича и члена комитета П.М. Могилянского. Организация эта была создана в

Париже в 1919 г., а ее отделения действовали в США, Константинополе и в некоторых славянских странах.

Велись Врангелем переговоры и с правительством Пилсудского. В Севастополь из Варшавы прибыл князь В.С. Любомирский. Князь заявил севастопольским журналистам: «Руководящие польские круги чрезвычайно сочувственно относятся к заключению союза с генералом Врангелем. Я убежден, что этот союз будет заключен в самом ближайшем будущем».

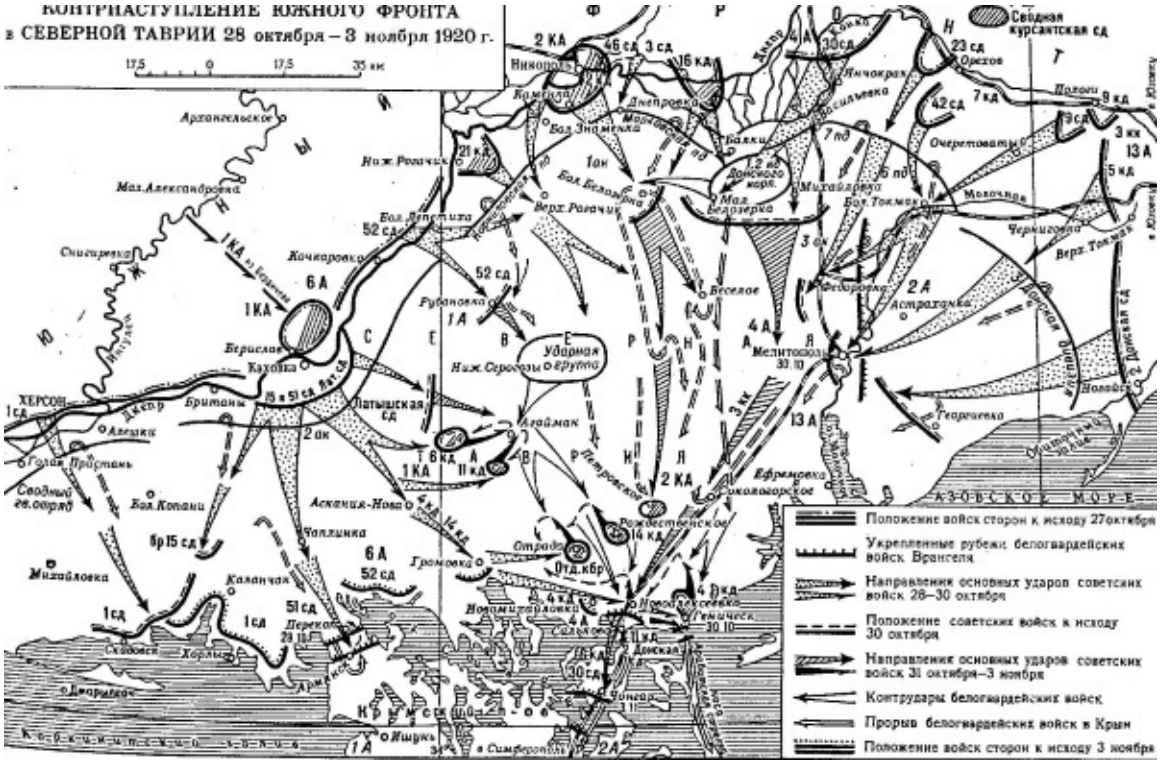
Однако 12 октября 1920 г. Советская Россия и Польша подписали перемирие. Теперь у Красной Армии в Европейской части страны остался один враг – Врангель.

Решающее сражение в Северной Таврии произошло в августе – октябре на левом берегу Днепра, в районе села Большая Каховка. Каховский плацдарм был захвачен красными 7 августа. Белые предприняли серию контратак, чтобы сбросить противника в Днепр. Подробное описание этих боев выходит за рамки работы. Я же остановлюсь на отдельном эпизоде – борьбе с танками. В боях за Каховский плацдарм обе стороны использовали по 15 бронеавтомобилей, но у врангельцев, кроме того, имелось еще 12 танков.

14 октября на рассвете 2-й корпус генерала В.К. Витковского перешел в наступление по всему фронту. В первом эшелоне двигалось 12 танков, за которыми шли пехота и пулеметчики. Фланги наступавших обеспечивались бронеавтомобилями. Наступление белых поддерживалось огнем 70 орудий и 10–12 самолетами.

В связи с комбинированной атакой белых красные не могли сосредоточить весь огонь артиллерии по танкам. Поэтому борьбу с танками вели только заблаговременно выделенные для этой цели отдельные орудия и взводы, которые своим огнем подбили три танка, прорвавшиеся через первую линию обороны. Остальная артиллерия сосредоточила свой огонь по бронеавтомобилям и наступавшей пехоте.

Часть танков белых проникла в тыл основной оборонительной линии красных до расположения штабов полков и полковых резервов. Против этих танков командование выделило маневренные взводы и батареи, которые к 11 часам утра 14 октября подбили шесть танков.

Контрнаступление Южного фронта в Северной Таврии 28 октября – 3 ноября 1920 г.

Командир 10-го легкого артиллерийского дивизиона Орлов находился со своим штабом у хутора, когда поблизости появился танк «Ермак». Орлов приказал командиру 1-й батареи Опасову выдвинуть четыре орудия батареи ближе к танку и, когда он пройдет хутор, открыть огонь. Батарея выполнила маневр и дала залп. Танк развернулся и устремился на батарею. Последующими выстрелами у него была разбита гусеница, и он свалился в яму. Однако, когда пехота 1-го полка Огневой бригады попыталась его захватить, экипаж танка пулеметным огнем и гранатами отразил атаку. Тогда Орлов приказал командиру батареи выдвинуть одно орудие на расстояние ста шагов от танка и открыть по нему огонь. Благодаря меткой наводке командира огневого взвода Дубровина танк был разбит.

Командир кинжального взвода 2-й батареи 10-го легкого артиллерийского дивизиона Нестеров подбил танк «Скобелев». Стрельба велась с дистанции 300 м.

Командир 3-го легкого артиллерийского дивизиона 51-й дивизии Л.А. Говоров (впоследствии – участник Великой Отечественной войны, маршал Советского Союза), дважды раненный, продолжал управлять огнем артиллерии Тернинского сектора до тех пор, пока артиллерия сектора не подбила прорвавшиеся танки противника – «Кутузов», «За Русь святую»

и два безымянных.

В бою с этими танками отличился командир 1-й батареи 3-го дивизиона С.А. Крюков, который под сильным пулеметным огнем противника подбил танк «За Русь святую». Этот танк на другой день был исправлен, переименован в «Москвич-Пролетарский» и успешно использован в боях против белых.

15 октября красные перешли в решительное наступление. 30 октября был взят Мелитополь, белые с трудом ушли за Перекоп, потеряв в боях за Северную Таврию не менее 40 процентов своего личного состава.

Глава 7
Финал гражданской войны

Итак, Врангель с непостижимым упорством пытался вырваться из Крыма и начать поход на Москву. Что же касается укрепления позиций на перешейке, то тут работы шли спустя рукава. Врангель, осмотрев 30 октября 1920 г. Перекопские позиции, самодовольно заявил находившимся при нем иностранным представителям: «Многое сделано, многое предстоит еще сделать, но Крым и ныне уже для врага неприступен».

Увы, барон выдавал желаемое за действительное. Постройкой укреплений на Перекоп-Сивашской позиции руководил генерал Я.Д. Юзефович. Потом его сменил генерал Макеев, который был начальником работ по укреплениям Перекопского перешейка. Еще в июле 1920 г. Макеев в рапорте на имя помощника Врангеля генерала П.Н. Шатилова докладывал, что чуть ли не все капитальные работы по укреплению Перекопа производятся в основном на бумаге, поскольку стройматериалы поступают «в аптекарских дозах». Ни землянок, ни блиндажей, где могли бы укрываться войска в осенне-зимний период, на перешейке практически не было.

Руководитель французской военной миссии генерал А. Бруссо, с 6 по 11 ноября осмотревший Чонгарские укрепления, в докладе военному министру Франции писал: «…программа позволила мне посетить расположение казацкой дивизии в Таганаше и трех батарей, расположенных у железнодорожного моста через Сиваш. Это следующие батареи:

– два 10-дюймовых орудия к востоку от железной дороги;

– два полевых орудия старого образца на самом берегу Сиваша;

– орудия калибром 152 мм Кане, немного позади от предыдущих.

Эти батареи показались мне очень хорошо обустроенными, но мало соответствующими, за исключением полевых орудий, роли, которую войска должны были сыграть в предстоящих боях. Батарея 10-дюймовок располагала бетонированными укрытиями и насчитывала не менее 15 офицеров среди личного состава. Ее огонь был хорошо подготовлен и мог бы достойно вписаться во всю организацию артиллерийского огня, в которой оборона позиций с близкой дистанции осуществлялась бы полевыми орудиями. Но именно этих орудий и не хватало! Так же слабо была организована огневая поддержка пехоты. На берегу Сиваша, вблизи

от каменной насыпи железной дороги, находилось примерно до роты личного состава; ближайшие воинские подразделения располагались в пяти верстах оттуда, в Таганаше. На сделанное мною замечание мне ответили, что недостаток оборудованных позиций вынудил отвести войска в места, где они могут получить укрытие от холода.

Следует согласиться, что температура оставалась очень низкой в начале декабря, что солдаты были очень плохо одеты, что не хватало дров в этом районе.

Рельеф местности в остальном облегчал оборону, несмотря на плохое расположение войск. С этой точки зрения, Крым сообщается с континентом только посредством плотины и железнодорожного моста (мост взорван). Конечно, через Сиваш имеются броды, однако берег представляет собой глинистую гору с вершинами высотой от 10 до 20 метров, абсолютно непреодолимую.

В дивизии, которую я видел в Таганаше, не царила уверенность в победе. Главнокомандующий сказал мне, что казаки не годились для этой позиционной войны и что их лучше отвести в тыл и реорганизовать в более серьезные подразделения. Личный состав дивизии имел столько же бойцов в тылу, сколько и на переднем крае.

Тем временем я пересек три линии обороны, оборудованные в тылу Сиваша; первые две из них представляли собой ничтожную сеть укреплений, третья линия была немного более серьезной, но все они были расположены в одну линию, без фланговых позиций, на склонах, обращенных к противнику, или на самом гребне холма, слишком близко одна от другой (от 500 до 800 м) и не имели никаких окопов в глубине».

Советские военные историки значительно преувеличили мощь укреплений противника. Тем не менее, я думаю, стоит привести и их мнение. Тем более что вопрос о возможностях обороны на перешейке очень важен, и не столько для Гражданской, сколько для Великой Отечественной войны.

«Основная линия обороны Перекопских позиций была создана на искусственно насыпанном старинном турецком валу, имевшем ширину у основания свыше 15 м и высоту 8 м и пересекавшем перешеек с юго-запада на северо-восток. Протяженность вала достигала 11 км. На валу были оборудованы прочные убежища, окопы, пулеметные гнезда, а также огневые позиции легких орудий для стрельбы прямой наводкой. Перед валом находился ров шириной 20–30 м и глубиной 10 м. На всем протяжении перед укрепленной позицией было установлено проволочное заграждение в 5–6 рядов кольев. Все подступы к проволочным

заграждениям и рву фланкировались пулеметным огнем.

Вторая линия укреплений на Перекопском перешейке проходила северо-западнее Ишуня, в 20–25 км юго-восточнее и южнее Турецкого вала. На этой позиции было построено 4–6 линий окопов с проволочными заграждениями и долговременными оборонительными сооружениями.

За Ишуньскими позициями располагалась дальнобойная артиллерия противника, способная держать под огнем всю глубину обороны. Плотность артиллерии на Перекопских позициях составляла 6–7 орудий на 1 км фронта. На Ишуньских позициях имелось около 170 орудий, которые усиливались огнем артиллерии 20 судов с моря.

Позиции Литовского полуострова полностью постройкой закончены не были. Они состояли из окопов и на отдельных участках имели проволочные заграждения.

Чонгарские укрепления были еще более неприступными, так как сам Чонгарский полуостров соединяется с Крымом узкой дамбой, шириной в несколько метров, а Сивашский железнодорожный и Чонгарский шоссейный мосты были разрушены белыми.

На Таганашском полуострове противник создал две укрепленные полосы, а на Тюп-Джанкойском – шесть укрепленных рубежей. Все укрепленные рубежи состояли из системы окопов (на ряде участков, соединенных в сплошные траншеи), пулеметных гнезд и блиндажей для укрытия живой силы. На всех участках были построены проволочные заграждения. На Арабатской стрелке противник подготовил шесть укрепленных рубежей, пересекавших стрелку по фронту. Чонгарский перешеек и Арабатская стрелка имели незначительную ширину, что затрудняло маневр наступающих войск и создавало преимущества для оборонявшихся. Чонгарские позиции были усилены большим количеством артиллерии, бронепоездами и другой техникой»[78].

Действительно, белые бронепоезда сыграли важную роль в обороне Крыма. К 1914 г. в Крым вела только одна железнодорожная линия, Сальково – Джанкой, проходившая через Чонгарский полуостров и Сиваш. В 1916 г. была введена в строй линия Сарабуз —

Евпатория. А в 1920 г. белые достроили ветку Джанкой – Армянск, чтобы иметь возможность доставлять технику и войска к Перекопу. Понятно, что этого было мало. Следовало построить несколько рокадных железных дорог вблизи перешейка для переброски войск и действий бронепоездов.

Сколько точно имелось орудий на Перекопско-Сивашской позиции, данных нет ни в исторической литературе, не удалось мне найти их и в

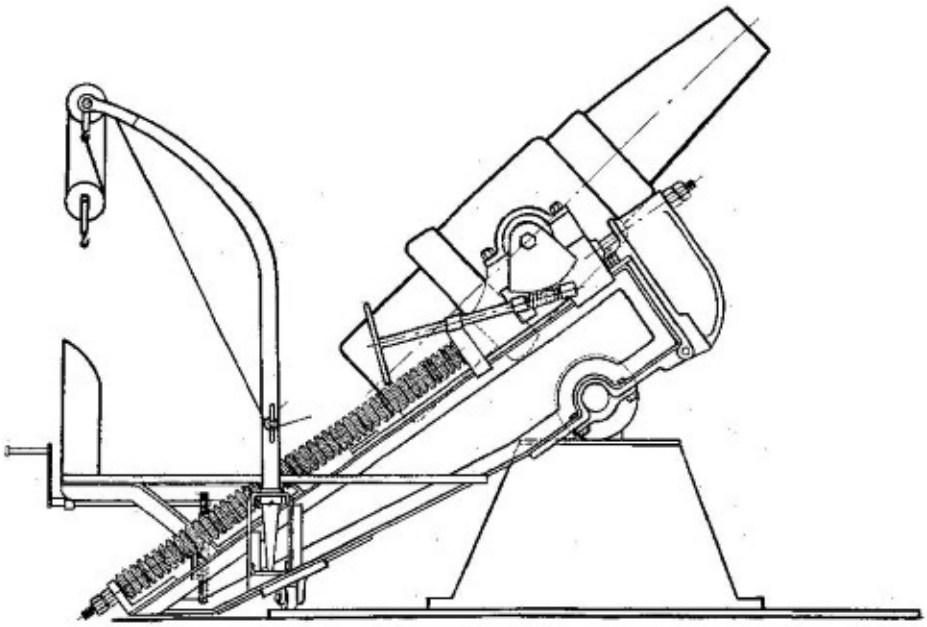
архивах. Правда, я нашел дело о снятии тяжелых орудий белых с Перекопских позиций в конце 1924 г. Там речь шла о трех 203-мм английских гаубицах МК VI, восьми 152/45-мм пушках Кане, двух 152-мм крепостных пушках в 190 пудов[79] и четырех 127-мм английских пушках.

Тем не менее в Севастополе имелись еще десятки крепостных и морских пушек и мортир калибра 305, 280, 254, 203, 152, 120 и 102 мм. Был и огромный запас снарядов. Сколько ни грабили немцы, а затем союзники, запасы Черноморского флота и Севастопольской крепости к 1917 г. были огромны.

В Крыму был мощный Севморзавод и несколько других металлообрабатывающих заводов, которые без проблем могли изготовить любое количество металлических устройств и элементов конструкций для фортификационных сооружений перешейка. На складах Черноморского флота имелись сотни тонн броневой стали, в батареях Севастопольской крепости были в большом количестве основания для орудий, броневые двери и прочее оборудование для мощных фортов. Но, увы, все это так и осталось невостребованным.

Наконец, у белых был сравнительно сильный флот, а у красных флота не было, за исключением нескольких мобилизованных гражданских судов, составлявших Азовскую флотилию. Еще в январе 1920 г. два болиндера, вооруженные 152/45-мм пушками Кане, держали под обстрелом части красных впереди Ишуньских позиций.

В ходе наступления красных в ноябре 1920 г. в Картинитский залив был введен отряд белых судов, но их было крайне мало.

11-дюймовая (280-мм) мортира обр. 1877 г. на станке Рассказова – самая мощная мортира Севастопольской крепости конца XIX – начала XX века (Рис. А.Е. Лютова)

Процитирую мнение красного военмора А.А. Соболева: «…если бы перешейки перекрывались огнем флота (что было бы, если бы белые располагали «Erebus'ами»), *Крымский полуостров никогда бы не мог быть взят армией*»[80].

Соболев абсолютно прав. Тяжелая артиллерия могла сделать Крым неприступной крепостью. Но обязательно ли нужны были тут мониторы «Эребусы» с их 381-мм пушками? Вполне достаточно было собрать десятка два-три больших барж, тех же болиндеров, эльпидифоров[81], поставить на них 203-мм и 152-мм морские орудия, до предела разгрузить, сняв двигатели у самоходных барж, «Одельные вещи, припасы и т. д., вплоть до тел орудий. К баржам подвести понтоны, которых в Севастополе было достаточно, довести осадку баржи до 0,5–0,8 м и с помощью катеров толкать их до предела к берегу в районе Ишуни и Перекопа. При такой осадке они, несмотря на мелководье, могли бы подойти к берегу на расстояние до нескольких десятков метров. Далее понтоны убирались и баржа садилась на дно. Затем устанавливались тела орудий, доставлялись боеприпасы и т. д. Одновременно вокруг баржи устанавливались каменные кладки, а вокруг орудий ставились броневые барбеты. Это долго описывать, но сделать можно было очень быстро, а все необходимое в избытке имелось в Севастополе.

Кстати, в одном случае белые так и поступили. В ноябре 1920 г. у мыса Еникале в Керченском проливе был посажен на грунт в 1200 м от берега броненосец «Ростислав», вооруженный четырьмя 254/45-мм и восемью 152/45-мм пушками.

Были у Врангеля и людские резервы. Сколько тысяч «бывших» сбежались в Крым, спасаясь от большевиков! Вспомним хотя бы булгаковский «Бег». Они ели, пили, интриговали и всячески мешали военным. Почему Врангель не приказал им взять в руки оружие или по крайней мере лопаты? Приват-доцента Голубкова, как человека образованного, поставить к дальномеру на батарее 6-дюймовых пушек Кане, а господину Корзухину с женой вместо «пушного товара» – в руки по лопате и на Перекоп на рытье окопов.

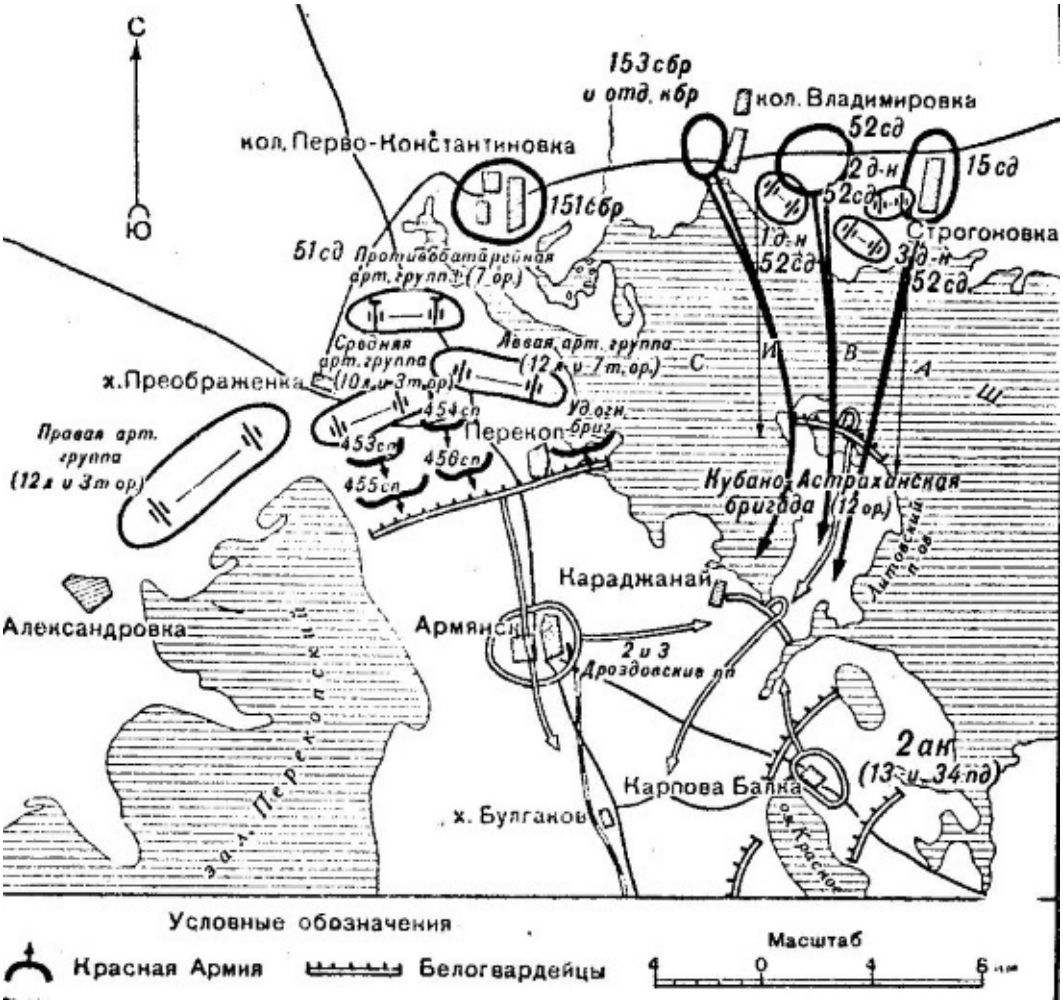
Почему же это не было сделано? Именно из-за косности мышления русских генералов и адмиралов. По мнению наших бородачей адмиралов, военное судно должно плавать, участвовать в парадах, смотрах, а обращать его в форт – по уставу не положено. Вот простой пример. Пулеметы «максим» появились в России в 1882 г., и наши генералы 20 лет (!) не знали, что с ними делать. Потом отправили пулеметы в крепости, чуть позже – в артиллерийские бригады. И лишь в ходе Первой мировой войны генералы догадались, что «максим» – это орудие пехоты. В 1904 г. в русской армии были уже сотни «максимов», но ни один генерал не догадался поставить их на тачанки или тарантасы. Потребовалась революция, чтобы до этого додумались луганский слесарь и пьяные махновцы. Взяли и поставили «максима» на тачанку, и появилось грозное оружие Гражданской войны. А что мешало это сделать в 1904–1905 гг. в Маньчжурии? «Разруха в головах» адмиралов и генералов.

Шашки наголо! Кавалерийская лава, вперед! Пехота с музыкой на пулеметы – шагом марш! Вот это по-нашему! А формировать крепостные дивизии, строить теплые подземные казармы для личного состава… Такой глупостью наши господа офицеры свои головы забивать не изволили.

Я уж не говорю о том, что Врангель и не собирался драться за Крым, а все внимание отдал подготовке к эвакуации.

Командующий Южным фронтом М.В. Фрунзе сосредоточил у перешейка 146 тысяч штыков, 40 тысяч сабель, 985 орудий, 57 бронеавтомобилей, 17 бронепоездов и 45 самолетов. У Врангеля, соответственно, было около 23 тысяч штыков, 12 тысяч сабель, 213 орудий, 45 танков и бронеавтомобилей, 14 бронепоездов и 42 самолета. Как видим, превосходство у красных было многократное. Но тяжелых орудий у красных практически не было, если не считать бронепоездов. Кроме того,

не учтены морские силы, которых у красных попросту не было, если не считать нескольких вооруженных шаланд на Азовском море.

Группировка артиллерии при штурме Перекопских укреплений 8 ноября 1920 г.

В ночь на 8 ноября в сложных погодных условиях – при сильном ветре и морозе в 11–12 градусов – ударная группа 6-й армии (153-я, 52-я и 15-я стрелковые дивизии) форсировала семикилометровую водную преграду – Сиваш. Днем 8 ноября 51-я дивизия, атаковавшая в лоб Турецкий вал, была отброшена с большими потерями.

На следующий день красные возобновили штурм Турецкого вала, и одновременно ударная группа 6-й армии овладела Литовским полуостровом. Оборона белых была окончательно прорвана.

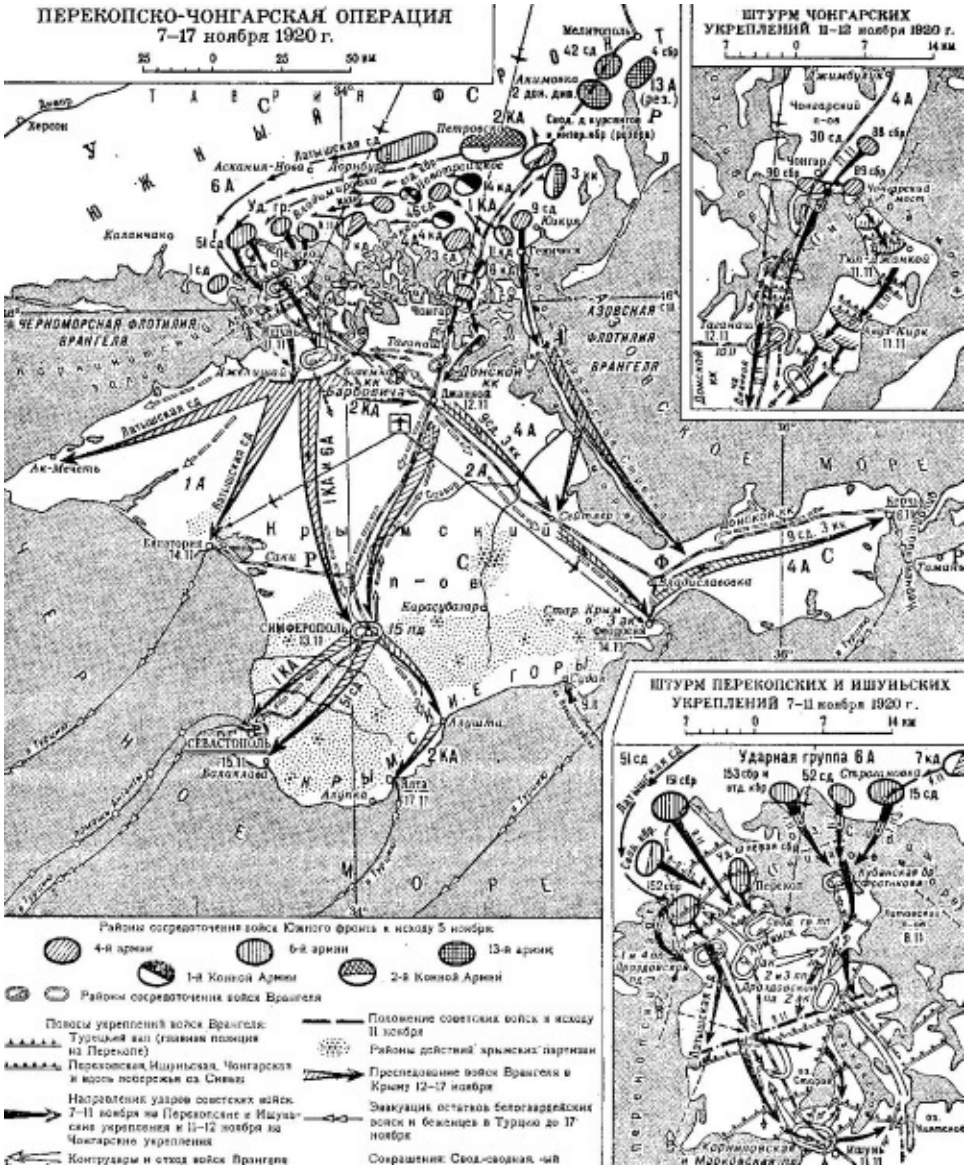
В боях за Крым я хотел особо остановиться на действиях флота и бронепоездов. Как уже говорилось, в Картинитский залив был введен 3-й

отряд Черноморского флота. В состав отряда входили: минный заградитель «Буг», на котором держал флаг командир отряда капитан 2 ранга В.В. Вилкен, канонерская лодка «Альма», посыльное судно «Атаман Каледин» (бывший буксир «Горгипия») и четыре плавбатареи.

Плавбатареи (бывшие баржи), вооруженные пятью 130– 152-мм орудиями, заняли позиции у Кара-Казака для поддержки войск на Ишуньских позициях. Уже при первой попытке красных прорваться в Крым плавбатарея Б-4 своим беглым огнем способствовала отражению их атак. В ночь на 8 ноября красные части переправились через Сиваш и подошли к Ишуньским позициям. 9 и 10 ноября плавбатареи и канонерка «Альма», получая по телефону целеуказания и корректировку, вели интенсивный огонь по наступавшему противнику. Передвижениям судов и отчасти стрельбе мешал северо-восточный шторм, а залив покрылся 12-сантиметровым слоем льда. Несмотря на неблагоприятные условия, огонь судов был действительным и части красной 6-й армии несли потери от флангового обстрела из Каркинитского залива.

В ночь на 11 ноября Ишуньские позиции были оставлены белыми, но суда оставались на своих позициях и утром бомбардировали станцию Ишунь. Во второй половине дня 11 ноября отряд судов получил приказание идти в Евпаторию, но из-за плотного льда плавбатареи уже не могли сняться со своих позиций.

На следующее утро, 12 ноября, отряд вошел в густой туман и по ошибке в счислении в 9 ч. 40 мин. в четырех милях от Ак-Мечети минный заградитель «Буг» сел на мель. Стащить минзаг с мели с помощью буксиров не удалось, и в ночь на 13 ноября команда с него была снята, а само судно приведено в негодность.

Перекопско-Чонгарская операция 7—17 ноября 1917 г.

Важную роль в борьбе за Крым сыграли бронепоезда. К октябрю 1920 г. красные у Перекопа имели 17 бронепоездов, но использовали лишь часть их. Бронепоезда курсировали в районе станции Сальково, благо мост через Сиваш был белыми взорван, а пути разобраны. Так что бронепоездам красных так и не удалось ворваться в Крым.

Тем не менее тяжелые бронепоезда красных оказали существенную поддержку частям, наступавшим на Чонгарском полуострове. Самым мощным бронепоездом красных был бронепоезд № 84, построенный в конце 1919 г. – начале 1920 г. в Сормове. В его состав входили две бронеплощадки с 203-мм корабельными пушками, созданные на базе 16-

осной и 12-осной платформ. Активно действовал и бронепоезд № 4 «Коммунар», в составе которого было 4 бронеплощадки. На одной из них стояла 152-мм гаубица, а на других – по одной 107-мм пушке обр. 1910 г.

Гораздо активнее действовали белые бронепоезда. Легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» (сформирован 27 июля 1919 г. в Екатеринодаре) с 12 по 26 октября 1920 г. находился на Юшуньской ветке (линия Джанкой – Армянск). Бронепоезд «Дмитрий Донской» прибыл 26 октября к Юшуньской позиции под командой полковника Подопригоры и вел бой против наступавших красных совместно с частями Марковской и Дроздовской дивизий.

На рассвете 27 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел к Армянску, севернее Юшуни, уже занятому красными. Там он оказался среди наступающих частей красной кавалерии. Кавалеристы, поддержанные артиллерийским огнем и бронеавтомобилями, атаковали бронепоезд несколькими лавами и окружили его. Бронепоезд поражал наступавших артиллерийским и пулеметным огнем в упор. Красноармейцы несли большие потери, но не прекращали атак. Конный разъезд красных попытался взорвать железнодорожное полотно на пути отхода бронепоезда, но пулеметным огнем с бронепоезда был уничтожен. В это время «Святой Георгий Победоносец» попал под обстрел 3-дюймовой советской батареи. В результате попадания снаряда был поврежден котел паровоза и контужены офицер и механик.

С затухающим паровозом бронепоезд медленно двигался назад, не прекращая боя с батареей и конницей красных. На северных стрелках разъезда подбитый паровоз затух. До наступления темноты бронепоезд, не имея возможности маневрировать, все-таки отбрасывал своим огнем нападавшего противника. Вечером подошел исправный паровоз и отвел боевой состав бронепоезда на станцию Юшунь.

Во время боя 27 октября на бронепоезде «Дмитрий Донской» было разбито головное орудие, ранен один офицер и убит один вольноопределяющийся.

28 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» вышел на позицию с небронированным паровозом. Красные наступали большими силами, заняв 2 линии окопов и преследуя отступавшие белые части. Бронепоезд внезапно врезался в густые цепи красных и расстреливал их пулеметным и картечным огнем с дистанции до 50 шагов. Красные осыпали белый бронепоезд пулями и с небывалым упорством бросались на него в атаку, но, понеся огромные потери, начали отходить, а «Святой Георгий Победоносец» преследовал их. Это позволило пехоте белых

перейти в контратаку.

Между тем продвинувшийся вперед бронепоезд был снова атакован свежими силами пехоты. Цепь красных залегла у железнодорожного полотна. На бронепоезде были ранены 4 солдата и механик и перебит единственный исправный на паровозе инжектор, в результате чего подача воды в котел прекратилась. Но бронепоезд все же отбросил своим огнем цепи красных, нанеся им большие потери. После прибытия белого бронеавтомобиля «Гундоровец» «Святому Георгию Победоносцу» удалось отойти с потухающим паровозом на станцию Юшунь.

Между тем командованию белых стало известно, что красные готовят вторжение в Крым других своих войск с северо-востока, вдоль главной линии железной дороги, проложенной по дамбе близ станции Сиваш. Тяжелый бронепоезд «Единая Россия» (новый, построенный в Крыму) находился 28 октября у Сивашского моста на участке 134-го пехотного Феодосийского полка и вел перестрелку с частями красных.

Легкий бронепоезд «Офицер» (новый) прибыл утром 28 октября на узловую станцию Джанкой. По приказанию начальника штаба 1-го корпуса он пошел оттуда на станцию Таганаш, примерно в 20 верстах от станции Джанкой, для участия в обороне Сивашских позиций.

29 октября в 9 часов утра «Офицер» вышел на Сивашскую дамбу в составе одной бронеплощадки с двумя 3-дюймовыми пушками, одной площадки с 75-мм пушкой и небронированного паровоза. Несмотря на огонь стоявших в укрытии на противоположном берегу батарей красных, «Офицер» двинулся к мосту. Когда бронепоезд был в 320 м от моста, под его второй предохранительной площадкой взорвался фугас. Взрывом был вырван кусок рельса длиной около 60 см. По инерции через взорванное место прошла одна бронеплощадка и тендер паровоза. Остановившийся бронепоезд картечью и пулеметным огнем частью перебил, частью разогнал красных, находившихся у взорванного моста. Затем «Офицер» открыл огонь по позициям артиллерии красных, продолжавшей его обстреливать.

Несмотря на поврежденные пути, «Офицеру» удалось вернуться к своим окопам. Там он оставался до часу дня, маневрируя под огнем орудий противника. После этого по приказанию начальника группы бронепоездов полковника Лебедева «Офицер» отошел на станцию Таганаш.

В это время части красных прорвались по Чонгарскому полуострову и вели наступление с востока, в обход станции Таганаш. Бронепоезд «Офицер» обстреливал их колонны, наступавшие со стороны селения Абаз-кирк. Огнем белых бронепоездов (в том числе и тяжелого бронепоезда

«Единая Россия»), а также позиционной и полевой артиллерии, красные, атаковавшие большими силами, были к вечеру остановлены южнее селению Тюп-Джанкой. До темноты бронепоезд «Офицер» оставался на станции Таганаш.

Вечером 29 октября «Офицер» снова пошел на Сивашскую дамбу, но вскоре вернулся назад и встретился с бронепоездом «Единая Россия». Затем оба бронепоезда двинулись к дамбе. «Единая Россия» шел позади «Офицера» на расстоянии чуть более 200 м. Не доезжая метров 500 до линии передовых окопов белых, капитан Лабович остановил бронепоезд «Офицер», так как получил предупреждение от проходившего в это время по полотну железной дороги офицера Феодосийского полка, что красные, по-видимому, готовятся подорвать путь, так как были слышны удары кирки по рельсам. «Офицер» стал медленно отходить, чтобы обнаружить место подкопа.

Внезапно сзади раздался взрыв. Взрыв произошел под предохранительными площадками следовавшего сзади бронепоезда «Единая Россия». Две предохранительные площадки взлетели в воздух. «Единая Россия» был отброшен назад по рельсам на расстояние около полуверсты. В образовавшуюся от взрыва яму провалилась задняя площадка с 75-мм пушкой бронепоезда «Офицер», который не успел затормозить. «Офицер» остановился. Тогда, при полной темноте, красные открыли огонь из семи пулеметов, стоявших в основном с левой стороны железнодорожного полотна.

Бронепоезд «Единая Россия» открыл ответный огонь. На бронепоезде «Офицер» два орудия не могли стрелять: задняя 75-мм пушка не могла стрелять из-за наклонного положения боевой площадки, провалившейся в яму, а у средней 3-дюймовой пушки не было достаточного количество номеров расчета. Таким образом, «Офицер» открыл огонь только из одного головного 3-дюймового орудия и всех пулеметов.

Через несколько минут красные, а это были бойцы 264-го полка 30-й дивизии, пошли в атаку на бронепоезда. С криками «ура» они стали забрасывать гранатами бронеплощадки «Офицера». Однако там команда уже бежала на бронепоезд «Единая Россия», который отправился в тыл на станцию Таганаш.

В тот же день, 29 октября, с 7 часов утра находившиеся на Юшуньской ветке бронепоезда «Дмитрий Донской» и «Святой Георгий Победоносец» вступили в бой с наступающими советскими частями и сдерживали продвижение противника со стороны Карповой Балки. Около полудня бронепоезд «Дмитрий Донской» был подбит. Его бронеплощадки получили

настолько серьезные повреждения, что бронепоезд не мог продолжать боя и отошел в сторону узловой станции Джанкой.

Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» остался один. Однако ему удалось сдерживать наступление частей красных до тех пор, пока отступавшие войска белых не вышли на большую Симферопольскую дорогу. Затем «Святой Георгий Победоносец» отошел на станцию Юшунь и оттуда отражал атаки красной конницы, которая пыталась начать преследование белых частей.

При отходе бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» сошла с рельс одна его предохранительная площадка. Поздно вечером примерно в 2 верстах от узловой станции Джанкой произошло столкновение составов бронепоездов «Святой Георгий Победоносец» и «Дмитрий Донской». Бронеплощадки при этом не пострадали, а сошли с рельс лишь вагон резерва бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и три вагона-мастерские, которые были прицеплены к бронепоезду «Дмитрий Донской».

Видимо, в ту же ночь бронепоезд «Иоанн Калита»[82] прошел через станцию Джанкой на Керчь, имея задачей прикрывать отход в сторону Керчи частей Донского корпуса.

Утром 30 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец», присоединив к себе одну боевую площадку бронепоезда «Единая Россия», двинулся вместе с резервом со станции Джанкой в сторону Симферополя. Примерно в 5 верстах к югу от Джанкоя состав резерва бронепоезда был брошен, так как оказалось, что его паровоз не успел получить снабжения.

Бронепоезд «Единая Россия» оставил станцию Таганаш последним. Когда «Единая Россия» подошел к станции Джанкой, ему пришлось остановиться и ждать починки поврежденного пути. «Единая Россия» двинулся дальше, когда уже часть города Джанкой была занята красными. На разъезде к югу от станции Джанкой бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» соединились и пошли дальше соединенным составом.

Около 2 часов дня 30 октября бронепоезда подошли к станции Курман-Кемельчи, что в 25 верстах к югу от станции Джанкой. В это время неожиданно появилась красная конница, которая шла со стороны Юшуньских позиций в обход отступающих войск белых. Соединенные белые бронепоезда открыли огонь по наступавшей коннице, отбросили ее и дали возможность частям белых в порядке отходить дальше.

При дальнейшем движении к Симферополю соединенным бронепоездам белых преградило путь препятствие из наваленных на рельсы камней и шпал. По бронепоездам открыла огонь четырехорудийная

батарея красных, а их конница находилась в тысяче шагов от железнодорожного пути.

Красные кавалеристы двинулись в атаку на белые бронепоезда, но были отброшены с большими потерями. При дальнейшем отходе командам белых бронепоездов приходилось несколько раз расчищать путь от шпал и камней, которые красные успевали набрасывать, чтобы вызвать крушение. К ночи на станцию Симферополь прибыли бронепоезд «Дмитрий Донской» и состав резерва бронепоезда «Офицер». Позднее в Симферополь пришли соединенные бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия».

В 11 часов 31 октября бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел со станции Симферополь последним. По прибытии на станцию Бахчисарай был спущен на ее северных стрелках паровоз. Затем по приказанию командующего 1-й армией

генерала Кутепова был взорван железнодорожный мост через реку Альму и сожжен мост на шоссе. Ночью было получено приказание отходить в Севастополь для погрузки на суда.

На рассвете 31 октября бронепоезд «Дмитрий Донской» и состав резерва бронепоезда «Офицер» подошли к станции Севастополь и остановились близ первых пристаней. Дальше двигаться было нельзя, так как на повороте сошла с рельс боевая площадка «Дмитрия Донского» и требовалась починка пути.

Между тем были получены сведения, что у соседней пристани уже производится погрузка войск на пароход «Саратов». На этот пароход была принята команда бронепоезда «Грозный», которая перед посадкой привела в негодность только что полученные из ремонта орудия и сбросила в море замки.

Около 9 часов утра 1 ноября бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» дошли до Севастополя, в район Килен-бухты. По пути была испорчена материальная часть на бронеплощадках. Около 10 часов было произведено крушение для того, чтобы составы бронепоездов не достались в целом виде красным. Боевые составы бронепоездов «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» были пущены возможно быстрым ходом навстречу друг другу.

Команда бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» с шестью пулеметами погрузилась на пароход «Бештау». Команда бронепоезда «Единая Россия», прибывшая на боевой части, была также погружена на пароход «Бештау». Часть команды, находившаяся в составе резерва, погрузили раньше на пароход «Херсон».

Тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» прибыл 1 ноября в Керчь, прикрывая шедшую в арьергарде Донского корпуса бригаду под командой генерала Фицхелаурова. Так как не было разрешено взорвать боевой состав бронепоезда, то его матчасть была приведена в негодность без взрыва. В ночь на 2 ноября команда бронепоезда «Иоанн Калита» была погружена на плавсредство «Маяк номер 5-й».

Бронепоезд «Дмитрий Донской» прибыл 2 ноября в Керчь, где уже находился легкий бронепоезд «Волк». Команды этих двух бронепоездов сняли замки с орудий и испортили матчасть на боевых площадках, после чего погрузились на суда.

11 ноября в Севастополь из Константинополя прибыл французский тяжелый крейсер «Вальдек Руссо» (водоизмещением 14 тыс. тонн, вооруженный четырнадцатью 194/50-мм орудиями) в сопровождении эсминца «Алжирец». На его борту находился временно командующий французской Средиземноморской эскадрой адмирал Дюменил. В ходе переговоров с французским адмиралом Врангель предложил передать Франции весь военный и коммерческий флот Черного моря в обмен на содействие в эвакуации белой армии. Сам барон позже писал: «Мы беседовали около двух часов, итоги нашей беседы были изложены в письме адмирала ко мне от 29 октября (11 ноября):..Ваше Превосходительство, в случае если Франция не обеспечит перевозку армии на соединение с армией русско-польского фронта, в каком случае армия была бы готова продолжать борьбу на этом театре, полагаете, что ваши войска прекратят играть роль воинской силы. Вы просите для них, как и для всех гражданских беженцев, помощи со стороны Франции, так как продовольствия, взятого с собой из Крыма, хватит лишь на десяток дней, громадное же большинство беженцев окажется без всяких средств к существованию.

Актив крымского правительства, могущий быть употребленным на расходы по эвакуации беженцев, их содержание и последующее устройство, составляет боевая эскадра и коммерческий флот.

На них не лежит никаких обязательств финансового характера, и Ваше Превосходительство предлагаете немедленно передать их Франции в залог”»[83].

Да простит меня читатель за столь длинную цитату, но, увы, наши «демократы» всячески замалчивают продажу русского военного и транспортного флота Франции. Вот забавный случай: в школе подмосковного города Королева старшеклассник на уроке истории ляпнул о продаже флота. Молодая учительница возмутилась: «Врангель не мог этого

сделать!» – «Почему?» Последовала небольшая пауза, а затем «историчка» менее уверенно сказала: «Врангель был народный герой». Ну что ж, барон фон Врангель – русский народный герой!

Послушаем дальше «народного героя»: «Я отдал директиву: войскам приказывалось, оторвавшись от противника, идти к портам для погрузки, 1-му и 2-му армейским корпусам – на Евпаторию; Севастополь, конному корпусу генерала Барбовича – на Ялту, кубанцам генерала Фостикова – на Феодосию; донцам и Терско-Астраханской бригаде во главе с генералом Абрамовым – на Керчь. Тяжести оставить. Пехоту посадить на повозки, коннице прикрывать отход»[84].

14 ноября в 14 ч. 50 мин. барон Врангель поднялся на борт крейсера «Генерал Корнилов». Крейсер поднял якоря и покинул Севастопольскую бухту. На борту крейсера находились штаб Главнокомандующего, штаб Командующего флотом, особая часть штаба флота, Государственный банк, семьи офицеров и команды крейсера и пассажиры, всего 500 человек.

Порты Крыма покинула целая армада кораблей: один дредноут, один старый броненосец, два крейсера, десять эсминцев, четыре подводные лодки, двенадцать тральщиков, 119 транспортов и вспомогательных судов. На них были вывезены 145 693 человека (не считая судовых команд), из которых 116 758 человек были военными и 28 935 – гражданскими[85].

По данным же специальной секретной сводки разведывательного отдела штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры от 20 ноября 1920 г., «прибыло 111 500 эвакуированных, из которых 25 200 – гражданских лиц и 86 300 – военнослужащих, среди которых 5500 – раненых; ожидается только прибытие из Керчи кораблей, которые, как говорят, должны доставить еще 40 000 беженцев»[86].

В ходе эвакуации пропал без вести эсминец «Живой», на котором погибли 257 человек, в основном офицеров Донского полка.

Команда тральщика «Язон», шедшего на буксире транспорта «Эльпидифор», ночью обрубила буксирный канат и увела судно к красным в Севастополь.

Любопытно, что мирное население эвакуировалось даже на подводных лодках. Так, с подводной лодки «Утка» в Севастополе перед отходом в Константинополь ушли 12 матросов, зато были приняты 17 женщин и двое детей.

По прибытии в Константинополь Врангель решил не расформировывать свою армию, а разместить ее за рубежом, по возможности поддерживая ее боевую готовность. Наиболее боеспособные

части, входившие в 1-й армейский корпус (25 596 человек), были размещены на Галлиполийском полуострове, в 50 км к западу от Константинополя, в районе Чаталджи. Другие части были размещены на острове Лемнос, в Сербии и Болгарии.

21 ноября 1921 г. Черноморский флот был реорганизован в Русскую эскадру. Подавляющее же большинство коммерческих судов и вспомогательных судов Черноморского флота Врангель продал частным владельцам. Тема о том, как нажились на продаже судов французские адмиралы и белые вожди, еще ждет своих исследователей. Боевые же русские корабли абсолютно не интересовали французов, которые были заняты послевоенным сокращением собственного флота. Поэтому французы позволили Врангелю сохранить боевые корабли и даже выделили стоянку для Русской эскадры – военно-морскую базу в Бизерте (современный Тунис).

В Бизерту прибыли 33 вымпела: линкоры «Генерал Алексеев» и «Георгий Победоносец»; крейсера «Генерал Корнилов» и «Алмаз»; эсминцы «Беспокойный», «Гневный», «Дерзкий», «Пылкий», «Поспешный», «Цериго», «Зоркий», «Капитан Сакен», «Звонкий», «Жаркий»; подводные лодки «Буревестник», «Утка», «Тюлень», АГ-22; канонерские лодки «Страж», «Всадник», «Джигит», «Грозный», «Гайдамак»; тральщик «Китобой»; посыльное судно «Якут»; транспорты «Дон», «Добыча»; буксир «Голланд»; ледокол «Илья Муромец»; учебная парусная баркентина «Моряк»; спасательное судно «Черномор»; плавучая мастерская «Кронштадт» и недостроенный танкер «Баку».

Новым командующим Русской флотилии стал контр-адмирал Михаил Андреевич Беренс. Он делал все от него зависящее, чтобы поддерживать дисциплину и хоть какую-то боеспособность кораблей. На кораблях по утрам поднимались Андреевские флаги. В Бизерте был создан Морской корпус, и даже издавался журнал «Морской сборник» – главный военно-морской журнал России, выпускавшийся с 1848 г. Параллельно в Петрограде с 1918 г. издавался советский «Морской сборник».

Русская эскадра в Бизерте просуществовала до ноября 1924 г. Но когда Франция официально признала СССР, белым пришлось спустить Андреевские флаги и покинуть корабли. Французы даже предложили Советскому Союзу вернуть «бизертскую» эскадру, но вопрос не был решен из-за спора о долгах царской России.

Сейчас ряд СМИ, а также самодеятельных историков флота пытаются представить офицеров бизерской эскадры эдакими рыцарями без страха и упрека, которые-де и на чужбине хранили боеготовность русского флота.

Увы, им никто не задает очевидного вопроса – зачем?

Да и вообще, зачем Врангель несколько лет пытался держать под ружьем десятки тысяч бойцов белой армии? Неужели он и командующий эскадрой контр-адмирал Беренс не понимали, что сами по себе ни белые дивизии, ни корабли чисто технически не смогут добраться до границ Советского Союза?

Ясно, как «дважды два – четыре», что белые эмигранты смогут воевать лишь в случае нападения на СССР какой-либо европейской страны или группы стран. И именно к этому готовились белоэмигранты.

Давайте рассмотрим ситуацию с точки зрения здравого смысла и международного права. Действуя в России, Добровольческая армия была воюющей стороной Гражданской войны, хорошей ли, плохой – это дело политических пристрастий. А вот оказавшись на чужбине и не разоружившись, «доброармейцы» стали наемниками, ищущими хозяина для нападения на собственную страну.

Международное право никогда не признавало таких наемников воюющей стороной. И в полном соответствии с международным правом советские власти могли рассматривать всех неразоруженных белых в качестве бандитов и соответствующе карать их.

Между тем у Врангеля был и другой путь. Он мог бы в Константинополе издать приказ об окончании войны, то есть признать «де-юре», что произошло «де-факто», и распустить армию и флот.

Замечу, что не только казаки и солдаты, но даже старшие офицеры врангелевской армии в ноябре 1920 г. очень плохо владели информацией о том, что происходило в России и в Европе за три последних года. А вот Врангель и его штаб имели доступ к советской и зарубежной прессе, получали информацию от западных военных и гражданских представителей и даже от царских послов, которые к этому времени еще сидели в русских посольствах большинства стран Европы.

Так почему бы Врангелю не сказать всей правды людям, которых он вывез на чужбину? Шансов вернуться в Россию «на белом коне» нет на сто процентов. Есть небольшая вероятность вернуться в обозе вражеской армии в качестве переводчиков, личного состава карательных отрядов и т. п. Так пусть люди, мечтавшие вернуться в этом качестве, прямо и обращаются в иностранные разведки, не устраивая оперетту с «Русской армией» и «Русской эскадрой».

Те же, кто хочет вернуться в Советскую Россию, должны хорошо представлять экономическую и политическую ситуацию там, а также вероятность знакомства с ОГПУ. Поэтому большинство белых

военнослужащих должны как можно быстрее вписаться в жизнь Франции, Германии и других европейских стран и США. Иного пути нет! Но, увы, Врангель не сделал такого заявления и на много лет лишил нормальной жизни десятки тысяч эмигрантов.

Предвижу традиционный упрек – хорошо судить поступки людей, зная наперед последующие события. Но ведь иной альтернативы последующим событиям 20-х – 30-х годов не было и быть не могло. Предположим совсем фантастический вариант – в Советской России в 20-х годах случился бы военный переворот. К власти пришли бы какие-то красные командиры. Льва Давидовича, Склянского, Каменева, Зиновьева и др. поставили бы к стенке, разрешили бы свободную торговлю и прочая, и прочая…

Но даже и при таком нереальном варианте врангелевская армия и флот никак не могли повлиять на события в России. Характерный пример: на Западе о Кронштадтском мятеже узнали только после его подавления.

Риторический вопрос: зачем победившим в России военным заговорщикам потребовались бы через несколько месяцев после переворота дивизии Врангеля? Так что никакой альтернативы для белого движения после ноября 1920 г. не было. Оставался лишь один путь борьбы с советской властью – идти на службу к японцам, а позже к Гитлеру. Это пытались сделать многие белые генералы. Конец их хорошо известен.

Не имея никакой возможности реально навредить советской власти, Врангель и К° оказали медвежью услугу белым офицерам, оставшимся в СССР.

В свое время, работая над книгой «Великий князь Александр Михайлович», я просмотрел в спецхране «Ленинки» подшивку за 1930–1933 гг. номеров белоэмигрантского военного журнала «Часовой». Впечатление такое, что этот журнал издавался не в Париже спустя 10–12 лет после окончания Гражданской войны, а где-нибудь в Северной Таврии в начале 1920 года. Вот-вот, мол, пойдем в новый поход, большевики падут со дня на день. В каждом номере письма «оттуда», причем в большинстве своем от красных командиров. Тем давно осточертели большевики, они составляют заговоры и лишь ждут сигнала «из-за бугра», чтобы начать всеобщее восстание. Нетрудно догадаться, что «Часовой» достаточно внимательно читали на Лубянке. Так что репрессии против командного состава Красной Армии в чем-то и на совести господ эмигрантов.

После эвакуации врангелевских войск в Крыму начались массовые расстрелы оставшихся белых офицеров. Цифры убитых существенно разнятся и доходят до 150 тысяч человек. Понятно, что даже цифра 50 тысяч является плодом воспаленного бреда. Каждый желающий может

посчитать количество врангелевских войск к 30 октября 1920 г., вычесть число убитых в ходе боев и число эвакуированных. При этом следует помнить, что во врангелевской армии офицеры не составляли и половины личного состава.

Спору нет, жаль несчастных людей, погибших в мясорубке Гражданской войны как с той, так и другой стороны. Но убийства в Крыму в конце 1920 г. и в 1921 г. принципиально отличались от убийств в 1917–1918 гг. Во втором случае это была вакханалия убийств, вызванная ненавистью к офицерству, а в первом случае – превентивная мера. Врангель обещал вернуться и хвалился, что его ждут в Крыму? Ну что ж, сделаем так, чтобы его никто не ждал. Примерно так рассуждали Троцкий, Склянский и их наместники в Крыму Бела Кун[87] и Землячка[88]. Любой военный историк не может не понять, что оставлять белых офицеров в Крыму было нельзя. Можно их вывезти, и куда? В Поволжье? На Тамбовщину к Антонову? В Северную Таврию к Махно? А может, в Кронштадт и Питер?

Лично я считаю, что искать правых и виноватых в конкретных зверствах Гражданской войны абсолютно бессмысленно. Виноваты те, кто довел Россию до революции и Гражданской войны. Кто проиграл войны 1904–1905 гг. и 1914–1917 гг.? Кто до предела обострил социальные отношения в стране? Кто фактически передал власть в руки пьяного сибирского мужика и его кукловодов? Это Николай II и его жена с одной стороны и гвардейские офицеры – с другой.

Предположим, Юсупов не стал бы убивать Распутина, масоны не устроили бы беспорядков в Петрограде в феврале 1917 г., а Ленин отказался бы ехать в пломбированном вагоне через Германию и стал бы тихо поживать в Женеве с Инессой Арманд. И что бы получила Россия? Гемофилика Алексея II, воспитанного матерью-психопаткой и Григорием Ефимовичем? Да и сама по себе гемофилия, проявившаяся еще в детстве, необратимо меняет психику больного уже к 20 годам. В этом случае Россию ждало бы не процветание, а еще большая катастрофа.

Раздел III
Крым в Великой Отечественной войне

Глава 1
Севастопольская побудка

С 14 по 18 июня 1941 г. у западных берегов Крыма состоялось большое учение Черноморского флота. По сложившейся традиции задачей учения была отработка действий сухопутных войск и кораблей по высадке и отражению морского десанта. За учениями наблюдал заместитель наркома ВМФ адмирал И.С. Исаков. В своих мемуарах нарком ВМФ Николай Герасимович Кузнецов писал: «20 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флот и получил приказ остаться в готовности № 2».

Несколько иное написано в официальном совершенно секретном труде «Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре»[89]: «В продолжение 19 и 20 июня корабли производили прием топлива, продовольствия и боезапаса». И никаких сведений о переходе на боевую готовность № 2.

Наоборот, после учений, как обычно, сотни офицеров, краснофлотцев и старшин были отпущены в город. В Доме флота давался концерт для моряков, а в театре имени Луначарского шел спектакль Погодина «Кремлевские куранты» в исполнении актеров симферопольского театра им. М. Горького, поскольку артисты самого театра им. Луначарского были в отпусках и на гастролях.

Адмирал Исаков должен был, как положено, провести разбор учений и на три-четыре дня задержаться в Севастополе. Но по неведомым причинам он отказался участвовать в разборе и отправился на вокзал. О войне адмирал узнал в поезде.

В 0 ч. 55 мин. 22 июня телеграмма наркома о переходе на оперативную готовность № 1 ушла из Москвы во флоты и флотилии.

В штабе Черноморского флота в ночь с 21 на 22 июня дежурил начальник штаба контр-адмирал Н.Д. Елисеев. Но, как позже писал оперативный дежурный по Черноморскому флоту Н.Т. Рыбалко, Елисеев заглянул к нему около 23 часов и сказал: «Я на несколько минут отлучусь домой». Появился он только во втором часу ночи уже с телеграммой от наркома.

В штабе Черноморского флота телеграмму получили в 1 ч 03 мин. 22 июня. В 1 ч. 15 мин. командующий Черноморским флотом объявил

готовность № 1. Причем вначале на всякий случай было решено сделать это тихо, через так называемых оповестителей. Большая часть командного состава Черноморского флота находилась поздно вечером в Доме флота на севастопольской набережной, недалеко от Памятника затонувшим кораблям. Но многие командиры были дома или в других местах. Поэтому в 1 ч 55 мин. по главной базе Черноморского флота был объявлен «большой сбор». Завыли сирены, постепенно стали гаснуть огни на улицах и в домах. Но достичь полного затемнения не удалось, тогда командование флота решило отключить все электропитание города. Севастополь погрузился во тьму. Горели лишь огни Херсонесского маяка и инкерманские створные огни.

– Почему горят маяки?! – возмутился Рыбалко.

Его помощник капитан-лейтенант Левинталь растерянно ответил:

– Не знаю, не работает связь.

Рыбалко схватил трубку и связался с начальником гарнизона генерал-майором П.А. Моргуновым. Выяснилось, что у Моргунова уже был по этому поводу неприятный разговор с командующим флотом адмиралом Ф.С. Октябрьским[90]. Командиру 35-й батареи и начальнику караула Сухарной балки начальник гарнизона приказал срочно выслать мотоциклиста и передать, чтобы створные огни и маяки были немедленно выключены.

Наконец ориентиры на подходах к Севастополю с моря – Херсонесский маяк и инкерманские створные огни погасли.

Около трех часов ночи дежурному сообщили, что посты СНИС и ВНОС[91], оснащенные звукоуловителями, слышат шум авиационных моторов. Рыбалко доложил об этом Елисееву.

Позвонил начальник ПВО полковник Жилин, спросил:

– Открывать ли огонь по неизвестным самолетам?

– Доложите командующему, – ответил начальник штаба.

Рыбалко доложил об этом командующему флотом. И тут между ними произошел разговор, записанный дежурным.

Октябрьский: «Есть ли наши самолеты в воздухе?»

Рыбалко: «Наших самолетов нет».

Октябрьский: «Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны».

Рыбалко: «Товарищ командующий, как быть с открытием огня?»

Октябрьский: «Действуйте по инструкции».

Подстраховавшись с подчиненными, Октябрьский решил

подстраховаться и у начальства, напрямую обратившись не к своему непосредственному начальству наркому ВМФ Кузнецову, а сразу в генштаб к Жукову. Адмирал доложил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Георгий Константинович спросил адмирала:

– Ваше решение?

– Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с Тимошенко, Жуков ответил Октябрьскому:

– Действуйте и доложите своему наркому.

А пока Октябрьский, Жуков и Тимошенко обсуждали традиционный русский вопрос «что делать?», в штабе флота Рыбалко и Елисеев конкретно решали, что ответить начальнику ПВО полковнику Жилину. В конце концов Елисеев отважился:

– Передайте приказание открыть огонь.

– Открыть огонь! – скомандовал Рыбалко начальнику ПВО.

Но Жилин также хорошо понимал весь риск, связанный с этим, и вместо того, чтобы произнести краткое «Есть!», он ответил:

– Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал боевых действий.

А тем временем германские самолеты уже были над городом. Внезапно включились прожекторы и открыли огонь зенитные батареи Севастополя. Всего город защищали сорок четыре 76-мм зенитные пушки, подчинявшиеся флоту. Постепенно к огню береговых зениток стали подключаться и зенитные орудия на некоторых кораблях. Задержка в стрельбе на кораблях была связана с тем, что к трем часам ночи еще ни один корабль не перешел на боевую готовность № 1. Сделано это было гораздо позже. Так, к примеру, флагманский корабль линкор «Парижская Коммуна» перешел на боевую готовность № 1 лишь в 4 ч. 49 мин., то есть уже после вражеского налета.

В 3 ч. 48 мин. на Приморском бульваре взорвалась первая бомба, через 4 мин. на берегу напротив Памятника погибшим кораблям взорвалась еще одна бомба. Но это полбеды. В штаб флота оперативному дежурному с постов связи, с батарей и кораблей доносили, что в лучах прожекторов видны сбрасываемые парашютисты. Генерал-майор Моргунов доложил, что недалеко от 12-й батареи береговой обороны сброшены четыре парашютиста. Рыбалко приказал усилить охрану штаба.

Сработал «критский синдром». В городе началась паника. Поднятые

по тревоге моряки и сотрудники НКВД бросились искать парашютистов. Поднялась беспорядочная стрельба.

Наутро выяснилось, что никаких парашютистов нет, а на улицах только среди мирных жителей подобрали 30 человек убитыми и свыше 200 ранеными. Понятно, что это дело не двух бомб.

Тем не менее «критский синдром» продолжал действовать. Рано утром 22 июня Крымский обком партии (секретарь обкома Булатов) телеграфировал горкомам и райкомам партии о введении военного положения в Крыму: «…приведите в боевую готовность партаппарат, все средства воздушной обороны. Поднимите отряды самообороны, мобилизуйте для них автомашины, вооружите боевым оружием, организуйте сеть постов наблюдения за самолетами и парашютными десантами, усильте охрану предприятий, важнейших объектов.»

Но вернемся в Севастополь. К четырем часам утра вражеский авианалет кончился, а еще через 13 минут над городом появились наши истребители. Налет производили самолеты Хе-111 из 6-го отряда эскадрильи KG4, базировавшейся на аэродроме Цилистрия в Румынии. По советским данным, зенитчики сбили два «Хенкеля», но на самом деле все германские самолеты вернулись на свой аэродром.

В начале пятого часа Октябрьский позвонил Жукову и бодро отрапортовал: «Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения».

С большим трудом подчиненным удалось убедить Октябрьского, что никакой попытки удара по кораблям не было, равно как и не было мифических парашютистов. Адмирал все еще сомневался, но в 4 ч. 35 мин. разрешил на всякий случай протралить фарватеры Северной и Южной бухты, а также входной фарватер к бонам.

Бригада траления немедленно приступила к работе, но ни одной мины обнаружено не было. А в тот же день вечером, в половине девятого, у входа в Северную бухту прогремел мощный взрыв – взорвался буксир «СП-12». К месту гибели буксира немедленно рванулись катера, но подобрать из воды удалось лишь пятерых из 31 члена экипажа.

В 1962 г. в своих мемуарах вице-адмирал И.И. Азаров написал о «СП-12»: «Это были первые жертвы войны от магнитно-донных мин, тогда еще нам неизвестных. Их ставила немецкая авиация при налете на Севастополь»[92].

После войны в печати появились и другие легенды о германских магнитных минах и как наши герои-моряки сумели распознать их действие и научились с ними бороться. Увы, на самом деле с первыми донными

магнитными минами красные военморы познакомились еще в 1919 г. в боях на Северной Двине с английской речной флотилией.

В СССР впервые магнитными минами занялось «Остехбюро» в 1923 г. Первая отечественная магнитная мина «Мираб» была принята на вооружение в 1939 г. Другой вопрос, что к началу войны наш ВМФ располагал всего лишь 95 минами «Мираб». А самое интересное, что немцы в 1940 г. продали СССР образцы своих магнитных мин. Но из-за системы советской тотальной секретности о минах «Мираб», равно как и о покупке германских магнитных мин, руководство флота не соизволило известить даже командующих Балтийским и Черноморским флотами, я уж не говорю о простых минерах. И действительно, секреты закупленных еще в 1940 г. германских мин нашим морякам приходилось раскрывать уже в ходе войны, зачастую платя за них собственными жизнями.

Вновь вернемся в штаб Черноморского флота. Пока по всему Крыму ловили парашютистов, отрабатывая «критский вариант», в штабе флота царил «итальянский синдром». Из неизвестных источников постоянно появлялись слухи о проходе итальянского флота через Дарданеллы и выходе оного в Черное море.

Действительно, в 12 часов дня 22 июня министр иностранных дел Италии Чиано ди Кортелаццо вызвал советского посла Н.В. Горелкина и сделал ему официальное заявление от имени итальянского правительства: «Ввиду сложившейся ситуации, в связи с тем, что Германия объявила войну СССР, Италия, как союзница Германии и как член Тройственного пакта, также объявляет войну Советскому Союзу с момента вступления германских войск на советскую территорию, т. е. с 5.30 22 июня»[93].

На этом все и ограничилось. Ни один итальянский боевой корабль даже не собирался идти в Проливы.

25 июня турецкий посол Хайдор Актай посетил МИД и передал Молотову вербальную ноту, где говорилось: «Турецкий посол имеет честь довести до сведения Народного комиссариата иностранных дел, что при наличии положения, созданного войной между Германией и СССР, Правительство Республики решило провозгласить нейтралитет Турции»[94].

Глава 2
Филипп Октябрьский против Бенито Муссолини

Тем не менее колесо закрутилось. Приказом адмирала Октябрьского командир Новороссийской ВМБ обязан был производить два раза в сутки ближнюю воздушную разведку радиусом в 70 миль от базы и один раз в сутки дальнюю воздушную разведку до Синопа и Чива, однако не нарушая территориальных вод Турции. На командира Батумской ВМБ возлагалась организация двукратной воздушной разведки до меридиана Трабзон, также без нарушения территориальных вод Турции.

На командование ВВС Черноморского флота было возложено осуществление дальней воздушной разведки: утром по маршруту Сулина – Констанца – Босфор – Зунгулдак, вечером – по маршруту Зунгулдак – Босфор. Воздушная разведка турецких и болгарских портов производилась скрытно, без залета в территориальные воды этих государств.

Вечером 12 подводных лодок вышли в море. Командование флотом выделило им 12 участков по всему побережью Черного моря. Но лишь три лодки «Щ-205», «Щ-206» и «Щ-209», отправленные к берегам Румынии и Болгарии, могли принести хоть какую-то пользу в войне с Германией и Румынией. Одна лодка была послана к турецкому порту Самсун, а остальные прикрывали подступы к Одессе, Севастополю, Керчи, Новороссийску и Батуми от мифического итальянского флота.

Утром 23 июня произошло событие, ставшее одной из причин падения Севастополя: командование Черноморского флота отдало приказ о постановке минных заграждений у наших военно-морских баз. Это было запланировано еще в 1930-е годы, когда существовала вероятность появления на Черном море британского «гранд флита». Но сейчас ставить мины при отсутствии морского противника?!

Подходные военные фарватеры через минные заграждения в период обороны Севастополя 1941–1942 гг.

Утром 23 июня крейсера «Коминтерн», «Красный Кавказ» и «Червона Украина», минный заградитель «Островский», лидер «Харьков» и четыре новых эсминца «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный» и «Смышленый» начали ставить минные заграждения у берегов Севастополя. Всего было поставлено 609 мин и 185 минных защитников. Минные постановки в районе главной базы Черноморского флота продолжались и в дальнейшем. На следующий день крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина», лидер «Харьков» и два эсминца продолжили постановку минного заграждения. Было выставлено 330 мин и 141 минный защитник.

Кроме того, минные заграждения были выставлены в районах Одессы, Керченского пролива, Новороссийска, Туапсе и Батуми. Всего с 23 июня по 21 июля для создания оборонительных минных заграждений были

выставлены 7300 мин и 1378 минных защитников, то есть более 73 % имевшихся на флоте морских якорных мин и более половины минных защитников.

Прошло 30 лет, и вот в 1981 г. «Воениздат» выпустил для «офицеров ВМФ, слушателей и курсантов военно-морских заведений» солидный труд Г.И. Хорькова под редакцией полного адмирала Н.Н. Алексеева и вице-адмирала В.Д. Яковлева «Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне». И вот как там оцениваются эти минные постановки:

«Крейсера ставили мины при маневрировании в строю фронта в две линии с расстоянием между минами в линии, равным наименьшему минному интервалу. Точность постановки минных заграждений в прибрежном районе обеспечивалась наличием достаточного числе береговых навигационных ориентиров, а мин в заграждениях – удержанием в период постановки расчетных курса и скорости корабля и интервалов между сбрасыванием очередных мин. Для повышения скрытности минных постановок и уменьшения вероятности противодействия сил противника мины ставились преимущественно в темное время суток.

Одновременно с крейсерами мористее внешней линии мин эсминцы ставили линию минных защитников. Мины ставились с углублением, рассчитанным на поражение крупных надводных кораблей. Поставленные минные заграждения находились в зоне огня береговых батарей, расположенных в районе Севастополя.

В интересах минных постановок в северо-западной части Черного моря периодическую разведку производили самолеты-разведчики МБР-2 с задачей своевременного обнаружения надводных кораблей противника и подводных лодок. Западнее о. Змеиного были развернуты в виде дальнего дозора подводные лодки. Мористее районов постановки мин несли дозор базовые тральщики и сторожевые катера МО с задачей обеспечения противолодочной и противокатерной обороны заградителей. На переходе из базы в район постановки мин охрану крейсеров осуществляли эскадренные миноносцы.

Для отражения в момент постановки мин удара вражеских кораблей в случае их обнаружения силами разведки и дозоров в Севастополе в 3-часовой готовности к выходу в море находился отряд прикрытия в составе крейсера и трех эскадренных миноносцев, приводились в готовность к стрельбе береговые батареи, в готовности к вылету на аэродроме дежурили подразделения самолетов-бомбардировщиков. Противовоздушная оборона заградителей выполнялась истребительной авиацией флота способом «дежурство на аэродроме».

Привлечение к минным постановкам крупных кораблей эскадры, способных принять на борт большое число мин и обладавших большой скоростью, а также хорошим защитным вооружением, позволило выполнить задачу в короткий срок, что в условиях уже начавшейся войны имело важное значение»[95].

Неужели в 1981 г. Хорьков не мог спросить наших адмиралов, от кого же делались все эти предосторожности. Ведь получается, что первые несколько дней войны Черноморский флот воевал с несуществующим противником.

Справедливости ради надо сказать, что на Балтике также началась постановка минных заграждений, на которых позже погибли десятки советских кораблей. И в отличие от Черноморского флота, где минная постановка прошла без потерь, балтийцы ухитрились потерять на минах эсминец «Гневный», а крейсер «Максим Горький» был тяжело поврежден и едва дошел до базы.

В книге «Три века истории российского флота» говорится: «Эти заграждения у баз без особого воздействия на противника сильно затрудняли впоследствии действия своих сил и привели к гибели двух эсминцев, торпедного и двух сторожевых катеров, трех наших транспортов и танкера»[96].

Тут следует добавить, что благодаря своим же заграждениям корабли Черноморского флота потеряли свободу маневрирования. Они не могли входить в свои базы ночью и составляли легкую добычу для самолетов и кораблей противника.

В начале июня 1941 г. командующий Черноморским флотом, ссылаясь на разведку флота, доложил наркому ВМФ Кузнецову, что в Черное море вошло 10–12 германских подводных лодок. Тот, не мудрствуя лукаво, 7 июня приказал Военному совету Черноморского флота выставить противолодочные сети в Керченском проливе для недопущения прохода подводных лодок в Азовское море. Замечу, что в Азовском море максимальная глубина всего 13 м.

9 июня Кузнецов доложил Сталину о том, что в Керченском проливе установлен противолодочный дозор из двух малых охотников, в поддержку дозора выделены два торпедных катера и три самолета МБР-2, а также выслан тральщик для установки в Керченском проливе противолодочных сетей[97].

Адмиральские страхи и установка противолодочных сетей не остались незамеченными для младшего командного состава. С 22 июня на флоте

началась «перископомания». Уже 24 июня в 11 ч. 30 мин. и в 13 ч. 20 мин. канонерская лодка «Красная Армения» была дважды «атакована» подводной лодкой противника. 25 июня в 11 ч. 15 мин. у мыса Сарыч близ Севастополя заметили перископ подводной лодки. Почти одновременно пограничный малый охотник в районе реки Шохе (между Туапсе и Сочи) обнаружил и атаковал подводную лодку. В нескольких километрах другую подводную лодку заметили с наземного пограничного поста. И пошло, поехало…

Пока надводные корабли героически боролись с итальянскими и германскими подводными лодками, наши подводники почти весь 1941 год ожидали у Севастополя и кавказских портов появления итальянских линкоров и крейсеров. Всего с этой целью подводные лодки Черноморского флота в 1941 г. совершили 84 боевых похода, длившихся в общей сложности 730 суток[98]. То есть ежедневно поиск итальянцев вели несколько подводных лодок.

Но, увы, повезло обнаружить вражеский линкор только подводной лодке М-36 в сентябре 1941 г. Воспользовавшись темнотой, линкор шел к Севастополю – не иначе как повторить подвиг «Гебена». Наша лодка выпустила торпеду, но она прошла рядом с бортом вражеского корабля. Капитан был страшно огорчен. Но по прибытии в базу его вначале пробрал холодный пот, а потом охватила нечаянная радость. Оный линкор оказался транспортом «Восток»[99], да еще с несколькими сотнями бойцов на борту.

Но борьба с итальянцами не всегда обходилась без потерь.

Во всех послевоенных официальных трудах наших морских историков важное место уделяется ударам авиации и кораблей Черноморского флота, нанесенным в июне-июле 1941 г. по румынскому порту Констанца. Цель этих ударов стратегическая – сокращение добычи и вывоза румынской нефти. Увы, на самом деле задача, поставленная нашим морякам и летчикам, была совсем иная. Наше морское командование как в Москве, так и в Севастополе было уверено, что в Констанце собралось большое количество итальянских и германских боевых кораблей и транспортов. Вся эта армада должна была со дня на день двинуться к берегам Крыма с целью высадки морского десанта, который должен был быть синхронизирован с высадкой воздушного десанта.

Следствием этого стало нанесение воздушных и корабельных ударов по Констанце. Другой вопрос, что эти удары наносились сравнительно небольшими силами, и если бы опасения наших адмиралов подтвердились, то вряд ли вражеской армаде был бы нанесен серьезный урон. Рискну

предположить, что адмирал Октябрьский действовал в основном затем, чтобы впоследствии оправдаться от обвинения, что он проворонил вражеский десант.

Уже 23 июня 1941 г. ВВС Черноморского флота произвели три налета на Констанцу. В них принимали участие 2 полка ВВС Черноморского флота: 2-й минно-торпедный авиаполк, вооруженный ДБ-3Ф, и 40-й авиаполк, вооруженный бомбардировщиками СБ. Организационно оба полка входили в состав 63-й авиабригады.

Первый налет был произведен с 6 ч. 35 мин. до 7 ч. 42 мин. 63-й авиабригадой в составе 33 самолетов ДБ-3 и 27 самолетов СБ, которые бомбардировали зернохранилище, элеватор, нефтегавань и нефтегородок в Констанце, аэродром Мамая и батарею в Тапая. В ходе налета был потерян один СБ.

Второй налет силами семи ДБ-3 был произведен с 13 ч. 50 мин. до 14 ч. 04 мин. Наши самолеты бомбили военный мол, район железнодорожных мастерских и нефтегородок.

Третий налет девять ДБ-3 произвели в 17 ч. 35 мин., сбросив бомбы на нефтегородок, железнодорожные мастерские и элеватор.

В тот же день, в 13 ч. 04 мин. шесть СБ бомбили склады и транспорты в Сулине. А всего за сутки на Констанцу и Сулину было сброшено 54 бомбы ФАБ-500, 22 бомбы ФАБ-250, 90 бомб ФАБ-100 и 336 бомб ЗАБ-2,5.

Румыны утверждали, что в течение этих трех налетов были сбиты восемь бомбардировщиков ДБ-3Ф и восемь СБ. Сведения эти явно преувеличенные. Румынский лейтенант Х. Агаричи утверждал, что сбил на своем «Харрикейне» два СБ. Его старший брат – модный бухарестский композитор – быстренько подсуетился и выпустил пластинку (как говорят сейчас, «альбом») с названием «Агаричи лупит большевичи». Когда же «большевичи» пришли к власти в Румынии, оба Агаричи «загремели под фанфары».

Утром 24 июня с 6 ч. до 6 ч. 35 мин. четырнадцать бомбардировщиков ДБ-3Ф и восемнадцать СБ вновь бомбили порт в Констанце и близлежащий аэродром Мамая. На подходе к Констанце наши самолеты встретили шестнадцать румынских истребителей Хе-113. Советские самолеты сумели отбомбиться, но потеряли три ДБ-3Ф и семь СБ. По сообщениям наших летчиков, было сбито одиннадцать румынских истребителей, но это, видимо, преувеличение. На аэродроме Мамая, по германским данным, было уничтожено три истребителя Ме-109Ф.

Вечером Констанцу бомбили два ДБ-3Ф. Их перехватили германские истребители. Наш бомбардировщик ДБ-3Ф сбил один Ме-109Ф, но пилот

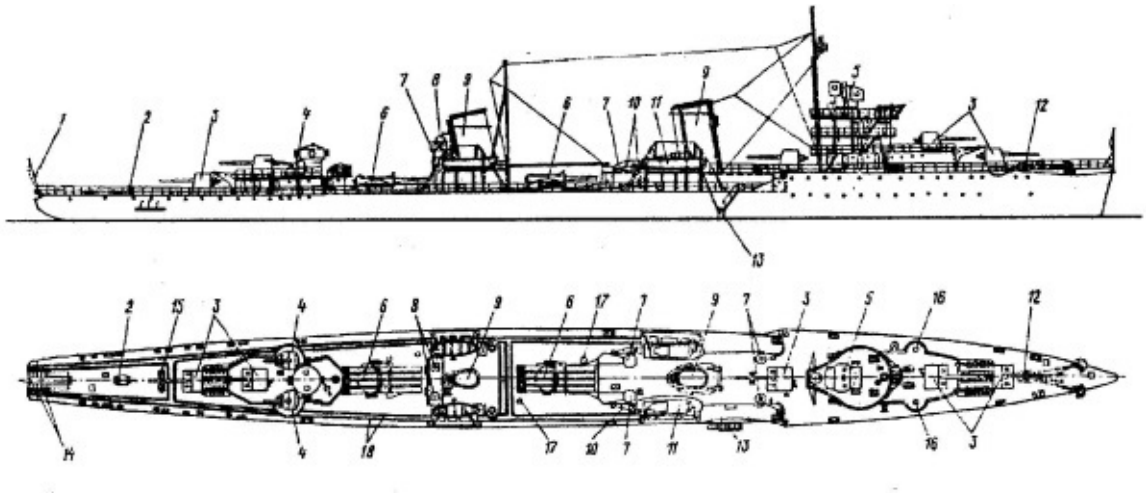
обер-фельдфебель Вальтер спрыгнул с парашютом и был спасен румынским гидросамолетом SM-62.

Всего за день авиация Черноморского флота произвела на Констанцу 40 самолето-вылетов, сбросив 2 бомбы ФАБ-100, 21 бомбу ФАБ-500, 30 бомб ФАБ-250, 18 бомб ФАБ-100 и 6 бомб РРАБ-3.

В тот же день свыше 10 наших самолетов вели «дальнюю разведку» в районе Босфора, Зунгулдака, Сулины и Варны. Как скромно говориться в «Хронике…», разведка обнаружила в районе Босфора и Зунгулдака 19 транспортов[100].

Подлинные донесения пилотов и агентурной разведки до сих пор совершенно секретны. Но вот что пишет участник боев за Крым генерал-адмирал П.И. Батов: «У меня сохранилась выписка из разведывательных и других штабных документов того времени. Чего тут только нет! 22 июня: в Констанце готовится десант. авиаразведкой обнаружены 10 транспортов противника. направление на Крым. 24 июня: на траверзе Шохе обнаружена подводная лодка. концентрация судов в районе Констанцы свидетельствует о подготовке десанта. на аэродромах Бухареста скопление шестимоторных транспортных самолетов для переброски парашютистов. 27 июня: итальянский флот проследовал через Дарданеллы в Черное море для высадки десанта в Одессе и Севастополе»[101].

Кто-то предложил использовать и надводные корабли для обстрела Констанцы. Октябрьскому идея понравилась, но на себя брать инициативу он не решился и запросил наркома ВМФ Кузнецова. Тот тоже подстраховался и отправил начальника Главного морского штаба адмирала Исакова к Сталину за разрешением. В итоге в Севастополе о походе узнали лишь 24 июня поздно вечером.

1 – кормовой флагшток; 2 – шпиль; 3 – 130-мм орудие; 4 – 76-мм орудие; 5 – командно-дальномерный пост; 6– торпедный аппарат; 7 – воздухозаборник; 8– прожектор; 9– дымовая труба; 10– параван; 11– катер; 12 – якорный шпиль; 13 – забортный трап; 14 – глубинные бомбы; 15 – вьюшка;16 – подкрепление под зенитную артиллерию; 17– сходный люк; 18 – рельсовый минный путь

25 июня Октябрьский утвердил план набеговой операции кораблей на Констанцу, который был доложен наркому ВМФ. Сущность плана заключалась в следующем: в 5 часов утра 26 июня нанести совместный удар кораблей флота и авиации по Констанце, чтобы уничтожить нефтехранилища и боем разведать систему обороны этой базы с моря.

Артиллерийский обстрел предполагалось вести «ударной группой» в составе лидера «Харьков» и двух эсминцев типа «С». Действия этой группы должна была обеспечивать находившаяся в 60 милях к востоку от Констанцы группа прикрытия в составе крейсера «Ворошилов» и лидера «Москва».

Можно только подивиться мудрости адмирала. Обстрел порта поручался лидеру и эсминцам из 130-мм пушек Б-13 из зоны обстрела вражеских береговых батарей. Мало того, действие 130-мм фугасных снарядов, содержавших всего 2,8 кг тротила, было довольно слабым. А вот фугасные снаряды 180-мм орудий имели 7,97 кг тротила, то есть в три раза больше. А главное, дальность стрельбы 180-мм орудий равнялась 37 км, то есть была заведомо много больше, чем дальность стрельбы любых германских береговых батарей.

Естественно, куда разумнее было послать в рейд на Констанцу крейсера «Молотов» и «Ворошилов» с их восемнадцатью 180-мм орудиями.

Здесь следует сделать маленькое отступление. Антонеску и К^{о}>даже не собирались противодействовать Черноморскому флоту своей опереточной флотилией, а надеялись лишь на береговые батареи. В этом плане румынам хорошо помогли немцы. В 1940 г. южнее Констанцы немцы начали строительство береговой батареи «Тирпиц», вооруженной тремя корабельными пушками 28-cm SKL/45. Точнее, немцы в 1940 г. перевезли все, что можно было перевезти, с одноименной береговой батареи, дислоцированной в Киле.

28-см пушки SKL/45 в годы Первой мировой войны устанавливались на линкорах типа «Нассау» и линейном крейсере «Фон дер Танн». Калибр орудий 283 мм. Длина ствола 45 калибров. Затвор орудий горизонтальный

клиновой с ручными приводами. Орудия размещались в бетонированных колодцах. Управление стрельбой производилось с помощью 14-метрового дальномера и радиолокационной станции. Стреляло орудие снарядами весом 284 кг и 302 кг с начальными скоростями 885 м/с и 870 м/с, соответственно. Максимальный угол возвышения составлял 37°, что позволяло достигать дальности 36,1 км.

Батарея располагалась на возвышенности в 600 м от уреза воды. Расстояние между установками составляло 250–300 м.

К 22 июня 1941 г. батарея «Тирпиц» была введена в строй. Обслуживалась она немецкими расчетами.

Кроме «Тирпица» в Констанцскую дивизию береговой обороны входили батареи «Мирча», «Тудор», «Михай», «Елизабета» и «Аурора». Все они обслуживались румынскими расчетами.

Батарея «Мирча» построена в 1941 г. Вооружена она была четырьмя 152/45-мм пушками Кане, захваченными в России в 1918 г. Пушки стреляли русскими снарядами обр. 1907 г. весом 49,5 кг с начальной скоростью 750 м/с. Станок орудия модернизировали, и угол возвышения был доведен до 41,5°, благодаря чему дальность стрельбы составляла 18,5 км.

Батарея «Тудор» построена в 1928 г. и вооружена тремя 152/40-мм орудиями. Угол возвышения установок 25°. Вес снаряда 46,4 кг, начальная скорость 695 м/с. Максимальная дальность стрельбы 11,4 км.

Батарея «Михай» построена в 1940 г. и вооружена тремя старыми германскими корабельными пушками 17-см SKL/40. Угол возвышения установок 23°. Вес снаряда 64 кг, начальная скорость 860 м/с. Дальность стрельбы 18 км.

Таким образом, за исключением германской батареи «Тирпиц», румынские береговые батареи были вооружены устаревшей материальной частью и на июнь 1941 г. не имели хороших дальномеров.

Итак, Октябрьский послал на Констанцу один крейсер («Ворошилов»), да и то в составе группы прикрытия. Любопытный вопрос: а от кого собирался «прикрываться» Октябрьский? От злополучных четырех румынских эсминцев? Нет! От того же итальянского флота! Только в этом случае приказ Октябрьского имеет какое-то логическое объяснение.

В суматохе штаб Черноморского флота забыл оповестить о нападении наши подводные лодки, находившиеся у берегов Румынии. По плану наши корабли должны были пройти между позициями подводных лодок «Щ-205» и «Щ -206» в нескольких километрах от краев районов их действий. Но можно было и сообразить, что для зарядки аккумуляторов подводная лодка «Щ-206» выйдет из своего района, чтобы не засветиться противнику, и

отойдет на север.

25 июня в 20 ч. 10 мин. лидеры «Харьков» и «Москва» вышли в море. Отряд же прикрытия покинул базу в 22 ч. 41 мин. Эсминец «Смышленый», будучи еще на Инкерманском створе, за что-то зацепился своим параваном и отстал. Лишь в 3 часа 26 июня ему удалось выйти за минное заграждение главной базы.

В 0 ч. 33 мин. 26 июня крейсер «Ворошилов» и эсминец «Сообразительный» дали ход 28 узлов. С развитием полного хода «Сообразительный» стал отставать, и в 2 ч. 30 мин. корабли потеряли друг друга из виду. Лишь на рассвете «Сообразительный» присоединился к крейсеру «Ворошилов».

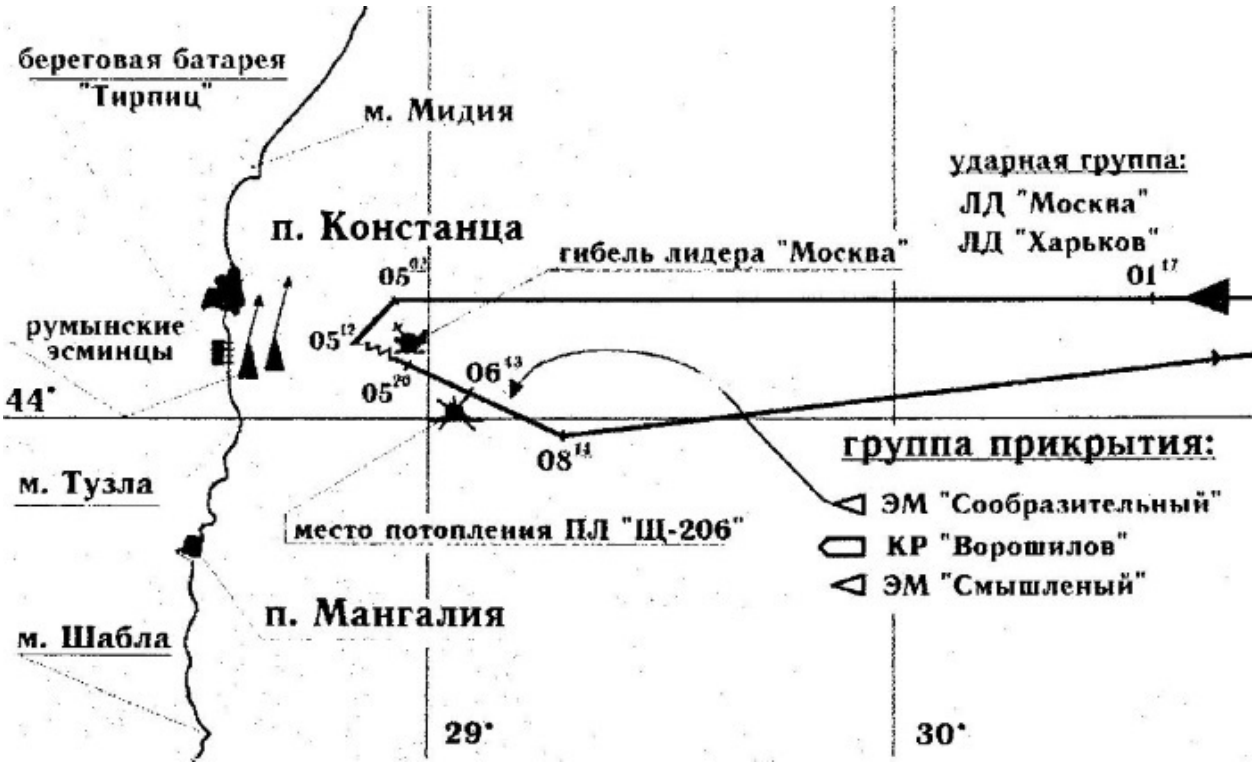

Схема боевой операции кораблей Черноморского флота по обстрелу порта Констанца 26 июня 1941 г.

Переход морем обоих лидеров прошел благополучно, и в 4 ч. 42 мин. с дистанции 140 кабельтов им прямо по курсу открылся берег.

В 4 ч. 50 мин. на широте 44°10′61 и долготе 29°02′01 на «Харькове», шедшем головным, подорвался правый параван. Корабли поменялись местами, и головным стал лидер «Москва». В 5 часов утра лидеры начали поворот на боевой курс -221°, имея ход 26 узлов. В этот момент у «Харькова» оборвался левый параван.

В 5 ч. 02 мин., будучи в точке с координатами ш = 44°10′3″, д = 28°57,0", «Харьков» открыл огонь по нефтехранилищам в порту Констанца, имея курсовой угол 55° правого борта и дистанцию 130 кабельтов. С третьим залпом «Харькова» открыл огонь и лидер «Москва». В 5 ч. 06 мин. по кораблям открыла огонь 28-см германская батарея и третьим залпом накрыла лидер «Москву».

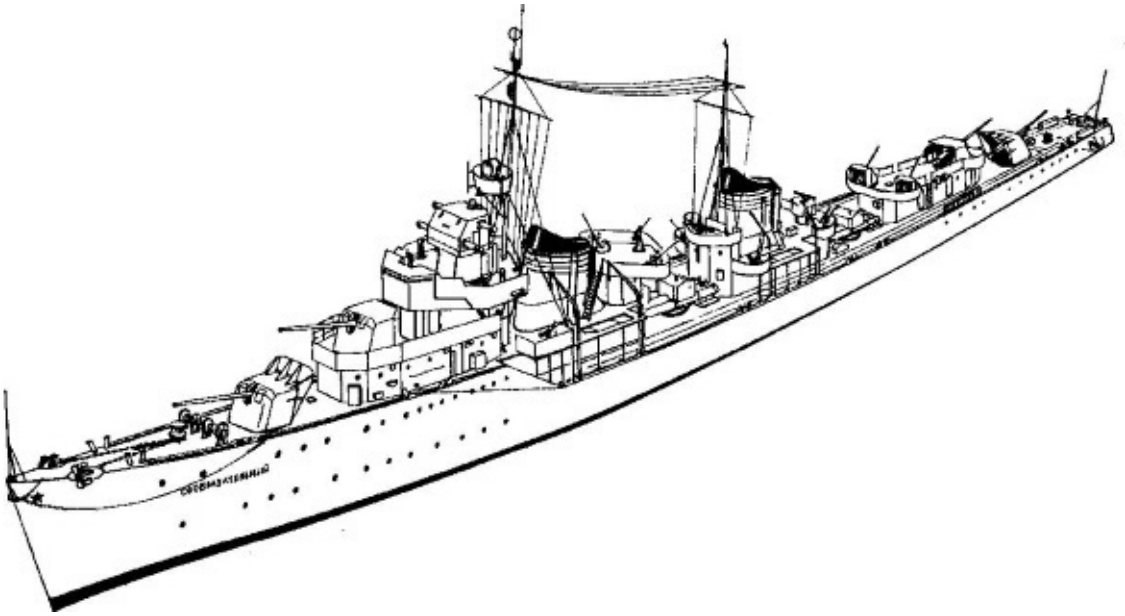
Около 5 ч. 10 мин. командир «ударной группы» решил отходить, и на «Москву» был передан сигнал: «Начать отход. Дым». В 5 ч. 12 мин. «Москва» начала отход, одновременно ставя дымовую завесу. «Харьков», шедший без паравана, держался кильватерной струи «Москвы». В 5 ч. 13 мин. «Москва» легла на зигзаг с целью сбить пристрелку немецкой батареи. В это время с «Харькова» заметили на берегу в районе нефтяного терминала большой пожар.

В 5 ч. 14 мин. «Харьков» прекратил артогонь по берегу, выпустив 154 фугасных снаряда.

В 5 ч. 20 мин. с обоих лидеров заметили следы двух торпед, идущих к «Москве». Лидер «Харьков» начал сбрасывать глубинные бомбы на месте, где вражеская подводная лодка могла пустить торпеды. В 5 ч. 21 мин. в середине корпуса «Москвы» раздался взрыв. Столб огня и дыма поднялся на высоту 30 метров.

«Харьков» отвернул и обошел место взрыва с севера. Лидер «Москва» переломился пополам в районе правого котельного кожуха. Носовая часть лидера была оторвана и развернута форштевнем к корме, кормовая часть держалась на плаву. Винты работали в воздухе, дымовая аппаратура продолжала действовать. На палубе находились люди, а зенитное орудие на кормовом мостике вело огонь по появившимся самолетам противника.

«Харьков» поставил дымзавесу и попытался спасти уцелевших моряков, но тут у его борта разорвалось два снаряда. Лидер получил повреждения и снизил ход до «малого».

Эсминец «Сообразительный»

Идя с шестиузловой скоростью, к 5 ч. 55 мин. «Харьков» вышел из зоны досягаемости береговых батарей противника, которые вели огонь с дистанции 32,9 км. Но в 6 ч. 43 мин. был обнаружены пузырь и след торпеды, шедшей на лидер. «Харьков» повернул на торпеды, и она прошла за кормой. Предполагаемое место неприятельской подводной лодки было обстреляно ныряющими 130-мм снарядами.

В 7 ч. 30 мин. к «Харькову» присоединился эсминец «Сообразительный» и «начал нести противолодочную и противовоздушную оборону», находясь в голове колонны и маневрируя на большой скорости.

«В этот момент “Сообразительный” заметил след торпеды с правого борта. Повернув вправо, он оставил торпеду слева от себя, но одновременно обнаружил след второй торпеды, шедшей вдоль правого борта на лидер. “Харьков” тоже повернул, но следа торпеды не видел. “Сообразительный” атаковал подводную лодку глубинными бомбами, причем на месте бомбометания было обнаружено большое масляное пятно и на момент показавшаяся и быстро погружавшаяся в воду корма подводной лодки. Отразив атаку, корабли продолжали отход на восток»[102].

Сообщить о рейде на «Щ-206» или передислоцировать ее в другой район никто не подумал. В итоге произошла трагедия – «Щ-206» торпедировала «Москву» и сама погибла от глубинных бомб эсминца «Сообразительный».

С погибшей «Москвы» 69 членов экипажа попали в плен. В их числе и

командир лидера А.Б. Тухов, которому удалось бежать.

В партизанском отряде он возглавил разведку и погиб в одном из боев.

На допросе некоторые члены экипажа «Москвы» заявили, что перед взрывом корабля они видели след торпеды.

Румынское командование на радостях объявило, что лидер «Москва» потоплен из румынских береговых торпедных аппаратов, находившихся у входа в Констанцу. Немцы в ответ только посмеялись глупости румынского начальства – как могли торпеды пройти путь в 180–190 кабельтовых – и, в свою очередь, приписали гибель лидера 28-см (283-мм) орудиям береговой батареи «Тирпиц». Вскоре на стволах ее орудий появился силуэт советского корабля.

Командующий Черноморским флотом сделал вид, что ничего не знает о судьбе «Щ-206». Срок возвращения ее из похода истек 16 июля 1941 г. Официально было объявлено, что подводная лодка «Щ -206» пропала без вести.

В послевоенное время в ходе контрольного траления района Констанцы были обнаружены корпуса лидера «Москва» и подводной лодки «Щ-206». Поднять их было проще простого, так, лидер «Москва» лежал на глубине всего 40 метров. Но из Москвы поступил строжайший запрет даже на их осмотр водолазами.

Глава 3
Вторжение Манштейна, которого могло и не быть

21 августа, на 61-й день войны, Адольф Гитлер подписал директиву № 441 412/41, которая фактически должна была стать для верховного командования сухопутных войск планом ведения русской кампании. Там говорилось:

«Предложение главного командования сухопутных войск от 18 августа о продолжении операции на Востоке расходится с моими планами. Я приказываю следующее:

Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа…

Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым, прежде чем противнику удастся подтянуть свежие силы»[103].

К этому времени части 11-й армии стремительно двигались к Перекопу с севера. Но между ними и Перекопом существовала серьезная водная преграда – Днепр.

Ситуацию прекрасно понимали и в Москве. 26 августа Б.М. Шапошников потребовал от главкома Юго-Западного направления С.М. Буденного «не допустить прорыва противника в направлении Перекопа».

24 августа передовые подразделения 22-й пехотной дивизии под командованием подполковника фон Боддиена вышла к городу Бериславу, находящемуся на правом берегу Днепра. На следующее утро подвижная группа фон Боддиена получила подкрепление – 16-й пехотный полк и гаубичный дивизион. К вечеру 26 августа Берислав был взят.

В ночь с 30 на 31 августа немцы начали форсирование Днепра у Бериславa, которое можно с полным основанием считать первым сражением в грандиозной битве за Крым.

Вот так это описал германский историк Пауль Карель: «Пришел великий момент для саперов. Ширина Днепра – второй по величине реки на европейской территории России – достигала в этом месте 750 метров. На противоположном берегу находились советские войска, знавшие о

намерении немцев форсировать реку.

Полковник Риттер фон Хейгль, командовавший 690-м инженерным полком, отвечал за первую фазу операции – то есть за саму переправу. Два саперных батальона дивизии – 22 и 46-й, – а также 741-й механизированный армейский инженерный батальон и 903-й батальон штурмовых лодок получили приказ переправить первую волну атакующих на противоположную сторону под огнем противника.

30 августа, еще до рассвета, пехотинцы 22-й пехотной дивизии – солдаты из Ганновера и из городов и сел Ольденбурга – заняли позиции у кромки воды. Батальоны 16-го пехотного полка находились на острове на реке, куда никто не мог попасть без хорошего знания местности. Дорогу туда им показал рыбак-украинец. Личный состав 47-го пехотного полка ожидал приказа об атаке возле виноградника, прижавшись вплотную к земле в месте, практически лишенном укрытий. Советские бомбардировщики и штурмовики вновь и вновь заходили в поисках цели, сбрасывая осветительные ракеты на парашютах. При их появлении любое движение внизу прекращалось. С рассветом от реки начал подниматься словно Богом посланный в помощь немцам молочный туман.

Было 04.27. Двигатели штурмовых лодок взревели разом. Одновременно заговорили артиллерия и тяжелое вооружение пехоты, обеспечивая огневое прикрытие десанту и сдерживая советскую оборону. Следом за штурмовыми лодками на воду спускались резиновые шлюпки всевозможных размеров.

С дальнего берега взлетали в небо белые ракеты: первые колонны атакующих достигли цели. Артиллеристы передвинули линию огня дальше на восток. Стучали пулеметы, звучали выстрелы карабинов. Пикировщики “Штука” и бомбардировщики 4-го воздушного флота, ревя моторами, проносились над рекой, сбрасывая бомбы на позиции противника. Десантные суда возвращались обратно за новой волной пехотинцев и снова уходили к дальнему берегу.

В течение трех часов солдаты в десантных лодках стояли у своих рулей. Река кипела от взрывов снарядов вражеской артиллерии. Лодки и шлюпки разносило на куски. Соседние – опрокидывались. Но у русских, по-видимому, не было корректировщика огня у реки, потому что орудия их били наугад.

Первая волна атакующей пехоты выбила с позиций советские передовые заграждения и захватила небольшой плацдарм. На саперных плотах начали перевозить тяжелое вооружение. Первая фаза форсирования реки завершилась успешно. Пехотинцы расширяли плацдарм. Двумя днями

позже глубина его достигала уже четырех километров. Наступала пора переходить ко второй фазе операции – наведению моста для основных сил дивизии и 30-го корпуса.

Полковник Циммер, командир 620-го горно-инженерного полка, в оперативном подчинении которого находились саперные части 49-го горнострелкового корпуса, отвечал за техническую сторону при сооружении 8-тонного моста, состоящего из 116 понтонов. В наведении его участвовали 46 и 240-й инженерные батальоны, а также 54-й горно-инженерный батальон вместе с румынской 10-й мостовой ротой – всего свыше 2500 человек.

Понтоны хранились километрах в шести-семи вверх по течению от места переправы. Их соединили попарно, наподобие плота, а потом несколько таких плотов составили в мостовые конструкции. В соответствии с тщательно выверенной схемой действий эти звенья отправили вниз по течению и установили по обоим берегам. Далее обе части продолжали наращиваться навстречу друг другу, пока обе половины не встретились посередине реки. Этот момент всегда вызывал наибольшее напряжение. Только точный расчет офицеров-саперов мог обеспечить безукоризненную стыковку пролетов моста.

Работы начались в 18.00 31 августа. После полуночи, ближе к 01.00, оба конца конструкции разделяло всего 25 метров.

К 03.30 1 сентября мост стал единым целым. В 04.00 первые группы техники 22-й пехотной дивизии двинулись через реку к восточному берегу. Почти тут же поднялся сильный ветер, и на понтоны обрушились волны полутораметровой высоты. Технику на мосту начало бросать из стороны в сторону, некоторые понтоны дали течь.

Как раз в этот и без того трудный момент с воздуха атаковали советские бомбардировщики. Они спланировали низко. Прямое попадание. Два плота пошли ко дну, потери саперов составили 16 человек убитыми и ранеными. Ремонт в бурных речных потоках занял два с половиной часа. После чего движение восстановилось.

Но к тому времени советские бомбардировщики и штурмовики вернулись – на сей раз с истребительным сопровождением. Никто на мосту не мог найти укрытия, между тем глубина реки достигала 15 метров. Колоннам оставалось только одно – двигаться, двигаться и надеяться на лучшее. Бомбы сыпались там и тут. Четыре понтона затонуло.

На сей раз ремонтные работы продолжались семь часов. Саперы промокли насквозь, они в кровь сбивали себе пальцы, их кости и суставы ныли от усталости и перенапряжения. Наведение моста на бурной реке

шириной 750 метров при наличии активного неприятельского противодействия достойно места в военной истории.

Полковник Мёльдерс со своей 51-й истребительной эскадрильей взял на себя заботы по охране моста, который русские стремились уничтожить любой ценой. За два дня Мёльдерс и его летчики-истребители сбили семьдесят семь советских бомбардировщиков. Две батареи зенитчиков люфтваффе – 1-й дивизион 14-го зенитно-артиллерийского полка и 1-й дивизион 64-го зенитно-артиллерийского полка – сбили еще тринадцать русских бомбардировщиков.

Но, несмотря ни на что, большое число саперов из 1-й и 4-й горнострелковых дивизий погибло за первые несколько дней на строительстве и ремонте моста. Бериславский мост стоил немцам больших потерь. Возможно, ни один понтонный мост на протяжении последней войны не наводился в столь трудных условиях и не подвергался столь яростным атакам неприятеля, как этот. Но благодаря ему 11-я армия создала плацдарм для решительного наступления на Крым и Кавказ»[104].

А что говорят о переправе у Берислава советские историки? Да, собственно, ничего. Молчат, как рыбы. Наши войска прос…ли форсирование Днепра. Точнее не скажешь, а кого сей глагол коробит, пусть «Войну и мир» почитает. Там семейство Ростовых на охоте «прос. ло» волка, а тут 9-я советская армия – 11-ю германскую!

О форсировании немцами Днепра скороговоркой говорит П.И. Батов: «31 августа авиационная разведка Черноморского флота сообщила, что противник начал переправу через Днепр в районе Каховки; к 12.00 на левом берегу зафиксировано до батальона немецкой пехоты. Немецкие передовые отряды переправлялись также южнее Берислава, у хутора Казацкий. Наших частей в этих районах не было замечено. В архиве имеется донесение Южного фронта в Ставку за подписью тт. Рябышева и Запорожца, проливающее свет на события в районе Каховка – Берислав 31 августа – 2 сентября 1941 года. Оно составлено в крайне повышенном тоне – генералу Черевиченко и его начальнику штаба генералу П.И. Бодину досталось основательно. Но не ради этого обращаюсь к документу. Важен факт: “Ничем не оправданный отвод с берега у Каховки батальонов 296-й дивизии и несвоевременная замена их батальонами 176-й дивизии дали противнику возможность безнаказанно форсировать Днепр”. Грубая ошибка, которой воспользовалось вражеское командование»[105].

Генерал Батов узнал о переправе немцев от морских летчиков, ведших разведку в районе Каховки. Комдив Черняев вышел из себя:

– Как же… Как же отдали такой рубеж без боя?

– Летчики могли ошибиться, – ответил Батов. – Сейчас важно выяснить, каковы силы противника. Пошлите толкового командира-оператора в штаб 9-й армии.

На следующий день был отправлен начальник разведотделения штаба дивизии капитан Н.В. Лисовой. По возвращении он рассказал, что к командарму он «прорвался». Высказав мнение о том, что «наступление немецких и румынских войск на Крым маловероятно», и задав ряд вопросов по обстановке в Крыму и на Черном море, командующий 9-й армией Я.Т. Черевиченко направил капитана Лисового в оперативный отдел армии. Но и там данных о наступающем противнике капитану получить не удалось, поскольку обстановка на фронте менялась с невероятной быстротой.

Части 11-й армии быстро переправились через переправу у Берислава – Каховки и далее двигались по расходящимся направлениям на восток и на юг, а затем на запад вдоль Днепра. Так, к вечеру 10 сентября немцы заняли поселки Большая Маячка, Большие Копани (Великие Копани) и начали продвижение в направлении: поселок Малые Копани – город Скадовск.

Части 22-й и 73-й пехотных дивизий шли строго на юг в направлении Чаплинка – Перекоп. Вместе с ними двигался усиленный разведывательный батальон моторизованного полка СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» под командованием штурмбаннфюрера Майера.

Советская 9-я армия отступала (или бежала, пусть каждый сам подбирает выражения). Драться никто и нигде не хотел. Небольшая часть войск, включая остатки 74-й дивизии, бежала к Тендре под защиту моряков.

Части Тендровского боевого участка, состоявшие из моряков, заняли оборону на линии Голая пристань – Бехтеры – Железный порт. Причем никакой связи у командования Тендровского участка и командования Дунайской флотилии не было.

12 августа немецкие части вторично форсировали Днепр, на сей раз в нескольких километрах выше Херсона, в районе города Алешки[106].

Подавляющее большинство частей 9-й армии бежало на восток. П.И. Батов писал: «С гребня Перекопского вала, особенно в ясную погоду после дождя, открывался хороший обзор на 15–20 километров. В сухое время проклятая крымская пыль кого угодно ввела бы в заблуждение – едет одна повозка, а в воздухе такая пылевая завеса, будто дивизия на марше. Но с 3 сентября пошли дожди, и в бинокль можно было видеть, как вдалеке мимо наших позиций движется с запада и уходит по северному берегу Сивашей

бесконечный поток воинских частей. Это отходила 9-я армия. Ни одно подразделение не повернуло в Крым. И не могло сделать этого. У них была другая задача: прикрыть подступы к Донбассу»[107].

Странная логика. Главной задачей 11-й армии был Крым, а затем Кавказ, но никак не Донбасс. Что такое Донбасс? Это не только шахты, а сгусток железных дорог. Туда без проблем за считаные дни можно было перебросить десятки дивизий. А вот переброска войск в Севастополь морем была крайне сложна даже без советских мин и германских бомбардировщиков. Да и из Севастополя дивизии шли до Перекопа дольше, чем дивизии с Урала до Донбасса по железной дороге. Казалось бы, что мешало уставшим дивизиям 9-й армии пройти Перекоп и, отдохнув несколько дней, влиться в ряды защитников Крыма?

Увы. Среди советских историков не нашлось Талейрана, который бы сказал об отходе 9-й армии на восток: «Это хуже, чем преступление, это – ошибка».

Рано утром 12 сентября передовые отряды немцев подошли к Перекопу. Это хорошо описал Пауль Карель: «Во главе наступления следовали мотоциклисты и бронемашины разведки полка “Лейбштандарт Адольф Гитлер”. За ними следовали передовые соединения 73-й пехотной дивизии. Штурмбаннфюрер Майер, находившийся среди солдат своей головной роты, разглядывал горизонт в бинокль. Ничего – нигде никакого движения. Вперед. Мотоциклетный взвод фон Бюттнера двигался вдоль берега в направлении Адамани, откуда просматривалась территория слева и справа от Турецкого вала. Вдруг, точно духи, ниоткуда на горизонте появились несколько всадников, которые мгновенно вновь исчезли, – советский дозор.

Требовалась бдительность.

– Рассредоточиться!

Тишина настораживала. Мотоциклисты встали на подножки с левой стороны своих машин, чтобы спешиться в любой момент, не теряя ни секунды. Стрелки в колясках перенесли тяжесть тела вправо и изготовились к прыжку на землю.

Был седьмой час утра. Мотоциклетная часть под командованием командира группы Вестфаля осторожно приближалась к первым домам Преображенки. Она располагалась поблизости от главной дороги из Берислава к Перекопу. Из села выходило стадо овец. Вестфаль помахал рукой пастуху.

– Убери стадо с дороги, парень. Мы спешим!

Но татарин, похоже, не понял. Или не захотел понимать? Вестфаль

открыл дроссельную заслонку своего мотоцикла и под надсадный рев двигателя помчался прямо на стадо. Овцы перепугались, заблеяли и бросились врассыпную. Пастух что-то закричал и послал за ними собаку. Все без толку. Овцы бежали прочь от дороги. Через мгновение засверкали вспышки пламени, раздался грохот взрыва. Овцу разорвало на куски. Стадо выбежало на минное поле. Точно мало было рвущихся повсюду мин и жалобного предсмертного блеяния умиравших овец, внезапно открыла огонь вражеская артиллерия. Фугасы падали и рвались в деревне и около нее. Мотоциклисты спешились и побежали к Преображенке по дороге на Перекоп. Внезапно впереди путь им преградила настоящая стена огня. На противоположном конце села, всего в нескольких сотнях метрах от передовой немецкой части, стоял советский бронепоезд: он осыпал снарядами и поливал пулеметными очередями роты Майера и Штиффатера. Последствия были ужасны.

– В укрытие!

Солдаты лежали, прижавшись к земле. Пули свистели у них над головами. Но это стрелял, как скоро стало ясно, не бронепоезд: стреляли русские пехотинцы из хорошо замаскированных окопчиков и траншей всего в каких-нибудь 50 метрах впереди.

Штурмбаннфюрер Майер приказал своим отступить из Преображенки. Бронемашины разведки открыли огонь по бронепоезду из 20-мм пушек, чтобы дать возможность другим отойти под прикрытием дымовой завесы. Тем временем солдаты из 2-й роты Майера выкатили 37-мм противотанковую пушку и тоже принялись обстреливать поезд. Но не успели они сделать и нескольких выстрелов, как орудие было поражено прямым попаданием. Полетели в разные стороны куски железа, и грохот металла заглушил крики людей.

Сам Майер тем временем вместе со связными перебежками прокрался к дальнему концу села. Отсюда он мог видеть основательно подготовленную оборону противника на Перекопе – окопы, колючая проволока, бетонные доты. Он понял, что осуществить внезапный прорыв здесь не удастся. Еще одна попытка, и от соединения ничего не останется. Группенфюрер Вестфаль, который пробрался вперед вместе с Майером, вдруг позвал санитара. Вестфалю оторвало руку взрывом. Справа и слева от него валялись убитые и раненые солдаты его группы.

– Убираемся отсюда, – повторил штурмбаннфюрер Майер и дал сигнал к отходу.

Связные отправились передавать приказ. Заревели моторы приближавшихся сзади мотоциклов. Не задерживаясь, разведчики

погрузили раненых и тела убитых товарищей в коляски и тут же умчались прочь. Бронемашины разведки поставили дымовую завесу на подходе к Преображенке, чтобы противник не видел их маневра. Под прикрытием дыма роттенфюрер[108] Гельмут Бальке трижды отправлялся на передовую, чтобы забрать раненых. Последнего, унтерштурмфюрера[109] Рерля, Майер притащил на себе. Снарядный осколок разворотил Рерлю спину. Он умер на руках командира.

Первая попытка 11-й армии ворваться в Крым с ходу передовыми частями 54-го корпуса провалилась. Часом позже генерал-лейтенант Билер, командир 73-й пехотной дивизии, прочитал донесение Майера и Штиффатера: “Взять Перекоп с ходу не получится. Подробный рапорт о боевом столкновении прилагается”»[110].

На войне случайность часто определяет ход истории. В тот же день, 12 сентября, недалеко от Перекопа при посадке взорвался на русской мине маленький связной самолетик «Физилер Шторх»[111]. На нем вместе с пилотом погиб командующий 11-й армией генерал-полковник фон Шоберт.

Через полчаса в палатке командующего 56-м танковым корпусом генерала-полковника Манштейна зазвонил телефон. Командующий армией генерал-полковник Буш без предисловий зачитал телеграмму ОКХ[112]: «Немедленно направить генерала пехоты фон Манштейна в распоряжение группы армий “Юг” для принятия командования 11-й армией».

Эрих Манштейн родился в Берлине в 1887 г. Потомственный военный. В 1913–1914 гг. учился в Военной академии, в 1914–1918 гг. воевал на Восточном фронте, затем в Сербии, а закончил войну на Западном фронте. В 1939 г. в ходе Польской кампании Манштейн – начальник штаба группы армий «Юг» (командующий фон Рундштедт). Затем группа армий была переброшена во Францию.

В русской кампании Манштейн отличился, командуя 56-м танковым корпусом, который совершил стремительный рейд из Восточной Пруссии через Двинск (Даугавпилс) до озера Ильмень.

17 сентября 1941 г. Манштейн прибыл в Николаев и принял командование 11-й армией.

К 1 сентября 1941 г. в составе 11-й германской армии находились: 30-й армейский корпус генерала Зальмута (22-я, 72-я, 170-я пехотные дивизии), 54-й армейский корпус генерала Ганзена (46-я, 50-я, 73-я пехотные дивизии), 49-й армейский корпус генерала Коблера (1-я и 4-я горнострелковые дивизии).

Командованию 11-й армии с 16 сентября была подчинена 3-я

румынская армия в составе 5-й, 6-й и 8-й кавалерийских бригад[113]. А 10 сентября прибыла моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»[114].

Румынскими войсками Манштейн командовал впервые, поэтому небезынтересно узнать его первые впечатления. «Штаб 11-й армии составлял как бы связующее звено между маршалом Антонеску и командованием группы армий и консультировал Антонеску по текущим вопросам. Однако к моменту моего прибытия получилось так, что Антонеску сохранил в своем распоряжении только 4-ю румынскую армию, которая вела наступление на Одессу. 11-я армия, находившаяся теперь в непосредственном подчинении штаба группы армий, получила в свое распоряжение для дальнейшего движения на восток 3-ю румынскую армию…

Что касается румынской армии, то она, несомненно, имела существенные недостатки. Правда, румынский солдат, в большинстве происходящий из крестьян, сам по себе непритязателен, выносли в и смел. Однако низкий уровень общего образования позволял только в очень ограниченном объеме подготовить из него инициативного одиночного бойца, не говоря уже о младшем командире. В тех случаях, когда предпосылки к этому имелись, как, например, у представителей немецкого меньшинства, национальные предрассудки румын являлись препятствием к продвижению по службе солдат-немцев. Устарелые порядки, как, например, наличие телесных наказаний, тоже не могли способствовать повышению боеспособности войск. Они вели к тому, что солдаты немецкой национальности всяческими путями пытались попасть в германские вооруженные силы, а так как прием их туда был запрещен, то в войска СС.

Решающим недостатком румынских войск было отсутствие унтер-офицерского корпуса в нашем понимании этого слова. Теперь у нас, к сожалению, слишком часто забывают, скольким мы были обязаны нашему прекрасному унтер-офицерскому корпусу.

Немаловажное значение имело далее то, что значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям к военным этого уровня. Прежде всего не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно недоставало «прусской школы».

Боевая подготовка из-за отсутствия опыта ведения войн не соответствовала требованиям современной войны. Это вело к

неоправданно высоким потерям, которые, в свою очередь, отрицательно сказывались на моральном состоянии войск. Управление войсками, находившееся с 1918 года под французским влиянием, оставалось на уровне идей Первой мировой войны»[115].

Сразу по прибытии в Николаев Манштейн понял невозможность выполнения 11-й армией планов верховного командования. Позже он писал: «Задача, поставленная перед армией Главным командованием, нацеливала ее на два расходящихся направления.

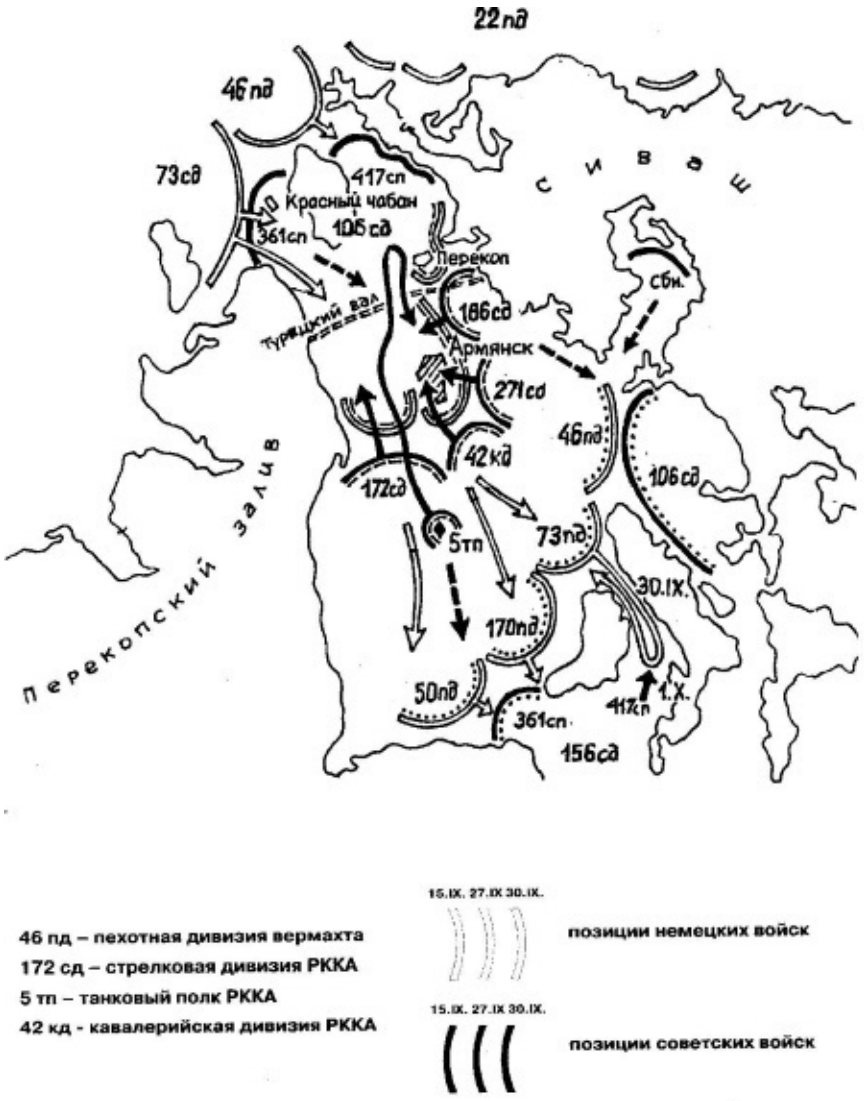
Во-первых, она должна была, наступая на правом фланге группы армий “Юг”, продолжать преследование отходящего на восток противника. Для этого основные силы армии должны были продвигаться по северному берегу Азовского моря на Ростов.

Во-вторых, армия должна была занять Крым, причем эта задача представлялась особенно срочной. С одной стороны, ожидали, что занятие Крыма и его военно-морской базы – Севастополя возымеет благоприятное воздействие на позицию Турции. С другой стороны, и это особенно важно, крупные военно-воздушные базы противника в Крыму представляли собой угрозу жизненно важному для нас румынскому нефтяному району. После взятия Крыма входящий в состав 11-й армии горный корпус должен был продолжать движение через Керченский пролив в направлении на Кавказ, по-видимому, поддерживая наступление, которое должно было развернуться со стороны Ростова.

У германского Главного командования, следовательно, в то время были еще довольно далеко идущие планы на кампанию 1941 года. Но скоро должно было выясниться, что эта двоякая задача для 11-й армии была нереальной»[116].

Глава 4
Взятие Перекопа

Итак, попытка немцев с ходу ворваться в Крым провалилась. Манштейн решил собрать силы 11-й армии в кулак и 24 сентября прорвать оборону русских на перешейке.

Бои за Перекоп в сентябре 1941 г.

Чтобы набрать достаточно сил для вторжения в Крым, Манштейну пришлось до минимума оголить свои войска на материке, перебросив на полуостров дивизию «Лейбштандарт» и 49-й горнострелковый корпус. 30-й

корпус генерала фон Зальмута, в состав которого входили 72-я и 22-я пехотные дивизии, должен был держаться своими силами на позициях в Ногайской степи, поддерживаемый только румынской 3-й армией. Причем 22-я пехотная дивизия заняла северный берег Сиваша до Арабатской стрелки.

16 сентября немцы заняли Геническ и, по донесению командира расположенной там морской полевой батареи № 127, двинулись при поддержке танков по Арабатской стрелке. Однако в тот жен день к стрелке подошли канонерские лодки Азовской военной флотилии «Дон», «Рион» (бывшие грязеотвозные шаланды, каждая имевшая на вооружении две 130/55-мм и две 45-мм пушки)и№ 4 (вооружение: две 76-мм пушки 34К и две 45-мм пушки) и открыли огонь по германским войскам[117].

17 сентября подразделения 275-й стрелковой дивизии окончательно очистили от немцев Арабатскую стрелку. В последующие дни у стрелки дежурили несколько кораблей Азовской военной флотилии, которые периодически поддерживали огнем наши войска.

Но Манштейна мало интересовали Арабатская стрелка и Сиваш, бросать своих солдат в «гнилое море» он не собирался. По плану Манштейна 54-му корпусу генерала Хансена предстояло первым делом прорвать оборону противника на Перекопском перешейке фронтальной атакой. Для достижения этой непростой цели Хансен получил в свое распоряжение всю армейскую артиллерию и части ПВО. В дополнение к двум его пехотным дивизиям – 73-й и 46-й – в оперативное командование Хансена поступила расположенная чуть глубже к тылу 50-я пехотная дивизия. Столь значительными ударными силами вполне можно было пробить фронт шириной всего в 7 км.

24 сентября в 5 часов утра германская артиллерия и минометы открыли ураганный огонь по советским позициям на Перекопе. Одновременно самолеты люфтваффе наносили удары как по переднему краю обороны, так и на десятки километров вглубь. В 7 часов утра 46-я и 73-я пехотные дивизии перешли в наступление по всему фронту обороны 156-й стрелковой дивизии.

Наступление на правом фланге вдоль Сиваша быстро захлебнулось. Там заранее были размещены фугасы – морские мины типа КБ, управляемые по проводам. Взрыв фугасов нанес большой урон противнику. Много немцев погибло от огня морских батарей № 124 и № 725.

В ночь на 25 сентября передовые части 156-й стрелковой дивизии были отведены на основной рубеж обороны: дамба, в 4 км юго-восточнее деревни Первоконстантиновка – отдельный дом, расположенный в 1,2 км

юго-восточнее отметки 22. С рассветом немецкая авиация усиленно бомбардировала передний край нашей обороны, Турецкий вал и глубину обороны до села Ишунь. В 10 часов утра противник силой до четырех пехотных полков при поддержке более 50 танков и под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня перешел в наступление на основную оборонительную линию Перекопских позиций, нанося главный удар вдоль Перекопского залива. После упорных боев наши части оставили город Перекоп и отошли за Турецкий вал, за исключением третьего батальона 417-го стрелкового полка, саперной роты и двух батарей, которые продолжали вести бой севернее Перекопа, в районе Кантемировки.

Контратака 14 танков Т-37 и Т-38, приданных 156-й стрелковой дивизии, не удалась. Все 14 машин были уничтожены.

По приказу Манштейна к Перекопу подошла 50-я пехотная дивизия, прибывшая из района Одессы.

Бестолковое командование Ф.И. Кузнецова и К^{о} должен был признать и советский историк Басов. Правда, сделал это он весьма деликатно: «Сложилась редкая в военной практике обстановка. Обороняющиеся в Крыму войска имели 8 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии. Противник активно действовал только против одной из них (156-й на Перекопе), где он создал превосходящие силы по пехоте – более чем в 3 раза, по артиллерии – в 5–6 раз и абсолютное господство в воздухе. Две другие советские дивизии (106-я и 276-я) были скованы 22-й немецкой пехотной дивизией, которая демонстрировала готовность наступать по Чонгарскому перешейку и через Сиваш. Еще пять стрелковых и три кавалерийские дивизии были в глубине Крыма в готовности к отражению возможной высадки морских и воздушных десантов. И хотя эти дивизии были недостаточно вооружены и обучены, они могли успешно обороняться на заранее оборудованных рубежах»[118].

Стоит заметить, что в эти отчаянные дни, когда решалась судьба Крыма, наших адмиралов по-прежнему лихорадил «итальянский синдром». Так, 17 сентября нарком ВМФ сообщил Военному совету Черноморского флота «для сведения, что в Софии 15–16 сентября ожидалось решение турецкого правительства о пропуске в Черное море 10 военных кораблей, купленных Болгарией у Италии»[119].

То есть Болгария должна была фиктивно купить итальянские линкоры, крейсера и эсминцы и те под болгарским флагом должны были выйти в Черное море. Недаром говорят, что история повторяется дважды: первый раз как трагедия, а второй раз как фарс. В 1914 г. «Гебен» и «Бреслау» были

фиктивно куплены Турцией, и это стало трагедией для русского флота, но в 1941 г. дуче не хотел и физически не мог продать свои корабли Болгарии. Любопытно, кто был автором нового фарса – сам нарком или его кто надоумил?

До весны 1942 г. в Черном море не было ни одного немецкого или итальянского военного корабли или даже торпедного катера, а румынские четыре эсминца ни разу не выходили на советские коммуникации. Что же касается единственной румынской подводной лодки «Дельфинул», то поскольку румынские и некоторые наши демократические историки написали массу о ней нелепостей, то стоит рассказать о судьбе лодки подробно.

В 1941–1942 гг. подводная лодка «Дельфинул» совершила 9 боевых походов. Естественно, что румыны всячески пытаются «героизировать» действия «Дельфинула». На самом деле все эти походы имели более пропагандистское, чем боевое значение. В первый поход вечером 22 июня лодка вышла в дозор у Констанцы в 60 милях восточнее базы.

Второй поход с 10 июля по 20 июля 1941 г. – на коммуникацию Севастополь – Новороссийск.

Третий поход с 12 августа на 10 суток – в район Одессы.

Четвертый поход с 3 сентября по 19 сентября – на коммуникацию Севастополь – Новороссийск. При этом 9 сентября «Дельфинул» якобы выпустила торпеды по крейсеру «Коминтерн». Увы, на крейсере их и не заметили.

В ходе пятого похода, с 2 по 7 ноября 1941 г., «Дельфинул» отличилась. 5 ноября в 4 милях юго-восточнее Ялты лодка торпедами потопила советский танкер водоизмещением в 12 тысяч тонн (!). Затем лодку преследовали 10 часов советские корабли и сбросили на нее свыше 90 глубинных бомб. За это командир лодки Константин Кошачеку по прозвищу “Биби” получил орден «Mihai Viteazul» 3-го класса.

После войны румынские и германские историки стали искать, кто же потопил «Дельфинул» 5 ноября 1941 г. И вот известный германский историк Ровер нашел жертву – пароход «Урал» водоизмещением 1975 т. Увы, такого судна в Черноморском пароходстве вообще не было. Был, правда, пароход «Ураллес», но его потопила германская авиация 30 октября 1941 г. в Евпаторийском порту.

Позже румынские и наши «любители-маринисты» подыскали «Дельфинулу» новую жертву, да еще какую! Танкер «Кремль» (бывший «Союз водников») водоизмещением аж в 18,7 тысяч тонн! Но, увы, опять случилась неувязочка. Оный танкер 3 ноября в 20 ч. 03 мин. подорвался на

германской неконтактной мине у Стрелецкой бухты (Севастополь) и получил незначительные повреждения в носовой части. 11 ноября в 18 ч. 52 мин. танкер «Кремль» в сопровождении двух сторожевых катеров вышел из Севастополя и днем 14 ноября благополучно прибыл в Туапсе.

И вообще, по советским закрытым данным, 5 ноября 1941 г. ни один наш боевой корабль или транспорт не атаковывался подводной лодкой, а наши сторожевые катера никого не бомбили глубинными бомбами. Так что, в кого попала торпеда «Дельфинула» и за что “Биби” получил орден «Михая», остается загадкой Второй мировой войны.

После этого славного подвига румынское командование решило использовать «Дельфинул» на коммуникации Батуми – Стамбул. Там наши транспорты ходили редко, держась кромки территориальных вод Турции, а то и заходя в них. Эскорта боевых кораблей по понятным причинам у них не было. Шансы потопить кого-либо у «Дельфинула» были минимальные, но зато маневрирование у берегов Турции было делом безопасным, разве что существовала опасность налететь на плавучую мину, сорвавшуюся с минрепа оборонительных турецких заграждений. «Дельфинул» трижды выходила на эту коммуникацию.

И, наконец, 25 июня 1942 г. лодка вышла в свой девятый и последний боевой поход к берегам Крыма. По румынским данным, 27 июня 1942 г. «Дельфинул» обнаружила советский конвой и вскоре заняла позицию для атаки. Эскорт конвоя обнаружил и атаковал лодку. Вскоре к ним присоединились и патрульные самолеты. С 4 ч. 26 мин. до 15 ч. 31 мин. на лодку было сброшено 240 глубинных бомб.

28 июня 1942 г. советский самолет подкараулил лодку в надводном положении и пушечно-пулеметным огнем повредил ей руль.

1 июля 1942 г. около 8 часов утра «Дельфинул» была обнаружена советскими противолодочными силами, которые преследовали лодку на протяжении 13 часов. Команда субмарины насчитала 328 взрывов глубинных бомб. Преследователи отстали только после того, как лодка выпустила на поверхность через торпедный аппарат обломки и дизельное топливо.

Увы, все это фантазии лейтенанта-комендора Корнелиу Лангу, который командовал лодкой в ее девятом походе. В подробнейшей «Хронике…» и других служебных документах нет ни одного упоминания о подводных лодках противника с 27 июня по 3 июля 1942 г.

Итак, за девять походов «Дельфинул» фактически не потопила и не повредила ни одного советского военного или торгового судна. Единственное разумное объяснение этого – нежелание командиров лодки

приближаться к нашим судам и входить в опасные районы.

3 июля 1942 г. «Дельфинул» вернулась из девятого похода в Констанцу и через несколько дней вошла в сухой док для капитального ремонта. Больше она в море не выходила.

Но вернемся в 1941 год. Итак, конвоирование транспортов, которым занималась большая часть Черноморского флота, от торпедных и сторожевых катеров до крейсеров включительно, было, как говорится, в пользу бедных. Зато адмирал Октябрьский постоянно оправдывался перед Москвой и командованием фронта на занятость кораблей конвоированием транспортов, мол, некогда и нечем помогать сухопутным войскам.

Что же касается воздушного противника, то зенитное вооружение кораблей конвоев было довольно слабым, и чем гонять их, проще было поставить в дополнение к 45-мм пушкам по четыре – шесть 37-мм автоматов 7-К и дюжину 12,7-мм пулеметов на каждый ценный транспорт. А при необходимости можно было за пару часов переставить 37-мм и 12,7-мм установки с пришедшего в порт транспорта на другой, уходящий в море.

Десантобоязнь дошла до маразма. Так, 8 июля командование 157-й стрелковой дивизии, которая обороняла берега Кавказа от вражеского десанта, приказало артиллеристам обстрелять транспорт «Громов», совершавший обычный рейс по маршруту Туапсе – Новороссийск[120].

В 7 часов утра 26 сентября две немецкие пехотные дивизии, поддержанные 100 танками (о танках упоминают только советские источники), начали наступление на позиции 156-й стрелковой дивизии. К 11 часам утра немцы заняли Турецкий вал и вышли к Армянску. Тем временем генерал Батов, командовавший советскими войсками на перешейке, подтянул свежие силы: 383-й полк из 172-й стрелковой дивизии, 442-й полк и 106-й стрелковой дивизии и 865-й полк из 271-й стрелковой дивизии. Эти три полка контратаковали противника. В течение дня 26 сентября город Армянск 4 раза переходил из рук в руки. Немцы тоже сняли с побережья Сиваша какие-то части 22-й пехотной дивизии и ввели их в дело.

К вечеру Армянск остался за немцами. Но в ночь на 27 сентября в Армянск ворвалась 42-я кавалерийская дивизия. В ходе ночного боя из 2 тысяч кавалеристов были убиты 500. Рано утром конницу поддержал 442-й стрелковый полк и 5-й танковый полк 172-й дивизии под командованием майора С.П. Баранова. Неприятель был выбит из Армянска. 28 сентября 5-й танковый полк, преследуя врага, перешел Турецкий вал.

Успех контрудара советских войск на Перекопе в значительной

степени был обусловлен изменением ситуации в Северной Таврии, где 26 сентября войска 9-й и 18-й армий Южного фронта перешли в наступление севернее Мелитополя.

Как уже говорилось, Манштейн бросил на Перекоп лучшие части своей армии. 30-й немецкий корпус еще кое-как держался, а вот 4-я горная дивизия (немцы иногда именовали ее горной бригадой) румын бросилась бежать. В германском фронте образовалась 15-километровая ничем не прикрытая брешь. Несколько позже побежала и 6-я горная дивизия румын.

Манштейн срочно приказал повернуть назад германский 49-й горный корпус и «Лейбштандарт», двигавшиеся к Перекопу. Кроме того, из района Днепропетровска по 18-й и 9-й армиям был нанесен сильный удар 1-й танковой группой фон Клейста.

7—8 октября германские войска вышли к побережью Азовского моря в районе Мариуполя. В окружение оказалась большая часть войск 9-й и 18-й советских армий. Командующий 18-й армией генерал-лейтенант Смирнов был убит 6 октября, немцы нашли его труп. По германским данным, в результате окружения 9-й и 18-й армий их трофеями стали 212 танков и 672 артиллерийских орудия, были взяты 65 тысяч пленных. Советские данные об этой операции до сих пор засекречены.

Одним из результатов операции стал запрет командования вермахта на использование в Крыму единственной моторизованной части Манштейна «Лейбштандарт Адольф Гитлер». «Лейбштандарт» был включен в состав 1-й танковой группы, которая двинулась на Ростов.

А теперь вернемся к событиям в Крыму. 26 сентября Военный совет Черноморского флота доложил наркому ВМФ, что «командование 51-й армии и местные власти проявляют нервозность, непрерывно требуя помощи… Если противник прорвется через Перекоп или Чонгар, то наши наличные силы с их вооружением не смогут задерживать его дальнейшее продвижение, а все отойдут на Севастополь и Керчь. Военный совет считал целесообразным положить, если потребуется, 50 000 человек, но с Перекопа и Чонгара не отходить»[121].

Утром 26 сентября части 51-й армии попытались перехватить инициативу у немцев. Рано утром 49-я кавалерийская дивизия выбила немцев из Армянска. К утру части 172-й стрелковой дивизии заменили остатки 156-й стрелковой дивизии и заняли линию обороны от Чулга (так в документе, видимо, речь идет о станции Чонгар) до Перекопского залива.

271-я стрелковая дивизия к 17 ч. 30 мин. вышла на рубеж: южная окраина деревни Щемиловка и 2 км севернее Армянска. Дивизия потеряла до 15 % личного состава, причем потери командного состава достигли

50 %. 42-я кавалерийская дивизия к 16 часам вышла к валу в 2 км северо-западнее Армянска, но в 17 ч. 30 мин. под давлением немецкой пехоты, поддержанной сильным минометным и артиллерийским огнем, и бомбовыми ударами авиации, отошла к северо-западной окраине Армянска. Дивизия потеряла до 20 % личного состава.

Военный совет Черноморского флота приказал командиру Керченской ВМБ немедленно погрузить на железнодорожные платформы 54-й зенитный дивизион и направить его на Перекоп в распоряжение генерал-лейтенанта Батова.

В ночь на 26 сентября морская авиация в составе семи бомбардировщиков ДБ-2 и 24 гидросамолетов МБР-2 бомбила германские позиции на Перекопе и аэродромы Берислав, Шевченко и Чаплинка.

Днем двенадцать Пе-2 в сопровождении 22-х ЛаГГ-3 снова наносили удар по войскам противника на Перекопском перешейке. В районе Турецкого вала было выведено из строя 4 орудия, 3 автомашины, подавлена батарея и уничтожены 3 орудия полевой артиллерии и до двух взводов пехоты.

Фрайдорфская группа истребительной авиации бомбила и штурмовала войска противника на Перекопском перешейке и прикрывала наши войска, сделав 53 самолето-вылета. Были уничтожены 10 автомашин, батарея полевой артиллерии, 2 роты пехоты и сбит один Ю-87 противника. Наши потери: 4 самолета не вернулись с задания.

62-й авиаполк перебазировали с аэродрома Ейск на аэродром Кача.

С 13 ч. 30 мин. до 15 ч. 00 мин. авиация противника бомбила наши аэродромы Сарабуз, Кача и Евпатория. На аэродроме Сарабуз было убито 3 и ранено 12 человек, незначительно повреждены 2 ангара, выведены из строя 3 авиамотора и водомасляный заправщик, повреждены одни У-2 и трактор. На аэродроме Кача поврежден один МиГ-3.

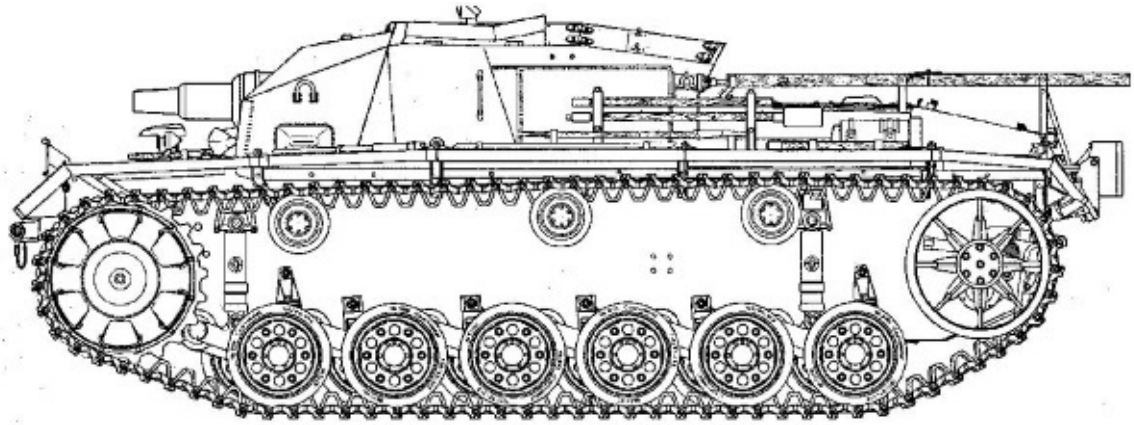
Писать о боях за Перекоп очень трудно. Немецкие источники, а также закрытые советские армейские источники и «Хроника…» дают три различные версии одних и тех же событий.

Вот, например, советская армейская версия. «С утра 28 сентября войска оперативной группы снова атаковали противника в районе Щемиловки и севернее Армянска. 5-й танковый полк своими боевыми порядками перевалил за Перекопский вал, перехватил дорогу Чаплинка – Армянск, имея задачей преследовать противника в направлении совхоза “Червоний чабан”. Он вел там бой с тридцатью танками противника[122], препятствуя переходу вражеских резервов через Перекопский вал. Наши стрелковые части и подразделения захватили часть Перекопского вала к

западу от старой крепости, но вынуждены были покинуть его. В ходе боев были зафиксированы свежие части немцев: пленные оказались из 65-го и 47-го полков 22-й пехотной дивизии, а также из 170-й дивизии 30-го армейского корпуса. В контратаках участвовали подошедшие средние танки противника (?!). Войска оперативной группы (кавалеристы, части Торопцева) отходили опять к Армянску. Несколько часов шел бой в районе кирпичного завода и кладбища. Эти пункты переходили из рук в руки. В кавалерийской дивизии остались исправными всего два орудия»[123].

Вариант морской: 28 сентября «в 17 ч. 30 м. немецкая авиация произвела массовый налет на наступающие части 172-й стрелковой дивизии и причинила им большой урон. В 18 ч. 00 м. противник контратаковал наши части шестью пехотными батальонами с танками (видимо, это были самоходки или попросту мираж. – А.Ш.) в направлении Деде и вынудил их отходить. Командующий Оперативной группой приказал отвести 271-ю и 172-ю стрелковые и 42-ю кавалерийскую дивизии в район Пятиозерья и перейти там к обороне»[124].

В воспоминаниях П.И. Батова постоянно фигурируют крупные танковые соединения. То он говорит о 100 танках у Армянска на 6 октября, то «вечером 19 октября 170-я пехотная дивизия немцев, с которой действовало более шестидесяти танков поддержки пехоты, вырвалась к устью Чатырлыка»[125].

Штурмовое орудие StuG III Ausf C/D – единственный образец германской бронетехники, который был у Манштейна, вошедшего в Крым

Увы, Павел Иванович, везде указывавший номера германских пехотных дивизий, нигде не указал названия танковых частей. Понятно, что такая же картина наблюдается и в других источниках: у Г.И. Ванеева, А.В. Басова, в «Хронике…» и т. д. То есть немецкие танки ходят по Крыму сами

по себе, без всякой организации, сбиваясь в стада по 50, 100 и более единиц.

Манштейн же утверждает, что танков у него не было. И действительно, к тому времени «Лейбштандарт Адольф Гитлер» был переброшен на Ростов, а для действий в Крыму Манштейн мог привлечь лишь два корпуса: 30-й в составе 22-й, 72-й и 170-й пехотных дивизий и 54-й в составе 46-й, 73-й и 50-й пехотных дивизий (треть 50-й пехотной дивизии еще была под Одессой).

У Манштейна в Крыму имелся лишь один легкий 190-й дивизион штурмовых орудий. В его составе было восемнадцать StuG III AusfC/D, то есть 7,5-см самоходных установок на шасси танка T-III. И лишь 3 ноября 1941 г. в состав немецкой группировки в Крыму вошел 197-й дивизион штурмовых орудий в составе 22-х StuG III Ausf C/D. Кроме того в румынских частях было несколько легких французских танков типа «Рено» времен Первой мировой войны.

В сентябре в расположение войск 51-й армии прибыл дивизион гвардейских минометов. Первое применение «катюш» в Крыму состоялось 30 сентября между озерами Красное и Старое. Как писал П.И. Батов: «И вот «катюши» сработали. Мощный залп. Огненные струи. Взрывы. Немцы побежали. Наши – тоже. Редкое зрелище “атаки”, когда обе стороны бегут друг от друга!

Пересекретничали. Надо было как-то оповестить людей переднего края, чтобы не пугались, если произойдет нечто неожиданное»[126].

30 сентября советские войска покинули Литовский полуостров, а 130-мм батарея № 124 была взорвана.

В ночь на 1 октября 61 гидросамолет МБР-2 бомбил войска противника на Перекопском перешейке и два гидросамолета ГСТ (советская копия летающей лодки «Каталина») аэродром в Чаплинке.

Днем двенадцать Пе-2 в сопровождении четырнадцати ЛаГГ-3 снова бомбили войска противника на Перекопском перешейке. По советским данным, уничтожено свыше батальона пехоты, 33 автомашины, 4 танка, полевая батарея трехорудийного состава, зенитное орудие и 3 бензоцистерны.

С начала октября до 16 октября германское командование производило перегруппировку своих войск, и на Крымском полуострове установилось временное затишье.

Манштейну удалось выбить себе подкрепление в виде 42-го корпуса в составе 132-й и 24-й пехотных дивизий, а также две румынские бригады: горную и кавалерийскую. С 21 сентября Манштейн перенес штаб 11-й

армии в здание правления колхоза «Аскания-Нова», которое находилось в 30 км к северо-востоку от Перекопа. Правление располагалось в центре огромного парка с ручьями и прудами, в которых гнездились цапли и фламинго. В парке паслись олени, лани, антилопы, зебры, зубры и т. д. Замечу, что этот райский уголок, созданный еще до революции, выбрал для размещения штаба и Фрунзе осенью 1920 г., готовясь к штурму Перекопа.

К началу октября состав советских войск изменился мало. Ишуньские позиции обороняла оперативная группа генерала Батова: справа 106-я и 271-я дивизии; в центре 156-я дивизия генерала П.В. Черняева, усиленная одним батальоном капитана С.Т. Руденко из 172-й дивизии и одним полком 321-й дивизии; на левом фланге – 172-я стрелковая дивизия.

3 октября маршал Б.М. Шапошников от имени наркома обороны приказал ускорить оборудование второго рубежа обороны по линии: Новый Букеж – Томашевка – Воинка и далее по реке Чатырлык. Туда же, в район Воинки, была направлена первая прибывшая из Одессы 157-я стрелковая дивизия полковника Д.И. Томилова.

Начальник Генштаба предлагал приступить к строительству третьего тылового оборонительного рубежа по линии: совхоз Тузлы-Шейх-Али – высота 27,7 – Менгермен – Саргил – Тайган – Ени-Крымчак – Андреевка – Камбары – Ашога-Джамин – Саки. По мнению многих инженеров-фортификаторов, предложенный рубеж через степную часть всего Крыма был очень невыгодным для обороны, особенно против превосходящих наши войска по маневренности германских частей.

9 октября последовало указание об ускорении строительства укреплений и в горных проходах: Старый Крым, Карасубазар, Шумхай, Бахчисарай, Симферополь, Ак-Манай.

Северо-восточную часть Крыма Ф.И. Кузнецов хотел оборонять войсками 9-го стрелкового корпуса (в составе 156-й, 271-й, 106-й, 277-й, 157-й стрелковых дивизий, 48-й кавалерийской дивизии и отдельного дивизиона гвардейских минометов капитана Небоженко) под командованием генерал-майора И.Ф. Дашичева.

Северо-западную часть Крыма должна была оборонять Приморская армия генерала И.Е. Петрова, в которую были включены 172-я, 25-я, 95-я стрелковые дивизии; 2-я, 40-я, 42-я кавалерийские дивизии; 51-й и 265-й артиллерийские полки и отдельный дивизион гвардейских минометов под командованием капитана Черняка.

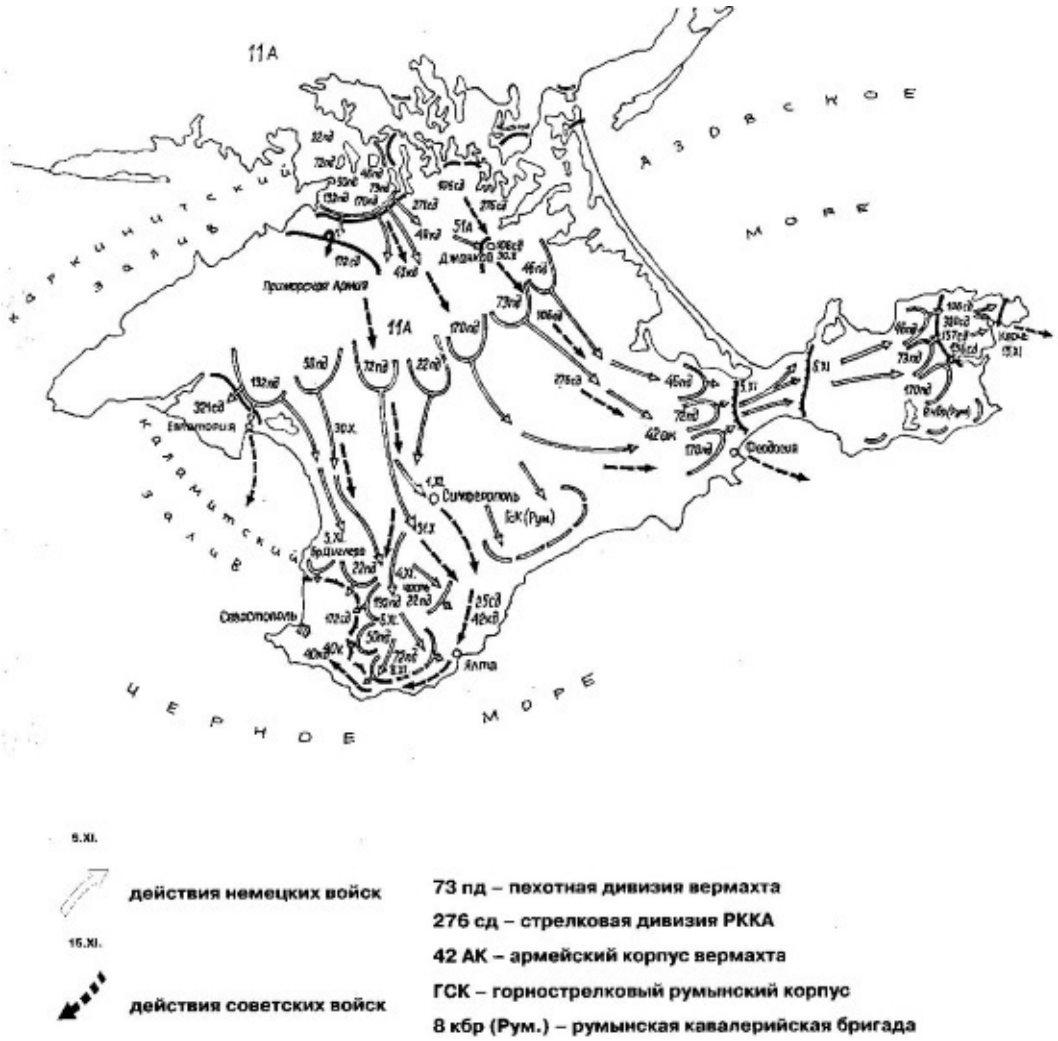
В непосредственном подчинении командующего войсками Крыма оставались 320-я, 184-я и 421-я (бывшая Одесская) стрелковые дивизии, 15-я бригада ПВО, 136-й запасный полк, 52-й гаубичный артиллерийский

полк и другие мелкие части. ВВС армии состояли из шести полков – 182-й, 247-й, 253-й истребительные, 21-й, 507-й бомбардировочные и 103-й штурмовой. Командовал ВВС армии генерал-майор Е.М. Белецкий.

18 октября в 5 часов утра германская артиллерия начала артиллерийскую подготовку на Перекопском перешейке. В дело были введены 21-см мортиры обр. 18, 15-см тяжелые гаубицы и реактивные 15-см минометы Nb.W.41. Через полчаса в наступление пошла германская пехота. Ширина перешейка позволяла ввести в бой только три дивизии 54-го корпуса – 73-ю, 46-ю и 22-ю, а 30-й корпус ждал, пока в ходе наступления будет занято достаточное пространство.

На вспомогательном чонгарском направлении удар с целью сковывания советских войск наносил румынский горнострелковый корпус (1-я горнострелковая и 8-я кавалерийская бригады).

Первый удар немцы нанесли по 106-й стрелковой дивизии, но она отбила все атаки. Затем последовал удар вдоль Каркинитского залива, где оборону держал 361-й пехотный полк 156-й дивизии. За ним на второй позиции по реке Чатырлык занимала оборону на широком 20-километровом фронте 172-я дивизия полковника Ласкина численностью 7 тыс. человек. Все три стрелковых полка 172-й дивизии были вытянуты в одну линию.

Бои за Крым (октябрь-ноябрь 1941 г.)

Группировка из пяти дивизий (106-я, 271-я, 157-я стрелковые, 48-я и 42-я кавалерийские), расположенная между Ишунем и Чонгаром, могла угрожать прорвавшемуся противнику на любом из двух направлений. В оперативной сводке за первый день боя Военный совет 51-й армии доносил, что враг вклинился в передний край обороны, понес большие потери.

К исходу 18 октября немцы заняли бромовый завод, деревню Асс и село «Участок № 8».

Флотская авиация делала все, что могла. В ночь на 18 октября 43 гидросамолета МБР-2 бомбили войска противника на Перекопском перешейке, шесть МБР-2 – аэродромы противника в селах Ново-Павловка, Чаплинка и Преображенка и три ГСТ – аэродром в селе Кульбакино, где предположительно был взорван минный склад, и возникло восемь пожаров.

В первую половину дня 23-х самолета Пе-2 в сопровождении десяти МиГ-3 снова бомбили немецкие войска на Перекопском перешейке. По советским данным уничтожено 10 танков, до пяти взводов пехоты и одна автомашина. Германским истребителем был подбит флотский бомбардировщик Пе-2, который сел горящим в расположение своих войск. Экипаж машины остался невредим.

В тот же день, 18 октября, в районе Балаклавы истребитель МиГ-3 таранил До-215, видимо, разведчик. Оба самолета рухнули в море, но наш летчик успел выброситься с парашютом и был спасен.

Во вторую половину дня шесть ДБ-3 и двенадцать Пе-2 в сопровождении пятнадцати МиГ-3, четырех ЛаГГ-3 и девяти Як-1 опять бомбили войска противника на Перекопском перешейке. По советским данным, в районе села Кара-Казак № 3 было «уничтожено предположительно до двадцати танков и 30–40 автомашин. Наши истребители прикрытия в воздушном бою сбили два Ме-109. Прямыми попаданиями бомб уничтожены две батареи, 35-тонный танк[127], два миномета и до трех взводов пехоты противника»[128].

Фрайдорфская группа истребительной авиации сделала 124 самолето-вылета по войскам противника на перекопском направлении и по аэродрому села Чаплинка. В воздушном бою было сбито шесть немецких самолетов, из них три Ме-109. Наши потери – три ЛаГГ-3.

С 10 ч. 55 мин. до 12 ч. 10 мин. авиация противника совершила интенсивный налет на район села Ишунь и группами от двух до пятнадцати самолетов бомбила станцию Джанкой. Пятнадцать Хе-111 бомбили район села Джаба.

Утром 19 октября на всем фронте Ишуньских позиций завязались ожесточенные встречные бои. Советские 157-я и 156-я стрелковые дивизии перешли в наступление с целью восстановить утраченные позиции, а немцы пытались развивать успех, достигнутый ими 18 октября. К исходу дня немцы ввели в бой 46-ю пехотную дивизию, а со стороны нашей 51-й армии была введена 48-я кавалерийская дивизия.

В результате боев 19 октября войска 51-й армии занимали положение:

106-я стрелковая дивизия закрепилась на рубеже: северо-западная и западная часть мыса с населенным пунктом Уржин Северный.

271-я стрелковая дивизия – на перешейке между заливом Сиваш и озерами Киятское, Круглое и Красное и выдвинула один батальон к селу «Участок № 9» для обеспечения правого фланга 157-й стрелковой дивизии.

157-я стрелковая дивизия к исходу дня удержалась на рубеже: южное

побережье озера Красное – южная окраина села «Участок №» – северная окраина села Ишунь.

48-я кавалерийская дивизия заняла рубеж, проходивший от северной окраины села Ишунь, по южной окраине села «Участок №» до Каркинитского залива.

156-я стрелковая дивизия, понеся большие потери, к исходу дня отступила разброшенными частями и собиралась в районе населенных пунктов Ишунь, Чигир и Ново-Павловка.

172-я стрелковая и 42-я кавалерийская дивизии оставались на южном берегу реки Чатырлык.

20 октября немцы ввели в бой 50-ю пехотную дивизию, доведя число дивизий на Ишуньских позициях до четырех. Наши источники трафаретно повторяют рассказ о ста германских танках. Видимо, танков у немцев не было, тем не менее, преодолевая упорное сопротивление наших 48-й кавалерийской и 157-й стрелковой дивизий, противник к 15 часам подошел ко второй оборонительной линии, а к вечеру занял село Ишунь и вклинился во вторую линию

Ишуньских позиций. Передовые немецкие части форсировали устье реки Чатырлык. К концу дня 156-я стрелковая дивизия была практически уничтожена.

В первую половину дня 20 октября девять МиГ-3 и девять ЛаГГ-3 звеньями бомбили позиции противника на Перекопском перешейке. Уничтожено 2 танка, 9 автомашин, 8 повозок и до двух взводов пехоты.

Во вторую половину дня восемь Пе-2 в сопровождении двадцати истребителей 51-й армии бомбили войска противника в районе села Ишунь. Уничтожены 4 танка, 7 автомашин, до 12 повозок и до двух взводов пехоты.

Фрайдорфская группа истребительной авиации, действуя по войскам противника на Перекопском перешейке, произвела 104 самолето-вылета, в которых было уничтожено и выведено из строя до 18 автомашин и до 750 человек пехоты. В воздушных боях сбито пять Ме-109. Наши потери составили один МиГ-3 и один И-5.

21—23 октября на перешейке продолжались упорные бои.

23 октября в 16 ч. 30 мин. в командование войсками Крыма вступил вице-адмирал Г.И. Левченко, назначенный на эту должность решением Ставки Верховного главнокомандующего от 23 октября 1941 г. Тем же решением Ставки заместителем командующего войсками Крыма по сухопутным частям был назначен генерал-лейтенант П.И. Батов. Заместителем командующего Черноморским флотом по вопросам обороны

главной базы был назначен контр-адмирал Г.В. Жуков.

24 октября войска Крыма были разделены на две группы: первая – 9-й стрелковый корпус в составе 276-й, 106-й, 271-й и 156-й стрелковых дивизий и 48-й кавалерийской дивизии; вторая – Приморская армия в составе 157-й, 172-й, 95-й, 25-й стрелковых и 2-й, 40-й и 42-й кавалерийских дивизий.

В соответствии с приказом по войскам Крыма № 0019 от 23 октября и с вводом в бой 95-й стрелковой дивизии и одного полка 25-й стрелковой дивизии Приморская армия в 9 часов утра 24 октября перешла в наступление по всему фронту, нанося главный удар в районе деревни Воронцовка. В задачу 9-го стрелкового корпуса входило прочно оборонять свои рубежи и контратаками содействовать продвижению Приморской армии.

Одновременно с наступлением наших частей противник также перешел в наступление. По всему фронту разгорелись ожесточенные встречные бои, протекавшие с неослабевавшим напряжением в течение всего дня. Особенно ожесточенные бои происходили в районах отметки 18,2 и населенных пунктов Чигир, Берды-Булат-Немецкий и Воронцовка. Части 9-го стрелкового корпуса удерживали свои позиции.

К исходу дня правый фланг Приморской армии отошел к северной окраине деревни Берды-Булат-Немецкий и к южной окраине деревни Воронцовка.

Левый фланг Приморской армии, продвинувшись вперед, вышел на рубеж: мост в 1 км юго-западнее Воронцовки, 1 км южнее населенных пунктов Биюк-Кичкари, Бой-Казак-Татарский и на запад до Каркинитского залива.

25 октября наши части продолжали наступление. Немцы упорно оборонялись. В итоге к концу дня 172-я стрелковая дивизия осталась на прежних позициях, а части 95-й стрелковой дивизии правым флангом вышли к деревне Берды-Булат-Немецкий и до исхода дня вели бой за овладение Воронцовкой. 2-я и 40-я кавалерийские дивизии и два полка 25-й стрелковой дивизии вели бой на прежних рубежах.

О событиях этого дня Манштейн писал: «25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе. Это был час, который, пожалуй, всегда был в подобных сражениях, час, когда решается судьба всей операции. Час, который должен показать, что победит: решимость наступающего отдать все свои силы ради достижения цели или воля обороняющегося к сопротивлению»[129].

К вечеру 25 октября Манштейн произвел перегруппировку войск 11-й армии: вместо обескровленных 73-й и 46-й дивизий бросил в наступление 72-ю, 170-ю и свежую 132-ю пехотные дивизии, из резервов был сформирован сводный отряд 54-го армейского корпуса. Манштейн хотел перебросить на свой правый фланг и

22-ю пехотную дивизию, но она была скована боями на Сиваше и освободилась лишь 28 октября.

Утром 26 октября немцы вновь перешли в наступление. 172-я стрелковая дивизия сразу начала беспорядочно отступать к югу. 95-я стрелковая дивизия держалась до 15 часов, а затем медленно начала отступление. 25-я стрелковая дивизия отбила атаки немцев и осталась на прежних позициях.

27 октября немцы продолжали наступление. Наши части к 18 часам остались на рубеже: южная окраина села Берды-Булат-Немецкий, село Мангит, деревня Дюрмен, деревня Каланчак, 1 км южнее села Биюк-Кичкары и на запад до Каркинитского залива. Все части Приморской армии понесли большие потери в личном составе. В полках насчитывалось от 200 до 500 человек. Управление войсками было нарушено. Появились блуждающие, разрозненные группы войск, не имевшие связи с командованием и потерявшие ориентировку.

Нависла непосредственная угроза прорыва фронта на левом фланге. По приказанию командования войсками Крыма части 9-го стрелкового корпуса, за исключением 276-й стрелковой дивизии, также начали отходить на новый рубеж обороны, проходивший по линии населенных пунктов Чучак Северный, Чучак Южный, Каранки, Керлеут Южный, Масниково, Воинка и Ново-Николаевка.

276-я стрелковая дивизия продолжала оставаться на прежних позициях, южнее города Геническ, южнее станции Сальков и по южному берегу залива Сиваш до хутора Пасурман.

28 октября советские войска начали повсеместно отступать. Уже утром Манштейну доложили, что на некоторых участках «противник исчез». Как писал А.В. Басов, «в это время командный пункт оперативной группы П.И. Батова находился в Воронцовке. Связь опергруппы со штабом армии в Симферополе часто нарушалась. С подходом Приморской армии оперативная группа Батова перестала существовать. 172-я стрелковая дивизия перешла в подчинение генерала Петрова, а остальные дивизии – в подчинение командира 9-го корпуса генерала Дашичева. Какой-либо передачи командования от Батова Петрову не было. К тому же связь с дивизиями была нарушена…»

Бывший командир 106-й дивизии генерал А.Н. Первушин восклицает в своих мемуарах: «Если бы в этот критический момент нам хотя бы одну свежую дивизию, хотя бы один танковый полк!.. тогда бы наступление немцев сорвалось»[130]. У командующего войсками Крыма были, хотя и недостаточно боеспособные, 184-я, 320-я, 321-я, 421-я стрелковые дивизии. На правом фланге располагалась 276-я дивизия генерала И.С. Савина, по существу неатакованная и не связанная боями[131].

Во второй половине дня 29 октября немцы обошли левый фланг Приморской армии, и к исходу дня их моторизованные колонны вышли в район село Айбары – село Фрайдорф, в 17 км юго-восточнее высоты 52,7 (правого фланга) и в 40 км южнее высоты 11,5 (левого фланга Приморской армии).

7-я бригада морской пехоты, находившаяся в резерве командования войсками Крыма и занимавшая позиции на третьем оборонительном рубеже в районе населенных пунктов Старый Кудияр, Айбары, Аджи, Атман, Тотман и совхоз Тогайлы, неожиданно для себя очутившаяся в районе движения немецких моторизованных частей, не смогла задержать их.

Вечером командование войсками Крыма приняло решение об отводе войск на третий, частично подготовленный рубеж, проходивший по Крымскому предгорью, через населенные пункты Окречь, Таблды, Челле и Саки.

В тот же день заместитель командующего Черноморским флотом по сухопутной обороне главной базы и начальник Севастопольского гарнизона контр-адмирал Жуков приказом № 02 ввел в Севастополе и его окрестностях осадное положение.

Вечером 30 октября Манштейн приказал 30-му армейскому корпусу в составе 72-й и 22-й дивизий как можно скорее захватить Симферополь и затем прорваться к Алуште, чтобы лишить советские войска возможности занять оборону по северным отрогам гор. 54-й корпус (50-я, 132-я пехотные дивизии, моторизованная бригада Циглера) направлялся по западной части полуострова через район Евпатория – Саки, чтобы затем с ходу захватить Севастополь. 42-му армейскому корпусу в составе 46-й, 73-й и 170-й пехотных дивизий было приказано стремительно продвинуться на Керченский полуостров с тем, чтобы упредить советские войска и не дать им возможность создать оборону на Ак-Манайских позициях и в конечном счете захватить порты Феодосия и Керчь. Горнострелковый румынский корпус в составе двух бригад двигался во втором эшелоне.

30 октября организованное сопротивление советских войск на севере Крыма прекратилось и началось повальное бегство. Кому мои слова покажутся слишком резкими, я отправлю к «Хронике… «По отдельным отрывочным сведениям, поступавшим в течение дня, было известно, что в 11 ч. 40 м. 45 автомашин с немецкой пехотой подошли к станции Карагут (10 км севернее Саки). Около 13 часов в районе деревни Икар (12 км севернее Евпатории) противник выбросил воздушный десант, и 40 человек этого десанта двигались к железнодорожной станции Евпатория.

В 13 ч. 10 м. по дороге вдоль западного побережья Крыма между деревнями Ивановка (16 км южнее Саки) и Николаевка, было обнаружено движение четырех танкеток, а в 13 ч. 30 м. по дороге из Евпатории в Симферополь прошли 12 танков противника. В 15 ч. 10 м. немцы заняли город Саки. В 16 часов из деревни Бурлюк по дороге на восток показались бронемашины противника. В 16 ч. 15 м. из штаба ПВО донесли, что противник перерезал шоссе между Симферополем и Евпаторией на 37-м км»[132].

31 октября немцы установили две артиллерийские батареи: в 2 км севернее железнодорожной станции Альма и в 1,5 км восточнее ее. Германские пушки начали обстрел железной дороги и шоссе, прервав сообщение между Симферополем и Севастополем. В частности, эти батареи в ночь на 1 ноября расстреляли наши бронепоезда № 1 iN№ 2[133], прорывавшиеся в Севастополь.

В связи с этим командование Приморской армии приказало своим частям пробиваться через горы. Узнав об этом, Манштейн приказал 132-й пехотной дивизии и моторизованной бригаде Циглера наступать на Севастополь, а 50-й пехотной дивизии повернуть на юго-восток и во взаимодействии с 30-м корпусом в горах севернее Ялты уничтожить Приморскую армию.

1 ноября передовые части 72-й пехотной дивизии вошли в Симферополь, а 124-й полк этой дивизии начал движение по шоссе к Алуште. Вскоре стала пробиваться в горы и далее к морю 22-я пехотная дивизия.

К исходу 3 ноября с занятием селений Шуры, Улу-Сала, Мангуш немцам удалось перехватить пути отхода советских войск. Штаб нашей армии в это время находился в Балаклаве. Генерал И.Е. Петров по радио приказал командиру 25-й дивизии генерал-майору

Т.К. Коломийцу возглавить отход соединений армии, продолжать движение к Севастополю кратчайшей дорогой через Керменчик, Ай-Тодор,

Шули, разгромив части противника, если они преградят путь.

4 ноября в 2 часа ночи под проливным дождем части 95-й стрелковой дивизии и передовой 287-й стрелковый полк 25-й дивизии атаковали немцев в селении Улу-Сала. В упорном бою был полностью разгромлен моторизованный отряд и 72-й противотанковый артиллерийский дивизион, захвачено 18 орудий противника, 28 пулеметов, до 30 автомашин, 19 мотоциклов.

4 ноября 421-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник С.Ф. Монахов, была выбита из Алушты 124-м пехотным полком 72-й пехотной дивизии.

4 ноября командующий войсками Крыма приказом № 1640 в связи с новой оперативной обстановкой в Крыму создал два оборонительных района – Керченский (КОР) и Севастопольский (СОР).

В состав Севастопольского оборонительного района были включены все части и подразделения Приморской армии, береговая оборона главной базы, все морские и сухопутные части и части ВВС Черноморского флота.

Командование сухопутными войсками и руководство обороной Севастополя было возложено на командующего Приморской армией генерал-майора Петрова, непосредственно подчиненного командующему войсками Крыма.

Заместителю командующего Черноморским флотом по сухопутной обороне Главной базы контр-адмиралу Жукову было приказано вступить в командование Главной базой.

В состав Керченского оборонительного района были включены все части и подразделения 51-й армии и сухопутные части Керченской военно-морской базы. Командование частями, действовавшими на Керченском полуострове, было возложена на генерал-лейтенанта Батова.

4 октября в 15 ч. 08 мин. в Ялтинский порт вошел сторожевой корабль «Петраш», имея на буксире минный заградитель «Гидрограф» (бывшее гидрографическое судно водоизмещением 1380 т). Вообще-то они, согласно «Хронике…» (с. 213), шли в Туапсе, но зачем-то зашли в Ялту. Через 10 минут туда же пришел и транспорт «Черноморец». В тот же день «Петраш» вывел на буксире «Гидрограф», но вскоре суда были атакованы германской авиацией. «Гидрограф» получил пробоину и через некоторое время затонул в 19 милях на восток от Ялты.

К вечеру 6 ноября в Ялту вошли 1330-й полк 421-й стрелковой дивизии, 7-я бригада морской пехоты и батальон 172-й стрелковой дивизии. Генерал Петров приказал командиру Ялтинского боевого участка комбригу Киселеву немедленно отправить на автомашинах в Севастополь один

батальон 7-й бригады морской пехоты, а остальной ее личный состав подготовить для переброски туда же морем. Людей иметь на причале в готовности к погрузке к 20 часам. В Ялту были направлены эсминцы «Бойкий» и «Безупречный».

25-я стрелковая дивизия (без 31-го и 54-го полков), 95-я и 172-я стрелковые дивизии частью сил сдерживали противника в районе села Коккозы, обеспечивая вывоз материальной части армии в Алупку, и частью сил продолжали движение на Южный берег Крыма. 40-я и 42-я кавалерийские дивизии находились на марше, чтобы занять в соответствии с приказанием Петрова оборону на рубеже деревня Саватка – высота 302,8 – гора Самналых и перекрыть все дороги, идущие в район Байдар.

54-й стрелковый полк 25-й дивизии оборонял высоту 1472,6 в 8 км северо-восточнее Ялты, не допуская прорыва противника к городу.

7 ноября в 3 часа ночи в Ялте была закончена погрузка войск 7-й бригады морской пехоты на эсминцы «Бойкий» и «Безупречный». Корабли приняли на борт около 1800 человек и в 3 ч. 40 мин. вышли из Ялты. На рассвете они прибыли в Севастополь.

421-я стрелковая дивизия, сформированная из погранвойск НКВД, трое суток удерживала Алушту и отступила лишь 4 ноября. К этому времени 48-я кавалерийская дивизия была вынуждена отойти из района Карасубазара на побережье в районе Куру-Узень – Алушта. Ее командир решил выбить немцев из Алушты и приморской дорогой прорваться в Севастополь. Однако предпринятая 5 ноября внезапная атака на Алушту не удалась.

Говоря о захвате немцами Крыма, нельзя не отметить бездеятельность огромного Черноморского флота. Сравнительно слабые немецкие части с ходу занимают Евпаторию, а затем движутся вдоль побережья Каламитского залива к Севастополю – вот уж лаковый кусочек для нашего флота! Колонны немцев могли быть стерты с лица земли огнем линкора, шести крейсеров, десятков эсминцев и канонерских лодок! Но, увы, увы…

Как уже говорилось, несколько советских дивизий отошли к Южному берегу Крыма. С моря весь Южный берег как на ладони, все дороги расположены на расстоянии 1–5 км от береговой черты и прекрасно видны с моря. Немцы же практически не имели артиллерии, способной вести огонь по морским целям на дистанции свыше 4 км. Численное превосходство в истребителях было на нашей стороне, а немцы имели всего лишь одну авиагруппу торпедоносцев Хе-111.

Посмотрим на карту Крыма и в Таблицы стрельбы корабельных орудий. Вот дальность стрельбы фугасным снарядом обр. 1928 г.: 305-мм

пушек линкора «Парижская Коммуна» – 44 км; 180-мм пушек крейсеров проекта 26–38,6 км; 130-мм пушек старых крейсеров и эсминцев – 25,7 км. Таким образом, линкор «Парижская Коммуна» (с 31 мая 1943 г. «Севастополь») мог обстреливать Симферополь как со стороны Каламитского залива, так и со стороны Алушты. Любая точка Крыма южнее Симферополя была в зоне досягаемости советской корабельной артиллерии. Наконец, боевые и транспортные суда и катера Черноморского флота позволяли осуществлять за несколько часов переброску наших частей как из Севастополя на Южный берег Крыма, так и в обратном направлении.

Десятки торпедных и сторожевых катеров, буксиров, рыболовных сейнеров и т. д. могли без особых проблем брать людей прямо с необорудованного побережья Южного берега Крыма. Да и температура воды позволяла даже вплавь добраться до судов. Вспомним эвакуацию британской армии в Дюнкерке, когда англичане бросили к необорудованному побережью все, что могло плавать – от эсминцев до частных яхт. Пусть погибло несколько эсминцев, но армия была спасена. А у нас с 1 октября по 11 ноября 1941 г. не только не был потоплен, но даже не был поврежден ни один корабль.

Неужели нашим титулованным военным историкам не понятно, что уставшим солдатам куда труднее через горы пробиваться к Севастополю и побережью Южного берега Крыма, нежели быть принятыми на борт кораблей и катеров и через несколько часов прибыть в Севастополь. Почему же их бросили?

Сразу после прорыва немцев на Перекопе адмирал Октябрьский принимает важное решение. В 17 часов 28 октября он садится на эсминец «Бойкий», и через 10 минут эсминец под адмиральским флагом выходит в открытое море. Как не вспомнить адмирала Макарова, который поднял свой флаг на самом легком и быстроходном крейсере «Новик» (ненамного больше «Бойкого») и отправился на перехват японских крейсеров.

А куда же направился наш адмирал? В Поти! Для обхода портов Кавказского побережья с целью их подготовки к приему кораблей на базирование.

Вернулся адмирал в Севастополь лишь 2 ноября. Риторический вопрос: а не могли ли это сделать несколько штабных офицеров? Сели бы на гидросамолеты ГСТ или на сторожевые катера МО-4 и провели спокойно подготовку. Я уж не говорю о том, что это можно было сделать на несколько недель раньше.

И вот прямо из рубки «Бойкого» у берегов Кавказа Октябрьский шлет

телеграмму начальнику штаба флота «вывести из Севастополя: линкор «Парижская Коммуна», крейсер «Ворошилов», учебный корабль «Волга» и дивизион подводных лодок – в Поти; крейсер «Молотов» – в Туапсе; лидер «Ташкент» и один-два эскадренных миноносца типа «Бодрый», эсминец «Свободный» и два сторожевых корабля с группой работников штаба Черноморского флота отправить на Кавказ.

В Севастополе приказано оставить охрану водного района главной базы, два эскадренных миноносца типа «Незаможник», два-три эскадренных миноносца типа «Бодрый», два старых крейсера и дивизион подводных лодок 1-й бригады; в Балаклаве оставить дивизион подводных лодок 2-й бригады»[134].

И уже в 23 ч. 32 мин. 31 октября линкор «Парижская Коммуна» в охранении крейсера «Молотов», лидера «Ташкент» и эсминца «Сообразительный» вышли из Севастополя и направились в… Батуми.

Итак, старый линкор, не сделав ни одного выстрела для защиты Одессы и Крыма, отправился в самый дальний угол Черного моря. Зачем? Может, для защиты столь важного порта?

3 ноября из Севастополя в Туапсе ушли крейсер «Красный Крым», эсминцы «Бодрый» и «Безупречный».

4 ноября начальник штаба Черноморского флота объявил по флоту, что побережье от Ялты до мыса Чауда занято противником. Ну, казалось бы, настало время для расстрела корабельной артиллерией немцев и румын, зажатых на 2—5-километровой полосе между морем и горами от Ялты до мыса Чауда? Вовсе нет. В объявлении об обстреле немцев ни слова. Далее следовало: «Ввиду этого всем судам запрещалось плавание между этими пунктами севернее широты 44°00′. Крупным кораблям и транспортам при плавании между портами Кавказского побережья и Севастополем надлежало отходить от берега вплоть до параллели 43°»[135].

Напомню, что до 12 ноября 1941 г., когда наши войска уже были выбиты с Южного берега Крыма, потерь от вражеской авиации наши корабли в Севастополе и у берегов Крыма не имели. В Севастополе к этому времени авиацией были потоплены 21 августа несамоходная баржа СП-81 вместимостью 1021 брт[136] и 1 октября моторная шхуна «Декабрист» (100 брт). Так что нахождение кораблей в главной базе флота было вполне возможно.

Другой вопрос, что адмирала Октябрьского напугали события 27 октября в Керчи. Местное начальство собрало у мола Широкого 50 вагонов с боеприпасами для 51-й армии, с 1430 выстрелами корабельных 130-мм

пушек, а также с имуществом ВВС (2000 бомб ФАБ-100, 3200 бомб ФАБ-50 и 2000 реактивных снарядов). Рядом еще поставили баржу с боеприпасами.

С 14 ч. 22 мин. до 15 ч. 05 мин. 13 германских самолетов бомбили Керчь. Одна из бомб попала в баржу с боеприпасами. От ее взрыва сдетонировали эти 50 злополучных вагонов. Широкий мол и рядом стоявшие корабли были уничтожены. Помимо боеприпасов, погибло 3000 т зерна, большое количество угля и разных товаров. Погибли 30 гражданских лиц и ранены 65. Без вести пропали 13 краснофлотцев. Затонули тральщик ТЩ-507 «Делегат» (2010 т; две 45-мм пушки, три 12,7-мм пулемета), буксир «Володарский», болиндер «Енисей» (450 т), баржи «Туапсе», Б-37 и Б-52.

Надо ли говорить, что керченская трагедия стала результатом не столько действий люфтваффе, сколько следствием преступной халатности керченских властей.

Глава 5
Кригсмарине на Черном море

Переброска германских ВМС на Черное море не предусматривалась планом «Барбаросса». Но уже в первые месяцы войны германские генералы осознали, что захватить Крым и Кавказ без кригсмарине им не удастся.

Пройти через Босфор итальянские линкоры и германские подводные лодки могли только в воспаленных головах советских адмиралов. Поэтому для переброски подводных лодок и надводных судов немцам пришлось искать иные пути.

Проект переброски малых подводных лодок серии IIB немцы закончили в декабре 1941 г. В основу проекта был положен опыт германо-американской нефтяной компании DAPG (Deutsch-Amerikanischen Petroleum Gesellschaft), которая водно-шоссейным путем перевезла в Румынию несколько небольших танкеров для снабжения нефтепродуктами германских войск.

Переброска лодок начиналась в Киле. Оттуда на специальных понтонах с малой осадкой подводные лодки предполагалось буксировать по каналу «Кайзера Вильгельма» до Гамбурга, далее по Эльбе до Дрездена. Там лодки с понтонов перегружались на сухопутные трейлеры. Затем трейлеры двигались 450 км по шоссе до Ингольштадта на Дунае. Там лодки перегружали в такие же понтоны с малой осадкой и буксировали по Дунаю до города Линца (первая группа подводных лодок) или до города Галаца (вторая группа лодок). В этих городах лодки отсоединялись от понтонов и на буксире, а то и своим ходом доставлялись в порт Сулина. Оттуда, уже по Черному морю, лодки шли к месту базирования – в Констанцу.

Для проведения этой операции была создана специальная группа численностью 600 человек. В нее входили инженеры, водители, связисты, представители дорожной полиции и другие подразделения. Транспортные и вспомогательные средства включали в себя тяжелые тягачи, специальные многоосные 60-тонные платформы, грузовые автомашины – топливозаправщики, машины связи, походные мастерские и др.

Для переброски предназначались шесть подводных лодок типа ПВ. Их разделили на две группы. В первую группу входили лодки U-9 (командир Клапдор), U-19 (Оленбург) и U-24 (Ландт-Хайсн); во вторую U-18

(Фляйге), U-20 (Графен) и U-23 (Арсендт).

Водоизмещение подводных лодок типа ПВ составляло 279/329 т, максимальная скорость хода13/7 узлов. Дальность плавания 1800 миль (12 уз.) / 43 мили (4 уз.) [137]. Глубина погружения 80 м. Экипаж 25 человек. Торпедное вооружение: два носовых и один кормовой 53-см торпедный аппарат, боекомплект 6 торпед. Артиллерийское вооружение с начала 1942 г. – спаренный 2-см зенитный автомат.

Переброска первой группы лодок началась в конце марта 1942 г., после схода льда на Эльбе и Дунае. В Киле лодки были максимально разгружены. С них сняли прочные рубки и их ограждения, дизели и другое крупногабаритное оборудование энергетических установок, выгрузили аккумуляторные батареи, торпеды, твердый балласт, откачали все жидкие грузы.

Для уменьшения общей высоты корпуса лодки были положены на борт. К каждой лодке прикрепили по 10 соединенных между собой специальных понтонов (по пять с каждой стороны). Общая грузоподъемность понтонов была рассчитана таким образом, чтобы при ширине каждого понтона 3,1 м и высоте 1,4 м предельная осадка после погрузки лодки не превышала 1,23 м.

В Дрездене каждую лежащую на понтонах лодку перегружали на две специальные платформы для перевозки по шоссе. Две платформы с лодкой буксировались четырьмя тягачами мощностью по 150 л.с., сцепленными цугом либо попарно. Заправка тягачей и смена водителей производились на ходу для исключения возникающих с остановками проблем – начала совместного движения и обеспечения синхронности работы машин. Самыми сложными были проходы по мостам и виадукам, тут от водителей тягачей требовалась ювелирная точность управления. Все мосты и виадуки перед проходом автопоезда были обследованы и при необходимости реконструированы. Путь в 450 км от Эльбы до Дуная автопоезд проходил за 56 часов со средней скоростью 8 км/ч.

В Ингольштадте лодки вновь перегружали на мелкосидящие понтоны, которые буксировались вниз по Дунаю.

Первая группа лодок прибыла в город Линц. Там начались восстановительные работы. Каждую лодку ставили на ровный киль, затем вводили в док, где через монтажный люк позади ограждения рубки устанавливали на место ранее снятое оборудование энергетической установки. Грузили аккумуляторы, твердый балласт, крепили на штатное место прочную рубку и ее ограждение, навешивали гребные винты. Такие же восстановительные работы проводились со второй группой лодок в

Галаце. Затем лодки своим ходом шли по Дунаю до Сулины, а оттуда – в Черное море.

С момента начала демонтажа оборудования и до ввода в строй подводной лодки проходило 10 месяцев. Последняя лодка (U-20) пришла в Констанцу в июле 1943 г.

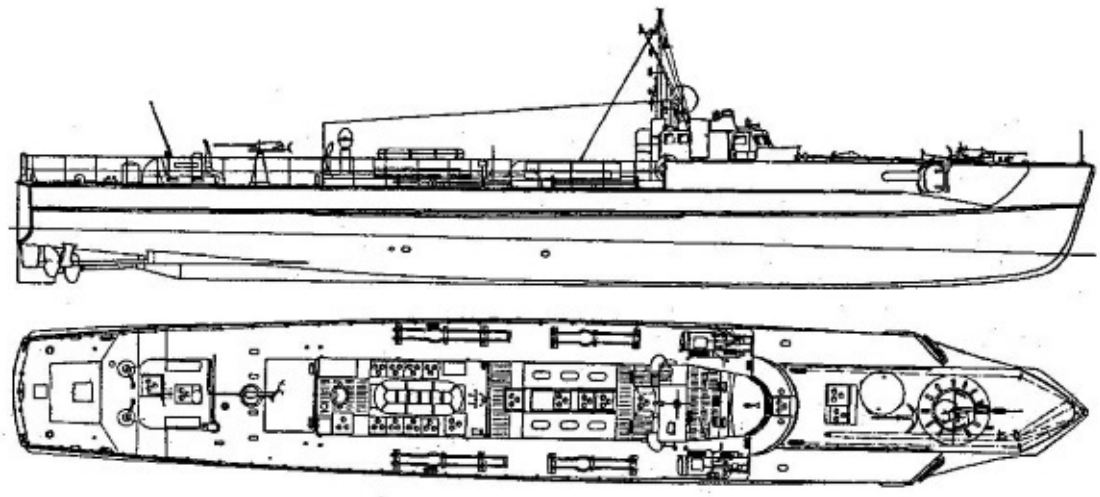
В декабре 1941 г. командование кригсмарине решило отправить на Черное море 1-ю флотилию торпедных катеров под командованием корветтен-капитана Хеймута Бирнбахера. Флотилия состояла из 6 катеров (S-26, S-27, S-28, S-40, S-102, построенных в 1940–1941 гг.) и S-72, вступившего в строй 3 февраля 1942 г.

С катеров сняли вооружение и дизели и на буксире отвели вверх по Эльбе до Дрездена. Там катера перегрузили на большегрузные четырехосные платформы. Каждая платформа буксировалась тремя мощными тягачами. Получившийся поезд весил 210 т и мог передвигаться со скоростью не более 5–8 км/ч 450-километровый путь до Ингольштадта поезд должен был пройти за 5 дней.

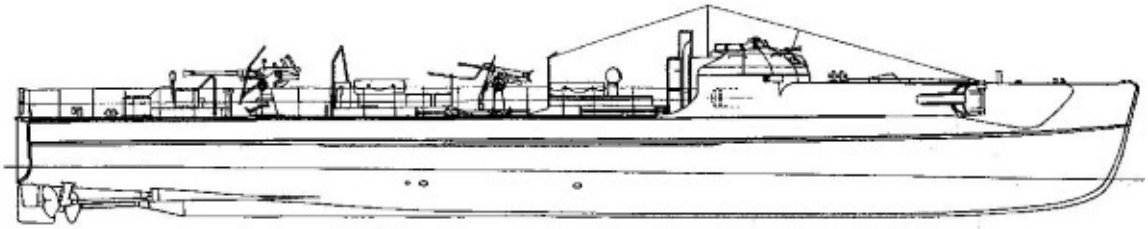
В Ингольштадте катера спускались на воду и буксировались по Дунаю до Линца. Там на местной верфи с помощью специалистов фирмы «Люрссен» устанавливалась часть оборудования. А на верфи в Галаце на катера монтировались моторы. Затем катера уже своим ходом шли в Констанцу, где на них устанавливались вооружение и приборы.

Переброска катеров прошла без происшествий, и к 1 июня 1942 г. в Констанце уже находилось два полностью боеспособных катера – S-26 и S-28.

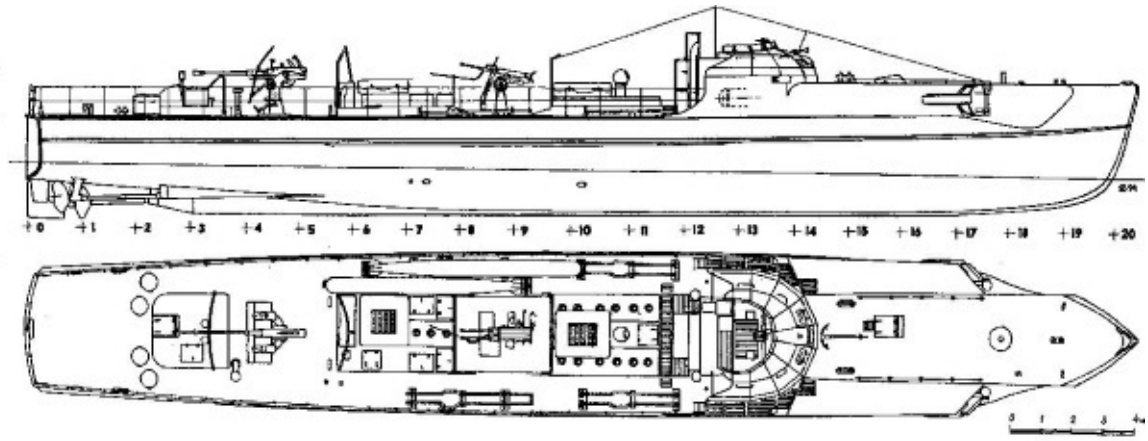
На Черном море немцы использовали исключительно торпедные катера типа S-26. Катера эти начали строиться в 1938 г. фирмой «Люрссен». Стандартное водоизмещение катеров 93 т, полное 112–117 т; длина 35 м, ширина 5,28 м, осадка 1,67 м. Три дизеля фирмы «Даймлер Бенц» общей мощностью от 6000 до 7500 л. с. позволяли развивать скорость 39–40 уз. Дальность плавания 700 миль при 35-узловом ходе. Вооружение: торпедное – два трубчатых 53-см торпедных аппарата; артиллерийское – два 2-см зенитных автомата с боекомплектом 6000 выстрелов, а с катера S-100 начали устанавливать по одной 4-см пушки Бофорс (4 cm Flak.28) с боекомплектом 2000 выстрелов и по одному 2-см автомату (3000 выстрелов). Экипаж катера от 24 до 31 человека.

Германский торпедный катер типа S-26

Германский торпедный катер S-100

Торпедный катер S-100с бронированной рубкой

Катера имели высокий полубак, что обеспечивало им хорошую мореходность. Конструкция корпуса была смешанная – металл и дерево. Начиная с катера S-100, рубка и рулевой пост получили броню толщиной 10–12 мм. РЛС германские катера, действовавшие на Черном море, не имели.

В конце 1942 г. – начале 1943 г. на Черное море также были переброшены германские торпедные катера S-42, S-45, S-46, S-47, S-49, S-51 и S-52, которые были закончены постройкой в марте – августе 1941 г.

Весной 1942 г. немцы приобрели у румын судно «Романия», которое было введено в строй 6 декабря 1942 г. в качестве плавбазы германских торпедных катеров.

Для борьбы с минной опасностью на Черном море и Нижнем Дунае немцы в 1942–1944 гг. по Дунаю туда доставили 20 катерных тральщиков типа R (R-30, 35, 36, 37, 163, 164, 165, 166, 196, 197, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 216, 248 и 251).

Водоизмещение катерных тральщиков составляло 110–125 т. Два дизеля общей мощностью 1836 л. с. позволяли развивать максимальную скорость хода 20–21 уз. Запас топлива 10 т обеспечивал дальность плавания 1000–1100 миль при 15-узловом ходе. Катера-тральщики R-248 и R-251 представляли некоторое исключение. Они имели водоизмещение 140 т и один мощный дизель (2550 л.с.). Артиллерийское вооружение катеров-тральщиков состояло из одного 3,7-см автомата и от двух до шести 2-см зенитных автоматов. Экипаж 34–38 человек.

Катера-тральщики типа R помимо прямого назначения использовались в качестве сторожевых и противолодочных судов.

По заказу германского командования в Болгарии, на верфи в Варне, было заложено 29 катеров-тральщиков типа KFK. Их водоизмещение составляло 103 т; длина 23 м, ширина 6 м, осадка 1,2 м. Дизель мощностью 120 л. с. позволял развивать скорость до 12 уз. Вооружение состояло из одного 3,7-см автомата и четырех 2-см зенитных автоматов. Однако до занятия Варны Красной Армией в строй удалось ввести только 5 катеров-тральщиков (KFK-1 – KFK-5). Остальные находились в различной степени готовности. Позже все эти катера в качестве катеров-тральщиков были включены в состав Черноморского флота.

Первыми же германскими судами, появившимися на Черном море еще в начале осени 1941 г., были паромы типа «Зибель», названные в честь полковника люфтваффе Зибеля, спроектировавшего эти плавсредства. В документах их именовали SF (Sicbel-Fahren).

Десантные корабли типа «Зибель» начали строиться с 1940 г. Они представляли собой паром, состоявший из двух стальных барж, соединенных деревянной платформой. Каждая баржа состояла из восьми отдельных секций (отсеков), что обеспечивало их перевозку по железной дороге и повышало живучесть. В центре парома размещались боевая рубка и помещения для офицеров, защищенные 10-мм броней (см. табл. 2).

Таблица 2

Данные паромов типа «Зибель»

№ серии	I—III, VI	IV, VII, X	V	VIII, IX
Водоизмещение, т	130	150	230	90
Длина, м	25	26,6	32,3	27,3
Ширина, м	13,9	14,06	14,7	14,15
Осадка, м	1,2	1,2	1,75	1,2
Мощность двигателей, л.с.	420	500	420	280
Скорость хода максимальная, уз.	6,6	8	11,0	7,4
Запас топлива, т	3,0	-	3,3	4,6
Дальность плавания	6/6,6	-	334/10	285/10
миль / скорость, уз.				
Полезная нагрузка	60 т	65 т или 300 чел.	36 т или 30 мин.	65 т или 300 чел.

Вооружение паромов типа «Зибель» постоянно менялось. Обычно в транспортном (десантном) варианте на них стояло от 2 до 6 зенитных автоматов калибра 1,5 см, 2 см и 3,7 см. Наиболее сильное вооружение было на пароме SF V серии: три 8,8-см универсальные пушки, восемь 2-см автоматов.

В советское время с легкой руки наших историков за грязеотвозными шаландами, обращенными в 1941 г. в канонерские лодки, закрепилось название «линкоры Ладоги». А вот германские быстроходные транспорты типа F (или, как их часто называли, MFP) стали на Черном море и линкорами, и охотниками за подводными лодками, и транспортами, и десантными кораблями, и сторожевыми кораблями, и минными заградителями и т. д. Это был крайне удачный тип судна. Свыше 140 судов F оказали большое влияние в битве за Черное море. В советских источниках быстроходные транспорты F называли большими десантными баржами.

Они представляли собой плоскодонные баржи с двойным дном и пятью водонепроницаемыми отсеками. В носовой части имелась опускаемая аппарель для погрузки и выгрузки самоходной техники, а в бортах пять портов для десантников. Борта и рубка десантного корабля имели 20-мм бронирование. Мореходность транспортов типа F достигала 5 баллов. Кроме перевозки и высадки десанта эти плавсредства могли применяться для постановки мин. Транспорт мог принять 52 мины.

Транспорты типа F строились на многих верфях Германии и ее

союзников. Они имели ряд модификаций.

Транспорт основной модификации «А» имел водоизмещение 280 т; длину 47 м, ширину 6,53 м и осадку 1,45 м. Двигательная установка была в двух вариантах: два дизеля по 600 л.с. и один 130 л.с. или три дизеля по 130 л.с. Максимальная скорость составляла 10,5 уз. / 7,5 уз. Запас топлива 3060 т / 5015 т. Соответственно, дальность хода 501 миля (10,5 уз.) / 1075 миль (7,5 уз.)[138].

Вооружение также было в нескольких вариантах: одна 7,5-см пушка с боекомплектом 200 выстрелов и один 2-см автомат (2080 выстрелов) или два 2-см автомата (4160 выстрелов).

Транспорт мог перевозить 105 т груза или 200 человек.

В годы войны этим транспортам приходилось перевозить даже трофейные танки КВ.

Особенно интересно то, что транспорты типа F, имея малую осадку, без проблем ходили по Дунаю (по крайней мере до Линца), а сравнительно хорошая мореходность позволяла им ходить по всему Черному морю. Турки их свободно пропускали через Проливы, хотя это были суда военной постройки и на всех морях они ходили под военно-морскими флагами. Поэтому многие транспорты типа F, построенные в Варне и Линце, воевали в Эгейском и Средиземном морях, а построенные в Палермо – на Черном море.

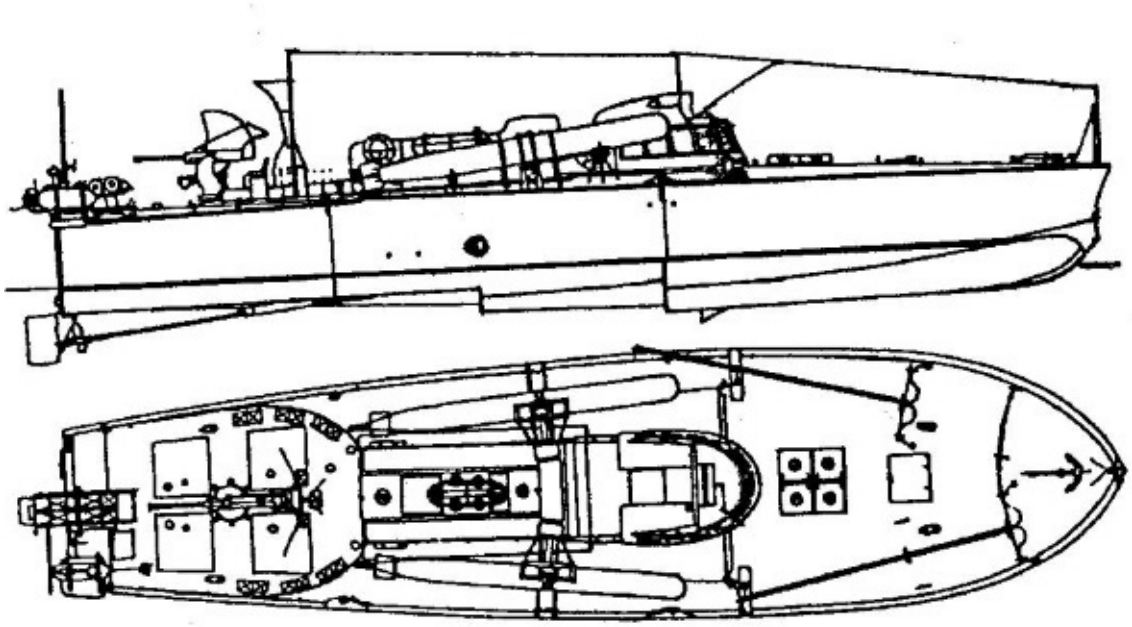
Глава 6
Необыкновенные приключения итальянцев в России

Участие итальянцев в боевых действиях на Черном море не изменило общей картины войны, но имело столь «экзотический» характер, что я решил выделить это в отдельную главу.

Неудачи немцев в Крыму заставили их обратиться к итальянцам. 14 января 1942 г. итальянский адмирал Рикарди подписал с ними соглашение, в соответствии с которым «легкие итальянские силы» будут привлечены к содействию немецким ВМС на Ладоге и Черном море. И действительно, на Ладогу были переброшены итальянские катера MAS-526—529.

На Черное море было решено послать 6 торпедных катеров MAS, 5 торпедных катеров типа MTSM, 5 взрывающихся катеров MTM и 6 сверхмалых подводных лодок типа СВ. Командующим этими силами на Черном море был назначен капитан 1 ранга Милебелли.

Почему же дуче не отправил на Черное море крупные надводные корабли? Адмирал Марк-Антонио Брагадин утверждает, что из-за уважения к конвенции Монтрё[139]. Но это лишь полуправда. Конечно, проход итальянских линкоров через Проливы мог вызвать большие проблемы с Турцией. Но турок можно было бы и надуть, послав в Черное море невооруженные быстроходные суда, ну, к примеру, продав их подставным турецким и болгарским фирмам. А те попросту перепродали бы их Румынии, там бы суда вооружили и т. д.

Итальянский торпедный катер MAS

Но, как уже говорилось, супермарине в конце 1941 г. не справлялся со своими задачами на Средиземном море и физически не мог выделить хоть сколько-нибудь полноценных боевых кораблей на другие театры военных действий.

Совсем другое дело – штурмовые средства. В предвоенное время им в Италии уделялось гораздо больше внимания, чем в любой другой стране. Что же представляла из себя итальянская экзотика?

В Италии, как и в СССР в 1930-х годах увлеклись созданием малых скоростных катеров реданного типа. И, как и у нас, «сапоги начал тачать пирожник». Только в роли Туполева выступил генерал авиации Амедео д’Аоста. По его мнению, сразу же после начала военных действий следовало на летающих лодках доставить к базам противника маленькие быстроходные катера, несущие заряд взрывчатого вещества. Эти катера после спуска их на воду должны были проникать в порт и производить атаку кораблей противника. Атаку следовало прикрывать ударом авиации, отвлекающей внимание средств обороны.

По проекту герцога в 1936 г. на верфи «Baglietto» было построено два экспериментальных реданных глиссера МАТ водоизмещением около 1 тонны, длиной 5 м, имевших скорость 32 узла. По результатам их испытаний проект был доработан и получил название МТМ. В 1938–1941 гг. итальянцы построили 28 взрывающихся катеров этого типа.

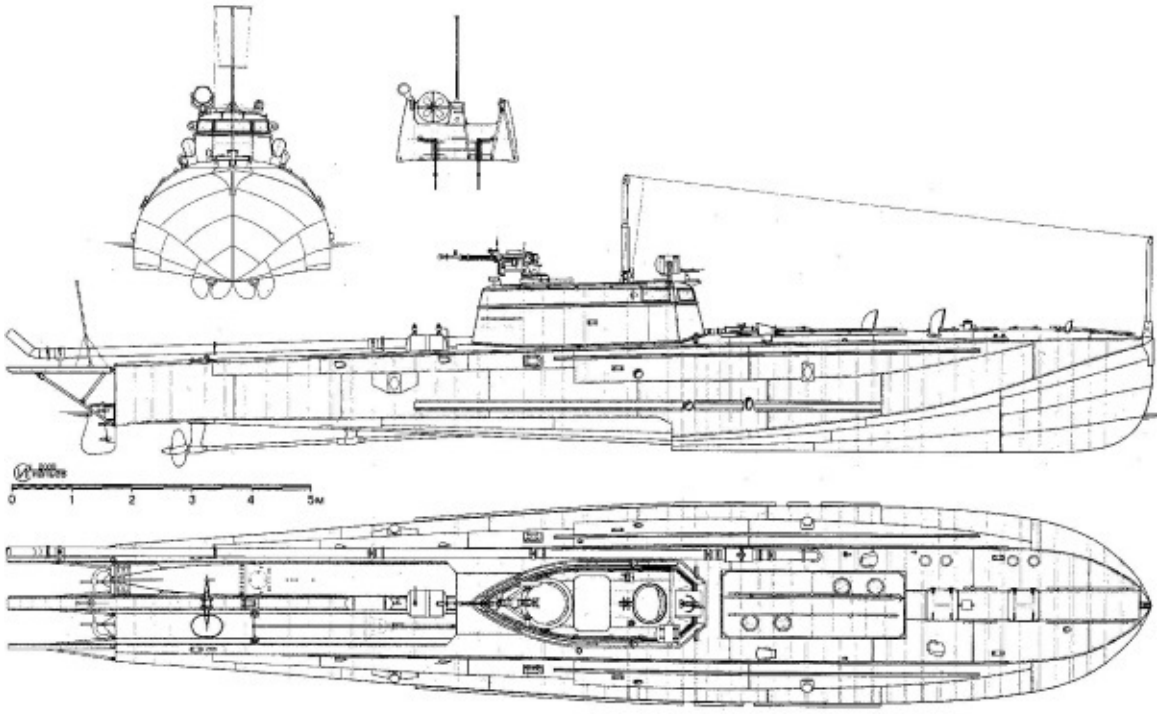
Катер МТМ имел водоизмещение 1 т, размер 5,6 х 1,9 м. Корпус катера

представлял собой деревянный набор, обтянутый плотным брезентом. Катер снабжался бензиновым мотором мощностью 95 л. с., который позволял развивать скорость до 33 узлов. Топлива хватало на 5 часов полного хода. Комбинированный винт-руль составлял внешний блок, как у подвесного мотора. При преодолении заграждений, чтобы не задеть их, он легко поднимался. В передней части катера находился заряд взрывчатого вещества весом в 300 кг с ударным и гидростатическим взрывателями.

Катером управлял один человек. Осторожно преодолев препятствия и противоторпедные сети, он определял курс к объекту атаки и наводил на него катер. Затем давал полный ход, закреплял руль и тотчас выбрасывался в море. Чтобы не быть в воде в момент взрыва, он быстро взбирался на спасательный деревянный плотик, служивший на катере заспинной доской. Плотик этот водитель катера выбрасывал в море поворотом рычага, перед тем как покинуть катер.

Катер, продолжая свой путь, ударялся о цель, в результате чего взрывались пороховые заряды, расположенные кольцом вокруг корпуса катера, разрезая катер надвое. Кормовая часть отделялась от носовой и быстро тонула. В то же время носовая часть с основным зарядом, достигнув установленной глубины, равной осадке корабля, взрывалась под действием гидростатического давления. От взрыва в подводной части корабля образовывалась большая пробоина.

В ночь на 26 марта 1941 г. шесть катеров МТМ атаковали британские корабли в бухте Суда на острове Крит. Все шесть катеров успешно преодолели три ряда боновых заграждений и взорвали английский тяжелый крейсер «Йорк» и три торговых судна (водоизмещением 32 тыс. т). Любопытно, что английские адмиралы, как позже и советские, попытались скрыть от собственного населения причины гибели крейсера, заявил, что его-де потопила 22 мая 1941 г. германская авиация. На самом деле германские бомбардировщики лишь разворотили корпус «Йорка», лежавшего на грунте на небольшой глубине. Интересно и то, что все шесть водителей взрывающихся катеров сумели вовремя выброситься за борт и взобраться на плотики. Затем все они попали в плен к англичанам.

Советский торпедный катер типа Г-5

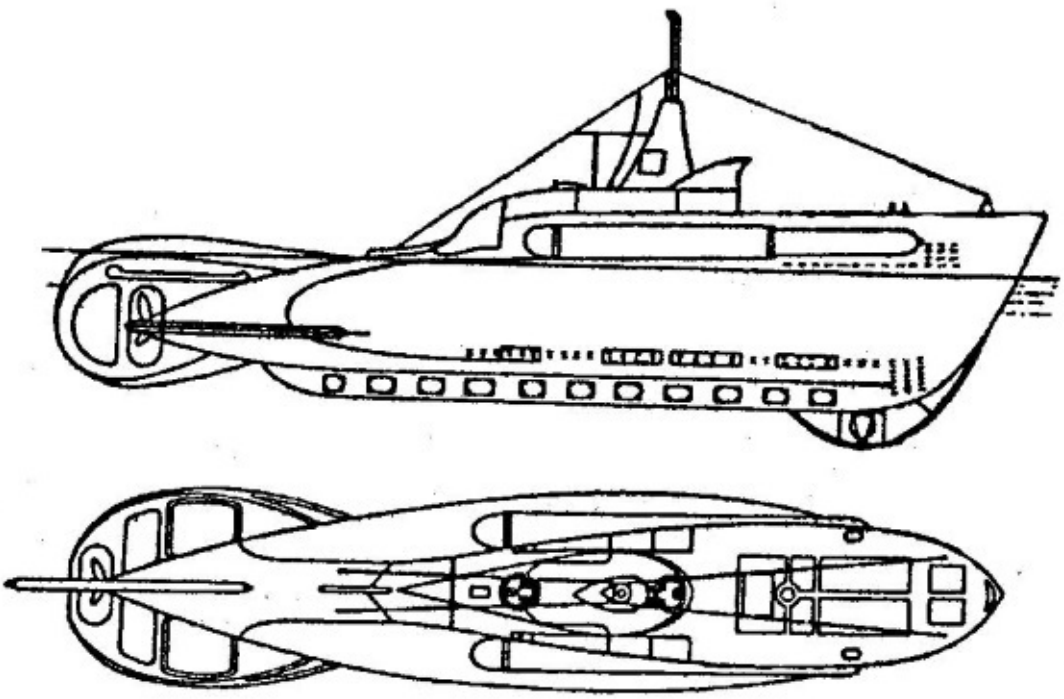
На базе взрывающихся катеров МТМ фирмы «Baglietto» итальянцы в 1941–1942 гг. приступили к строительству сверхмалых торпедных катеров MTSM. Водоизмещение катера возросло с 1 т до 3 т, а длина достигла 7 м, ширина 2,3 м и осадка 0,6 м. Два бензиновых мотора общей мощностью 190 л. с. позволяли развивать скорость до 32 узлов. Дальность хода достигала 200 миль. Экипаж 2 человека. В кормовой части катера находился желобковый 45-см торпедный аппарат, из которого торпеда выбрасывалась назад, как в английский торпедных катерах Первой мировой войны и советских катерах Ш-4 и Г-5. При необходимости вместо торпеды в желобе можно было разместить две глубинные бомбы.

Итальянские торпедные катера типа MAS и подводные лодки типа СВ, посланные на Черное море, некоторые морские историки также относят к штурмовым средствам. Но на самом деле они занимали какое-то промежуточное положение между штурмовыми средствами и нормальными (например, германскими) торпедными катерами и подводными лодками.

Торпедные катера MAS-555—576 были построены той же фирмой «Baglietto» в 1941 г. Их стандартное водоизмещение составляло 27,8 т. Корпуса катеров были деревянные. Габариты: длина 18,7 м, ширина 4,6 м, осадка 1,4 м. Двухвальный бензиновый мотор «Изот-то-Фраскини» мощностью 2300 л. с. позволял развивать скорость до 43 узлов. Запас

бензина 1,25 т. При 42-узловом ходе дальность составляла 350 миль. Но на катерах были размещены и два бензиновых мотора «Альфа-Ромео» экономического хода мощностью по 80 л.с. Благодаря им при 6-узловом ходе дальность возрастала до 1100 миль, что было особенно важно в условиях Черного моря.

Вооружение состояло из двух 450-мм торпед, размещенных на торпедных аппаратах бугельного типа, как на наших катерах Д-3 и СМ-3. На корме имелся один 20/65-мм итальянский зенитный автомат. Вместо торпед катер MAS мог взять 10 глубинных бомб. Экипаж катера 13 человек.

Итальянская сверхмалая подводная лодка типа СВ

Сверхмалые подводные лодки СВ-1 – 6 были построены в 1941 г. фирмой «Капрони Талиедо» в Милане. Их надводное водоизмещение составляло 36 т, а подводное 45 т. Длина 15 м, ширина 3 м, а осадка 2,05 м. Надводный ход в 7,5 уз. обеспечивал дизель «Изот-то-Фраскини» мощностью в 80 л. с., а подводный ход в 6,5 уз. – электромотор «Браун Бовери» мощностью 50 л. с. Дальность надводным 5-узловым ходом составляла 1200 миль, а подводным при

3-узловом ходе 50 миль. Автономность 10 суток. Глубина погружения до 55 м. Экипаж 3–4 человека.

Понятно, что всему этому «минифлоту» не нужен был проход через Проливы. Наоборот, морем они из Италии до Крыма вряд ли бы вообще дошли.

Все шесть подводных лодок типа СВ были погружены на железнодорожные платформы и с 25 апреля по 2 мая 1942 г. переправлены из Специи в Румынию в порт Констанца. Там их спустили на воду и в течение месяца ввели в боевой состав. А уже из Констанцы они своим ходом перешли в Ялту.

5 июня 1942 г. в ялтинский порт прибыли подводные лодки СВ-1 (командир – капитан-лейтенант Лезен д'Астен), СВ-2 (лейтенант Руссо) и СВ-3 (лейтенант Соррентино). 11 июня в Ялту пришла вторая группа лодок: СВ-4 (капитан-лейтенант Суриано), СВ-5 (капитан-лейтенант Фаророли) и СВ-6 (лейтенант Галлиано). Вся эскадра итальянских сверхмалых подводных лодок была размещена во внутреннем ковше порта и тщательно замаскирована.

Шесть торпедных катеров типа MAS были перевезены из Италии по шоссе в Вену на специальных трейлерах. Из Вены их отбуксировали по Дунаю до Черного моря, а там катера своим ходом пошли к берегам Крыма.

А вот для транспортировки пяти торпедных катеров MTSM и пяти взрывающихся катеров MTM была организована специальная колонна Моккагатта 10-й флотилии. 6 мая 1942 г. адмирал-инспектор герцог Аймоне д'Аоста[140] лично проводил автоколонну Моккагатта. Катера MTSM разместили на специальных автоприцепах, буксируемых тягачами «666». Всего в колонне было 20 автомашин и тягачей, включая кран для подъема катеров. ПВО колонны осуществляли два 20-мм автомата, буксируемых автомобилем.

В штаты колонны вошли: капитан 3 ранга Ленци, командир колонны и водитель штурмовых средств; капитан-лейтенанты Романо и Массарини и старшие лейтенанты Куджа и Пелити – водители штурмовых средств; 14 унтер-офицеров, из которых 8 водителей штурмовых средств (Паскело, Дзане, Грилло, Монтанари, Феррарини, Лаваратори, Барбьери и Берти) и 29 младших специалистов и рядовых – всего 48 человек.

Поначалу переброска колонн шла по железной дороге по маршруту Специя – Верона – Вена – Краков – Тернополь – Днепропетровск – Симферополь. 19 мая 1942 г. колонна выгрузилась из вагонов и своим ходом двинулась в Ялту, а оттуда – в Форос.

Итальянцы разместились на диком побережье, где через 50 лет будет построен дворец «Заря», известный по спектаклю, устроенному четой Горбачевых в августе 1991 г.

В помощь итальянцам немцы прислали роту саперов, и через несколько дней была оборудована оперативная база, а катера MTSM и MTM спущены на воду.

31 мая генерал-полковник Манштейн решил осмотреть итальянскую флотилию, дислоцированную в Ялте и Форосе. Начал он с Фороса. Манштейна сопровождали Мимбелли и адмирал, командовавший германскими силами на Черном море. Главнокомандующему понравилась прекрасная погода и красивейшие дворцы южного берега Крыма. Проинспектировав базу в Ялте, Манштейн 4 июня[141] решил проехаться оттуда на катере MAS до Балаклавы и с моря осмотреть красоты Крыма. Но морская прогулка генерал-полковника была основательно испорчена капитаном М. Авдеевым и старшим лейтенантом С. Данилко – летчиками 6-го гвардейского истребительного авиаполка.

Предоставлю слово самому Манштейну: «На обратном пути у самой Ялты произошло несчастье. Вдруг вокруг нас засвистели, затрещали, защелкали пули и снаряды: на наш катер обрушились два истребителя. Так как они налетели на нас с солнечной стороны, а солнце было слепящим, мы не заметили их, а шум мощных моторов торпедного катера заглушил гул их моторов. За несколько секунд из шестнадцати человек, находившихся на борту, семь было убито и ранено. Катер загорелся, это было крайне опасно, так как могли взорваться торпеды, расположенные по бортам. Командир катера, молодой лейтенант итальянского флота, держался прекрасно. Не теряя присутствия духа, он принимал меры к спасению катера и людей. Мой адъютант Пепо прыгнул в воду, доплыл, несмотря на мины, до берега, задержал там – совершенно голый – грузовик, помчался на нем до Ялты, вызвал оттуда хорватскую моторную лодку, которая и отбуксировала нас в порт. Это была печальная поездка. Был убит итальянский унтер-офицер, ранены три матроса. Погиб также и начальник ялтинского порта, сопровождавший нас, капитан 1-го ранга фон Бредов»[142].

С начала июня «почти каждую ночь в море для патрулирования на подступах к вражеским портам выходили 2–3 катера, а целыми днями приходилось заниматься ремонтом материальной части, исправляя повреждения, полученные в плавании и в частых столкновениям с противником. Люди занимались скромной и неприметной, но плодотворной деятельностью, достойной восхищения за ту самоотверженность, которая составляла отличительную черту всех членов этого боевого коллектива. Я ограничусь тем, что припомню наиболее примечательные эпизоды, в которых проявились твердая воля и боевой дух наших водителей

штурмовых средств.

6 июня 5 наших торпедных катеров вышли в море на поддержку немецких штурмовых катеров, действующих против русского конвоя…»[143].

Тут явно ошибка переводчиков. Никаких «штурмовых катеров» у немцев тогда в Крыму не было, видимо, имелись ввиду германские самолеты. Советские же источники за 5–7 июля не содержат даже упоминаний об итальянских катерах. Видимо, они выходили в море, но не были обнаружены советскими кораблями или самолетами.

Опять даю слово князю: «10 июня Массарини выпустил торпеду по русскому легкому крейсеру “Ташкент” в 3 милях к югу от Херсонесского мыса»[144]. А в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре» за 9—11 июня отмечены интенсивные атаки германской авиации, но ни слова не говорится ни об итальянских, ни о каких-либо других вражеских катерах. Что же касается лидера «Ташкент», то он 7 июня в 12 ч. 00 мин. прибыл в Батуми из Новороссийска, а убыл из Батуми лишь 18 июня в 9 ч. 33 мин.

Вновь цитирую Боргезе: «11 июня Тодаро атаковал русский миноносец; 13 июня торпедный катер, управляемый Массарини и Грилло, дерзко атаковал с короткой дистанции большой теплоход водоизмещением 13 000 т, шедший под охраной миноносца и двух сторожевых катеров; выпущенная торпеда попала в цель, и поврежденный корабль выбросился на берег, где с ним покончили самолеты. Теплоход был гружен боеприпасами, предназначавшимися для Севастополя. Это была последняя попытка противника доставить осажденным то, в чем они так нуждались»[145].

Сравним с «Хроникой…» за 13 июня: «В 3 ч. 40 м. транспорт “Белосток”, в охранении базовых тральщиков “Трал” и “Взрыв” и трех сторожевых катеров, возвратился из Севастополя в Новороссийск.

На переходе в Севастополь эти корабли были неоднократно безрезультатно атакованы бомбардировщиками, торпедоносцами и торпедными катерами неприятеля. Между 19 ч. 25 м. и 20 ч. 50 м. 10 июня в 35 милях к зюйду от мыса Кикенеиз эти корабли были атакованы восемью Ю-88. Базовый тральщик “Трал” получил несколько осколочных пробоин. Между 23 ч. 49 м. 10 июня и 0 ч. 30 м. 11 июня на военном фарватере № 3 главной базы транспорт “Белосток” был атакован торпедными катерами противника, которые одновременно вели огонь по мостику базового тральщика “Взрыв”.

При стоянке в Севастополе на этот транспорт было сброшено безрезультатно более 200 бомб.

На переходе из Севастополя в Новороссийск при выходе из военного фарватера № 3 главной базы транспорт “Белосток” был снова безуспешно атакован вражескими торпедными катерами. В 10 ч. 45 м. 12 июня, в 90 милях к зюйду от мыса Меганом, он был атакован шестью торпедоносцами, сбросившими на него безрезультатно 12 торпед. В 12 ч. 08 м. в 95 милях по пеленгу 165° от маяка Меганом был обнаружен перископ подводной лодки противника. Базовый тральщик “Взрыв” и сторожевой катер № 0135 атаковали ее глубинными бомбами; на поверхности появились масляные пятна и воздушные пузыри»[146].

Добавлю: тральщик № 413 16 июня находился в районе мыса Фиолент для встречи и проводки по фарватеру № 3 подходящих к Севастополю кораблей и судов. В 11 ч. 15 мин. тральщик был атакован двумя группами самолетов Ю-87 (по 15 самолетов в каждой группе). В корабль попало 3 бомбы. Тральщик перевернулся и затонул.

Как видим, наши адмиралы, наставив мин у Севастополя, создали почти идеальные условия для действий германской авиации и итальянских катеров. Странно, почему они не получили соответствующих наград и пенсий от правительств ФРГ и Италии?

Но, несмотря на идеальные условия, итальянские катера 13 июня не попали ни в «Белосток», ни в другой советский корабль. Чью же лодку забросал глубинными бомбами «Взрыв», выяснить не удалось. То ли это была итальянская СВ, то ли плод воображения командира тральщика.

По версии Боргезе: «18 июня катер под командованием Романо во время патрулирования у Балаклавы подвергся нападению двух русских сторожевых катеров, погнавшихся за ним. Чтобы уйти от противника, он был вынужден все дальше и дальше уходить от берега. Так продолжалось до тех пор, пока не показались турецкие берега. Только когда русские по непонятным причинам отказались от преследования, катер смог вернуться в базу. В ту же ночь “были замечены две русские военно-морские шлюпки к югу от мыса

Кикинеиз, с которыми экипажи двух катеров, т. е. Ленци – Монтанари и Тодаро – Пасколо завязали бой, обстреляв их из ручных пулеметов. Русские на шлюпках были вооружены пулеметами и автоматами. Бой на дистанции 200 м длился около 20 мин. Наши катера получили небольшие повреждения, а сержант Пасколо потерял при этом левую руку. В 5 ч. 45 мин. торпедные катера вернулись в базу”»[147].

Об этих инцидентах в советских источниках упоминаний нет.

«29 июля 5 торпедных катеров снова вышли в море, чтобы во взаимодействии с 6 немецкими десантными судами произвести демонстрацию высадки десанта на берегу между мысом Фиолент и Балаклавой с целью отвлечь внимание русских от настоящего десанта, который должен был высадиться в другом месте…

Чтобы привлечь к себе внимание противника, наши моряки кричали и стреляли, стараясь наделать как можно больше шума, катера маневрировали, наконец, один взрывающийся катер, управляемый старшиной Барбьери, был направлен прямо на берег и своим ужасающим взрывом еще больше усилил желаемую суматоху»[148].

На самом деле в 3 часа ночи 29 июня посты наблюдения береговой обороны засекли 12 моторных шхун с десантом и 5 итальянских торпедных катеров, шедших из Ялты мимо мыса Айя к Георгиевскому монастырю и Мраморной балке. Батарея № 18 (четыре 152-мм пушки Кане) открыла по ним огонь с дистанции 35–40 кабельтовых (6,4–7,3 км). В течение 15–20 минут 9 шхун было потоплено, а трем шхунам вместе с торпедными катерами удалось уйти.

Князь Боргезе, видимо, «слышал звон, да не знал, откуда он». Действительно, в 2 ч. 35 мин. 19 июня немцы предприняли десант на шлюпках и катерах в Северной бухте Севастополя. Но зачем отвлекать советские батареи и корабли в 15 милях по прямой и примерно в 30–40 км по морю от места десанта? На самом же деле утром 19 июня немецкие сухопутные части обошли укрепления Балаклавы, прорвали оборону 9-й бригады морской пехоты и двинулись к мысу Фиолент. И немецкий морской десант на шхунах должен был нанести синхронный удар по защитникам мыса Фиолент (456-й пограничный полк), а не имитировать десант, как утверждает князь.

Далее Боргезе пишет: «1 июля во время штурма Балаклавы румынами, в результате которого город пал, 5 наших торпедных катеров вошли в порт, предотвратив отход противника морем. “В Балаклаве мы были встречены румынским полковником Димитреску и двумя ротами в полном вооружении. Нас угостили шампанским и луком”»[149].

На самом деле наши войска сами отступили из района Балаклавы и никаких кораблей или даже катеров в Балаклавской бухте не было.

30 июня в Форосе состоялась церемония награждения итальянских водителей катеров. Ленци, Романо, Куджа, Барбьери и Монтанари были награждены орденами (германскими Железными крестами 2-й степени) за

проведенные боевые действия в море.

13 августа части колонны Моккагатта покинули Форос и направились в порт Феодосия для борьбы с советскими надводными кораблями и подводными лодками. И уже в ночь на 15 августа три итальянских катера вышли на патрулирование в Феодосийский залив.

Утром 1 сентября оставшаяся часть колонны отправилась из Фороса в Ялту, где отдыхала в ожидании нового назначения.

Днем 21 сентября лейтенанты Массарини и Куджа загорали на ялтинском пляже недалеко от порта. Бархатный сезон был не хуже, чем на Аппенинском полуострове. В 13 ч. 02 мин. страшный взрыв разворотил пляж. Оба итальянца были засыпаны землей, а загоравшие рядом пять немецких офицеров разорваны в клочья. В Ялте заревела «воздушная тревога», но в безоблачном небе не было ни одного самолета.

Оказывается командир подводной лодки «С-31» старший лейтенант Н.П. Белокуров подошел к ялтинскому порту и из подводного положения с дистанции 10 кабельтов (1830 м) пустил две торпеды по транспорту водоизмещением 1500 т, стоявшему у пирса. Но, увы, то ли перископ был кривой, то ли глаз, но торпеды пошли в другую сторону, и одна из них долбанула по пляжу с «курортниками»[150].

23 сентября колонна Моккагатта была отправлена в город Мариуполь на Азовское море, а далее предполагалось «итальянских путешественников» доставить на Каспийское море. Как писал Боргезе: «С 24 по 27 сентября (1942 г. – *А.Ш.)* колонна двигалась по следующему маршруту: Ялта – Симферополь – Мелитополь – Мариуполь. “Часто во время марша наши машины по каким-то непонятным причинам переезжают гусей и кур, которых мои люди подбирают и затем варят вечером на отдыхе. Приглядевшись внимательно, я замечаю, к своему удивлению, что такая судьба уготована бедным птицам заранее, так как все они попадали под машины, уже будучи предварительно застреленными”.

В Мариуполе начались обычные трения с союзниками, которые не хотели отвести приличного помещения для наших людей. Безрезультатные переговоры с немецким контр-адмиралом Конт – “человеком в летах, не отличавшимся особыми качествами в интеллектуальном отношении и, кроме того, тугим на ухо”.

В конце концов последовал ультиматум Ленци, который угрожал немедленным возвращением всей колонны в Италию. Вскоре итальянским морякам было отведено одно из лучших зданий города, откуда выселили командование противотанковой артиллерией.

Группа, ослабленная наличием многих больных и гибелью рулевого

Берти, умершего в госпитале от тифа, была пополнена прибывшими из Италии новыми водителями штурмовых средств – Волонтери и Чиравенья. Несколько месяцев она находилась в Мариуполе, ожидая того момента, когда немецкие войска займут Кавказ. Время передышки было использовано на приведение в порядок материальной части, на которой сказались результаты предшествовавших напряженных действий, и на другие дела.

«25 октября. Организовав несколько налетов на окрестные кукурузные поля, к величайшему неудовольствию сторожей, нам удалось обеспечить полентой (каша из кукурузной муки (мамалыга). – А.Ш.) нашу колонну на всю зиму. Немного странно видеть, как наши моряки-водители штурмовых средств сидят в комнате и лущат кукурузу, как молодые крестьянские парни. Но ничего не поделаешь. Раз надо – так надо. Ходили мы и на ночную охоту за зайцами. За один раз мы добывали их от 13 до 17 штук. Полента и зайчатина стали официальной пищей колонны. Эти “операции” позволяют нам пополнять запасы продовольствия и не дают притупить способности… хорошо ориентироваться ночью».

Итальянский взрывающийся катер MTM

С наступлением зимы военное счастье перешло на сторону русских. Немцы начали отступление по всему фронту. Это было то самое отступление, во время которого была уничтожена итальянская армия в России.

«“Колонна Маккагатта”» теперь уже под командованием Романо (Ленци в декабре вернулся на родину в связи с новым назначением) оставила Мариуполь и морем отправилась в Констанцу. Исколесив всю Восточную Европу, преодолев трудности, которые легко себе представить, она в марте 1943 года снова вернулась в Специю, не потеряв ни одной машины и ни одного катера»[151].

Понятно, что речь здесь идет о катерах MTSM и MTM. Как видим, итальянцам ни разу не удалось применить взрывающиеся катера MTM по назначению.

Что же касается катеров MAS, то они непрерывно несли службу на Черном море. Всего в боевых действиях участвовало 10 катеров MAS 566–575. Только с мая по июль 1942 г. катера MAS сделали 65 боевых выходов.

В ночь на 3 августа крейсер «Молотов» и лидер «Харьков» произвели набег на крымское побережье в районе Феодосии. При отходе советские корабли подверглись атаке итальянских катеров MAS-568, 569 и 573 и десяти германских торпедоносцев Хе-111 из авиагруппы 6/KG26. Всего немцами было сброшено 20 торпед. В 1 ч. 26 мин. 3 августа крейсер «Молотов» получил попадание торпедой в корму. В результате взрыва кормовая часть крейсера отвалилась по 262-й шпангоут. Тем не менее «Молотов» сумел дойти своим ходом до порта Поти. Другие советские корабли повреждений не имели.

По итальянской версии, в крейсер попала торпеда, выпущенная капитаном Легиани с MAS-568. Германские же авторы Ровер, Хюммельхен и другие приписывают повреждение «Молотова» торпеде, сброшенной с Хе-111.

В советское время в официальных изданиях говорилось о торпеде, попавшей в крейсер, без упоминания о ее «национальности». Но в настоящее время ряд авторов, в том числе А.В. Платонов, однозначно считают злополучную торпеду германской.

Днем 9 сентября 1942 г. восемь советских бомбардировщиков ДБ-3 бомбили порт Ялта, который продолжал оставаться главной базой катеров MAS. Жертвой фугасок ФАБ-250 стали катера МАБ-571 и МАБ-573, а MAS-502, 504 и 572 получили повреждения.

12 мая 1943 г. к югу от банки Марии Магдалины торпедный катер МАБ-572, уклоняясь от атак советских самолетов, столкнулся с МАБ-566 и затонул.

В мае 1943 г. действовавшая на Черном море итальянская 4-я флотилия была расформирована, и ее личный состав отправлен в Италию. Катера МАБ-566, 567, 568, 569 570 574 и 575 были переданы немцам и получили названия Б-501, 502, 503, 504, 505, 506 и 507 соответственно. Из них сформировали германскую 11-ю флотилию торпедных катеров под командованием капитан-лейтенанта Меера. Флотилия занималась в основном охраной конвоев между Анапой и Крымом и базировалась в Анапе. В ходе боевых действий торпедный катер Б-505 был потерян, а Б-507 получил тяжелые повреждения и был исключен из состава флота. В августе 1943 г. 11-я флотилию расформировали. Катера немцы передали румынам, а 25 августа 1944 г. они были затоплены в Констанце.

Итальянские сверхмалые подводные лодки базировались

первоначально на Ялту и использовались как обычные подводные лодки против советских кораблей, пытавшихся прорваться в Севастополь. Так, 26 июня 1942 г. подводная лодка С-32 в ходе очередного рейса Новороссийск – Севастополь в районе мыса Айтодор была потоплена подводной лодкой СВ-3. Всего с мая по июль 1942 г. подводные лодки СВ сделали 24 боевых выхода.

В ночь на 13 июня 1942 г. торпедный катер Д-3 (командир старший лейтенант О.М. Чепик) подошел к молу ялтинского порта и выпустил одну торпеду по барже водоизмещением 600 т, которая была принята за брандвахтенное судно. Затем катер поставил дымовую завесу и лег на циркуляцию для повторной атаки. Однако из-за сильного огня немцев вторая торпеда выпущена не была и Д-3 ушел полным ходом.

Вместе с баржей была потоплена и подводная лодка СВ-5. На лодке погиб ее командир капитан-лейтенант Фаророли. О гибели лодки советские моряки и историки узнали лишь после 1959 г.

С конца 1942 г. итальянские подводные лодки СВ базировались на Севастополь.

Между июнем и августом 1943 г. итальянские подводные лодки из Севастополя сделали 21 выход в море.

В ночь на 26 августа 1943 г. итальянская подводная лодка СВ-4 под командованием капитан-лейтенанта Армандо Сибилле южнее мыса Тарханкут в Каламитском заливе потопила советскую подводную лодку Щ-203. История сия довольно запутанная. Щ-203 последний раз вышла на связь с базой 24 августа. По итальянской версии СВ-4 находилась в надводном положении, когда в 400 м была обнаружена всплывшая советская подводная лодка, которая, запустив дизеля, начала движение в сторону СВ-4. Сибилле застопорил ход, и советская лодка прошла от итальянской буквально в 50–60 м. На мостике ясно был виден человек, вглядывавшийся в даль. Оставшись за кормой у советской подводной лодки, СВ-4 описала циркуляцию и, заняв выгодную позицию, с 800 м выпустила торпеду, но торпеда прошла левее. Немедленно была выпущена вторая торпеда, и она через 40 секунд попала перед рубкой советской подводной лодки. Поднялся высокий столб воды, раздался взрыв, и подводная лодка исчезла.

Однако в «Справочнике потерь…» приводится иная версия: «По румынским данным, в 20 ч. 45 мин. 29 августа западнее мыса Лукулл катерами-охотниками “Ксантен” и “UG-2303” была обнаружена находившаяся в надводном положении подводная лодка. Катера атаковали и, по всем признакам, потопили ее. Возможно, это была Щ -203, которая

вследствие ошибки в счислении могла оказаться вне района своей позиции»[152].

Там же приведены координаты гибели Щ-20»: ш = 45°18′,7; д = 32°48′,6.

На мой взгляд, наиболее вероятна итальянская версия, но нашим адмиралам показалось более пристойным потерять Щ-203 в результате атаки кораблей ПЛО, пусть хоть и румынских, чем от маленькой итальянки.

В конце 1949 г. подводная лодка Щ-203 была обнаружена на грунте. Корпус ее был почти перебит. В 1950 г. ее подняли и отвели в Севастополь.

В сентябре-октябре 1943 г. итальянские лодки СВ были переданы Румынии и перебазировались в Констанцу. Румыны освоить их так и не смогли, но довели материальную часть «до ручки».

30 августа 1944 г. советские моряки обнаружили в Констанце вытащенные на стенку у причала подводные лодки СВ-1, 2, 3 и 4. Лодка СВ-6 к тому времени погибла. 20 октября 1944 г. эти четыре лодки были зачислены в состав Черноморского флота и получили названия ТМ-4, 5, 6 и 7 (ТМ – трофейная малая). Однако 16 февраля 1945 г. «ввиду непригодности к дальнейшему техническому использованию» эти лодки были исключены из боевого состава Черноморского флота. При этом ТМ-4 сразу же пустили на лом, ТМ-6 и ТМ-7 передали в отдельный учебный дивизион Черноморского флота, а «ТМ-3» по железной дороге отправили в Ленинград для изучения в КБ судостроительных заводов.

Глава 7
Отражение первого штурма

Как уже говорилось, с 1854 г. по 1921 г. все наши военно-морские базы брались только с суши. Но, увы, в 1930-е годы ни сухопутное, ни морское начальство не интересовалось обороной военно-морских баз с суши. 16 декабря 1940 г. нарком ВМФ Кузнецов приказал организовать сухопутную оборону главных баз флота. Однако командующий Черноморским флотом Октябрьский вместо того, чтобы немедленно начать строить укрепления вокруг Севастополя, благо, уже полтора года шла Вторая мировая война, лишь 3 февраля 1942 г. удосужился назначить комиссию для рекогносцировки рубежа сухопутной обороны.

Фактически работы по сооружению укреплений у Севастополя начались 3 июля 1941 г., то есть уже после начала войны. К началу ноября система обороны Севастополя включала в себя три рубежа: передовой, главный и рубеж прикрытия эвакуации.

Передовой рубеж обороны Севастополя проходил в 16–17 км от города. Протяженность рубежа по фронту достигала 40 км, а полоса обороны на нем имела глубину в 1,5–2,5 км. Командные высоты перед этим рубежом находились в руках противника, незначительная же удаленность рубежа от города позволяла противнику вести обстрел города и аэродромов дальним артиллерийским огнем.

Главный рубеж обороны проходил в 12–14 км от города. Его протяженность равнялась примерно 30 км, глубина обороны – от 1,5 до 3 км. В случае отхода наших войск на этот рубеж основные командующие над местностью высоты находились бы в руках противника.

Рубеж прикрытия эвакуации командовал над лежащей впереди его местностью, но из-за отсутствия растительности хорошо просматривался противником. Это облегчало авиации и артиллерии противника нанесение ударов по рубежу, протяженность которого равнялась 27 км, а глубина обороны на нем – от 1 до 5 км. В рубеж прикрытия эвакуации включался и рубеж, непосредственно прикрывавший Севастополь (Стрелецкая бухта, хутор Дергачи, Инкерман).

Ни один из рубежей к началу боевых действий не был завершен строительством (см. табл. 3).

Перед всем передовым рубежом обороны было установлено 1700 погонных метров противотанковых надолб, 8726 противотанковых мин, 850

противопехотных мин, 29 фугасов.

На танкоопасных направлениях Дуванкойского и Аранчинского опорных пунктов были подготовлены огневые завесы, для которых использовались трубопроводы, уложенные в железобетонных лотках перпендикулярно этим направлениям и снабженные на обоих концах напорными баками с горючей жидкостью. Жидкость могла выпускаться из труб и поджигаться при помощи бутылок с горючей смесью специальными командами.

Таблица 3

Положение к 1 ноября 1941 г. на трех рубежах обороны Севастополя

Сооружения	Рубежи			
	передовой	главный	тыловой	всего
Артиллерийские доты, шт.	29	25	28	82
Пулеметные доты и дзоты, шт.	92	57	71	220
Стрелковые окопы, для отделения	232	66	91	389
Противотанковые рвы, км	1,7	—	31,5	33,2
Проволочные заграждения, км	8	8	40	56

Основу огневой мощи Севастополя составляли восемь стационарных береговых батарей и две подвижные батареи (№ 724 и № 725), оснащенные гаубицами-пушками МЛ-20. Из зенитных средств ПВО флота для обороны главной базы, кроме 61-го зенитно-артиллерийского полка, были вновь сформированы 62-й полк, 71-й и 92-й отдельные зенитные артдивизионы. Кроме того, из района Евпатория – Саки – Сарабуз отошли к Севастополю 25-й, 26-й и 114-й отдельные зенитные артдивизионы, а несколько позднее из района села Фрайдорф, села Ишунь – 122-й зенитноартиллерийский полк. Таким образом, к началу обороны главной базы ее ПВО насчитывало 40 зенитных батарей (160 76-мм зенитных пушек обр. 1915 г., 1928 г., 1931 г. и 1938 г.), 7 батарей малого калибра (45-мм пушки 21К и 37-мм автоматы), пулеметный и прожекторный батальоны, 215-й отдельный воздухоплавательный дивизион аэростатов заграждения, дымомаскировочный отряд, посты ВНОС и радиолокационные установки РУС-2.

После захвата Крыма немцами авиация Черноморского флота перебазировалась на аэродромы Северного Кавказа и Кавказского побережья Черного моря. В главной базе дислоцировалась специально созданная Севастопольская авиагруппа, на которую возлагалось прикрытие

базы с воздуха и авиационная поддержка войск гарнизона. На 1 ноября 1941 г. в этой авиагруппе насчитывалось 82 самолета (51 колесный и 31 лодочный), в том числе 41 истребитель, 31 разведчик и 10 штурмовиков.

До подхода Приморской армии севастопольский гарнизон состоял из 7-й и 8-й бригад, 2-го и 3-го отдельных полков морской пехоты, одного стрелкового полка, батальона Дунайской военной флотилии, батальона военно-морского училища береговой обороны, школы НКВД и школы связи, батальона авиазенитной обороны. Общая численность гарнизона составляла 20 606 человек.

4 ноября 1941 г. был создан Севастопольский оборонительный район (СОР), подчиненный командующему войсками Крыма. Во главе СОРа был поставлен командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров, а затем – командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский.

После оставления войсками 51-й армии Керченского полуострова и ликвидации командования войск Крыма Севастопольский оборонительный район был подчинен непосредственно Ставке Главнокомандования.

Сколько солдат и боевой техники дошло до Севастополя из Приморской армии, установить невозможно. Командование СОРа в донесениях в Ставку намеренно занижало свои силы. Вышедшие к Севастополю части сразу же подвергались переформированию. Так, на базе 184-й стрелковой дивизии был сформирован сводный полк НКВД; из 421-й стрелковой дивизии – 1330-й стрелковый полк численностью 1200 человек. Вышедшие 40-я и 42-я кавалерийские дивизии были слиты в одну 40-ю кавдивизию.

В донесении Приморской армии от 16 ноября приводится следующий боевой и численный состав: 1-й сектор – 1700 штыков, 18 орудий; 2-й сектор – 3939 штыков, 41 орудие, из них 4 зенитных; 3-й сектор – 5730 штыков, 43 орудия, из них 9 зенитных;

4-й сектор – 2789 штыков, 38 орудий, из них 9 зенитных. Резерв – 1200 штыков (1330-й стрелковый полк) и 743 сабли (40-я кавалерийская дивизия).

9 сентября командующий Приморской армией объявил боевой приказ № 002, согласно которому вся территория СОРа во всю глубину обороны, от центра Севастополя до передних рубежей сухопутного фронта, была разделена на четыре сектора.

Первый сектор справа опирался на южное побережье Крымского полуострова и слева граничил со вторым сектором по разграничительной линии, проходившей через высоты 253,9; 202,1 и 206,6, развилку дорог в

1 км севернее совхоза «Благодать», через высоты 113,2; 73,0 и хутор Делагарди.

Второй сектор граничил с третьим по линии, проходившей через высоты 193,2; 125,0; 79,4 и гору Суздальская.

Третий сектор граничил с четвертым по линии деревня Биюк-Отаркой, высоты 96,0; 82,4; деревня Камышлы и Трензина балка.

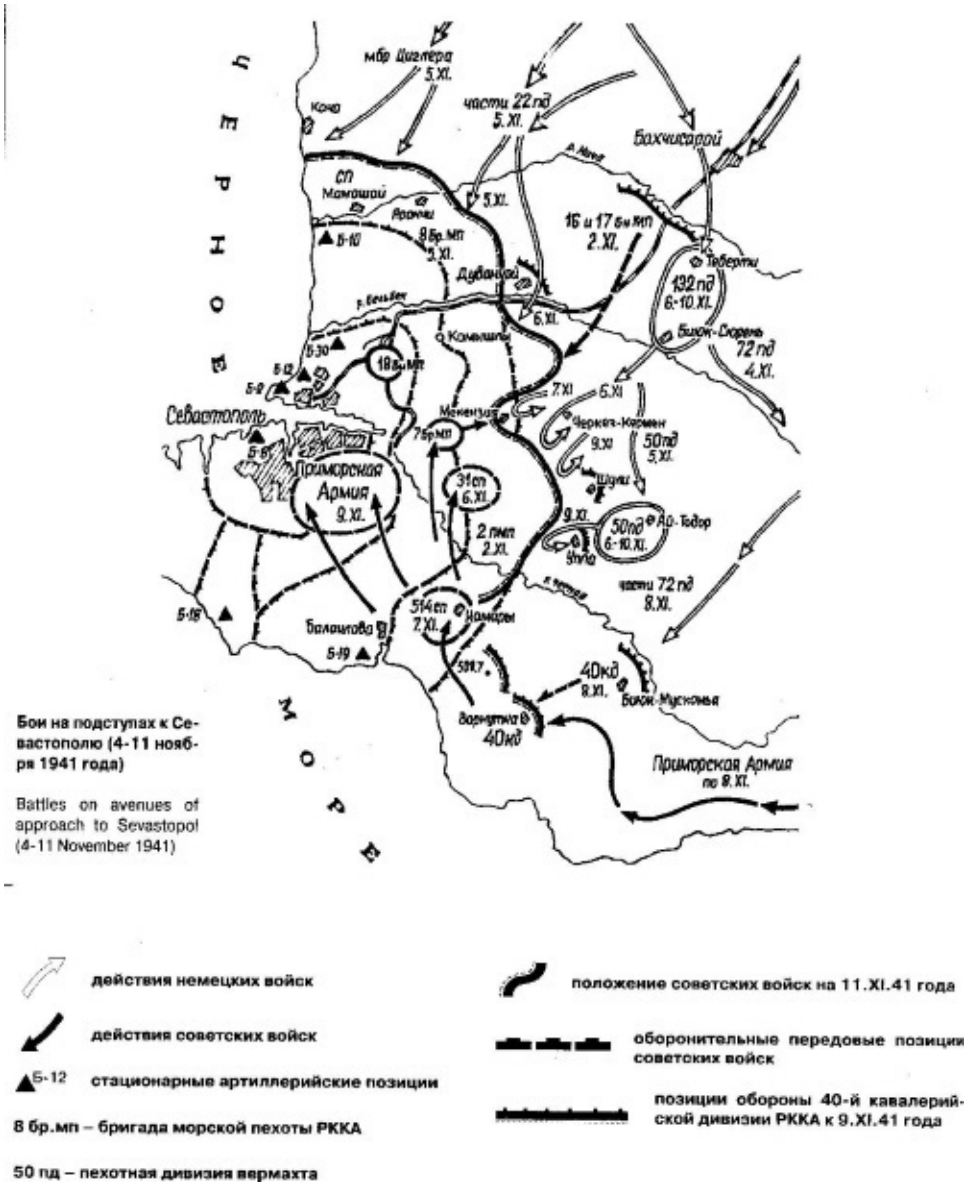
На 15 ноября 1941 г. первый сектор обороны был расположен на юге СОРа у Балаклавы и имел ширину 4 км. Сектор защищали [153] 383-й[153] и 1330-й стрелковые полки, 35-я башенная береговая батарея, а также 19-я и 8-я открытые батареи (всего 8 – 152/45-мм пушек Кане). В составе полковой артиллерии были одна 76-мм полковая пушка обр. 1927 г., две 45-мм противотанковые пушки, один 120-мм миномет и три 82-мм пушки. Кроме того, в дотах и дзотах было 14 морских орудий (1 – 100-мм, 6 – 75/50-мм и 7 – 45-мм 21К).

Далее к северу шел второй сектор обороны шириной 12 км. Сектор защищали 172-я стрелковая дивизия, 31-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии [154]. Кроме полковой артиллерии в секторе находился отдельный минный дивизион 52-го артиллерийского полка, 1-й и 2-й дивизионы 134-го гаубичного артиллерийского полка, по одной батарее 57-го и 340-го артполков и 725-я (мобильная) береговая батарея. Всего имелось тринадцать 155-мм французских гаубиц, восемь 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, четырнадцать 122-мм дивизионных гаубиц, четыре 76-мм дивизионные пушки, шесть 76-мм полковых пушек, одиннадцать 45-мм противотанковых пушек, один 120-мм миномет, восемь 107-мм горных минометов и тридцать три 82-мм миномета. Кроме того, в дотах и дзотах второго сектора было установлено 76-мм пушек: четыре полковые, семь дивизионных и пять зенитных, а также семь 45-мм пушек 21К.

В третьем секторе находились 25-я стрелковая дивизия в составе 278-го стрелкового полка и 3-го полка морской пехоты, а также 7-я бригада морской пехоты[155]. Третьему сектору были приданы 69-й артиллерийский полк с шестью 76-мм орудиями, 99-й гаубичный артиллерийский полк с одиннадцатью 122-мм гаубицами, 724-я береговая мобильная батарея с четырьмя гаубицами-пушками МЛ-20, батарея 134-го гаубичного артиллерийского полка, 164-й отдельный противотанковый артдивизион, 26-й и 323-й отдельные зенитные дивизионы. Всего четыре гаубицы-пушки МЛ-20, четыре 152-мм гаубицы, одиннадцать 122-мм гаубиц, двенадцать 76-мм зенитных орудий, десять 76-мм дивизионных пушек, восемь 76-мм полковых пушек, шестнадцать 45-мм противотанковых пушек, одиннадцать

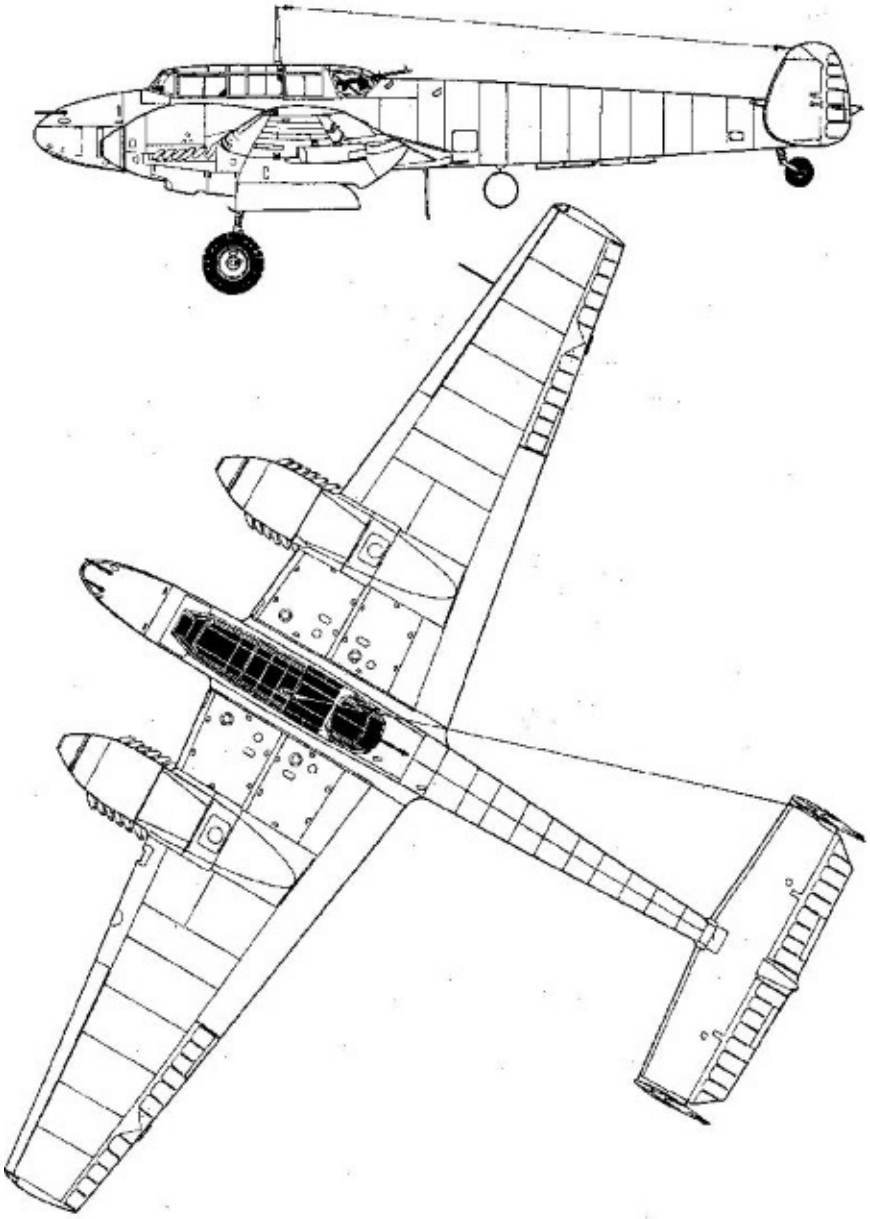
120-мм минометов, шесть 107-мм горных минометов и пятьдесят шесть 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находились: одна 100-мм морская пушка[156], одна 76-мм дивизионная пушка и три 45-мм пушки 21К.

В четвертом секторе обороны находилась 95-я стрелковая дивизия в составе трех полков – 161-го, 241-го[157] и «местного стрелкового полка». Кроме того, в четвертый сектор была включена 8-я бригада морской пехоты в составе пяти батальонов, из которых первые четыре были батальоны бригады и пятый – батальон Учебного отряда Черноморского флота.

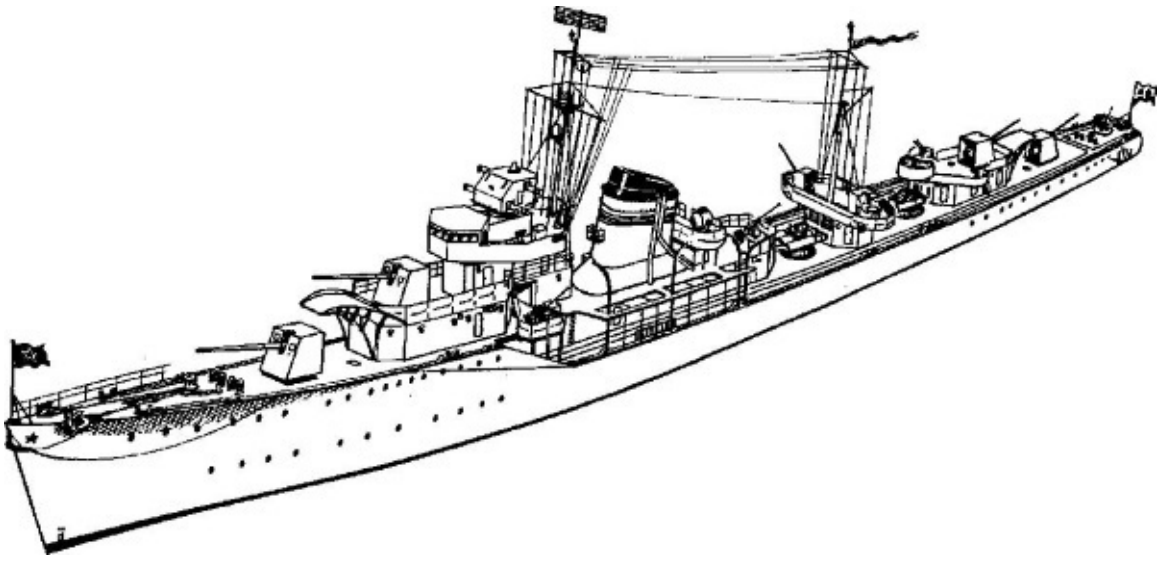

Бои за Севастополь (30 октября – 31 декабря 1941 г.)

Четвертому сектору были приданы 57-й артиллерийский полк с двенадцатью 76-мм пушками, 397-й артиллерийский полк с двенадцатью 76-мм пушками, 97-й отдельный противотанковый артдивизион, 928-я, 227-я и 271-я зенитные батареи, 30-я, 10-я и 12-я батареи береговой обороны (четыре 305/52-мм, четыре 203/50-мм и четыре 152/45-мм орудий). Итого, без орудий береговой обороны имелось одиннадцать 122-мм гаубиц, девять 76-мм зенитных орудий, тринадцать 76-мм дивизионных орудий, девять 45-мм противотанковых пушек, два 120-мм миномета, семнадцать 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находилось шесть 100-мм морских пушек, четыре 76-мм дивизионные пушки, две 75/50-мм пушки Кане и восемь 45-мм пушек 21К.

Немецкий самолет «Мессершмитт-110»

Эсминец проекта 7«Гремящий» (однотипный с эсминцем «Бодрый»)

Наконец, в резерве командования СОРа находились 265-й корпусный артиллерийский полк и 51-й артиллерийский полк. Всего четыре 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 и двадцать три 107-мм корпусные пушки.

Официально первым днем обороны Севастополя считается 30 октября 1941 г. В этот день в 16 ч. 25 мин. самая северная береговая батарея Севастополя № 54 открыла огонь по немецкой мотоколонне бригады Циглера, двигавшейся по прибрежной дороге из деревни Ивановка на село Булганак. Батарея № 54 была расположена в 40 км к северу от Севастополя. На вооружении ее состояли 102/60-мм пушки обр. 1912 г. Батарея выпустила 62 снаряда и рассеяла колонну. Командир батареи лейтенант И.И. Заика, как полагается, донес начальству, что уничтожил «колонну танков».

В 18 ч. 25 мин. с той же батареи донесли, что по той же дороге двигались до 90 вражеских танков и бронемашин, которые повернули в сторону села Булганак.

На следующий день, 31 октября, в 7 ч. 25 мин. из Севастополя вышел эсминец «Бодрый» (проекта 7). В районе Замрук – Николаевка он обстрелял немецкие колонны, приближавшиеся к Севастополю. Уже возвращаясь в базу, «Бодрый» подвергся нападению вражеской авиации. Далее процитирую С.А. Балакина: «В 16.25 на дистанции 60 кбт были обнаружены вражеские самолеты – 9 юнкерсов и 6 мессершмиттов. “Бодрый” увеличил ход и через минуту открыл огонь. Пилоты люфтваффе (явно имевшие немалый опыт) действовали грамотно, заходя на цель выше облаков, а затем пикируя со стороны солнца. Всего немцы сбросили на

советский эсминец 26 бомб и выпустили огромное количество пуль и снарядов. Причем, если бомбардировщики, сбросив свой груз, ушли, то истребители продолжали обстреливать корабль в течение часа – вплоть до его входа в Севастополь.

Прямых попаданий бомб не было, но некоторые из них взорвались в опасной близости от корабля, на расстоянии 7—10 м от корпуса. Осколки буквально изрешетили эсминец: по возвращении в Севастополь в надстройках и надводном борту насчитали около двух тысяч пробоин! Еще 19 пробоин оказалось в подводной части – по левому борту в районе ватерлинии. Из топливных цистерн начала вытекать нефть – как за борт, так и внутрь корабля. Давление в котельных отделениях резко упало, что вызвало снижение скорости.

Вышли из строя дальномеры, различные приборы, загорелись дымовые шашки и 37-мм снаряды в кранцах. Потери экипажа составили 4 человека убитыми и 49 ранеными (в числе последних был и командир эсминца капитан 3 ранга В.М. Митин)»[158].

Любопытно, что ни в «Хронике…», ни в «Потерях…» об этом инциденте даже не упомянуто. Там попросту сказано, что 31 октября в 17 ч. 37 мин. «Бодрый» прибыл в Севастополь. Видимо, дело свелось к атаке нескольких истребителей, расстрелявших моряков на палубе эсминца. А повреждения были столь незначительными, что эсминец даже не попал в списки поврежденных кораблей.

В ночь на 1 ноября немцы заняли деревню Мангуш в 8 км восточнее Бахчисарая, а в 11 ч. 20 мин., выбив разведывательные части Севастопольского гарнизона, заняли Бахчисарай. Действуя вдоль побережья и обойдя батарею № 54, немцы заняли населенные пункты Альма-Тамак и Кача.

В районе деревни Николаевка батарея № 54 продолжала обстреливать противника. С 11 ч. 20 мин. до 11 ч. 30 мин. она обстреляла большое скопление моторизованных частей в районе деревни Джавджурек, в 14 ч. 23 мин. – немецкую батарею в районе деревни Дорт-Куль, с 14 ч. 55 мин. до 15 ч. 10 мин. – моторизованную колонну, двигавшуюся по дороге из Николаевки в Дорт-Куль. В течение дня батарея выпустила свыше 130 снарядов.

В 17 ч. 10 мин. батарею № 54 атаковали 8 немецких пикирующих бомбардировщиков. Потерь и повреждений в материальной части не было, и батарея полностью сохранила свою боеспособность.

В тот же день в 12 ч. 40 мин. впервые заговорили огромные 12-дюймовые пушки 30-й башенной батареи. Чтобы представить эффект

действия этих орудий, достаточно сказать, что в винсовхозе им. Софьи Перовской в 400 м от батареи при первом же залпе вылетали все стекла и в мирное время при учебных стрельбах население совхоза эвакуировалось.

2 ноября 1941 г. с утра передовые части противника, скопившиеся в лесу у высот 204,6 и 259,5 и в районе Качи, курганов Маяк-Оба и Кара-Оба, перешли в наступление в направлении деревень Дуванкой и Аранчи. Весь день шли упорные бои. На северном участке атаки немцев были отбиты и местный стрелковый полк к вечеру занимал прежние позиции. Лишь к ночи противник, предприняв новую атаку, потеснил правый фланг этого полка и занял село Эфендикой.

Ожесточенные бои завязались в районе Дуванкоя. 8-я бригада, 17-й батальон морской пехоты и батальон ВМАУ упорно сдерживали наступление врага. Бригада сохранила свои позиции, а батальоны отошли на рубеж хутор Кефели – деревня Дуванкой. К вечеру противник занял станцию Сюрень и отдельными мелкими группами в районе Дуванкоя просочился в расположение нашей обороны.

Эффективную поддержку нашим войскам оказали артиллеристы 203-мм четырехорудийной береговой батареи № 10, расположенной на берегу обрыва у устья реки Кача, а также 724-й подвижной батареи. Только огнем 10-й батареи было уничтожено 20 повозок, 20 автомашин и около 200 гитлеровцев[159].

В 10часов немцы с тыла (с юга) атаковали 102-мм батарею № 54. Атака была поддержана огнем трех тяжелых полевых орудий, установленных на высотах в 9–9,5 км юго-восточнее батареи № 54.

В 9 ч. 57 мин. все немецкие батареи открыли огонь, и до батальона вражеской пехоты на автомашинах и до 300 кавалеристов двинулись с рубежа село Новые Байдары – село Земрук на деревню Николаевка. Вскоре после обстрела противник нанес по нашей батарее бомбовый удар авиацией, затем вновь произвел продолжительный артобстрел. В результате батарея № 54 была подавлена. К 13 ч. 20 мин. на ней вышло из строя три орудия из четырех, но ее команда продолжала отражать атаки врага пулеметным и ружейным огнем и гранатами. В 16 ч. 40 мин. командир батареи N54 донес: «Противник находится на позициях батареи. Связь кончаю. Батарея атакована». Это было последнее его донесение.

Для спасения команды батареи № 54 в ночь на 3 ноября из Севастополя были высланы тральщик «Искатель», сторожевые катера № 031 йN№ 061. Подойти к берегу они не смогли и спустили две шлюпки. На них были приняты и доставлены на корабли 28 человек личного состава батареи, которые спустились с обрыва по скрученному телефонному

проводу.

Возникает естественный вопрос: а не могло ли командование флота послать на помощь батарее № 54 еще утром пару эсминцев с 130-мм пушками? Замечу, что из полевых пушек, я уж не говорю о минометах, попасть в маневрирующий эсминец на дальности свыше 8 км шансов практически не было, за отсутствием соответствующих систем ПУС. А вот эсминцы могли разнести в клочья и полевые батареи, и пехоту противника.

Двоим краснофлотцам с батареи № 54 удалось пробиться в Севастополь. Командир батареи И.И. Заика позже попал к партизанам, а затем вновь служил на Черноморском флоте. Судьба остальных неизвестна.

Согласно «Хронике…», всего огнем батареи было уничтожено 15 немецких средних танков, тяжелый танк с 76-мм орудием, 7 автомашин с пехотой, трактор с орудием, автоцистерна и радиостанция[160]. По традиции, сие оставлю без комментариев, замечу лишь, что тяжелые танки впервые появились в вермахте в конце 1942 г. («Тигры»).

В течение дня 2 ноября 305-мм батарея № 30 периодически обстреливала немцев в Бахчисарае и в селе Альма-Тархан.

3 ноября немцы наступали на Севастополь вдоль долины реки Кача. В 20 часов, обойдя огневые точки Дуванкойского узла сопротивления, они заняли деревню Заланкой. В связи с усилившейся угрозой полного окружения, наши батальоны, действовавшие в долине реки Кача, в районе железной и шоссейной дорог, были отведены за линию обороны.

Батареи № 10 30 продолжали обстреливать скопления вражеских частей на подступах к Севастополю и уничтожили до 25 танков, до эскадрона конницы и до 300 человек пехоты.

Приморская армия после боев 1 и 2 ноября с наступавшим противником оставила рубеж высота Кизил-Коба – село Мамак – Кукурековка и стала отходить по дорогам через деревни Мангуш, Бия-Сала, Ени-Сала, Коккозы и через хребет Яйла на южный берег Крыма, в Ялту и Алушту.

Утром 3 ноября штаб Приморской армии вышел в район Балаклавы. К этому моменту 95-я стрелковая дивизия подходила к селу Бия-Сала, за ней следовали 25-я и 172-я стрелковые дивизии. Тяжелая артиллерия – 265-й корпусный артполк, 51-й и 52-й артполки – были на марше из района Ялты в Севастополь.

5 ноября Октябрьский отправил телеграмму Сталину, где говорилось, что «.до сих пор Севастополь ни от кого не получил помощи. Крымская армия была рассеяна, а остатки Приморской армии бродили по горам. Для обороны главной базы флот бросил все, что имел, и больше нечего было

дать. Единственная надежда оставалась на то, что через день-два подойдут свежие армейские части. Если этого не будет, противник прорвется к Севастополю»[161].

Октябрьский доложил также, что, несмотря на тяжелое положение, он не получил руководящих указаний по новой дислокации кораблей и частей, эвакуации и размещению тылов, мастерских и по ряду других неотложных вопросов.

Тогда же командующий доложил, что руководство сухопутной обороной он передал, согласно приказу командующего войсками Крыма, генерал-майору Петрову и предполагал по окончании эвакуации имущества главной базы на Кавказ перевести свой фронтовой командный пункт в Туапсе и оттуда руководить боевыми действиями флота на Азовском и Черноморском театрах.

Сталин не ответил Октябрьскому, а нарком Кузнецов приказал Октябрьскому остаться в Севастополе.

В ходе боев к 18 часам 5 ноября части сухопутной обороны главной базы заняли рубеж: от берега моря на высоту 64,2 (курган Маяк-Оба), высота 79,4, деревня Аранчи, гора Азис-Оба, станция Бельбек, высота 158,1, высота 278,4, деревня Черкез-Кермен. Дальше на юг изменений не произошло.

Ночью и в первую половину дня 7 ноября противник продолжал накапливать силы восточнее деревни Черкез-Кермен и вплотную подошел к верховью долины Кара-Кобя, а значительные части его прошли дальше на юг и скопились в районе деревень Уппа, Узенбаш и Айтодор.

В 14 ч. 30 мин. немцы перешли в наступление в направлении хутора Мекензия и по долине Кара-Кобя. Два батальона немецкой пехоты при поддержке мощного артиллерийского и минометного огня в 14 ч. 50 мин. овладели хутором Мекензия.

Дальнейшее продвижение противника было остановлено упорными боями частей 2-го и 3-го полков морской пехоты при огневой поддержке артиллерии береговой обороны главной базы.

Новый рубеж нашей обороны прошел в 0,5 км западнее хутора Мекензия. Наступление немцев по долине Кара-Кобя успеха не имело.

7 ноября в боях впервые принял участие бронепоезд «Железняков», построенный работниками Севморзавода в октябре 1941 г. Бронепоезд состоял из бронепаровоза типа «Э», двух бронеплощадок на базе 60-тонных платформ и двух контрольных платформ с балластом. На каждой бронеплощадке было установлено по одной 76-мм пушке 3К и по одной 76-мм пушке Лендера. Таким образом, все четыре орудия бронепоезда могли

вести огонь как по наземным, так и по воздушным целям. Эффективность огня обеспечивалась морским зенитным дальномером ДМ-1,5. В течение последующих 8 месяцев осады города бронепоезд «Железняков» сделал 140 боевых рейсов.

8 ноября огонь по противнику вели уже обе башенные батареи —№ 30 и№ 35.

Внимательный читатель уже заметил, что первые две недели боев за Севастополь я даю по советским материалам. Пора дать слово и противнику. Манштейн писал об этих боях: «54-му армейскому корпусу, следовавшему вплотную за бригадой, была поставлена задача – прорваться через реки Бельбек и Черную и окончательно отрезать путь отступления на Севастополь частям противника, находящимся в горах. Однако корпус после активного преследования на подступах к крепости между реками Кача и Бельбек, а также при своем продвижении в горах к реке Черная натолкнулся на упорное сопротивление. Противник имел в крепости еще четыре боеспособные бригады морской пехоты, которые составили ядро группирующейся здесь армии обороны. Начала действовать крепостная артиллерия. Из оттесненных в горы частей Приморской армии довольно значительные силы добрались по горным дорогам до Севастополя, правда без орудий и транспорта. Они сразу же получили пополнение по морю. Многочисленные рабочие батальоны, составленных из рабочих этой крупной военно-морской базы и вооруженные оружием из крепостных складов, также усиливали ряды обороняющихся. Благодаря энергичным мерам советского командующего противник сумел остановить продвижение 54-го армейского корпуса на подступах к крепости. В связи с наличием морских коммуникаций противник счел себя даже достаточно сильным для того, чтобы поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го армейского корпуса. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса. В этих условиях командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с хода – с востока и юго-востока. К тому же обеспечить наступление с востока не было никакой возможности ввиду отсутствия дорог. Шоссейная дорога, обозначенная на захваченных нами картах, на самом деле не существовала. Ее начало обрывалось в труднодоступной скалисто-лесистой местности»[162].

Отдел тыла 11-й армии расположился в Симферополе, а сам Манштейн с «первым эшелоном штаба» разместился в большом селе Сарабуз, в 18 км севернее Симферополя. Как писал Манштейн, «мы удобно

расположили там наши штабные службы в большой школе-новостройке; такие школы были выстроены Советами почти во всех крупных селах. Я сам с начальником штаба и несколькими офицерами жил в небольшом здании правления плодового колхоза… На этой скромной квартире мы оставались до августа 1942 года, лишь дважды, в июне 1942 года, когда наш штаб находился под Севастополем, отлучаясь на КП на Керченском участке»[163].

Почему Манштейн выбрал Сарабуз, а не, скажем, Бахчисарай, генерал-полковник нам не объясняет. Рискну высказать предположение, что немцы рассчитали, что Бахчисарай находится в радиусе действия батарей № 30 №° 35. Да и до окраины Симферополя «тридцатка» могла вполне достать, так что в Сарабузе было поспокойнее.

11 ноября немецкие войска нанесли удар в районе сел Варнутка – Кучук-Мускомья, где находилась 40-я кавалерийская дивизия. К исходу дня оба села были заняты противником.

Вместе с береговыми батареями интенсивный обстрел по скоплениям немецких войск вели крейсера «Красный Крым» и «Червона Украина»[164], стоявшие в бухте Севастополя. За 10 и 11 ноября «Красный Крым» выпустил 105 снарядов, а «Червона Украина» – 148 снарядов.

12 ноября 23 бомбардировщика Ю-88 произвели налет на Севастополь. Бомбежка длилась с 11 ч. 45 мин. до 12 ч. 24 мин. Главным объектом налета стал крейсер «Червона Украина», стоявший у Совторгфлотской пристани. В 12 ч. 08 мин. фугасная бомба взорвалась на расстоянии 5–7 м от правого борта корабля на траверзе 92—100 шпангоутов. Через несколько секунд вторая фугасная бомба взорвалась в районе 4-го торпедного аппарата на шкафуте левого борта (83 шпангоут). Взрывом торпедный аппарат сорвало с фундамента и сбросило за борт. На палубе возник пожар.

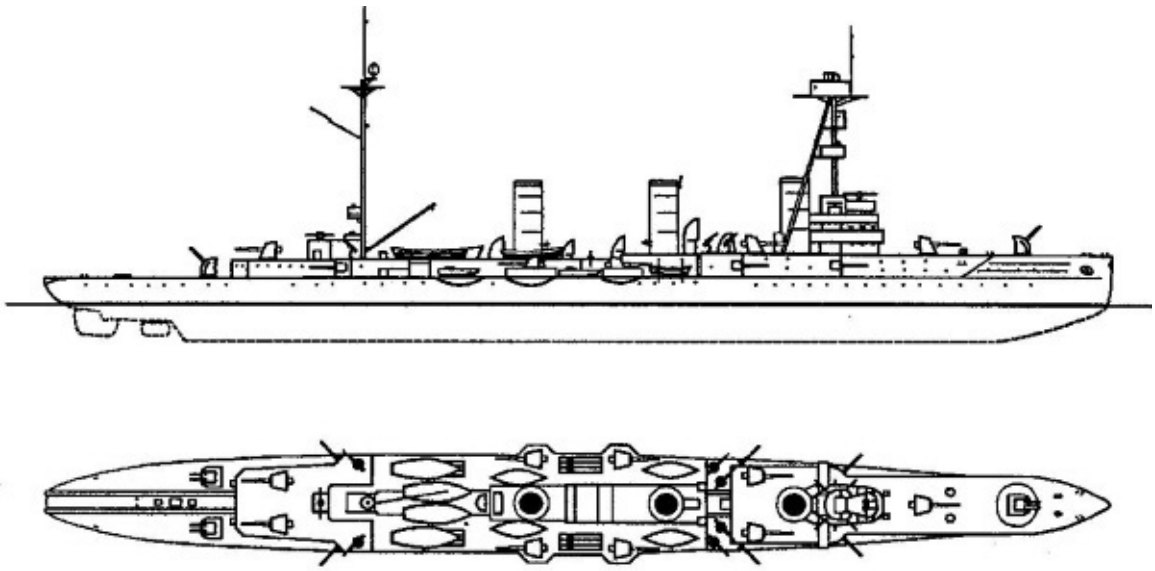

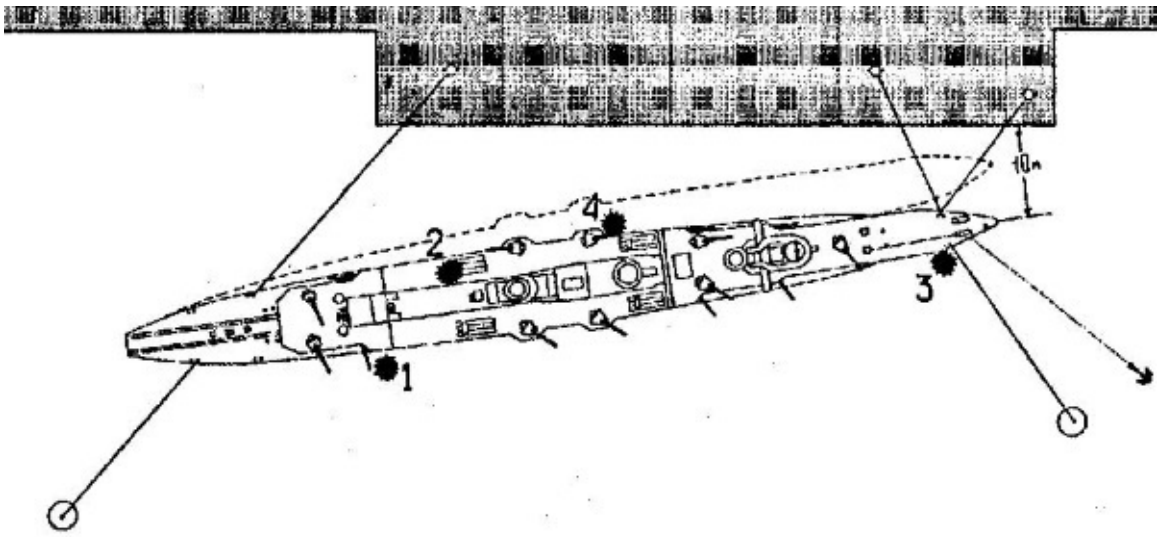
Схема крейсера «Червона Украина» (1941 г.)

Через 3 минуты 500-кг бронебойная бомба замедленного действия взорвалась на грунте в непосредственной близости от правого борта корабля, в районе 9—12 шпангоутов. Взрывом перебило якорь-цепь правого якоря и перлинь, заведенный на бочку. Крейсер носом прижало к пристани. Лопнул кормовой швартовый конец с левого борта.

В 12 ч. 12 мин. взрыв такой же бомбы был зафиксирован под днищем корабля с левого борта, в районе 48–54 шпангоутов. От взрывов корпус корабля завибрировал. Крейсер кренился на левый борт, и возник дифферент на нос.

Борьба за живучесть крейсера длилась 16 часов, но в 4 ч. 10 мин. 13 ноября корабль затонул.

В ходе налета, кроме крейсера, пострадали два эсминца (проектов 7 и 7У), ремонтировавшихся в Севастополе. Эсминец «Беспощадный» 22 сентября под Одессой в результате попадания авиабомбы потерял носовую часть по 44-й шпангоут и был отбуксирован в Севастополь. И вот 12 ноября «Беспощадный», стоявший у Минной пристани, получил прямое попадание в районе 3-го котельного отделения. 2-е и 3-е котельные отделения были затоплены, машины исправны. Корабль остался на плаву, но требовал капитального ремонта.

Крейсер «Червона Украина». Места и порядок разрывов авиабомб

Поздним вечером 17 ноября «Беспощадный» был взят на буксир эсминцем «Шаумян» и отведен в порт Поти.

Другой эсминец, «Совершенный», к началу войны достраивался у стенки Севморзавода. 30 сентября 1941 г. во время ходовых испытаний на Херсонесской мерной миле в 16 ч. 42 мин. он подорвался на нашем минном заграждении и получил пробоину в правом борту площадью 30 кв. м. В результате оказались затопленными 1-е и

2-е котельные отделения и 1-е машинное отделение. Корабль отбуксировали в Севастополь и поставили в док. А теперь юнкерсы достали его в сухом доке Севморзавода. Бомба попала в 4-е машинное отделение.

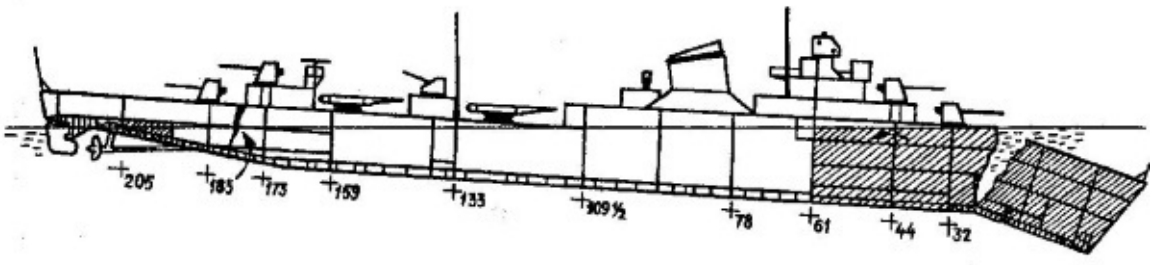

Схема боевых повреждений эсминца «Беспощадный» 22 сентября 1941 г.

В ходе этого налета было сбито два Ю-88, один из которых таранил

истребитель МиГ-3, а другой сбит зенитным огнем.

К исходу 12 ноября немцы заняли мыс Сарыч. Личный состав маяка и поста СНИС был вывезен, маяк Сарыч разрушен. При отходе огнем противника была потоплена шхуна. Потерь не было.

Как гласит «Хроника…», повторенная позже Г.И. Ванеевым и другими нашими историками: «Противник, подтянув свежие силы, с утра 13 ноября возобновил атаки против подразделений 40-й кавалерийской дивизии и передовых подразделений первого сектора обороны. Два батальона немцев с 35 танками наступали от высоты 198,4 вдоль Ялтинского шоссе и далее на высоту 440,8 и один батальон с танками – вдоль горной дороги от деревни Кучук-Мускомья на деревню Кадыковка»[165].

К исходу дня немцы овладели высотой 417,7, лесничеством, высотами 386,6 и 440,8, а часть сил 40-й кавалерийской дивизии, удерживавшая высоту 508,1, оказалась обойденной с флангов и окруженной.

С целью дезориентации противника и отвлечения части его сил от направления главного удара наше командование решило силами второго и третьего секторов нанести охватывающий удар и овладеть важным опорным пунктом – хутором Мекензия.

Опасаясь окружения своих частей в районе хутора Мекензия, а также считая, что советские войска переходят из северных секторов в общее наступление, командование 11-й немецкой армии срочно завершило переброску сюда 22-й пехотной дивизии. Это облегчило положение защитников южных секторов.

Из-за больших потерь 13 ноября 42-я кавалерийская дивизия была расформирована и ее остатки влиты в 40-ю кавдивизию. Также была расформирована 421-я стрелковая дивизия, остатки которой были обращены на пополнение 1330-го стрелкового полка.

Бои за Севастополь 14 ноября и общее положение дел хорошо изложено в «Хронике.»: «Утром 14 ноября с целью восстановления утраченных позиций на правом фланге части первого сектора обороны перешли в наступление. Весь день шли бои с противником, упорно отстаивавшим захваченные рубежи. К 17 ч. 00 м. после упорных боев части 40-й кавалерийской дивизии и батальон школы НКВД вышли на линию высот: 386,6—482,2—198,4 и 555,3. Но в 18 ч. 00 м. батальон школы НКВД, будучи контратакован немецкими автоматчиками, вновь беспорядочно отошел, обнажив правый фланг 40-я кавалерийской дивизии…

В районе черкез-керменского плацдарма части третьего сектора перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление врага, 3-й

полк морской пехоты, наступавший с севера, к 15 ч. 00 м. перерезал дорогу и овладел безымянной высотой в 1,5 км западнее дер. Черкез-Кермен, и почти окружил группировку немецких войск в районе хутора Мекензия, но вследствие недостаточной настойчивости частей 7-й бригады морской пехоты полностью окружить и уничтожить эту группировку не удалось. Противник, сосредоточив свыше пехотного полка, контратаками из хутора Мекензия и дер. Черкез-Кермен приостановил наше дальнейшее наступление и оттеснил части 3-го полка морской пехоты к югу от дороги, связывающей дер. Черкез-Кермен с хутором Мекензия.

Командующий Черноморским флотом доложил Сталину, что состояние обороны Севастополя продолжало оставаться исключительно напряженным. Противник имел на фронте 50-ю, 72-ю и 132-ю пехотные дивизии немцев, 32-ю егерскую дивизию, 36-й мотополк, 118-й мотоотряд и кавалерийскую бригаду румын.

14 ноября вновь подошедшая 72-я пехотная дивизия врага начала наступать на г. Балаклава. Для восстановления положения на фронт были брошены все резервы. Но не все наши части оказались достаточно устойчивыми в бою. 13 ноября разбежался батальон войск НКВД, открыв тем самым противнику путь на Балаклаву.

За весь период боев у Севастополя потери наших частей достигли 5000 человек, т. е. до 20 % всего состава войск.

Несмотря на просьбы, не было получено пополнения людьми, винтовками и пулеметами. Снарядов для полевой артиллерии оставалось на три дня»[166].

Германская авиация ежедневно, в том числе и 14 ноября, бомбила Севастополь. Вспомним ущерб флоту, нанесенный 12 ноября. И какова реакция командующего флотом адмирала Октябрьского? Доставка с кавказских баз зенитной артиллерии в Севастополь? Просьба усилить флотскую ПВО за счет орудий, поступивших от промышленности и армейских подразделений?

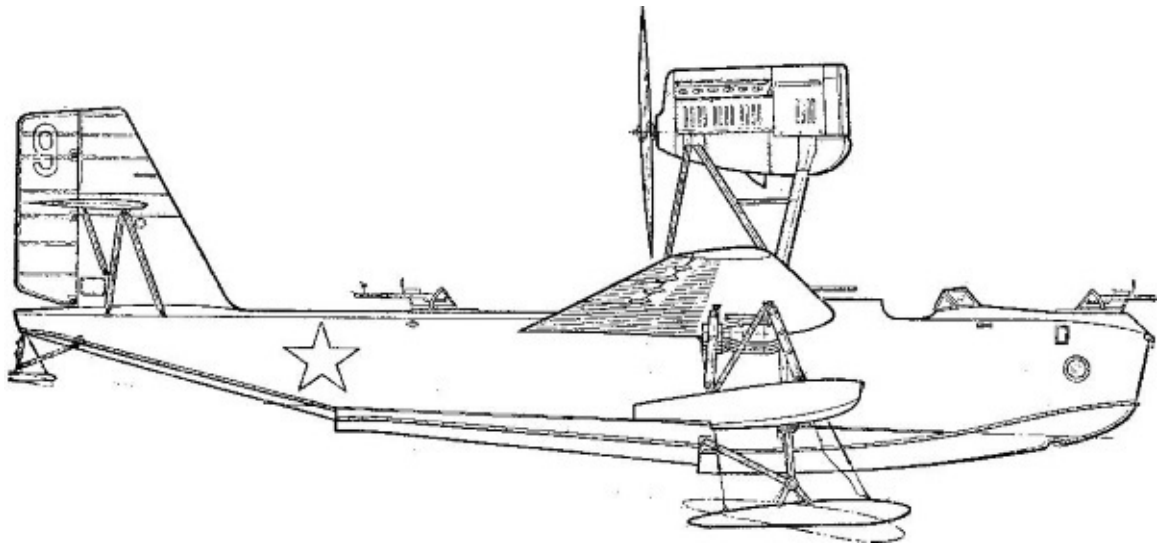
По приказу командующего Черноморским флотом и СОР от 12 ноября закончилась передислокация из Севастополя на Кавказ значительной части ПВО флота. Убыли 73-й, 122-й и 62-й зенитные артиллерийские полки и 243-й отдельный зенитный дивизион, а также 11-й батальон ВНОС. На них возлагалась задача усиления ПВО баз и Кавказского побережья. Хотя в директиве Ставки от 7 ноября указывалось, что использовать для усиления ПВО Новороссийска следует зенитную артиллерию, вышедшую из оставленных районов, на Кавказ были переведены 62-й и 122-й зенитно-артиллерийские полки ПВО главной базы. В Севастополе оставался только

61-й зенитно-артиллерийский полк и два отдельных дивизиона. Это всего 80 орудий среднего калибра из 160, которыми располагала главная база. Кроме того, в Севастополе были оставлены 10 пулеметов М-1 и 15 пулеметов М-4. Такое сокращение зенитной артиллерии, несомненно, отрицательно сказалось на интенсивности огня при отражении налетов вражеской авиации и борьбе с сухопутным противником.

В 7 ч. 40 мин. 15 ноября в Севастополь прибыл транспорт «Абхазия» с войсками, переброшенными с Кавказа.

Севастопольский оборонительный район по-прежнему подвергался налетам вражеской авиации. 16 ноября с 12 ч. 06 мин. до 12 ч. 44 мин. двенадцать Ю-88 бомбили район Инкермана. В 12 ч. 30 мин. бомба попала в баржу СП-4 (396 т), которая была под погрузкой боекомплекта. Снаряды сдетонировали. В результате взрыва погибло 12 человек и ранено 29. Баржа и рядом стоявший катер затонули. Затем последовал второй налет. Цитирую «Хронику…»: «С 15 ч. 30 м. до 20 ч. 07 м. 27 самолетов Ю-88 и Ю-87 снова бомбили главную базу и войска на фронте. При отражении налетов на главную базу наши летчики сбили два немецких самолета и зенитчики – один Ю-88. Наши потери – один МиГ-3»[167].

А вот что пишет по сему поводу Г.И. Ванеев: «Вражеская авиация дважды группами бомбила боевые порядки наших войск и город. Всего участвовало 39 самолетов. Авиабомбой у Сахарной балки были взорвана баржа с боезапасом. Убиты 12 и ранены 29 человек. При отражении налетов на главную базу летчики сбили два немецких самолета и зенитчики – один. Вел бой с вражескими истребителями и младший лейтенант Я.М. Иванов. Он сбил Ме-109, после чего заметил прорывающийся к Севастополю немецкий бомбардировщик. Иванов начал преследование, но кончился боезапас. Яков Матвеевич пошел на таран. До-215 был уничтожен, но при этом погиб и отважный летчик»[168].

Летающая лодка МБР-2

Откуда взялись До-215 и таран Иванова и почему их нет в «Хронике…», можно только гадать.

Командующий Черноморским флотом и СОР вице-адмирал Октябрьский получил директиву Ставки Верховного главнокомандования от 19 ноября за № 004 973, которой командование войсками Крыма упразднялось, а командующий Черноморским флотом и СОР с 22 часов этого дня подчинялся непосредственно Ставке.

На суше 16–20 ноября бои шли с переменным успехом. Несколько слов стоит сказать об активности нашей авиации. Так, 17 ноября шесть МБР-2, шесть И-5, четыре У-2, пять Ил-2, один Пе-2 и четыре И-16 бомбили и штурмовали войска противника в районе Кучук-Мускомья и Варнутки. Было уничтожено и выведено из строя 15 автомашин.

На следующий день шесть И-5 и четыре У-2 бомбили ночью вражеские войска в районе села Шули. Один И-16 при посадке скапотировал и сгорел, летчик остался невредим.

Днем пять МБР-2, четыре И-5, четыре У-2, пять Ил-2, четыре И-16 и два МиГ-3 бомбили и штурмовали вражеские войска на подступах к Севастополю. Уничтожено и выведено из строя до двух рот пехоты противника. Один И-16 упал в воду и затонул, летчик спасся.

20 ноября корабли Черноморского флота впервые обстреляли населенные пункты Южного берега Крыма, занятые немцами. Какие же корабли решил использовать для этого Октябрьский? Линкор? Пять крейсеров? Эсминцы? Нет. Подводные лодки. В ночь с 19 на 20 ноября подводная лодка С-32 обстреляла Ялту, а подводная лодка Д-4 выпустила 36 100-мм и 45-мм снарядов по Алуште. В обоих случаях немцы не

отвечали (видимо, отвечать-то было некому), а лишь выключили освещение.

21 ноября в 12 ч. 30 мин. в Севастополь с грузом боеприпасов прибыл лидер «Ташкент». Он быстро разгрузился и уже в 20 ч. 10 мин. вышел из главной базы. Маневрируя за внутренней кромкой советского минного заграждения (жаль, что нельзя написать, что говорили моряки о милых адмиралах, приказавших учинить сие заграждение), лидер обстрелял пункты скопления войск противника – Кача, Голумбей и Тас-Тепе. Всего было выпущено 145 130-мм снарядов. Затем лидер полным ходом пошел к берегам Кавказа и 23 ноября в 11 ч. 40 мин. прибыл в Батуми.

Официальные советские историки считают временем окончания первого штурма Севастополя 21 ноября 1941 г. В этот день немцы силами одной пехотной дивизии перешли в наступление в направлениях на деревню Камары и деревню Нижний Чоргунь. Главный удар был нанесен в направлении на Камары.

Части первого и второго секторов оказывали упорное сопротивление и наносили вместе с артиллерией армии и береговой обороны главной базы большие потери наступавшему противнику. Но все же под нажимом превосходящих сил врага наши части первого сектора вынуждены были отойти на новые рубежи. К 10 часам немцы овладели деревней Камары. Однако коротким и сильным контрударом частей 514-й стрелковой дивизии деревня Камары была отбита, и полк закрепился на ее восточной окраине.

В результате этих боев части первого сектора к исходу дня обороняли рубеж: высота 212,1, западные скаты высоты 440,8 и восточная окраина деревни Камары.

Неоднократные атаки немцев на участке второго сектора на Чоргунском направлении были отбиты с большими потерями для противника, который в итоге боев отошел на исходные позиции.

В 20 часов 21 ноября на фронте первого сектора обороны немцы прекратили наступление. В последующие три недели немцы особой активности под Севастополем не проявляли.

С 23 ноября по 16 декабря по морю в Севастополь было доставлено маршевое пополнение в количестве 21 стрелковой роты и 7 специальных рот, всего 6500 человек. Для пополнения частей морской пехоты в тот же период было доставлено около трех батальонов 9-й бригады морской пехоты, а для частей береговой обороны и ПВО – отдельные роты моряков (до 1000 человек).

Кроме того, 9—15 декабря в Севастополь была доставлена 388-я стрелковая дивизия (10 817 человек, 35 орудий и минометов).

14 декабря П.И. Батов был снят с должности командующего 51-й армией, а на его место был назначен генерал В.Н. Львов.

В конце ноября 1941 г. адмирал Октябрьский впервые решился, надо полагать, из-за спада активности немцев, применить в боевых условиях 305-мм пушки линкора «Парижская Коммуна». 26 ноября в 18 ч. 40 мин. линкор покинул порт Поти, где он оставался с 4 ноября, и в сопровождении эсминца «Смышленый» направился к Севастополю.

В полночь на 28 ноября оба корабля прибыли в район главной базы и находились у кромки своего минного заграждения. С 00 ч. 13 мин. до 00 ч. 30 мин. 28 ноября линкор выпустил сто 305-мм и триста 120-мм снарядов, а эсминец – сто двадцать 130-мм снарядов. Стрельба производилась по площади на ходу по херсонесской мерной миле на пути к Балаклаве, внутри минного заграждения. Вспомогательной точкой наводки служил красный огонь, установленный в точке с координатами ш = 40°29′,3 и д = 33°33′,6. Обстреляны скопления немецких войск в районе деревень Варнутка, Кучук-Мускомья, Хайто и Байдары.

В 2 часа ночи 28 ноября линкор «Парижская Коммуна» и эсминец «Смышленый» вышли за внешнюю кромку минного заграждения и 29 ноября в 9 ч. 20 мин. вошли в порт Поти. При входе в порт линкор ухитрился потопить буксир «Красный Октябрь», который пытался его отбуксировать в порт. Сам линкор сел при этом на мель, но вскоре был снят. Погибли капитан буксира и два краснофлотца. Это был единственный корабль, потопленный нашими крупными кораблями (линкором и крейсерами) за всю войну.

В «Справочнике потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» о «Красном Октябре» написано: «29 ноября в 9 ч. 20 мин. буксир “Красный Октябрь” у входа в порт Поти в штормовую погоду перевернулся и затонул»[169].

Глава 8
Забытые десанты – Евпатория, Судак, Алушта

Бои в Крыму с 25 декабря 1941 г. по 2 января 1942 г. вошли в историю как «Керченско-Феодосийская десантная операция». В чем-то это справедливо, ведь основные боевые действия происходили на Керченском полуострове. Но в тени этого сражения остались небольшие десанты в Евпаторию, Судак и Алушту.

По первоначальному замыслу советского командования войска 51-й и 44-й армий должны были объединиться и развить наступление в направлении Карасубазара. Одновременно должны были наступать войска Приморской армии из Севастополя в направлении Бахчисарай – Симферополь. По ходу наступления должны быть высажены десанты: с Кавказа – в район Судака и Алушты, из Севастополя – в районы Евпатории и Ялты.

План наступления был составлен грамотно. Легко предположить, что даже небольшому числу немецких войск будет нетрудно удержать узкий керченский перешеек, а затем, подтянув резервы, контратаковать советский десант. Можно ли было надеяться, что части СОР, не имея достаточного количества гаубиц и мортир (да и боеприпасов к имевшимся орудиям имелось крайне мало), без тяжелых танков быстро прорвут глубоэшелонированную со сложным рельефом местности оборону немцев и выйдут на оперативный простор?

И тут важную роль должны были сыграть десанты в Судак, Алушту, Ялту и Евпаторию. Там было сосредоточено мало войск противника, да и в основном не немцы, а румыны. Благодаря этим десантам противник в Крыму мог оказаться практически в кольце. Десантники, высаженные у Евпатории и Судака, могли быстро перерезать дороги, связывавшие Севастополь с Симферополем, Феодосией и Керчью. Но, увы, командование Черноморским флотом выделило для десантов ничтожные силы, да и те высаживались с большим интервалом времени. Везде даже малым силам десанта сопутствовала удача, но затем из-за отсутствия подкреплений и должной огневой поддержки кораблей десанты погибали, не сумев решить поставленных задач.

3 января 1942 г. адмирал Октябрьский сообщил находившемуся в Новороссийске начальнику штаба флота для доклада командующему Кавказским фронтом, что в Севастополе был подготовлен десант для

высадки в районе Евпатории в составе одного батальона в качестве первого эшелона и одного батальона в качестве второго эшелона. Высадку намечалось произвести, как только позволит погода.

Район Евпатории благоприятствовал высадке десанта, что в свое время показала Крымская война. Но вот высаживать туда два батальона было, по меньшей мере, глупостью, если не преступлением. Нетрудно догадаться, что немцы могли перебросить туда значительные силы и легко уничтожить десант. Высаживать следовало как минимум дивизию. И командование СОРа могло выделить для десанта в Евпатории достаточно сил, благо, немцы в начале января и не помышляли о штурме города, тем более что к 4 января в Севастополь прибыла 386-я стрелковая дивизия.

Первый эшелон десанта в Евпатории состоял из усиленного батальона морской пехоты под командованием капитан-лейтенанта Г.К. Бузинова. В батальон была включены рота войск НКВД (100 чел.) из 24-й погранкомендатуры. Всего в десанте были более 700 человек.

Для высадки первого эшелона был сформирован отряд кораблей в составе быстроходного тральщика «Взрыватель», буксира «СП-14» и семь сторожевых катеров типа МО-4 (МО-041, МО-081, МО-062, МО-0102, МО-0195, МО-0125, МО-036) из состава 1-го и 2-го дивизионов ОВР главной базы. Командиром отряда кораблей и командиром высадки был назначен уроженец Евпатории, начальник штаба Новороссийской военно-морской базы капитан 2 ранга Н.В. Буслаев, военкомом – военком ОВР главной базы полковой комиссар А.С. Бойко.

На буксир «СП-14» погрузили три танкетки (видимо, Т-38 или Т-39), а также три 45-мм противотанковые пушки.

В 23 ч. 30 мин. 4 января соединение скрытно вышло из Севастополя. В 2 ч. 41 мин. 5 января корабли с десантом подошли к точке тактического развертывания и по сигналу с флагмана направились к заранее условленным пунктам высадки у Евпатории. Часть сторожевых катеров МО с ходу подошла вплотную к берегу без всякого противодействия со стороны противника. В 3 часа ночи началась высадка с катеров на причалы Хлебной и Товарной пристаней. С левой стороны пассажирской пристани швартовался буксир «СП-14». Удачно причалил и тральщик «Взрыватель».

Высадка была произведена быстро и закончилась к 6 часам. Вместе с первым эшелоном десанта были высажены работники оргбюро обкома партии во главе с Я.Н. Цыпкиным и Ф.А. Павловым, чекисты во главе с капитаном госбезопасности Л.М. Полонским, работники милиции под руководством майора С.И. Иванова и капитана П.В. Березкина и работники особого отдела Черноморского флота во главе с майором А.И.

Галушкиным. Они должны были «восстановить в Евпатории советскую власть, а в случае неудачи десанта остаться в тылу врага для разведывательной и диверсионной работы».

Видимо, на помощь десантникам пришли местные жители, что дало повод Манштейну написать: «Одновременно в городе вспыхнуло восстание, в котором участвовала часть населения, а также просочившиеся, по-видимому, извне партизаны. Незначительные силы охранения, выделенные для обороны города и порта, не смогли помешать высадке и подавить восстание. Румынский артиллерийский полк, предназначенный для береговой обороны, оставил свои позиции»[170].

А теперь обратимся к «Хронике…»: «Корабли и десант подверглись обстрелу артиллерийским и минометным огнем противника и беспрерывной бомбардировке с воздуха. Ведя уличные бои, десант нес большие потери и в 9 ч. 00 м. продвижение его было приостановлено. Около 10 ч. 30 м. радиосвязь с десантом прекратилась.

Около 14 ч. 00 м. тральщик “Взрыватель” расстрелял весь боезапас своего 100-мм орудия. К этому времени он имел серьезные повреждения и большие потери в личном составе. Вскоре накатом волны “Взрыватель” был выброшен на мель в районе соляных промыслов.

Высланные из главной базы в Евпаторию торпедные катера № 91 и 111 с боезапасом в районе Качи были атакованы авиацией и обстреляны береговой батареей противника, в результате чего катер № 91 затонул, личный состав его погиб, а катер № 111 возвратился в главную базу. Вторично посланные в Евпаторию два торпедных катера с боезапасом задание не выполнили; № 111 сел на мель в районе Евпатории, а второй катер вернулся в базу, не найдя тральщика “Взрыватель”. Немцы сняли катер с мели и ввели в строй под названием S-47.

В 23 ч. 32 м. поврежденный морской буксир “СП-14” и пять сторожевых катеров МО возвратились из Евпатории в Севастополь. Связь с высаженным в Евпатории десантом отсутствовала»[171].

Создается впечатление, что евпаторийский десант умышленно послали на убой. Авиация СОРа занималась всем, чем угодно, только не помощью десанту. Цитирую «Хронику…» за 5 января: «В первую половину ночи четыре И-153, четыре И-15 и два У-2 бомбардировали и штурмовали вражеские войска в районах селений Дуванкой, Гаджикой и Биюк-Отаркой. В Гаджикой было уничтожено девять автомашин и пять построек, а в Дуванкой возникло два пожара.

Два ДБ-3 и семь МБР-2 бомбили немецкий аэродром Сарабуз. Бомбы

были сброшены в расположение восьми самолетов, стоявших в северо-западной части аэродрома. Противник не оказывал противодействия.

Во вторую половину ночи два ДБ-3 бомбили селение и аэродром Карасубазар, но немецких самолетов на этом аэродроме не обнаружили; в селении были отмечены три сильных взрыва. Один ДБ-3 снова бомбил аэродром Сарабуз. Два И-15 бис нанесли удар по вражеским автомашинам в селении Гаджикой, уничтожив три машины.

В первую половину дня один МБР-2 опять бомбил аэродром Сарабуз; разрывы бомб были отмечены в расположении десяти вражеских самолетов. Пять МБР-2, один ГСТ, три Пе-2, два Ил-2, четыре И-16 и два Як-1 бомбардировали войска противника в селениях Дуванкой, Биюк-Отаркой, Гаджикой, Орта-Кесек, Карасу-базар и др.

Во вторую половину дня четыре Пе-2, два Ил-2, три И-16 и два Як-1 нанесли удар по немецким автоколоннам на дороге Симферополь – Курман-Кемельчи, на дороге Николаевка – Саки – Евпатория и на дороге Мамашай – Кача.

(И лишь) два Пе-2 в сопровождении четырех Як-1 бомбардировали вражеские войска в Евпатории (в районе Курзала)»[172].

Какой прок от ночных штурмовок истребителями «вражеских автомашин»? У них что, приборы ночного видения были? А вот помочь десантникам авиация могла, да заодно и корректировать огонь корабельной артиллерии.

4 января в 5 ч. 07 мин. крейсер «Молотов» вошел в главную базу. А в Евпатории уже 2 часа шел бой. Посмотрим на карту. «Молотову» потребовалось бы пройти всего 12 км на север от Севастополя, чтобы Евпатория оказалась в зоне огня его 180-мм пушек, то есть потребовалось бы всего 20–25 минут полного хода.

Разумеется, десант могли поддержать и эсминцы огнем своих 130-мм орудий. Вместо этого 5 и 6 января крейсер «Молотов» и лидер «Ташкент», стоя на якоре в Севастопольской бухте, вели огонь по вражеским войска на фронте главной базы. «Молотов» сделал 251 выстрел, а «Ташкент» – 68 выстрелов.

Понятно, что Манштейн, в отличие от наших гениальных адмиралов и не менее гениальных генералов, сообразил, что потеря Евпатории может привести к потере всего Крыма. Он писал: «Хотя обстановка на феодосийском участке была очень серьезной, командование армии вынуждено было все-таки решиться на то, чтобы повернуть первый же направлявшийся туда на автомашинах с южного фронта из-под Севастополя полк (105-й пехотный полк) и послать его в Евпаторию с

задачей возможно скорее уничтожить высадившиеся здесь войска и поддерживающие их вооруженные элементы из населения. Находившиеся в распоряжении командования армии разведывательный батальон 22-й пехотной дивизии, несколько батарей и 70-й саперный батальон уже ранее были направлены в Евпаторию»[173].

6 января в 2 ч. 15 мин. эсминец «Смышленый» и базовый тральщик № 27 вышли из Севастополя в Евпаторию для высадки десанта. Но погода не благоприятствовала операции – дул семибалльный юго-западный ветер, на море было волнение до 5 баллов. Все это помешало выполнению задания, и корабли ушли в главную базу. «Смышленый» в районе Евпатории был обстрелян немецкой батареей.

В тот же день в 20 ч. 26 мин. из Севастополя в Евпаторию для высадки десанта вышел еще один отряд кораблей в составе лидера «Ташкент», тральщика № 27 и двух сторожевых катеров МО. Но погода не улучшалось, по-прежнему дул юго-западный ветер силой до 7 баллов, волнение на море усилилось до 6 баллов, и от высадки пришлось отказаться.

6 января авиация СОРа наносила интенсивные удары по врагу. Цитирую «Хронику»: «В первую половину дня четыре Ил-2 в сопровождении четырех И-16 нанесли удар по войскам противника в лощине, что севернее отметки 35,7; были уничтожены две автомашины, три повозки и подавлены три минометные батареи.

Шесть Ил-2 в сопровождении восьми И-16, двух Як-1 и двух МиГ-3 нанесли штурмовой удар по десяти вражеским минометам в лощине к северу от отметки 37,5 и по орудию у отметки 48,68.

Во вторую половину дня четыре И-153 бомбардировочными и штурмовыми ударами уничтожили немецкую полевую батарею в районе высоты 133,3.

Шесть Пе-2, вылетая поодиночке, последовательно бомбили, а два Ил-2 в сопровождении четырех И-16 штурмовали скопление пехоты и минометные батареи противника в районе высоты 103,9»[174].

А в 60 км от Севастополя погибал евпаторийский десант, но туда не направлено ни одного самолета. На следующий день ВВС СОРа произвели 61 самолето-вылет, но Евпаторию опять не бомбили.

7 января в 1 ч. 27 мин. лидер «Ташкент», базовый тральщик N27 и два сторожевых катера МО, вышедшие накануне в 20 ч. 27 мин. в район Евпатории для высадки десанта, прибыли в Севастополь и в 20 часов снова вышли в море с той же задачей.

В тот же день в 20 ч. 40 мин. из Севастополя в район Евпатории для

высадки диверсионной группы вышла подводная лодка «М-33».

Рано утром 8 января недалеко от маяка подводная лодка «М-33» высадила 13 разведчиков во главе с батальонным комиссаром У.А. Латышевым, которые проникли в город и передали по радио о гибели десанта. Из-за шторма подводная лодка не смогла подойти к берегу и принять разведчиков. И 14 января наши разведчики были обнаружены в Евпатории немцами. В 15 ч. 49 мин. Латышев передал открытым текстом: «Мы подрываемся на своих гранатах. Прощайте!»

8 января в 1 ч. 45 мин. лидер «Ташкент» обстреливал батареи противника и прожектор в порту Евпатории. Немцы отвечали артогнем и светили прожекторами. Высаженная на берег разведгруппа донесла, что все пристани в порту были заняты немцами, причем на одной из пристаней находился прожектор, а на другой – батарея. Боя в городе не было. У вокзала горели дома. Не установив связи с ранее высаженным десантом и встретив сильное огневое сопротивление противника, отряд кораблей в составе «Ташкента», базового тральщика № 27 и двух сторожевых катеров МО в 8 часов утра вернулся в главную базу.

В Евпатории же тральщик «Взрыватель», выброшенный на берег, был расстрелян в упор германскими танками, вышедшими на пляж.

Манштейн писал: «Посланным в Евпаторию частям, находившимся сначала под командованием полковника фон Гейгля, а затем полковника Мюллера (командира 105-го пехотного полка), удалось в тяжелых уличных боях одержать верх над противником. Особенно упорное сопротивление оказывали повстанцы и партизаны, засевшие в большом здании. Не оставалось, наконец, ничего другого, как подорвать это здание с помощью штурмовых групп саперов. В боях в Евпатории наряду с многими храбрыми солдатами пал смертью героя и командир разведывательного батальона, подполковник фон Боддин, один из храбрейших наших офицеров и горяча любимый солдатами командир. Он был застрелен партизанами, находившимися в засаде.

7 января бой в Евпатории был кончен. Высадившиеся войска русских были частично уничтожены, частично взяты в плен. Были убиты около 1200 вооруженных партизан»[175].

Десант в Судак планировалось провести синхронно с евпаторийским десантом. Первоначально намечалось высадить в ночь на 6 января усиленный батальон 226-го полка 63-й стрелковой дивизии 44-й армии. Доставку и высадку десанта должны были осуществить эсминец «Способный» и сторожевой катер.

5 января капитан 3 ранга Е.А. Козлов (командир «Способного»)

получил от начальника штаба Черноморского флота приказание в 20 часов 5 января выйти из Новороссийска совместно со сторожевым катером СКА-0111 и к 6 часам утра 6 января высадить десант в районе Судака, в случае противодействия противника прикрыть высадку артиллерией корабля. После высадки десанта обстрелять Судак и Биюк-Кучук. По выполнении задания вернуться в Феодосию.

Приняв на борт десант морской пехоты в количестве 218 человек из 226-го горностелкового полка (из которых 35 человек с автоматами были посажены на СКА-0111 для первого броска), боезапас и продукты, корабли в 21 час 5 января вышли из Новороссийска. Но сторожевой катер не мог дать более 16 узлов, а затем из-за усилившейся волны и неисправности мотора его ход уменьшился до 10 узлов. Поэтому командир эсминца решил взять с катера десантников и выполнить задачу самостоятельно.

В 4 ч. 53 мин. 6 января «Способный» подошел к Судаку. Дул семибалльный ветер, море было до 5 баллов. Прямо на берег бил сильный накат волны. Пройдя вдоль берега до мыса Чеканный, командир эсминца решил произвести высадку в этом месте, так как мыс был прикрыт от ветра и бурунов.

В 5 ч. 40 мин. с эсминца спустили катер с двенадцатью автоматчиками. Высадившись на берег, десантники противника вблизи не обнаружили и закрепились. После этого переброска десанта производилась одновременно катером и шлюпкой, которые брали по 35 человек с вооружением и сделали по 7 рейсов.

В 8 ч. 50 мин., подняв на борт катер и шлюпку, «Способный» снялся с якоря и с 9 ч. 21 мин. до 9 ч. 50 мин. обстреливал Судак и Биюк-Кучук, а затем пошел в Феодосию, куда и прибыл в 0 ч. 30 мин. 7 января.

Десантники попытались захватить германскую комендатуру[176] в поселке Новый Свет. Нападение было отбито, командир группы и несколько бойцов убиты. Остальные десантники ушли в лес, на гору Перчем. Группа держала под наблюдением дорогу Алушта – Судак до прихода основных сил полка.

Замечу, что адмирал Октябрьский и Военный совет Черноморского флота всеми силами противились высадке десантов, мотивируя это тем, что противник, учтя опыт Керчи и Феодосии, усилил оборону отдельных пунктов Южного берега Крыма и что поэтому малочисленные десанты успеха иметь не будут, так как не смогут соединиться со своими войсками в течение нескольких дней и будут уничтожены противником.

Кроме того, флот имел большие потери в корабельном составе. В связи с этим, а также учитывая дальнейшие операции флота и большие перевозки

по обеспечению войск Крыма, Военный Совет флота просил командующего флотом не организовывать в данное время дополнительных десантов, а ограничиться лишь действиями кораблей флота по поддержке фланга армии огнем корабельной артиллерии в ночное время.

Командующий фронтом в уточнение директивы от 8 января предложил высадить небольшие десанты в районе Мамашай – Кача и в южной части Евпаторийского залива с целью воздействовать на тылы противника, а через день-два соединиться со своими частями, наступающими на Дуванкой – Бахчисарай. В южной части Крымского полуострова, на участке Форос – Алупка – Ялта в ночь на 12 января провести набеговую операцию с одновременной высадкой десанта в районе Судака. Действия этого десанта поддержать огнем корабельной артиллерии.

10 января начальник штаба Черноморского флота доложил Военному совету Кавказского фронта план десантной операции в районе Судака, утвержденный Военным советом флота. План этот состоял в следующем:

1. Десант в районе Судака высадить с боевых кораблей (крейсера «Красный Крым», канонерской лодки «Красный Аджаристан», эскадренного миноносца «Сообразительный» и четырех сторожевых катеров МО) в составе 226-го горнострелкового полка (1750 бойцов при четырех 76-мм горных орудиях).

Начало высадки – в 1 час 00 мин. 13 января. Артиллерийская подготовка – по обстановке. Задача 226-го горнострелкового полка – во взаимодействии с Коктебельской группировкой наших войск овладеть районом Судак – Кутлак и действовать в направлении селения Салы для удара во фланг Сальской группировки противника.

После высадки десанта крейсер «Красный Крым» и эсминец «Сообразительный» с двумя сторожевыми катерами отходят в Новороссийск, а канонерка «Красный Аджаристан» и два сторожевых катера остаются в районе Судака для огневой поддержки высаженного десанта. Эти корабли должны прикрываться истребительной авиацией 44-й армии. Бомбардировочная авиация флота будет действовать по войскам противника на дороге Ялта – Судак.

2. Одновременно с высадкой десанта в Судаке на сторожевых катерах МО произвести высадку десанта в Алуште в составе 35 человек. Задача диверсионного десанта – отвлечь внимание противника от десанта в районе Судака. С рассветом диверсионная группа будет снята теми же сторожевыми катерами МО.

3. Линкор «Парижская Коммуна» в охранении трех эсминцев будет обстреливать селение Салы, а крейсер «Красный Крым» – селение Старый

Крым с 2 ч. 00 мин. до 3 ч. 00 мин. 12 января.

Как видим, план был составлен неплохо…

Замечу, что линкор «Парижская Коммуна» в январе 1942 г. действовал довольно интенсивно. Так, 5 января линкор в сопровождении эсминца «Бойкий» в 16 ч. 15 мин. вышел из Новороссийска в район Феодосии для обстрела позиции противника в районе селений Старый Крым и Салы. 6 января в 6 ч. 55 мин. линкор выполнил стрельбу, израсходовав 168 снарядов главного калибра, и возвратился в Новороссийск.

7 января «Парижская Коммуна» и «Бойкий» ушли из Новороссийска в Поти и прибыли туда 8 января в 10 ч. 30 мин. В 7 ч. утра 11 января «Парижская Коммуна» в охранении эсминца «Свободный» вышла опять для обстрела позиций противника в районе селений Старый Крым и Салы. Уже в море «Свободный» повернул на Поти, а его место заняли эсминцы «Бодрый» и «Железняков». 12 января с 2 ч. 32 мин. до 2 ч. 59 мин. линкор выполнил стрельбу главным калибром по позиция противника в районе селений Старый Крым и Салы, израсходовав 139 снарядов, и 8 ч. 35 мин. 13 января возвратился в Поти.

В 16 ч. 40 мин. 14 января канонерка «Красный Аджаристан», приняв на борт 580 человек десанта, совместно с отрядом высадочных средств, на которые также было принято 136 десантников, вышли из Новороссийска в район Судака.

В 13 ч. 15 января отряд корабельной поддержки (линкор «Парижская Коммуна» и эсминцы «Безупречный» и «Железняков») и отряд высадки (крейсер «Красный Крым» с 500 десантниками и эсминцы «Сообразительный» и «Шаумян», также с бойцами десанта) вышли из Новороссийска. В 14 ч. эти корабли обстреляли появившийся самолет-разведчик и, чтобы обмануть неприятеля, легли на курс 260°, который вел значительно южнее Севастополя.

В пути выяснилось, что подразделения десанта при посадке перепутали названия кораблей. Поэтому подразделение, которое должно было погрузиться на «Шаумян», оказалось на «Сообразительном». Выяснив это, командир 226-го горнострелкового полка по семафору поставил частям десанта, шедшим на эсминцах, новые задачи соответственно их новым местам высадки.

С наступлением темноты отряд изменил курс и в 22 ч. 30 мин. пришел в точку рандеву, но ни канонерки «Красный Аджаристан», ни сторожевых катеров не обнаружил. Не задерживаясь, отряд пошел к району высадки десанта, а канонерке и сторожевым катерам по радио было приказано следовать к месту высадки самостоятельно.

Навигационное обеспечение перехода осуществляли подводные лодки Щ -201 и М-55. Одна стояла на якоре в 25 кабельтовых от Судака, а другая в 5 милях к югу от первой. В назначенное время они включали огни, дальность видимости которых составляла 5–7 миль.

В 23 ч. «Сообразительный» и «Шаумян» пошли к своим местам высадки, а остальные корабли – к местам артиллерийских позиций. С 23 ч. 45 мин. 15 января до 0 ч. 25 мин. 16 января корабли обстреливали район высадки главных сил десанта.

15 января в 13 ч. линкор «Парижская Коммуна» вышел из Новороссийска и в ночь на 16 января обстрелял район Судака, выпустив 125 305-мм и 585 120-мм снарядов, причем часть из них была осветительными.

В полночь на 16 января эсминцы «Свободный» и «Шаумян» начали высадку десанта. Первый – в бухте Новый Свет, а второй – восточнее мыса Эльчан-Кая.

В 0 ч. 44 мин. 16 января началась высадка десанта с канонерки «Красный Аджаристан», которой удалось в назначенном месте удачно приткнуться носом к берегу, а в 1 час ночи началась высадка с «Красного Крыма». К 5 часам утра катера отряда высадки закончили переброску десанта с крейсера на берег, а в 6 часов закончила высадку и канонерская лодка. После чего корабли пошли в свои базы.

В 15 ч. 25 мин. 16 января в Новороссийск прибыл «Красный Крым», в 17 ч. 22 мин. – «Шаумян», а ровно в полночь – «Сообразительный». 17 января в 11 ч. 25 мин. в Новороссийск пришла канонерка «Красный Аджаристан».

В 9 ч. утра 17 января «Парижская Коммуна» в охранении эсминцев «Безупречный» и «Железняков» прибыла в Поти.

Дальнейшие действия десанта неясны. О них молчит «Хроника…», а Г.И. Ванеев пишет коротко и неясно: «Противник не оказал существенного сопротивления десанту. Это объясняется тем, что его 30-й и 42-й корпуса в это время наступали на Феодосию. Войска Кавказского фронта отошли на Керченский полуостров и заняли оборону в самом узком его месте – на Ак-Манайских позициях. В сложившейся обстановке 226-й горнострелковый полк не мог повлиять на обстановку и вынужден был перейти к обороне. Полк геройски удерживал занятый в Судаке прибрежный плацдарм»[177].

То есть войск противника вроде бы и не было, но полк вел с кем-то упорные бои. Надо ли говорить, что этим противником могли быть только татары.

В ночь на 23 января эсминец «Бодрый» доставил боеприпасы и

продовольствие 226-му горнострелковому полку, действовавшему в районе Судака. Несмотря на то что в ночь на 23 января шторм достигал 9 баллов, эсминец выпустил по берегу 273 снаряда.

22 января командующий Черноморским флотом приказал в ночь на 23 января высадить десант в районе Судак – Новый Свет в составе 544-го горнострелкового полка 138-й горнострелковой дивизии. 544-му полку после высадки надлежало войти в подчинение командиру 226-го горнострелкового полка.

Для проведения этой десантной операции был выделен отряд кораблей в составе крейсера «Красный Крым», эсминцев «Сообразительный», «Безупречный» и «Шаумян» и отряд высадочных средств в составе базового тральщика № 412 и шести сторожевых катеров типа МО. Для обеспечения подхода кораблей к берегу в районе Судака находились подводные лодки Щ-201 и М-55. Корабли отряда находились в Туапсе, а отряд высадочных средств – в Новороссийске.

«Красный Крым» и «Шаумян» приняли на борт личный состав 554-го горнострелкового полка (1576 человек), после чего «Красный Крым» с эсминцами «Сообразительный» и «Безупречный» в 16 часов 23 января вышли из Туапсе в Новороссийск. «Шаумян», получивший в Туапсе во время штора незначительные повреждения, шел самостоятельно. К 7 часам утра 24 января все корабли, участвовавшие в операции, сосредоточились в Новороссийске.

В тот же день в 10 ч. 40 мин. отряд высадочных средств вышел из Новороссийска, а в 12 часов вышли и корабли с десантом.

В 22 ч. 15 мин. с «Красного Крыма» заметили красный огонь с подводной лодки «Щ-201», а вскоре обнаружили и отряд высадочных средств. «Красный Крым» и «Шаумян», став на якорь, спустили шлюпки и барказы, и в 23 ч. 30 мин. начали высадку десанта.

В это время «Безупречный» и «Сообразительный» отошли, первый к западу, а второй – к востоку от места высадки, чтобы немедленно подавить огневые точки противника, если они откроют огонь по десанту с флангов. С «Безупречного» были спущены две шлюпки и отосланы к «Шаумяну» для помощи в высадке десанта.

Сторожевые катера МО, переправив отряд моряков с тральщика 412 на берег, тоже подошли к «Шаумяну» и к «Красному Крыму» для помощи в высадке десанта. Катера в первую очередь перевозили с крейсера боезапас и продовольствие, а барказы высаживали личный состав десанта. Противник помех не оказывал.

Но высадочных средств не хватало, погодные условия осложняли

перевозку десанта – на море было довольно сильное волнение, шлюпки быстро обледенялись, разгрузка на берегу шла медленно, так как там имелась лишь одна небольшая пристань, у которой катера разгружались только по одному. Все это сильно затянуло высадку.

В 23 ч. 45 мин. с берега прибыл представитель 226-го горнострелкового полка и сообщил, что бои идут в районе селения Большой Таракташ. Он просил поддержать полк огнем корабельной артиллерии. Для более точного выяснения обстановки на берег был послан представитель флота, который возвратился в 3 ч. 30 мин. 25 января. А в 5 ч. 17 мин. «Сообразительный» открыл огонь по противнику.

К 6 часам утра 25 января высадка десанта в основном закончилась, лишь на крейсере «Красный Крым» оставались еще 250 десантников. При усилившемся волнении моря для их высадки потребовалось еще более часа, а близость рассвета не позволяла кораблям задерживаться у места высадки. Поэтому в 6 ч. 05 мин. десантный отряд кораблей снялся с якоря и пошел в Новороссийск. Сторожевым катерам МО было приказано выгрузить с тральщика N112 весь боезапас, принять с берега раненых и с рассветом отходить в Новороссийск.

В 16 ч. 30 мин. десантный отряд кораблей прибыл в Новороссийск. А тральщик № 412, полностью выгрузив боезапас и приняв на борт 200 раненых, в 8 ч. 30 мин. вышел из района Судака и в 17 ч. 05 мин. благополучно прибыл в Новороссийск. В 22 часа в базу вернулся последний сторожевой катер из отряда посадочных средств.

О судьбе второго и третьего судакских десантов известно немногое. В ночь на 17 января удалось высадить 1750 человек с четырьмя 76-мм полковыми пушками обр. 1927 г. под командованием майора Селихова. Румынский гарнизон бежал из Судака, не дожидаясь подхода десантников.

К вечеру 17 января десантники захватили Кучук-Таракташ и Биюк-Таракташ. Майор Селихов поставил по роте солдат на алуштинскую и грушевскую дороги. Для охраны Судака он оставил часть бойцов и две пушки и с главными силами приступил к решению основной задачи, поставленной перед полком: соединиться с Феодосийским десантом.

Передовая группа судакского десанта вошла в селение Оттузы и столкнулась с врагом. Ни один человек из этой группы не вернулся. Видимо, как и при первом десанте, активное участие в боях принимали татарские отряды самообороны, что по идеологическим причинам не афишировалось ни в советское время, ни сейчас, при «самостийной» власти в Крыму.

В ночь на 26 января в Судаке был высажен 554-й горнострелковый

полк под командованием майора Забродоцкого. Всего высадилось 1376 десантников и 150 морских пехотинцев. Высаженный полк также был не обстрелян и слабо вооружен. Высадка проходила под огнем артиллерии и танков противника. Десантники понесли большие потери. В районе Малого Таракташа были окружены и уничтожены около 800 человек. Уцелевшим десантникам пришлось уйти в лес на соединение с партизанами. В первый партизанский район с Селиховым пришли около 350 человек.

Синхронный с евпаторийским и судакским десант в Алушту провалился, так и не начавшись. Первый алуштинский десант был погружен на корабли в Новороссийске. В 17 часов 5 января крейсер «Красный Крым», базовый тральщик № 13 и четыре сторожевых катера МО вышли из Новороссийска в район Алушты для высадки десанта. Однако из-за «метеоусловий» командир крейсера А.И. Зубков решил вернуться обратно. В 13 ч. 30 мин. соединение благополучно прибыло в Новороссийск.

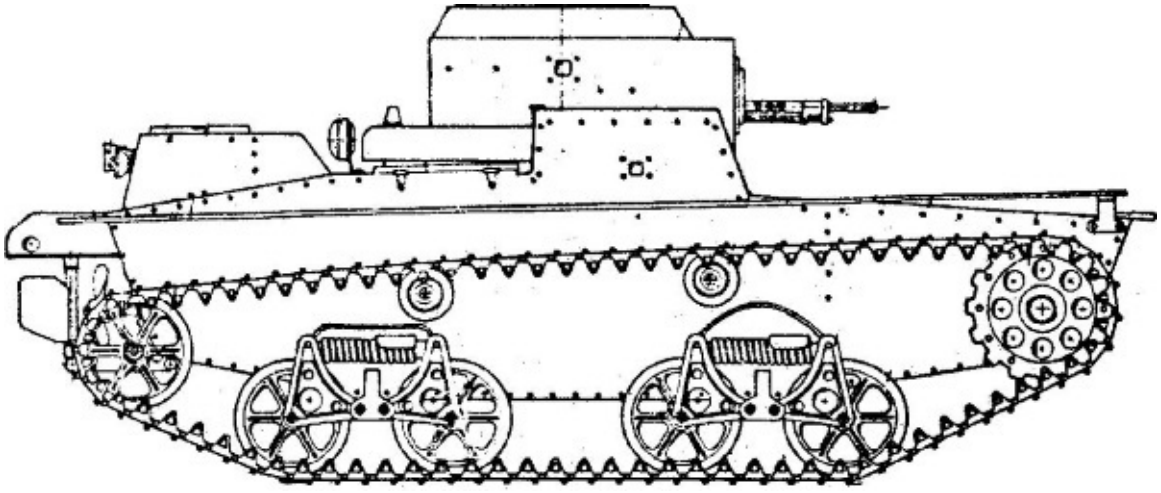
В чем причина провала малых десантов и вообще всей операции по освобождению Крыма в январе – феврале 1942 г.? Прежде всего в недооценке роли десантов в Евпатории, Алуште и Судаке. Безусловно, высадка десанта на Керченском полуострове была технически более удобна советскому командованию. Однако с учетом узости Керченского полуострова (перешеек, соединяющий полуостров с Крымом всего 16 км, а до перешейка до Керчи около 45 км), а также с учетом плохой мобильности советских войск и хорошей – немецких, нетрудно было догадаться, что Манштейн сумеет перебросить значительную часть войск из-под Севастополя на перешеек.

Что же касается войск СОРа, то развернуть решительное наступление на оставшиеся под Севастополем немецкие войска им было нереально из-за немецких укреплений вокруг Севастополя, хорошо вписавшихся в рельеф местности. Поэтому большой десант (несколько дивизий) в районе Евпатории мог решить судьбу Крыма. Район Евпатории для десанта был гораздо более удобен, чем любой другой район Крыма. Вспомним высадку союзников в 1854 г. Крупные десанты в районах Алушты и Коктебеля могли также привести к расчленению германских войск.

Все десанты следовало производить синхронно. К огневой поддержке их следовало привлечь все без исключения корабли Черноморского флота, начиная с линкора, не считаясь с потерями в корабельном составе. Увы, ничего этого сделано не было. Как мы видим, десанты были крайне слабые и высаживались асинхронно. Создается впечатление, что наши адмиралы играли с немцами в поддавки.

Глава 9
Танки в боях за Севастополь

Писать о применении танков под Севастополем очень трудно в силу того, что их было мало, роль их невелика, а главное, наши историки за 50 лет сделали все, чтобы запутать этот вопрос.

Советский танк Т-38

Начну с того, что в Севастополь из Одессы в первой половине октября 1941 г. было доставлено 24 танка. Однако были ли эти танки отправлены в Степной Крым или остались в Севастополе, установить не удалось.

В первой половине ноября 1941 г. из Степного Крыма в Севастополь удалось войти лишь 10 танкам. К 5 декабря в Севастополе имелось всего 9 танков, которые к тому времени состояли в отдельном танковом батальоне (ОТБ). Номера тот батальон не имел. В нем было 213 человек, 9 танков, 6 автомобилей и 2 пушки.

22 декабря 1941 г. транспорт «Жан Жорес» вышел из Новороссийска в Севастополь в охранении эсминца «Бойкий». На его борту находился 81-й отдельный танковый батальон в составе 180 человек и 26 танков Т-26. Уже через 3 дня батальон занял позицию на кордоне Мекензия № 1.

Позже в Севастополь был доставлен 125-й отдельный танковый батальон. На 10 мая 1942 г. 125-й ОТБ располагался в засаде в 4 км западнее хутора Мекензия и в 1,5 км северо-западнее маяка Восточный Инкерманский, а 81-й ОТБ был расположен в селении Голиково.

В начале июня 1942 г. по данным Г.И. Ванеева «в 81-м и 125-м

отдельных танковых батальонах Приморской армии насчитывалось 47 танков разных типов (БТ-7, Т-37, Т-27, Т-26, Т-34) и 7 бронеавтомобилей (БА-10 и БА-20)»[178]. По данным же Мощанского И., Савина А. («Борьба за Крым. Сентябрь 1941-го – июль 1942 г.») в 81-м ОТБ имелись один танк Т-34, один танк БТ-7 и 12 танков Т-26,

«а также сформированный при нем из свободного личного состава танкистов один взвод автоматчиков – 40 человек, и один взвод противотанковых ружей – 12 ружей. Для большей маневренности оба взвода были посажены на тягачи Т-20 “Комсомолец”. Батальон имел задачу уничтожить возможный воздушный и морской десанты. На вооружении 125-го отдельного танкового батальона находилось 25 танков Т-26»[179].

В свою очередь, по данным А.В. Басова[180], СОР располагал 38-ю исправными танками, и 9 танков находилось в ремонте.

Исходя из этих и других данных, выходит, что к 6 июня 1942 г. имелось исправных танков: 1 – Т-34, 1 – БТ-7, 37 – Т-26 и 7 бронеавтомобилей (тяжелых с 45-мм пушкой БА-10 и БА-20, вооруженных пулеметом).

Впервые в 1942 г. командование СОРа использовало танки 8 июня 1942 г. Согласно Г.И. Ванееву события развивались следующим образом: «Чтобы восстановить передний край обороны на стыке третьего и четвертого секторов, генерал-майор И.Е. Петров приказал коменданту третьего сектора генерал-майору Т.К. Коломийцу своими силами перейти в контратаку и восстановить положение.

8 (июня) – понедельник.

Комендант третьего сектора Т.К. Коломиец возложил контратаку на 79-ю морскую стрелковую бригаду, усиленную стрелковым батальоном 2-го Перекопского полка морской пехоты, а также ротой танков 125-го отдельного танкового батальона из резерва армии.

На рассвете артиллерия третьего и четвертого секторов (134-й гаубичный, 18-й гвардейский артиллерийские полки) и береговая батарея № 724 открыли огонь на участке Камышлы – Бельбекская долина, а вскоре командир 2-го батальона 79-й бригады майор Я.М. Пчелкин повел своих бойцов в атаку. Завязался тяжелый и упорный бой. Первоначально наметился успех, закрепить который не удалось, ибо другие батальоны бригады не были введены в бой, а предназначенный для атаки батальон 2-го Перекопского полка морской пехоты во главе с капитаном А.Н. Смердинским запоздал с выходом на исходный рубеж.

Несмотря на ураганный огонь врага, прибывший батальон А.Н.

Смердинского смело бросился в атаку, подошел вплотную к вражеским окопам и вступил в штыковой бой с многочисленным врагом… Рукопашный бой во вражеских окопах продолжался, но враг подтянул свежие силы, и моряки были вынуждены, забрав раненых, отойти на исходные позиции. Танкисты не смогли оказать существенной помощи из-за слабости Т-26, которые вскоре после начала атаки были выведены огнем противника из строя»[181].

Причем, то же изложено и в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре».

А в «Борьбе за Крым» это звучит так: «В районе безымянной высоты (2 км южнее Камышлы) через боевые порядки пехоты в тыл 287-му стрелковому полку просочились до 250 автоматчиков противника с минометами. Для их ликвидации командование 25-й стрелковой дивизии выделило одну стрелковую роту и одну танковую роту в составе 6 машин. В результате решительных и внезапных действий автоматчики противника были уничтожены. Потери танковой роты: один человек убит, подбит один танк. Несколько позже танкисты приняли участие в ликвидации прорыва пехоты и 10 танков противника в районе оврага Мартыновский в направлении балки Графской. В этом бою советские танкисты проявили мужество и высокое мастерство. Ими было уничтожено четыре танка, три противотанковых орудия, большое количество пулеметов и более 100 солдат и офицеров противника. Собственные потери составили: один убит, один ранен, был подбит танк»[182].

Я не думаю, что тут авторы фантазируют, просто составители издания «Борьба за Крым» скопировали большое количество хвалебных донесений и не попытались их не то что бы сравнить с другими источниками, но даже критически оценить.

Процитирую вновь «Борьбу за Крым», точнее, не «Борьбу за Крым», а куски из «Доклада об использовании танков в Севастопольской операции с 1 июня по 1 июля 1942 года» (ЦАМО, ф. 216, оп. 4273, д. 9, л. 25).

«В этой сложной обстановке танковые батальоны получили задачу: совместно с частями 383-й стрелковой дивизии, 7-й бригады морской пехоты контратаковать противника и не допустить выхода его на рубеж высоты Карагач, Сапун-гора. На этом рубеже и к западу от него развернулись ожесточенные бои. Действия танковых батальонов, находившихся в боевых порядках пехоты, определялись конкретной обстановкой. В случаях, когда превосходство в танках было на стороне противника, наши танки отходили в боевые порядки пехоты и совместно с

ней из укрытий вели огонь на поражение. При равенстве сил или когда противник был слабее, танки при поддержке артиллерии стремительно атаковали его и не допускали к боевым порядкам пехоты. В этих боях, длившихся несколько дней, противник потерял 16 танков, 12 орудий, 9 минометов, значительное количество пулеметов и до 300 солдат и офицеров. Наши потери составили 9 танков, из них 2 на исходных позициях от прямого попадания бомб.

В последующие дни танкисты также вели ожесточенные бои. 81-й отдельный танковый батальон, отойдя на рубеж Казачьей бухты, отражая атаки численно превосходящего противника, 2 июля потерял последние 4 машины. Оставшийся в живых личный состав (4 офицера, 5 солдат и сержантов) во главе с командиром батальона был эвакуирован в город Новороссийск.

125-му отдельному танковому батальону к исходу 30 июня была поставлена задача отойти в район хутора Пятницкого и удерживать противника на рубеже Коммуна, хутор Познова.

1 июля 1942 года батальон, отражая яростные атаки, отходил на рубеж Камышовой бухты. 2 июля, подвергаясь непрерывной ожесточенной бомбардировке и артобстрелу, под натиском численного превосходящих сил противника батальон также отошел на рубеж Казачьей бухты.

3 июля командир батальона майор Листобаев, старший политрук Осокин и группа из пяти бойцов, имея один, последний уцелевший танк с 15 снарядами, вступили в неравную схватку с наседавшим противником. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Таким образом, отражая атаки немецких войск в ходе третьего штурма Севастополя, танкисты проявили мужество и героизм. За весь период боевых действий не было отмечено ни одного случая трусости или ухода с поля боя. В июне – июле 1942 года ими были уничтожены 32 танка, 20 орудий, 9 минометов, 37 пулеметов, более 1500 солдат и офицеров противника»[183].

Комментарии к этому, думаю, сделает сам читатель.

Применение легких танков под Севастополем не могло быть эффективным из-за сложного рельефа местности и насыщенности позиций противника противотанковыми средствами. Но, как мы знаем, за всю оборону города у защитников был всего один (!) средний танк Т-34 и ни одного тяжелого танка.

Советское командование в 1942 г. доставило на Керченский полуостров свыше 100 тяжелых танков КВ и средних Т-34. Использовались они крайне неудачно и большей частью попали к немцам. Всего на

Керченском полуострове только с 8 мая 1942 г. было потеряно свыше 500 танков. Почему же танки КВ не попали в Севастополь?

Это связано с непониманием роли тяжелых танков в обороне города, а главное, с тем, что доставить их в Севастополь было не на чем. Наши адмиралы и мэтры судостроения не догадались перед войной построить ни одного танкодесантного судна или по крайней мере судна двойного назначение, которое в мирное время могло перевозить народнохозяйственные грузы, а в военное – танки.

Это подтверждается и отчаянной просьбой Октябрьского в Ставку от 17 мая 1942 г. о посылке в Севастополь в числе других вооружений 25 танков КВ и 50 танков других типов. Причем перебросить их предполагалось на линкоре «Парижская Коммуна».

Сделать это было вполне реально. Но, увы, Ставка отказала. Конечно, тут проще всего все свалить на Сталина. Но он, в отличие от наших последующих вождей от Хрущева до Ельцина, не допускал волюнтаристских решений и в данном случае поступил в соответствии с рекомендациями Кузнецова и К°, который во многом разделяет ответственность за сдачу Севастополя.

Рассказ о применении советских танков под Севастополем я закончу любопытным эпизодом. 27 февраля 1942 г. наши войска применили под Севастополем телеуправляемые танкетки. Это были старые машины типа Т-27, выведенные к тому времени из состава боевых частей и остававшиеся только в учебных подразделениях. Вооружение с танкеток сняли, а взамен поместили мощный заряд тротила. Управлялись танкетки по проводам. Аппаратура дистанционного управления была создана в Москве на заводе № 627 Наркомата электротехнической промышленности под руководством военного инженера 3 ранга А.П. Казанцева. Позже Казанцев стал известным писателем-фантастом. В Крым было доставлено 6 таких танкеток. В ночь на 27 февраля танкетки были доставлены на позиции в 1 км севернее Любимовки. В 6 ч. 30 мин. танкетки выпустили на немецкие позиции. 2 танкетки взорвались на вражеских позициях, еще 2 взорваны до подхода к цели и 2 уничтожены артиллерийским огнем немцев.

Первая германская танковая часть прибыла в Крым в течение апреля 1942 г. Ей стала 22-я танковая дивизия, формирование которой было начато во Франции в сентябре 1941 г. 22-я танковая дивизия успешно действовала на Керченском полуострове, и значительная часть наших историков впала в соблазн описать ее действия под Севастополем. По сводкам Информбюро, под Севастополем действовали свыше 400 танков, и даже авторы 1980-х годов писали о 450 германских танках, штурмовавших город-герой. Вот и

приплели туда злополучную 22-ю танковую дивизию.

По данным «Борьбы за Крым», к 30 июня 1942 г., то есть к началу штурма Севастополя, в составе 22-й отдельной[184] танковой дивизии имелось:

28 танков Т-2 с 20-мм пушкой;

114 танков 38(t) чехословацкого производства с 37-мм пушкой;

12 танков Т-3 с 37-мм пушкой;

11 танков Т-4 с 75-мм пушкой с длиной ствола в 24 калибра;

11 танков Т-4 с 75-мм пушкой с длиной ствола в 40 калибров.

Итого 176 танков[185].

Я не буду говорить, что эти цифры превышены даже для свежей дивизии, а 22-я танковая дивизия понесла существенные потери на Керченском полуострове. Беда для всех наших историков в том, что дивизии этой вообще не было в Крыму. На самом деле 22-я танковая дивизия с 21 по 24 мая 1942 г. прямо из-под Керчи была отправлена в 17-ю армию, которая наступала на Кавказ.

Для наших историков обороны Севастополя это страшный удар. Вот, возьмем для примера книгу А.В. Басова «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945», выпущенную Академией наук СССР под редакцией академика А.М. Самсонова, автора исторических трудов о Великой Отечественной войне. На странице 169 в таблице «Соотношение сил и средств сторон к началу июня 1942 г.» в графе “танки” видим, что у немцев было 450 танков и соотношение сил по танкам было 1: 12 в пользу немцев. А на странице 319 в таблице «Сухопутные войска немецко-фашистского блока, действовавшие в Крыму в 1941–1944 гг.», составленной на основании «Сборника материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за 1941–1954 гг.» (М., 1955–1956. Вып. 1–4), Басов пишет, что 22-я танковая дивизия отправлена с 21 по 24 мая в 17-ю армию.

Какие же настоящие германские танки были под Севастополем? Манштейн прекрасно понимал, что для штурма Севастополя нужны были тяжелые танки с толстой броней, но к маю 1942 г. такие немецкие танки существовали только в депешах советских командиров, направленных «наверх»: «Подбито 10… 20…. 100 тяжелых танков противника…» Поэтому Манштейн и решил использовать трофейные тяжелые танки. Не менее 8 танков КВ, захваченных в исправном состоянии на Керченском полуострове, были отправлены под Севастополь. Туда же из Франции был

доставлен 224-й отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми французскими танками В-2 (всего 17 танков, из них 12 в огнеметном варианте). Вес танка В-2 32 т, вооружение: одна 75-мм и одна 47-мм пушка. Скорость хода 28 км/ч. В огнеметном варианте 75-мм пушка заменялась огнеметом. Дальность стрельбы огнемета 40–45 м. Главным же достоинством В-2 была толстая броня (лоб и борта корпуса – 60 мм, башня – 56 мм).

Броню танков В-2 и КВ (лоб и башня 75 мм) не брали советские 45-мм противотанковые пушки и 76-мм полевые пушки, а 76-мм дивизионные орудия (Ф-22 и УСВ) могли поразить их лишь при удачных попаданиях. Любопытно, что немцы за успешные действия под Севастополем окрестили КВ «севастопольским танком».

Кроме того, в боях за Севастополь участвовали две дивизиона 190 № 197) штурмовых орудий, то есть 75-мм самоходных пушек на шасси танка Т-3.

Несколько слов стоит сказать и о радиоуправляемых германских танках. В апреле 1942 г. под Севастополь был доставлена легкая рота радиоуправляемого оружия из 300-го отдельного танкового батальона. Рота была оснащена танками B-IV (Sd.Kfs.301), управляемыми по радио. Танк весом 5–6 т был прикрыт 10-мм броней. Он мог, двигаясь со скоростью до 38 км/час, доставить 450-кг подрывной заряд к укреплению противника, а затем вернуться на исходную позицию. Кроме того, в составе роты был 1 танк радиоуправления, созданный на базе танка Т-3. (Танк пушки не имел.)

Таким образом, если считать за полноценные боевые танки и штурмовые орудия, и радиоуправляемые танкетки, то у немцев не набралось бы под Севастополем и 100 машин.

Глава 10
Артиллерия в боях за Севастополь

Исход сражения за Севастополь решила артиллерия большой и особой мощности. Как уже говорилось, к началу войны артиллерийские орудия Севастополя располагались только на береговых батареях.

К началу обороны береговая артиллерия была сведена в 4 дивизиона (см. табл. 4).

Таблица 4

Состав береговой артиллерии Севастополя к концу октября 1941 г.

Номера батарей	Калибр орудий, мм	Коли-чество орудий	Характеристика батарей	Место расположения батарей
1-й артиллерийский дивизион				
30	305/52	4	Башенная	Северная сторона, дер. Любимовка,
35	305/52	4	Башенная	Южная сторона, м. Херсонес
10	203/50	4	Стационарная открытая	Южнее дер. Мамашай
54	102/60	4	Стационарная открытая	Дер. Николаевка
2-й артиллерийский дивизион				
2	100	4	Стационарная открытая	Северная сторона
8	45	4	Стационарная открытая	Южная сторона
3-й артиллерийский дивизион				
18	152/45	4	Стационарная открытая	М. Фиолент
19	152/45	4	Стационарная открытая	Балаклава
Отдельная батарея				
13	120/50	4	Стационарная открытая	Южная сторона

Таблица 5

130/55-мм пушки и 100-мм спаренные установки Минизини, снятые с крейсера «Червона Украина» и установленные в декабре 1941 г. на сухопутных рубежах

№батареи	Калибр	Количество орудий	Место батареи
701 (111) *	130	2	Малахов курган
702 (112)	130	2	Лагерь училища береговой обороны
703 (113)	130	2	Английское кладбище
704 (114)	130	2	Хутор Дергачи
705 (115)	130	2	У поста Мекензиева городка
...	100	2	У поста Мекензиева городка
706 (116)	130	2	Дача Максимова
2	100	2	Константиновский равелин

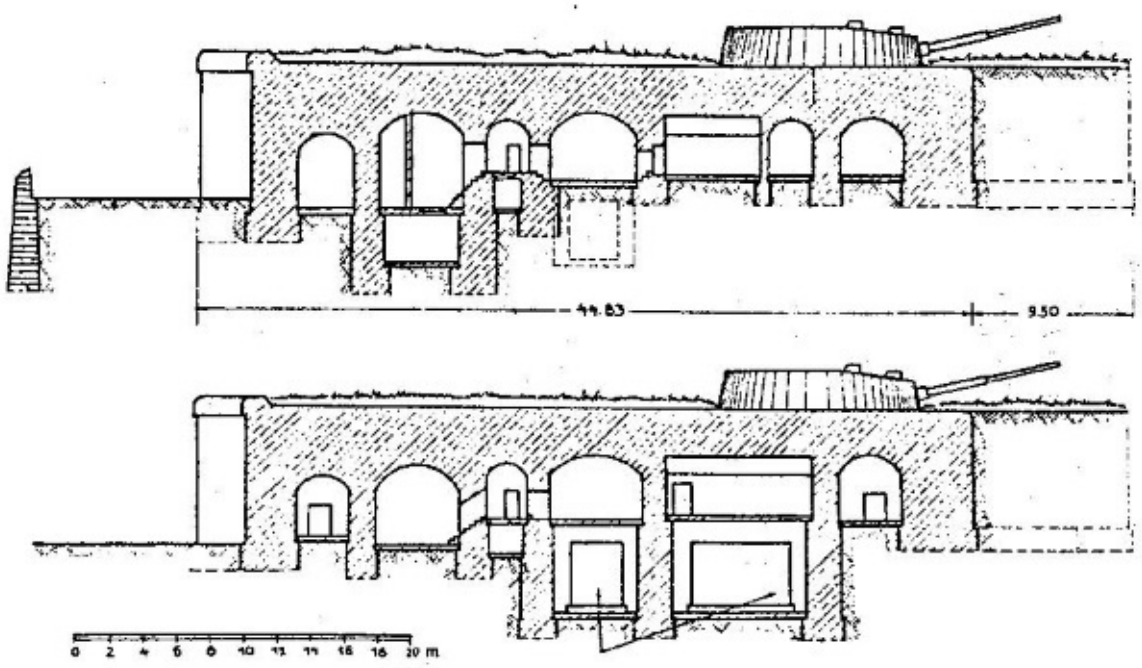
* В скобках даны первоначальные номера батарей.

Осенью 1941 г. с поврежденных и потопленных кораблей (в том числе с крейсера «Червона Украина») были сняты орудия и установлены на берегу (см. табл. 5)

Поскольку башенные батареи № 30 й№ 35 представляли собой основные узлы обороны Севастополя, о них следует рассказать поподробнее.

В феврале 1911 г. петербургский Металлический завод представил проекты одно– и двухорудийной башенных установок. ГАУ предпочло проект двухорудийной установки, имевшей лучший критерий «эффективность/стоимость». Кроме того, двухорудийная установка по многим частям и механизмам была унифицирована с трехорудийными 305/52-мм башенными установками, изготавливавшимися Металлическим заводом для линкоров типа «Севастополь».

Две башенные установки образовывали батарею, представлявшую собой подземный городок, укрытый толстым слоем бетона. По проекту расстояние между осями башен было 53,4 м, а фактически имелось небольшое отклонение для каждой батареи. Вокруг каждой башни в виде ромба располагались погреба: два снарядных длиной 18,3 м и два зарядных длиной 17,4 м. Высота погребов составляла 3048 м, а толщина бетонного свода 2895 м. В каждом снарядном погребе размещалось 201–204 снаряда, а в зарядном погребе 402–410 полузарядов.

Разрез башенной батареи № 35

В подбашенном помещении была рельсовая железная дорога с ручными вагонетками, в которых боеприпасы доставлялись из погребов к зарядному. Подъем боеприпаса зарядником осуществлялся с помощью электропривода. Высота подъема зарядника 4650 мм, время подъема 5 секунд.

В 1913 г. ГАУ выдало Металлическому заводу заказ на 14 двухорудийных башенных установок. Первые четыре предназначались для Кронштадтской крепости (фортов Ино и Красная Горка, названных в угоду царю Николаевским и Алексеевским фортами). Следующие четыре башни изготавливались для Севастопольской крепости, две – для Усть-Двинска и четыре – для Владивостока.

В начале 1914 г. в Севастопольской крепости приступили к строительству двух батарей: № 25 в районе бухты Казачья (у мыса Херсонес) и № 26 в районе реки Бельбек в 1 км от моря. Расстояние между башнями на обеих батареях было 64 м. Строительство шло довольно быстро. К августу 1914 г. на позицию батареи № 25 было доставлено два ствола 305/52-мм пушек.

Однако к 1917 г. закончить строительство батареи не удалось. В годы войн строительство батарей, естественно, не велось, и к достройке приступили лишь в 1924 г. Батарея № 35 (бывшая № 25) вступила в строй в 1928 г., а батарея № 30 (бывшая № 26) – в 1934 г.

Чтобы дать представить читателю об объеме работ, скажу, что для постройки батареи № 25 было выкопан котлован объемом 32,5 тыс. кубометров. И это в скальном грунте! Объем бетонных работ только на одной батарее приблизительно равнялся объему работ при строительстве Днепрогэса. По расчетам бетонный блок должен был выдерживать прямые попадания 406-мм снарядов и 1000-кг бомб.

В конце 1930-х годов в боекомплект линкоров и береговых батарей был введен фугасный дальнобойный снаряд обр. 1928 г. Существенный прирост дальности стрельбы снарядом обр. 1928 г. по сравнению со снарядами обр. 1919 г. объяснялся меньшим весом снаряда и лучшей аэродинамической формой. Если снаряд обр. 1911 г. весом 470,9 кг при начальной скорости 762 м/с имел дальность стрельбы 28,7 км, то фугасный дальнобойный снаряд обр. 1928 г. весом 314 кг при начальной скорости 950 м/с имел дальность 44 км.

Следующей по мощности батареей была № 10, расположенная на Северной стороне.

В 1925–1927 гг. в Севастополе южнее деревни Мамашай строится четырехорудийная 8/50-дюймовая (203/50-мм) открытая батарея № 10. Все стволы орудий на батарее были изготовлены в 1914 г. фирмой «Виккерс».

203/50-мм пушки могли стрелять четырьмя типами снарядов: фугасным обр. 1907 г. весом 112,2 кг на дальность до 18 км, фугасным обр. 1915 г. весом 112,2 кг на дальность 21 км, фугасным обр. 1913 г. весом 139,2 кг на дальность 24 км и шрапнелью весом 116,8 кг на дальность до 18,3 км. Дальность везде дана для угла возвышения 40°.

Пушки на батарее № 10 располагались на расстоянии 34 м друг от друга. Обстрел круговой. Лафет прикрыт щитом толщиной 60 мм. Железобетонные перекрытия командного пункта и склада боеприпасов имели толщину 0,4–0,65 м.

Боеприпасы подвозились к орудиям по узкоколейке, проложенной во рву на глубине 2 м. Батарея была обнесена колючей проволокой. По периметру обороны располагалось несколько дотов.

С 1 по 4 ноября 1941 г. батарея № 30 выпустила 142 двенадцатидюймовых снаряда, а батарея № 10 – 276 десятидюймовых снарядов. По советским данным огнем этих батарей было уничтожено 30 танков, 60 автомашин и до 650 человек пехоты противника.

5 ноября батареи № 10 № 30 обстреливали скопления пехоты и моточастей противника в районе селения Ак-Шейх. Батарея № 0 своим огнем уничтожила немецкую батарею и в районе Качи – 5 автомашин. В 13 ч 10 мин. немецкая авиация безуспешно бомбардировала батарею № 30.

8 ноября 7-я бригада и 3-й полк морской пехоты Черноморского флота безуспешно пытались выбить немцев из хутора Мекензия. Их поддерживали огнем батареи № 10), № 30 №° 35.

15 декабря в 12 ч. 50 мин. германская батарея, расположенная «в направлении Кача», вывела из строя две 203-мм пушки на батаре№ 10. Были убиты 4 человека и ранены 12.

В связи с отводом войск 4-го сектора на новый рубеж батарея № 10 была взорвана, а ее команда перешла на батарею № 30.

После войны в некоторых германских источниках, а также в среде отечественных «любителей» циркулировала информация, что немцам удалось захватить неповрежденными орудия батареи № 10 и позже ввести их в строй.

Действительно, в составе 601-го морского артиллерийского дивизиона в районе Севастополя была одна 203-мм батарея. Кстати, самая мощная из германских батарей в Крыму. Четырехорудийная батарея «Фон дер Гольц»[186] была построена в 1942–1943 гг. на мысе Херсонес. Однако ее четыре 203/50-мм пушки были взяты не с разрушенной батареи № 10, а с однотипной батареи № 15, расположенной у Очакова и захваченной немцами почти целой.

Теперь перейдем к действиям башенной 305-мм батареи № 30. С 1 октября по 31 декабря 1941 г. батарея выпустила по врагу1238 снарядов. Вот, к примеру, хроника лишь одного дня (4 ноября):

В 8 ч. 49 мин. батарея выпустила один снаряда по кургану Таш-Оба. Тяжелое орудие уничтожено.

14 ч. 34 мин. – вражеская батарея замолкла.

14 ч. 55 мин. – уничтожены минометная батарея, два батальона пехоты, стремившиеся занять Дуванкойский опорный пункт.

16 ч. 36 мин. – по балке Коба-Джига выпущены 6 снарядов.

19 ч. 30 мин. – заградительный огонь по шоссе Симферополь – Бахчисарай и по железной дороге в районе хутора Кефели. Разбит батальон пехоты.

22 ч. 00 мин. – шесть фугасных снарядов по пехоте.

23 ч. 04 мин. – шесть шрапнелей по пехоте.

8 декабря 1941 г. приказом командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского командир батареи № 30 капитан Г.А. Александер был награжден орденом Красного Знамени за срыв наступления врага на Севастополь. В приказе говорилось: «С 1 по 20 ноября артогнем батареи уничтожено: 6 батарей противника, в том числе одна трухорудийная батарея на гусеничном ходу, свыше 40 танков и

бронемашин, около 50 грузовых автомашин с живой силой, один паровоз с двумя вагонами, 12 пулеметных и минометных точек, свыше 25 подвод и более 1000 человек живой силы противника. В большинстве своем цель поражается с первого выстрела. За время боевых действий батарея имеет убитыми – 4 человека, ранеными – 3 человека».

Любопытный нюанс: что это за «трехорудийная батарея на гусеничном ходу»? Вряд ли здесь идет речь о 75-мм самоходках, которые наши командиры путали с танками. Буксируемых артиллерийских орудий на гусеничном ходу у немцев не было вообще, если не считать 20,3-см H.503(r), а по-русски – трофейных советских 203-мм гаубиц Б-4. Так что батарея № 30 уничтожила три Б-4, если не считать их очередными фантазиями нашего славного адмирала.

К середине января 1942 г. стволы батареи № 30 были изношены. Поскольку все 4 ствола не были лейнированы, их пришлось заменять целиком. Работы начались в обеих башнях сразу силами бригады артиллерийского ремонтного завода № 1127 Черноморского флота и бригады ленинградского завода «Большевик» (бывшего Обуховского сталелитейного). Замена стволов заняла 16 дней, и 10 февраля 1942 г. батарея вновь вступила в строй.

«За время с 1 февраля 1941 г. по 17 июня 1942 г. батарея уничтожила: 8 артиллерийских и 3 минометных батарей, 17 танков, 52 бронемашины, более 300 автомашин и около 1770 вражеских солдат. Была проведена 191 стрельба 1243 снарядами. 5 и 14 июня 1942 г. в результате прямых попаданий 600-мм снарядом башни были разрушены и выведены из строя»[187].

По германским данным, только с 6 по 17 июня 1942 г. германская артиллерия сделал по батарее № 30 свыше 750 выстрелов из орудий среднего и крупного калибра. Кстати, немцы называли батарею № 30 «Максим Горький I», а батарею № 35 – «Максим Горький II». 17 июня пикирующие бомбардировщики Ю-87 сбросили на батарею № 30 20 бомб. Но кроме двух попаданий 60-см снарядов из самоходных мортир, все остальные снаряды и бомбы не причинили батарее даже небольших повреждений.

Согласно немецкому изданию «Борьба за Севастополь 1941–1942 гг.», к 17 июня «сосредоточенным артиллерийским обстрелом проволочные заграждения были прорваны, а минные поля засыпаны. Воронки, образовавшиеся в результате разрывов бомб и мин, облегчали наступление атакующих войск. Гарнизоны внешнего оборонительного пояса были большей частью уничтожены, а входившие в его состав легкие

оборонительные сооружения разбиты…

На штурм батареи были назначены 213-й полк, 1-й и 2-й батальоны 132-го саперного и 1-й батальон 173-го саперного полков. Ранним утром 17 июня 1942 г. был предпринят штурм, продолжавшийся до полудня в направлении противотанкового рва, открытого к востоку от батареи поперек водораздела. Противник оказал упорное сопротивление. Огневые точки, стрелявшие по фронту и флангам, были приведены к молчанию с помощью пехотного и артиллерийского огня. Первый и второй батальоны 132-го саперного полка атаковали фортификационные сооружения, расположенные перед батареей, а 122-й держал удар против сооружений, расположенных на южном и западном склонах возвышенности. Продвижению атакующих частей препятствовали сильный артиллерийский и минометный огонь противника из долины реки Бельбек и с расположенных к югу склонов, а также огонь снайперов и контратаки. Около 14 ч. 30 мин. в результате повторного нападения западный склон возвышенности был занят. Удалось занять и подход к командному пункту на восточной оконечности подземного хода.

В 14 ч. 45 мин. второй батальон 213-го полка начал атаку восточного склона и в 15 ч. 15 мин. достиг разрушенного фортификационного укрепления на отметке 400 м к востоку от первой бронированной башенной установки. Первый батальон 173-го саперного полка под защитой пехотного огня атаковал башенную установку. В 15 ч. 45 мин. шестеро саперов со связками ручных гранат проникли в установку и уничтожили ее гарнизон. Гарнизон второй установки яростно отстреливался сквозь отверстия, пробитые артиллерийскими снарядами в броневых листах башни. Атака саперов увенчалась успехом лишь благодаря фланговому обстрелу установки, который вели пехотные части. Противник был уничтожен ручными гранатами. В это же время наступавшая по северному склону пехота могла контролировать западный склон. В 16 ч. 30 мин. саперы после нескольких повторных попыток достигли сильно обороняемых главных входов, заграждаемых пулеметами. В результате всех этих действий гарнизон был заперт в блоках.

В следующие дни противник сражался внутри батареи, пуская в ход подрывные заряды, бензин и горючие масла (в башенные установки им предварительно было подвезено около 1000 кг взрывчатки и 1000 л горючих материалов). Перебежчики выдали расположение устройства батареи. В западной башенной установке 20 июня произошел взрыв, стоивший жизни трех саперов. Из-за сильных пожаров и дыма ворваться внутрь установки не представлялось возможным. Первый батальон 173-го

саперного полка 22 июня был заменен третьим батальоном 22-го саперного полка. Для обороны гарнизон взорвал резервный выход; в тех же целях постоянно сжигались дымообразующие смеси и масла. Командир батареи, выползший 25 июня через водосток, на следующий день был захвачен в плен. Ударная группа 26 июня ворвалась внутрь блока и захватила еще 40 пленных. Большая часть гарнизона погибла от взрывов или задохнулась в дыму. Скопление легковоспламеняемых материалов в ходах сообщения способствовало распространению пожаров. Бронированные двери в местах взрывов были продавлены, а в других местах так деформировались от взрывной волны, что дым мог проникнуть во внутренние помещения. Железобетонные конструкции пострадали от взрывов незначительно»[188].

В дальнейшей судьбе командира батареи № 30 Александера много неясного. Приказом Управления кадров ВМФ № 00 337 от 6 октября 1942 г. он исключен из списков начсостава ВМФ как пропавший без вести в Севастопольском оборонительном районе. После визита в 1992 г. в Севастополь германских военных историков, возглавляемых доктором Х.Р. Нойман, в Севастополь из Германии были присланы копии документов разведывательного отдела штаба 11-й армии и 647-й группы тайной полевой полиции, из которых следует, что командир 30-й батареи майор Георгий Александер был захвачен в плен 27 июня 1942 г. и после допроса расстрелян как партизан (в документе дословно сказано: «…был захвачен в штатской одежде, имея при себе оружие, и хотел прорваться к партизанам»). Дата и место расстрела в документах не указаны, но, судя по датам составления документов, не позднее 26 июля того же года.

Недавно мне в руки попал уникальный документ – «Справка из Центрального Военно-морского архива», подписанная 19 марта 1999 г. начальником архива капитаном 1 ранга С. Тарасовым. Там приведена ксерокопия допроса краснофлотца Шаринова. Последний служил на батарее № 30, затем попал в плен, бежал и 5 сентября 1943 г. был допрошен начальником 6-го отдела ОКОС Черноморского флота подполковником Деркачевым. Прошу извинения у читателя за излишние подробности, но когда речь идет о персоналиях, лучше давать побольше ссылок, чтобы не иметь потом неприятностей от обиженных лиц.

Шаринов показал: «10 июня, приблизительно в 9 часов утра, когда была прервана телефонная и радиосвязь, противник количеством до трех рот ворвался на командный пункт батареи и занял нашу высоту после ожесточенного боя. Но сам КП, то есть боевая и радиорубка, взяты не были. Противник начал взрывать двери КП, но это не дало никаких результатов.

Часов около 12 я и командир батареи майор Александер спустились в центральный пост нашей батареи, который находился на 40 м ниже КП. В это время противник подложил фугас под боевую рубку и взорвал ее. Во время взрыва погибли: помощник командира батареи капитан Окунев, начальник связи младший воентехник т. Пузин и два краснофлотца.

Но и после взрыва противник побоялся войти в боевую рубку. Командир, комиссар батареи старший политрук Соловьев и я направились на батарею. Майор приказал мне во что бы то ни стало восстановить связь с КП дивизиона при помощи радистов 57-го артиллерийского полка, которым командовал подполковник Филимонович. Связь была восстановлена, но только односторонняя, то есть нам были слышны все рации Севастополя, а нас никто не слыхал. Это не дало никаких результатов. В это время батарея была окружена противником, который уже подбирался к брустверу. Командир батареи вышел в боевое отделение 1-й башни и уцелевшим одним орудием и последними тремя фугасными снарядами уничтожил три тяжелых танка противника. На бруствере в это время занимала позиции по обороне суши рота командира 1-й башни старшего лейтенанта Теличко (куда делась эта рота со своим командиром, нам по сей день неизвестно). Факт тот, что противник ворвался на бруствер и начал взрывать башни. От первых же взрывов погибли около 15 человек личного состава.

После этого последовал приказ командира батареи выходить всем оставшимся с над массива, прорваться с окружения и идти на Севастополь, но из этого ничего не вышло, потому что противник блокировал двери, на которых установил пулеметы, автоматчиков, несколько противотанковых пушек и два прожектора.

Несколько раз личный состав во главе с командиром батареи пытались вырваться с над массива, но это не дало никаких результатов. Тогда комиссар т. Соловьев собрал политсостав батареи и после короткого совещания весь политсостав (за исключением секретаря партбюро, который был оставлен комиссаром батареи) во главе с комиссаром выскочили с над массива. Приблизительно через полчаса к нам приполз обратно комиссар, который был ранен двумя разрывными пулями. (Судьба остального политсостава, который пытался прорваться с комиссаром, неизвестна, есть предположение, что они все погибли.) После всех этих попыток командир батареи собрал в коридоре массива весь личный состав и сказал: “Осталось одно – умереть, но не сдаваться противнику”. Весь личный состав ответил одним словом: “Умрем!”

Командир отдал приказание взорвать батарею, но было уже поздно.

Противник во время взрывов башен повредил кабели, а поэтому взорвать батарею было невозможно. Все это время противник продолжал рвать башни. После каждого взрыва гибло 15–20 человек, ждали очередного взрыва, знали, что еще будут гибнуть люди, каждый ждал своей очереди, но сдаваться не пошел ни один человек. Умирали, но не сдавались, а командир батареи, я и лейтенант Шорохов продолжали искать пути спасения для личного состава. И вот после четырех дней пребывания в таком положении командир части решил прорваться с оставшимся личным составом (приблизительно 45 человек команды, краснофлотцев и 5 человек женщин) в центральный пост, который находился в 800 м от батареи и на который можно было пройти по потерне. После моей разведки, во время которой было установлено, что противника в центральном посту нет, мы с оставшимся личным составом начали пробираться в центральный пост. (Когда мы спустились к потерне, противник пустил газ СО, от которого погибли 22 человека. Итак, нас осталось 23 человека: командир батареи, я, лейтенант Шорохов, командир 2-й башни, который был ранен, 4 девушки, секретарь партбюро военврач 3 ранга и 14 краснофлотцев. Мы были в очень тяжелом положении, продуктов нет, воды нет, свежего воздуха также нет. (Я уже упоминал, что центральный пост находился под землей на 40 м.) Но все же духом не падали, искали выход из создавшегося положения, в этом нам помогла большевистская настойчивость. Я и замполит Туляев решили разобрать вентиляционную трубку и попытать счастья выйти через нее. Разобрать мы ее разобрали, но противник услыхал и пустил туда горючую смесь. От этого воздух у нас стал еще сгущеннее и дышать стало еще тяжелее. Это было 15 июня. После этой попытки и последовавшей за ней неудачи мы не пали духом, а продолжали поиски.

И вот 16 июня, вечером, я и лейтенант Шорохов во время осмотра потерны решили рыть туннель с потерны в сторону караульного помещения. Предложили командиру батареи, он дал свое согласие. Распределили людей на три смены и начали рыть. (При помощи штыков с самозарядных винтовок.) Работали круглыми сутками, не переставая. Я и секретарь партбюро посменно охраняли подступы к этой туннели. Приходилось по 12 часов в сутки сидеть на цементном полу в потерне, в которой была вода, доходившая до 15 см. И вот в одну из моих смен фрицы, рассчитывая на то, что они отравили всех оставшихся газами СО, решили пройти с батареи на командный пост по потерне. Эта прогулка им стоила 15 человек убитыми.

После этого они предложили мне сдаться, в ответ я дал несколько очередей из автомата. Тогда немцы предупредили, что взорвут потерну. И

вот через 1,5 часа в смену секретаря партбюро немцы выполнили свое обещание и взорвали потерну. От того взрыва погибли: 1) секретарь партбюро; 2) военврач 3 ранга и замполит Туляев.

Я и командир батареи получили сильные ушибы, но остались живы. Остальной личный состав работал в туннеле. Это было 25 июня. К этому числу уже было прорыто около 70 м туннели. После взрыва командир части послал меня проверить состояние личного состава, который рыл туннель. Оказывается, силой взрыва было выброшено оставшиеся 2 м земли. На 10-е сутки мы увидели дневной свет. Личный состав, который рыл туннель, уцелел весь. И вот оставшиеся 20 чел. были распределены на группы по 5 чел., и ночью мы вышли на чистый воздух.

Майор, я, лейтенант Шорохов и еще 2 краснофлотца, забрав оружие, решили пробираться в лес, потому что в Севастополь не было никакой возможности пройти. Мы пробирались только ночами, ползти приходилось почти все время, по-пластунски за 4 суток мы проползли в тылу противника около 15 км.

Осталось каких-нибудь 2 км до лесу, когда мы были замечены и схвачены целой оравой немцев. Нас разоблачили и начали допрашивать. Но эти допросы ни к чему не привели. Выведать у нас они ничего не сумели. Мы знали, что нас должны расстрелять, но смерть нам была не страшна. После допроса командир части предложили мне, а так же сам рассказал немцам, за что мы должны погибнуть. И вот на протяжении 2 часов мы им рассказали, сколько где и как мы своей частью истребили. После этого мы ждали расстрела. Ночью подошла машина, забрала сначала двоих – командира части и лейтенанта Шорохова. А днем мы, оставшиеся трое, удрали с поля с под немецкого охранения, и вот я снова нахожусь среди своих товарищей».

О гибели 35-й башенной батареи будет рассказано позже. А пока я перейду к армейским орудиям Севастопольского оборонительного района. Самыми мощными армейскими буксируемыми орудиями были 152-мм гаубицы-пушки обр. 1937 г. (МЛ-20). К 15 ноября 1941 г. в составе СОРа имелось 16 МЛ-20, причем 8 из них принадлежали 724-й и 725-й подвижным береговым батареям.

Кроме них в составе СОРа к 15 ноября 1941 г. из артиллерии среднего калибра (то есть свыше 100 мм) имелось тринадцать 155-мм французских гаубиц, четыре 152-мм гаубицы, тридцать шесть 122-мм гаубиц и двадцать четыре 107-мм пушки обр. 1910/30 г.

Откуда в Севастополе взялись тринадцать 155-мм гаубиц, в официальных документах ничего не говорится. Видимо, это 155/ 15-мм/клб

гаубицы обр. 1917/38 г., созданные в 1917 г. фирмой «Шнейдер» и позже модернизированные поляками. Гаубицы стреляли снарядами весом 40 кг и 43,5 кг, максимальная дальность составляла 11,2 км. К 1 ноября 1939 г. в польской артиллерии имелась 341 такая гаубица. Часть из них была захвачена Красной Армией. И вот 13 гаубиц продолжили войну под Севастополем.

Советская реактивная артиллерия под Севастополем почти не применялась. Единственное исключение представлял 3-й гвардейский дивизион 8-го гвардейского полка РВГК, доставленный в Севастополь 31декабря 1941 г. на транспорте «Чапаев». В составе дивизиона было 12 пусковых установок 82-мм снарядов М-8. Сразу по прибытии дивизион был направлен в район деревни Дергачи.

Попробую оценить артиллерийское вооружение СОРа к 15 ноября 1941 г. чисто формально. Как уже говорилось, всего имелись шестнадцать 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 и семнадцать гаубиц калибра 152–155 мм, тридцать шесть 122-мм гаубиц и двадцать четыре 107-мм пушки.

Для сравнения, корпусный артиллерийский полк (3-го типа) перед войной имел по штату 24 гаубицы-пушки МЛ-20 и двадцать четыре 122-мм и 107-мм пушки. По штату к 1941 г. в составе обычной стрелковой дивизии было положено иметь двенадцать 152-мм гаубиц, а также сорок 122-мм гаубиц.

Таким образом, вся артиллерия Севастополя (без стационарных береговых батарей) по своей мощи в полтора-два раза уступала мощи одной стрелковой дивизии, усиленной одним корпусным артиллерийским полком.

В ходе обороны Севастополя морем было доставлено некоторое количество 45-мм и 76-мм орудий, но орудия среднего калибра почему-то в Севастополь не поступали.

Особенно был слаб навесной огонь севастопольских орудий. Многочисленные мортиры и гаубицы немцев были упрятаны в лощинах и оврагах, а наши мощные береговые пушки были способны поразить любую цель на море на расстоянии в 30 и более километров, но ничего не могли сделать с мортирой на дистанции в 5–6 км.

Рельеф местности спас Ленинград, позволив морской (корабельной, железнодорожной и береговой) артиллерии расстреливать на дистанции до 40 км любую цель. А под Севастополем рельеф местности существенно уменьшал роль береговой и корабельной артиллерии.

Возникает вопрос, а что, у нас к 22 июня 1941 г. не было тяжелых гаубиц и мортир? Были, и немало! Новых 203-мм гаубиц Б-4 было 849

штук, 280-мм мортир обр. 1914/15 г. было 25, а новых обр. 1939 г. – 47. Я уж не говорю об английских гаубицах Виккерса, которых имелось 152-мм – 92, 203-мм – аж 50 и 234-мм – 3.

В первые недели войны нужды у Красной Армии в тяжелых гаубицах и мортирах не было, и их срочно отправили в тыл. До зимы 1941 г. было потеряно лишь 75 гаубиц Б-4, да и то не столько от огневого воздействия противника, сколько из-за халатности личного состава и отсутствия тягачей (их попросту бросали). Но за тот же период от промышленности было получено 105 гаубиц Б-4, и их общее число в Красной Армии возросло до 879.

С 203-мм гаубичными снарядами ситуация была просто превосходная. К 22 июня 1941 г. имелось 395 тысяч таких снарядов.

В 1941 г. было утрачено 66 тыс. снарядов, а получено от промышленности 166 тыс. снарядов.

Весной 1942 г. нужды в артиллерии большой и особой мощности не было ни на одном фронте, кроме Севастополя.

В Закавказском военном округе к началу войны имелось 56 гаубиц Б-4 и 95 гаубиц находилось на Дальнем Востоке. Неужели хоть оттуда их нельзя было взять под Севастополь? Но, увы, не только 203-мм гаубицы, но и даже 152-мм гаубицы в Севастополь так и не были отправлены.

В конце концов, если армейское командование берегло свои орудия большой мощности для будущих боев, то почему нельзя было отправить под Севастополь старые системы, изготовленные до 1917 г. Благо, в позиционной войне все сойдет. В частности, на складах к началу войны имелось: девяносто две 152-мм гаубицы Виккерса, пятьдесят 203-мм английских гаубиц марки VI, двадцать пять 280-мм мортир обр. 1914/15 г. фирмы «Шнейдер» и т. д.

Командование армии и флота не только не снабдило Севастополь орудиями среднего и крупного калибра, но и оставило СОР без боеприпасов. Одним из решающих фактором падения Севастополя стал снарядный голод. «В ходе июньских боев 1942 г. наличное количество боеприпасов в частях быстро уменьшалось, а в последние дни обороны боеприпасы почти совсем отсутствовали. Так, если к началу третьего штурма в артиллерии войск, оборонявших Севастополь, имелось к 152-мм гаубицам-пушкам 4,2 боекомплекта боеприпасов, к 152-мм гаубицам – 7,1 боекомплекта, то к 17 июня на каждую 152-мм гаубицу-пушку оставалось по 28 снарядов, а на каждую 152-мм гаубицу – по 11 снарядов, то есть от 0,2 до 0,5 боекомплекта. Вообще в середине июня после ожесточенных оборонительных боев в Севастополе оставалось в среднем не более 10–12

снарядов на каждое орудие, а подвоз снарядов в Севастополь в последующие дни не превышал в среднем 8—10 снарядов на каждое орудие на день боя»[189].

Большинство морских и армейских орудий Севастополя замолчало не от воздействия противника, а от отсутствия боеприпасов. Наши генералы и адмиралы оправдывались, мол, немцы мешали подвозу боеприпасов в Севастополь. Так кто мешал доставить достаточное количество боеприпасов в Севастополь до 15 мая?

Почему остались без боеприпасов 305-мм башенные батареи в Севастополе? Ведь перед войной на кораблях, береговых батареях и складах имелось 305/52-мм снарядов: 9670 фугасных, 4108 бронебойных, 1440 дальнобойных обр. 1928 г. и 441 шрапнель. В ходе войны от промышленности поступило 305/52-мм снарядов: в 1941 г. – 1020 шт., в 1942 г. – 1674 шт., а всего до конца войны – 6186 шт. Итого имелось и было произведено 21 845 снарядов, а всего за войну израсходовано только 4511 снарядов, то есть 20,6 %! Таким образом, снаряды были, но кто-то не отпускал их фронту.

К началу войны большинство боеприпасов Черноморского флота находилось на складах в Севастополе. И это было вполне разумно – главная база флота располагала достаточным числом подземных хранилищ боеприпасов. Так, еще перед войной флоту были предоставлены огромные хранилища в инкерманских штольнях, недоступных для действия авиабомб. К августу 1941 г. весь боезапас главной базы Черноморского флота был укрыт в подземных хранилищах[190].

В середине октября руководство Черноморского флота (увы, не удалось точно установить, кто был инициатором) решило эвакуировать боеприпасы из Севастополя в Поти и Батуми. Далее, чтобы избежать обвинения в очернительстве, процитирую «Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны»:

«В средних числах октября месяца 1941 г. была составлена ведомость вывоза боезапаса из главной базы. В складах Севастополя оставлялись только готовые выстрелы из расчета на три месяца расхода для нужд береговой артиллерии и кораблей поддержки (см. табл. 6).

Кроме готовых выстрелов, в Севастополе была оставлена часть элементов для сборки их в выстрелы, но обстановка вынудила и эти элементы отправить на Кавказ (см. табл. 7).

Таким образом, всего было намечено к вывозу 8036 тонн. Но фактически обстановка заставила вывезти гораздо больше. Всего было

вывезено около 15,0 тысяч тонн»[191].

Довольно забавная картина получилась: в конце 1941 г. корабли Черноморского флота вывезли из Севастополя боезапас весом 15 тыс. т, а в первой половине 1942 г. ввезли 17 тыс. т.

Таблица 6

Наименование калибра боезапаса	Количество (шт.)		Вес (т)
	Готовые выстрелы	Элементы	
305/52-мм/клб	969	1404	1652
203/50-мм/клб	697	-	160
100-мм	2643	-	581
152-мм	704	-	70
130/50, 130/55-мм/клб	6779	5808	994
122-мм	990	-	44
120/50-мм/клб	1505	6542	314
100/47, 100/51, 100/56-мм/клб	9812	12 444	780
76-мм (обр. 31г., 15/28г., 14/15г., 02/30г.)	26970	72 518	1241
75/50-мм/клб	-	5458	66
45/46-мм/клб	46660	41247	264
7,62-мм винтовочные патроны	24 000 000	-	750
Всего подлежало вывозу тонн:			6916

Таблица 7

Наименование калибра	Элементы (шт.)	Вес (т)
305/52-мм/клб	120	60
203/50-мм/клб	410	60
152/45-мм/клб	3905	390
130/55, 130/50-мм/клб	2378	170
100-мм	4089	120
85-мм	4462	80
76-мм обр. 31г., 15/38-г.	25 290	250
45/46-мм/клб	3566	10
Всего в тоннах:		1120

Зачем все это делалось? Ведь формально никто не собирался сдавать Севастополь в конце 1941 г. На батареях Севастополя стояли орудия всех представленных к вывозу калибров. Наконец, рассмотрим даже самый худший и маловероятный случай – падение Севастополя в ноябре-декабре 1941 г. Так, пардон, тыловые склады были завалены морскими снарядами всех основных калибров. Как уже говорилось, в течение всей войны было расстреляно и утеряно лишь 20,6 % от имевшихся и полученных от

промышленности 305/52-мм снарядов.[192] Аналогичная картина сложилась и по другим калибрам флотских орудий. Так, из 170 780 снарядов калибра180-мм было израсходовано и утеряно в войну 31 796, то есть 18,6 %, а из снарядов к 152/45-мм пушке Кане из 113 021 снарядов было израсходовано 29 290 штук, то есть 25,9 %, и т. д.

А ведь бравые адмиралы вывезли из Севастополя 1241 тонну 76-мм выстрелов и 750 тонн 7,62-мм винтовочных патронов. Этих-то на складах ГАУ было пруд пруди. Так, еще в 1950-х годах на складах оставались миллионы 76-мм снарядов, изготовленных в 1914–1917 гг. А вот у защитников Севастополя к началу июня их почти не осталось!

Далее опять процитирую «Итоги…»: «Вследствие того, что транспорты из Севастополя уходили один за другим, то к концу ноября месяца 41 г. и началу декабря 41 г. причалы Поти и Батуми оказались забитыми боеприпасами»[193]. Убирать снаряды было некому. «Работу в основном выполняли краснофлотцы кораблей. (Вместо того, чтобы воевать! – *А. Ш.)* Все же к концу декабря месяца 41 г. причалы в Поти были очищены, а с причалов Батуми боезапас был убран только к маю месяцу 1942 г.»[194]. Долетел бы до Батуми один Хе-111, сбросил бы пару бомб на огромные штабеля боеприпасов и что бы осталось от порта и города?

Возможно, найдутся оппоненты в лампасах, которые заявят, что, мол, часть боеприпасов, вывезенных из Севастополя, не годилась для использования в имевшихся артсистемах. Нет! На войне годится все! Если малограмотные чеченцы переделывали артиллерийские снаряды в дистанционно управляемые фугасы, то почему этого не могли сделать защитники СОРа?

В Севастополе были мощный морской завод и другие предприятия. Наконец, был специальный морской «Артремонтный завод», имевший 116 станков. Там можно было переделать любые снаряды, скомплектовать любые выстрелы. К примеру, все снаряды от 76-мм полковых, дивизионных и горных пушек взаимозаменяемы, а снарядами от 6-дюймовых пушек Кане можно стрелять из 152-мм гаубиц и 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 и т. д.

А теперь перейдем к действиям германской артиллерии. В ноябре 1941 г. Манштейн попытался взять Севастополь с наскока, но вскоре убедился, что только с артиллерией большой и особой мощности можно взять город.

Весной 1942 г. немцы доставили под Севастополь два минометных полка – 1-й тяжелый минометный и 70-й минометный, а также 1-й и 4-й

минометные дивизионы. На вооружении 70-го минометного полка были шестиствольные установки 15-см Np.W.41. Полк имел трехдивизионный состав, в каждом дивизионе по 3 батареи, в каждой батарее по 6 пусковых установок. Таким образом, полк одновременно мог выпустить 324 38-кг осколочнофугасные мины.

1-й тяжелый минометный полк был оснащен пусковыми установками рамочного типа, стрелявшими 28-см фугасными снарядами весом 82 кг и 32-см зажигательными снарядами весом 127 кг. При попадании 28-см фугасного снаряда в каменный дом, последний полностью разрушался.

При стрельбе 32-см миной по лугам с сухой травой, лесу и т. д. единичное попадание вызывало горение на площади до 200 кв. м с пламенем до 2–3 м по высоте, прямые попадания мин валили 30– 40-см деревья и могли их поджечь. Для одновременно поджигания площади в один гектар было необходимо попадание 50 мин.

При одиночном попадании 32-см зажигательной мины в дом она пробивала стену и крышу дома и воспламеняла домашнюю утварь или другие горючие материалы (сено, доски, дрова и др.). Горящая нефть (50 л) разбрызгивалась по фронту 20–25 м, в глубину на 10–15 м и по высоте на 2–3 м, оказывала соответствующее моральное действие и обжигала незащищенные части тела, матерчатая одежда пропитывалась горящими каплями нефти и воспламенялась.

Тяжелых пушечных батарей у Манштейна было немного. Наиболее мощными пушками были трофейные французские 19,4-см K.485(f) весом 29,6 т, вес снаряда 78 кг, дальность стрельбы 20,8 км. Пушки же германского производства имели калибры 15 см и 10,5 см.

Куда лучше была представлена артиллерия навесного боя – гаубицы и мортиры. Немцы стянули к Севастополю 10 батарей тяжелых 15-см гаубиц четырехорудийного состава и 6 батарей трехорудийного состава 21-см мортир обр. 18 (вес снаряда 113 кг, дальность стрельбы 16,7 км).

Более мощные установки были представлены под Севастополем в нескольких, а то и в одном экземпляре. Среди них:

28-см гаубица HL/12, изготовленная Круппом еще до Первой мировой войны. Вес ее снаряда 350 км, начальная скорость снаряда 376 м/с, дальность стрельбы 11 км.

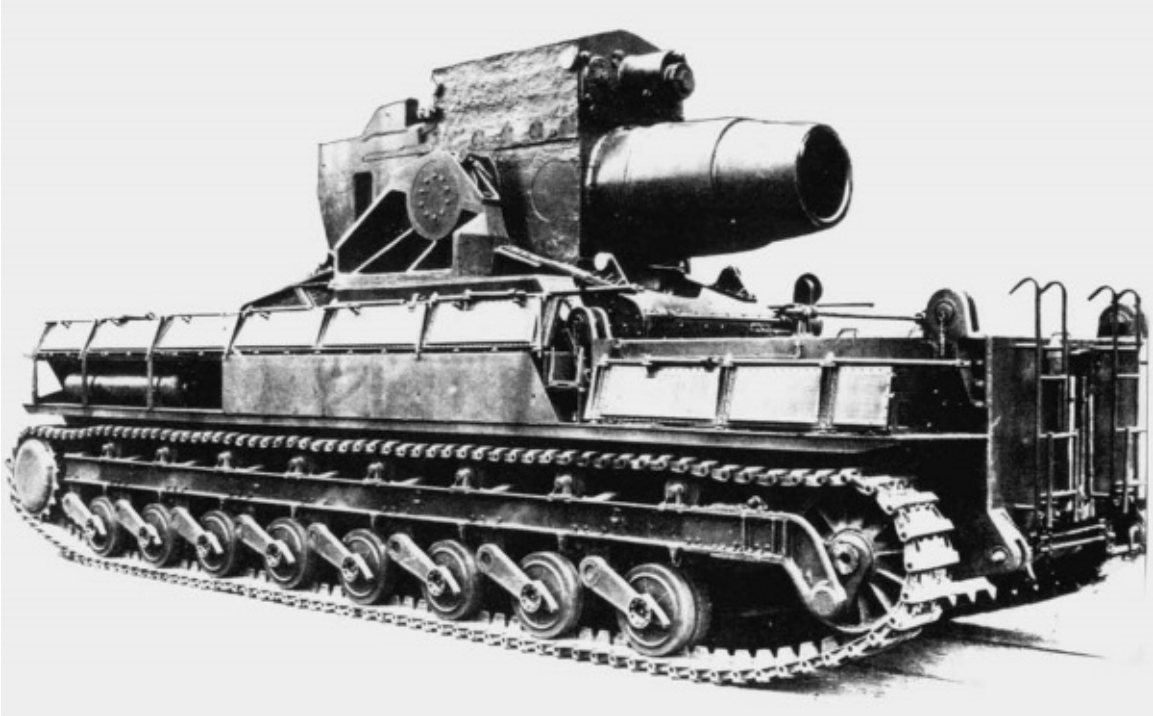
Несколько чешских 30,5-см мортир Mrs(t). Вес снаряда 384 кг, дальность стрельбы 11 км.

Несколько 35,5-см гаубиц-мортир М-1, изготовленных в конце 1930-х годов фирмой «Рейнметалл». Вес снаряда 575 кг, начальная скорость снаряда 570 м/с, дальность стрельбы 20 км.

Одна 42-см мортира «Гамма», изготовленная фирмой Круппа в 1906 г. Вес бетонобойного снаряда 1020 кг, начальная скорость 452 м/с, дальность 14,2 км. (В отдельных случаях изготавливались и более тяжелые бетонобойные снаряды весом 2200 кг.) «Гамма» выпустила по Севастополю 188 снарядов.

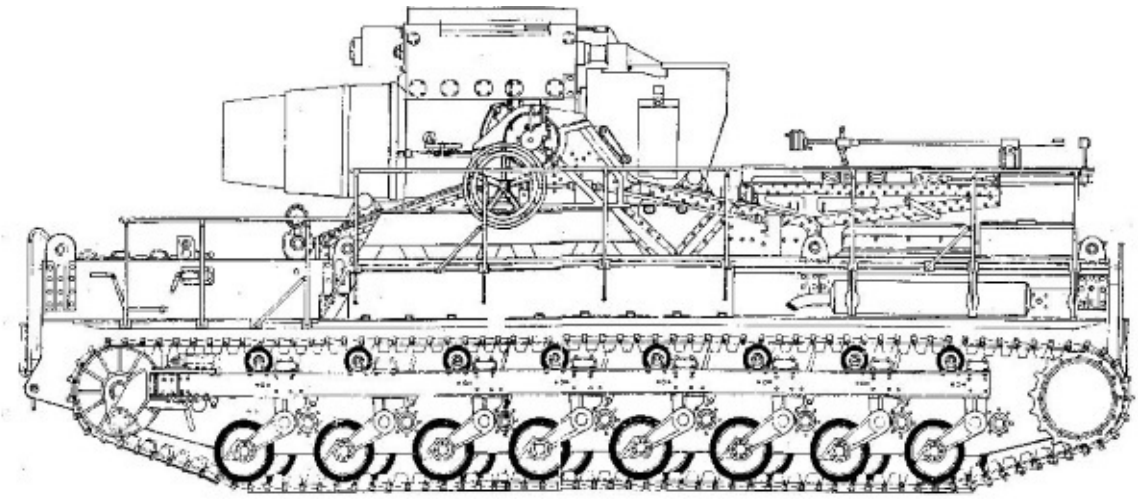
Одна 42-см гаубица H (t), изготовленная в 1917 г. на заводе «Шкода». Вес ее снаряда 1020 кг, начальная скорость 435 м/с, дальность 14,6 км.

Наряду со старым, но грозным оружием немцы послали под Севастополь и сверхсекретные новинки. В их числе были две 60-см самоходные мортиры фирмы «Рейнметалл», названные «Карлом» в честь генерала Карла Беккера. Каждая установка имела имя собственное.

60-см самоходная мортира

Максимальный угол возвышения установки «Карл» составлял 70°, что позволяло вести огонь с закрытых позиций, недосягаемых для артиллерийского огня противника. Вес установки вместе с шасси 120 т. Установка имела легкое бронирование толщиной 13 мм. Скорострельность составляла 1 выстрел за 5–6 минут.

60-см самоходная мортира в разрезе

Максимальная скорость передвижения 10 км/ч. В боекомплект 60-см мортиры входили тяжелый и легкий бетонобойные снаряды весом 2170 кг и 1700 кг соответственно. Тяжелый снаряд содержал 348 кг взрывчатого вещества, дальность стрельбы им составляла 4500 м, а легкий снаряд 280 кг и 6640 м соответственно.

Весной 1942 г. 60-см мортиры «Один» и «Тор» были доставлены под Севастополь. Они выпустили по Севастополю 172 тяжелых бетонобойных и 25 легких бетонобойных снарядов. Снаряды были велики, а их скорость – мала (220 м/с и 283 м/с), так что защитники города хорошо видели их в полете и поначалу принимали за тяжелые реактивные мины. Но вскоре разобрались и доложили в Москву, что город обстреливается 600-мм орудиями. Из Москвы ответили, что таких орудий у немцев нет и быть не может, и обвинили в паникерстве. Лишь фрагменты снарядов, доставленные в Москву самолетом, убедили тыловых скептиков.

Вообще говоря, наши артиллеристы и после войны имели весьма смутное представление о германской тяжелой артиллерии. Так, в секретном труде «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны», среди авторов которого аж 5 маршалов артиллерии и 8 генерал-полковников, утверждается, что под Севастополем у немцев было: «30 артиллерийских полков, две батареи осадной артиллерии, дивизион реактивных минометов, установленных на железнодорожных транспортерах»[195]. Оставлю сей пассаж без комментариев.

Немцы доставили под Севастополь три 280-мм железнодорожные установки типа «Бруно». Вообще говоря, у немцев имелось 4 типа железнодорожных установок «Бруно»: «Короткий Бруно» (28 cm Kz.Br.K.

(E)), «Длинный Бруно» (28 cm lg.Br.K(E)), «Тяжелый Бруно» (28 cm schw.Br.K(E)) и «Новый Бруно» (28 cm Br.KN(E)). К какому типу относились три установки, доставленные под Севастополь, к сожалению, выяснить не удалось.

«Короткий Бруно» стрелял фугасными снарядами весом 240 кг на дальность 29,5 км, а «Длинный Бруно» и «Тяжелый Бруно» стреляли 284-кг фугасными снарядами на дальность 36,1 км и 37,8 км соответственно. «Новый Бруно» стрелял 255-кг осколочно-фугасным снарядом на дальность 46,6 км. Объединяло все 4 установки то, что с пути они имели угол горизонтального обстрела всего в 1°, но с помощью специально поворотного круга «Vogele» могли поворачиваться на 360°.

Все три установки «Бруно» базировались на полустанке Шакул (ныне Самохвалово) в 7 км к северу от станции Бахчисарай.

Железнодорожные пути, с которых установки вели огонь, располагались в односторонней выемке холма с западным крутым откосом высотой 5–7 м. С восточной стороны пути были закрыты вертикальными и горизонтальными маскировочными масками, что надежно укрывало транспортеры от визуальной наземной и воздушной разведки.

Послевоенные сказочники рассказывали байки о повреждении и даже уничтожении железнодорожных установок «Бруно» советской артиллерией и авиацией. Но на самом деле эти установки никаких повреждений не имели. Мало того, командование СОРа до последнего дня обороны Севастополя даже не знало о железнодорожных установках противника.

Любопытно, что разведгруппа партизан[196] под командованием политрука А.Д. Махнева обнаружила железнодорожные установки «Бруно» и в Севастополь была отправлена радиограмма: «18 июня – в 14.20 к северу от железнодорожного моста через р. Кача был обнаружен бронепоезд, идущий в направлении Бахчисарая. В 19.25 он проследовал на ст. Сюрень. 20 июня – в 19.45 бронепоезд был отмечен на ст. Сюрень, при этом он произвел несколько выстрелов из орудия в сторону фронта…»

Обвинить разведчиков за «утку» трудно, установки «Бруно» на ходу действительно имели вид бронепоезда – впереди и позади состава находились платформы с зенитными автоматами, рельсами и разобранными кругами «Vogele», а в середине – тепловоз, артустановка и вагон снарядный погреб.

Другой вопрос, что к 20 июня линия фронта проходила уже в 30 км от станции Сюрень, то есть до советских позиций не мог достать ни один германский бронепоезд.

Наконец под Севастополь немцы отправили самую мощную пушку в

истории человечества 80-см «Дору».

Еще в 1936 г. при посещении завода Круппа Гитлер потребовал у руководства фирмы создать сверхмощную артсистему для борьбы с долговременными сооружениями линии Мажино и бельгийскими фортами. Система должна была обладать углом вертикального наведения +65° и максимальной дальнобойностью 35–45 км. Проникающая способность снаряда предполагалась такой: броня – 1 м; бетон – 7 м; твердый грунт – 30 м.

Конструкторскую группу фирмы Круппа, занявшуюся разработкой нового орудия по предложенному тактико-техническому заданию, возглавил профессор Эрих Мюллер, обладавший солидным опытом в данной области. В 1937 г. проект был закончен, и в том же году фирме Круппа выдали заказ на изготовление артсистемы. Немедленно началось ее производство.

Первое орудие было закончено в начале 1941 г. и обошлось в 10 миллионов рейхсмарок. Его назвали «Дора» в честь жены главного конструктора.

Затвор пушки клиновой, заряжание раздельно-гильзовое. Полная длина ствола составляла 32,5 м, а вес 400 т (!). В боевом положении длина установки была 43 м, ширина 7 м, а высота 11,6 м. Полный вес системы 1350 т.

Установка была железнодорожной, но стрелять она могла только со специального сдвоенного железнодорожного пути. С каждой стороны сдвоенного пути заводили по половине транспортера, то есть по четыре соединенные попарно пятиосные поворотные тумбы. На каждую пару тумб с помощью кранов укладывались две главные пролетные балки. Половины шасси соединялись поперечными связями. Таким образом, получался транспортер на 40 осях и 80 колесах по 40 колес на колее сдвоенного пути. Время подготовки орудия к стрельбе складывалось из времени оборудования огневой позиции (от трех до шести недель) и времени сборки установки (трое суток). Для оборудования огневой позиции требовался участок длиной 4120–4370 м и 250 человек.

«Дора» стреляла 7,1-тонными бетонобойными и 4,8-тонными фугасными снарядами, содержавшими, соответственно, 250 кг и 700 кг взрывчатого вещества. Максимальная дальность стрельбы фугасным снарядом составляла 48 км. Бетонобойный снаряд пробивал броню толщиной до 1 м, бетон – до 8 м, твердый грунт до – 32 м.

В феврале 1942 г. начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер приказал отправить «Дору» в Крым и передать в

распоряжение командующего 11-й армией для усиления осадной артиллерии.

К этому времени «Дора» находилась на полигоне Рюгенвальд на побережье Балтийского моря. В апреле 1942 г. пушка и дивизион 672, обслуживавший ее (всего пять эшелонов), были перебазированы в Крым по маршруту: Рюгенвальд – Бремберг – Краков – Лемберг (Львов) – Запорожье – Днепропетровск – Мелитополь – Крым.

25 апреля 1942 г. эшелоны с разобранной артустановкой скрытно прибыли на полустанок Ташлых-Даир (ныне село Янтарное Красногвардейского района) в 30 км южнее железнодорожного узла Джанкой, где были тщательно замаскированы штатными средствами.

Позиция для «Доры» была выбрана в 25 км от расположения предполагавшихся к обстрелу целей в границах СОРа (в основном на Северной стороне) и в 2 км к югу от железнодорожной станции Бахчисарай.

Особенностью позиции было строительство ее в чистом поле, на участке, где не имелось ни сложного рельефа, ни скальных укрытий, ни хотя бы небольшого леска. Совершенно голый мергелевый холм между речкой Чурук-Су и железной дорогой Бахчисарай – Севастополь был вскрыт продольной выемкой глубиной 10 м и шириной около 200 м в направлении северо-восток – юго-запад. Восточнее холма до станции Бахчисарай была проложена километровая ветка, западнее холма уложили «усы», которые обеспечивали угол горизонтального обстрела в 45°.

На участке подвоза артиллерийской системы к выемке и непосредственно в ней пути строились двух– и трехколейными для перемещения монтажных кранов, а во время стрельбы – для параллельного размещения двух транспортно-заряжающих вагонов со снарядами и зарядами.

Работы по строительству огневой позиции велись в течение четырех недель. Было привлечено 600 военных строителей-желез-нодорожников, 1000 рабочих «Трудфронта» организации «Тодт», 1500 человек местных жителей и некоторое количество военнопленных, захваченных немцами при прорыве Перекопских позиций и взятии Керчи в октябре-ноябре 1941 г. Работы велись круглосуточно. Безопасность обеспечивалась надежной маскировкой и постоянным патрулированием над районом истребителей из состава 8-го авиакорпуса генерала Рихтгофена. Рядом с позицией построили батарею 88-мм зенитных орудий и батарею 20-мм зенитных автоматов.

Кроме того, «Дору» обслуживали дивизион дымомаскировки, две

румынские пехотные роты охраны, взвод служебных собак и специальная моторизованная команда полевой жандармерии. Вычислительные группы в составе батареи производили все необходимые расчеты для стрельбы, а взвод артиллерийских наблюдателей использовал наряду с традиционными средствами инфракрасную технику. Итого, боевую деятельность орудия обеспечивало более четырех тысяч человек.

Оккупационной администрацией и гестапо весь район был объявлен запретной зоной со всеми вытекавшими из этого для военного времени последствиями.

В результате ни подпольщикам, ни партизанам, ни флотской и армейской разведке, ни хваленым органам НКВД до конца обороны Севастополя ничего толком не удалось узнать о «Доре». Правда, среди населения ходили слухи о немецкой «Царь-пушке» с самыми нелепыми подробностями.

5 июня, на рассвете, 1350-тонный транспортер с орудием и двумя тепловозами вышел из выемки на «усы». В определенной точке путей специальными домкратами и юстировочными моторами орудие вместе с транспортером было отгоризонтировано и окончательно наведено на цель. Бронебойный снаряд и гильзы из вагонов-погребов поданы на зарядный стол, а с него – в ствол, которому после заряжания придан угол возвышения 53° (стрельба велась уменьшенными зарядами, чтобы получить более крутую траекторию). После чего тепловозы и зарядные вагоны ушли в укрытие выемки.

В 5 ч. 35 мин. прозвучал первый громоподобный выстрел, от которого в вагоне-столовой батареи в 3 км от огневой позиции посыпалась с полок посуда, а на станции Бахчисарай и прилегающих к ней постройках звуковой волной были выбиты все стекла. Через 44,8 с наблюдательные и измерительные посты отметили падение и взрыв снаряда в районе цели № 1 – полевого склада боеприпасов 95-й стрелковой дивизии (севернее станции Мекензиевы горы). Следующие 7 выстрелов были произведены по старой береговой батарее№ 16 южнее поселка Любимовка. Еще 6 выстрелов 5 июня были сделаны по открытой зенитной батарее ПВО Черноморского флота № 365 в километре юго-западнее станции Мекензиевы горы. Последний выстрел прозвучал в 19 ч. 58 мин.

На следующий день, 6 июня, с 8 ч. 28 мин. до 19 ч. 45 мин. было сделано 16 выстрелов. Из них 7 по защищенному командному пункту зенитного дивизиона 61-го артиллерийского полка ПВО Черноморского флота в 700 м к северу от поселка Бартеневка, а 9 выстрелов – по штольням арсенала в Сухарной балке.

7 июня с 5 ч. 17 мин. до 9 ч. 48 мин. проведено 7 выстрелов по штольням арсенала в Сухарной балке.

11 июня с 3 ч. 38 мин. до 5 ч. 21 мин. сделано 5 выстрелов по редуту времен Крымской войны, который использовался как опорный пункт 95-й стрелковой дивизии.

17 июня с 4 ч. 48 мин. до 6 ч. 44 мин. сделано 5 выстрелов по башенной батарее № 30.

Последние 5 выстрелов были сделаны 26 июня опытной гранатой, время и цель их не установлены.

Увы, «гора родила мышь». Начну с того, что артиллерийские наблюдатели из дивизиона 672, имея отличные цейсовские приборы, так и не сумели увидеть падения семи своих снарядов. И только 5 снарядов поразили цель. Наблюдательными постами дивизиона 672 отмечены попадания по батарее № 365, опорному пункту стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии и по командному пункту зенитного дивизиона 61-го полка ПВО.

Замечу, что Манштейн в своей книге «Утерянные победы» писал: «Орудие одним выстрелом уничтожило большой склад боеприпасов на берегу бухты Северная, укрытый в скалах на глубине 30 м». Однако ни одна из штолен Сухарной балки не была взорвана огнем немецкой артиллерии до последних дней обороны Северной стороны Севастополя, то есть до 25–26 июня. А взрыв, о котором пишет Манштейн, произошел от детонации боезапаса, открыто выложенного на берегу бухты и подготовленного для эвакуации на Южную сторону.

При стрельбе по остальным объектам снаряды легли на расстоянии от 100 до 740 м от цели.

Следует заметить, что результаты применения установки «Дора» оказались ничтожны, по поводу чего Манштейн писал: «В целом эти расходы, несомненно, не соответствовали достигаемому эффекту». А начальник Генерального штаба вермахта генерал-полковник Гальдер оценил «Дору» так: «Настоящее произведение искусства, однако бесполезное».

Тут стоит заметить, что штаб 11-й армии выбирал цели довольно неудачно. В первую очередь целями для семитонных бронебойных снарядов «Доры» должны были стать береговые башенные батареи № 30 № ° 35, защищенные командные пункты флота, Приморской армии и береговой обороны, узлы связи флота, штольни подземных арсеналов, спецкомбинаты № 1 №° 2 и склады горючего, укрытые в толще инкерманских известняков.

Что же касается восьми снарядов, выпущенных по береговой батарее № 16, то это просто конфуз. 254-мм пушки там были сняты еще в конце 1920-х годов, и с тех пор там, кроме несчастного привидения, заснятого мной в 2002 г., никого не было. Кстати, я облазил и отснял всю батарею № 16 вдоль и поперек, но никаких серьезных повреждений не обнаружил.

К 27 июня из ствола «Доры» с учетом полигонных испытаний было сделано около 300 выстрелов, и ствол ввиду полного износа отправили на ремонт в Эссен. Лафет и все оборудование по приказу Гитлера начали перевозить под Ленинград в район станции Тайцы, куда позднее прибыл и отремонтированный ствол. Туда же должны были перевезти вторую однотипную пушку «Густав». Наступление Красной Армии лишило немцев возможности использовать сверхмощные орудия под Ленинградом. С началом прорыва блокады Ленинграда пушки срочно эвакуировали в тыл.

Еще раз использовали «Дору» во время Варшавского восстания в сентябре – октябре 1944 г. По Варшаве было выпущено около 30 снарядов.

В 1944 г. планировалось применить «Дору» для стрельбы с французской территории по Лондону. Для этой цели были разработаны трехступенчатые реактивные снаряды H.326.

Кроме того, фирма Круппа спроектировала для «Доры» новый ствол с гладким каналом калибра 52 см. Длина ствола 48000/ 92,3 мм/клб. Лафет был почти одинаков с установкой «Дора». Дальность стрельбы предполагалась 100 км. Однако снаряд содержал всего 30 кг взрывчатого вещества, то есть фугасное действие его было ничтожно. Гитлер приказал прекратить работы над 52-см стволом и потребовал создания орудия, стреляющего фугасными снарядами весом 10 тонн с 1200 кг взрывчатого вещества. Понятно, что создание такого орудия было фантазией.

Всего в Германии в ходе войны было изготовлено три 80-см орудия, из которых два в боевых условиях не стреляли.

22 апреля 1945 г. во время наступления в Баварии 3-й американской армии передовые патрули одной из частей при прохождении через лес в 36 км севернее города Ауэрбах обнаружили в тупике железнодорожной линии 14 тяжелых платформ и разбросанные вдоль путей остатки какой-то огромной и сложной металлической конструкции, сильно поврежденной взрывом. Позже в близлежащем тоннеле были найдены и другие детали, в частности, два гигантских артиллерийских ствола (один из которых оказался неповрежденным), части лафетов, затвор и т. д. Командир части полковник Портер организовал сбор разбросанных деталей и после тщательного осмотра специалистами пришел к заключению, что все они являются частями двух сверхмощных артиллерийских орудий. Опрос

пленных показал, что обнаруженные конструкции принадлежат сверхмощным орудиям «Дора» и «Густав». По завершении обследования остатки обеих артсистем сдали в металлолом.

Третье сверхмощное орудия – один из «Густавов» – оказалось в советской зоне оккупации, и дальнейшая его судьба западным исследователям неизвестна. Автор обнаружил упоминание о нем в «Отчете уполномоченного Министерства вооружений о работе в Германии в 1945–1947 гг.», т. 2. Согласно отчету, «…в июле 1946 г. специальная группа советских специалистов по заданию Министерства вооружений предприняла изучение 800-мм установки “Густав”. Группой составлен отчет с описанием, чертежами и фото 800-мм орудия и проведена работа по подготовке к вывозу 800-мм железнодорожной установки “Густав” в СССР». Руководил группой инженер-майор Б.И. Житков. Установка в Советский Союз была доставлена.

В 1946–1947 гг. эшелон с частями 80-см орудия «Густав» прибыл в Сталинград на завод «Баррикады». На заводе орудие изучалось в течение двух лет. По сведениям, полученным от ветеранов КБ, заводу было поручено создать аналогичную систему, но в архивах подтверждения этому я не нашел. К 1950 г. останки «Густава» были отправлены на заводской полигон Прудбой, где они хранились до 1960 г., а затем были сданы на лом.

Вместе с орудием на завод “Баррикады” было доставлено семь гильз. Шесть из них впоследствии сдали на лом, а одна, использовавшаяся как пожарная бочка, уцелела и позже была отправлена на Малахов курган.

Как уже говорилось, командование СОРа так и не смогло понять, кто обстреливал Севастополь. В разведсводках имелись сведения о 240-мм и 24-дюймовых (610-мм) железнодорожных установках и т. д.

После окончания боев в Крыму в мае 1944 г. специальная комиссия занималась поиском огневой позиции сверхтяжелого орудия в районах сел Дуванкой (ныне Верхнесадовое) и Заланкой (Фронтовое), но безуспешно. Документов об использовании «Доры» также не оказалось среди трофеев Красной Армии, захваченных в Германии. Поэтому официальные историки сделали заключение, что «Доры» под Севастополем вообще не было, а все слухи о ней – «деза» абвера.

Зато писатели патриотического жанра и мемуаристы-лампас-ники «оттянулись со вкусом» по «Доре» по полной программе. В десятках детективных историй героические разведчики, партизаны, летчики и моряки находили и уничтожали «Дору». Нашлись люди, которые «за уничтожение “Доры”» были награждены правительственными наградами, а одному из них якобы даже присвоили звание Героя Советского Союза.

Подводя итоги, можно сказать, что большие пушки, а точнее, мортиры решили исход битвы за Севастополь. Какие же выводы в артиллерийском отношении сделали наши славные маршалы и генералы? Я опять обращусь к секретному четырехтомному труду «Артиллерия в Великой Отечественной войне». Там в книге I «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны» 82 страницы заняты главой «Артиллерия в обороне Одессы и Севастополя». Само по себе объединение этих двух сражений – полнейшая глупость. Там – равнина, здесь – горы; там – опереточное румынское воинство, здесь – 11-я армия Манштейна; там – успех, здесь – катастрофа. 7 страниц занимают выводы. Вот что говорится о Севастополе: «Централизованное управление артиллерией было достаточно гибким и оперативным… Широко используя маневр артиллерийским огнем, а в некоторых случаях и самой артиллерией, командование Приморской армии создавало на направлениях главного удара противника плотность артиллерии от 35–40 до 60–70 орудий и минометов (не считая 50-мм минометов) на 1 км фронта. В таких случаях (при достаточном количестве боеприпасов) артиллерийским огнем удавалось не только задержать продвижение противника на тех или иных рубежах, но и срывать его атаки.

Взаимодействие всех видов артиллерии в бою хорошо обеспечивалось заблаговременным планированием ее огня и маневра (поскольку такое планирование было возможно) и поддерживалось непрерывным и гибким ее управлением в ходе боя…

Успешные действия артиллерии всех видов и калибров в обороне Одессы и Севастополя объяснялись не только высоким моральным духом, порождаемым патриотизмом и ненавистью к врагу, а также боевым мастерством артиллеристов, но и хорошим инженерным оборудованием и маскировкой боевых порядков частей и подразделений.»[197] и т. д.

Итак, «все хорошо, прекрасная маркиза!..». Я так и не смог понять, зачем на такой аллилуйщине ставить гриф «секретно»? Она достойна лишь «Правды» и учебников допризывника.

Глава 11
Третий штурм Севастополя

28 мая командование СОРа получило директиву командующего Северо-Кавказским фронтом Буденного[198]. Там говорилось:

«1. Противник к наличному составу сил, блокирующих Севастопольский оборонительный район, с 20 мая начал интенсивную переброску своих войск к Севастополю с целью начать в ближайшем будущем активные действия. По данным всех видов разведки, перебрасывается около четырех пехотных дивизий, одной танковой дивизии и одной легкой пехотной дивизии.

2. Севастопольский оборонительный район имеет прочную систему обороны, могущую противостоять любому наступлению противника.

Приказываю:

1. Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на Кавказский берег не будет.

2. Создать армейский резерв; кроме того, иметь резерв в секторах обороны для нанесения мощных контрударов.

3. В борьбе против паникеров и трусов не останавливаться перед самыми решительными мерами»[199].

Между тем корабли Черноморского флота и транспорты продолжали доставлять в Севастополь боеприпасы и пополнения. Так, 27 мая в 2 часа ночи крейсер «Ворошилов» в охранении эсминцев «Сообразительный» и «Свободный» вышел из Батуми и в тот же день в 21 ч. 31 мин. прибыл в Севастополь с личным составом и вооружением 9-й бригады морской пехоты.

При входе в Севастопольскую бухту корабли были атакованы германскими самолетами – бомбардировщиками и торпедоносцами. Выпущенная по крейсеру при прохождении им первой линии бонов торпеда выскочила на берег в районе Херсонесского музея, но не взорвалась. Повреждений и жертв не было. Корабли уклонялись от атак маневрированием. Эсминцы отражали налет торпедоносцев огнем главного калибра.

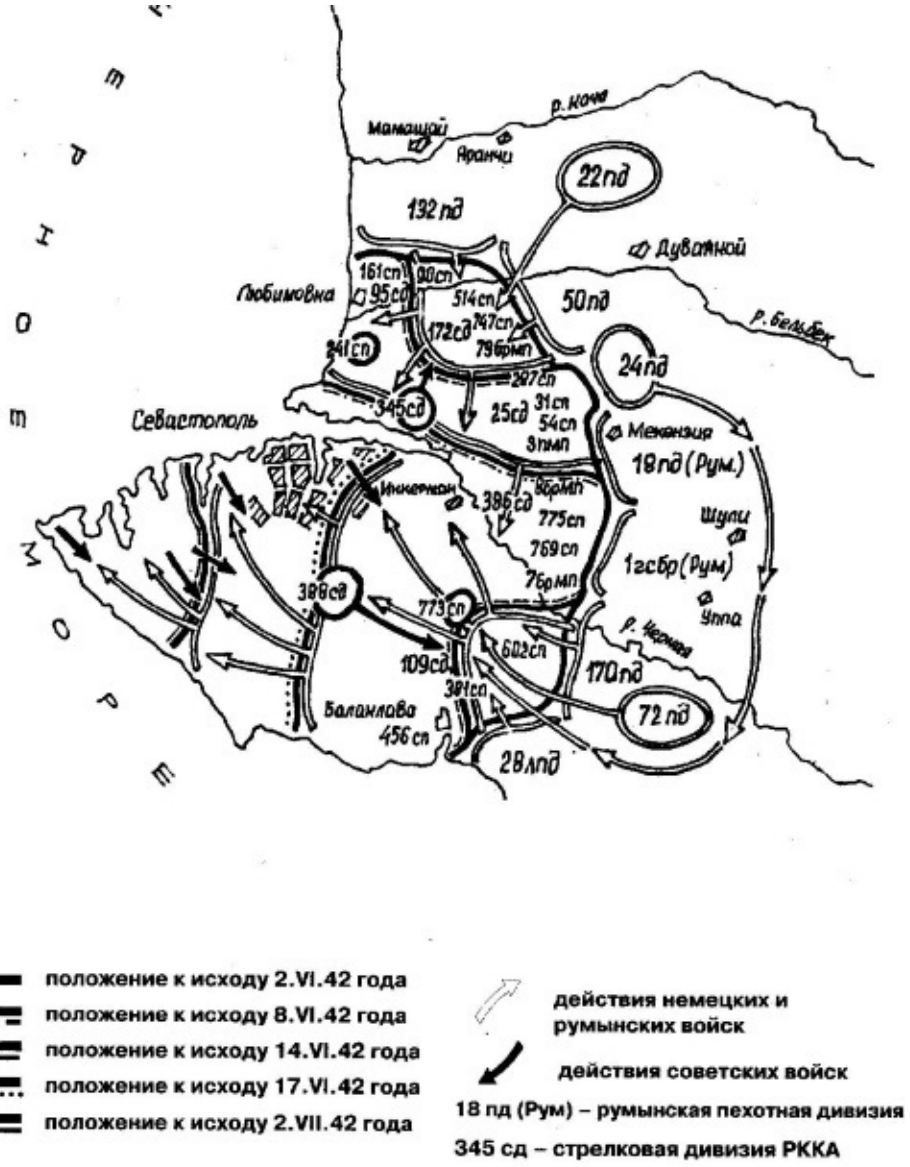
На крейсере и эсминцах в Севастополь была доставлена 9-я бригада морской пехоты в составе 3017 человек, восьми 122-мм, восьми 76-мм и

семнадцати 45-мм орудий, 27 станковых пулеметов, 16 минометов, 1213 винтовок и 60 т боезапаса.

Помимо надводных кораблей к грузовым перевозкам с Кавказа в Севастополь были привлечены и подводные лодки. Так, в 3 ч. 40 мин. 29 мая подводная лодка Л-4 прибыла из Новороссийска в Севастополь, доставив 50 т боезапаса и 11 т продовольствия. В 21 ч. 20 мин. лодка ушла в Новороссийск.

Наши официальные историки считают временем начала третьего штурма Севастополя 2 июня 1942 г. Действительно, в этот день немцы начали интенсивную артиллерийскую и авиационную подготовку штурма. 2 июня немцы выпустили по позициям защитников СОРа и кораблям около 6 тысяч снарядов.

2 июня в 40 милях южнее Ялты торпедоносцы Хе-111, базировавшиеся на аэродроме в Саки, потопили торпедой танкер «Громов» (836 брт). Танкер шел с грузом бензина из Туапсе в Севастополь. После гибели «Громова» перевозка топлива в Севастополь танкерами была прекращена, далее использовались только подводные лодки.

Третий штурм Севастополя (2 июня – 4 июля 1942 г.)

Со 2 по 7 июня немцы сделали 9 тысяч самолето-вылетов и сбросили на СОР 46 тысяч бомб крупного калибра. Вражеские самолеты непрерывными волнами по 30–40 машин совершали налеты на боевые порядки войск. Артиллерия противника выпустила 126 тысяч тяжелых снарядов. В среднем на каждый квадратный метр полосы нашей обороны на направлениях предстоящих ударов приходилось по 1,5 тонны снарядов.

6 июня впервые была замечена стрельба немецких осадных мортир калибром в 615 мм, стрелявших по батареям береговой обороны. Один снаряд пробил крышу башни 30-й батареи и вывел башню из строя. Другой снаряд не разорвался, по нему-то и был установлен калибр мортиры.

В ночь с 5 на 6 июня в Севастополь пришли лидер «Ташкент», эсминец «Бдительный» и подводная лодка Л-5. Они доставили 510 человек маршевого пополнения, 12 человек летного состава, 71 т артиллерийских боеприпасов, 15 т авиационного бензина и 12 т продовольствия.

Манштейн спланировал на первом этапе наступления на Севастополь главный удар нанести 54-м армейским корпусом с севера и северо-востока. При этом задачей 132-й пехотной дивизии ставилось нанесение фронтального удара через долину р. Бельбек на высоты южнее ее, оставляя в стороне наш плацдарм в районе Любимовки. А действовавшая левее 22-я пехотная дивизия должна была фланговым ударом с востока южнее реки Бельбек через Камышловский овраг обеспечить 132-й дивизии успешное преодоление рубежа р. Бельбек. 50-я пехотная дивизия, наступавшая еще левее, должна была, продвигаясь через Камышлы, наносить удар в юго-западном направлении. На левом фланге корпуса 24-я пехотная дивизия получила задачу наступать в направлении Инкерманских высот с целью выхода на северное побережье Северной бухты и в район Инкерманского монастыря. На южном участке вспомогательный удар должен был наносить 30-й армейский корпус. В его задачу входил захват исходных позиций для последующего наступления на Сапун-гору и Балаклаву. Для этого 72-я пехотная дивизия должна была наступать по обе стороны Ялтинского шоссе, а 28-я легкая пехотная дивизия – захватить северную гряду скалистых высот восточнее Балаклавской бухты. 170-я пехотная дивизия оставалась в резерве. По мнению Манштейна, все эти действия германских войск, учитывая сильнопересеченную местность, могли быть решены только в ходе тщательно подготовленных наступательных боев с ограниченными целями.

Румынскому горному корпусу, действовавшему между двумя ударными немецкими группировками, ставилась задача сковать советские войска. Для этого 18-я румынская пехотная дивизия должна была атаками местного значения обеспечить наступление левого фланга 54-го корпуса, а 1-я румынская горнострелковая дивизия – поддерживать наступление правого фланга 30-го корпуса, захватив высоту Сахарная головка.

Накануне штурма, в 2 ч. 55 мин. 7 июня, советская артиллерия произвела огневой налет на вражеские позиции. Однако из-за недостатка боеприпасов он длился всего 20 минут.

Через 2 часа началась артподготовка немцев. В воздухе одновременно действовало до 250 германских самолетов. Через полчаса в атаку пошли пехота и танки. Главный удар немцы наносили в направлении от Камышлы на пост Мекензиевы горы, а вспомогательный – в направлении деревень

Камары и Кадыковка.

В результате ожесточенных боев, длившихся весь день, на направлении главного удара враг вклинился в передний край нашей обороны в стыке между 79-й особой стрелковой бригадой и 172-й стрелковой дивизией и, потеснив левофланговые части 172-й дивизии и части 79-й бригады, к исходу 7 июня вышел на рубеж высот 64,4; 57,8 и 59,7. На остальном фронте севастопольской обороны многочисленные атаки вражеских частей были отбиты, и наши части удержали свои рубежи.

За день боев немцы и румыны потеряли до 300 человек убитыми. Наши потери составили убитыми и ранеными 1500 человек, было разбито 5 дотов, 6 оголовков, две 45-мм пушки и три 82-мм миномета.

За 7 июня немецкая авиация произвела до 2000 самолето-вылетов, сбросив до 9000 бомб.

На следующий день, 8 июня, германская авиация совершила свой первый налет в 5 часов утра, а пехота двинулась вперед лишь спустя 5 часов. Под натиском 50-й и 22-й германских пехотных дивизий, наступавших при поддержке авиации, артиллерии и танков, 79-я особая стрелковая бригада (третий сектор обороны) и 172-я стрелковая дивизия (четвертый сектор) к исходу дня отошли на рубеж: южные скаты высоты 192,0, 1 км северо-восточнее станции Мекензиевы Горы и юго-западные скаты высоты 104,5. При этом основные силы 747-го стрелкового полка 172-й дивизии попали в окружение противника.

К ночи 287-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии (третий сектор) под натиском противника и в результате отхода 79-й бригады был вынужден развернуться фронтом на север южнее высоты 192,0.

Правофланговые части 95-й стрелковой дивизии (четвертый сектор) из-за отхода 172-й дивизии развернулись фронтом на восток. Остальные части четвертого сектора удерживали свои рубежи обороны.

На участке вспомогательного удара противника войска первого и второго сектора в этот день отразили все атаки и удержали свои рубежи.

9 июня немцы начали прорывать нашу оборону в стыке третьего и четвертого секторов, чтобы выйти к Северной бухте. В течение дня, подводя новые резервы пехоты и танков, противник вел ожесточенные атаки на участке между высотой 90,0 и постом Мекензиевы горы. Особенно сильным атакам подверглись части 345-й стрелковой дивизии, вступившей в бой у поста Мекензиевы горы. В результате упорных боев 287-й стрелковый полк 25-й дивизии, 79-я особая бригада, 345-я стрелковая дивизия и правый фланг четвертого сектора к исходу дня отошли на 400–800 м и заняли рубежи: поляна в 2 км северо-западнее хутора Мекензия, в

300 м севернее кордона Мекензия № 1, пост Мекензиевы горы и высота 49,0. 172-я стрелковая дивизия была отведена в район станции Инкерман, где остатки ее подразделений приводились в порядок.

На остальных участках фронта севастопольской обороны 9 июня все атаки противника были отбиты.

На следующий день, 10 июня, наши войска после ожесточенных боев были вынуждены оставить железнодорожную станцию Мекензиевы Горы и кордон Мекензия № 1.

С 8 по 10 июня в Севастополь на эсминцах «Свободный» и «Бдительный», двух тральщиках, а также на подводных лодках С-31, С-32 и Л-5 были доставлены 67 человек летно-технического состава ВВС флота, 265 т боезапаса, пятнадцать 7,62-мм пулеметов, 75 автоматов ППШ, 30 т авиационного бензина и 3 т продовольствия.

На транспорте «Абхазия» были доставлены 250 человек маршевого пополнения, 37 бойцов Приморской армии, 261 т боезапаса, 100 т авиабоезапаса, 13 авиационных моторов, 168 т продовольствия и 90 т цемента.

10 июня в 2 ч. 05 мин. эсминец «Бдительный» вышел из Севастополя. На переходе в 5 ч. 50 мин. в 60 милях к юго-востоку от мыса Айя «Бдительный» был безрезультатно атакован бомбардировщиками противника. В 11 ч. 30 мин. эсминец прибыл в Новороссийск.

Оставшиеся в Севастополе на день транспорт «Абхазия» и эсминец «Свободный» были неоднократно атакованы немецкой авиацией. В 9 ч. 55 мин. 10 июня от прямого попадания бомбы в кормовую часть транспорт «Абхазия» затонул у пирса № 1 Сухарной балки. На транспорте погибло 168 т боезапаса, 95 т авиабоезапаса и 96 т продовольствия.

В 13 ч. 10 июня эсминец «Свободный», стоявший у артиллерийской стенки Корабельной бухты, получил 9 прямых попаданий бомб. На эсминце начались пожары и взрывы боезапаса. В 14 ч. 20 мин. эсминец затонул, погибло 56 человек.

11 июня наши войска контратаками отбили у неприятеля железнодорожную станцию Мекензиевы горы, но на следующий день немцы вернули себе станцию и оттуда перешли в наступление к Трензиной и Графской балкам. 12 июня немцам удалось захватить стационарную морскую батарею № 705 у Сливной станции. Уйти смогли лишь 12 краснофлотцев из команды батареи.

Только за 12 июня части СОРа потеряли 735 человек убитыми и 1234 ранеными, уничтожено 12 орудий.

Вечером 12 июня в главную базу прибыли крейсер «Молотов»

и эсминец «Бдительный». На крейсере было доставлено 2998 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, шестнадцать 76-мм и двенадцать 45-мм орудий, восемь 120-мм минометов, 150 т боезапаса, 9 кухонь, 162 противотанковых ружья, 1005 автоматов ППШ, а также продовольствие и медикаменты. На эсминце прибыло 343 человека маршевого пополнения и 40 т боезапаса.

13 июня немцы изменили приемы наступательных боев и стали применять тактику «прогрызания» нашего переднего края. Она заключалась в том, что первоначально на узком участке фронта производились массированные налеты авиации, вслед за ней на тот же участок бросались танки, прикрываемые, в свою очередь, массированным огнем минометов и артиллерии. Одновременно авиация противника бомбила огневые позиции нашей полевой артиллерии и стационарные батареи береговой обороны главной базы.

Потери частей СОРа за 13 июня составили 735 человек убитыми и 1234 ранеными. Были разбиты 7 орудий, прожектор, 23 пулемета и 50 минометов. Три орудия были повреждены.

13 июня с 1 часа до 3 ч. 40 мин. крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный», стоя на якоре в Севастопольской бухте и по выходе из главной базы, из района Херсонесского маяка, вели огонь по скоплениям войск противника в районах населенных пунктов: дача Торопова, Бахчисарай и Сюрень. Крейсер выпустил 90 снарядов, а эсминец – 350. В 3 ч. 45 мин. «Молотов» и «Бдительный» вышли из главной базы в Туапсе. На корабли были приняты 910 раненых и личный состав погибших кораблей: со «Свободного» 101 человек, с «Абхазии» 30 человек. В 19 ч. 45 мин. «Молотов» и «Бдительный» прибыли в Туапсе.

13 июня в 4 ч. 40 мин. транспорт «Грузия» с пополнением и грузом боеприпасов вошел в Севастопольскую бухту. При подходе к Минной пристани в Южной бухте транспорт был атакован немецкими самолетами и от двух прямых попаданий бомб в 4 ч. 48 мин. затонул. Большая часть людей спаслась вплавь.

13 июня адмирал Октябрьский получил донесение, что в Севастополе положение с боеприпасами «на грани катастрофы». Так, в зенитной артиллерии осталось по пятнадцать 76-мм снарядов на пушку. Из Москвы для снабжения Севастополя на Кавказ прибыли 20 транспортных самолетов «Дуглас».

15 июня в 2 ч. 20 мин. крейсер «Молотов» в охранении эсминца «Безупречный» с частями 138-й стрелковой бригады вышел из Новороссийска и в 23 ч. 59 мин. прибыл в Севастополь. В 20 ч. 40 мин.

в Севастополь из Туапсе прибыла подводная лодка С-32. Из Новороссийска прибыли подводные лодки: М-33 – в 23 ч. 20 мин. и М-111 – в 23 ч. 59 мин. В 23 ч. 25 мин. прибыли базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие из Новороссийска в 4 ч. 40 мин. На этих судах в Севастополь было доставлено 2325 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, 1075 человек маршевого пополнения, 442 т боезапаса, 42 72-мм миномета, 1486 автоматов ППШ, 50 противотанковых ружей, 30 т бензина и 12 т продовольствия.

17 июня немцам удалось продвинуться в район четвертого сектора. 172-я и 95-я стрелковые дивизии были фактически разгромлены, а 30-я башенная 305-мм батарея окружена немцами.

К полуночи 17 июня войска СОР занимали следующие рубежи:

Первый сектор (109-я и 388-я стрелковые дивизии): Генуэзская башня – западные склоны высоты 99,4 – западнее совхоза «Благодать» – высота 33,1 (исключительно) – 400 м западнее высоты 56,0 – хутор в 100 м восточнее отметки 36,0.

Второй сектор (386-я стрелковая дивизия, 7-я и 8-я бригады морской пехоты): южные и юго-восточные скаты Федюхиных высот – памятник сражению на Черной речке – высоты 72,5 – 126.1 – 67,1 – 119,9.

Третий сектор (25-я стрелковая дивизия и 79-я морская стрелковая бригада): высота 119,9 – юго-западные скаты высоты 115,7 – южный отрог Камышловского оврага (исключительно) – безымянная высота в 1 км южнее высоты 90,0 – высота 66,1.

Четвертый сектор (345-я и 95-я стрелковые дивизии): высота 66.1 исключительно – отроги Графской балки – 1 км южнее высоты 43,5 – 500 м северо-восточнее Бартерьевки – западные скаты высоты 36,1 и далее на запад до уреза воды.

К концу дня 18 июня остатки 95-й стрелковой дивизии оборонялись на рубеже: верхняя балка Голландия – Братское кладбище – деревни Буденновка и Учкуевка. На правом фланге 95-й дивизии противнику мелкими подразделениями удалось просочиться на побережье Северной бухты в районе балки Голландия.

К этому времени 345-я стрелковая дивизия вела бой на рубеже балок Трензина и Графская. 138-я стрелковая бригада, заняв верховья балок Графская и Сухарная, вела бой и создавала опорные пункты для прикрытия устья Сухарной балки и бухты Голландия.

Торпедные катера Д-3 и СМ-3, выйдя в ночь на 18 июня из Анапы, произвели набеговую операцию на порт Ялта с целью уничтожения торпедных катеров противника. В 4 ч. 05 мин. наши катера выпустили по

порту 4 торпеды. Одна торпеда взорвалась в районе боновых ворот, а три – в порту. Кроме того, порт был обстрелян четырьмя 82-мм снарядами М-8 и пулеметным огнем. На отходе катера были обстреляны с берега артиллерийским и пулеметным огнем и получили повреждения, два краснофлотца были убиты и два ранены. В 18 часов торпедные катера пришли в Новороссийск.

В 1 час ночи 18 июня транспорт «Белосток» в охранении базового тральщика «Якорь» и пяти сторожевых катеров прибыл из Новороссийска в Севастополь. На подводных лодках, прибывших в Севастополь 17 июня, и на транспорте «Белосток» были доставлены 360 человек маршевого пополнения, 80 человек разных воинских команд, 341 т боезапаса и 238 т продовольствия.

19 июня командующий Черноморским флотом и Севастопольским оборонительным районом адмирал Октябрьский доложил Сталину, что войска СОРа потеряли до 23 тысяч человек.

Согласно «Хронике…», «в этот день на северном участке фронта противник подошел к Северным укреплениям, занял Бартеньевку и Братское кладбище. Тем самым немцы получили возможность вести прицельный артиллерийский огонь по всему городу и лишили защитников СОРа возможности пользоваться Северной и Южной бухтами.

Из создавшейся обстановки было видно, что остатки частей четвертого сектора, прижатые к северному побережью Северной бухты, долго не продержатся и будут истреблены немецкой авиацией…

В результате яростных атак на левом фланге северного участка фронта общий фронт 95-й стрелковой дивизии был нарушен, и дивизия вела бой на отдельных пунктах сопротивления. К исходу 19 июня наиболее ожесточенный бой продолжался в районе северных укреплений. В район расположения местного стрелкового полка к западу от северного дока прорвались тяжелые танки противника. Группы вражеской пехоты вышли на побережье Северной бухты в районе бухты Голландия и установили на берегу 2 пушки, простреливавшие всю Северную бухту»[200].

Спору нет, положение было тяжелым, но совсем не столь драматичным, как представлял его адмирал Октябрьский в донесении в Ставку, и что нашло отражение в «Хронике.». С тяжелыми немецкими танками все ясно, разве что это были наши КВ. Ну, установили немцы пару 37-мм противотанковых пушек или 75-мм пехотных орудий. И что из этого? Неужели их нельзя было уничтожить огнем береговых и полевых орудий? В конце концов, во время пребывания транспортов и боевых судов ставить на несколько часов дымовые завесы. Ведь иной раз во время

налетов вражеской авиации дымом закрывали все севастопольские бухты чуть ли не на целый день. Другой вопрос, что командование Черноморского флота, заранее зная о приближении немцев к Северной бухте, не удосужилось вывезти оттуда соединения катеров-тральщиков. В результате при обстреле порта были потоплены или повреждены (и брошены) катера-тральщики № 565 («Фрунзе»), № 66 («Киров»), № 553, № 554, № 555, № 557, № 560 («Вега»), которые можно было перевести в бухты Камышовая, Стрелецкая, Карантинная и замаскировать там. Эти катера-тральщики могли пригодиться при эвакуации СОРа.

«Войска СОРа будут вынуждены, – докладывал далее Октябрьский Сталину, – если не будет оказана срочная помощь, немедленно сделать переход на новый рубеж обороны, проходивший по южному побережью Северной бухты, через гору Суздальская, Сапун-гору и высоты Карагач.

Севастопольскому оборонительному району необходимо:

1) 10 000 человек маршевого пополнения, половина которого должна быть вооружена;

2) вывезти раненых, число которых достигло 12 000 и для которых не хватает места, медсостава и медикаментов;

3) усилить оборону зенитной артиллерией;

4) дать хотя бы 25 Як-1 и 10 Ил-2;

5) немедленно поставить на линию Кавказ – Севастополь обещанные 20 самолетов «Дуглас» с ночными экипажами, так как подавать в Севастополь маршевое пополнение и все снабжение, а также вывозить раненых можно только ночью самолетами-ночниками и подводными лодками»[201].

В связи с выходом немцев к Северной бухте в районе башенной батареи № 35 у мыса Херсонес интенсивно шло строительство новой пристани.

20 июня к входу в Севастопольскую бухту подошел крейсер «Коминтерн» с маршевым пополнением в охранении базовых тральщиков «Мина», «Взрыв» и «Защитник» и трех сторожевых катеров. Однако из-за невозможности войти в бухту по приказанию начальника штаба флота крейсер возвратился в Новороссийск. Риторический вопрос: а что, нельзя было разгрузиться в Карантинной, Стрелецкой, Камышовой бухте или даже в Балаклаве? Вспомним, что в годы Крымской войны в Камышовой бухте базировался французский флот, а в Балаклаве – английский.

К исходу 20 июня немцы заняли всю Северную сторону за исключением трех опорных пунктов: района Константиновской батареи, которую защищал личный состав ОХРа, и береговых батарей № 2 12;

района Михайловской батареи (по другим источникам, 11 июня), защищаемой личным составом 110-го зенитного полка, береговой батареи № 702; и района Инженерной пристани.

В ночь на 21 июня вдоль всего южного берега Северной бухты строилась система укреплений.

23 июня немцам удалось овладеть Константиновской батареей, а уцелевшие ее защитники с наступлением темноты отправились вплавь к южному берегу. Доплыли 40 человек.

23 июня из Новороссийска в Севастополь прибыли лидер «Ташкент» и эсминец «Безупречный», а из Туапсе – подводная лодка «С-32». Эти суда доставили 529 человек маршевого пополнения, 102,4 т боезапаса, 35 т бензина, 106,3 т продовольствия, а также вооружение для перебрасываемой в Севастополь 142-й стрелковой бригады.

24 июня в связи с изменениями на сухопутном фронте севастопольской обороны была произведена новая нарезка секторов.

Части первого сектора обороняли рубеж от Балаклавы до высоты 113,2 (исключительно). Состав сил сектора был усилен двумя батальонами 9-й бригады морской пехоты и одним батальоном дотов береговой обороны главной базы.

Части второго сектора обороняли рубеж от высоты 113,2 до высоты 75,0 (исключительно). Из состава сил сектора была исключена 8-я бригада морской пехоты и включены в его состав два батальона дотов береговой обороны главной базы.

Части третьего сектора обороняли рубеж от высоты 75,0 до станции Инкерман. Из состава сил сектора исключены 79-я особая стрелковая бригада и 2-й полк морской пехоты, а включены в его состав 8-я бригада морской пехоты и один батальон дотов береговой обороны главной базы.

Части четвертого сектора получили для обороны район вдоль южного берега Северной бухты от станции Инкерман до Павловского мыска. В состав четвертого сектора вошли 79-я особая стрелковая бригада, 2-й полк морской пехоты, сводный батальон Черноморского флотского экипажа, рота местного стрелкового полка, сводная рота 177-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны и стационарные огневые точки по южному побережью Северной бухты. Бронепоезд «Железняков» был переброшен на Килен-площадку и придан 79-й особой бригаде.

К утру 24 июня все эти части заняли оборону побережья от Инкерманской электростанции до Павловского мыска. 345-я стрелковая дивизия заняла рубеж от станции Инкерман до Инкерманской электростанции. Остатки 138-й стрелковой бригады и остатки 95-й

стрелковой дивизии (сводный полк 95-й стрелковой дивизии) были отведены в глубину.

В задачу частей четвертого сектора входило не допускать высадки вражеского десанта с Северной стороны и прорыва вдоль Симферопольского шоссе.

В ночь на 24 июня командованием береговой обороны главной базы из частей обороны города и частей береговой обороны главной базы, прибывших с Северной стороны, был сформирован полк трехбатальонного состава численностью до 1500 человек. Ему была поставлена задача обороны побережья от станции Севастополь до Карантинной бухты. Полк к утру 24 июня занял указанный рубеж.

Днем 24 июня противник главный удар наносил на Инкерманском направлении. После ожесточенных боев к исходу дня немецкие части вышли на рубеж: высота 110,3 – маяк Восточный Инкерманский – балка Цыганская. На остальных участках фронта все атаки немцев были отражены, и наши войска оборонялись на прежних позициях.

Потери частей СОРа за 24 июня составили 261 человек убитых и 801 раненый.

Немецкая авиация произвела более 500 самолето-вылетов, сбросив свыше 2500 бомб.

Авиация главной базы в течение ночи на 24 июня произвела 16 самолето-вылетов на бомбардировку войск противника перед передним краем обороны. Днем 8 Ил-2, 2 И-15, 4 И-153 в сопровождении шести Як-1, двух И-153 и одного И-16 штурмовали его войска и технику.

Прибывший в Севастополь к полуночи на 24 июня эсминец «Бдительный» доставил две роты 142-й стрелковой бригады (364 человека), 3 пулемета ДШК, 12 станковых пулеметов, 60 автоматов ППШ, четыре 75-мм пушки и 1600 зарядов к ним, а также 20 т боезапаса для Приморской армии. В 1 час ночи «Бдительный» вышел из Севастополя и в 12 ч. 40 мин. прибыл в Новороссийск.

В 12 ч. 40 мин. 24 июня эсминец «Безупречный» и в 14 ч. 05 мин. лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска и в 23 часа прибыли в Севастополь. На «Ташкенте» были доставлены 1142 бойца, вооружение и боезапас 142-й стрелковой бригады и 10 т концентратов, а на «Безупречном» – 365 бойцов, вооружение и боезапас для 142-й стрелковой бригады и 5 т концентратов.

25 июня в 3 ч. 32 мин. базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник», в 4 ч. 13 мин. сторожевой корабль «Шквал» и базовый тральщик№ 412 и в 14 ч. 45 мин. эсминец «Бдительный» вышли из Новороссийска в

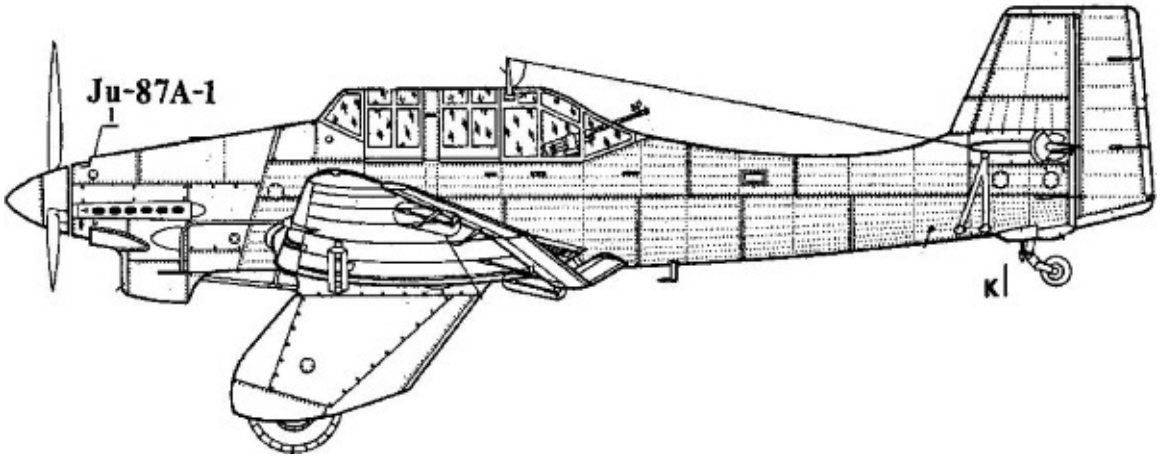
Севастополь. «Бдительный», «Взрыв» и «Защитник» прибыли в Севастополь в 23 часа, а через полчаса прибыли «Шквал» и тральщик № 412. На кораблях было доставлено 1100 бойцов 142-й стрелковой бригады и ее вооружение, 64 т боезапаса для Приморской армии, 13,5 т продовольствия, 55 т медицинского имущества и 24 ящика консервов.

С утра 26 июня части 25-й стрелковой дивизии, 8-й бригады и

3-го полка морской пехоты отражали ожесточенные атаки противника, стремившегося прорваться в Инкерманскую долину. Весь день шли кровопролитные бои, доходившие до штыковых ударов и рукопашных схваток. Под воздействием превосходящих сил противника наши части отошли к югу. К вечеру части 25-й стрелковой дивизии, 8-й бригады и 3-го полка морской пехоты заняли рубеж: изгиб реки Черная – Каменный столб – Инкерманский монастырь – южный берег Инкерманской долины у устья реки Черная.

26 июня в 12 ч. 33 мин. эсминец «Безупречный» и в 13 ч. 55 мин. лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска в Севастополь. На лидере находились 944 бойца 142-й стрелковой бригады, 760 винтовок, 8 противотанковых ружей, 125 автоматов ППШ, 4 76-мм пушки с передками и 1360 выстрелов к ним, 26 т продовольствия, 20 т стрелкового боезапаса, 1,5 т груза ВВС флота, 3 т груза для Военного совета флота и боезапас для Приморской армии. На «Безупречном» находилось 320 бойцов 142-й бригады, 20 т стрелкового боезапаса, 15 т продовольствия, 2 т грузов для авиации и боезапас для Приморской армии.

В 18 ч. 57 мин. в 40 милях к югу от мыса Аю-Даг «Безупречный» был потоплен пикирующими бомбардировщиками Ю-87. Вскоре к месту гибели эсминца подошел лидер «Ташкент». Но в воздухе, согласно донесению командира лидера, появились германские самолеты. Поэтому «Ташкент», сбросив на воду спасательные круги и жилеты, полным ходом ушел в Севастополь. Через два дня подводные лодки М-112 и М-118 подняли из воды трех человек из команды эсминца. Остальные члены экипажа и 320 бойцов погибли.

Германский пикирующий бомбардировщик Ю-87

Видимо, действия командира лидера были правильными. Но почему адмирал Октябрьский не мог выслать ночью в район гибели «Безупречного» катера с Кавказа и из Севастополя? Море было спокойным, там могли сесть и МРБ-2, наконец. Что касается подводных лодок М-112 и М-118, то они оказались там не по приказу комфлота, а случайно и спасали людей в инициативном порядке.

Лидер «Ташкент» прибыл в Севастополь в 23 ч. 15 мин. без потерь и повреждений.

27 июня в 1 час 50 мин. «Ташкент», приняв на борт 2100 раненых, вышел из Севастополя в Новороссийск. В 4 ч. 30 мин. лидер, находясь в 28 милях по пеленгу 120° от мыса Ай-Тодор, был обнаружен вражеской воздушной разведкой. И с 4 ч. 45 мин. в течение четырех часов «Ташкент» подвергся 86 атакам бомбардировщиков Ю-88и Ю-87, сбросивших 336 бомб. Артиллерийским огнем лидера было сбито два самолета.

Прямых попаданий в «Ташкент» не было, но от близких разрывов бомб лидер получил три пробоины: в районе полубака, первого котельного отделения и румпельного отделения. Рулевое устройство и левая машина вышли из строя. Лидер принял коло 1000 т воды. Из команды корабля было убито 3 и ранено 10 человек, из числа принятых на борт раненых убито 6 и вторично ранено 5, а в затопленных кубриках погибло еще 50 человек.

В 6 ч. 45 мин. эсминец «Сообразительный», прибывший в 4 утра из Поти, и 4 сторожевых катера, а 7 ч. 20 мин. 4 других сторожевых катера, в 8 ч. 20 мин. 8 торпедных катеров и в 8 ч. 40 мин. эсминец «Бдительный» и еще 7 торпедных катеров вышли из Новороссийска для оказания помощи «Ташкенту». Кроме того, из

Анапы на помощь лидеру в 8 ч. 45 мин. вышли 5 сторожевых катеров,

от мыса Утриш – спасательное судно «Юпитер», из Геленджика в 10 ч. 35 мин. – морской буксир «Черномор».

В итоге в 20 ч. 15 мин. лидер «Ташкент» на буксире у «Бдительного» и «Юпитера» в охранении сторожевых и торпедных катеров прибыл в Новороссийск.

На фронте третьего сектора обороны бои не прекращались всю ночь на 28 июня. Особо ожесточенные бои завязались на рубежах 25-й стрелковой дивизии и 3-го полка морской пехоты, прикрывавших противнику выход в Инкерманскую долину.

Противник ввел в дело 21-см мортиры и 15-см шестиствольные реактивные минометы. Впервые за все время обороны германская авиация ночью поддерживала свои войска. Наши части отошли к станции Инкерман. 28 июня защитники СОРа потеряли 518 человек убитыми и 1108 ранеными.

В 3 ч. 35 мин. 28 июня базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник» вышли из Новороссийска с 330 человеками маршевого пополнения, боезапасом и продовольствием для севастопольской оборон и в 23 ч. 25 мин. прибыли в Севастополь, но не в Северную бухту, а в Камышовую.

В тот же день, в 23 ч. 25 мин. в Камышовую бухту прибыли подводные лодки Д-5 и А-4, а также подводная лодка М-118, которые доставили: снарядов 152-мм – 203 шт., 122-мм – 706 шт., 85-мм – 223 шт., 76-мм – 1000 шт., консервов 14 т, автобензина 35 т, всего боезапаса 180 т.

После выгрузки в Камышовой бухте подводная лодка Д-5 приняла на борт 65 раненых и 41 человек эвакуированных членов семей ГК ВКП(б) и в 5 ч. 20 мин. 29 июня вышла в Новороссийск. После выгрузки, приняв на борт раненых, в это же время ушли на Кавказ подводные лодки М-118 и А-4.

29 июня в Севастополь прибыли подводные лодки: в 1 ч. 10 мин. Щ -209 с грузом снарядов и 32 т бензина; в 22 ч. 00 мин. Л-23 с грузом снарядов, 49 т бензина и 30 т продовольствия; в 22 ч 45 мин. Л-4 с грузом снарядов и М-31 с грузом снарядов (70—152-мм) и консервов. Всего было доставлено 160 т боеприпасов.

В 2 часа ночи 29 июня немцы открыли мощный артиллерийский огонь по южному берегу Северной бухты от Килен-площадки до Северной электростанции и произвели несколько налетов бомбардировщиков, действовавших в том же районе. В 2 ч. 15 мин. по всей Северной бухте противник поставил дымзавесу, которая под действием слабого северного ветра медленно двигалась к южному берегу Северной бухты. В 2 ч. 35 мин. на шлюпках и катерах немцы начали переброску десанта в направлении

Троицкой, Георгиевской и Сушильной балок. Отражение десанта для оборонявшихся частей затруднялось сплошной пеленой пыли и дыма, вставшей от разрывов снарядов, мин, бомб и подошедшей дымзавесы.

Наши части, оборонявшие этот участок южного побережья Северной бухты, а также артиллерия 117-го и 2-го артдивизионов береговой обороны потопили часть шлюпок и катеров противника до подхода их к берегу. Но все же большей части плавсредств удалось подойти к берегу и высадить первый бросок, который закрепился на южном берегу Северной бухты.

В тот же день в 5 ч. 30 мин. до пехотной дивизии немцев двумя группами, с танками, перешли в наступление из района Федюхиных высот и Новые Шули в направлении на высоту 75,0 и хутор Дергачи, а также на Сапун-гору и истоки Хомутовой балки. Несмотря на упорное сопротивление частей 386-й стрелковой дивизии и 8-й бригады морской пехоты, фронт обороны был прорван.

После прорыва фронта в районе Сапун-горы мелкие части немцев повели наступление через станцию Инкерман на английский редут Виктория. Одновременно силами до батальона противник ворвался по Воловьей балке на гору Суздальскую. Под воздействием этих сил и десантных частей из Георгиевской и Сушильной балок части четвертого сектора обороны к полудню 29 июня отошли на западные скаты Килен-балки, на Камчатку и английский редут Виктория.

В течение дня 29 июня немецкая авиация произвела более 1500 самолето-вылетов, сбросив около 10 тысяч бомб.

Авиация главной базы в ночь на 29 июня произвела 21 самолето-вылет на бомбардировку войск противника перед передним краем обороны. Семь Як-1 патрулировали в воздухе, прикрывая аэродром Херсонесский маяк. Днем действия севастопольской авиагруппы ограничились вылетом двух Ил-2 и трех И-16 на штурмовку наступавших войск противника.

На совещании у командующего севастопольской обороной командиры дивизий и бригад доложили, что в дивизиях осталось по 300–400 человек, в бригадах по 100–200 человек и совсем отсутствовали артиллерийский боезапас и мины. Люди были измотаны.

Глава 12
Трагедия преданного гарнизона

К исходу 29 июня немцы захватили плато Сапун-горы, хутор Дергачи и Максимову дачу, почти всю Корабельную сторону, за исключением Малахова кургана, казарм Учебного отряда и Зеленой горки у железнодорожного вокзала.

Отходя, наши войско взорвали хлебозавод, отделение автоматической телефонной станции и железнодорожный тоннель. Были подорваны 11 штолен филиала артиллерийского арсенала базы в Инкермане.

В тот же день адмирал Октябрьский вместе с Военным Советом Черноморского флота перебрался на запасной флагманский командный пункт, устроенный в подземном помещении 35-й башенной батареи. Туда еще 28 июня перевели командный пункт охраны водного района. Через несколько часов на 35-ю батарею прибыл и Военный совет Приморской армии.

Вслед за командованием СОРа в район 35-й батареи – 16-й ложной батареи[202] переходили все тыловые службы армии и флота – санотдел, инженерный отдел и др. В 2 ч. 00 мин.30 июня начальник штаба СОРа капитан 1 ранга А.Г. Васильев приказал все радиовахты, пост скрытой связи на командном пункте СОРа в Южной бухте закрыть, а всему личному составу убыть на 35-ю батарею.

Одновременно с закрытием радиовахт на командном пункте Южной бухты, в 2 ч. 00 мин. 30 июня радиоцентр на 35-й береговой батарее вступил в строй, открыв 7 радиовахт. Узел связи был оборудован в потерне (подземном коридоре) левого командно-дальномерного поста на глубине 26 м, а антенны были выведены через вентиляционные отверстия.

30 июня был свернут командный пункт ПВО Черноморского флота. По приказу командования были сброшены в море у м. Фиолент 2 радиолокационные станции воздушного обнаружения РУС-2. Оперативная служба ПВО была прекращена. Средства связи не работали. ПВО перестала существовать, а сигналы оповещения о воздушном противнике более не передавались.

В течение ночи на 30 июня немцы подтягивали силы и сосредотачивали их в трех районах: в районе хуторов Золотая Балка, Дергачи и Килен-балки. Всю ночь производилась переброска немецких

войск с Северной стороны на южный берег Северной бухты.

Хутор Бермана, Юхарина балка, хутор Николаевка, Хомутовая балка, Лабораторная балка, слобода Корабельная, город, бухты к западу от города и район башенной батареи № 35 подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. Сотни самолетов бомбили город, аэродром Херсонесский маяк и 35-ю батарею.

На аэродроме Херсонесский маяк доукомплектовывался отдельный стрелковый батальон военно-воздушных сил, и из химических частей береговой обороны главной базы был сформирован второй батальон. Оба эти батальона составляли резерв командования СОРа.

С рассветом 30 июня немцы после мощной артподготовки и авианалета возобновили атаки по всему фронту, нанося главные удары по Балаклавскому шоссе, в направлении на Куликово поле и по Лабораторному шоссе, в направлении к вокзалу станции Севастополь.

Между 8 и 12 часами немецкая пехота и танки, действовавшие вдоль Балаклавского шоссе на участке 9-й бригады морской пехоты, прорвали нашу оборону в районе хутора Максимовича и вышли к хутору Николаевка и на юго-западные скаты Хомутовой балки. Во вторую половину дня, развивая наступление под прикрытием артиллерии и авиации, немцы заняли хутор Максимовича и хутор Николаевку.

Одновременно части противника, наступавшие вдоль Лабораторной балки из района хутора Дергачи, прорвали нашу оборону и к исходу дня вышли к железнодорожной станции Севастополь.

Наши разрозненные части отходили к хутору Пятницкого, Рудольфовой слободе и к городу Севастополь.

Личный состав стационарных батарей № 19 (у хутора Максимовича), № 706 (у отметки 77,8) и № 703 (у отметки 73,0), израсходовав весь боезапас, подорвал материальную часть и вел бои в окружении. Бои продолжались до позднего вечера. Весь личный состав этих батарей погиб.

Как сказано в «Хронике…»: «Потери в личном составе Севастопольского оборонительного района в этот день не поддавались учету. Отдельные дивизии и бригады потеряли убитыми и ранеными до 90 % от оставшегося на 30 июня наличия»[203].

К ночи 30 июня фронт войск севастопольской обороны проходил по рубежу: хутор Фирсова, хутор Иванова, хутор Пятницкого, слобода Рудольфова, Панорама и станция Севастополь.

Еще утром 30 июня, в 9 ч. 50 мин., Октябрьский послал телеграмму Буденному и Кузнецову: «Противник прорвался с Северной стороны на Корабельную сторону. Боевые действия протекали в характере уличных

боев. Оставшиеся войска сильно устали… хотя большинство продолжает героически драться. Противник резко увеличил нажим авиацией, танками, надо считать, в таком положении мы продержимся максимум 2–3 дня.

Исходя из данной конкретной обстановки, прошу Вас разрешить мне в ночь с 30.06. на 1.07. вывезти самолетами 200–250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова»[204].

Нарком Кузнецов получил телеграмму Октябрьского в тот же день в 14 часов. Переговорив со Сталиным, он в 16 часов посла Военному Совету Черноморского флота телеграмму: «Эвакуация ответственных работников и ваш выезд разрешены».

В 19 ч. 30 июня на заседании Военного Совета Черноморского флота Октябрьский объявил решение Ставки и приказал эвакуировать 1 июля Военный Совет Черноморского флота, Военный совет Приморской армии и ряд командиров и военкомов дивизий.

Для организации обороны на 1 и 2 июля, а также для обеспечения отхода командующим СОРа был назначен генерал-майор П.Г. Новиков, а его помощником капитан 3 ранга Ильичев. Новикову было приказано организовать оборону по линии старых укреплений, проходившей от хутора Фирсова через высоты 36,3 и 30,6 до Стрелецкой бухты и в ночь на 2 июля или на следующую ночь эвакуироваться на подводных лодках.

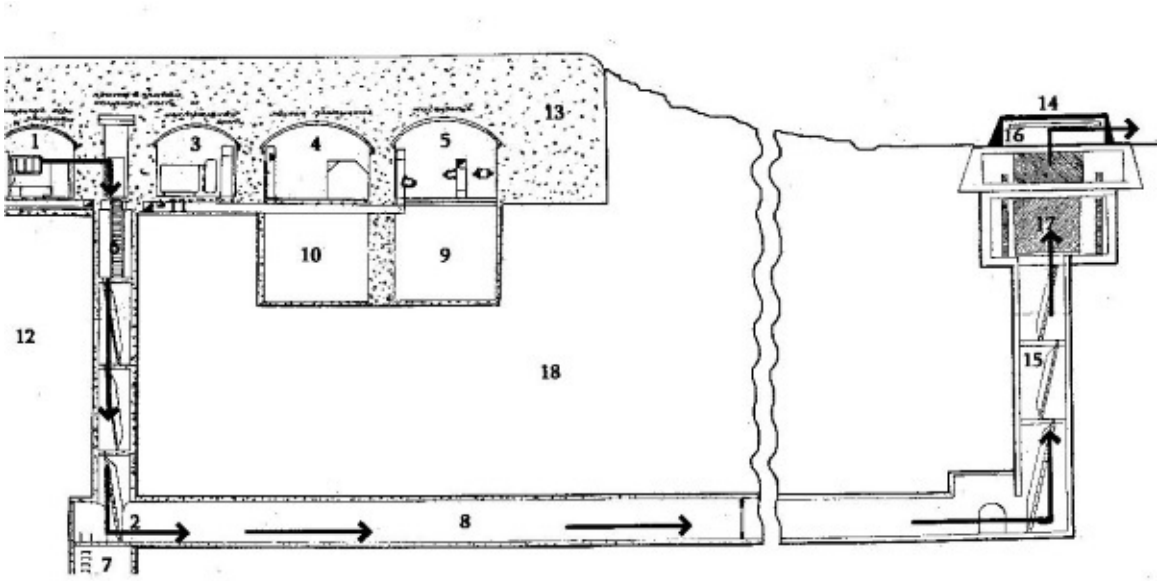
Таким образом, было принято решение об эвакуации для избранных. Формально всю ответственность за это можно свалить на Ставку, а точнее, на Сталина. Однако трудно ожидать, чтобы в Ставке могли доподлинно знать о ситуации в СОРе и о реальном состоянии кораблей Черноморского флота. На самом же деле части СОРа могли еще держаться, а сколько – зависело от поддержки флота. Эвакуация же начальства привела к полному развалу обороны.

Позднее попавший в плен к немцам генерал-майор П.Г. Новиков заявил: «Можно было бы еще держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить ее, посеять панику, что и произошло. А немец, крадучись, шел за нами до самой 35-й батареи»[205].

Отъезд начальства обеспечивала парашютная группа особого назначения ВВС Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта В.К. Квариани. «После заседания Военного совета флота и армии перед группой была поставлена задача по обеспечению и

сопровождению командиров и ответственных работников с посадочными талонами на рейдовый причал для посадки на подводные лодки, а также осуществлять охрану Херсонесского аэродрома во время прилетов транспортных самолетов, соблюдения порядка при посадке по посадочным талонам в условиях нахождения там неуправляемой многотысячной вооруженной массы военных и гражданских лиц»[206].

Утром 30 июня германская авиация разбомбила здание эвакогоспиталя № 1428 в Камышовой бухте, погибло много раненых. К исходу дня берег Камышовой бухты в районе пристани, представлявшей собой две баржи со сходнями, был забит ранеными, ожидавшими эвакуации. Там же было множество неорганизованных военных, отбившихся от своих частей или просто дезертиров, женщины с детьми и старики. Люди метались по берегу, но никто ничего толком не знал об эвакуации. Из города подходили все новые и новые военные и гражданские лица.

Разрез 35-й башенной батареи. Подземный путь командующего СОРа Октябрьского из КП СОРа на аэродром «Херсонес». Ночь 1 июля 1942 г. (Рис. из книги В.Б. Иванова «Тайны Севастополя»)

1. Помещение командования СОРа; 2. Проход в правый командный пост; 3. Центральной пост батареи; 4. Жилые помещения для командования СОРа; 5. Насосная – штабное помещение; 6. Вертикальная шахта в подземный ход; 7. Колодец с насосом для подъема воды; 8. Подземный ход в правый КП; 9. Подземные емкости для топлива; 10. Подземные емкости для воды; 11. Система фильтровентиляции; 12. Металлическая лестница; 13. Бетонный массив 4 м; 14. Правый командно-

дальномерный пост; 15. Вертикальная шахта с лестницей; 16. Бронированный козырек; 17. Система управления дальномером; 18. Скальный грунт; 19. Высота шахты – 4 лестничных пролета – 20 м. Высота потерны 2,2 м. Стрелками обозначено направление движения командующего СОРа адмирала Октябрьского на аэродром «Херсонес»

Бывший командир крейсера «Червона Украина» капитан 2 ранга И.А. Заруба описывает ситуацию так: «…вместе с комиссаром отдела пошли в Камышовую бухту. То, что там я увидел, меня поразило. Толпы людей, солдаты, матросы с оружием и без. Все чего-то ждут. К пристани не подойти. Тысячи людей, шум, крики. Решил пойти на 35-ю батарею. Это было в 1 час 35 минут 1 июля. Придя на 35-ю батарею к ее главному входу, увидел еще худшее. Весь дворик и коридоры навеса были переполнены комсоставом Приморской армии. Двери на запорах. Здесь я узнал, что 29 июня было дано распоряжение по армии всему старшему офицерскому составу оставить свои части. Части остались без управления. Все это было похоже на панику в полном смысле слова…»[207]

В ночь на 1 июля на аэродром в Херсонесе один за другим стали приземляться транспортные самолеты «Дуглас» (ПС-84). Всего из Краснодара вылетело 16 таких машин, но три из них, потеряв ориентировку, вернулись. Самолеты доставили 23 650 кг боеприпасов и 1721 кг продовольствия.

Первым же обратным рейсом на Кавказ улетели Ф.С. Октябрьский, член Военного совета Черноморского флота Н.М. Кулаков, бригадный комиссар М.Г. Кузнецов, генерал А.П. Ермилов. Позже Октябрьский признался, что его в целях маскировки «особисты» переодели в «гражданский плащ»[208]. Уж не в женский ли, как у Керенского?

В первый самолет залез и комендант Херсонесского аэродрома майор Попов, на которого была возложена организация посадки на самолеты. Попов впоследствии был приговорен военным трибуналом к расстрелу. Бежал к немцам[209].

Самолеты брали штурмом. В такой обстановке, имея посадочные талоны, не смогли попасть в самолет комиссар 386-й дивизии В.И. Володченков и начальник штаба дивизии подполковник В.С. Степанов. Они были вынуждены вернуться в 35-ю батарею и по приказанию начальника штаба армии Крылова были эвакуированы на подводной лодке Щ-209. Также не удалось влезть в самолет и прокурору Черноморского флота бригадному военюристу А.Г. Кошелеву. Позже, 2 июля, находясь под

скалами 35-й батареи, после неудачной попытки попасть на катера, он рассказывал: «Меня оттеснили».

«Организовать нормальную эвакуацию было невозможно, – вспоминает А.И. Зинченко. – Кто посильнее, тот и попадал в самолет. На 3-й самолет дошли и моя очередь, но когда я попытался влезть в самолет, один из команды по посадке ударил меня сапогом в голову так, что я потерял сознание. Брали в основном моряков, а у меня форма была сухопутная»[210].

По улетавшим самолетам из толпы красноармейцев и матросов, сдерживаемых автоматчиками, периодически открывался огонь из винтовок. Всего 13 самолетов ПС-84 вывезли на Кавказ 222 начальника, 49 раненых и 3490 кг грузов.

Около 1 ч. 30 мин. 1 июля Военный совет Приморской армии в составе Петрова, Моргунова, Крылова, Чухнова и других командиров штаба армии, штабов соединений, командиров соединений, комиссаров и других лиц спустились по винтовому трапу в левый подземный ход-потерну 35-й батареи и затем, пройдя ее, вышли на поверхность через левый командно-дальномерный пост вблизи спуска к рейдовому причалу. Было относительно тихо. Немцы продолжали вести беспокоящий огонь из орудий с Северной стороны по аэродрому и всему Херсонесскому полуострову. Причал охраняли автоматчики из состава отдельного батальона охраны 35-й батареи. К тому времени на прибрежных скалах и около причала уже собралось множество неорганизованных военных и гражданских.

Начальник отдела укомплектования Приморской армии подполковник Семечкин рассказывал: «Мы шли на посадку на подводную лодку. Я шел впереди Петрова. В это время кто-то из толпы стал ругательски кричать: «Вы такие-разэдакие, нас бросаете, а сами бежите». И тут дал очередь из автомата по командующему генералу Петрову. Но так как я находился впереди него, то вся очередь попала в меня. Я упал…»[211].

Людей с причала переправляли на небольшом буксире «Папанин» на подводные лодки, находившиеся мористее. На лодки попадали только счастливчики, имевшие пропуска за подписью Октябрьского и Кулакова. В соответствии с решением Военного совета СОРа эвакуации в первую очередь на двух подводных лодках и самолетах подлежал только высший и старший комсостав от командира полка и выше. В списке этом всего значилось 139 человек, из них 77 человек от Черноморского флота.

Подводная лодка Щ-209 приняла на борт Военный совет Приморской

армии со штабом армии, всего 63 человека, и в 2 ч. 59 мин. 1 июля вышла на Новороссийск, куда и прибыла после сложного похода 4 июля около 8 часов утра. Подводная лодка Л-23 приняла на борт 117 человек руководящего состава СОРа.

Взятые в резерв штаба СОРа сторожевые катера СКА-021 и СКА-0101 30 июня стояли замаскированные в камышах бухты Казачьей в ожидании распоряжения командования на выход.

Из своих укрытий катера вышли уже в сумерки 30 июня и подошли к причалу 35-й батареи. СКА-021 взял на борт 70 человек, причем из-за неорганизованной посадки к причалу он подходил несколько раз. Потом на катере возникли неполадки с мотором. Наконец в 3 часа ночи 1 июля СКА-021 вышел в море, взяв курс на Синоп. СКА-0101, взяв людей, вышел раньше, в 1 час ночи.

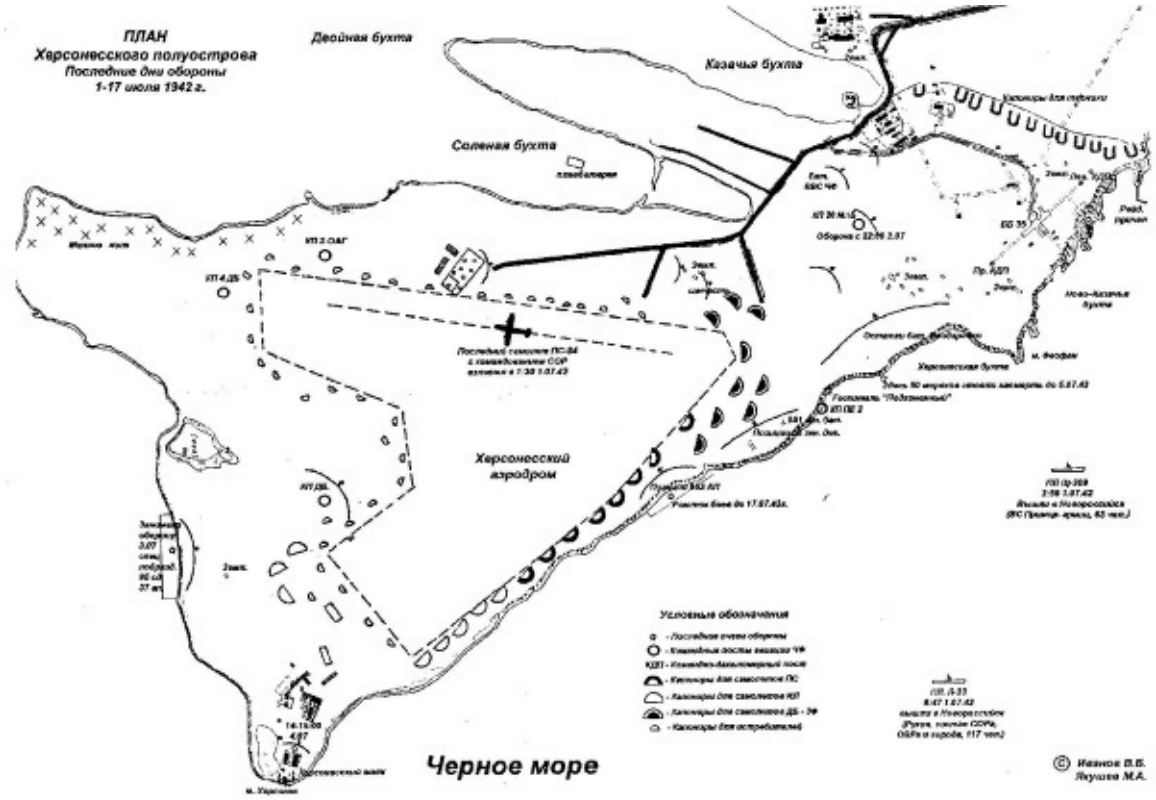
На переходе СКА-021 был атакован немецкими самолетами и от полученных повреждений стал тонуть. Командир катера Гладышев был убит. В живых остались лишь 16 человек. Их позднее сняли вышедшие из Севастополя сторожевые катера СКА-023 и СКА-053 и доставили в Туапсе. По другим же данным людей с СКА-021 снял СКА-0101, который вернулся к нему и прибыл в Сочи 3 июля.

В ту же ночь, 1 июля, катера-тральщики «Ильич» и «Ревсовет», приняв людей, вышли из Севастополя на Кавказ, но в Батуми прибыли лишь на десятые сутки. Тогда же из Камышовой бухты на Кавказ держась берегов Турции ушли три катера-тральщика КАТЩ-85, 86 и 87 охраны района Камышовой бухты с командиром ОХРа старшим политруком А.И. Песковым и военкомом политруком И.И. Христенко. Всего на этих катерах вместе с командирами из 7-й бригады морской пехоты эвакуировалось 45 человек. Из-за плохой мореходности и поломки двигателей два катера пришлось бросить. До Батуми 4 июля дошел только один катер.

В 22 часа 30 июля из Севастополя вышло гидрографическое судно «Грунт» с 12 человеками команды и 16 эвакуируемыми. По пути судно было атаковано немецкими самолетами, зашло в Синоп и, получив там уголь, отправилось в Батуми, куда прибыло 7 июля.

Интересная история рейдового буксира СП-2, вышедшего в ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. из Севастополя с 77 бойцами СОРа. Буксир пошел 7-узловым ходом к Турции. Топливо кончилось, когда на горизонте появились горы. Тогда моряки поставили самодельные паруса и шли со скоростью 1–2 узла. Подошедшие на катере турки с изумлением смотрели на «парусник». Но потом все же взяли его на буксир и доставили в Синоп. Под нажимом советского военного атташе в Турции местные власти

согласились снабдить СП-2 топливом, водой и продовольствием. В ночь на 4 июля СП-2 покинул Синоп и взял курс на Батуми. Буксир шел в пределах территориальных вод Турции и через 4 дня прибыл в Батуми.

План Херсонесского полуострова. Последние дни обороны. 1—17 июля 1942 г. (Рис. В.Б. Иванова, М.А. Якушева)

Для эвакуации раненых и летно-технического состава Херсонесского аэродрома 1 июля прилетела группа гидросамолетов авиации Черноморского флота: один МТБ-2 «Чайка», один ГСТ-9 и десять МБР. «Чайка» села в бухте Казачьей, туда же, отбомбившись по позициям противника в Севастополе, приземлился и ГСТ-9. На борт «Чайки» были приняты 29 человек, на ГСТ-9 – 26 раненых и медработников во главе с военврачом 2 ранга Корнеевым и командиром 12-й авиабазы капитаном Пустыльником. «Чайка» долетела нормально, а ГСТ-9 из-за поломки двигателя сел на воду примерно в 30 милях от Феодосии. Утром 2 июля самолет был обнаружен шедшим из Севастополя базовым тральщиком «Щит», на борт которого и были приняты 33 человека с аварийного самолета, а сам самолет отбуксировали в Геленджик.

В ночь на 1 июля бомбардировщики ВВС Красной Армии в составе

восьми ДБ-3 и девяти СБ бомбили войска и батареи противника на Севастопольском фронте. А авиация Черноморского флота в эту ночь совершила 32 самолето-вылета, нанося бомбовые удары по позициям противника в Севастополе.

Вечером 30 июня самолеты: шесть Як-1, семь Ил-2, один И-16, один И-15 бис, два И-153 и один ЛаГГ-3 перелетали из Севастополя в Анапу.

1 июля авиация СОРа боевых вылетов не производила. Вечером три Як-1, три И-16, один И-153 и один У-2 перелетели из Севастополя в Анапу. Четвертый Як-1, вылетевший из Севастополя, произвел вынужденную посадку на воду вблизи Туапсе. Самолет и пилот были подобраны. Три У-2, вылетевшие из Севастополя, пропали без вести.

Базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие 1 июля из Новороссийска, около полудня пришли к пристани 35-й батареи, где при помощи катеров и шлюпок приняли на борт 377 человек личного состава СОРа. В 3 часа ночи 2 июля тральщики вышли из района главной базы и в 20 ч. 20 мин. прибыли в Новороссийск.

Базовые тральщики «Щит» и № 412 на подходах к Севастополю были атакованы 12 германскими бомбардировщиками и в результате близких разрывов бомб получили небольшие повреждения. Из-за повреждений, а также из-за того, что огни на фарватере № 3 главной базы не горели, эти тральщики, боясь своих мин, без захода в район пристаней повернули обратно и в 23 ч. 05 мин. вернулись в Новороссийск.

1 июля немцы подошли к 35-й башенной батарее почти на 1 км. Батарея сделала 6 выстрелов шрапнелью, поставленной на картечь.

К ночи на 2 июля, по оценкам очевидцев, на берегу у причала 35-й батареи скопились более 10 тысяч человек. Единственным путем вывода начсостава к причалу был подземный переход батареи с выходом наверх через левый командно-дальномерный пост.

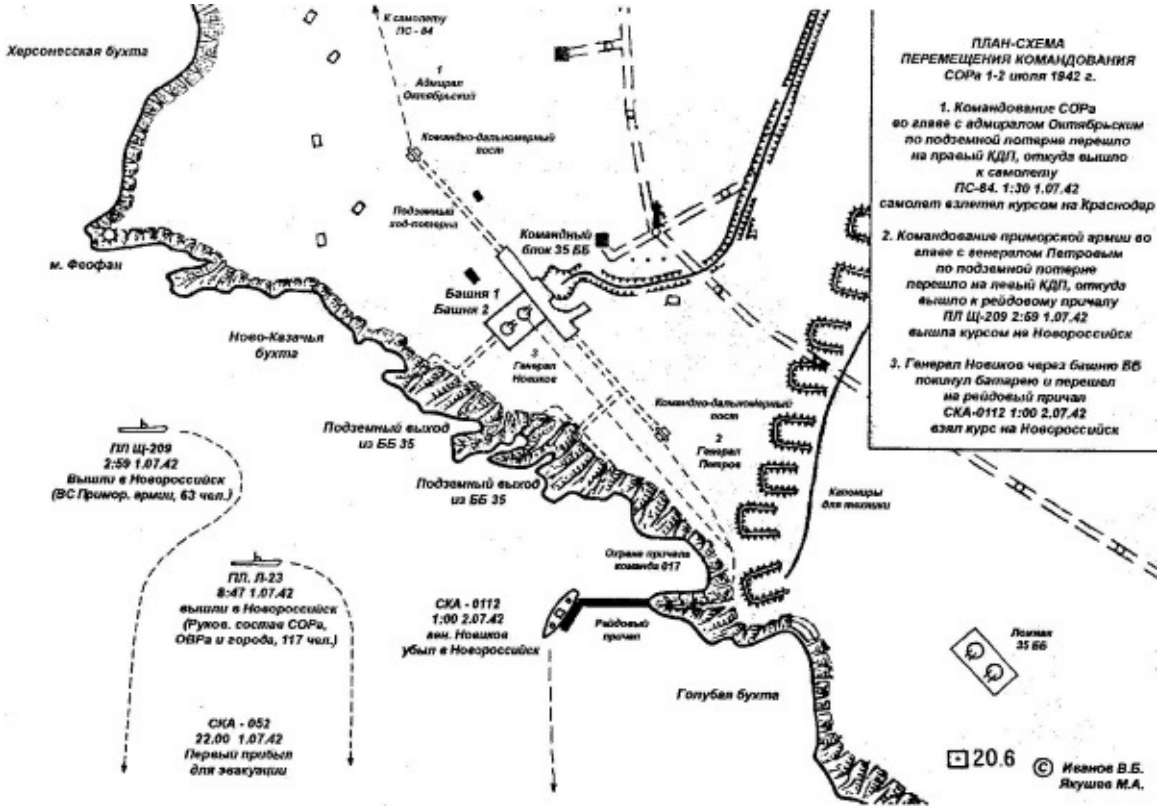
Однако особая трудность заключалась в том, чтобы провести несколько сотен старших командиров сквозь многочисленные массы людей, но иного выхода не было.

В 22 часа 1 июля к причалу 35-й батареи подошел первый сторожевой катер СКА-052. Как только катер подошел к причалу, на него тут же, без всякой очереди, прыгнула масса людей. Катер накренился и дал задний ход, чтобы не лечь на борт. Потом с катера спустили шлюпку и подобрали еще несколько плавающих человек. В целях экономии топлива СКА-052 сначала пошел курсом на мыс Сарыч, а потом повернул круто на юг. Там СКА-052 пытался атаковать торпедный катер противника, но артиллерийско-пулеметным огнем катера был отогнан. В 40 милях от

Крымского берега СКА-052 повернул к берегам Кавказа и, отбившись от двух налетов Ю-88, прибыл в Новороссийск.

В течение ночи на 2 июля с пристани 35-й батареи с эвакуированными на борту отошли сторожевые катера СКА-028, 029, 071, 088 и 046. На подходах к Севастополю сторожевые катера СКА-0105 и 014 встретили стоявший без хода подбитый СКА-029. На нем находились тяжелораненые, всего 51 человек. СКА-0105 снял на борт раненых, а СКА-014 взял на буксир подбитый катер. СКА-052 на подходах к Севастополю был атакован немецкими самолетами, получил повреждения и, не подходя к пристаням, повернул обратно на Новороссийск. Все эти сторожевые катера благополучно дошли до Новороссийска.

29 июня из Новороссийска в Севастополь с грузом боезапаса вышла подводная лодка А-2. В 1 час 32 мин. 2 июля, находясь в районе подходной точки военного фарватера № 3, она получила приказ выгрузить боезапас в море и идти за людьми в Херсонесскую бухту. В 21 ч. 18 мин. А-2 подошла к Херсонесской бухте, где легла на грунт с целью подготовки к уничтожению всех важных и секретных документов на случай, если попадет в безвыходное положение. В 21 ч. 59 мин. лодка всплыла на расстоянии 1 кабельтова от берега. А с берега доносилась ружейно-пулеметная и артиллерийская стрельба, взмывали в небо осветительные ракеты. «А-2» подошла к берегу на полукабельтов, но, не обнаружив у пристани плавсредств, командир приказал дать световые сигналы на берег. К берегу никто не подходил. Тогда с лодки дали сигнал на берег голосом. И только в 22 ч. 30 мин. к лодке на автомобильных камерах подплыли 4 бойца, а до 23 часов подплыли еще 5 человек.

План-схема перемещения командования СОРа 1–2 июля 1942 г. (Рис. В.Б. Иванова, М.А. Якушева)

Командир лодки приказал ждать до полуночи, но больше никто не подплыл, а к этому времени немцы усилили пуски белых ракет в сторону лодки, и они стали ее освещать. К тому же ночь была лунная, и командир решил переменить место.

Подводная лодка М-112, вышедшая 29 июня с грузом боезапаса из Новороссийска, в 14 ч. 18 мин. 2 июля находилась в перископном положении на военном фарватере № 3 главной базы. В 19 ч. 40 мин. в районе Херсонесской мерной мили между 2-м и 3-м створами с лодки обнаружили барказ, по которому велся огонь из береговых орудий. В 19 ч. 56 мин. барказ был потоплен.

В 21 час М-112 пришла в район Херсонесской бухты. На берегу шла перестрелка. Командир лодки принял решение всплыть для выяснения обстановки и маневрировать параллельно берегу. В 23 ч. 03 мин. к борту лодки подошла шлюпка с 8 бойцами СОРа. От них командир М-112 узнал, что Севастополь сдан и все бухты в районе 35-й батареи заняты противником. В 23 ч. 59 мин. командир М-112 принял решение возвращаться в Новороссийск.

1 июля «примерно между 22.00 и 23.00 генерал Новиков и

сопровождающие его командиры начали выходить из 35-й береговой батареи через амбразуру башни. Но, как писал полковник Пискунов со слов майора Какурина, начальника штаба 95-й стрелковой дивизии, выходившего вместе с генералом, перед ними на их пути из батареи встала стихия в лице находившихся на батарее людей, которые внимательно следили за деятельностью Новикова. В результате оказались задержанными начальник штаба 109-й стрелковой дивизии подполковник С. Камарницкий, майор А. Какурин и начальник разведки 95-й дивизии майор И.Я. Чистяков»[212].

Там же указано, что Новиков был без гимнастерки, то есть без знаков отличия.

Когда катер подошел к причалу, чтобы забрать генерал-майора, то «заслон из моряков-автоматчиков охраны не выдержал.

Несмотря на предупредительную стрельбу автоматчиков охраны, толпа, прорвав заслон, стремительно бросилась по всему причалу. Под ее напором по всей длине причала были сброшены в воду не только находившиеся на причале раненые, но и первые и последующие ряды людей прорвавшейся толпы, оказавшихся на краю его.

Немного погодя рухнула секция причала вместе с людьми. В воде образовалось «месиво» из барахтающихся и пытающихся спастись сотен людей, часть которых утонула, а напор не ослабевал, и люди по инерции некоторое время падали в воду. Подходивший катер к первому пролету сильно накренился от нахлынувших на его палубу людей, которые почти все, не удержавшись, попадали в воду. Катер выпрямился и отошел от причала. Командир в мегафон передал, что посадка невозможна, и катер отошел несколько дальше в море. Многие вплавь поплыли к катеру»[213].

Об этом свидетельствует старшина 1 статьи И.И. Карякин: «После контратаки вечером 1 июля я и старшина 2-й статьи Н. Рыбцов пробрались по подвесному мостику вплотную к скале. На пристани и мостике была сплошная масса людей. На скале находился капитан 3 ранга Ильичев, оставленный Октябрьским старшим по эвакуации. Его попытки освободить мостик для прохода людей, подлежащих эвакуации, успеха не имели. Он сам и его автоматчики стреляли в передних, не давали вплавь добираться до скалы и били короткими очередями. Нам удалось выбраться на берег и с наступлением темноты, спрятав оружие в скалах, вплавь, скрываясь под настилом мостика, добрались до скалы, где сидели, держась за канаты, пока не подошел сторожевой катер СКА-0112. Пользуясь темнотой, мы прыгнули на катер. Было один или два часа ночи. После принятия людей и

как только на катер зашел Новиков, катер отвалил и ушел в море»[214].

На рассвете 2 июля сторожевой катер СКА-0112 был обнаружен и атакован четырьмя немецкими торпедными катерами. В течение почти часа шел бой. В левый торпедный аппарат катера S-40 попал 45-мм снаряд, взорвался бак со сжатым воздухом. На счастье немцев, торпеда не сдетонировала, но возник пожар, трое матросов было убито, а 10 человек, включая командира капитан-лейтенанта Шнейдер-Панкса, получили ранения. Был тяжело поврежден и катер S-28. Немцам с трудом удалось отбуксировать его в Ак-Мечеть. После предварительного ремонта S-28 отправили в Констанцу, где он простоял почти год, не участвуя в боевых действиях.

Но и 20-мм автоматы немцев ввели из строя моторы СКА-0112 и перебили прислугу. Катер стал тонуть. Оставшиеся в живых уже не сопротивлялись. Но в 6 часов утра появился Ю-88 и начал обстреливать катер. В это время несколько человек вылезли из кубрика и бросились за борт. Позже подошел немецкий катер S-72, на который были сняты все оставшиеся в живых. Из 20 человек команды и 74 эвакуируемых в живых осталось 16 человек. Все, за исключением одного красноармейца, были ранены. Немцы подорвали СКА-0112, и он затонул. На палубе немецкого катера всех раненых перевязали и прикрыли брезентом. Все это происходило в видимости Ялты. Вскоре катер подошел к ялтинскому причалу, и все раненые были высажены на берег. Туда же высадили и оставшихся в живых 15 человек с СКА-0124, который был потоплен немцами в районе мыса Сарыч. Всего на ялтинском песчаном берегу оказался 31 человек, и в их числе генерал Новиков, капитан 2 ранга Заруба, политрук Звездкин, старшина 1 статьи Карякин, а также командиры и бойцы из штаба Новикова и оставшиеся в живых члены экипажа СКА-0112.

По сведениям Зарубы, «Новикова возили в Севастополь к Манштейну. На мой вопрос, зачем, он мне рассказал, что с ним разговаривал фельдмаршал Манштейн. Интересовался, как себя чувствую, не обижают ли, почему не в форме. Приказал одеть в форму, расхваливал доблесть и геройство наших солдат. Предлагал работать на них. Я сказал: “Я солдат и останусь верным присяге и Родине до конца. А за похвалу спасибо”»[215].

Генерал Новиков погиб в 1944 г. в немецком концлагере Флессенбург.

2 июля между 1 ч. 15 мин. и 2 часами ночи командой 35-й батареи тремя взрывами были подорваны башни и часть помещений. Как и кто производил взрывы – до сих пор неизвестно.

Официальные историки утверждают, что батарея полностью израсходовала свой боезапас. Но это касается только 2-й башни. А в погребе 1-й башни после войны были найдены несколько десятков снарядов. Почему их не перегрузили во 2-ю башню, можно только гадать. Интересно, что когда в 1952 г. срезали автогеном замок орудия в 1-й башне, в пороховой камере оказался заряд и произошел взрыв.

О взрыве батареи № 35 2 июля 1942 г. не были предупреждены множество людей, нашедших убежище в десятках ее подземных помещений. Тележурналист Евгений Ручкан писал, что в 1999 г. в помещении насосной станции было найдено много трупов, включая труп девушки-санитарки с большой косой.

После войны руины 35-й береговой батареи не раз снимали кинематографисты, поскольку и разрушенный этот последний бастион защитников Севастополя выглядит довольно грозно. В 1980-е годы здесь хотели сделать мемориал защитников Севастополя, но к настоящему времени установили лишь два памятных знака и мемориальную табличку. Сегодня же на 35-й развернулось бойкое строительство. В 15 шагах от шарового погона бывшей башни стоит забор, ограждающий виллу «нового украинца».

В советские времена никто не интересовался последними днями агонии Севастополя, разумеется, официальные благонамеренные издания в счет не идут. Поэтому тайны СОРа еще ждут своих первооткрывателей.

Вот, к примеру, И.С. Маношин пишет: «В течение 29–30 июня при отходе наших войск на Корабельной стороне были взорваны Северная электростанция, спецкомбинат № 1 и другие объекты, а также запасной арсенал флота взрывчатых веществ и негодного боезапаса в Инкермане, который было около 400 вагонов»[216]. Что это за такая масса «негодных боеприпасов»? А почему их нельзя было использовать для обороны города?

Мало известно и о втором последнем оплоте защитников СОРа – районе побережья между ветряком ЦАГИ и бывшим Георгиевским монастырем, где геройски сражался 456-й погранполк 109-й стрелковой дивизии. Этот полк в ночь на 1 июля по приказу командира полка подполковника Г.А. Рубцова незаметно для противника, во избежание назревающего окружения, в связи с прорывом противника на Сапун-горе и отходом слева 9-й бригады морской пехоты, оставил свои позиции в Балаклаве и перешел на рубеж обороны: ветряк ЦАГИ – Георгиевский монастырь – мыс Фиолент. Там их поддержала огнем четырехорудийная 152-мм береговая батарея № 8 на мысе Фиолент. Но на батарее к утру 1 июля оставалось всего около 30 шрапнельных снарядов и несколько

практических, и ни одного бронебойного. Батарея № 18 погибла около 20 часов 1 июля. В ночь на 2 июля погиб весь состав 456-го погранполка.

При захвате немцами Севастополя были уничтожены противником или своими экипажами следующие суда: подводная лодка

Д-6 (находилась в капремонте на Севморзаволе еще с 22 июня 1941 г., ввести ее в строй так и не удалось), катера-тральщики № 153, 158, 565, 566, 553, 554, 555, 557, 510, бронекатер № 037, 3 сторожевых катера, 4 морских буксира, около 60 рейдовых катеров, 20 барж, 3 плавучих крана, киллектор, гидрографическое судно «Горизонт» и корпуса недостроенных двух тральщиков и сетевого заградителя.

К утру 2 июля в районе бухт Камышовой и Казачьей, 35-й батареи и Херсонесского полуострова собралось 50–60 тысяч красноармейцев и краснофлотцев. Большинство из них сохранило личное оружие, и были даже две боеспособные пушки – 45-мм и 76-мм. Немцы интенсивно атаковали плацдарм последних защитников Севастополя, однако в течение дня им удалось продвинуться лишь не несколько сот метров. Отдельные группы бойцов пытались прорваться в направлении Балаклавы и уйти к партизанам, но удалось это лишь нескольким десяткам человек. Остальные же надеялись на помощь с моря.

Согласно сводке о поступлении личного состава частей РККА и РККФ из Севастополя за 2–7 июля 1942 г. по состоянию на 12 часов 7 июля: 4 июля прибыли из Севастополя на СКА-082 – 108 человек, на СКА-0108 – 90 человек, на СКА-019 – 79 человек, на СКА-038 – 55 человек, в том числе 39 человек начсостава, на подводной лодке М-112 – 8 человек.

На переходе из Новороссийска в Севастополь 2 июля при невыясненных обстоятельствах погибли сторожевые катера СКА-021 и СКА-0112.

А бои у мыса Херсонес продолжались. Бойцы и командиры все еще надеялись на приход наших кораблей. Предоставлю слово противнику – князю Боргезе: «9 июля. Бой за форт Горки.(Немцы и итальянцы называли башенные батареи № 30 и№ 35 фортами Максим Горький I и Максим Горький II. – *А.Ш.)* Мы его не скоро забудем. Полковник Бебер после боя сказал мне, что даже во время Первой мировой войны он не видел таких разрушений в Вердене.

Форт Горки у мыса Фиолент после падения Севастополя оставался последним очагом сопротивления русских… Наши сторожевые и торпедные катера получили приказ принять участие в штурме, т. е. заблокировать выходы из форта. В море вышли 4 наших катера, экипажи которых были вооружены автоматами и ручными гранатами. Маленькая

группа из 8 отважных моряков проникла с моря в галереи. Поднятый ими шум, стрельба из автоматов и взрывы гранат ввели застигнутых врасплох обороняющихся в заблуждение относительно количества атакующих, что помогло немцам сломить упорную оборону противника.

В результате участия наших моряков в штурме были захвачены в галереях форта 80 военнопленных»[217].

Бои у мыса Херсонес продолжались до 12 июля включительно.

А теперь процитирую «Хронику…»: «Два МБР-2, вылетавшие в район Севастополя в ночь на 3 июля с целью эвакуации личного состава СОРа, задания не выполнили из-за того, что ночной старт не был выложен, и Казачья бухта обстреливалась пулеметным огнем противника. По сообщению экипажей этих самолетов, южнее Херсонесского маяка в районе новой пристани, у берега наблюдалось большое скопление людей. С берега сигнализировали фонарями, давали красные и белые ракеты. У береговой черты стояли один сторожевой катер МО и несколько шлюпок. В районе башенной батареи № 35 наблюдались взрывы артиллерийских снарядов. Дневная воздушная разведка, проведенная в районе Севастополя, оказалась безрезультатной из-за неблагоприятных метеорологических условий»[218].

Обратим внимание на последнюю фразу официального источника. Разведчики Пе-2 не могли видеть даже наземные объекты. Сложные метеорологические условия были в последующие дни.

Вот опять цитата из «Хроники.» за 5 июля: «Ночью на 5 июля три СБ и семь МБР-2 бомбардировали торпедные катера противника в порту Ялта».

Из-за метеорологических условий один СБ ушел к Керчи и бомбил ее, а два МБР бомбили Феодосию. Два МБР вообще вернулись, не найдя целей.

Самолеты ДБ-3 поставили в районе Северной бухты в Севастополе шесть английских мин типа А-IV и сбросили бомбы. Участвовало 8 самолетов, но 2 из них из-за неблагоприятных метеоусловий вернулись на аэродром, не сбросив бомбы[219].

Последние 6 сторожевых катеров вышли из Новороссийска в Севастополь 5 июля в 2 ч. 30 мин. В 23 ч. 30 мин. СКА-088 и СКА-0108, согласно донесению командира звена Скляра, прибыли в район Херсонесского полуострова. В полночь они прошли 10-узловым ходом в 100 метрах от берега, который непрерывно освещался ракетами. Стрельбы не было слышно. В 00 ч. 11 мин. 6 июля катера подошли к берегу на 50 м, тут же с берега по ним открылся пулеметный огонь. Катера ответили

пушечно-пулеметным огнем и поставили дымзавесу, сбросив в воду морскую дымовую шашку, одновременно прекратив огонь по берегу. По сброшенной шашке был открыт шрапнельный огонь с берега. Людей на берегу не было видно, и в 1 час ночи катера развернулись и пошли в Новороссийск. В 4 ч. 55 мин. с катеров была обнаружена шлюпка с 12 красноармейцами. В 13 ч. 42 мин. катера прибили в Новороссийск.

Звено сторожевых катеров старшего лейтенанта Шербины в точке с координатами ш = 44°23,Г, д = 33°21,6' взяли на борт 7 человек, плывших в кузове автомашины на автомобильных камерах. В 00 ч. 09 мин. 6 июля катера прошли траверз мыса Фиолент в 2–2,5 милях от него. В 00 ч. 53 мин. катера подошли на четверть кабельтова к пристани 35-й батареи. С берега начался ружейный обстрел. В 00 ч. 57 мин. с катера заметили на берегу белые проблески и легли курсом на них. Подошли к Херсонесскому маяку на 1,5 кабельтова и были обстреляны артиллерийским и ружейным огнем. На катерах остановили моторы для прослушивания. Пройдя правее маяка на 25–50 м, людей на берегу не заметили. В 1 час 05 мин. катера под непрерывным обстрелом пошли вдоль берега до 35-й батареи в 40–50 м от берега. В 1 час 10 мин. на катерах снова заглушили моторы и стали звать голосом людей с берега и дали белую ракету. В 1 час 35 мин. снова осмотрели берег. Обстрел катеров продолжался. Людей ни на берегу, ни на воде видно не было. В точке с координатами ш = 44°32,4', д = 33°25,2' катера подобрали трех человек с плота, которые сообщили, что на берегу осталось около двух тысяч человек, попрятавшихся в камнях и по пещерам. Противник обстреливал людей под берегом.

Хотя катера и подверглись атаке самолетов противника, все они благополучно прибыли в Новороссийск в 21 ч. 30 мин. 6 июля.

Тут сразу возникает множество вопросов. Почему неблагоприятные метеоусловия не позволили нашим бомбардировщикам бомбить даже площадные береговые объекты, а немцам, якобы, метеоусловия не мешали бомбить быстроходные маневренные корабли? Почему группы сторожевых катеров с ходом до 26 узлов с малыми потерями ходили к Севастополю, а лидеры и эсминцы проектов 7 и 7У с ходом 35–40 узлов и с куда лучшим зенитным вооружением не могли участвовать в спасении людей и заодно поддержать защитников Херсонеса огнем своих 130-мм орудий?

К 4 июля 1942 г. в составе Черноморского флота находились: 1 линкор, 4 крейсера, 1 вспомогательный крейсер, 1 лидер, 7 миноносцев, 2 СКР (малых миноносца), 10 базовых тральщиков, 65 торпедных катеров, 41 подводная лодка, 1 речной монитор, 10 канонерских лодок, 7 бронекатеров. (Наши бронекатера и в 1941 г., и в 1944 г. ходил у берегов Крыма, причем

осенью и весной, а не летом.)

Кроме того, имелись многие десятки сторожевых катеров специальной постройки, десятки мобилизованных судов, сторожевых кораблей, тральщиков и т. д. И вся эта армада бездействовала, когда гибли тысячи защитников СОРа!

В мае 1961 г. в Севастополе проходила военно-историческая конференция, посвященная 20-летию начала героической обороны Севастополя. Там выступал Ф.С. Октябрьский, получивший в 1958 г. (!) звание Героя Советского Союза. Он сказал: «Товарищи, обстановка тогда сложилась трудная… В этих условиях встал вопрос, как быть? Если эвакуировать армию, то были бы потеряны армия и флот, оказавшийся сильно преуменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счете была потеряна армия, но сохранен флот»[220].

Разумеется, тогда никто не возмутился речам адмирала, явно пародировавшим слова Кутузова, сказанные в 1812 г. Но тогда врагу была оставлена горящая, а главное, пустая Москва! В 1812 г. была сохранена армия, которую в тогдашних условиях можно было воссоздать не менее чем за 5 лет. А тут на убой немцам было оставлено свыше 100 тысяч закаленных в боях бойцов, которые могли не пустить немцев на Кавказ. А что касается флота, то линкор, крейсера, эсминцы и даже канонерские лодки не сыграли, по воле тех же адмиралов, никакой роли в последующих боях. В то же время наша промышленность в 1942–1943 гг. сдала флоту сотни бронекатеров, торпедных и сторожевых катеров и т. д. Сотни катеров тех же типов нам поставили союзники. Причем, они были лучше на порядок их советских довоенных аналогов – более мореходными и имели скорострельные зенитные автоматы, наши и импортные, РЛС и т. д. Причем, при необходимости не только новые катера, но и старые катера, и подводные лодки типа «М» легко перебрасывались с других флотов и флотилий по железной дороге на Черное море.

Летом 1942 г. судьбу Черного моря решали сухопутные силы и базы. И если бы тогда удалось отстоять Севастополь, немцы не проникли бы на Кавказ, и ход войны мог кардинально измениться. При этом были оправданы любые потери кораблей. Даже если бы погибло 90 % кораблей и катеров Черноморского флота, эти потери были легко восполнимы в течение последующих 3–4 месяцев. (Понятно, речь идет об общей мощи флота, включая авиацию, торпедные катера, подводные лодки, десантные корабли и т. д. Естественно, линкор на Черное море перевести было нельзя, да и особой нужны в этом не было.)

Этого не мог не понимать адмирал Октябрьский ни в 1942 г., ни в

1961 г. По данным Г.И. Ванеева, всего за период с 1 по 10 июля в порты Кавказского побережья было доставлено 1726 бойцов СОРа, а убито или взято в плен было 130 125 человек[221]. Различные немецкие источники указывают число пленных 90—100 тыс. человек. Судя по всему, правы немцы, а не Ванеев. В сводках, предоставляемых военными, наверняка не указывались тыловые подразделения, местные подразделения и т. д.

Сообщение же Совинформбюро об оставлении Севастополя от 3 июля 1942 г. было верхом лжи и цинизма: «Сколь успешно выполнил севастопольский гарнизон свою задачу, это лучше всего видно на следующих фактических данных. Только за последние 25 дней штурма севастопольской обороны полностью разгромлены 22, 24, 28, 50, 132 и 170-я немецкие пехотные дивизии и четыре отдельных полка, 22-я танковая дивизия и отдельная мехбригада, 1,4, 18-я румынские дивизии и большое количество частей из других соединений…

Советские войска потеряли с 7 июня по 3 июля 11 385 чел. убитыми, 21 099 – ранеными, 8300 – пропавшими без вести, 30 танков, 300 орудий, 77 самолетов. Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы»[222].

То есть все штурмовавшие Севастополь германские части уничтожены, а наши части благополучно эвакуированы на Кавказ.

1 июля Гитлер за взятие Севастополя присвоил генерал-полковнику Манштейну чин генерал-фельдмаршала. Манштейна завалили подарками, в том числе и от представителей династии Гогенцоллернов.

Глава 13
Крым при оккупантах

В 13 ч. 00 мин. 1 июля 1942 г. германские солдаты водрузили над Панорамой флаг со свастикой. А уже через четыре дня министерство пропаганды пригласило в Севастополь группу журналистов из нейтральных стран. В издававшейся оккупантами газете «Голос Крыма» от 10 июля 1942 г. говорилось: «Развертывающаяся перед нами картина представляет собой хаос и разрушение. С трудом пробираемся мы через загромождающие улицы обломки… Густой дым окутывает город. Из погребов начинают выходить первые жители, главным образом женщины и старики. Видно по ним, насколько они рады, что наконец окончился этот ужас. В порту поднимаются из воды верхушки мачт затопленных военных судов. В ходе боев по взятию Севастополя с 7 июня по 4 июля взяты 97 000 пленных, в том числе заместитель командующего армией генерал Новиков, захвачено или уничтожено 467 орудий, 26 танков, 824 пулемета, 758 гранатометов, 86 противотанковых орудий. Потери большевиков от 30 до 40 тыс. человек. Общие потери германских войск: 872 офицера, 23 239 унтер-офицеров и солдат»[223].

Немецкие аэродромы в Крыму на Кубанском плацдарме. 1943 г.

1 августа 1942 г. посмотреть на развалины Севастополя приехал сам румынский король Михай I.

С 9 июля немцы начали перерегистрацию населения, чтобы выявить коммунистов и комсомольцев, а также установить людские резервы трудоспособного населения. Заодно и обнаруживались лица, готовые сотрудничать с немцами. В Севастополе был установлен жесточайший режим прописки, и каждый житель был обязан не более чем в течение 48 часов прописаться в своем полицейском участке. Если во время проверки документов в доме хоть у одного человека не было прописки, то все члены семьи расстреливались.

Немцы ввели комендантский час: в осенне-зимний период с 5 часов вечера до 6 часов утра, а в весенне-летний – с 8 часов вечера до 6 часов утра. Задержанные патрулем во время комендантского часа и не имевшие при себе ночных пропусков сначала проходили проверку в полиции, а затем отправлялись на принудительные работы сроком до 10 суток.

В советское время наши журналисты и писатели выдали столько чудовищного вранья про германскую армию, что сейчас приходится побольше цитировать германские источники, дабы отличаться от этих брехунов. Начал врать еще в 1941 г. Алексей Толстой. Вот он смачно и со знанием дела описывает, как посреди села германский солдат лапает четырнадцатилетнюю пухленькую русскую девочку. А вот столь «правдивый» фильм «Иди и смотри». Ну, «красный граф» был умен и хитер, и честно отрабатывал особняк, дачу, машину и антиквариат на подлинно графском уровне. А все остальные просто тупые халтурщики.

Если солдаты европейской армии в XX веке на глазах офицеров и с их согласия насилуют малолетних девочек и разбивают головы младенцам, то в бою это подразделение заведомо не будет безоговорочно подчиняться тем офицерам, а, говоря по-русски, станет неуправляемым стадом дикарей.

Другой вопрос, что ради выполнения боевых задач немецкое командование, равно как и командование американской и Красной Армий, шло на нарушение военного права, то есть на совершение военных преступлений.

В Севастополе немцы прежде всего хотели ввести в строй Севморзавод. В связи с этим ортскомендант крепости Севастополь 16 июля 1942 г. издал приказ: «Всем рабочим, работницам и служащим предприятий немедленно явиться на места своих прежних работ. Лица, не явившиеся на работу, будут рассматриваться как саботажники с применением к ним строжайших мер наказания: по условиям военного времени – расстрел.

Особо обращаю внимание лиц, работавших на предприятии, именовавшемся “Морской завод”. Они обязаны немедленно явиться в полицай-управление и получить в паспорте отметку “Верфь”, так как в

Севастополе со дня на день начнет работу судоремонтная верфь. Те, кто не явится в течение трех дней, будут расстреляны»[224].

Оберштурмбанфюрер СД Фрик докладывал управляющему судостроительными и судоремонтными предприятиями Юга (Рейхскомиссариат «Украина» в Николаеве) о состоянии «Севморзавода»: «Беглый осмотр предприятия произведен. Здания цехов разрушены, оборудование вывезено. Доки южной стороны разрушены. В лучшем состоянии док северной стороны, батопорт подорван, но подлежит восстановлению. Стапеля горели, сохранность частичная. Мортонов эллинг подорван.

Во избежание ошибок, которые имели место при взятии Николаева, мною был произведен ряд молниеносных крупных и малых акций для фиксирования рабочей силы. Каждый выявленный работник предприятия получил квитанцию-расписку: “Скрепляю подписью, что я получил сообщение об обязательной явке на работу. Мне известно, что за невыполнение приказа у меня или у моей семьи будет конфискован дом, двор и все имущество. Если я и после этого не являюсь на работу, то мой дом будет сожжен, а мои родные взяты в качестве заложников”.

Каждого выявленного работника завода доставляли в комендатуру, сажали в машину. В сопровождении солдат он объезжал крепость, указывая местонахождение не менее чем трех работников завода. После этого получал право возвращения к семье. Таким способом удалось уже выявить более трехсот специалистов…

Вывод: русские рабочие доказали свою способность эффективно работать на режим большевиков. Нет никаких оснований полагать, что они не смогут так же эффективно работать на пользу рейха.

Необходимо: ни в коем случае не допуская снижения заданного нами энергичного ритма, в ближайшие дни провести детальную инспекцию предприятия, для чего прислать специалистов из Управления верфей. Темп, темп, темп – условие того, что ошибки, допущенные в Николаеве, не расползутся язвами саботажа в Севастополе. Каждый русский с первого дня установления нового порядка должен чувствовать твердую власть и направляющую руку. Должен понимать: мы, немцы, – здесь и отсюда – не уйдем!

Немедленно осмотреть крейсер русских, полузатопленный в бухте в результате успешных действий нашей авиации. Имя этого крейсера “Червона Украина”, что значит “Красная Украина”, “Большевистская Украина”, “Коммунистическая Украина”. Восстановление крейсера усилит наш флот на Черном море и резко увеличит престиж наших судоремонтных

служб.

Немедленно принять все меры к подъему и восстановлению 100-тонного плавкрана и плавдока, затопленного в бухте, для чего срочно организовать два аварийно-спасательных отряда из специалистов Управления верфей и русских рабочих. Без подъемных механизмов и дока ремонт судов невозможен…»[225].

25 июля 1942 г. комендант города опубликовал сообщение к жителям Севастополя:

«Мы делаем каждого гражданина города Севастополя ответственным за жизнь и здоровье Германской Армии, за устранение всех диверсионных актов, как пожары, взрывы и т. д.

Настоящим приказываю:

Если в одном из домов или их предместье днем или ночью с кем-либо из Германской армии случится что-либо вредное, безразлично каким образом, то жители данного дома будут расстреляны.

Если произойдут диверсионные акты (пожары, взрывы мин и т. д.), нападения или выстрелы на улицах или площадях одного участка города, то я эвакуирую этот участок города, а жители будут привлечены к принудительной работе. В особо тяжелых случаях будут приняты строжайшие меры.

Мы имеем только лишь одну цель: восстановление города, защиту, спокойствие, подходящую работу для каждого и, наконец, обеспечение беззаботной человеческой жизни»[226].

Севастопольский историк В.Б. Иванов пишет: «Для поддержания «нового порядка» в городе были созданы карательные органы. В угловом здании на ул. Красный спуск (современная ул. В. Кучера) разместилась немецкая жандармерия (глава лейтенант Шреве), насчитывающая более 20 человек.

На ул. Частника, дом 90, расположилась служба безопасности (СД) во главе с штурмшарфюрером Мейером. В СД работали семь следователей, три переводчика, отряд охраны из 20–25 человек. Основной задачей СД было выявление коммунистов, сотрудников органов госбезопасности и милиции, работников госаппарата, партизан и подпольщиков.

Ортскомедатуру (местная комендатура), которая размещалась на ул. Ленина (современное здание Ленинского райсуда) до 30 июля 1942 года возглавлял майор Купершлягель, затем был назначен подполковник Ганш. В ее подчинении находились Городская управа во главе с бургомистром, или городским головой (Н. Мадатов, а с августа 1942 года П. Супрягин), и

шуцполиция (немецкая полиция). Без указания или разрешения ортскомендатуры ни горуправа, ни шуцполиция не могли проводить никаких мероприятий. Основная задача всех восьми отделов госуправы состояла в организации обеспечения немецких воинских подразделений и учреждений продовольствием и материальными ресурсами.

На улице Пушкинской в доме № 2 размещалось главное управление русской вспомогательной полиции во главе с главным полицмейстером Б.В. Корчминовым-Некрасовым. В ее составе в 1942 году были 120 человек, а в 1944 году – около 300.

При главном управлении вспомогательной полиции была создана следственно-розыскная часть, или криминальная полиция. В декабре 1942-го она стала именоваться вспомогательной полицией безопасности и перешла в подчинение СД.

Кроме карательных органов в Севастополе действовали разведывательные органы: тайная полевая полиция (ГФП), отдел контрразведки абвера «Дариус-305». Все немецкие органы управления и власти были призваны насаждать «“новый порядок” в Севастополе»[227].

Из донесения оберштурмбанфюрера СД Фрика: «Специально прибывший в крепость зондеркомандой СС в составе 800 человек, управлением СД, комендатурой, полицией совместно с привлеченными в помощь воинскими подразделениями проведен ряд крупномасштабных акций с целью выявления комиссаров, командиров Красной Армии, большевиков из гражданских лиц, комсомольцев, все выявленные оформлены (убиты). 12 июля на спортивном стадионе “Динамо” были собраны жиды (количество – округленно – 1500), которым предварительно был дан приказ нашить на рукавах желтую звезду, собранные оформлены.

14 июля из прибрежной зоны крепости, разрешающей обзор бухты, слежение за движением судов, в срочном порядке выселены все жители, ширина зоны – 2–4 км; выразившие недовольство оформлены.

Четырежды издан приказ ортскоменданта, обязывающий всех сдать излишки продовольствия за исключением 10 кг мучных продуктов, 10 кг крупяных, 1 кг жировых. Отсутствие продовольствия заставит всех быстро пройти перерегистрацию, укрывшие продукты оформлены»[228].

Понятно, что военные преступления немцы совершали не только в Севастополе, но и по всему Крыму.

В 1941–1944 гг. из Крыма в Германию на принудительные работы были вывезены 85,5 тыс. человек, в основном русских. Из них в 1945–1947 гг. вернулось 64 тысячи.

После десантов в Керчи и Феодосии нацисты опасались высадки советских войск в Ялте и 14 января 1942 г. угнали 1300 мужчин в возрасте от 17 до 55 лет в лагерь «Картофельный городок» под Симферополем. К июлю 1942 г., когда ялтинцы были освобождены, более 500 человек погибли от голода и болезней. Кроме евреев, жертвами нацистов в Ялте, по утверждению городской Чрезвычайной государственной комиссии, стали около 900 мирных ялтинцев, не считая погибших в «Картофельном городке». Число жертв выведено из объема захоронений.

Захватив город Керчь в ноябре 1941 г., немцы немедленно издали приказ, в котором говорилось: «Жителям Керчи предлагается сдать немецкому командованию все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнаруженное продовольствие владелец подлежит расстрелу»[229]. Следующим приказом (№ 2) городская управа приказала всем жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, цыплят, индюков, гусей, овец, коров, телят, рабочий скот. Владельцам домашней птицы и скота было строго запрещено пользоваться птицей и скотом для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам.

По приходу Красной Армии в Керчь в январе 1942 г. при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 м и глубиной в 2 м был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков.

По наиболее вероятной оценке, немцы и их пособники уничтожили в Крыму до 50 тысяч мирных жителей, подавляющее большинство из которых составляли русские и евреи.

Если немцы грабили и убивали по приказу, то их румынские союзники грабили и крали каждый по мере возможности. Недаром в Крыму и Одессе румын прозвали «Грабь-армия»! Нравы румын хорошо описал Иван Козлов в книге «В крымском подполье»: «Четыре румынских солдата устроились на кухне. Семен Филиппович стал расспрашивать, откуда они, но румыны только трясли головами.

Гриша тоже пытался заговорить с солдатами, но безуспешно. Тогда он взял палку, приложил к плечу, как ружье, и сказал:

– Большевик. Пуф! Пуф!

Румыны засмеялись и закивали. Вернувшись в комнату, Гриша оставил дверь открытой: меньше подозрений.

– Нелегкая их принесла, проклятых, – громко ругалась хозяйка, собирая обед, – грязные, вшивые. Как ни следи, непременно что-нибудь стащат, хоть луковицу, хоть картошку. Такая жульническая порода.

– А немцы? – спросил я.

– Немец, тот тайком не ворует, – покачал головой Семен Филиппыч, садясь за стол, – что понравится, положит в карман, скажет “гут” – и до свидания».

Немцы презирали румынских воров. В Симферополе, Севастополе и других городах Крыма были нередки случаи, когда русское население било чем попало румынских грабителей. Подними руку на немца, и тебя немедленно «оформят» в СД, а за битых румын немцы обычно не вступались.

На немецкие же зверства естественной реакцией стало усиление партизанского движения.

Однако к партизанской борьбе советские и партийные органы готовились еще до вторжения немцев в Крым. 23 октября 1941 г. постановлением бюро Крымского обкома ВКП(б) командующим партизанских отрядов Крыма был назначен А.В. Мокроусов. Выбор обкома был удачен. Черноморский матрос Мокроусов участвовал в Октябрьском восстании в Петрограде, с марта 1918 г. – на командных постах в Красной Армии. В августе-ноябре 1921 г. он командовал Крымской повстанческой армией, действовавшей в тылу у Врангеля. В 1937–1938 гг. Мокроусов воевал в Испании.

Тем же постановлением комиссаром партизанских отрядов был назначен секретарь Симферопольского горкома партии С.В. Мартынов, а начальником штаба – И.К. Сметанин.

По тому же постановлению председатель совнаркома Крыма выделил 2 млн. рублей на партизанское движение.

31 октября 1941 г. приказом № 1 Мокроусов объявил организацию пяти партизанских районов, располагавшихся в горно-лесистой местности, и назначил командиров, комиссаров и начальников штабов этих районов. Из партийного и советского актива, из бойцов истребительных батальонов на добровольных началах были созданы 24 партизанских отряда. Три самостоятельных отряда сформировались позже из командиров и бойцов Приморской и 51-й армий, задержавшихся в горах и лесах Крыма при отходе к Севастополю и Керчи. Всего в партизанских отрядах к концу 1941 г. насчитывалось более 3700 человек, в том числе 1315 бойцов и командиров, влившихся в отряды при отступлении армий.

Базы пяти партизанских районов находились в горах и лесах Ялты от Старого Крыма до Балаклавы. В районе Керчи были созданы три отряда, которые базировались в подземельях каменоломен. Продовольствие и другие запасы были рассчитаны на значительно меньшее количество

партизан, чем их оказалось фактически. Причем эти запасы не могли быть пополнены за счет населения, поскольку в горно-лесистых районах почти не было населенных пунктов.

Партизанские отряды располагались на очень небольшой территории, что затрудняло им возможность маневрировать. Партизаны не имели топографических карт. Впоследствии они изымали у убитых немецких офицеров советские туристские карты с нанесенной на них обстановкой, вплоть до пастушьих троп.

В послевоенные годы советская пропаганда преувеличивала успехи партизанского движения и постоянно использовала штампы «земля повсеместно горела под ногами оккупантов», «на борьбу поднялись все советские люди» и т. д. Поэтому я обращусь к немецким документам.

Уже 20 ноября Манштейн издал приказ: «Позади фронта борьба также продолжается. Партизанские снайперы, переодетые в штатское, стреляют по отдельным солдатам и мелким подразделениям. Используя методы диверсии, закладывая мины и адские машины, партизаны пытаются нарушить наше снабжение… Они уничтожают посевы и предприятия, безжалостно обрекая на голод городское население»[230].

Вскоре партизанские действия развернулись всерьез. «Согласно полученным нами донесениям, – говорится в памятной записке от 14 ноября 1941 г., составленной офицером контрразведки 11-й армии, – в южной части Крыма действует хорошо организованная, руководимая из центра партизанская организация. В ее распоряжении в горах Ялты находятся крупные и мелкие базы, в которых имеется много оружия, продовольствия, целые стада скота и другие запасы… В задачи партизан входят уничтожение средств связи и транспортных сооружений и нападение на тыловые службы и транспортные колонны»[231].

Согласно докладу Мокроусова от 21 марта, «общая численность партизанских отрядов 26, объединенные в 4 района, 5-й район ликвидирован 18 марта 1942 г. по оперативным соображениям и весь личный состав влит в 4-й район. Общая численность личного состава 3180 чел.

Проведено боеопераций всего – 156. Кроме того, провели боев при нападении на отряды противника при прочесывании – 78. Уничтожено живой силы – 4040 солдат и офицеров. Уничтожено автомашин – 350 с боеприпасами, продовольствием и людьми. Подбито 2 танка, разбито 12 обозов, взорвана 1 мельница, 6 мостов и выведены из стоя Бешуй-копи. Снято 10 000 м кабеля телефонного и телеграфного.

Наши потери: убиты 175 чел., ранены – 200 чел., без вести пропавших – 58 и 15 связных. В числе без вести пропавших генерал-майор т. Аверкин. До сих пор неизвестна судьба Севастопольского отряда…

Продовольствием партизанские отряды обеспечены при голодном пайке не более на 10 дней, а 3-й и 4-й районы не имеют вовсе, в результате чего зафиксировано 18 случаев смерти и 30 чел. при смерти.

Во всех отрядах отсутствуют медикаменты (бинты, йод, вата и т. д.) и хирургический инструментарий.

За время пребывания в лесу обмундирование у бойцов пришло в негодность, в основном обувь, одежда, белье. Боеприпасами и вооружением обеспечены, за исключением 2-го района. Отсутствуют совершенно противотанковые гранаты, мины и взрывчатые вещества.

За 4 месяца из числа выявленных предателей и изменников Родины по населенным пунктам горно-лесистой части Крыма и в партизанских отрядах уничтожены 362.

В подавляющей своей массе татарское население в предгорных и горных селениях настроено профашистски, из числа жителей которых гестапо создало отряды добровольцев, используемые в настоящее время для борьбы с партизанами, а в дальнейшем не исключена возможности и против Красной Армии…

Деятельность партизанских отрядов осложняется необходимостью вооруженной борьбы на два фронта: против фашистских оккупантов, с одной стороны, и против вооруженных банд горнолесистых татарских селений»[232].

5 декабря 1941 г. Манштейн направил своему старшему начальнику, главнокомандующему группой армий «Юг», доклад об организации борьбы с партизанами и достигнутых в этом успехах. В докладе говорилось: «Для ликвидации этой опасности (в Крыму, по нашим сведениям, имеется 8 тыс. партизан) нами были приняты решительные меры; иногда для борьбы с партизанами приходилось отвлекать войска (sic!).

В данное время в действиях против партизан принимают участие:

а) штаб по борьбе с партизанами (майор Стефанус); в его задачу входят сбор информации и представление рекомендаций о проведении необходимых мероприятий;

б) румынский горнострелковый корпус с 8-й кавалерийской и

4-й горнострелковой бригадами;

в) 24-й, 52-й и 240-й истребительно-противотанковые дивизионы;

г) на участке 30-го корпуса: румынский моторизованный кавалерийский полк и подразделения 1-й горнострелковой бригады;

д) в Керченских рудниках; саперный батальон и подразделения пехотных полков 46-й пехотной дивизии;

е) на различных горных дорогах выставляются кордоны и используются эскортные команды.

К настоящему времени достигнуты следующие результаты: ликвидировано 19 партизанских лагерей, уничтожено 640 и взято в плен 522 партизана, захвачено или уничтожено большое количество вооружения, снаряжения и боеприпасов (в том числе 75 минометов, 25 пулеметов, 20 легковых и большое количество грузовых автомобилей, 12 складов снаряжения и боеприпасов), а также скот, горюче-смазочные материалы и две радиоустановки»[233].

Партизаны боролись и с экономическими мероприятиями немцев. Оккупантами было создано главное экономическое управление «Юг», которое руководило экономическим управлением «Днепропетровск», включавшее территорию Днепропетровской и Запорожской областей, Северную Таврию и Крым. В Крыму немцы развернули два экономических филиала – в Керчи и в Севастополе. Но им не удалось восстановить промышленное производство, а сельское хозяйство было восстановлено лишь в незначительной степени.

Согласно докладу крымского отделения СД от 8 апреля 1942 г., «партизаны, деятельность которых по-прежнему остается активной, стали отказываться от нападения на отдельных немецких солдат или одиночные машины и переходить в основном к массированным налетам на деревни и к другим действиям с целью захвата продовольствия»[234].

Это совпадает с данными других немецких источников. «В ночь с 7 на 8 февраля на Кош было совершено нападение 300 партизан». «9 февраля 150 партизан… ворвались в село Шлия и полностью его разграбили». А несколькими днями раньше партизаны заняли село Казанлы. После чего 500 партизан атаковали Баксан и 200 партизан совершили налет на деревню Бешуй.

В начале 1942 г. командир 30-го корпуса генерал фон Салмут установил точное число заложников, подлежащих расстрелу за каждого убитого или раненого немца или румына: «Все заложники должны быть заключены в концентрационные лагеря. Продовольствием заложников обеспечивает население их деревень. За каждого немецкого или румынского солдата, убитого партизанами, следует расстреливать 10 заложников, а за каждого раненого немецкого или румынского солдата – одного заложника; по возможности расстрелы производить вблизи места,

где был убит немецкий или румынский солдат. Трупы расстрелянных не убирать в течение трех дней.

Аресты заложников в местах, где войск нет (и особенно в горах), должны производиться 1-й румынской горнострелковой бригадой. С этой целью соответствующие пункты должны временно оккупироваться войсками»[235].

Ниже следовали список пунктов расположения концлагерей для заложников, а также подразделений и частей, несущих ответственность за их содержание. Последний параграф приказа Салмута гласил: «Концентрационные лагери должны быть созданы в нижеследующих пунктах» (см. табл. 8).

Таблица 8

Название населенного пункта	Часть (подразделение), ответственная за создание концлагеря
Кучук-Мускомья	124-й пехотный полк
Алсу	1-й румынский горнострелковый полк
Варнутка	266-й пехотный полк
Биюк-Мускомья	105-й пехотный полк
Хайта	14-й румынский пулеметный батальон
Байдары	172-й артиллерийский полк
Сахтик	72-й саперный батальон
Форос	72-й танковый батальон

Тут следует обратить внимание на два момента. Во-первых, источником являются германские служебные документы, впервые опубликованные в Лондоне в 1954 г., таким что, ярлык советской пропаганды к ним не пришьешь. Во-вторых, из документа четко следует, что расправы в Крыму вершили не войска СС, которых там тогда вообще не было, а полевые германские и румынские части.

А вот немецкая листовка из того же источника, расклеиваемая в Симферополе: «29 ноября 1941 года были расстреляны 40 мужчин – жителей города Симферополя, что явилось репрессивной мерой:

1) за гибель немецкого солдата, который 22 ноября 1941 года подорвался на мине в районе, о возможном заминировании которого в комендатуру не поступало никаких сведений;

2) за убийство в ночь с 27 на 28 ноября 1941 года немецкого сержанта»[236].

С начала 1942 г. командование советской армии наладило с партизанами связь по воздуху. Только за период с 7 апреля 1942 г. по 1

октября 1943 г. совершено 507 самолето-вылетов в партизанские отряды Крыма, из них самолетами Ли-2, ТБ-3 – 274 и самолетами У-2 и ПР-5 – 233.

Всего доставлено 270 729 кг груза, в том числе 252 225 кг продовольствия, 600 комплектов обмундирования, 120 автоматов, 5 противотанковых ружей, 4 ручных пулемета ДП, 1980 гранат, 92 563 патрона (разных), 885 мин разных, 3487 кг тола, 54 комплекта радиопитания, 2 комплекта типографий.

За этот же период вывезено из партизанских отрядов 776 человек, из них больных и раненых партизан 747 человек, отозванных 7 человек и 22 ребенка. А в партизанские отряды отправлено 137 человек, из них 78 излечившихся партизан, 30 подрывников, 15 человек партактива, 14 командно-руководящих работников.

Любопытная цитата из письма комиссара П.Р. Ямпольского секретарю Крымского обкома В.С. Булатов от 14 октября 1943 г.: «Досадный случай произошел с танком. Захватили исправный средний танк, далеко отогнали его от места боя, уже близко от леса застряли в балке, танкистов у нас нет, возились до тех пор, пока заклинили моторы. Федоренко принял решение и сжег танк. Уж я ругал его на все корки за такое решение, но танк не вернешь. Теперь перед ним поставлена задача – добыть другой танк вместо этого»[237].

Но наряду с успехами партизанского движения любой объективный историк должен признать и факт использования немцами в Крыму так называемых хиви[238], причем в куда больших масштабах, чем в любой другой области СССР, оккупированной в 1941–1944 гг.

Так, к примеру, осенью 1943 г. оборону побережья от поселка Коктебель до Двуякорной бухты (широкие пляжи и удобные места для высадки, сам исходил эти места) охранял азербайджанский батальон хиви. В его составе было 60 немцев и 1090 азербайджанцев. Батальон имел на вооружении 42 ручных пулемета, 80 станковых пулеметов, 10 батальонных и 10 полковых минометов, а также 16 противотанковых пушек. Тогда же железная дорога от Владиславовки до Ислам-Терека охранялась ротой хиви, состоявшей из 150 грузин.

Однако настоящей опорой вермахта в Крыму стали крымские татары, служившие в хиви, в отрядах самообороны и других подразделениях.

Чтобы привлечь крымских татар и Турцию к борьбе с «большевиками», руководство рейха с лета 1941 г. начало использовать Крым в качестве приманки. В конце лета 1941 г. сотрудники германского посольства в Турции встретились с лидерами крымско-татарской

эмиграции. Способствовал положительному решению вопроса о вовлечении крымско-татарской эмиграции в активную германскую политику визит в Берлин в октябре 1941 г. турецких генералов Али Фуад Эрдена (начальник военной академии) и Хусню Эмир Эркилета. В ходе переговоров Али Фуад высказал надежду, что после окончания военных действий в Крыму будет сформирована администрация, в которой бы в значительной степени участвовали крымские татары. Это, в свою очередь, могло сильно повлиять на турецкое правительство в пользу решения о вступлении Турции в войну на стороне Германии.

Красноречиво заявление активного члена прогерманской группы в Турции Нури Паши (брата Энвер Паши): «Предоставление свободы такой небольшой области, как Крым, явилось бы для Германской империи не жертвой, а политически мудрым мероприятием. Это была бы пропаганда в действии. В Турции она нашла бы тем больший отклик»[239].

Необходимо отметить имевшую место двойственность в германской пропаганде по «восточному вопросу». С одной стороны, вторжение в СССР началось под лозунгом «уничтожения большевистко-азиатской бестии», и в этом направлении строилась пропаганда. Среди германских солдат в огромном количестве распространялись листовки и брошюры с фотографиями советских солдат различных азиатских национальностей и следующим текстом: «Вот каковы татаро-монгольские твари! От них тебя защищает солдат фюрера!» Органами пропаганды СС в качестве справочного пособия для немецких войск была издана брошюра «Недочеловек» («Der Untermensch»). Солдат призывали смотреть на местное население как на вредных микробов, которых нужно уничтожить. Народы Востока именовались в брошюре «грязными монголоидами, скотскими ублюдками».

Но, с другой стороны, именно по отношению к так называемым «восточным» народам германское командование требовало на местах проявлять максимум уважения. Так, Манштейн 20 и 29 ноября 1941 г. издал два приказа, в которых требовал уважительного отношения к религиозным обычаям татар мусульман и призывал не допускать каких-либо неоправданных действий против мирного населения.

Важным элементом в координации работ верховного командования вермахта, Министерства иностранных дел и репрессивных структур по вовлечению крымских татар в антисоветскую борьбу стало создание представительства Министерства иностранных дел при штабе 11-й армии в Крыму. Обязанности представителя исполнял ведущий сотрудник МИДа майор Вернер Отто фон Хентин.

Немецкая пропаганда принесла свои плоды. Из мобилизованных в Красную Армию в июле-августе 1941 г. 90 тысяч жителей Крыма 20 тысяч были татары. Все они вошли в состав 51-й армии, действовавшей в Крыму, и при отступлении почти все дезертировали.

Во время вторжения германских войск в Крым татары выступали в качестве проводников немецких частей и помогали им отрезать путь отступающим советским войскам. В Бахчисарае большая группа татар встретила немцев хлебом-солью и благодарила за освобождение от русских.

Зимой 1941/42 г. немцы начали вербовку татар. В результате были набраны 9255 человек, причем наибольшее количество добровольцев было набрано в Карасубазаре – 1000 человек. Из числа этих добровольцев в части 11-й немецкой армии было направлено 8684 человека, а остальные признаны негодными к строевой службе и разведены маленькими группами по 3—10 человек и распределены между ротами, батареями и другими войсковыми частями, дислоцировавшимися под Севастополем и на Керченском полуострове.

Одновременно с этим по линии айнзатцгруппы «Д» (подразделение СС) было завербовано 1632 человека, которые были сведены в 14 рот самообороны, расквартированные в соответствии с их порядковыми номерами в следующих населенных пунктах: Симферополе, Биюк-Онларе, Бешуе, Баксане, Молбае, Бий-Ели, Алуште, Бахчисарае, Коуше, Ялте, Таракташе (12-я и 13-я роты) и Джанкое.

Каждая татарская рота самообороны состояла из трех взводов и насчитывала от 50 (Джанкой) до 175 (Ялта) человек. Ротами командывали немецкие офицеры. Рядовые были одеты в штатное обмундирование вермахта, но без знаков различия. Вооружении рот первоначально состояло из личного стрелкового оружия, а позже они получили тяжелые пулеметы и минометы. По замыслам немецкого командования партизаны должны были увязнуть в борьбе не с немцами, а с формированиями из местного населения.

Уже в феврале 1942 г. отдельные подразделения добровольцев-татар численностью до 200–250 человек участвовали в боях за Керченский полуостров, а затем – в штурме Севастополя.

В первой половине 1942 г. оккупационные власти приступили к созданию из татар батальонов «Schuma». В отличие от рот самообороны, действия которых были обычно ограничены районом их формирования, батальоны «Schuma» планировалось применять по всему Крыму и даже вне его пределов.

К ноябрю 1942 г. был сформировано 8 батальонов «Schuma», расквартированных в следующих населенных пунктах: Симферополе – № 147 и№ 154, Казасубазаре – № 148, Бахчисарае – № 149, Ялте № 150, Алуште – № 151, Джанкое – № 152 и Феодосии – № 153.

В организационном и оперативном отношении батальоны были подчинены фюреру СС и начальнику полиции округа Таврида бригаденфюреру СС Л. фон Альвенслебену.

Каждый батальон по штату должен был состоять из штаба и четырех рот по 124 человека в каждой. Каждая рота – из одного пулеметного и трех пехотных взводов. Штатная численность батальона – 501 человек, а фактически – от 240 до 700 человек. Батальоном командовал татарин, чаще всего – бывший младший командир Красной Армии. В каждом батальоне было 9 немцев – 1 офицер связи и 8 унтерофицеров. В ряде случаев немцы использовали татарские батальоны для проведения карательных акций и для охраны концлагерей. Например, 4 февраля 1942 г. татары во главе с Ягьей Смаилом приняли участие в расправе над жителями поселка Чаир. При этом было зверски убито 15 мирных жителей.

С весны 1942 г. на территории совхоза «Красный» был размещен концлагерь, где немцы за время оккупации уничтожили свыше 8 тысяч жителей Крыма. Лагерь охранялся татарами из 152-го батальона «Schuma». Старший лейтенант Красной Армии В. Файнер вспоминал: «Издевательства над военнопленными… не имели предела. Добровольцы татары вынуждали (какого-нибудь военнопленного) показывать на себя, что он еврей, а затем. выдавали несчастного, за что получали 100 марок»[240].

По данным Симферопольского мусульманского комитета, старосты деревень организовали еще около четырех тысяч человек для борьбы с партизанами. Кроме того, около пяти тысяч добровольцев должны были позже отправиться для пополнения воинских частей. Согласно германским документам, при численности населения Крыма около 200 тысяч человек крымские татары дали германской армии 20 тысяч. Если учесть, что около 10 тысяч человек были призваны в Красную Армию, то можно считать, все боеспособные татары в 1942 г. были полностью учтены [241].

С началом оккупации Крыма нацистская служба безопасности (СД) сразу же создала «Мусульманский комитет», а затем на его базе «Татарский комитет» с центром в Симферополе. Председателем был назначен Джелял Абдураимдов. Комитет имел шесть отделов: по комплектованию добровольцев для немецкой армии; по оказанию помощи семьям добровольцев; культуры; религии; пропаганды и агитации;

административно-хозяйственный и канцелярия. В некоторых городах и населенных пунктах были созданы также местные комитеты.

Для организации прогерманского самоуправления в Крыму немецкие власти привезли из Турции престарелого Джафара Сейдамета – министра иностранных дел в «Крымском краевом правительстве» 1918 г. В дальнейшем для образования более солидной администрации германское руководство намечало последнего хана крымских татар Султан-Гирея[242].

У «Татарского комитета» имелся ряд печатных органов, в том числе газета «Азат Крым» («Освобожденный Крым», редактор Мустафа Крутыев) и журнал «Ана-Юрт» («Родина-мать»), которые агитировали за создание татарского государства под протекторатом Германии.

Что же писал «Освобожденный Крым»? Вот, например, 3 марта 1942 г.: «После того как наши братья – немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья».

10 марта 1942 г. Алушта. На собрании, устроенном мусульманским комитетом, «мусульмане выразили свою благодарность Великому Фюреру Адольфу Гитлеру – эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Адольфу Гитлеру – эфенди».

В этом же номере: «Великому Гитлеру – освободителю всех народов и религий!» 2 тысячи татар деревни Коккозы и окрестностей «собрались для молебна… в честь германских воинов. Немецким мученикам войны мы сотворили молитву… Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам! Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!.. Да благодарит тебя Господь, наш великий господин Гитлер!»

20 марта 1942 г. «Совместно со славными братьями – немцами, подоспевшими, чтобы освободить мир Востока, мы, крымские татары, заявляем всему миру, что мы не забыли торжественных обещаний Черчилля в Вашингтоне, его стремления возродить жидовскую власть в Палестине, его желания уничтожить Турцию, захватить Стамбул и Дарданеллы, поднять восстание в Турции и Афганистане и т. д. и т. п. Восток ждет своего освободителя не от солгавшихся демократов и аферистов, а от национал-социалистической партии и от освободителя Адольфа Гитлера. Мы дали клятву идти на жертвы за такую священную и блестящую задачу».

А вот перл от 10 апреля 1942 г.: «Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру. Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами великие общечеловеческие идеи – уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до конца и без остатка.

Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце – Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом. Президиум Мусульманского комитета»[243].

Как мы видим, у Горбачева с его пресловутыми «общечеловеческими ценностями» был достойный предшественник.

Просвещенные арийцы в апреле 1942 г. вдруг серьезно озаботились состоянием сельского хозяйства и животноводства татарского населения. Под Евпаторией с этой целью были созданы курсы овцеводов, а под Ялтой – курсы виноградарей. На этих курсах молодые татары учились стричь овец, выращивать виноград, водить все типы автомобилей, прыгать с парашютом, стрелять из всех видов стрелкового оружия, а также шифровальному делу и многому другому, столь необходимому в крестьянской жизни. Но, увы, когда эти просвещенные юноши появлялись за линией фронта, их хватали злодеи из НКВД. Думаю, что сейчас все эти невинно репрессированные овцеводы и виноградари посмертно реабилитированы.

Крымские татары активно участвовали в штурме Севастополя в июне-июле 1942 г. Вот что пишет по этому поводу севастопольский историк капитан 2 ранга И.С. Манюшин: «2 июля катер, на котором находились старший лейтенант В.К. Квариани и сержант П. Судак, получил пробоины в корпусе, стал оседать от принятой воды. Заглох один мотор, и катер пришлось поворачивать к берегу, занятому фашистами. Все это произошло в районе берега неподалеку от Алушты. На берегу произошел бой между десантниками и вооруженной группой татар. В результате неравного боя, все, кто остался в живых, были пленены. Раненых татары расстреливали в упор. Подоспевшие итальянские солдаты часть пленных отправили на машине, а часть на катере в Ялту»[244].

«В. Мищенко, шедший в одной из колонн пленных, свидетельствует,

что из трех тысяч их колонны до лагеря в Симферополе “картофельное поле” дошла только половина пленных. Остальные были расстреляны в пути конвоем из немцев и предателей из крымских татар»[245].

«В Судакском районе группа самообороны привлекалась для ликвидации десанта. При этом 12 парашютистов были сожжены заживо. Одна из карательных экспедиций завершилась длительной блокадой партизан, в результате которой 90 человек умерли от голода»[246].

Хватит. Думаю, и сказанного вполне достаточно.

В 1970– 1980-х годах ряд русских «диссидентов», разоблачая «сталинские преступления», доказывали нам, что, дескать, не все татары служили немцам, а лишь «отдельные группы», а другие в это время партизанили. Однако в Германии тоже существовало антигитлеровское подполье, так что, теперь немцев записывать в наши союзники по Второй мировой? Давайте посмотрим конкретные цифры.

Обратимся к данным «демократического» историка Н.Ф. Бугая: «В подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, состояло, по приблизительным данным, более 20 тыс. крымских татар»[247]. То есть практически все крымско-татарское население призывного возраста. Показательно, что это неблаговидное обстоятельство фактически признается в весьма характерном издании («Книга составляет документальную историческую основу проводимых в Российской Федерации мер по реабилитации поруганных и наказанных народов») [248].

А сколько же крымских татар находились среди партизан? На 1 июня 1943 г. в крымских партизанских отрядах было 262 человека, из них 145 русских, 67 украинцев и… 6 татар[249].

На 15 января 1944 г., по данным партийного архива Крымского обкома Компартии Украины, в Крыму насчитывалось 3733 партизана, из них русских – 1944, украинцев – 348, татар – 598[250]. Наконец, согласно справке о партийном, национальном и возрастном составе партизан Крыма на апрель 1944 г., среди партизан было: русских – 2075, татар – 391, украинцев – 356, белорусов – 71, прочих – 754[251].

Итак, даже если взять максимальную из приведенных цифр – 598, то соотношение татар в немецкой армии и в партизанах будет больше чем 30 к 1.

В связи с наступлением Красной Армии с октября 1943 г. лидеры татарских националистов начинают покидать Крым. В ходе эвакуации с полуострова вместе с немецкими частями в марте-апреле 1944 г. выехало не менее трех тысяч крымских татар. Большая часть из них, как и беженцы

1943 г., осела в Румынии, некоторым разрешено было перебраться в Германию.

Вывезенные из Крыма в Румынию татарские подразделения в июне 1944 г. были сведены в Татарский конно-егерский полк СС трехбатальонного состава. Полк проходил подготовку на учебном полигоне Мурлагер (Германия), где 8 июля 1944 г. приказом главного управления СС был развернут в Первую татарскую горно-егерскую бригаду СС под командованием штандартенфюрера В. Фортенбахера. Бригада имела следующий состав: 11 офицеров, 191 унтер-офицер и 3316 рядовых, из которых около трети составляли немцы.

В середине июля 1944 г. бригаду перевели в Венгрию. 31 декабря 1944 г. бригада была расформирована и вошла в состав Восточно-тюркского соединения СС (боевая группа «Крым» в составе двух пехотных батальонов и одной конной сотни). Эти соединения постоянно несли потери, и остатки татар в марте 1945 г. влились в Азербайджанскую боевую группу в качестве отдельных подразделений.

Часть крымских татар была перевезена во Францию и вошла в запасной батальон Волжско-татарского легиона, который дислоцировался у города Ле-Пюи. В конце войны несколько сотен татар вошли в 35-ю полицейскую дивизию СС и в состав вспомогательной службы ПВО во Франции.

Сейчас националисты всех мастей – финны, эстонцы, западные украинцы и т. д. всячески стараются дистанциировать свои части, сражавшиеся против Красной Армии, от вермахта. Мол, мы вели свою войну за независимость против большевизма, а с Гитлером ничего общего не имели. Ту же позицию занимают и современные крымско-татарские националисты. Поэтому стоит сказать пару слов о том, какую судьбу немцы готовили и Крыму, и проживавшим там татарам.

Предоставлю слово севастопольскому историку В.Б. Иванову, собравшему большой массив секретных документов Третьего рейха: ««Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами», – заявил Гитлер на совещании в ставке 19 июля 1941 года. По его предложению Крым превращался в имперскую область Готенланд (страна готов). Центр области Симферополь переименовывался в Готсбург (город готов), а Севастополь получал название Теодорихсхафен (гавань Теодориха, короля остготов, жившего в 493–526 гг.).

По проекту Гиммлера Крым присоединялся непосредственно к Германии. 9 июня 1942 года на совещании начальников СС и полиции Гиммлер заявил, что война не имела бы смысла, если бы после нее, в

частности, Крым не был в течение 20 лет полностью колонизован немцами, и притом только по расовому принципу, по принципу крови.

16 июля 1941 года Гитлер принял решение о создании на первом этапе генерального комиссариата Тавриды, включая Крым и Мелитополь с прилегающими к нему землями, в составе рейхскомиссариата Украины. Начальником гражданского управления был назначен Альфред Фрауенфельд, хотя фактическая власть в период оккупации была в руках военного командования.

Согласно данным на 1 января 1943 года, площадь рейхскомиссариата Украины составляла 339 276 квадратных километров. Делился он на шесть генеральных округов.

Исторически возвращение Крыма в состав Германии основывалось на том факте, что во второй половине IV века в Таврику вторглись пришедшие с берегов Балтийского моря германские племена готов, которые жили здесь, наряду с другими народами, и в средние века. В июле 1942 года Фрауенфельд организовал археологическую экспедицию, которой руководил начальник СС и полиции в Тавриде бригаденфюрер СС фон Альвенслебе, а полковник Вернер Баумельбург выполнял обязанности археолога. Были обследованы руины Феодоро – столицы одноименного грекоязычного княжества, которое было разгромлено войсками турецкого султана Мехмеда II в 1475 году. Вывод: это типичный образец германской фортификации. По итогам экспедиции Баумельбург написал работу «Готы в Крыму», в которой утверждал, что Алустон (Алушта), Горзувитай (Гурзуф), Каламита (Инкерман) построены готами. Собранные материалы Фрауенфельд использовал для своей книги «Причины и смысл нашей борьбы». Он выдвинул проект автомагистрали, которая связала бы Гамбург с Крымом и позволила преодолевать путь за два дня, и предлагал в качестве прислуги для отдыхающих на крымских курортах немцев использовать крымских татар[252].

5 июля 1942 г. состоялось совещание командования вермахта и полиции, где обсуждался вопрос о методах выселения из Крыма расово «неполноценных» жителей. Решено было создать специальные лагеря для проведения «расового обследования» населения[253].

К июлю 1942 г. германское руководство окончательно отказалось от своих планов предоставления крымским татарам самоуправления. 27 июля в ставке «Вервольф» за ужином Гитлер заявил о своем желании «очистить» Крым.

Нежелание турецкого руководства вступить в войну на стороне

Германии стало основанием для прекращения обсуждения вопросов о будущем статусе тюркских народов, проживавших на оккупированных территориях Советского Союза. И на крымских татар перестали смотреть как на связующее звено в германо-турецких отношениях.

Так что в случае победы Гитлера крымские татары поехали бы не в Среднюю Азию на свою историческую родину, а в культурные европейские города – Дахау, Освенцим. Да и польский городишко Треблинка чем хуже?

Глава 14
Освобождение Крыма

26 сентября 1943 г. войска Южного фронта начали так называемую Мелитопольскую операцию. Войскам Южного фронта (5-я Ударная, 44-я, 2-я гвардейская, 28-я, 51-я армии и 8-я воздушная армия) противостояла 6-я немецкая армия.

Замысел советского командования предусматривал нанесение двух охватывающих ударов: главного – силами 5-й Ударной, 44-й, 2-й гвардейской и 51-й армий, 19-го и 11-го танковых и 4-го кавалерийского корпусов севернее Мелитополя в общем направлении на Михайловку, Веселое; и вспомогательного – из района южнее Мелитополя силами 28-й армии в обход города с юго-запада.

На фронте в 250 км 10 пехотным дивизиям и одной танковой дивизии 6-й армии противостояли 31 стрелковая дивизия, два механизированных корпуса, 7 танковых бригад (всего около 400 танков).

Однако за первые 4 дня советским войскам удалось продвинуться вглубь обороны противника всего на 2—10 км. После этого наступило временное затишье.

Наибольший успех был достигнут 28-й армией, в полосу которой были перегруппированы 51-я армия, танковые и кавалерийские корпуса. 23 октября соединения 51-й армии во взаимодействии с войсками 28-й армии после десятидневных ожесточенных боев освободили Мелитополь.

К этому времени войска правого крыла фронта прорвали оборону противника и перерезали железную дорогу Запорожье – Мелитополь. Введенные в прорыв южнее Мелитополя подвижные соединения фронта при поддержке авиации быстро развивали успех, угрожая основным коммуникациям противника.

6-я армия быстро отступала. И 30 октября советские войска вышли на побережье Сиваша. В ночь на 2 ноября 1943 г. части 19-го танкового корпуса захватили город Армянск. Однако частям 17-й германской армии удалось отбить Армянск и уничтожить большую часть наших танков.

1 ноября началась переправа 346-й стрелковой дивизии через Сиваш. В этот день западный ветер отогнал воду и солдаты шли по пояс в воде. Наши бойцы удачно закрепились на небольшом плацдарме на южном берегу Сиваша. Через 5 дней туда же переправилась 263-я стрелковая дивизия. Впоследствии, за 39 суток по паромно-лодочной переправе на плацдарм

были переправлены несколько тысяч солдат, более 50 автомашин, 3,5 тыс. тонн боеприпасов. А сам плацдарм был расширен до 18 км по фронту и до 14 км в глубину.

А 9 декабря вступил в эксплуатацию мост длиной 1915 м от северного берега Сиваша до острова Русский, и от острова Русский до южного берега Сиваша (до плацдарма) возведена насыпная гать длиной 1060 м.

В ночь на 12 февраля 1944 г. разразился невероятной силы шторм, бушевавший пять суток. Дамба оказалась почти полностью размытой, опоры моста расшатаны, понтоны разбросаны. Но 11 марта была введена в строй новая переправа.

Командующий 17-й армии в Крыму 53-летний генерал инженерных войск Э. Енеке в ноябре 1943 г. разработал планы операций «Литцман» и «Рудербоот». По плану «Литцман» 17-я армия должна была большей частью прорываться из Крыма через Перекоп на соединение с 6-й армией, а остальные ее части предполагалось вывезти из Севастополя военно-морскими силами (операция «Рудербоот»).

Однако Гитлер приказал до конца защищать «крепость Крым». Мало того, он приказал перебросить в Крым с юга Украины 73-ю и 111-ю пехотные дивизии.

В октябре 1943 г. закончилась эвакуация германских войск с островов Сицилия, Сардиния и Корсика. Освободившиеся транспортные эскадрильи были переброшены на аэродромы близ Одессы и Умани. Переброска обеих дивизий прошла с 25 января по 12 февраля 1944 г.

Несмотря на огромное превосходство Черноморского флота, германские и румынские суда успешно осуществляли снабжение 17-й армии в Крыму. В марте 1944 г. ими было доставлено 45,5 тыс. тонн грузов.

По состоянию на апрель 1944 г. германские 5-я, 11-я, 336-я пехотные дивизии, 279-я бригада штурмовых орудий 49-го горнострелкового корпуса, 3-й румынский кавалерийский корпус в составе 9-й кавалерийской, 10-й и 19-й пехотных дивизий (всего состав группировки – около 80 тыс. человек), находились в северном Крыму. Штабы корпусов дислоцировались в Джанкое.

Керченский полуостров по-прежнему оборонял 5-й армейский корпус: 73-я, 98-я пехотные дивизии, 191-я бригада штурмовых орудий (45 штурмовых 7,5-см орудий), а также 6-я кавдивизия и 3-я горнострелковая дивизия румын (всего около 60 тыс. человек).

Противодесантную оборону от Феодосии до Севастополя держал 1-й горнострелковый корпус румын в составе 1-й и 2-й горнострелковых дивизий. Этот же корпус в основном вел борьбу с партизанами Крыма.

Противодесантная оборона на побережье от Севастополя до Перекопа была возложена на два полка румынской 9-й кавдивизии. Всего для противодесантной обороны и борьбы с партизанами противник выделил около 60 тыс. человек.

Штабы 17-й армии и 1-го горнострелкового корпуса находились в Симферополе. Кроме перечисленных выше соединений и частей, в состав 17-й армии входили 9-я зенитная дивизия люфтваффе, 60-й артиллерийский полк, 704-й, 766-й и 938-й артиллерийские полки береговой обороны, десять артдивизионов, горнострелковый полк «Крым», отдельный полк «Бергман», 13 отдельных охранных батальонов, 12 саперных батальонов.

В районе Перекопа противник создал на узком участке перешейка, протяженностью до 14 км, глубиной до 35 км, три сильные полосы обороны, занимаемой 50-й пехотной дивизией, четырьмя отдельными батальонами и специальными частями, общей численностью до 20 тыс. человек, 325 орудий и минометов, до 50 танков и штурмовых орудий.

Главная оборонительная полоса, глубиной 4–6 км, имела три оборонительные позиции с траншеями полного профиля, дотами и дзотами. Центром обороны являлся Армянск.

План наступления советский войск на Крым предусматривал удар силами 4-го Украинского фронта от Перекопа и Сиваша и Отдельной Приморской армии с плацдарма севернее Керчи.

На 1 апреля 1944 г. группировка 51-й армии имела в своем боевом составе 96 125 человек, 1415 полевых орудий, 186 зенитных орудий, 862 миномета, 89 танков. При ширине участка прорыва 10 км плотности артиллерии и минометов на километр фронта на участке прорыва составляла 185 стволов и до 9 танков.

Действия армий поддерживала 8-я воздушная армия, имевшая в своем составе 727 самолетов, из них 215 штурмовиков и 147 бомбардировщиков.

19-й танковый корпус с частями усиления имел в своем составе 187 танков, 46 САУ, 14 бронетранспортеров, 31 бронемашину, 154 различных орудия, 57 минометов, 169 мотоциклов, 15 реактивных установок БМ-13. Такими силами корпус мог выполнять задачи большого оперативного масштаба.

2-я гвардейская армия в боевом составе насчитывала 71 912 человек, 1043 полевых орудия, 81 зенитное орудие, 750 минометов, 33 танка, 7 САУ. При ширине участка прорыва 8 км армия имела 150 стволов артиллерии и минометов на километр. Боевые действия армии при прорыве обороны на Перекопе поддерживали ВВС Черноморского флота и частично 8-я воздушная армия. Командующий 2-й гвардейской армией для ускорения

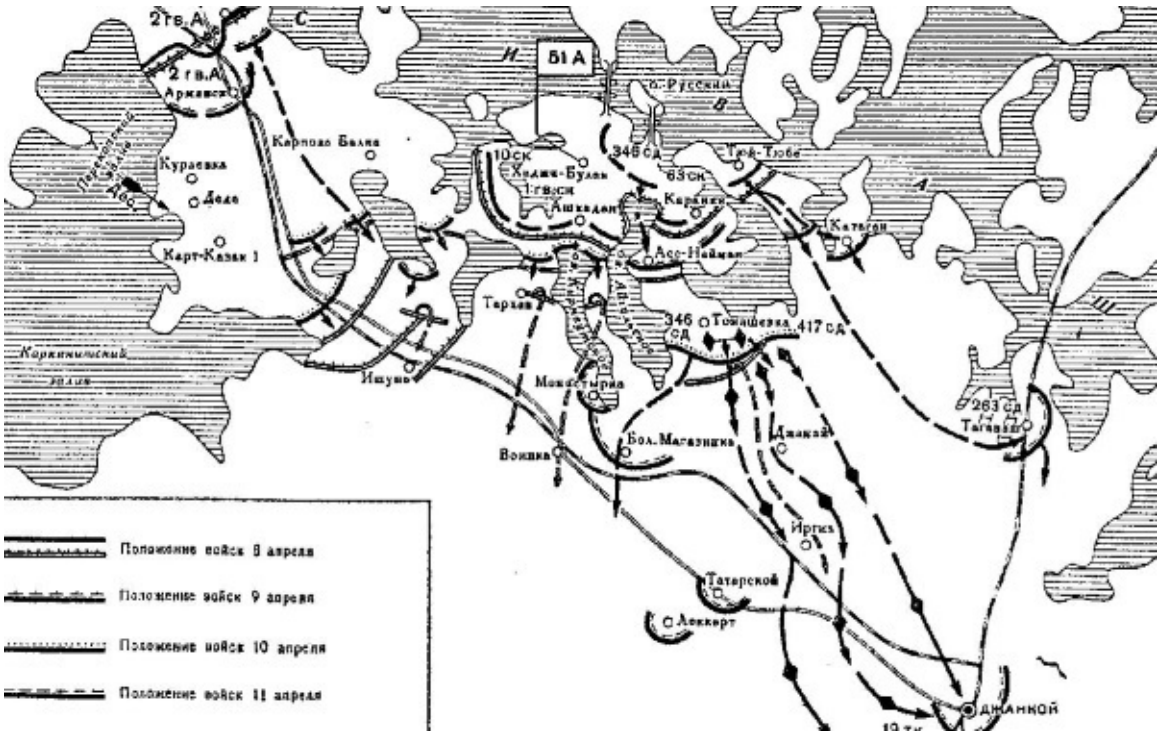
прорыва обороны на Перекопе решил высадить в тыл противника десант в составе усиленного батальона.

Командующий Отдельной Приморской армией избрал участки прорыва: двумя стрелковыми дивизиями – южнее Булганака на фронте 4,5 км, одной дивизией и одним стрелковым полком – севернее Булганака на фронте 3 км, то есть в обход Керчи. В боевом составе армии было 92 367 человек, 961 полевое орудие, 257 зенитных орудий, 824 миномета, 399 различных реактивных установок, 212 танков, 7 САУ. Средняя плотность сил и средств (без учета вторых эшелонов) на километр фронта составляла 6 батальонов, 150 орудий и минометов, 25–30 танков. Боевые действия поддерживала 4-я воздушная армия, имевшая 523 самолета, из них 128 штурмовиков и 143 бомбардировщика.

Главная задача Черноморского флота директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 11 апреля 1944 г. определялась как систематическое нарушение коммуникаций противника на Черном море.

Для уничтожения вражеских судов на ближних подступах к Севастополю привлекались торпедные катера (31 катер), на дальних подступах – подводные лодки (13 подводных лодок) и на всем протяжении коммуникаций противника от Севастополя до Румынии – авиация (от 404 до 430 самолетов).

Крупные надводные корабли для участия в операции по освобождению Крыма «было решено не привлекать». Прошло 60 лет, и мы до сих пор не знаем по фамилиям лиц, которые, боясь потерять устаревшие корабли[254], предпочли заплатить за взятие Крыма десятками тысяч жизней наших солдат.

Наступление войск 2-й гвардейской и 51-й армий 4-го Украинского фронта (8—11 апреля 1944 г.)

8 апреля 1944 г. в 10 ч 30 мин. после мощной артподготовки, продолжавшейся 2,5 часа, войска 2-й гвардейской армии перешли в наступление.

Рано утром 11 апреля танковый корпус генерал-лейтенанта И.Д. Васильева с рубежа южнее Томашевки тремя колоннами вошел в прорыв и через три часа с ходу вступил в бой с гарнизоном, оборонявшим Джанкой. Противник был разбит и к 18 часам отошел к югу. Этим наметился глубокий охват Перекопско-Ишуньс-кой группировки противника.

А войска 2-й гвардейской армии, наступавшей в это время на Перекопском перешейке, также добились успеха. В первый день наступления 3-я гвардейская стрелковая дивизия и 126-я стрелковая дивизия овладели Армянском. К исходу второго дня 2-я гвардейская армия прорвала первую оборонительную полосу, и противник поспешно отошел на Ишуньские позиции.

Высадка десанта (батальон 1271-го стрелкового полка 387-й дивизии) также способствовала успеху советских войск на Перекопском перешейке.

Подвижная группа фронта, которой командовал заместитель командующего 51-й армией генерал-майор В.Н. Разуваев, 12 апреля подошла к Симферополю, но с ходу сломить сопротивление немецкого

гарнизона не удалось. Проведя ночью перегруппировку сил и получив пополнение, подвижная группа утром 13 апреля начала атаку на Симферополь. Через 5 часов город был полностью освобожден.

В связи с успешным наступлением советских войск на Перекопе генерал Енеке отдал приказ 5-му корпусу, защищавшему Керченский полуостров[255], оставить свои позиции и отходить к Севастополю. Узнав об этом, командующий Отдельной Приморской армией генерал А.И. Еременко приказал перейти в наступление.

В 2 часа ночи 11 апреля войска Приморской армии перешли в наступление, и к 8 часам утра наши войска вошли в оставленную немцами Керчь.

Генерал Енеке запросил Ставку о возможности эвакуации. В 14 ч. 15 мин. 12 апреля генерал-лейтенант Хойзингер передал приказ Гитлера, в котором говорилось: «Севастополь удерживать в течение длительного времени, поэтому боевые части не подлежат эвакуации».

13 апреля советские войска заняли Евпаторию и Феодосию. В Карасубазаре соединились войска 51-й и Приморской армий, образовав общий фронт.

Из-за быстрого наступления наших войск 5-й германский корпус двинулся не так, как предусматривал план «Адлер», то есть по дороге Феодосия – Симферополь, а, учитывая обстановку – главными силами из района западнее Старого Крыма на Судак, мелкие части двинулись по прибрежной дороге Феодосия – Судак. Советские партизанские силы в горах Яйла, против которых румынский 1-й горнострелковый корпус без видимого успеха боролся в течение зимы, вопреки опасениям, не представляли серьезной опасности для отходившего 5-го корпуса. Партизаны и плохие дороги лишь немного замедлили отход немцев по дороге Судак – Ялта. Для ускорения отхода часть корпуса (10 тыс. человек) из Судака и Алушты, а также часть войск с открытых участков крутого берега были взяты на борт 1-й десантной флотилии и доставлены в Балаклаву и Севастополь. Советские источники утверждают, что наши Ил-2 потопили между Судаком и Ялтой 7 десантных барж водоизмещением по 350 т. Германские источники этого не подтверждают. Охранение десантной флотилии осуществляла 3-я флотилия артиллерийских барж.

14 апреля передовые части 5-го корпуса вошли в Севастополь, а главные силы находились еще в районе Алушты. Стянутый в Севастополь румынский 1-й горнострелковый корпус сначала занял предусмотренные для 5-го корпуса восточные оборонительные позиции Севастопольского укрепленного района. 14 апреля главные силы группы Конрада в составе

50-й, 336-й пехотных дивизий и части 111-й пехотной дивизии, со всей тяжелой артиллерией корпуса (единственной, которая окажется в Севастополе) заняла оборону в северной части крепости. Перед этим заградотряд коменданта «крепости Севастополь» полковника Бееца при поддержке штурмовой авиации отбил атаку советских танков у Бахчисарая. Это помогло выиграть 12 решающих часов для отхода в крепость.

Румынский кавалерийский корпус, 10-я пехотная дивизия и 4500 человек из румынской 19-й пехотной дивизии почти полностью, если не считать незначительное количество отставших, прибыли в Севастополь.

Следует заметить, что если крымские партизаны особого вреда немцам не наносили, то здорово отыгрались на румынах. Характерный пример: «Партизанам сдался в плен в полном составе 4-й атрдивизион 2-й румынской горнострелковой дивизии. Пленный капитан Теодор Велсану рассказал: «Наш дивизион охранял побережье Черного моря в районе Ускута. Мы позже других узнали о том, что русские прорвали немецкую оборону… Дивизион под командованием майора Ангелеску направился в район, где, по нашим сведениям, действовали партизаны. Подойдя к плато в горах, мы укрылись в лощинах и выслали к партизанам парламентера с белым флагом. Вскоре пришла группа партизан, которой майор Ангелеску передал весь личный состав дивизиона, орудия и боеприпаса»»[256].

Еще 9 апреля генерал Енеке издал приказ об уничтожении различного имущества при отступлении германских войск. Согласно приказу, разрушению подлежали железные дороги. Так же говорилось: «Разрушить гавани, все хозяйственные постройки, уничтожить все имеющиеся потребительские и снабженческие товары, аэродромы, средства связи, чтобы на длительное время не дать противнику использовать полуостров Крым как оперативную базу…

Все железнодорожное имущество, которое будет уже не нужно в Севастополе, уничтожить путем сброса локомотивов и вагонов»[257].

И действительно, у Инкермана немцы сбросили несколько сотен паровозов и вагонов. Эта огромная свалка существовала до 1948 г.

В том же приказе говорилось: «Алкогольные напитки не уничтожать, а оставить русским. Практика показывает, что, когда они захватывают такие трофеи, их наступление замедляется»[258].

Исполняя приказ, фашисты оставили нетронутыми все винные погреба Южного берега Крыма. Однако наши бдительные чекисты сорвали коварный замысел врага. Срочно на базе 95-го ордена Ленина полка НКВД была создана специальная маневренная группа, которая еще до подхода

частей Красной Армии захватили погреба винкомбината «Массандра» и ряд других погребов винсовхозов. Затем «маневренная группа в течение месяца выполняла задачу по охране винных погребов» от частей Приморской армии и партизан[259]. Только в Массандре бойцы НКВД спасли 1 миллион (!) литров высококачественного вина[260].

15 апреля генерал Ф.И. Толбухин поставил войскам 4-го Украинского фронта задачу овладеть Севастополем. В тот же день началась подготовка к передаче Отдельной Приморской армии в состав 4-го Украинского фронта. Поглядеть на штурм Севастополя из Москвы в Крым прибыл маршал Е.К. Ворошилов.

18 апреля по приказу командующего фронтом после, артиллерийской и авиационной подготовки в 16 часов войска фронта начали решительное наступление. На отдельных участках части Отдельной Приморской армии, сломив упорное сопротивление противника, продвинулись на 4–7 км и овладели селами Нижний Чоргунь, Камары, Федюхиными высотами, поселком Кадыковка и городом Балаклава.

Однако в целом штурм закончился неудачно, а войска понесли большие потери. Так, к примеру, на 18 апреля 19-й танковый корпус имел исправными 71 танк и 28 САУ, но на 19 апреля оставалось исправных 30 танков и 11 САУ. С 23 по 29 апреля вокруг осажденного Севастополя шли позиционные бои.

27 апреля генерал-полковник Енеке направил в штаб группы армий телеграмму: «Силы армии настолько малы, что уже вскоре она должна будет занять более узкую полосу обороны на рубеже долина Инкермана южный берег Северной бухты. В течение длительного времени этот фронт удерживать будет невозможно, так как все аэродромы и причалы будут находиться под обстрелом противника. Необходимо эвакуировать людей». В ночь с 27 на 28 апреля Гитлер отклонил ходатайства Енеке.

29 апреля генерал-полковник Енеке в Берхтесгадене был принят Гитлером. В своем докладе Енеке заявил, что 17-я армия больше не имеет возможностей удерживать Севастополь. Гитлер потребовал от него письменно изложить свое мнение о дальнейших возможностях обороны.

1 мая в середине дня начальник управления кадров Сухопутных войск и шеф-адъютант Гитлера генерал-лейтенант Шмундт по телефону сообщил генерал-полковнику Шернеру, что на основании письменного доклада Гитлер считает, что не может больше доверять генерал-полковнику Енеке оборону Севастополя и освобождает его от командования 17-й армией. Новым командующим назначен генерал Альмендингер.

По приказу фюрера с 1 по 12 мая 1944 г. в Севастополь было доставлено из Констанцы два маршевых батальона общей численностью 1300 человек, 15 противотанковых пушек, 10 минометов, 4 тяжелых полевых гаубицы и несколько легких орудий и минометов.

С 29 апреля наши артиллерия и авиация начали систематически разрушать укрепления противника. Авиация фронта, флота и приданная Ставкой авиация дальнего действия до 5 мая совершила 8200 самолето-вылетов.

Главный удар в новом наступлении на Севастополь Толбухин решил нанести на левый фланг силами Приморской армии и 63-го корпуса 51-й армии на участке Сапун-гора – Карань, чтобы выйти к морю западнее Севастополя. Но для введения немцев в заблуждение и чтобы сковать их силы, 5 мая войска 2-й гвардейской армии при мощной поддержке 2-й воздушной армии атаковали противника с севера. Тогда немцы перебросили на это направление часть резервов. А 6 мая частью сил перешла в наступление наша 51-я армия, и в 10 ч 30 мин. 7 мая нанесла главный удар Приморская армия.

На участке обороны немцев у Сапун-горы Толбухин сосредоточил от 205 до 258 стволов артиллерии и минометов на километр фронта. Специально для Севастополя из Резерва Главнокомандования были доставлены несколько десятков 203-мм гаубиц Б-4. Кроме того, из состава гвардейских минометных частей фронта здесь действовало три из четырех гвардейских минометных бригад М-31, восемь из десяти гвардейских минометных полков, три отдельных горно-вьючных дивизиона. Всего по Сапун-горе вели огонь 604 пусковые установки реактивных снарядов М-8, М-13 и М-30.

Серьезную поддержку наступавшим войскам оказывала 8-я воздушная армия, которая произвела 7 мая 2105 самолето-вылетов. К этому времени в составе 8-й армии имелось 1023 самолета, из них 141 бомбардировщик, 134 легких бомбардировщика ПО-3, 461 штурмовик Ил-2. А у немцев в Крыму осталось лишь 10 пикирующих бомбардировщиков Ю-87, 60 истребителей и 20 разведчиков.

По приказу маршала Ворошилова первыми в атаку на Сапун-гору пошли штрафные батальоны (всего не менее 5 тысяч человек). Ни один из них не дошел до вершины. В многочисленных официальных трудах, посвященных взятию Севастополя в 1944 г., нет ни слова о штрафниках. Зато о них часто упоминают в своих воспоминаниях участники штурма – солдаты и младшие офицеры.

Ураганный огонь артиллерии и мужество советских солдат сделали

свое дело – укрепления Сапун-горы были взяты за 9 часов непрерывного штурма.

На второй день штурма, 8 мая, больших успехов достигла 2-я гвардейская армия. Войска 13-го гвардейского и 55-го стрелкового корпусов выбили противника с Мекензиевых гор и к вечеру подошли к Северной бухте. Остатки немецкой 50-й пехотной и румынской 2-й горнострелковой дивизий были отрезаны от главных сил и прижаты к морю.

В этот же день войска 51-й и Приморской армий прорвали главную полосу обороны противника и вышли к внутреннему обводу обороны города.

Еще 22 апреля штаб Адмирала Черного моря[261] и штаб 17-й армии разработали план операции «Леопард» для планомерной эвакуации из крепости Севастополь в течение 14 дней. В соответствии с ним, после эвакуации большей части армии должен был отходить северный фронт обороны, через пять дней после подхода транспортов предполагалось в течение двух суток эвакуировать оставшихся 28 тыс. солдат морем и 4500 человек авиацией.

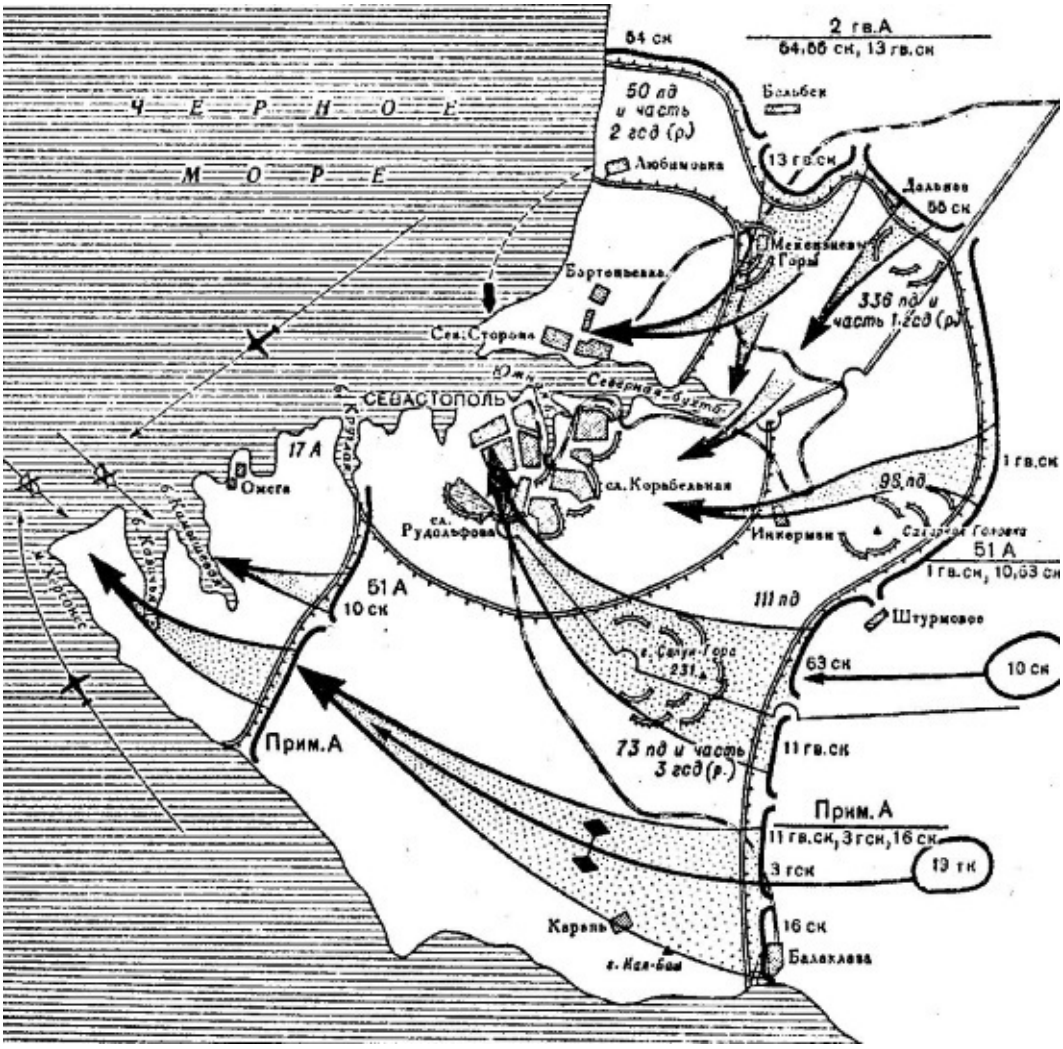
8 мая в 21 час 15 мин. командующий группой армий генерал-полковник Шернер доложил начальнику Генштаба сухопутных войск о катастрофическом положении 17-й армии в Крыму и в 23 часа он получил разрешение Гитлера на эвакуацию. С 23 ч 10 мин. до 23 ч 35 мин. Шернер сообщил об этом приказе начальнику штаба 1-го авиационного корпуса и Адмиралу Черного моря. Отправка подкреплений в Крым отменялась. 9 мая в 2 ч 15 мин. приказ был получен в штабе армии.

Сразу после получения приказа об отходе командование 17-й армии решило отвести все имеющиеся силы на позицию у Николаевки, однако уже в середине того же дня от этого замысла пришлось отказаться, так как советские войска прорвались в город и в порт Севастополь.

Портовые сооружения Севастополя были разрушены группой морских саперов. 1-я десантная флотилия заминировала Северную, Южную и Стрелецкую бухты. Всего была поставлена 71 донная мина.

9 мая остатки немецких войск, неся тяжелые потери, заняли последний херсонесский оборонительный рубеж. Остатки 73-й пехотной дивизии были опрокинуты советскими войсками. Этим была нарушена оборона на южном участке. Севернее немецкие командиры предприняли неудачную контратаку, пытаясь отбить позицию у Николаевки. После этого наступательный порыв немцев окончательно был исчерпан. Позиции 98-й пехотной дивизии, часть которой еще оборонялась у Инкермана, а главные силы контратаковали Сапун-гору, были прорваны. Остатки защищавших

северный сектор 50-й и 336-й пехотных дивизий вынуждены были пробиваться через части противника, начавшие переправляться через Северную бухту.

Освобождение Севастополя (5—12 мая 1944 г.)

9 мая советская артиллерия открыла огонь по аэродрому у мыса Херсонес. Вечером того же дня 13 последних немецких истребителей вылетели на материк. Только транспортные самолеты Ю-52 ночами с 9 на 10и с 10 на 11 мая продолжали садиться на вспомогательных полосах для эвакуации раненых. 50 самолетов Ю-52 в последнюю ночь были сильно перегружены (в каждом перевозилось до 30 раненых), но всего было вывезено до тысячи человек. Самолеты Хе-111 8 мая использовали также любую возможность для вывоза раненых. Всего с 12 мая самолетами на материк было вывезено 21 457 солдат, из них 16 387 раненых. С 4 по 14 мая

самолеты 1-го воздушного корпуса совершили 2342 самолето-вылета. Из них с аэродромов в Севастополе 809 вылетов, с материка в интересах сухопутных войск – 398, для охранения конвоев 803, для морской разведки – 245 и с целью спасения на море – 87 вылетов.

Спасательными германскими самолетами спасено в море 109 человек. Потери самолетов, базировавшихся в Крыму, составили: два самолета подбиты советскими истребителями, один подбит своим зенитным огнем, два разбиты на земле, два пропали без вести. 76 поврежденных самолетов, которые невозможно было вывезти на материк, были уничтожены на аэродроме. Из самолетов, действовавших с материка, два пропали без вести, один сбит советскими ночными истребителями.

После принятия решения об эвакуации, в ночь с 8 на 9 мая внимание всех обратилось в сторону флота. От него теперь зависело спасение или гибель 17-й армии.

С 12 апреля по 8 мая из Крыма в Констанцу и Сулину были перевезены 64 563 солдата, 9424 раненых, 11 358 гражданских лиц и 4260 военнопленных.

К эвакуации своих войск из Крыма немцы привлекли практически все суда и плавсредства, имевшиеся у них на Черном море. Впервые за войну в районе Севастополя активно действовали румынские корабли, включая эсминцы. Ранее же по политическим соображениям Антонеску запрещал им заходить так далеко. (А может, боялся потерять свой флот?) В любом случае в 1941–1943 гг. румынские корабли действовали у своего побережья и лишь иногда сопровождали конвои до Одессы и Николаева, хотя, впрочем, эти города румыны считали своей территорией.

В связи с наступлением советских войск 1-я флотилия торпедных катеров была переведена из Иван-баба (Двуякорной бухты) в Констанцу, однако часть ее продолжала действовать с временных баз в Балаклаве и Севастополе. Ее катера использовались прежде всего для дальнего охранения конвоев и прикрытия транспортных путей. При повторяющихся боевых столкновениях с советскими катерами успеха достигнуто не было, так как после открытия огня противник уклонялся от боя.

В свою очередь 19 апреля советские торпедные катера Г-6, № 313, 331, 332, 343, 344 и 353 перешли из Анапы в Ялту для действий на коммуникациях противника в районе Севастополя.

Боевые действия советских торпедных катеров на вражеских коммуникациях в целом были неудачными. Характерный пример – бой 16 апреля. Цитирую «Хронику…»: «В 4 ч. 00 м. торпедные катера№ 85, 86, 115, 44, 105, 54, 106 (2-й Новороссийской бригады), вышедшие накануне из

бухты Караджа в район Севастополя на поиск противника, направились в базу. Торпедные катера № 85 и 86 в квадрате 4 встретили две большие десантные баржи врага в охранении четырех сторожевых катеров. Торпедный катер № 85 в 4 ч. 25 м. и 4 ч. 30 м. с дистанции 1,5 каб. с двух залпов выпустил по баржам противника две торпеды, но промахнулся. Торпедный катер № 86 (с реактивным вооружением) обстрелял снарядами РС сторожевой катер и повредил его. Катер № 85 получил попадание 37-мм снаряда в рубку. Торпедные катера № 115, 44 и 54, находясь в квадрате 2, на отходе в 4 ч. 32 м. обнаружили вражескую большую десантную баржу в охранении трех сторожевых катеров. Торпедный катер № 115 с дистанции 3 каб. одной торпедой потопил большую десантную баржу. (Подтверждений этому нет. – *А.Ш.)* В 6 ч. 30 м. все группы торпедных катеров возвратились в бухту Караджа»[262].

Ни одно судно противника в этом бою потоплено не было. Что же касается применения реактивных снарядов для стрельбы по морским подвижным целям, то это можно объяснить лишь тем, что наши военморы не заглядывали в «Таблицы стрельбы» снарядов М-8и М-13, а конкретно в раздел, где говорится об огромном рассеивании снарядов[263].

Более удачным могло быть применение реактивных снарядов по береговым целям. Но их наши катера по объектам у Севастополя использовали лишь два раза. Так, 23 апреля два катера выпустили реактивные снаряды по району Константиновской батареи. А 29 апреля торпедный катер № 126 выпустил 24 снаряда М-13 по аэродрому на Херсонесе.

Кроме этого, наши корабли не оказывали никакого огневого воздействия на противника в районе Севастополя. Зато 3-я немецкая флотилия артиллерийских барж применялась близ Севастополя для обстрела советских позиций на северном фронте обороны.

30-я флотилия германских подводных лодок (шесть лодок II серии) с 30 июня 1943 г. по 16 января 1944 г. потопила два танкера – «Эмба» и «Валян Куторы» – и шхуну «Тонанс». А в конце апреля – начале мая германские подводные лодки ожидали у Поти, Батуми и Туапсе выхода в море советских кораблей, но, увы, никто из них идти к берегам Крыма не собирался. За неимением лучшего одна из лодок – U-9 – атаковала конвой, шедший из Сухуми в Туапсе. Выпущенная ею акустическая самонаводящаяся торпеда поразила корму сторожевого корабля «Шторм». Корабль разломился надвое, кормовая часть утонула, а носовую удалось отбуксировать в порт Туапсе.

В полночь с 9 на 10 мая командующий 17-й армией генерал Альмендингер и его начальник штаба генерал-майор Ксилендер сели на торпедный катер S-51 и покинули Крым. Командование войсками на Херсонесском плацдарме принял командир 49-го армейского корпуса генерал Хартман.

В течение 10 мая советские войска продолжали атаки херсонесской позиции. Немцам с трудом удалось их отбить. Усилились огонь советской артиллерии и налеты авиации. Большая часть мест для погрузки была расположена в Казачьей и Камышовой бухтах. Поскольку эти пункты находились в центре позиции, они очень хорошо подходили для главных погрузочных пунктов. Большие транспорты, которые сами не могли подойти к пристаням, должны были становиться у входа в бухты, а погрузка на них должна была осуществляться с паромов 770-го саперно-десантного полка. Причалы защищали легкие и тяжелые зенитные батареи 9-й зенитно-артиллерийской дивизии.

Можно представить, какая катастрофа произошла бы, появись в этот момент у Херсонеса хоть несколько советских эсминцев, я уж не говорю о крейсерах, ведь германской авиации в Крыму уже не существовало. А пока бомбардировщики долетят из Румынии, да плюс 466 истребителей советской 8-й воздушной армии, базировавшиеся на близлежащих аэродромах Крыма. Но, увы, увы… Адмирал Октябрьский по-прежнему «бережет флот».

10 мая около 2 часов ночи в район Херсонеса прибыли первые германские транспорты «Тотила» и «Тея». Они стали в 2 милях севернее мыса, где попали под сильный артиллерийский огонь и налеты авиации. Из-за обстрела пароходы не могли подойти ближе к берегу, что очень замедлило погрузку. Она проводилась с 4 часов до 7 ч. 30 мин. с помощью катеров и шлюпок. «Тея» приняла на борт от 4800 до 5000 человек, «Тотила» – около 4000 человек. В 5 ч. 45 мин. «Тотила» была повреждена во время налета тремя бомбами, загорелась и около 8 часов затонула. Подошедший на помощь катерный тральщик R-209 в 11 ч. 30 мин. доложил о гибели корабля. Уходившая тем временем на юго-запад в сопровождении катерных тральщиков R-164 и R-35 «Тея» после попадания бомб и торпеды с торпедоносца была настолько сильно повреждена, что в 15 часов затонула в 23 милях юго-западнее Херсонеса. Тральщики смогли спасти около 400 человек и пришли в Констанцу в 11 часов 11 мая. Большая часть эвакуированных солдат (около 8 тысяч) утонула.

10 мая на Херсонес транспортами «Тебен», «Хельга» и «Данубиус» было доставлено большое количество боеприпасов. В тех обстоятельствах

они уже не могли попасть на передний край. Из 40 т боеприпасов организованно были выгружены только 7 т.

В ночь с 10 на 11 мая эвакуация немцев могла осуществляться лишь в ограниченных объемах, поскольку ожидаемые корабли еще не прибыли. 11 мая на полуострове Херсонес находилось еще около 20 тысяч человек, а 10 числа докладывали о 35 тысячах. 10 мая из-за шторма удалось эвакуировать лишь небольшое количество людей, если принимать во внимание большие потери на суше и на море.

11 мая в 2 часа ночи конвой с транспортами «Овидия» и «Романия» (3150 брт) подошел к Херсонесу. Снова погрузка натолкнулась на большие трудности, так как саперных паромов и шлюпок не оказалось на месте. Они были разбиты за сутки до этого, или ушли с конвоем «Патриа» на запад. Большая десантная баржа и лоцманский катер SW-12 занялись перевозкой. Тем временем «Романию» атаковали советские самолеты. В судно попало несколько бомб, оно горело почти сутки и затонуло 12 мая. Несколько сотен немецких солдат удалось принять лишь кораблям охранения.

В 5 часов утра танкер «Фредерик» («Фируз»), входивший в конвой «Флиге», торпедировала советская подводная лодка Л-4, и он был вынужден на буксире кораблей охранения вернуться в Констанцу. Только из-за этой потери возможности конвоя снизились на 10 тысяч человек. Но это был единственный крупный успех семи советских подводных лодок, если не считать пуски торпед по кораблям, уже тонувшим от попаданий авиабомб.

К концу дня 12 мая большая часть германских войск на мысе Херсонес во главе с командиром 73-й пехотной дивизии генерал-майором Беме сдалась в плен.

В ночь с 12 на 13 мая с херсонесского побережья и с подручных плавсредств торпедными катерами были подобраны еще 83 человека. В последующие две ночи немецкие катера предприняли еще два поиска, оказавшихся безуспешными. Сражение 17-й армии за Крым было закончено.

13 мая в 17 ч 10 мин. командование группы армий доложило Ставке первые численные результаты: 3 мая в районе Севастополя находились 64 700 человек. С 3 по 8 мая было вывезено 3200 человек, 10–13 мая в Констанцу прибыло 19 тыс. человек, 13 мая в 12 часов еще 2500 человек были в море. В тот же день в Сулину прибыли 700 человек. С 3 по 13 мая самолетами было эвакуировано 300 человек, в то же время на материк прибыло 150 человек, которые не были зарегистрированы. Из подчиненных морскому коменданту Крыма и других подразделений флота с 3 по 13 мая

прибыли 850 человек. Всего – 26 700 человек, из них 10 000 раненых. Судьба еще 38 000 человек была неизвестна. Они либо утонули, были убиты или пропали без вести.

После окончательного подсчета количество убитых и пропавших без вести в Крыму в период с 8 по 13 мая составило всего 57 500 человек (31 700 немцев и 25 800 румын). С начала боев 5 мая на материк было доставлено 37 500 человек (из них 32 000 немцев и 5500 румын). За три последние ночи эвакуации с 9 на 10, с10 на 11, с 11на 12 мая были доставлены из Херсонеса в Констанцу 25 697 солдат и 6011 раненых. Кроме этого, были эвакуированы еще 8100 человек, которые погибли при переходе морем.

Всего с начала эвакуации 12 апреля из 230 тыс. человек 17-й армии на материк немецким и румынским флотом было вывезено 130 тыс. человек, за то же время самолетами люфтваффе было вывезено еще 21 457 солдат. Из указанного командующим 17-й армией числа 57 500 убитых и пропавших без вести судьба не менее чем 20 тыс. человек осталась невыясненной.

Я привел немецкие данные. По данным же «Сообщения Советского Информбюро об итогах Крымской наступательной операции Красной Армии» от 12 мая 1944 г., «в ходе боев по разгрому севастопольского плацдарма противника и очищению мыса Херсонес нашими войсками за период с 7 по 12 мая уничтожено: танков и самоходных орудий – 49, самолетов – 87, орудий разных – 308, минометов – 331, пулеметов – 620, автомашин – 564, складов разных – 24.

Противник потерял только убитыми более 20 000 солдат и офицеров.

Захвачены нашими войсками: танков и самоходных орудий – 48, самолетов – 49, орудий разных – 1228, минометов – 721 пулеметов – 4859, винтовок и автоматов – 46 041, автомашин – 4173, лошадей – 710, складов разных 123, паровозов – 25, эшелонов с военной техникой – 14 и отдельно вагонов с разным военным имуществом – 540.

Взяты в плен 24 361 солдат и офицер, в том числе командир

5-го армейского корпуса генерал-лейтенант Беме, командир 111-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Грюнер и несколько полковников.

Всего за период Крымской кампании с 8 апреля по 12 мая нашими войсками… взяты в плен 61 587 солдат и офицеров…

Нашей авиацией и кораблями Черноморского флота с 8 апреля по 12 мая потоплено с войсками и военными грузами противника: транспортов – 69, больших десантных барж – 56, сторожевых кораблей – 2, канонерских лодок – 2, тральщиков – 3, сторожевых катеров – 27 и других судов – 32.

Всего потоплено за это время 191 судно разного тоннажа»[264].

По германским же данным были потеряны плавбаза «Румыния»; малые охотники за подводными лодками № 2313, 2314, 104; большая десантная баржа № 132; плавбатареи № 3106, 3111, 10, 01, 20, а также торговые суда.

В 2 ч. 30 мин. 12 мая последний крупный конвой покинул акваторию Херсонеса. Пароход «Тисса» на пути в Констанцу получил повреждения от попадания бомбы и его взял на буксир тральщик R-196. Пароход «Дуростор» затонул в 16 часов после попаданий бомб и торпеды подводной лодки А-5. UJ-310, поврежденный артиллерийским огнем, затонул. Находившиеся на месте 10 больших десантных барж оставались у пристаней и после 2 ч 30 мин. до полной загрузки. Они продолжали находиться в распоряжении морского коменданта. Им была дана команда взять на борт как можно больше человек (до 700 вместо 250 по инструкции, а некоторые даже до 1100 человек) и идти на запад.

По «послеперестроечному» изданию «Гриф секретности снят» в Крымской наступательной операции с 8 апреля по 12 мая 1944 г. участвовали 30 стрелковых дивизий, один танковый корпус, три танковые и две стрелковые бригады и два укрепрайона, общей численностью 462 400 человек[265]. В ходе операции безвозвратные потери составили 17 754 человека, а санитарные – 67 065 человек.

Как видим, наши и германские данные существенно разнятся. Тут следует заметить, что если в отношении вражеских кораблей и плавсредств наши адмиралы врали безбожно, то с потерями сухопутных войск явно проводились «хитрые манипуляции». Видимо, потери убитыми намного превышают 17 тысяч человек, особенно если к ним прибавить потери штрафников, полков НКВД, партизан, летчиков и т. д.

Раздел IV
Как русский Крым оказался за границей

Глава 1
Возрождение Крыма и Черноморского флота

В 1944 г. Красная Армия заняла разоренный полуостров. К примеру, население города Севастополя к 20 мая 1944 г. составляло 10 786 человек. Однако немедленно началось восстановление города, и к 1 февраля 1945 г. население города увеличилось до 41 004 человек, то есть почти в 4 раза. За это время восстановлено 97 761 кв. м жилого фонда и 33 400 кв. м нежилого фонда, запущено четыре водопровода, введены в строй две электростанции общей мощностью 450 кВт. 23 марта 1945 г. открыто автобусное сообщение Севастополь – Симферополь.

Уже в конце 1944 г. в Севастополе был создан трест «Севастопольстрой», численность сотрудников которого вскоре достигла 32 тыс. человек.

Вся страна помогала Севастополю восстать из руин. Так, моряки Северного флота собрали 30,5 млн рублей, колхозники Дагестана – 415 тыс. рублей; из Владивостока прислали две передвижные электростанции.

30 апреля 1946 г. Совет министров РСФСР постановлением N293 утвердил генеральный план Севастополя, разработанный архитектурной мастерской Министерства вооруженных сил СССР под руководством профессора Бархина. В генплане констатировалось: «Город Севастополь восстанавливается как главная военно-морская база Черноморского флота – закрытый город».

26 ноября 1947 г. с учетом генерального плана города министр Вооруженных Сил СССР Булганин приказом № 090 утвердил задание на восстановление в целом главной базы Черноморского флота – Севастополя. Масштабы восстановительных работ потребовали рассмотрения вопроса высших органов власти СССР. Постановление требовало ускорить восстановление Севастополя, как первоклассной военно-морской крепости.

В связи с особым статусом Севастополя постановление предписывало выделить город Севастополь в число городов республиканского подчинения. Это уже решение от 27 ноября 1948 г., объявленное приказом Главкома ВМС СССР № 00158. На практике с этого времени решение Крымского облисполкома не распространялись на территорию Севастополя – главной базы Черноморского флота.

В августе 1948 г. Севастополь посетили И.В. Сталин, А.Н. Косыгин, Н.А. Вознесенский и другие руководители партии и правительства

Советского Союза. В том же году было решено завершить возрождение города к 1954 г. Однако фактически восстановление города удалось завершить лишь в 1957 г.

Восстанавливались и другие города полуострова.

К началу 1947 г. количество жителей Керчи достигло уже половины довоенного уровня и составляло 51,5 тыс. человек. Шло активное восстановление основных предприятий города – железорудного комбината, коксохимического и металлургического заводов, судостроительной верфи, рыбозаводов, холодильников, бондарного завода, моторно-рыболовной станции и др.

За годы оккупации сельскому хозяйству Крыма был нанесен страшный урон. Больше всего пострадали предприятия водного хозяйства и машинотракторные станции (МТС). Из 1778 сооружений водоснабжения было приведено в негодность 1211. Площадь орошаемых земель сократилась с 9676 до 5062 гектаров. В МТС из 3293 тракторов осталось 1386, в большинстве своем неисправных. Сильно пострадала одна из ведущих отраслей сельского хозяйства Крыма – виноградарство, площадь виноградников сократилась почти на 700 гектаров.

Еще до окончания войны в Крым для нужд сельского хозяйства было доставлено 200 новых тракторов (это притом, что у нас еще не вся артиллерия была переведена на мехтягу). Колхозам Крыма из соседних областей передано 18,8 тыс. голов крупного рогатого скота, 34 тыс. овец и коз, 2900 лошадей.

В связи с тем, что русское население Крыма было в значительной степени уничтожено немцами и татарами, а позже татары были выселены из Крыма, из Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской, Курской и Тамбовской областей к 1 декабря 1944 г. было переселено 17 040 семей, в том числе в горные и предгорные районы 14 940 семей. Всего около 65 тыс. человек. Для скорейшего возрождения народного хозяйства полуострова рекомендовалось переселять семьи, имевшие не менее двух трудоспособных членов, знакомых с сельскохозяйственным трудом.

Переселенцы получали ссуду на обзаведение хозяйством. Им выделяли пустовавшие жилые и хозяйственные постройки, а также приусадебные участки. Новоселы Крыма могли по государственным ценам приобрести нужное им количество голов скота.

Однако не все переселенцы приживались на новом месте. Многие предпочитали вернуться в пусть разрушенные войной, но родные места и занятья привычным для себя сельхозработами – хлебопашеством, картофелеводством. И поэтому к началу 1946 г. из Крыма уехали 1615

семей, а к концу 1947 г. на новых землях прижились только 56 % от переселившихся семей, то есть 8917 семей.

В первые же месяцы в Севастополь вернулась знаменитая Панорама обороны Севастополя художника Ф.А. Рубо. В Феодосию была возвращена эвакуированная осенью 1941 г. в Ереван галерея Айвазовского.

К 25 марта 1945 г. уже нормально функционировали санаторий «Пролетарский» на 300 коек, клинический стационар института им. Сеченова на 45 коек, санаторий «Пионер» в Евпатории на 130 коек, Всесоюзная детская здравница «Артек» на 500 коек.

Восстановлением и капитальным строительством здравниц в Крыму занимался «Крымстрой», который восстанавливал Симферополь, Керчь, Феодосию, Ялту. Восстановление крупных городов и курортов шло фактически по единому плану. В 1946 г. на строительство выделялось: Керчи – 24,59 млн руб., Феодосии – 5,81 млн руб., Симферополю – 4.99 млн руб. и Евпатории – 2,98 млн руб.

В 1950 г. санатории и дома отдыха Крыма насчитывали 18 419 мест, что было на 11 тысяч меньше довоенного уровня (29 560 мест).

К началу 1944 г. на Черном море в эксплуатации находилось всего двадцать транспортных судов общей грузоподъемностью 60 тыс. тонн. Летом-осенью 1944 г. Черноморский флот возвратил гражданским пароходствам 23 мобилизованных судна общей грузоподъемностью 20 тыс. тонн. Одновременно судоремонтные заводы и мастерские ремонтировали и вводили в строй все суда, способные перевозить грузы, восстановление которых считалось целесообразным. Также поднимались и вводились в строй затопленные во время войны суда. И на 1 января 1945 г. на Черном море было уже 55 судов грузоподъемностью 114 тыс. тонн, что способствовало увеличению грузоперевозок и возрождению Крыма.

В первые 15 послевоенных лет отечественные верфи были до предела загружены строительством военных и транспортных судов, до пассажирских лайнеров руки не доходили. Поэтому правительство отправило на Черное море ряд пассажирских судов, полученных по репарациям. Среди них были германские пассажирские суда «Иван Сусанин» («Рюген»), «Орион» («Фригга»), «Адмирал Нахимов» («Берлин»), «Победа» («Иберия»), «Россия» («Патриа»), «Петр Великий» («Дуалс») и «Абхазия».

В ГДР к 1955 г. было достроен лайнер «Мариенбург», названные «Ленсоветом», а с 1962 г. переименованный в «Абхазию».

По репарации от румын был получен лайнер «Бессарабия», переименованный в «Украину», а у поляков в 1950 г. был куплен лайнер

«Ян Собесский», переименованный в «Грузию».

Лишь в 1959–1961 гг. в Николаеве была построена серия пассажирских теплоходов вместимостью 250 человек. Головной из них – «Киргизстан» – ушел на Каспий, а большинство теплоходов этой серии служили на Черном море. В 1963–1965 гг. на Черноморский флот пришли лайнеры «Аджария» и «Армения», построенные в ГДР.

Эти суда совершали пассажирские и туристические рейсы по Средиземному морю, а с 1962 г. – и на Кубу, однако большей частью они плавали в Черном море. Наиболее популярной линией была Одесса – Батуми. В советское время поехать в круиз по Средиземному морю могли не многие, в основном партаппаратчики, деятели искусств, спортсмены и т. д. Но проехать на рейсовом или туристическом теплоходе по Черному морю мог позволить себе любой человек среднего достатка. Говорю не понаслышке. В 1950– 1970-х годах моя мама (простой инженер) регулярно плавала на «России», «Победе» и «Грузии». Я сам ездил на рейсовых теплоходах «Молдавия» и «Колхида» (типа «Киргизстан»), а в 1990 г. мы с женой поехали в круиз Одесса – Батуми на теплоходе «Армения». Увы, с 1991 г. таких рейсов более нет и пока не предвидится.

После войны Крым вновь стал для всего советского народа огромной здравницей. Но над Крымом нависла угроза агрессии блока НАТО, в которую США втянули наших южных соседей – Турцию и Грецию. Опять, вроде бы, газетный штамп советских времен. Но давайте подумаем, что было бы, если бы Турция вступила в военный союз, направленный против России, с каким-либо европейским государством при «проклятом царизме»? Да для любого русского монарха, начиная с матушки Екатерины, это был бы «казус белли». Немедленно русский флот появился бы у Босфора, а русские армии двинулись к Дунаю и Арзеруму. Это стерпел только Сталин.

В 1958–1960 гг. США разместили баллистические ракеты «Юпитер» и «Тор» на территории Италии и Турции, откуда они вполне могли достать до Москвы. Говорят, что Хрущев пришел в ярость, когда кто-то пошутил, сказав, что один из «Юпитеров», дислоцированных в Турции, направлен на его дачу. Странная логика у наших «демократов». Размещение Хрущевым ракет на Кубе они считают авантюрой, а вот «Юпитеры» и «Торы» в Турции – это так, невинные шуточки янки.

В результате соглашения между Хрущевым и Кеннеди в обмен на вывод с Кубы советских баллистических ракет и бомбардировщиков Ил-28 американцы официально пообещали не нападать на Кубу. А по просьбе Кеннеди, страстно желавшего «сохранить лицо» перед очередными

президентскими выборами, вывод ракет «Юпитер» и «Тор» из Европы и Турции прошел в первой половине 1963 г. без особой огласки.

У советского правительства не было иного выхода, как сделать Крым большой военной базой. Причем за редким исключением это не мешало отдыху миллионов людей, подавляющее большинство которых и не предполагали, что где-то за мысом или сзади за горами расположены военно-морские и ракетные базы.

После освобождения Крыма там почти в полном составе осталась Приморская армия. Первое время она находилась в подчинении Одесского военного округа. А в июне 1945 г. на базе Приморской и 22-й армий был создан Таврический военный округ со штабом в Симферополе. Территория военного округа, помимо Крыма, охватывала Запорожскую и Херсонскую области.

Кроме стрелковых соединений в составе войск округа имелась сформированная на базе 126-й Горловской стрелковой дивизии 28-я Горловская механизированная дивизия, дислоцированная в Симферополе.

В июне 1956 г. территория и войска Таврического военного округа были переданы в подчинение Одесского военного округа. В 1957 г. 28-я Горловская механизированная дивизия и стрелковые соединения переформировывались в мотострелковые дивизии. Войска, дислоцированные в Крыму, объединялись управлением 32-го армейского корпуса.

В 1970—1980-е годы в состав 32-го армейского корпуса входили 126-я Горловская и 157-я мотострелковые дивизии. 1 декабря 1989 г. 126-я дивизия была исключена из состава 32-го армейского корпуса и передана в подчинение Черноморского флота как 126-я Горловская дивизия береговой обороны. 157-я мотострелковая дивизия была преобразована в базу хранения военной техники № 5378.

После 9 сентября 1944 г. моряков Черноморского флота ждали долгие месяцы боевого траления немецких, а в основном своих собственны мин. Траление миноопасных районов окончательно завершилось лишь в 1964 г.

Уже к 1 января 1954 г. в составе Черноморского флота находились линкоры «Севастополь» и «Новороссийск», крейсера «Ворошилов», «Молотов», «Керчь», «Фрунзе», «Куйбышев», «Дзержинский», «Адмирал Нахимов» и «Михаил Кутузов», а также 186 боевых кораблей и катеров специального назначения. В авиации флота насчитывалось 86 боевых реактивных самолетов типа Ил-28,25 боевых реактивных самолетов типа Ту-14, истребительная авиация в составе 245 боевых реактивных самолетов типа МиГ-17, 88 боевых реактивных самолетов типа МиГ-15. Наземные

средства ПВО включали в себя 100-мм артиллерийских орудий – 144, 85-мм орудий – 70, 57-мм орудий – 24, 40-мм и 37-мм орудий – 106.

В 1956 г. на Черноморский флот стали поступать реактивные ракетоносцы Ту-16, носители крылатых ракет «Комета» типа «самолет-корабль», вертолеты типа «Ми» и корабельные вертолеты Ка-15. В 1958 г. с заводов Николаева поступили первые ракетные корабли с крылатыми ракетами КСЩ, вошли в состав флота ракетные подводные лодки проекта 644 с крылатыми ракетами, на корабли и береговые части ПВО флота поступили зенитные ракетные комплексы «Волна». В середине 1960-х годов на флот стали поступать большие противолодочные корабли проекта 61. В феврале 1968 г. был принят противолодочный крейсер «Москва», а в 1969 г. – противолодочный крейсер «Ленинград».

По международному соглашению с Албанией летом 1958 г. четыре подводные лодки проекта 613 и плавбаза подводных лодок «Немчинов» перешли с Балтийского флота в албанский залив Влёра, где у удобной бухте Паши-Лиман был оборудован пункт базирования со всех необходимой для подводных сил береговой инфраструктурой. Через полгода во Влёре разместились 12 подводных лодок и две плавбазы – «Немчинов» и «Виктор Котельников». Директивой Начальника штаба Черноморского флота от 27 октября 1958 г. эти лодки были объединены в 40-ю отдельную бригаду, оперативно подчиненную командующему Черноморским флотом.

Перебазирование наших подводных лодок в Средиземное море производилось по возможности скрытно. Но в декабре 1959 г. разразился грандиозный скандал. Президент США Д. Эйзенхаурер решил прокатиться по Средиземному морю на тяжелом крейсере «Де Мойн». Крейсер шел в Тунисском заливе внутри авианосного ордера. И вдруг почти у самого борта «Де Мойна» поднялся перископ. Командование соединения охватила паника. Американские эсминцы кинулись преследовать лодку.

В. Козлову, командиру подводной лодки С-360 (проекта 613) удалось оторваться от янки лишь на третьи сутки и в положенное время вернуться на базу во Влёру.

Нарушение подводной лодкой С-360 скрытности стало предметом разбирательства у Главкома ВМФ. Командиру светило снятие с должности. Хотя он, собственно, и не был виноват. Время для сеансов связи с подводными лодками устанавливало начальство и, замечу, часто выбирало его безграмотно. Вот Козлов и вышел на связь в положенное время в Тунисском заливе. Спас капитана сам Хрущев. Он по «иным» каналам знал об испуге американского командования и самого Эйзенхаурера и велел не только не наказывать, но и наградить подводников.

Из-за ухудшения отношений между СССР и Албанией в июне 1961 г. база во Влёре была ликвидирована, а 40-я бригада подводных лодок расформирована.

В 1960 г. в Черное море по внутренним водным путям перешли две подводные лодки проекта 644, каждая из которых несла по две крылатые ракеты П-5. При нормальных условиях (+20 °С) дальность стрельбы их составляла 574 км, а средняя скорость 345 м/с. Для того времени это было достаточно эффективное оружие. Ракеты П-5, запущенные у нейтральных вод Черного моря, могли поразить любой объект на территории Турции, а поразить Стамбул – даже стреляя из своих баз в Балаклаве и Севастополе.

Первые две подводные лодки проекта 644 – С-46 и С-69 – были введены в состав 155-й бригады подводных лодок в ноябре 1960 г. и стали базироваться на Балаклаву. Их габариты позволяли входить в канал объекта К-825[266].

Несколько позже на Черное море по внутренним водным путям прибыли дизельные подводные лодки – носители ракет П-5: С-158 и С-162 (проекта 644), С-164 (проекта 665), Б-67 и Б-318 (проекта 651).

Все ракетные лодки в 1960—1980-х годах не реже, чем один раз в год, проводили ракетные стрельбы. Так, в 1980 г. подводная лодка С-158 произвела двухракетный залп по квадрату 4 х 4 км[267] в западной части Черного моря, в центре которого был установлен деревянный щит. При этом одна ракета П-5Д попала внутрь квадрата, а другая упала рядом со щитом.

Следует заметить, что в ракете П-5Д за счет применения высокоточного радиовысотомера РВ-5М удалось снизить высоту полета ракеты с 400 м (у первых образцов П-5) до 250 м, что с учетом сверхзвуковой скорости и малого полетного времени (10–20 минут), затрудняло ее перехват. Мощность специальной боевой части у ракеты П-5 составляла 200 килотонн, а позже была доведена до 650 килотонн.

Замечу, что в 1970-х годах использование этих лодок и ракет П-5 в Атлантике по территории США уже не имела шансов на успех, но в Черном море в условиях подавляющего господства советского флота и авиации ракеты П-5 продолжали оставаться эффективным оружием даже в 1980-х годах.

Кстати, ракетные подводные лодки базировались на Балаклаву и ни разу не выходили в Средиземное море. Там действовали ракетные лодки Северного и Балтийского флотов.

В 1964 г. в ВМФ СССР было введено понятие «боевая служба», и

черноморские лодки начали выполнять соответствующие задачи в Черном море. Ракетным подводным лодкам нарезался район боевого патрулирования, где они маневрировали, находясь в суточной готовности к ракетной стрельбе по береговым объектам с получением приказания. А управление ракетными подводными лодками осуществлялось непосредственно Генеральным штабом. Лодки перед сеансом связи 10–12 часов находились на постоянном курсе, затем всплывали на перископную глубину на сеанс связи и определение своего места. И так до следующего сеанса связи.

Торпедным лодкам нарезались районы поиска, как правило, находящиеся на удалении не менее 17 миль от турецкого берега. Почему именно столько? СССР определил свои территориальные воды шириной 12 миль. По принципу взаимности мы принимали турецкие территориальные воды также шириной 12 миль, хотя фактически они составляли 6 миль. Дополнительно к 12 милям добавлялись 5 миль на ошибку в знании своего места. На флоте эти 5 миль называли «главкомовской поправкой». Нарезались районы зарядки аккумуляторных батарей вне районов поиска или же зарядку производили в обследованной части района поиска на максимальном удалении от берега.

Если в 1964 г. боевую службу в Черном море выполняли три подводные лодки, то впоследствии их количество постоянно росло. В 1969 г. Черноморскому флоту была поставлена задача: «Осуществлять боевое патрулирование в Черном море одной ракетной подводной лодкой в суточной готовности к нанесению удара и одной торпедной. Периодически, исходя из обстановки на театре, вести наблюдение у пролива Босфор лодками, надводными кораблями во взаимодействии с ВМФ Народной Республики Болгария».

30 марта 1967 г. была сформирована 14-я дивизия подводных лодок в составе 153-й, 155-й, 27-й бригад и 381-го дивизиона подводных лодок. Управление дивизии находилось в Балаклаве.

14-я дивизия подводных лодок представляла собой крупное флотское соединение, подчиняющееся непосредственно командующему Черноморским флотом. Она базировалась в трех военноморских базах Крыма, имела в своем составе 47 подводных лодок, из них больших 1, средних – 34, малых – 12. Суммарный торпедный залп дивизии по морским и береговым целям – более 400 торпед, ракетный залп – 6 крылатых ракет П-5Д. Миноподъемность дивизии – около 400 мин.

5 июня 1967 г. Израиль внезапно напал на Египет. Началась знаменитая «шестидневная война», в ходе которой израильская армия

наголову разгромила армии Египта, Сирии и Иордании. Евреи оккупировали Синайский полуостров, сектор Газа, Голанские высоты и Западный берег реки Иордан общей площадью 68,5 тыс. кв. км.

К началу войны на Средиземном море находилось 7 боевых кораблей, включая крейсер «Слава»[268], эсминец «Настойчивый» и пять вспомогательных судов[269]. Позже адмирал флота И.М. Капитанец, находившийся на «Настойчивом», рассказывал: «2 июня мы стали на якорь у острова Мальта в районе Ла-Валетты. Только собрались немного отоспаться, половить рыбу, вдруг из Главного штаба шифровка: “Возможна угроза воздушного нападения! Корабль привести в полную боевую готовность, организовать оборону рейдовой стоянки… Пакет №… вскрыть!”»[270].

Еще перед началом боевых действий на Средиземном море с Черноморского флота были направлены крейсера «Дзержинский» и «Кутузов». Среди моряков ходили слухи, что в период кризиса на борт крейсера «Слава» были приняты снаряды с ядерной боевой частью. Подтвердить или опровергнуть эту информацию я не могу, хотя склоняюсь к тому, что все-таки снаряды были. Во всяком случае, доподлинно известно, что из Севастополя был направлен специальный транспорт со снарядами для крейсера «Слава». «Перегрузка снарядов в рейдовых условиях в районе острова Крит потребовала больших усилий для личного состава корабля и транспорта»[271]. Видимо, на этом транспорте и были доставлены специальных снаряды. Иначе зачем гонять транспорт? На крейсере что, отсутствовал боекомплект? Ведь «Слава» в Средиземном море учебных стрельб не вел!

Советские артиллерийские крейсера неотступно следовали за авианосцами 6-го флота «Америка» и «Саротога». Как рассказывали моряки, в случае подготовке к взлету большой группы штурмовиков, крейсера должны были расстрелять авианосцы. Кроме того, наши корабли обеспечивали морские перевозки из Черного моря от острова Крит до портов Египта. Защита осуществлялась патрулированием боевых кораблей на двух рубежах, а транспорты с особо ценным грузом и боевой техникой конвоировались одним-двумя боевыми кораблями.

14 июня 1967 г. в Египет для «моральной поддержки» перелетела эскадрилья бомбардировщиков Ту-16.

В середине июня в Москве приняли решение сформировать на Средиземном море 5-ю оперативную эскадру. Официально она была создана 14 июля 1967 г. Первым флагманским кораблем эскадры стал

крейсер «Дзержинский». С этого времени и вплоть до распада СССР в составе нашей эскадры в Средиземном море находилось от 30 до 50 надводных кораблей.

Как писал Г.Г. Костев, «задача эскадры заключалась в наблюдении за американским флотом в районе его маневрирования. За каждым американским авианосцем непосредственное слежение выполнял одни надводный корабль. Дизельные подводные лодки по своим возможностям следить за авианосцами не могли, лишь фиксировали факт прохода авианосцев через определенный район, на котором подводные лодки были развернуты в завесе (по три-четыре единицы). Главная же задача дизельных подводных лодок из состава 5-й ОПЭСК заключалась в выявлении районов нахождения американских ракетных подводных лодок в зоне Средиземного моря с целью определить их реальную угрозу для территории СССР с южного направления для последующего определения путей по ее ослаблению в районе, где традиционно господствовал флот НАТО»[272].

В ночь с 9 на 10 октября 1969 г. египетские эсминцы проекта 30 бис «Насер» и «Домьетта», на борту которых находились советские специалисты, во взаимодействии с ракетными и торпедными катерами, береговой артиллерией и при поддержке авиации подвергли обстрелу израильские позиции в районах Румани и Эль-Балузы, где были сосредоточены военная техника, склады топлива и боеприпасов. После успешного выполнения задачи, в ходе которой большинство из этих объектов, а также механизированная бригада израильтян, были уничтожены, командир бригады эсминцев и командиры кораблей были удостоены высшей награды Египта. Остальных участников операции наградили специально учрежденными офицерскими и матросскими медалями.

Что же касается советских участников операции, то по возвращении на родину (в 1970 г.) двое из них получили орден Красной Звезды, один – медаль «За боевые заслуги», три советника были удостоены награды «За мужество и смелость при выполнении задания правительства СССР».

6 октября 1973 г. началась новая арабо-израильская война. На сей раз зачинщиками оказались арабы. Египетским войскам поначалу удалось форсировать Суэцкий канал и продвинуться на 15–25 км в глубь Синайского полуострова. Однако 15 октября израильские войска перешли в контрнаступление. На следующий день израильтяне прорвались к Большому Горькому озеру, а затем переправились через него на западный берег Суэцкого канала. В ночь на 19 октября израильские войска

форсировали канал севернее Большого Горького озера. Израильтянам удалось рассечь 2-ю и 3-ю египетские армии, занявшие оборону на восточном берегу канала.

Часть прорвавшихся израильских войск двинулась на запад к Каиру, а часть – на юг к Суэцу.

22 октября Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 388, в которой призывал воюющие стороны не позже чем через 12 часов с момента принятия этой резолюции прекратить военные действия, оставив войска на занимаемых ими позициях. В 19 ч. 52 мин. того же дня египетское командование отдало войскам приказ о прекращении военных действий.

Израиль также принял резолюцию ООН, но его войска продолжали наступать, нанося главный удар на Суэц. В бой была введена воздушно-десантная бригада. Во второй половине дня 23 октября израильские войска подошли к Суэцу и попытались с ходу овладеть им, но удар этот был отражен египтянами. Хотя израильским войскам и не удалось занять Суэц, 3-я египетская армия оказалась в окружении. 24 и 25 октября израильские войска продолжали атаковать Суэц и прорвались на его окраины. Часть сил повела наступление на юг и продвинулась на 25 км. К исходу 25 октября израильские войска на западном берегу Суэцкого канала захватили плацдарм 100 км по фронту и 30 км в глубину.

24 и 25 октября израильские морские десанты овладели Айн-Сухио и Рас-Абу-Дараг (в 40 и 65 км южнее Суэца).

К началу войны в составе 6-го флота США было около 140 боевых кораблей и вспомогательных судов. К 30 сентября 1973 г. в Средиземном море на боевой службе находились: ракетный крейсер «Грозный», большие противолодочные корабли «Скорый», «Проворный», «Красный Кавказ», эскадренные миноносцы «Пламенный», «Напористый», четыре сторожевых корабля, два тральщика, два средних десантных корабля с ротой морской пехоты на борту, а также 23 атомные и дизельные подводные лодки.

Через несколько дней число наших боевых кораблей было доведено до 34. Среди них был прибывший 5 октября крейсер «Дзержинский», а также восемь десантных кораблей: «Воронежский Комсомолец», «Крымский Комсомолец», БДК-104, СДК-37, СДК-82, СДК-83, СДК-137 и СДК-164.

В тот момент, когда перед израильскими танковыми колоннами открылся прямой путь на египетскую столицу, в стране началась паника. Президент Садат обратился к СССР и США с просьбой совместно или раздельно прислать воинские контингенты в Египет, чтобы остановить

наступление израильтян. Москва пошла навстречу Садату. Было заявлено, что если американцы откажутся от совместной акции, то «мы будем действовать сами».

В советском Генштабе в срочном порядке началась отработка варианта высадки в Порт-Саиде «демонстративного десанта» советской морской пехоты. Но парадокс заключался в том, как вспоминает бывший сотрудник оперативного управления Главного штаба ВМФ капитан 1 ранга В. Заборский, что морских пехотинцев в составе 5-й эскадры не было – полк морской пехоты еще только готовился в Севастополе для переброски в Средиземное море. Тогда главнокомандующий ВМФ приказал сформировать на каждом корабле 1 и 2 ранга по роте (взводу) добровольцев-десант-ников из числа экипажей и приготовить корабли и плавсредства для десантирования личного состава. Лишь в последний момент данный приказ был отменен.

Советские военные корабли постоянно сопровождали американские авианосцы. Орудия и ракеты с обеих сторон были расчехлены и наведены на корабли противника. На наших больших противолодочных кораблях проекта 61 было решено использовать по американским кораблям даже зенитные ракеты комплекса М-1 «Волна».

11—12 октября израильские ракетные катера совершили несколько нападений на сирийские порты Тартус и Латакия. 12 октября израильским ракетным катерам удалось потопить (а по другим сведениям серьезно повредить) в порту Тартус советское торговое судно «Илья Мечников», прибывшее 5 октября. При атаке израильскими самолетами советских торговых судов, заходивших в порт Латакия, морской тральщик «Рулевой» и средний десантный корабль СДК-37 открыли огонь из зенитных автоматов. На третьем заходе метким огнем комендоров «Рулевого» был сбит истребитель американского производства типа «Фантом»[273].

24 октября советское руководство предупредило «о самых тяжелых последствиях», которые ожидают Израиль в случае его «агрессивных действий против Египта и Сирии». Л.И. Брежнев послал президенту Р. Никсону срочную телеграмму, в которой заверил американскую сторону, что в случае ее пассивности по урегулированию кризиса СССР столкнется с необходимостью «срочно рассмотреть вопрос о том, что бы предпринять необходимые односторонние шаги». В тот же день в СССР была объявлена повышенная боеготовность семи дивизий воздушно-десантных войск. Советские подводные лодки – носители ракет П-6 получили приказ нанести ракетный удар по городам Израиля.

В ответ США привели в состояние повышенной боеготовности

межконтинентальные баллистические ракеты и стратегическую авиацию. Одновременно израильские войска прекратили все боевые действия. 25 октября состояние повышенной боеготовности в советских дивизиях и американских стратегических ядерных силах было отменено. Кризис был преодолен.

Как в 1967 г., так и в 1973 г. решительные действия советских надводных кораблей исключили не только участие в боевых действиях американской палубной авиации, но и даже массированный ее взлет с палуб авианосцев хотя бы для демонстраций.

В 1968 г. американское правительство разрешило кораблям 6-го флота, находившимся в Средиземном море, уничтожать советские подводные лодки, обнаруженные и не всплывшие в радиусе 100 миль от американских кораблей. Надо ли говорить, что такое решение противоречило Женевской конвенции 1958 г. о свободе мореплавания и другим международным соглашениям.

24 ноября 1968 г. газета «Правда» опубликовала заявление советского правительства: «Советский Союз как черноморская, следовательно, средиземноморская держава осуществляет свое бесспорное право на присутствие в этом регионе. Советские военные корабли находятся в Средиземном море не для того, чтобы создавать угрозу какому-либо народу или государству. Их задача – содействовать делу стабильности и мира в регионе Средиземного моря». В статье содержалась скрытая угроза ответного применения оружия. Американцы вынуждены были пойти на попятную и отказались от проведения подобных пиратских акций. До 1991 г. в Средиземном море постоянно несли службу два-три десятка подводных лодок Черноморского, Балтийского и Северного флотов.

Из года в год росла боевая мощь Черноморского флота. В июле 1966 г. на базе кораблей охраны водного района была сформирована 197-я бригада десантных кораблей. Она включала: дивизионы средних десантных кораблей, малых десантных кораблей и катеров, дивизион эскадренных миноносцев, а с апреля 1971 г. и дивизион больших десантных кораблей проекта 1171, которые по своим тактико-техническим данным являлись лучшими в мире из класса десантных кораблей.

В середине 1960-х годов с поступлением на Черноморский флот береговых ракетных систем береговая оборона переименовывается в береговые ракетно-артиллерийские войска, а с появлением на флоте в 1966 г. батальона морской пехоты – в БРАВ и МП. 15 декабря 1967 г. на базе батальона морской пехоты был сформирован полк.

В начале 1970-х годов в ВВС Черноморского флота поступил новый

сверхзвуковой ракетоносец Ту-22М, способный нести три ракеты и действовать на расстоянии до 2000 км в восточной части Средиземного поря. В середине 1980-х годов в ВВС поступил штурмовой авиационный полк, на вооружении которого находился истребитель-бомбардировщик Су-17.

С 1985 г. после перелета экипажей разведывательного полка ВВС Черноморского флота в Сирию на аэродром начались регулярные вылеты на боевую службу в Средиземное море самолетов Ту-16р с задачей воздушной разведки и выявления районов действия авианосных соединений и корабельных группировок ВМС стран НАТО.

Улучшалась и ПВО баз флота. Так, с 1980-х годов главную базу Севастополь защищал подчиненный флоту 1096-й зенитно-ракетный полк, оснащенный комплексом С-300П.

В 1984 г. в районе Севастополя были введены особые меры секретности. 27 марта 1984 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 261—71, в соответствии с которым в пределах территории Севастополя устанавливалась пограничная зона, въезд в которую с 15 июня 1984 г. начал осуществляться по пропускам.

Но для Балаклавы режим закрытого города действовал и ранее, только теперь для выполнения этого постановления командование 14-й дивизии подводных лодок и военная комендатура Балаклавы еще более усилила пропускной режим. Его осуществлением руководил командир дивизии как начальник гарнизона. Ему подчинялась военная комендатура города, которую возглавлял майор Н. Завезун. На двух КПП при въезде в Балаклаву неслось круглосуточное дежурство личным составом гарнизона совместно с милицией. У каждого въезжающего в Балаклаву гражданина проверялись документы, для жителей Балаклавы основанием для поездок был штамп в паспорте с балаклавской пропиской, для остальных – официальный документ местных властей, не возражающих против въезда гражданина в Балаклаву, с указанием цели и сроков действия данного разрешения. Пропускная система была такова, что простой житель Севастополя не мог свободно въехать в Балаклаву, хотя она и являлась частью города Севастополь – центром одного из его районов.

По состоянию на 1 января 1986 г. Черноморский флот в своем составе имел 303 боевых корабля и подводных лодок, в том числе две ракетные и 40 дизельных подводных лодок, 25 ракетно-артиллерийских кораблей, 66 противолодочных кораблей, 38 миннотральных кораблей, 19 десантных кораблей, 36 кораблей специального назначения и 78 боевых катеров.

В составе ВВС флота насчитывалось 330 летательных аппаратов, в том

числе три полка морской ракетоносной авиации (76 самолетов), три полка противолодочной авиации (21 самолет и 107 вертолетов), полк разведывательной авиации (32 самолета), полк транспортной авиации (20 самолетов) и 20 самолетов специального назначения.

По численности Черноморский флот превосходил в полтора раза турецкие военно-морские силы, а по боевым возможностям – в два с половиной раза, что обеспечивало его господство на Черном море.

В начале 1987 г. американцы нанесли массированные ракетно-бомбовые удары по Ливии. Они попытались убить и президента Ливии М. Каддафи, однако в разрушенном дворце погибла лишь дочь президента.

А далее я процитирую официальное издание командования Черноморского флота: «Советский Союз выступил на защиту неправомерно пострадавшей страны, для чего в заливе Сидра были выставлены корабельные дозоры из состава сил Средиземноморской эскадры, а на подходах к нему патрулировали подводные лодки с тем, что незамеченным не пропустить прорыв кораблей 6-го флота и авиации к побережью Ливии с целью нанесения ударов с моря и воздуха. Корабли эскадры были приведены в боевую готовность и сосредоточены вблизи залива Сидра. Инцидент был исчерпан, попыток нанесения повторных ударов не предпринималось»[274].

Детали операции до сих пор закрыты. Известно лишь, что в ходе учений «Подготовка и ведение боевых действий по уничтожению авианосных групп противника в ходе первой операции флота с применением обычного и ядерного оружия», проведенных в Средиземном море, участвовали 9 подводных лодок, включая одну атомную, 64 надводных корабля, 21 судно обеспечения, проведено 228 самолето– и 211 вертолетовылетов от ВВС Черноморского флота. Кроме того, в учениях участвовала воздушная армия Верховного главнокомандования и т. п. Тогда мы еще не были «банановой республикой».

Корабли Черноморского флота в 1980-х годах регулярно обеспечивали безопасность отечественного судоходства в «горячих точках» Мирового океана. Так, например, в 1987 г. два малых противолодочных корабля МПК-127 и три морских тральщика были отправлены в Персидский залив для конвоирования советских судов. Тральщик «Курский Комсомолец» провел 14 конвоев из 27 судов, шесть раз тральщик длительное время непосредственно находился в Персидском заливе, проводил суда и ожидал их возвращения на границе территориальных вод Кувейта или у берегов Бахрейна, Эмиратов или Катара. Самое длительное пребывание в отрыве от плавбазы при автономности корабля 15 суток составило 23 суток (с 31

июля по 22 августа), а самой сложной задачей было провождение судов ГИУ ГКЭС (Главного инженерного управления Государственного комитета по экономическим связям). Попросту говоря, это были суда, перевозившие наше оружие в Ирак.

14 мая 1990 г. при конвоировании танкера «Интернационал» в 4 часа утра, после ставшего тогда уже традиционным обстрела реактивными снарядами с острова Шума, на конвой, следуя тактике «волчья стая», напали четыре эритрейских катера. Открыв огонь из артиллерийских установок и крупнокалиберных пулеметов, сепаратисты приблизились к нашему кораблю с кормовых углов на дистанцию до 1–5 кабельтов, а морской тральщик «Разведчик» содрогался от попаданий в корпус и огня собственных орудий. Получил ранение стоявший на мостике за крупнокалиберным пулеметом старшина 2 статьи Игорь Швец, его сменил лейтенант Дмитрий Самохвалов. Огнем кормовой артустановки, которой управлял от визирной колонки старшина 1 статьи Александр Невзрачный, прямым попаданием был взорван один из катеров противника. Остальные спешно повернули назад и ушли за остров.

За период боевой службы морской тральщик «Разведчик» осуществил 29 проводок за тралом и конвоирование 52 гражданских судов. Из них 11 конвоев проводились под обстрелом реактивных установок с занятых эритрейцами островов.

19 октября 1990 г. МПК-118 «Комсомолец Молдавии» конвоировал конвой в составе двух больших десантных кораблей, танкера «Щекена» и морского тральщика «Парован» Тихоокеанского флота. В 14 ч. 30 мин. конвой был обстрелян береговыми батареями С.О. Асарка – Северная и мыса Кароли. По головному МПК-118 было выпущено около шести снарядов и трех неуправляемых ракет типа «Град». МПК-118 немедленно ответил огнем 76-мм автоматической артустановки АК-176. Участок побережья, где располагались батареи противника, «словно растворился в огненно-дымных клубах. Еще немного, и огромный взрыв береговой батареи и склада боеприпасов поставил точку в этом быстротечном бою». С тех пор сепаратисты ни разу не рискнули связываться с «Комсомольцем Молдавии». За период боевой службы МПК-118 провел более 30 конвоев, обеспечивая охрану советских судов.

Морской тральщик «Разведчик» в ноябре 1991 г. выполнил задачи по охране советских рыболовецких судов в районах промысла в Атлантическом океане у берегов Западной Сахары. Приняв тревожный сигнал от траулеров «Ауинек» и «Домодедово», тральщик бросился вызволять их из плена четырех марокканских сторожевых кораблей.

Совершив рискованный маневр, «Разведчик» оттеснил марокканцев и течение восьми часов уводил траулеры под прицелом орудий четырех марокканских кораблей, пока те не отстали. За мужество и отвагу экипаж «Разведчик» впервые был награжден вымпелом Министерства обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть, проявленную на учениях и в морских походах»[275].

Я рассказал лишь о нескольких повседневных эпизодах службы Черноморских моряков – мирной или боевой – пусть каждый называет ее как хочет. Разумеется, обеспечением безопасности нашего государства занимался не только Черноморский флот. То же самое делали моряки Балтийского, Северного и Тихоокеанского флотов. Были и боевые стрельбы по американским самолетам, были тараны американских надводных кораблей и подводных лодок. Наши летчики в 1947–1991 гг. сбили несколько десятков вражеских самолетов и, увы, потеряли несколько десятков своих[276].

Но, к сожалению, обо всем этом молчал мощнейший аппарат советской пропаганды. Геронтократы Брежнев, Андропов, Черненко и К° предпочитали говорить о мире, дружбе, Хельсинских договорах и т. д. В результате не только диссиденты, но и значительная часть населения начала возмущаться, зачем нам в эпоху разрядки нужны такие большие армия и флот.

В заключение главы я хотел бы вернуться в 1944 г. и рассказать о событиях, о которых до 1989 г. нельзя было и упоминать.

После освобождения Крыма органы госбезопасности провели переселение крымских татар в Узбекскую ССР. Вопрос этот сейчас весьма деликатный, и я полностью процитирую следующий документ:

«Государственный Комитет Обороны товарищу Сталину И. В.

10 мая 1944 г.

Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента.

По состоянию на 7 мая с. г. арестовано таких лиц 5381 человек.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет и большое количество гранат и винтовочных патронов…

Из частей Красной Армии к 1944 г. дезертировали свыше 20 тыс. татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием

в руках боролись против Красной Армии…

Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работах как в сельском хозяйстве – колхозах, совхозах, так и в промышленности и на строительстве.

Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсуповым.

По предварительным данным, в настоящее время в Крыму насчитывается 140–160 тыс. татарского населения. Операция по выселению будет начата 20–21 мая и закончена 1-го июня. Представляю при этом проект постановления Государственного Комитета Обороны, прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия»[277].

Согласно Постановлению Комитета Обороны, было предложено: «Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (тов. Берию) выселение крымских татар закончить до 1 июня 1944 г.

Установить следующий порядок и условия выселения:

Разрешить спецпоселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

<…>

Обязать НКПС (тов. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с

НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР. Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных.

Наркомздраву СССР (тов. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпоселенцев в пути.

Наркомторгу СССР (тов. Любимову) обеспечить все эшелоны со

спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком. Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты…

<…>

Обязать секретаря ЦК КП (б) Узбекистана тов. Юсупова. обеспечить наделение прибывающих спецпоселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами.

<…>

Обязать Сельхозбанк (тов. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

Обязать Наркомзаг СССР (тов. Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня – августа с. г. ежемесячно равными количествами… Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня – августа с. г. производить бесплатно, в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот»[278].

2 апреля и 11 мая 1944 г. Государственный комитет обороны принял постановления № 5943сс и № 5859сс о выселении крымских татар из Крымской АССР в Узбекскую ССР.

Операция была проведена быстро и решительно. Выселение началось 18 мая, а уже 20 мая Серов и Кобулов докладывали:

«Телеграмма на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии

20 мая 1944 г.

Настоящим докладываем, что начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая с. г. операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая, в 16 часов. Выселено всего 180 014 чел., погружено в 67 эшелонов, из которых 63 эшелона численностью 173 287 чел. отправлены к местам назначения, остальные 4 эшелона будут также отправлены сегодня.

Кроме того, райвоенкомы Крыма мобилизовали 6000 татар призывного возраста, которые по нарядам Главупраформа Красной Армии направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев.

Из числа направляемых по Вашему указанию в распоряжение треста “Московуголь” 8000 человек спецконтингента 5000 чел. также составляют татары.

Таким образом, из Крымской АССР вывезено 191.044 лиц татарской национальности.

В ходе выселения татар арестовано антисоветских элементов 1137 чел., а всего за время операции – 5989 чел.

Изъято оружия в ходе выселения: минометов – 10, пулеметов – 173, автоматов – 192, винтовок – 2650, боеприпасов – 46 603 шт.

Всего за время операции изъято: минометов – 49, пулеметов – 622, автоматов – 724, винтовок – 9888 и боепатронов – 326 887 шт.

При проведении операции никаких эксцессов не имело места.

Серов, Кобулов»[279].

Не следует забывать, что ни в мае 1944 г., ни в последующие два года никто не мог гарантировать, что война между СССР и союзниками с одной стороны и Германией с другой не перерастет в войну между союзниками и СССР. Англия и США сосредоточили в мае 1944 г. огромный флот в Средиземном море, и нетрудно сообразить, что в случае начала войны с СССР он бы оказался в Черном море. Мог ли Сталин в такой ситуации оставлять крымских татар, столько раз наносивших удар в спину России? В мае 1944 г. у крымских татар было изъято оружие, достаточное для стрелковой дивизии военного времени (без артиллерийского полка). А сколько еще оружия было спрятано в разного типа схронах? Ведь только наивные люди могли хранить его дома. А войскам НКВД в ходе депортации было не до поисков оружия.

С 70-х годов XX века татарские националисты и их сторонники среди «либеральной интеллигенции» постоянно нагнетают вопрос о «депортации крымского татарского народа», «геноциде» оного народа и т. д. и т. п.

Спору нет, Сталин, (а именно он несет ответственность за переселение татар, Берия, Серов и др. были лишь исполнителями его воли) безусловно, очень сурово поступил с крымскими татарами.

Но к чему нагнетать истерию и заниматься словоблудием? Начнем с того, что такое депортация. Ни в одном русском (до 1917 г.) и советском (до 1991 г.) официальном документе такого слова просто нет. Раскроем «Словарь иностранных слов», изданный в Москве в 1979 г. Там говорится: «Депортация – высылка из государства как уголовное или административное наказание». Вопрос: из какого в какое государство выселяли крымских татар? Из СССР в СССР. Как любил говаривать кот Бегемот: «Поздравляю вас совравши».

Теперь что такое геноцид? Это истребление или существенно уменьшения числа людей данной национальности. Давайте считать: выселено, арестовано и мобилизовано в Красную Армию в мае 1944 г. менее 200 тысяч крымских татар. А вот в 1991 г. хотело вернуться в Крым

по разным данным от 2 до 5 миллионов (!) людей, считающих себя крымскими татарами. Замечу при этом, что с XV века по 1941 г. численность татарского населения в Крыму была относительно стабильной. Так что если говорить о численности татарского населения, то Сталин учинил не геноцид, а демографический взрыв, невозможный, если бы татары остались в Крыму.

Нелишне отметить, что совсем не все крымские татары были выселены в Узбекистан. Так, по данным Влады Селиной «От статуса спецпоселенец освобождались и участники крымского подполья, действовавшие в тылу врага, члены их семей. Так, была освобождена семья С.С. Усеинова, который в период оккупации Крыма находился в Симферополе, состоял с декабря 1942 г. по март 1943 г. членом подпольной патриотической группы, затем был арестован гитлеровцами и расстрелян. Членам семьи было разрешено проживание в Симферополе».

Крымские татары – фронтовики сразу же обращались с просьбой освободить от спецпоселений их родственников. Такие обращения направляли зам. командира 2-й авиационной эскадрильи 1-го истребительного авиационного полка Высшей офицерской школы воздушного боя капитан Э.У. Чалбаш, майор бронетанковых войск Х. Чалбаш и многие другие… Зачастую просьбы такого характера удовлетворялись, в частности, семье Э. Чалбаша разрешили проживание в Херсонской области.

Освобождались от выселения и татарские женщины, вышедшие замуж за русских».

Позже из Крыма были принудительно выселены болгары, армяне и греки.

В отличие от татар крымские греки не участвовали в фашистских вооруженных формированиях и не уничтожали русское население полуострова. Тем не менее 29 мая 1944 г. Берия обратился к Сталину с предложением выселить из Крыма греков. Греков в Крыму на этот момент насчитывалось 14 300 человек. Берия докладывал Сталину: «Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т. д… НКВД считает целесообразным провести выселение с территории Крыма всех болгар, греков, армян».

При этом следует заметить, что НКВД не тронуло приазовских греков.

Большинство греков, переселившихся в Россию в конце XVIII – начале XIX века, занимались торговлей, за это их потомки поплатились в 1944 г.

Увы, наши власти постоянно действуют с русским размахом. При Сталине заодно с бандитами преступно были репрессированы и невиновные, а позже столь же преступно наряду с невиновными были реабилитированы многочисленные государственные преступники. Одно дело, участие в вооруженных формированиях, действовавших на стороне немцев и уничтожавших военнопленных и мирных жителей, а другое – торговля помидорами, вином и нижним бельем, чтобы спасти от голодной смерти свои семьи.

Глава 2
Распад Черноморского флота

В 1991 г. произошел распад СССР. Рассмотрение событий, происходивших в ходе встречи президентов России, Украины и Белоруссии в Беловежской Пуще, выходит за рамки работы. Я лишь скажу, что эти персонажи заботились исключительно о своих интересах, а не о благе народа. Административные границы вдруг обратились в государственные. Правительство Ельцина практически забыло о Черноморском флоте.

Не хочется останавливаться на фарсе, разыгранном Раисой и Михаилом Горбачевыми в Форосе, но стоит упомянуть о маленьком, но характерном инциденте: «сладкая парочка» в красках расписывала перед журналистами морскую блокаду их дачи (объект «Заря») в августе 1991 г. На самом деле эту блокаду осуществляли буксиры, которые вели плавкран ПК-103 030 из Поти в Севастополь со скоростью 2–3 узла[280].

Чтобы избежать обвинений в предвзятости, обращусь к достаточно авторитетному источнику – книге «Штаб Российского Черноморского флота», изданной в Симферополе в 2002 г. Книга написана авторским коллективом в составе двух адмиралов и пяти капитанов 1 ранга под общей редакцией командующего Черноморским флотом Российской Федерации адмирала В.П. Комоедова. Цитирую: «Руководители и властные структуры бывших союзных республик в сложной и довольно запутанной обстановке развала Вооруженных Сил поступили по-разному. Прибалтийские республики потребовали вывести флот и войска Советской Армии вместе с запасами и вооружением. Другие страны запасы оставили себе, а части и соединения ВС СССР постепенно вытеснили со своей территории. Совершенно по-другому, по-своему поступила Украина, которая объявила объединения, соединения и части Советской Армии своими. Все, что дислоцировалось на ее территории, объявлялось собственностью Украины, т. е. приватизировались не только инфраструктура, вооружение и запасы, но и люди. Особая роль в перечне упомянутых группировок ВС принадлежала Черноморскому флоту России.

Надо отдать должное натиску и прозорливости киевских политиков – в отличие от российских, которые задолго до этих событий проделали большую подготовительную работу, позволившую в целом действовать эффективно и результативно. В результате в относительно короткий срок

Киев сумел оторвать группировку от ВС бывшего СССР. В Киеве были срочно приняты соответствующие законодательные акты, а на их реализацию направлены все структуры: законодательная, исполнительная, правовые и идеологические. На бумаге был наработан социальный пакет гарантий.

В этой работе Украина определила всех. А Россия, увы, спала, никто эти процессы не анализировал, последствия не прогнозировал. Свою законодательную базу Россия не нарабатывала, и только потом, вдруг вспомнив о ядерной кнопке, в Кремле что-то начали делать. Но все делалось непрофессионально, более того, примитивно, и в конечном счете пошло в ущерб России.

Сегодня со всей очевидностью ясно, что все происходящее было вовсе не случайное явление. За видимым внешним хаосом не вполне управляемых, на первый взгляд, явлений и событий четко просматривалось главное: стратегия Запада, заключающаяся в лишении России – наследницы Советского Союза – статуса великой державы, изменения сложившегося баланса двухполярного мира в свою пользу и превращения планеты в вотчину одного единственного и безраздельного хозяина – США. Сейчас можно констатировать, что задуманное за океаном после окончания второй мировой войны стало реальностью. В настоящее время процесс перешел в стадию вытеснения России из ее исторически сложившихся районов влияния и интересов. Россия лишилась пояса безопасности, втянута в продолжение гонки обычных вооружений, ее ядерный щит дезорганизован. Недальновидные политики России не смогли правильно оценить правильность решений, принятых в Беловежской пуще…

…На юге Россия оказалась отброшенной к рубежам, с которых когда-то начиналась ее борьба за выход в Черное море. Ни одна война за 300 лет истории отечественного флота не приводила к таким безвозвратным потерям, в том числе и в системе управления военно-морскими силами»[281].

К августу 1991 г. Черноморский флот имел 1300 с лишним соединений, частей и подразделений, 500 самолетов, более 100 кораблей, более 70 тысяч человек личного состава, в том числе 2 тысячи морских пехотинцев, и имел операционную зону, включавшую Черное, Азовское и Средиземное моря и часть Атлантического океана.

Соединения и части флота, судостроительные и судоремонтные заводы, а также объекты тыла размещались в Болгарии, Измаиле, Одессе, Николаеве, Очакове, в Крыму, на Кавказском побережье до Поти включительно. Приданные полки авиации и авиация флота базировались в

Молдавии, на юге Украины и на Северном

Кавказе. Специальная авиация находилась в Каспийске. Таким образом, силы Черноморского флота базировались на территории пяти союзных республик. В Молдавии базировалась флотская истребительная авиация со штабом в Тирасполе. В ее составе имелось два полка: один в Маркулештах в Молдавии (32 боевых и 4 учебных самолета), а второй – в Лиманском на Украине (также 32 боевых и 4 учебных самолета). В первых числах декабря 1991 г. один полк МиГ-29 истребительной авиадивизии приватизировала Молдова, а второй – Украина.

9 декабря 1991 г. при подведении итогов в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР Ельцин заявил, что «по Черноморскому флоту вопросов нет, договоримся. Все будет нормально». А на следующий день, 10 декабря, состоялось совещание командующих Киевского, Одесского и Прикарпатского военными округами, командующих воздушными армиями, командующего Черноморским флотом и ряда других военачальников. Президент Украины Кравчук, присутствовавший на совещании, заявил: «Большой флот Украине не нужен, нужен такой маленький», и объявил себя Главнокомандующим Вооруженными силами Украины. На совещании был зачитан указ, в котором говорилось, что все три округа и Черноморский флот подчиняются не только президенту Украины, и предлагалось подумать, как принимать украинскую присягу.

30 декабря в Минске на встрече глав государств Содружества были подписаны соглашения по стратегическим силам, о Вооруженных Силах и пограничных войсках. Черноморский флот был отнесен к силам, решающим задачи в интересах всего Содружества.

«Несмотря на всю остроту ситуации, в которую попадал Черноморский флот, Москва молчала. Оттуда не поступало ни разъяснений, ни распоряжений. Флот попал в полный вакуум. А Киев в это время продолжал свое давление на Крым, Севастополь, Черноморский флот, его базы и гарнизоны. 2–3 января на совещании в Киеве по военным вопросам начался процесс, названный как «разрешение судьбы Черноморского флота».

Украинские власти определили однозначно: сначала 30 декабря, а затем с 3 января 1992 года в частях Вооруженных Сил бывшего СССР, дислоцирующихся на ее территории, начать прием присяги на верность народу Украины. 5 января в Киеве на встрече делегации РФ во главе с С. Шахраем принято решение формировать

ВМС Украины за счет части сил ЧФ. А в этот же день, 5 января 1992 года, не дожидаясь этого решения, войска, дислоцированные в Украине,

начали принимать присягу.

Исходя из того, что Черноморский флот находится на территории пяти бывших союзных республик и на нем служат представители 46 национальностей, а политического решения у руководства России и указания от Главнокомандующего ВС СНГ и ГК ВМФ, которому ЧФ подчиняется, до сих пор нет, командующий ЧФ адмирал И.В. Касатонов отказался выполнять распоряжение Президента Украины и приводить флот к присяге[282].

19 января 1992 г. в Севастополь прибыли группы народных депутатов Российской Федерации, которые заявили о недопустимости раздела Черноморского флота. А 27 января на Черноморский флот явился лично Ельцин. Во время посещения крейсера «Москва» он заявил: «Будем подписывать соглашение с Украиной, но Севастополь не отдадим. Вам надо стоять».

6 января было принято постановление парламента России N2293—1 «О единстве Черноморского флота».

14 февраля на встрече глав государств СНГ в Минске при подписании документов по военным вопросам президент Украины Кравчук заявил: «Мы имеем право создать свой флот на базе части сил Черноморского флота. Мы никогда не заявляли, что хотим присвоить весь Черноморский флот».

В связи с отсутствием финансирования Черноморский флот был вынужден оставить свои базы за рубежом. С июля 1977 г. по сентябрь 1992 г. управление дивизиона судов обеспечения находилось в порту Тартус (Сирия) и руководило тыловым и материально-техническим обеспечением сил флота в Средиземном море. А в 1992 г. управление дивизиона судов обеспечения и вспомогательные суда были возвращены из Тартуса в Севастополь.

Тяжелые испытания выпали на долю экипажей судов, базировавшихся в конце 1991 г. – начале 1992 г. в базе Поти. Город Поти несколько раз на длительные сроки блокировался с суши то одной, то другой противоборствующими бандами грузин. Все запасы доставлялись в Поти морем из Севастополя и Феодосии, а заработная плата гражданскому персоналу и денежное довольствие военнослужащим – на торпедном катере Т-304 из банка Новороссийска.

Каждую ночь небо в Поти рассекалось трассирующими пулями, зачастую перестрелки не прекращались и днем. Бандитские группировки денно и нощно грабили склады и квартиры, совершали разбойничьи нападения на военнослужащих и гражданских лиц. Весной 1992 г. войска

так называемого Госсовета дважды штурмовали город с применением тяжелой артиллерии и танков.

И военнослужащие, и гражданские терялись в догадках из-за неопределенности дальнейшего существования соединения на территории Грузии, неясности перспектив вывода войск на территорию Российской Федерации. Длительное время правительство Российской Федерации и Главком ВМФ не могли принять какое-либо политическое решение, а эмиссары вновь создаваемых Военно-морских сил Грузии вели пропаганду о переходе кораблей и судов под юрисдикцию Грузии. Не отставали от них и украинские агитаторы, предлагавшие перейти под юрисдикцию Украины. Но позиция экипажей боевых кораблей бригады охраны водного района и судов обеспечения была однозначной – служить только России. Неоднократные обращения во все инстанции, включая президента РФ Ельцина, не давали никаких результатов. И тогда в апреле 1992 г. на кораблях и судах бригады взвились Андреевские флаги.

В июле 1992 г. наконец-то было принято решение о передислокации бригады со всеми структурными подразделениями из порта Поти в порт Новороссийск. Но из-за неготовности инфраструктуры Новороссийска к приему кораблей, судов, штабов, личного состава, техники и запасов материальных средств начало перехода судов постоянно откладывалось. Переход состоялся лишь в декабре 1992 г. в условиях жестокого шторма.

Из Поти были выведены:

– боевых кораблей и катеров – 18, в Поти оставлено 2 десантных катера;

– морских судов различного назначения – 3, в Поти оставлено 6.

Грузии были также оставлены 9 вертолетов и аэродром «Мерия» со всей инфраструктурой.

«Оставшиеся в Грузии корабли, суда, вертолеты, вооружение, имущество, хранилища, учебный центр и инфраструктура оцениваются на сумму порядка 110 млн. долларов США»[283].

Летом 1993 г. ситуация на Черноморском побережье Абхазии и Грузии крайне обострилась. Поэтому 14 июня к берегам Грузии с миротворческой миссией отправился отряд кораблей Черноморского флота в составе двух больших десантных кораблей, сторожевого корабля «Пытливый», морских тральщиков «Разведчик», «Снайпер», спасательного буксира «Шахтер», бота ВМ-154 и гидрографического судна «Березина». В задачу отряда входили доставка гуманитарных грузов и вывоз трех тысяч беженцев. Выход кораблей был санкционирован президентами России и Украины.

27 сентября 1993 г. корабли Черноморского флота закончили операцию

по эвакуации беженцев из района грузино-абхазского конфликта. Из Сухуми в Поти и Сочи были вывезены около 3,5 тысячи человек. В этот же день было заключено соглашение о второй и третьей операциях по вывозу беженцев, которых оставалось еще около 6 тысяч человек. В операциях участвовали морской тральщик «Снайпер», спасательное судно «Эпрон», ГС-402, ТН «Свента». Также были привлечены большие десантные корабли «Константин Ольшанский» и БДК-69, сторожевой корабль «Ладный», которые 29 сентября завершили третью операцию Черноморского флота по вывозу беженцев из Сухуми в Поти. Было вывезено около 3 тыс. человек.

В 1992–1994 гг. кораблями и судами Черноморского флота в ходе эвакуации из Поти, Батуми, из района абхазо-грузинского конфликта были вывезены 66 995 человек, 5384 тонн боеприпасов, 688 тонн инженерного боезапаса, 802 единицы техники. Для обеспечения жизнедеятельности группы российских войск в Закавказье перевезено 1685 тонн продовольствия и 9436 тонн топлива.

А Республика Грузия, получив независимость, начала испытывать все трудности переходного периода, особенно отсутствие флота для защиты своих интересов на море. Поэтому по просьбе правительства Грузии 20 октября 1993 г. в район Поти вышел малый противолодочный корабль для обеспечения совместного со сторожевым кораблем «Пытливый» безопасности мореплавания. 1 ноября вышел еще один отряд кораблей Черноморского флота. 4 ноября в Поти высадилась морская пехота Черноморского флота, прибывшая для выполнения задач миротворческой миссии с целью охраны жизненно важных стратегических объектов и транспортных коммуникаций.

19 ноября, после выполнения задачи, основные силы оперативно-тактической группировки Черноморского флота – морская пехота, подразделения береговых войск, три десантных корабля, сторожевые корабли «Сдержанный» и Пытливый», тральщик «Зенитчик», бот СБ-524 – вернулись в Севастополь. До 30 ноября в Поти оставались большие десантные корабли «Красный Кавказ» и БДК-54, тральщик «Снайпер» и морская пехота. 7 декабря в Севастополь вернулись последние черноморцы, выполнявшие задачи в Поти.

В 1994–1995 гг. между правительствами Российской Федерации и Украины шли напряженные переговоры о разделе Черноморского флота. А тем временем «самостийники» явочным порядком захватывали корабли и береговые объекты Черноморского флота.

9 июня 1995 г. президенты России и Украины встретились в Сочи, где подписали договор по Черноморскому флоту. В соответствии с договором

флот России должен был получить 81,7 % кораблей и судов флота, а ВМС Украины – 18,3 % соответственно. Раздел флотского имущества предлагалось вести по состоянию на 3 августа 1993 г., что было крайне невыгодно для России. В договоре особо подчеркивалось, что Черноморский флот Российской Федерации и ВМС Украины базируются раздельно. Севастополь – «основная» база Черноморского флота РФ, то есть уже не главная база, а по настоянию Украины – «основная». Там же размещался и штаб Черноморского флота РФ. По договору Российский флот также использует другие объекты в Крыму.

«Не успели высохнуть чернила на подписанных документах, как Украина развернула свой штаб в Севастополе и базирование своих сил в нем.

У флотской общественности создавалось мнение, что Президент Российской Федерации не проникся важностью роли Черноморского флота в судьбе России на ее южных рубежах, не имеет своей четкой линии в разрешении судьбы флота и безропотно выполняет все предложения украинской стороны.

23—25 ноября 1995 года в Сочи состоялась рабочая встреча министров обороны РФ и Украины, на которой подписано 17 соглашений и протоколов, по которым ЧФ теряет Мирный, Керчь, Новоозерный, Симферополь, Октябрьское. Все военные объекты, расположенные в этих местах дислокации, в полном объеме до 31 декабря 1995 года передаются Украине. ЧФ продолжает базироваться в Севастополе, Феодосии, п. Кача и Гвардейском.

В соответствии с соглашениями 4 сентября 1995 года по решению Главкома ВМФ началась передача авиационного гарнизона Мирный. 16 октября за несколько часов до последнего торжественного построения стало известно, что Министерство обороны Украины отказалось от приема гарнизона Мирный, заявив, что самолеты, вертолеты, оружие и инфраструктура Украине не нужны. В районе озера Донузлав, кроме Мирного находилась вторая по значимости после Севастополя база Новоозерный (Донузлав). Его судьба тоже вскоре была решена – 4 декабря 1995 года началась передача базы Украине. Передача 150 объектов должна была пройти за 4 месяца.

На 29 января 1996 года ВМСУ приняли у ЧФ 111 объектов из 130 запланированных к передаче. ЧФ уменьшился на 786 частей. К этому времени на 1 февраля 1996 года Украине было передано 25,7 % корабельного состава, хотя Сочинским соглашением предусматривалось передать 18,3 %. Были переданы все объекты флота в Одессе, Очакове,

Балаклаве, Веселом и Евпатории. Завершалась передача Мирного, Керчи, Новоозерного и объектов Симферополя.

А к 10 февраля Украиной в одностороннем порядке захвачено, а часть ей передано:

– 12 из 15 основных и запасных аэродромов (73,6 %);

– 467 летательных аппаратов (75 %);

– бронетанковой техники 450 ед. (69 %);

– 260 артсистем (81 %).

19 февраля начался второй этап раздела ЧФ. В Севастополе и Феодосии ВМСУ передавалось 30 кораблей и судов, 79 объектов различного назначения. В нарушение Сочинских договоренностей ВМСУ самостоятельно решили базировать свои силы в Стрелецкой, Карантинной и Северной бухтах Севастополя. Принцип раздельного базирования был забыт. Совместное базирование сил несоюзных флотов полностью нарушило систему обороны базы и организацию поддержания оперативного режима…

…по состоянию на 22 мая 1996 года украинской стороне отошли:

– 7 из 10 пунктов базирования корабельного состава (70 %): Измаил, Одесса, Очаков, Черноморское, Новоозерное, Балаклава, Керчь;

– 4 из 6 основных аэродромов (67 %): Лиманское, Веселое, Октябрьское, Мирный;

– 5 из 7 запасных аэродромов (71 %): Геническ, Сокологорное, Большой Токмак, Воинка, Сизовка;

– 4 из 5 мест дислокации береговых войск (80 %): Симферополь, Евпатория, Перевальное, Межгорье;

– в дополнение к объектам, взятым Украиной в одностороннем порядке, ей переданы объекты боевого, тылового и технического обеспечения в Бахчисарае, Старом Крыму, Пресноводном, Наумовке, Машино, Дальнем, Мельничном, на станции Пролетное, в Песчаном, Ново-Андреевке, Ивановке.

В составе ЧФ остались:

– 3 пункта базирования кораблей: Севастополь, Феодосия и временно до окончания ремонта кораблей Николаев;

– 2 основных аэродрома: Гвардейское, Кача;

– 1 место дислокации береговых войск в Севастополе;

– основная ВМБ в Севастополе;

– пункт базирования корабельного состава и испытательный центр в Феодосии;

– объекты тылового и технического обеспечения в Ялте, Прибрежном

Судакского района, на станции Мамут.

Однако напор и притязания украинской стороны в нарушение соглашений продолжались. Так, 5–6 сентября в ходе очередных консультаций в Севастополе украинская сторона заявила о намерении базироваться в Стрелецкой и Карантинной бухтах в Севастополе»[284].

В конце мая 1996 г. в Киеве меду двумя государствами в рамках Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве были подписаны базовые соглашения: «О статусе и условиях пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины»; «О взаиморасчетах, связанных с разделом флота и пребыванием его на территории Украины» и «О параметрах раздела Черноморского флота между государствами». Соглашение о статусе и условиях пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины было заключено на 20 лет. По этому соглашению общая численность личного состава, количество кораблей, судов, вооружений и военной техники Черноморского флота РФ, находящихся на территории Украины, не должно превышать уровня, определенного в Соглашении от 30 мая 1997 г.

На момент подписания Соглашения в составе Черноморского флота по состоянию на 1992 г. были определены:

– объекты в Севастополе – 3571 единица общей площадью 3312,49 гектара;

– объекты в Крыму вне Севастополя – 1020 единиц (14 920,13 га);

– численность военнослужащих в составе Черноморского флота РФ на территории Украины – 25 тыс. человек, включая 1987 человек в морской пехоте и морской авиации наземного базирования;

– боевых кораблей и катеров – 175;

– кораблей спецназначения – 50;

– морских судов обеспечения – 188;

– катеров и рейдовых судов – 218.

Итого судов и катеров вспомогательного флота – 440.

– спасательных судов – 51;

– поисково-спасательных катеров 88;

Итого поисково-спасательных судов и катеров – 139.

– гидрографических судов – 51;

– гидрографических катеров – 89.

Итого гидрографических судов и катеров – 110.

Итого боевых кораблей, катеров, судов, плавсредств обеспечения – 913. (Средства от реализации 263 единиц, исключенных из состава Черноморского флота 3 августа 1992 г., подлежали разделу поровну между

Россией и Украиной.)

– летательных аппаратов – 163.

Украине передано:

– зданий и сооружений 3550 площадью 23 900,6 га;

– боевых кораблей и катеров – 31;

– кораблей спецназначения – 6;

– морских судов обеспечения – 28;

– катеров и рейдовых судов – 34.

Итого судов и катеров вспомогательного флота – 62.

– спасательных судов – 5;

– поисково-спасательных судов и катеров – 17;

– гидрографических судов – 5;

– гидрографических катеров – 17.

Итого боевых кораблей, катеров, судов и плавсредств обеспечения – 137.

– летательных аппаратов – 158.

Разделу между Россией и Украиной также подлежали:

– вооружение, военная техника и средства обеспечения сил береговой обороны и морской пехоты Черноморского флота; (См. Приложение 2).

12 июня 1997 г. Черноморский флот поднял на своих кораблях Андреевские флаги. Таким образом, флот на южных рубежах для России был сохранен.

Несколько слов стоит сказать и о судьбе отдельных кораблей и соединений[285].

Главную силу Черноморского флота в 1990 г. представляли 150-я бригада надводных кораблей и 30-я дивизия надводных кораблей, базировавшиеся на Севастополь.

В состав 150-й бригады надводных кораблей входили два ракетных крейсера «Слава» (проекта 1164) и «Адмирал Головко» (проекта 58), два больших ракетных корабля «Сдержанный» (проекта 61М) и «Неуловимый» (проекта 56У), а также два больших противолодочных корабля «Скорый» (проекта 61) и «Проворный» (проекта 61Э)

Однако в конце 1990 г. крейсер «Слава» был отправлен в Николаев на капитальный ремонт и модернизацию, «Неуловимый» и «Проворный» выведены в резерв, а затем сданы на слом. Оставшиеся корабли – «Адмирал Головко», «Сдержанный» и «Скорый» – вошли в состав 30-й дивизии надводных кораблей, а 150-бригада была расформирована.

Одновременно переформировали и 30-ю дивизию, в составе которой на начало 1990 г. состояло 16 кораблей: противолодочные крейсера

«Москва» и «Ленинград»; большие противолодочные корабли «Очаков», «Керчь», «Азов», «Комсомолец Украины», «Красный Кавказ», «Красный Крым» и «Сметливый»; сторожевые корабли «Пытливый», «Разительный», «Беззаветный», «Безукоризненный», «Деятельный», «Ладный» и «Пылкий». В 1990 г. крейсер «Ленинград» был выведен в резерв, а затем продан Индии на слом. В 1992 г. на базе «Вторчермета» в Инкермане разобрали «Комсомолец Украины», а в 1994 г. продали на слом Индии «Красный Крым» и исключили из состава флота «Деятельный».

В итоге в ноябре 1994 г. из двух бригад надводных кораблей – 11-й и 21-й – сформировали 30-ю дивизию надводных кораблей.

В 1996 г. противолодочный крейсер «Москва», передавший свои имя ракетному крейсеру «Слава», переформировали в плав-казарму ПКЗ-108 и начали разоружение для сдачи на слом. Сторожевые корабли «Беззаветный», «Безукоризненный» и «Разительный» по предварительному разделу флота должны были отойти к Украине. Предстоящая передача повлекла за собой полное разграбление этих кораблей, и как боевые единицы они перестали существовать.

Сторожевой корабль «Пылкий» был переведен в Ленинград, модернизирован и включен в состав Балтийского флота.

За пять лет, с 1990-го по 1995 год, практически прекратила свое существование знаменитая 63-я бригада ремонтирующихся, экспортных и модернизирующихся кораблей (БРЭМК). Лишь законсервированный крейсер «Михаил Кутузов» проекта 68А еще гордо высился у причала Троицкой бухты Севастополя.

В 2003 г. «Михаил Кутузов» был отведен на буксире в Новороссийск, а однотипный крейсер «Адмирал Ушаков» и крейсер управления КРУ-101 (бывший «Жданов» проекта 68У-1), прошедшие капремонт и модернизацию, были проданы Индии на слом. Та же участь постигла и большой противолодочный корабль «Способный», на 70 % уже модернизированный и сданный на слом из-за отсутствия финансирования. Продали на слом и плавказарму ПКЗ-36 (бывший эсминец «Беспощадный» проекта 30 бис).

После распада СССР были ликвидирована и 181-я бригада строящихся, ремонтирующихся, экспортных и модернизируемых кораблей (БР СРЭМК). Авианесущий крейсер «Тбилиси» проекта 1143.5 (позже переименованный в «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов), ракетный крейсер «Червона Украина» (проекта 1164), спасательное судно «Алагез» перевели на другие флоты бывшего СССР. Достройка ракетного крейсера «Адмирал флота Лобов» затянулась на многие годы, и конца ей не

видно. За это время на корабль неоднократно претендовала Украина, переименовывая его то в «Галичину», то в «Украину» и даже сформировала для крейсера экипаж. Большие противолодочные корабли «Николаев» и «Ташкент» (проекта 1134Б) так и не смогли завершить ремонт и модернизацию и были проданы Индии на слом. Недостроенный корпус спасателя подводных лодок «Аю-Даг» был продан на слом Турции. Удалось достроить и передать на другие флоты России только три малых противолодочных корабля проекта 1124 —

МПК-82, МПК-85 и МПК-214, а также плавмастерскую ПМ-12 (проекта 2020).

А теперь перейдем к ситуации с подводными лодками Черноморского флота.

Для начала в 1990 г. были проданы на слом в Турцию и Италию, а также отправлены на судоразделочную базу в Инкерман 11 лодок проекта 613 (С-100, С-172, С-197, С-230, С-234, С-287, С-296, С-339, С-344, С-379 и С-389) и одна ракетная лодка проекта 651 (Б-318).

Однако еще работал наш ВПК, и в январе 1991 г. из Сормова в Севастополь по внутренним водным путям прибыла Б-871 – новейшая лодка проекта 877В.

20 декабря 1991 г. было расформировано управление 131-го отдельного дивизиона. Последнюю в нем опытовую лодку СС-243 списали 1 сентября 1991 г. Заниматься ее конвертовкой было некому, и она вместе с учебно-тренировочной станцией УТС-10[286] попросту затонула на глубине 6 м в Практической гавани. «Отслужив свое, она ждала разделки на металлолом, но «доброжелатели» ускорили этот процесс, сняв с подводной лодки часть арматуры, изготовленной из цветных металлов»[287].

Новейшая лодка Б-871 показалась националистам лакомым кусочком. Видимо, спецслужбы США и НАТО были готовы заплатить солидные деньги за секреты проекта 877В. И с подачи западной разведки была начата операция по захвату этой лодки.

Предоставлю слово капитану 1 ранга Игорю Федоровичу Леухину, в то время старшему помощнику командира Б-871: «Вечером 13 марта 1992 г. помощник командира Б-871 по работе с личным составом капитан-лейтенант В. Петренко собрал моряков срочной службы украинской национальности и под надуманным предлогом повел их на подводную лодку, стоявшую у плавпирса в Южной бухте. Прибыв на пирс, Петренко дал приказание: “Команде вниз”, – а сам вытащил ракетницу и выпустил три красные ракеты. С противоположного берега бухты на катере прибыл

капитан 1 ранга Лупаков. В центральном посту он по общекорабельной связи зачитал текст присяги на верность народу Украины. На заранее приготовленном листе поставили свои подписи Петренко, командир БЧ-5 капитан-лейтенант О. Клигман, старшие лейтенанты командир БЧ-1 И. Баринов и командир моторной группы А. Рясик, командир группы гидроакустиков лейтенант В. Литвинов и радиометрист А. Махно.

Оценив сложившуюся ситуацию, стоявшие на вахте вахтенный моторист матрос Марат Абдуллин и вахтенный трюмный матрос Анатолий Заяц загерметизировались в 4-м отсеке и, угрожая прекратить вентилирование аккумуляторной батареи, что грозило взрывом газовой смеси, потребовали связи с командиром или со старпомом.

Мы стояли с командиром на верхней территории около матросской столовой, и неожиданно из строя моряков, возвращавшихся с ужина в казарму, кто-то спросил нас: “А что делать нам, русским?”. Вопрос сразу насторожил. После объяснения стало ясно, что Петренко увел на корабль для “срочного дела” матросов-украинцев. Командир отправил меня на подводную лодку, а сам направился в команду уточнить обстановку и доложить командиру соединения.

В центральном посту я увидел замкомдива капитана 1 ранга Лупакова. Старший лейтенант Баринов зачитывал текст украинской присяги. По их реакции стало ясно, что меня не ждали. Я изъял вахтенный журнал ЦП, объявил о незаконности их действий и потребовал немедленно покинуть корабль. Моя попытка доложить ОД бригады обстановку по прямому телефону не удалась, т. к. Лупаков попросту выхватил из рук телефонную трубку. Проявив субординацию по отношению к заместителю командира дивизии, я еще раз потребовал покинуть подводную лодку и убыл на пирс к телефону. После доклада я вернулся в центральный пост и объявил учебную тревогу для повышения готовности корабля. Обстановка прояснилась неожиданным образом. Я узнал, что в отсеках посторонних нет, присягу никто не принимал, а в 4-м отсеке загерметизировались М. Абдуллин и А. Заяц. Экипаж беспрекословно выполнил все мои команды. Захват корабля и переприсягание не удались. Лупаков и Петренко вынуждены были покинуть лодку.

После приведения подводной лодки в исходное положение я построил экипаж по большому сбору на пирсе. К этому моменту на корабль прибыл командир. В его присутствии Лупаков начал вести пропаганду за принятие украинской присяги. На приказание командира выйти из строя принявшим украинскую присягу Петренко стал призывать моряков не делать этого, предупреждая о нависшей над ними угрозе уничтожения, при этом называя

командование “фашистами”.

С подходом к пирсу командира бригады капитана 1 ранга А. Косткина Лупаков прыгнул в катер и ретировался»[288].

Замечу, что попытка захвата боевого корабля в зарубежных базах Великобритании или США была бы поводом для ввода войск для наведения порядка. Так было и в XIX, и в XX веках. Соответственно, Россия, послав в Севастополь хотя бы одну Псковскую воздушно-десантную дивизию, навсегда могла бы решить вопрос с Севастополем и Крымом вообще. Но, увы, у нас правил «всенародно избранный» выпивоха, для которого приказ из Вашингтона был куда важнее интересов русского народа.

В сентябре 1993 г. вышел приказ командующего Черноморским флотом, в котором после формулировки: «Ввиду невозможности дальнейшего использования по прямому назначению боевых кораблей… нецелесообразности их восстановления. исключить из состава 14-й дивизии подводных лодок большие подводные лодки Б-6, Б-36, Б-41, Б-105 пр. 641, среднюю подводную лодку СС-128 пр. 633.». Причем Б-36 поставили в судоремонтный завод № 13 для использования в качестве запасных частей при ремонте Б-435.

В июле 1994 г. в свой последний парад на День Военно-морского флота в Севастополе вышла С-384 – последняя подводная лодка проекта 613. Она гордо пронесла советский Военно-морской флаг по Севастопольской бухте, погрузилась под перископ и вышла на внешний рейд главной базы флота. Эта лодка честно служила стране 42 года, в том числе 33 года на Черноморском флоте.

В конце 1994 г. «корабли замерли у пирсов. Закончились флотские запасы некоторых марок масел, а главное – вышел срок службы аккумуляторных батарей. Их пришлось выгрузить. А без аккумуляторной батареи подводная лодка теряет сове основное свойство – способность погружаться и подавать «электрическую кровь» на все потребители и приборы подводного организма»[289].

15 декабря 1994 г. согласно директиве Главнокомандующего штаба ВМФ от 9 июля 1994 г. была расформирована 14-я дивизия подводных лодок. За 27 лет через дивизию прошли со своими командирами и экипажами 106 лодок постоянного и 24 лодки переменного состава.

В постоянном составе было 54 подводные лодки проекта 613, 11 – проекта 633, 12 – проекта А615, 10 – проекта 641, 4 – проекта 644, 3 – проекта 690, 2 – проекта 640, 2 – проекта 641Б, 2 – проекта 651, по одной

подводной лодке проектов 655, 611АВ, 619, 1710, 1840,877В.

В разные годы в состав дивизии входили лодки Северного флота: 16 единиц проекта 641Б и 8 прроекта 877.

В конце 1994 г. командование флота принимает решение упразднить базу подводных лодок в Балаклаве. Казарменно-жилищный фонд и коммунальные сооружения, всего 29 зданий, были безвозмездно переданы в постоянное пользование Исполкому Севастопольского Совета народных депутатов.

16 февраля 1995 г. 155-я бригада подводных лодок была передислоцирована из Балаклавской бухты в Южную бухту. В составе бригады были подводные лодки Б-435, Б-871, «Горьковский комсомолец», Б-9, средняя подводная лодка-лаборатория СС-533, катера-торпедоловы ТЛ-1005 и ТЛ-997, водолазные катера РВК-516 и РВК-429, плавучие зарядовые станции ПЗС-61 и ПЗС-63, судно-мусоросборщик МУС-899.

270-й военно-морской лазарет был передан в состав 810-й бригады морской пехоты и переведен в бухту Казачья.

В принадлежавшем 155-й бригаде балаклавском военном городке стала дислоцироваться воинская часть национальной гвардии Украины.

С начала 1995 г. в составе Черноморского флота уже не было ни одной боеспособной подводной лодки. Лишь 22 мая 1996 г. в состав «сил постоянной готовности» формально ввели подводную лодку Б-871.

Судьба других подводных лодок Черноморского флота сложилась по-разному. Ряд подводных лодок как Черноморского, так и Северного флотов, проходивших боевую подготовку на Черноморском флоте, были отправлены на Север (четыре лодки проекта 877: Б-177, Б-459, Б-471 и Б-800 и две лодки проекта 641Б: Б-437 и Б-498).

В 1991 г. на слом пошли подводные лодки проекта 613 – С-74, С-287 и С-379, выведена из состава флота большая специальная лодка БС-153, на которой проводились испытания баллистических ракет Р-39 комплекса Д-19. На следующий год были разобраны подводные лодки проекта 641 – Б-6и Б-105; С-11 и С-37 проекта 633; С-70 и С-243 проекта 613. В 1993 г. флот потерял подводные лодки проекта 613Ц С-384 и проекта 641 Б-36, а в 1994 г. сданы для разборки на металл подводные лодки проекта 641 – Б-109, Б-326 и Б-854, а также С-128 проекта 633КС и С-376 проекта 613. В 1995 г. была списана лодка проекта 651 Б-67 и разобрана лодка Б-9, предназначенная для предназначенная для передачи Украинским ВМС. Лодка-мишень СС-256 также предназначалась для Украины (ВМСУ) и была основательно разграблена. Две ремонтирующиеся в Болгарии на заводе «Арсенал» (порт Варна) субмарины класса «Фокстрот» – Б-41 и Б-326 – из-

за отсутствия финансирования были проданы на металл за долги[290].

Забавная история произошла с опытовой подводной лодкой СС-310 проекта 690. После раздела Черноморского флота между Украиной и Россией эта лодка осталась в составе Черноморского флота России и дожидалась своей очереди на списание. В 1999 г. моряки-ветераны Украины загорелись желанием сделать в Киеве музей, среди экспонатов которого была бы и подводная лодка. Их поддержали ветеранские организации, в том числе председатель Союза ветеранов Украины генерал армии И. Герасимов (который ходил на «Горьковском комсомольце» в атаку по крейсеру «Слава»).

На запрос Украины в октябре 1999 г. председатель Совета министров РФ В.В. Путин подписал распоряжение о передаче в дар Украине подводной лодки СС-310 для организации военно-морского музея. Президент Украины поручил кабинету министров Украины принять меры по созданию военно-морского музея, а также по обеспечению транспортировки и ремонта полученной от России лодки.

В конце концов, было принято решение о бесплатной передаче лодки Киевскому международному благотворительному фонду «Славутич». Лодку перевели на Херсонский судостроительный завод для временной стоянки. Вскоре фонд забыл о СС-310, и она без охраны и присмотра за два года стоянки благополучно утонула у стенки, предварительно основательно разграбленная охотниками за цветными металлами. Администрация Херсона, видя такое положение, решила оставить лодку в Херсоне и сделать из нее музейный комплекс, основой которого станет питейное заведение – бар.

В итоге в составе Черноморского флота осталась одна действующая подводная лодка – Б-871. Это вызвало необходимость

сокращения 155-й бригады подводных лодок. В январе 2002 г. был создан отдельный дивизион подводных лодок.

Подводная лодка Б-435 проекта 641 была передана Украине и получила название «Запоргжжя». Ее поставили в плавучий док в Балаклаве. Любопытно, что в доке она стояла под военно-морским флагом Украины – мол, знай наших! Позже ее увели из Балаклавы, и на осень 2005 г. в строй она так и не вступила.

После вывода в 1994 г. 14-й дивизии подводных лодок из Балаклавы уникальный объект К-825 полностью разграбили. Все металлическое вывезли и вынесли для сдачи на металлолом, в том числе и кабельные тросы. Одним словом, объект К-825 по своему техническому состоянию приведен в полнейшую негодность. И только в 2003 г. на страницах

городских газет и в передачах севастопольского телевидения развернулась дискуссия, что надо бы из объекта сделать музей холодной войны. «А пока идет полемика, нужно это городу или нет, где взять деньги на восстановление объекта и куда потом тратить доходы от деятельности возможного музея, появились предприимчивые люди, которые катают на лодках по каналу штольни стихийных экскурсантов, взимая в них плату, правда, не в казну города»[291]. К 2005 г. из подземного завода сделали подобие музея и у входа для привлечения посетителей поставили зенитную пушку, окрашенную в ядовито-зеленый цвет.

К 2004 г. из Балаклавы был выведен плавучий док, плавучий стенд для запуска ракет и другие вспомогательные суда и плавсредства ВМФ. Там остались лишь несколько катеров «Морской охорони» и ряд гидрографических судов Украины. Кроме того, там в укромном уголке проходили ремонт два боевых катера Грузии. А к августу 2005 г. один из катеров был переведен в Южную бухту Севастополя. Видимо, катера достались господам Шеварднадзе и Саакашвили без вооружения, и на них установили… 37-мм зенитные автоматы обр. 1939 г.

Сама же Балаклава постепенно превращается в яхт-клуб. Ее бухта заставлена парусно-моторными и новейшими моторными яхтами стоимостью в миллионы долларов. Любопытно, что гиды, сопровождающие по Балаклаве группы туристов, на расспросы отвечают, что владелец этого большого парусника – Сережа из Одессы, очень хороший человек, а вон та яхта – Пети, который также не менее хороший человек. Но вот «склероз» не дает экскурсоводу вспомнить фамилии этих «хороших людей».

В заключение стоит сказать о трагической судьбе авианосцев, строившихся в Николаеве. К концу 1991 г. там достраивались два авианосца (по советской классификации – авианесущие корабли) «Варяг» и «Ульяновск».

Авианосец «Варяг» проекта 11 435 имел полное водоизмещение 59 тыс. тонн. На нем должны были базироваться 50 летательных аппаратов, в числе которых истребители-бомбардировщики Су-27К и вертолеты. Кроме того, он нес 12 пусковых установок крылатых ракет «Гранит». Экипаж должен был составлять 2100 человек и 500 человек из состава авиагруппы.

Предоставлю слово инженеру судостроителю, бывшему начальнику конструкторского бюро по авианесущим кораблям на Черноморском судостроительном заводе Валерию Васильевичу Бабичу: «Финансирование строительства ТАКР «Варяг» было приостановлено в январе 1992 года.

ВМФ рассчитался и за «Варяг», и за «Ульяновск» вплоть до декабря 1991 года, но дополнительное соглашение, которое обычно подписывалось на каждый текущий год, оформлено не было. «Варяг» к тому времени был доведен до готовности около 67 %. На корабле был окончен монтаж машинно-котельных отделений, а состояние энергоотсеков позволяло принимать электропитание и начинать проворачивать механизмы. Посетивший Черноморский судостроительный завод в сентябре 1991 года во время первой предвыборной президентской кампании Л.М. Кравчук на вопрос рабочих на митинге о перспективах строительства на Черноморском заводе авианосцев ответил: «Щ човни будемо робити». Когда он сошел на берег после осмотра «Варяга», его окружили маляры цеха № 41. На вопрос женщин о дальнейшей судьбе этого корабля он уверенно ответил: ««Варяг» потрШен Украшц ми його добудуэмо». Кравчук назвал завод жемчужиной нашего судостроения и заверил коллектив, что строительство авианосцев будет продолжено. После этого Черноморцы единодушно выдвинули Кравчука кандидатом в Президенты. Во время второй президентской кампании Л.М. Кравчук на завод уже не приезжал… В последующие годы корабль посетило множество правительственных делегаций Украины и России»[292].

Правительство Украины было готово достроить «Варяг» для России, но Ельцин категорически отказался выделять для этого средства. У самой же Украины средств не имелось даже на разборку «Варяга». В конце концов, авианосец приобрела туристическая фирма из бывшей португальской колонии Макао на юге Китая, численность населения которой едва ли превышала население Николаева.

Ранним утром 14 июня 2000 г. голландский буксир с филиппинской командой вывел «Варяг» из Николаева. В тот же день николаевский поэт Вячеслав Качурин написал стихотворение «Прощание с “Варягом”». Там есть такие строки:

В ожидании прощальных мгновений
Над рекой возвышаешься ты —
Корабельного творчества гений,
Черный призрак крылатой мечты.

За туманами скроешься скоро,
И под ветром просохнет слеза.
Нет на свете страшнее позора,
Чем предательски прятать глаза.

Однако турецкие власти запретили проводить «Варяг» через Проливы, и целых семнадцать месяцев недостроенный авианосец возили на буксире по Черному морю. Лишь на 506-й день после выхода из Николаева, 1 ноября 2001 г. после уплаты Китаем миллиардной страховки и выполнения других условий турецких властей «Варяг» был пропущен через Проливы. Риторический вопрос, посмели бы турецкие власти так нарушать конвенцию Монтрё до 1991 г.?

Первый советский атомный авианосец «Ульяновск» был заложен 25 ноября 1988 г. Его полное водоизмещение должно было составлять 75 тыс. тонн. На борту предполагалось базирование до семидесяти Су-27К и вертолетов. Кроме того, авианосец нес 12 пусковых установок ракет «Гранит». Экипаж корабля должен был состоять из 2300 человек, а авиагруппы – из 1100 человек.

К концу 1991 г. техническая готовность корпуса авианосца составляла около 70 % при общей готовности корабля около 18 %. Черноморским судостроительным заводом уже было переработано 29 тыс. тонн корпусной стали, в том числе и новой броневой стали, применявшейся на «Ульяновске» в составе конструктивной защиты. На авианосец уже погрузили некоторые механизмы. Комплекс ракет «Гранит» должен был грузиться на стапеле в виде единого 850-тонного блок-модуля. Шахты для монтажа комплекса стоил также Черноморский завод, а затем они были отправлены для сборки в Ленинград. Полным ходом шло изготовление и монтаж атомной паропроизводящей установки, катапульт и аэрофинишеров. Но финансирование было прекращено, и стальная громадина весом в 25 тысяч тонн замерла на стапеле, ожидая своей участи.

Тогда завод обратился к правительству Украины. Там ответили: «Если России не нужен корабль, то мы выделим деньги на его порезку и освобождение стапеля». «Это обещание было выполнено, – пишет В.В. Бабич. – Технологи подсчитали, что стоимость порезки корпуса и стоимость его достройки для спуска с заглушенными отверстиями линий валопровода и донно-забортной арматуры были приблизительно равны. Старший строитель “Ульяновска” П.С. Герасимов считал, что нужно достраивать корабль и спускать на воду, а жизнь потом покажет, что с ним делать, но к его мнению не прислушались.

Вскоре на заводе объявился Виталий Козляр, вице-президент американской фирмы J.R.Global Enterprises, Inc, зарегистрированной в Нью-Йорке. Он предложил купить корпус “Ульяновска” на лом по

стоимости 550 долларов за тонну. Думаю, что эта фантастическая цифра подтолкнула руководство завода и украинское правительство к оформлению в кратчайшие сроки решения о порезке корабля. 4 февраля 1992 года первый вице-премьер Украины К.И. Масик подписал распоряжение об утилизации “Ульяновска”»[293].

Далее В.В. Бабич пишет: «В марте 1992 года я возглавил отдел внешнеэкономических связей завода…

…В иностранных проспектах и журналах я нашел цену на судовой лом, которая была в то время на мировом рынке 80—100 долларов за тонну. Такие данные меня удивили, и я пошел с ними к руководству завода. Однако руководители ЧСЗ полагали, что броневые никельсодержащие стали типа АК и корпусная сталь повышенной прочности 10ХСНД, которых было в составе корпуса “Ульяновска” до 70 %, позволят продать его по цене, указанной в контракте. Кроме того, они наивно верили, что если контракт подписан, то он обязателен также и для второй стороны и всегда будет выполняться»[294].

Однако когда в Николаев заявился лично президент американской фирмы J.R.Global Enterprises, Inc Джозеф Резник и предложил платить по 120 долларов за тонну, заводчики заспорили. Резник удалился, и более о нем ни в Николаеве, ни на всей Украине не слыхивали. Куда то бесследно исчезла и сама фирма. Но дело было сделано – корпус «Ульяновска» резался полным ходом.

Увы, сей урок самостийникам не пошел в прок. «Оранжевые» еще больше стали ориентироваться на США. Ну что ж, они еще получат новых Козляров и Резников.

Раздел Черноморского флота привел не к упорядочиванию ситуации в Черном море и Крыму, а к какому-то неустойчивому равновесию или, как говорят физики, к метастабильному состоянию. Вооруженный конфликт в регионе неизбежен, вопрос лишь в том, когда он начнется и что будет его причиной. Уже сейчас известно с десяток проблем, которые могут привести к войне. Это в первую очередь нестабильность национальных отношений как в Крыму, так и на всей Украине; это попытки Украины вступить в НАТО; это обещания грузинского президента Саакашвили силой захватить Абхазию и многое другое.

Глава 3
Возрождение Крымского ханства?

В самом начале 1954 г. Н.С. Хрущев буквально огорошил население полуострова, объявив о присоединении автономной Крымской области, издавна входившей в состав РСФСР, а еще раньше – Российской империи, к Украине. Произошло это по решению Хрущева в связи с общесоюзными торжествами, связанными с трехсотлетием воссоединения Украины с Россией, провозглашенного 8 января 1654 г. гетманом Украины Богданом Хмельницким на Переяславской Раде.

Вскоре после обнародования соответствующего указа в Крыму стали появляться надписи и вывески на украинском языке, дублирующие русские названия. Поначалу ничего, кроме недоумения и неудобства у населения они не вызывали. Но потом крымчане свыклись с ними, так и не усвоив в своем житейском обиходе украинские названия, а используя привычные – русские. Приезжие, правда, удивлялись, видя двойные наименования: «Как, разве вы относитесь к Украине?.. Странно!..» Население же всегда смотрело на «укранизацию» Крыма и особенно Севастополя как на явно несерьезное решение «верхов», принятое ими на каком-то застолье с обильного возлияния.

Замечу, что подобное дарение русских земель нашими властителями – не новость. Так, в 1810 г. император Александр I решил сделать подарок новоприсоединенной Финляндии и подарил ей Выборгскую губернию. Эта территория принадлежала Руси еще в V–XIII веках, а позже была захвачена шведами, но возвращена России Петром I в ходе Северной войны.

Логика Александра I и его советников была незатейлива – Выборгская губерния переходила из одной части Российской империи в другую. Видимо, также мыслил и пьяный Хрущев, «даря» Крым Украине.

Однако, воспользовавшись временным ослаблением нашей страны, финны отторгли Выборгскую губернию от России. Возвращать ее пришлось большой кровью в 1939–1940 гг. и в 1944 г. Аналогия с Крымом не может не напрашиваться!

Однако в целом ряде статей, опубликованных в начале XXI века, говорится и о другой мотивировке поступка Хрущева[295].

В начале 1920-х годов в Крыму появилась американская еврейская организация «Джойнт», предложившая советскому правительству

предоставить большие займы в обмен на создание в Крыму еврейской автономии.

С 1922 г. в Симферополе функционировал филиал банка «Агро-Джойнт», финансировавший перемещения новых еврейских переселенцев, а также подготовку национальных кадров в учебных заведениях Крыма. В Джанкое обосновался крупнейший филиал фирмы «Агро-Джойнт». Именно в это время в степном Крыму появилось более 150 поселков, которые заселялись исключительно «лицами еврейской национальности».

Деятельность эта вскоре приобрела масштабы межгосударственных отношений. В 1923 г. в СССР и США почти одновременно начали обсуждать идею создания национальной автономии и переселения евреев из Белоруссии, Украины, России на земли в район Черного моря. Согласно найденным в архивных собраниях Крыма документам, а также другим источникам, сейчас можно отчасти восстановить ход тех давних событий.

О переселении евреев в Крым активно заговорили в элитарных кругах столичной интеллигенции. Из Америки прибыл один из руководителей «Джойнта», выходец из России Розен, убеждавший председателя КрымЦИК Гавена выделить в качестве эксперимента пустующие земли для переселения тысячи еврейских семей в обмен на финансовую и техническую помощь. Катастрофическая ситуация в Крыму, сложившаяся после голода 1921–1922 гг., отсутствие помощи из Центра не оставляли руководителям Крыма возможности для выбора.

Одним из главных идеологов реализации идеи стал видный член Советского правительства Юрий Ларин (Михаил Лурье), уроженец Симферополя, будущий тесть Н.И. Бухарина. Им разрабатывался план создания еврейской республики в Крыму и расселения на его территории 280 тысяч евреев. В то же время через близкого Марии Ульяновой и Николаю Бухарину по редакции газеты «Правда» Абрама Брагина, руководителя еврейской секции РКП(б), была поднята пропагандистская шумиха вокруг «Еврейского павильона» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 года. Финансировал его все тот же «Джойнт». Примечательно, что в свой последний приезд в Москву в октябре 1923 г. полупарализованный Ленин объехал еврейскую экспозицию на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Анализ заказываемой в то время литературы для Ленина свидетельствует о повышенном его внимании к еврейскому вопросу и Крыму.

В ноябре 1923 г. Брагин подготовил проект документа, в соответствии с которым к десятилетнему юбилею Октябрьской революции предлагалось образовать автономную область евреев на территории Северного Крыма,

южной степной части Украины и Черноморского побережья вплоть до границ Абхазии, общей площадью 10 млн. десятин, с целью переселения сюда 500 тысяч евреев. На его основе Брагин, Розен и замнаркомнаца Бройдо представили через Льва Каменева в Политбюро докладную записку, в которой подчеркивалось, что образование еврейской государственности «окажется политически выгодным для Советской власти». В случае реализации замысла авторы записки гарантировали поступление десятков миллионов долларов «через посредство еврейских, американских и международных организаций», так как это «вызовет небывалый интерес всех экономически и политически мощных организаций в Америке и Европе».

Политбюро неоднократно обсуждало проект. Активными его сторонниками выступали Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, а также Цюрупа и Чичерин. В ходе обсуждения акцент постепенно сместился на использование Крыма, так как на Украине еще свежи были воспоминания о еврейских погромах времен Гражданской войны и не исчезла опасность повторения тех трагических событий.

В январе 1924 г. речь уже шла об «автономном еврейском правительстве, федерированном с Россией», был подготовлен проект декрета о создании в северной части Крыма Еврейской Автономной ССР. Еврейское телеграфное агентство (ЕТА) 20 февраля 1924 г. распространило за рубежом соответствующее сообщение.

Для решения вопросов, поднимаемых в обращениях Ларина и Брагина по поводу переселения евреев из «местечек» Украины и Белоруссии, Президиум ЦИК СССР на заседании 29 августа 1924 г. постановил образовать Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КомЗЕТ) и Общественный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (ОЗЕТ). КомЗЕТ возглавил П.Г. Смидович, ОЗЕТ – Ларин. КомЗЕТ сориентировал свою деятельность на переселение 500–600 тысяч человек.

Все решения по Крыму принимались в обстановке повышенной секретности. О них не знал даже присланный из Москвы секретарь Крымского обкома партии Петропавловский. А заместитель Менжинского по ГПУ Трилиссер на совещании в ЦК РКП(б) по антисемитизму с удивлением констатировал появление в еврейских кругах СССР слухов о создании в Крыму еврейской республики. Ситуацию неожиданно «взорвал» председатель Украинского ЦИК Петровский, допустивший утечку информации о решении Политбюро в интервью корреспонденту «Известий».

7 апреля 1926 г. в Симферополе открылась Всекрымская еврейская конференция, в связи с которой случился неприятный для Ком-ЗЕТа инцидент. В номере от 11 апреля «Красного Крыма» были опубликованы основные положения прозвучавшего на идиш выступления представителя Отдела национальностей ВЦИК И.М. Рашкеса: «Мы стремимся создать сплошную земельную площадь с автономией в перспективе не для концентрации всемирного еврейства, а в целях устройства на земле трех миллионов евреев СССР». Обстановка в Крыму сразу накалилась: заволновались крымские татары и немцы. Однако через три дня редакция опубликовала письмо Рашкеса, в котором он отказывался от своих слов, называя напечатанное «явно нелепой мыслью». Сославшись на недостаточное знание своим сотрудником еврейского языка, редакция принесла извинения столичному товарищу.

В противовес проекту переселения евреев у крымскотатарских коммунистов возникла идея создания на севере Крыма немецкой автономной республики. Одним из главных противников массового переселения евреев в Крым стал председатель Крымского ЦИК Вели Ибраимов. Когда ситуация на полуострове вышла из-под контроля, он выступил со статьей в крымскотатарской газете «Ени-Дунья»: «От нас требуют земли на переселение в Крым 8000 еврейских хозяйств, однако… наши излишки не удовлетворяют даже своих внутренних нужд, а поэтому крымское правительство нашло невозможным удовлетворение данного требования. Недавно этот вопрос мы поставили в Москве и надеемся, что он будет решен в нашу пользу». Ибраимова поддержала национальная интеллигенция, входившая ранее в партию «Милли-Фирка».

26 сентября 1927 г. Ларин предложил комплекс мероприятий по обустройству еврейских переселенцев в Крыму, согласно которому основной специализацией их хозяйств должно было стать производство виноградного спирта для снабжения крымских винзаводов. Одним из важных пунктов явилось предложение НКВД Крымской АССР «разработать… план разделения на сельсоветы отводимых для еврейского земледелия площадей с учреждением соответствующих сельсоветов по мере фактического заселения и с признанием в них языками делопроизводства русского и еврейского на равных правах».

Предложение встретило сопротивление руководителей Крымской АССР, прежде всего Вели Ибраимова. Обеспокоенный развитием событий, Ларин направил письмо Сталину, в котором обвинил Ибраимова «в возбуждении полутемных татарских масс». Отчаянные телеграммы посылал Сталину и Молотову вконец

растерявшийся Петропавловский. В конце концов, Ибраимов был вызван в Москву, где в начале 1928 г. арестован и обвинен в уголовных преступлениях в годы Гражданской войны. Принужденный под давлением признаться в организации убийства одного из татарских активистов и сокрытии бандитов, он был расстрелян.

«Договор между СССР и организацией “Джойнт” был подписан 19 февраля 1929 г. С американской стороны договор подписал находившийся в Москве с 1927 г. крупный финансист Варбург. Согласно этому строго секретному договору СССР получал в виде займа 900 тысяч долларов ежегодно в течение десяти лет под 5 % годовых. Если “Джойнт” признавал реализацию договора успешной, Советскому Союзу выделялся дополнительный кредит на сумму 0,5 млн. долларов в год. Возвращение долга по займу с обусловленными процентами должно было начаться в 1945 году и завершиться в 1954 году»[296].

5 сентября 1930 г. решением Крымского ЦИКа Фрайдорф становится центром еврейского национального района. В 1931 г. Организациооный комитет ВКП(б) и Крымское правительство констатировали, что «еврейское переселение в Крым себя политически и хозяйственно оправдало». В республике были созданы еврейский национальный Фрайдорфский район, 32 еврейских национальных сельсовета, учреждена газета «Ленин Вег» на идиш.

Переселение евреев совпало с «раскулачиванием» и насильственным выселением из Крыма крестьян. ГПУ развернуло сеть лагерей по всему полуострову (только в Симферопольском районе их было четыре). Согласно докладу сотрудника Крымского ОГПУ Салынь, на 26 марта 1930 г. были «раскулачены» и определены к выселению 16 тысяч человек, а общее число выселенных достигало 25–30 тысяч.

Региональные власти по-разному реагировали на эти события. Так, в феврале 1931 г. председатель ЦИК Крымской АССР Мемет Исмаил Кубаев на партконференции Джанкойского района заявил, что Москва проводит политику великодержавного шовинизма, разоряет трудовые массы Крыма, прежде всего татар. На бюро Оргкомитета это выступление было расценено как «контрреволюционное», и Кубаев был немедленно снят с поста.

Переселение евреев порой встречало неприятие и со стороны местного населения. Земельные, экономические конфликты перерастали в национальные, в связи с чем с июля 1928 г. стал наблюдаться отток переселенцев (по отдельным колхозам текучесть достигала 60–70 %). По переписи 1926 г., из 39 921 еврея в сельской местности проживали 4083 человека. На 1 января 1930 г. из 49 100 крымских евреев лишь 10 140

проживали в селе. К 1941 г. число евреев увеличилось, по некоторым данным, до 70 тысяч, из которых в 86 еврейских колхозах проживали только 17 тысяч человек.

С началом Великой Отечественной войны одним из важнейших вопросов стало пропагандистское и общественно-политическое обеспечение обороны страны. Одновременно с Антифашистским комитетом ученых, Славянским, Женским и Молодежным антифашистскими комитетами был создан Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). Председателем его президиума стал кавалер ордена Ленина, народный артист СССР, член Художественного совета Комитета по делам искусств при СНК СССР, художественный руководитель Государственного еврейского театра (ГОСЕТ) Соломон Михайлович Михоэлс (Вовси). Ответственным секретарем – редактор газеты «Эйникайт» («Единство»), журналист и театральный критик Шахно Эпштейн, а заместителем председателя – поэт и драматург Ицик Фефер (Исаак Соломонович).

Во избежание роста еврейского национализма в стране, ЕАК изначально был сориентирован на заграницу, имея своей задачей просоветски настраивать мировую общественность, устанавливая контакты с еврейскими международными организациями, и привлекать в СССР западную помощь. По предложению Берия в 1943 г. Сталин разрешил поездку руководителей ЕАК за океан.

На публичных митингах в ходе поездки Михоэлса побывали в общей сложности более 500 тысяч человек, а в фонд Красной Армии было собрано около 32 миллионов американских долларов.

«Крымская проблема» обсуждалась с американцами практически на каждой серьезной встрече. Речь шла о проекте «Крымская Калифорния», не осуществившемся до войны, но реанимированном в 1943 г. Так, Д. Розенберг признался во время беседы: «Крым интересует нас не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым – это Черное море, Балканы и Турция». Судя по всему, делегации ЕАК дали понять, что приближается время выплаты долга СССР, но ситуацию можно изменить в случае возвращения к идее создания в Крыму еврейской республики. Речь шла о поддержке на фантастическую сумму – 10 миллиардов долларов!

После возвращения Михоэлса в Москву проект «Крымская Калифорния» перешел на новую стадию. В феврале 1944 г. на стол Молотова ложится документ, написанный в Москве, в доме на Кропоткинской, 10, штаб-квартире Еврейского антифашистского комитета. Там говорилось:

«Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем:

1. Создать еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма.

2. Заблаговременно, до освобождения Крыма назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса.

Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание этому вопросу, от осуществления которого зависит судьба целого народа.

Председатель президиума Еврейского антифашистского комитета СССР С. Михоэлс

Ответственный секретарь Ш. Эпштейн

Заместитель председателя президиума И. Фефер

15 февраля 1944 г., Москва».

Молотов отправил в архив письмо ЕАК, но не саму идею. В июне 1944 г. в Москве состоялась встреча Эрика Джонстона и американского посла Аверелла Гарримана со Сталиным и Молотовым. Американцы предложили инвестировать в экономику Крыма 10 млрд. долларов, а также создать там республику, куда могли бы переселяться евреи со всего мира. Шла речь и о Михоэлсе как возможном руководителе этой республики. Сталин настаивал, чтобы инвестиции направлялись не только в Крым, но и другие районы СССР, пострадавшие в результате войны, и, в свою очередь, предложил фигуру Кагановича на пост лидера республики.

До июня 1945 г. «Крымский проект», казалось, оставался в силе и в перспективе мог стать ключевым условием распространения на СССР «плана Маршалла». Идея создания в Крыму еврейской республики при поддержке США получала все более широкое хождение и среди советских евреев. Центром этих настроений по-прежнему являлся ЕАК во главе с Михоэлсом. Отдельные его руководители начали неосторожно распределять между собой высшие посты в будущей республике.

30 июня 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область

РСФСР. Когда в ноябре 1945 г. Гарриман попытался связаться со Сталиным через Молотова, чтобы обсудить вопросы экономического сотрудничества, его просьба о личной встрече была отклонена: Сталин уже выбрал иную политическую линию. СССР стал активно выступать в поддержку создания государства Израиль на части территории Палестины.

Срок возвращения долга «Джойнту» истекал в 1954 г., когда Сталина уже не было в живых. «Советский Союз, восстанавливавший разрушенное войной народное хозяйство, – пишет Борис Сибирский, – едва ли мог

завершить все выплаты по займу в положенные сроки. Назревал крупный скандал как для СССР, так и для “Джойнта”, нежелательный для обеих сторон. Ни одна из них не хотела оглашения всех подробностей “Крымского проекта”.

Решение Н.С. Хрущева о передаче Крыма Украине в связи с 300-летием воссоединения России с Украиной оказалось, как говорится, “дорогим яичком ко Христову дню”. Это был удачный случай, позволяющий СССР разрешить весьма сложную проблему, тяготевшую над советским руководством с начала 1920-х годов. Хрущев воспользовался тем, что при составлении договора между СССР и “Джойнтом” не была предусмотрена возможность передачи Крыма из состава РСФСР под юрисдикцию Украины. Кроме того, решение о переселении евреев в Крым принимал ВЦИК РСФСР, а его решение для Украины не было обязательным. Таким образом, передав Крым Украине, правительство СССР обретало формальное право закрыть, и теперь уже навсегда, вопрос об обязательствах Советского Союза перед еврейскими организациями в США о создании в Крыму еврейской государственности».

Материалы о том, как Хрущев решил передать Крым Украине, до сих пор секретные, поэтому я не могу оценить, насколько повлияла на проблему история с «Джойнтом». Но в любом случае Никита Сергеевич грубо нарушил конституции СССР, УССР и РСФСР, что было официально подтверждено Постановлением Верховного Совета России от 21 мая 1992 года.

Крымские татары уже в 1960—1970-х годах стали проникать на территорию Украины и Крыма. Добавлю, что у татар куда более высокий уровень рождаемости, чем у русских и украинцев. В результате в 1970 г. на Украине проживали 3,5 тысячи крымских татар; в 1979 г. – 6,6 тысячи, а в 1987 г. – 47 тысяч, то есть численность татарского населения возросла в 13,4 раза.

При этом надо заметить, что количество украинцев в целом по Украине с 1979-го по 1989 г. выросло на 2,4 %, русских – на 8,3 %, а представителей некоторых национальностей (например, евреев, поляков, греков) уменьшилось[297]. На 1989 г. в Крыму проживали 26 % украинцев и 67 % русских.

За колонками цифр и официальной статистикой СССР надо различать украинцев-«западанэцев» и людей с восточной Украины, которые по различным субъективным причинам записывали себя в анкетах в украинцы, но говорили по-русски и считали русскую культуру своей.

Я сам почти ежегодно с 1965 г. отдыхаю в Крыму, в 1990-х годах пять

раз совершал теплоходные круизы по маршруту Киев – Одесса, и, наконец, в 1980-х годах бывал в служебных командировках в Северодонце (4 раза) и в Харькове (около 20 раз). Честно скажу, о том, что Северодонец – украинский город, я узнал лишь после распада СССР. Там я был знаком лишь с одним украинцем, неким Сидоренко, мелким начальником, у которого в кабинете висел портрет Тараса Шевченко. В Харькове я слышал украинскую «мову» лишь на вокзале, причем, так же часто, как и на московском Киевском (Брянском) вокзале.

В Киеве в 1991–1998 гг. названия улиц писались на двух языках: украинском и… английском. Зато самодельные объявления, наляпанные на стенах домов и заборах, типа «Продаю лодку», «Сниму комнату» и т. д. написаны исключительно по-русски. Подавляющее большинство книг и в магазинах, и на лотках на русском языке, особенно это касается детективов и другой развлекательной литературы.

По официальной статистике на 1989 г. русских было: в Одессе – 27,4 %, в Харькове – 33,2 %, в Донецке – 43,6 %, в Луганске – 44,8 %. Как шутят на Украине: «Русские – это комета с ядром на Востоке». Но в этих областях людей, считавших себя украинцами, дай бог, 5 % разговаривали в быту на украинском языке. Большинство таких «украинцев» в городах говорят по-русски, а в сельской местности – на вариантах суржика, то есть смеси русского и украинского языка в разных пропорциях. Та же Верка Сердючка вызывает зубовный скрежет у «западэнцев», поскольку говорит и поет на столь ненавистном им суржике.

А вот официальная статистика: «К началу 1990-х годов только 87,7 % украинцев владели украинским как родным, а 12,2 % (4,5 млн. человек) в качестве родного языка называли русский[298].

«По результатам опроса учащихся и студентов, проведенного В.Г. Городяненко в 1996 г., показатели степени владения языками отличались от данных переписи. Из общего числа респондентов достаточно хорошо владели украинским языком 66,1 %, русским – 83,5 %. Не говорили (хотя и понимали) на украинском языке 25,7 %, русском – 12,4 %. Примечателен и другой аспект: среди опрошенных лиц украинской национальности уверенно используют русский 79,9 % – цифра больше, чем та, которая относится к группе назвавших в этой связи государственный язык (74,5 %). Значительно меньше украинцев (15,4 %), неплохо понимавших, но не говоривших на русском языке. На украинском же не в состоянии изъясняться 20 % коренных жителей, охваченных опросом»[299].

Иная ситуация в западных областях Украины, где процент русских

крайне невелик: Тираспольская область – 2,3 %; Закарпатская, Волынская, Ивано-Франковская – 4 %; Ровенская – 4,6 %.

Но и здесь есть любопытные вещи, о которых почему-то не пишут СМИ Российской Федерации. Так, например, многие «западэнцы» говорят на диалектах, непонятных жителям Киева, хорошо владеющим официальным украинским языком. Я уж не говорю о закарпатских русинах, которые говорят на языке, более близком к русскому, чем к любому из диалектов украинского языка. Пока русины политически разделены на две групп: одна требует автономии в составе… Словакии (там проживают много русинов), а другая требует создания собственного государства. Подобных проблем на Западной Украине более чем достаточно.

Наши политики и СМИ никак не решаются назвать кошку кошкой. Такого государства, как Украина, никогда не существовало. Нет его и сейчас, равно как и нет единого украинского народа. Недаром руководство Республики Украина коверкает русский язык, заменяя словосочетание «на Украину» на «в Украину». А самое печальное, что и российские государственные деятели стали им подыгрывать. Между тем вопрос о замене предлога «на» на «в» – принципиальный. На Руси столетиями говорили: «на Украину», «на Урал», «на Алтай» и т. д., но «во Францию», «в Китай» и т. д. Дело в том, что

Украина всегда была понятием географическим. Я уж не буду упоминать казацкие челобитные XVI–XVIII веков, где отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока именовались «украинами».

Львов и Закарпатье были присоединены к СССР только в 1939 г., а окончательно в 1944 г. и никогда не принадлежали России, хотя и входили в состав Киевской Руси. Левобережные земли Украины входили в Русское государство с 1654 г., а районы Харькова и Донбасса никогда не входили в состав Речи Посполитой и были или незаселенным «Гуляй-полем», или частью Русского государства. Население Украины – это конгломерат различных национальностей, из которого киевские политики ныне пытаются слепить украинский народ.

Киевские власти с чувством глубокого удовлетворения прикарманили Крым, отданный им Ельциным в Беловежской Пуще. Но вот что с ним делать, они просто не знают. «Согласно данным опроса, проведенного сотрудниками Крымского Центра гуманитарных исследований (КЦГИ) в 1994 г., на вопрос “Каким вы видите будущее Крыма?” 31 % крымчан ответили – в рамках бывшего СССР; 43 % – в составе России; 17 % хотят видеть Крым самостоятельным государством и только 9 % связывают будущее Крыма с его существованием в составе Украины»[300].

Естественно, в Киеве больше всего мечтают об украинизации Крыма. Для этого проводятся самые различные мероприятия – от закрытия русских школ на полуострове и замены их украинскими до предложения нынешнего президента Ющенко формировать украинский флот только «западэнцами» с тем, чтобы они обязательно привезли с собой невест с Западной Украины. Тот же Ющенко предложил расчленить Севастополь. При этом Балаклавский район города будет присоединен к Ялтинскому району, Северная сторона отойдет к Евпаторийскому району, а Инкерманский район – к Бахчисарайскому району. А территория Севастополя будет сведена к его историческому центру.

Однако ни эти, ни другие мероприятия по «украинизации» Крыма не дают особого эффекта. Поэтому киевские политики с 1991 г. разыгрывают «татарскую карту».

Председатель Народного Руха Украины В. Чорновил открыто заявил: «Преобразование республики Крым из территориальной в национальную, крымскотатарскую – совпадает с позицией Руха по этому вопросу. Именно эту идею мы проповедуем, отстаиваем, стремимся реализовать, поощрять возвращение татарских семей из республик бывшего СССР и Турции и этим постепенно изменять в процентном отношении этническую ситуацию в Крыму в пользу крымских татар»[301].

В ходе выборов в Верховную Раду Украины в 2002 г. «…сторонники В. Ющенко и его блока “Наша Украина” устраивали в Киеве митинги под лозунгами “Лучше Крым татарский, чем москальский”»[302].

С 2004 г. киевские власти выдают украинские паспорта десяткам тысяч крымских татар, проживающим в Узбекистане, и выделяют средства для переселения их в Крым. Тот же Ющенко предложил переселить несколько десятков тысяч татар из Узбекистана в… Севастополь!

Татары незаконно создали в Крыму свои государственные органы, тот же меджлис и вооруженные отряды. Еще в октябре 1992 г. в интервью газете «Остров Крым» Мустафа Джемилев глубокомысленно заявил: «Если начнутся открытые нападения – всякое может быть – у нас найдется все – и отряды, и военные специалисты. Кроме того, мы получили заверения от некоторых общественных организаций, которые я не буду сейчас назвать, что в случае чего они могут прийти на помощь».

Крымские татары давно бы устроили из Крыма Косово, но дело в том, что полуостров живет в основном за счет туризма и Российского флота, базирующегося там. Так, к примеру, бюджет города Севастополя в 2005 г. на 60 % составлен из поступлений из Российской Федерации. Начнись в

Крыму партизанские действия – и о туризме можно забыть на долгие годы. Стоит упомянуть, что западных туристов в Крыму отдыхает крайне мало, а основные деньги крымчанам приносят туристы из Российской Федерации, которые в Крым ездят по привычке. Да и я сам грешен – считаю Крым своей второй родиной. Я отдыхал там с 8-го класса, облазил почти все побережье от Феодосии до Балаклавы.

Естественно, татары боятся зарезать курицу, несущую золотые яйца. Поэтому они пока лишь изредка применяют грубую силу.

Речь идет о погромах государственных органов, самозахватах земель и т. д.

Российскому обывателю трудно понять словосочетание «самозахват земель». А крымские власти куда смотрят? На самом деле механизм самозахвата крайне прост. Приезжает, скажем, из Узбекистана, татарский клан из двух-трех десятков семей и селится на приглянувшемся участке крымской, в основном заповедной земли. Живут себе поживают в палатках и фанерных домушках, не обращая ни малейшего внимания на требования властей освободить территорию заповедника. Если же власти грозят применить силу, то объявляется коллективная голодовка всего клана, и моментально откуда ни возьмись налетает толпа журналистов, в том числе и западных, чтобы запечатлеть «несчастных людей, готовых умереть голодной смертью, но на родной земле». Во избежание международного скандала крымские власти вынуждены отступить. И вот уже на месте палаток и времянок строятся капитальные каменные дома, проводятся коммуникации – на карте Крыма появился новый татарский поселок.

Татары требуют для себя особый статус в Крыму. Программа-минимум татарских националистов – создание автономной татарской республики в Крыму в составе Украины, а программа-максимум – создание независимого татарского государства. Какого? Ясно – мусульманского, и, скорее всего, ханства. Недаром в Турции уже в 1990-х годах начали ставить памятники ханам Гиреям. (С опозданием на 200 лет!)

В 1991 г. на 2-м Курултае крымских татар была принята Декларация о национальном суверенитете крымских татар. В ней недвусмысленно говорится: «Крым является национальной территорией крымско-татарского народа (все остальные «коренные», понятно не в счет), на которой ТОЛЬКО ОН (ТАТАРИН. – *А.Ш.)* обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа возможно только в его (ТАТАРИНА) суверенном национальном государстве».

Уже сейчас наряду с официальной властью в Крыму есть параллельная власть во главе с центральным «Меджлисом крымско-татарского народа». Ему подчинена сеть региональных меджлисов: городских, районных и сельских.

Украинские власти не рискнули дать Меджлису официальный статус, поскольку это противоречило бы конституции Украины и подтолкнуло бы другие народы, тех же русских, к созданию аналогичных органов. Тогда самостийники пошли на хитрую уловку. Они создали «Совет представителей крымско-татарского народа при Президенте Украины» (СПКН), таким образом фактически легализовав Меджлис, все члены которого вошли в состав Совета (СПКН).

Надо ли говорить, что представители Меджлиса разъезжают по миру, где встречаются и ведут переговоры с высокопоставленными лицами не только мусульманских стран, но и ряда стран НАТО.

Татары требуют создания этнократического государства в Крыму. Высшей расой там должны быть татары, а все остальные – чем-то вроде «неграждан» в Прибалтике. Идеологическим обоснованием этого является утверждение, что крымские татары – коренная нация, а все остальные – чужаки. Кроме того, десятки тысяч татар были насильственно выселены из Крыма и за это должны теперь иметь особые права.

Маленький штришок: татарские лидеры столь малограмотны, что в своих претензиях постоянно используют словосочетание «депортированы с территории Украины». О том, что такое депортация, я уже писал, а вот сообщили бы они хоть одну фамилию татарина, действительно депортированного с территории УССР в 1944 г., – Крым тогда был Российским!

Татары требуют реституции, то есть возвращения собственности, утерянной ими в 1944 г. Причем платить им должна не столько Украина, сколько Россия.

Представим себе картинку: Татарин N требует компенсацию за дом, который еще в 1941–1944 гг. ему подарили немцы или он сам захватил. Ранее этот дом принадлежал русскому, еврею или украинцу, убитому немцами или татарами. И теперь Россия должна платить пособнику фашистов.

Какой-нибудь либерал скажет: это, мол, надуманная ситуация, может, мол, и были единичные случаи… Пардон, о потерях славянского и еврейского населения в Крыму уже говорилось. Напомню, что в военизированных формированиях и в германских частях служили свыше 20 тысяч татар. Умножим это число на число членов средней татарской семьи

и увидим, что большая часть депортированных состояла из пособников фашистов и членов их семей.

Возникает вопрос: а может быть, Российской Федерации стоит начать выплачивать денежки и устраивать реституции для всех полицаев и власовцев?

Русскоязычная пресса Крыма неоднократно ставила вопрос о реституции и со стороны татар за нанесенный ими ущерб русским в 1941–1944 гг. Да и вообще не грех спросить тогда с татар за ущерб, который они нанесли русским и Крыму с 1223 года. И, между прочим, русские пришли в Крым в IX–X веках, а татары – в XIII веке. Так кто же является коренным населением и на каком расстоянии от Крыма у русских и татар находится их историческая родина?

Крымские татары уже поставили в центре Ялты, менее чем в 100 метрах от набережной, памятник депортированным татарам. Мало того, они требуют снести в центре Севастополя величественный памятник Ленину и заменить его памятником крымским татарам. Возникает естественный вопрос – а почему бы русскому населению Крыма при поддержке Российской Федерации не открыть достойный мемориал миллионам русских, украинцев и поляков, угнанных в рабство в XV–XVIII веках? Мемориал можно воздвигнуть, например, в Феодосии на месте невольничьего рынка, который по своему обороту входил в тройку крупнейших рынков рабов мира.

Татарские политические организации и татарский бизнес в Крыму получают многомиллионные долларовые вливания со стороны НАТО и конкретно Турции. Зачем? Неужели Западной Европе и особенно Турции очень нужны крымские курорты? Или они мечтают о потоке сельхозпродукции из Крыма в Турцию и Европу?

Ответы более чем очевидны. И Турции, и другим странам НАТО Крым нужен исключительно как плацдарм для нападения на Россию. Опять риторический вопрос: нужно ли это русским, украинцам и даже татарскому населению Крыма?

Националисты от прибалтов до «западэнцев» и крымских татар мечтают, чтобы Запад устроил России «Бурю в пустыне» или «Огонь в прерии». И тут правительству Российской Федерации давно бы следовало поставить точки над «i», указав, что Россия имеет не только стратегическое, но и тактическое ядерное оружие. И что американцы слишком умны, чтобы наносить ядерный удар по России и получить ответные удары. А вот устроить ограниченную, то есть локальную ядерную войну янки не прочь. Они собирались применить тактическое ядерное

орудие в Корее в 1952–1953 гг., в Индокитае в 1954 г. и т. д., а в XXI веке в Ираке и Афганистане. Пора бы и Российской Федерации заявить о готовности применения тактического ядерного оружия в случае конфликта с сопредельными странами, предоставившими базы для нападения на Россию, ее морские суда и даже на ее соотечественников в «ближнем зарубежье».

Наше правительство привыкло «помалкивать в тряпочку», когда Киев занимается наглым шантажом. Вспомним 1991 г., когда Кравчук пригрозил крымчанам перекрыть воду Крымского канала, который, кстати, строился на общесоюзные средства. И так дело шло до конца 2005 г., когда официальные лица Украины пригрозили перекрыть все российские газопроводы, нарушив все международные соглашения.

Так почему же не принять адекватные меры? Причем тут не нужны ядерные бомбы или даже танки. А вот возьмут, к примеру, работники очистных сооружений в верховьях Днепра и на его левых притоках и устроят небольшую забастовку. Крым вполне обойдется без воды из Крымского канала, а Россия – без валютных поступлений за газ, экспортируемый через Украину. А вот обойдется ли Украина без днепровской водицы?!

Сейчас президент Ющенко форсирует вступление Украины в НАТО. Ну что ж, пусть вступает – это его дело. Но зачем же тащить в НАТО население Крыма (во всяком случае, его подавляющую часть)?

Не пора ли всем – и жителям Крыма, и жителям всей России, и, в конце концов, правительству Российской Федерации твердо заявить: Крым в НАТО никогда не будет! При этом лучше всего, если инициатива в этом будет идти снизу, от простых граждан к средствам СМИ и далее к государственным структурам.

Приложения

Приложение 1

Крымские ханы Гиреи, годы правления

Имена	Годы правления	Имена	Годы правления
Хаджи-Девлет Гирей	1443—1466	Сафа Гирей	1692—1693
Менгли Гирей	1466—1513	Эльхадж-Селим Гирей	1693—1699
Мухаммед Гирей I	1513—1523	Девлет Гирей II	1699—1703
Саадет Гирей I	1523—1532	Эльхадж-Селим Гирей	1703—1704
Сагиб Гирей I	1532—1551	Газы Гирей II	1704—1706
Девлет Гирей I	1551—1577	Каплан Гирей	1706—1708
Семин Гирей	1577—1584	Девлет Гирей II	1708—1713
Ислам Гирей	1584—1588	Саадет Гирей III	1713—1723
Бора-Газы Гирей	1588—1608	Менгли Гирей II	1723—1730
Селямет Гирей I	1608—1610	Каплан Гирей	1730—1736
Джанибек Гирей	1610—1623	Фатих Гирей	1736—1737
Мухаммед Гирей II	1623—1628	Менгли Гирей II	1737—1740
Джанибек Гирей	1628—1635	Селямет Гирей II	1740—1744
Инайет Гирей	1635—1637	Селим Гирей	1744—1749
Резмий-Бахадур Гирей	1637—1641	Арслан Гирей	1749—1756
Камиль-Мухаммед Гирей	1641—1644	Крым Гирей	1756—1764
Ислам Гирей II	1644—1654	Селим Гирей III	1764—1766
Камиль-Мухаммед Гирей	1654—1666	Арслан Гирей	1766
Адиль Гирей	1666—1671	Максуд Гирей	1766—1768
Эльхадж-Селим Гирей	1671—1677	Крым Гирей	1768—1769
Мурад Гирей	1677—1682	Селим Гирей III	1769—1771
Хаджи Гирей II	1682—1684	Сагиб Гирей II	1771—1774
Эльхадж-Селим Гирей	1684—1691	Девлет Гирей IV	1774—1776
Саадет Гирей II	1691—1692	Шагин Гирей II	1776—1783

Приложение 2

Выдержки из «СОГЛАШЕНИЯ Между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота»[303]

Российская Федерация и Украина, далее именуемые Сторонами, действуя в соответствии с Соглашением между Российской Федерацией и Украиной по Черноморскому флоту от 9 июня 1993 года, согласились в нижеследующем:

Статья 3

1. Черноморский флот Российской Федерации использует также следующие пункты базирования и места дислокации:

31-й испытательный центр с соответствующими объектами обеспечений; аэродром Гвардейское с объектами обеспечения; военный санаторий «Ялта» – в г. Ялта; 830-й пост связи и ретрансляции; г. Ялта и 1001-й пункт высокочастотной связи в населенном пункте Прибрежное Судакского района, использование которым определяется отдельным соглашением между министерствами обороны Сторон; 2436-й склад ракетного топлива на станции Мамут.

Статья 7

1. Обычные вооружения и техника, ограничиваемые Договором об обычных вооруженных силах в Европе от 19 ноября 1990 года, находятся в частях морской пехоты Черноморского флота Российской Федерации. Эти вооружения и техника размещаются на территории Украины на временной основе и не превышают 132 боевых бронированных машин и 24 артиллерийских единиц калибра 100 миллиметров и выше.

2. боевые самолеты морской авиации наземного базирования Черноморского флота Российской Федерации, временно находящегося на территории Украины, не превышают 22 единицы.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

к Соглашению между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота

Раздел между Российской Федерацией и Украиной вооружений,

военной техники и средств обеспечения сил береговой обороны и морской пехоты Черноморского флота

№ п/п	Наименование	Количество			Примечание
		Всего	Передается		
			ЧФ РФ	ВМС Украины	
I. Основные виды вооружения и военной техники					
1.	Бронетранспортер (БТР-80)	201	95	95	11 — списаны в 1993 г.
2.	Бронетранспортер (БТР-70)	140	70	70	
3.	Бронетранспортер (БТР-60пб)	15	—	—	списаны в 1993—1994 гг.
4.	Бронетранспортер (БТР-60пбк)	11	4	5	2 — списаны в 1993 г.
5.	Танк (Т-64 А, Б)	258	110	146	2 — списаны в 1994 г.
6.	Боевая машина пехоты (БМП-2)	305	152	153	
7.	Боевая машина пехоты (БМП-3)	2	1	1	
8.	Боевая разведывательная дозорная машина: — БРДМ-2 — БРДМ-РХ	 52 26	 26 10	 26 7	 9 — списаны с 1995 г.
9.	Боевая разведывательная машина (БРМ-1К)	16	8	8	
10.	Бронированная ремонтно-эксплуатационная машина (БРЭМ-2)	6	3	3	
11.	Комплекс машин управления: — 1В17 (к-т 8 ед.) — 1В12 (к-т 8 ед.) — 1В119 (к-т 2 ед.)	 4 1 8	 1 1 4	 3 — 4	
12.	Гаубица 122-мм (Д-30)	72	36	36	
13.	Миномет 82-мм	97	57	40	
14.	Противотанковый ракетный комплекс: — 9П135 (Фагот) — 9П148 (Конкурс) — 9П151 (Метис)	 34 35 39	 20 16 20	 14 16 19	 3 — списаны в 1993 г.

15.	Зенитно-ракетный комплекс «Стрела-10»	28	13	12	3 — списаны в 1994 г.
16.	Зенитная самоходная установка «Шилка»	12	4	4	4 — списаны в 1995 г.
17.	Пушка 100-мм	30	15	15	
18.	Командно-штабная машина (Р-145, Р-156)	22	7	15	
19.	Многоцелевой тягач (МТ-ЛБ)	86	43	43	
20.	Подвижный разведывательный пункт (ПРП-4)	13	6	7	
21.	Мостоукладчик МТ-55А	8	3	5	
22.	122-мм самоходная гаубица 2С1 «Гвоздика»	18	18	—	
23.	120-мм самоходное артиллерийское орудие 2С9 «Нона»	24	12	12	
24.	Боевая машина ЗРК «Оса»	18	18	—	
25.	Противотанковый гранатомет СПГ-9	23	12	11	
26.	Зенитная установка ЗУ-23—2	26	8	18	
27.	Пункт управления (ПУ-12)	9	9	—	
28.	Автомобили:				
	— легковые	40	17	18	5 — списаны в 1994—1995 гг.
	— грузовые	436	165	179	92 — списаны в 1993—1996 гг.
	— специального назначения	139	43	52	44 — списаны в 1993—1995 гг.
29.	Береговые ракетные комплексы:				
	— «Утес»	2	—	2	
	— «Редут»	1	1	—	
	— «Рубеж»	3	1,5	1,5	
30.	Береговые артиллерийские комплексы:				
	— МБ-3—12	1	1	—	
	— МБ-2—180	1	—	1	без ПУС
	— Б-13—1с	1	—	1	с боекомплектом
	— КСМ-65	1	—	1	с боекомплектом
	II. Вооружение и имущество 301-й артиллерийской бригады, перешедшей в ВС Украины 31 декабря 1992 г.				
1.	152-мм пушка 2А36 «Гиацинт»	43	—	43	
2.	152мм гаубица-пушка Д-20	72	—	72	
3.	Автоматический звуковой комплекс (АЗК-5)	1	—	1	
4.	Станция АРК-1	1	—	1	

5.	Станция СНАР-10	1	—	1	
6.	Комплекс машин управления 1В17 (к-т 8 ед.)	4	—	4	
7.	Подвижный разведывательный пункт (ПРП-3, ПРП-4)	7	—	3	
8.	Бронетехника	31	—	31	
9.	Автомобили	308	—	308	
10.	Боеприпасы	3740 т		3740 т	
11.	Другое имущество		—	100%	
III. Запасы стрелкового оружия и боеприпасов					
1.	Стрелковое оружие (шт.)	36 087	14 046	21 919	132 — списано и утилизировано
2.	Боеприпасы (т) Из них: а) тактические запасы б) оперативные запасы	12579,2 6189,7 6389,5	1630,3 1630,3 —	10622,4 4232,9 6389,5	326,5 — списано и утилизировано

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

к Соглашению между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота

Раздел между Российской Федерацией и Украиной вооружений, военной техники и средств обеспечения морской авиации наземного базирования Черноморского флота

№ п/п	Наименование	Количество			Примечание
		Всего	Передается		
			ЧФ РФ	ВМС Украины	
I. Летательные аппараты					
1.	Ту-22м3	40	19	20	1 — утерян в катастрофе
2.	Ту-22р	14	7	7	
3.	Ту-22у	6	3	3	
4.	Ту-22пп	4	2	2	
5.	Бе-12пл	20	10	10	
6.	Бе-12пс	3	2	1	
7.	Ан-12т	4	3	1	

8.	Ан-12рр	3	1	2	
9.	Ан-26	10	5	5	
10.	Ан-24	1	—	1	
11.	Су-17м3	40	20	20	
12.	Су-17ум	5	2	3	
13.	Ту-134а	1	1	—	
14.	Ан-2	9	5	4	
15.	Ту-16к	16	8	8	
16.	Ту-16р	1	1	—	
17.	Ту-16спс	5	2	3	
18.	Ту-16зщ	1	1	—	
19.	Ка-25пл	36	18	18	
20.	Ка-25бшз	4	2	2	
21.	Ка-25ц	4	2	2	
22.	Ка-25пн	6	3	3	
23.	Ка-25у	6	3	3	
24.	Ка-27с	4	2	2	
25.	Ка-28	4	4	—	
26.	Ми-14пл	44	17	20	7 — переданы Грузии
27.	Ми-14пс	6	3	3	
28.	Ми-14бт	5	2	3	
29.	Ми-9	1	1	—	
30.	Ми-8	26	12	12	2 — утеряны в катастрофе
31.	Ми-6	2	2	—	

Ратифицировано Федеральным Собранием (Федеральный закон от 3 июля 1999 кда№ 123-ФЗ – Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 27, ст. 3185).

Список использованной литературы

Азаров И.И. Осажденная Одесса. М.: Воениздат. 1962.

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004.

Андреев А.Р. История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М.: Издательство Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. М.: Воениздат, 1958.

Бабич В.В. Наши авианосцы на стапелях и в дальних походах. Николаев: Атолл, 2003.

Балакин С.А. «Гремящий» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7. Морская коллекция № 2/1996

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987.

Батов П.И. В походах и боях. М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1984.

Белая армия. Бело дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург. № 11/2002.

Бизертский Морской сборник 1921–1923. Избранные страницы / Составит. В.В. Лобыцын. М.: Согласие. 2003

Боевая летопись Военно-Морского флота. 1941–1942. М.: Воениздат, 1983.

Боргезе В. Десятая флотилия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957

Борьба за Севастополь 1941–1942 гг. Дополнение к докладным запискам об иностранных укреплениях Инспектора инженерных и крепостных войск Вермахта от 1 апреля 1943 г., Берлин, 1943.

Брагадин Марк-Антонио. Итальянский флот во Второй мировой войне. Екатеринбург: Зеркало, 1997.

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию… М.: АИРО – XX, 1995.

В катакомбах Аджимушкая: Документы, воспоминания, статьи. 4-е изд. Симферополь, 1982.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. В 2 кн. Киев: Украина, 1995.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999.

Веникеев Е.В., Артеменко Л.Т. Пенители Понта. Пиратство в Черном море. Симферополь: Таврия, 1992.

Вице-адмирал Корнилов / Под ред. Н.В. Новикова и П.Г. Софинова. М.: Воениздат, 1947.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Санкт-Петербург, 1911–1915.

Вспомогательный флот ЧФ России. Симферополь: Таврида, 2004.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Том 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942). М.: Воениздат, 1971.

Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1955.

Гражданская война в России: оборона Крыма. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Под ред. С.С. Хромова. М.: Советская Энциклопедия, 1983.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-запад / Под ред А.А. Соболева. Ленинград, 1925.

Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. Геополитика и стратегия. СПб, 2003.

Датюк Н. Штурм Перекопа. М., 1939.

Диксон Ч.О., Гейльбруин О. Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос. 2003.

Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь: Бизнес-информ, 1998.

Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 в официальных документах. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2004.

Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005.

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969.

Известия таврической ученой архивной комиссии (год девятнадцатый) № 37 / Под ред. Арсения Маркевича. Симферополь, 1905.

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…»:

Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992.

История отечественной артиллерии. Т. III. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (Октябрь 1917 – июнь 1941 гг.). Кн. 7. Советская артиллерия в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР (1917–1920 гг.). М. – Л-д: Воениздат, 1963.

История Севастопольского арсенала, Севастополь, 1999.

История Украинской ССР в 10 томах / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев: Наукова Думка, 1982.

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. Отчет.

Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 гг. СПб.: ОБЛИК, 1991.

Карель П. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: ИЗОГРАФУС, ЭКСМО, 2003

Карпов Н.Д. Трагедия Белого Юга. М.: Вече, 2005.

Касатонов И.В. Флот вышел в океан. М.: Андреевский флаг, 1996.

Керсновский А.А. История русской армии, в 4 т. Т. 2. М.: Голос, 1993.

Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.

Климов А.Д. Деятельность командования и политорганов Черноморского флота по укреплению береговой обороны в первые месяцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ленинград, 1967.

Костев Г.Г. Военно-морской флот страны 1945–1995. Взлеты и падения. СПб.: Наука, 1999.

Костриченко В.В. Трагедия Черноморского флота. Рукопись

Красных Е. Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю…» Биография. М.: Издательство РДЛ, 2003.

Крым в Великой Отечественной войне. Сборник документов и материалов / Сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. Симферополь: Таврия,1973.

Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1./Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988.

Крымъ. Историко-краеведческий альманах / Под ред. В.Ф. Козлова. М., 2004.

Лаврова Т.В. Черноморские проливы. (Исторический очерк). Ростов-на-Дону, 1997.

Ленский А.Г., Цыбин М.М. Советские сухопутные войска в последний год Союза ССР. Справочник. СПб., 2001

Литвин Г.А. Смирнов Е.И. Освобождение Крыма. М.: Агентство «КРЕЧЕТ», 1994.

Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ, 1999.

Маношин И.С. Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. / Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб, 1872.

Монастырев Н.А. Гибель царского флота. СПб.: ОЛИК, 1995.

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым. Сентябрь 1941-го – июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Борлюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003.

Октябрь 1920-го. Последние бои русской армии генерала Врангеля за Крым / Состав. А. Дерябин. М.: Рейтар, 1995.

Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов /Составители Чугунов А.И., Каряева Т. Ф., Сахарова Е.В. и др… М.: Наука, 1968.

Подводные силы Черноморского флота / Под ред. В.А. Кравченко. Симферополь: Таврида, 2004.

Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Под ред. Л.Е. Горизонтова. М.: Институт славяноведения РАН, 2005.

Романько О.В. Крымско-татарские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1941–1954) /Новый часовой. 1994.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. В 2 кн. /Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1993.

Скориков Ю.А. Севастопольская крепость, СПб, Стройиздат, 1997.

Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука, 1990.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Германии и ее союзников, нанесенных от ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг… М.: Издание Генштаба, 1957.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1959.

Субтельный О. Украина: история. Киев: Лебедь, 1994.

Три века российского флота / Под ред. И.В. Касатонова: СПБ, LOGOS,

1996.

Україна в цифрах в 1991. Київ, 1992.

Флот в Белой борьбе / Составит. С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2002.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. М.: Центрполиграф, 2004.

Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 21 июня по 31 декабря 1941 г. М.: Ленинград: Управление военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С 1 января по 3 июля 1942 г… М.: Воениздат, 1946.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 3. С 4 июля по 31 декабря 1942 г… М.: Воениздат, 1948.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 6. С 1 января по 9 сентября 1944 г… М.: Воениздат, 1951.

Шавшин В. Г. Балаклава. Исторические очерки. Симферополь, Базнес-Информ, 2004.

65 лет на страже Родины. 1939–2004 год. История Краснознаменного соединения кораблей охраны водного района главной базы Черноморского флота. Владимир: Транзит-Икс, 2004.

Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Воениздат, 1999.

Широкорад А.Б. Атомный таран XX века. М.: Вече, 2005.

Широкорад А.Б. Битва за Крым. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Широкорад А.Б. Битва за Черное море. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Широкорад А.Б. Военные загадки Древней Руси. М.: Вече, 2005.

Широкорад А.Б. Огненный меч Российского флота. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004.

Широкорад А.Б. Русско-турецкие войны. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2000.

Широкорад А.Б. Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005.

Широкорад А.Б. Флот, который уничтожил Хрущев. М.: ООО «Издательство АСР»: ОАО «ВЗОИ», 2004.

Широкорад А.Б. Чудо-оружие Российской империи. М.: Вече, 2005.

Штаб Российского Черноморского флота. 1831–2001. Исторический очерк / Под ред. В.П. Комоедова. Симферополь: Таврида, 2002.

Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX века. В 2-х т. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002.

Ядерный архипелаг. Составитель Б.И. Огородников. М.: ИздАт, 1995.

Яровицкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990.

Иллюстрации

Британские мортиры, решившие исход борьбы за Севастопольские укрепления. 1855 г.

Русские укрепления под Севастополем после их захвата союзниками. 1855 г.

Танки 4-го отряда Вооруженных сил Юга России по пути в Добровольческую армию. 1919 г.

Танк «Сфинкс», захваченный красными в бою 5 сентября 1920 г. на

Каховском плацдарме.

(На танке сидят: С.И. Гусев, М.В. Фрунзе, Д.М. Карбышев.)

На переднем плане – германский танк радиоуправления, сзади – радиоуправляемые машины B-IV

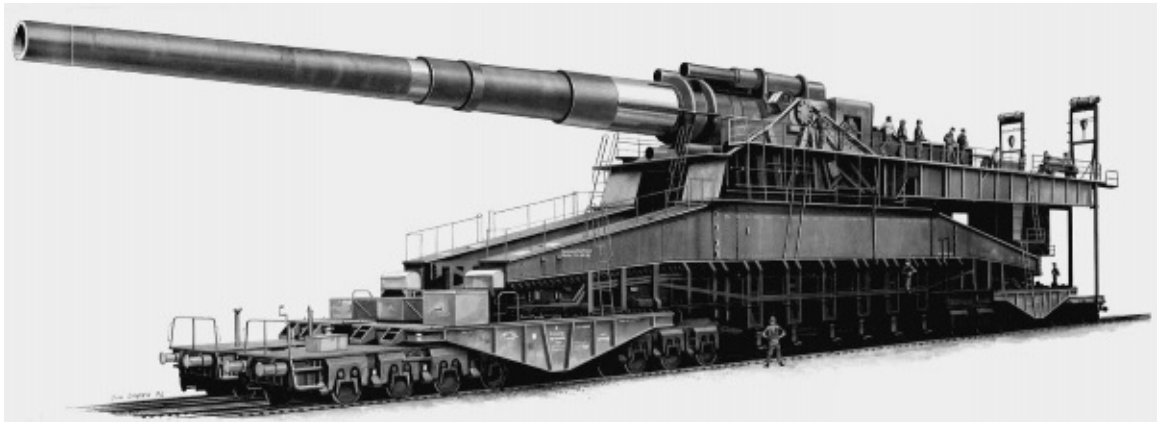
Танк Т-26, разбитый германской авиацией. Севастополь. Июль 1942 г.

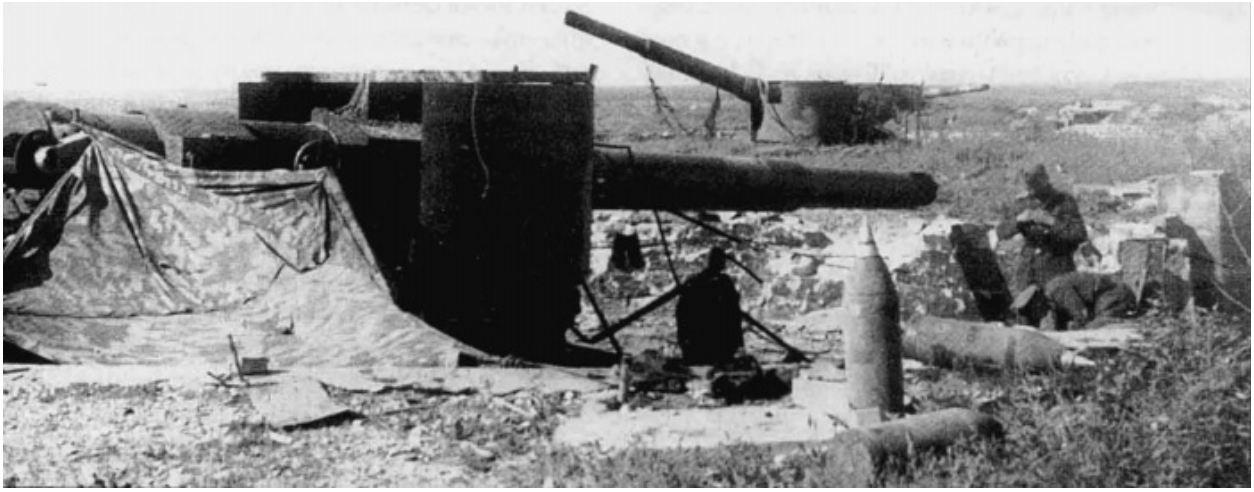
Германский реактивный 32-см снаряд

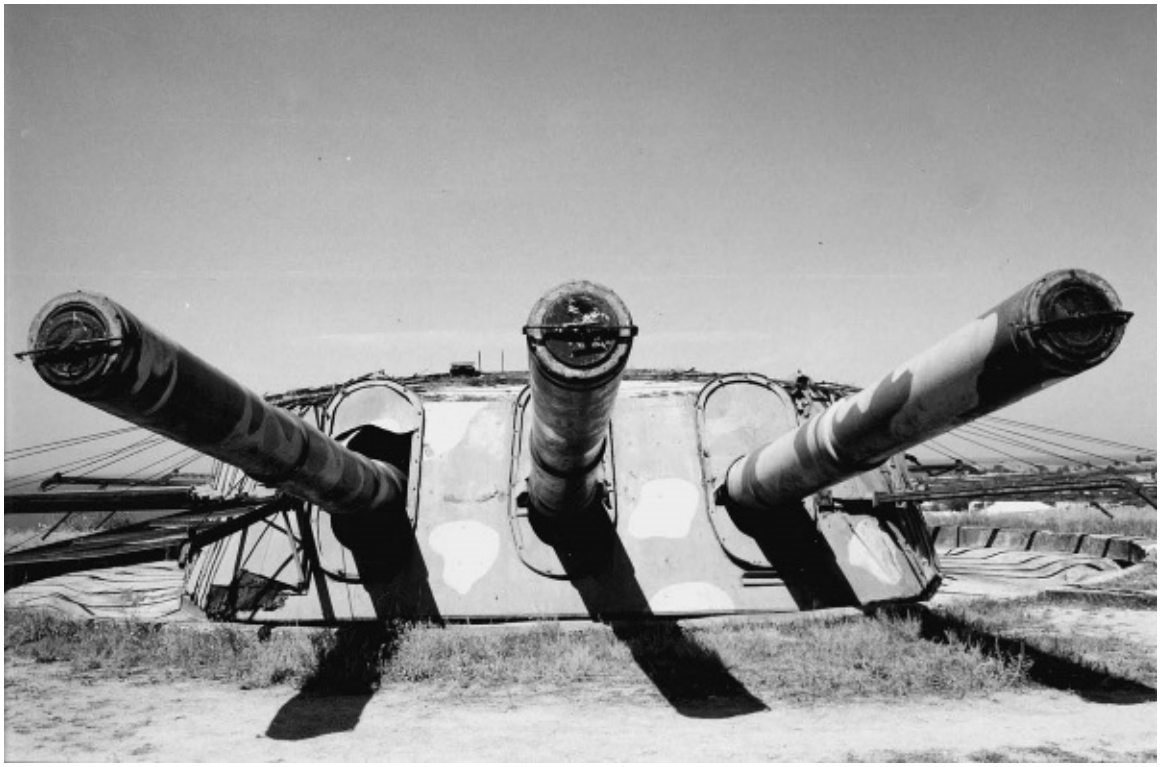
Танк французского производства SOMUA S-35 из состава 204-го танкового полка вермахта. Крым, лето 1942 г.

80-см железнодорожная установка «Дора»

Разбитые орудия батареи № 30

Трехорудийная 305-мм башенная установка на батарее № 30 (современный вид)

130/50-мм установка Б-13 в куполообразном щите. Крым, мыс Херсонес

Установка реактивных снарядов Nb.Wf.41 на позиции

Немцы на захваченной 203-мм батарее. Севастополь. 1942 г.

Осколок 60-см германского снаряда

Вход на развалины 35-й батареи

Колодец, в котором стояла башенная установка 35-й батареи. Сверху – домики «новых украинцев», которые подбираются к самым развалинам

Украина ремонтирует в Балаклаве грузинский вооруженный катер. Балаклава, август 2005 г.

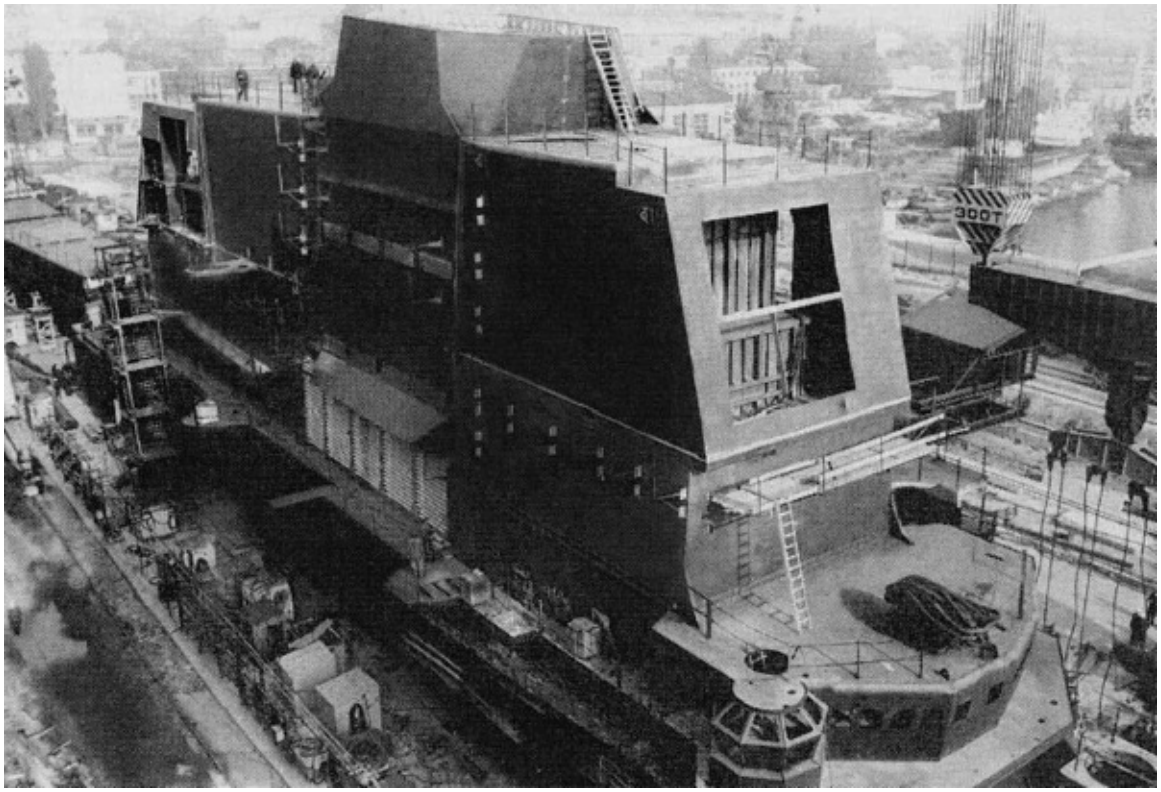
Грузинский катер другого типа, который украинцы ремонтируют в Южной бухте Севастополя

Плавбаза эвакуирует из Тартуса (Сирия) имущество Черноморского флота

Буксировка авианесущего крейсера «Варяг» в Босфоре.1 ноября 2001 г.

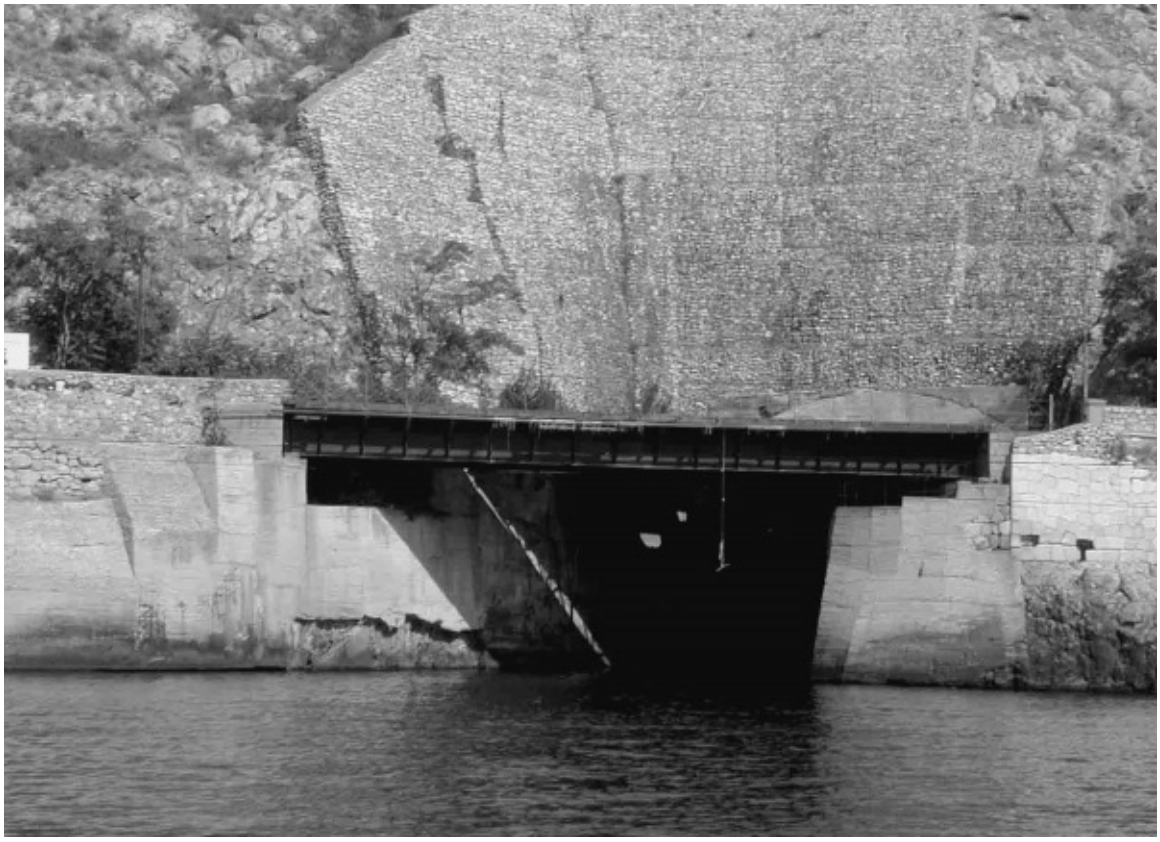
Надстройка авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов» на предстапельной площадке. 1985 г.

Гордость ВМС Украины – единственная подводная лодка «Запоріжжя»

«Запоріжжя» ремонтируется в доке в Балаклаве, и конца этому ремонту не видно

Вход в подземную базу и подземный завод подводных лодок в Балаклаве

Погружающийся стенд в море у Балаклавы, с которого испытывались

крылатые и баллистические ракеты подводных лодок

Современный украинский экспорт: а) германские самоходные орудия и

зенитные установки – трофеи 1944 г. – отправляются коллекционерам в Германию; б) Советские 122-мм САУ «Гвоздика» – кому они предназначаются, знает только Киев

Шедевр украинской инженерной мысли – пусковая установка реактивных снарядов 1950-х гг. С-5 – на шасси автомобиля «Запорожец»

Памятник в центре Ялты, в 100 м от набережной. Надпись на четырех языках гласит: «Крымским татарам, погибшим при выселении и умершим на чужбине в тоске по Родине, вечная память»

---

notes

Примечания

1

862 год от Рождества Христова.

2

Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

3

Подробнее о приходе на Русь Рюрика и спорах историков см.: Широкорад А.Б. Дипломатия и войны князей от Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006.

4

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос. 2003. С. 212.

5

Цит. по: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1993. С. 346.

6

Жития Георгия Амастридского / Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 91

7

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 376—377.

8

Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь: Бизнес-информ, 1998. С. 115—116.

9

Подробнее об этом см.: Широкорад А.Б. Дипломатия и войны князей от Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006.

10

Ногай считал себя ханом, хотя он и не был потомком Чингисхана.

11

Яровицкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова Думка, 1990. Т. 1. С. 322.

12

Для того чтобы дать возможность своим лошадям помочиться *(фр.)*.

13

Иногда его называли Ат-Яр и Ак-Яр.

14

Полака (полакра) – быстроходное двух– или трехмачтовое судно. Паруса прямые или косые. При необходимости использовались весла. Полаки получили распространение в Средиземноморье в XVII – первой половине XIX веков и применялись в качестве торговых или военных судов. Они были любимыми кораблями средиземноморских пиратов (корсаров). Вооружение полаков – мелкокалиберные пушки и фальконеты. Греческие корсарские полакры, присоединившиеся к русскому флоту в Архипелаге в 1770—1774 гг., ранее были греческими торговыми судами или были захвачены корсарами в Средиземном море.

15

Авторы, именующие парусные или парусно-паровые корабли линейными кораблями, допускают грубую ошибку. Под кораблем тогда понималось судно, вооруженное от 64 до 130 пушками, далее шли фрегаты, корветы, бриги и т. д. Термин «линейный корабль» появился уже в XX веке.

16

Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1955. С. 484.

17

Это цитата из книги эмигрантского историка монархиста Керсновского А.А. История русской армии, в 4 т. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814—1881. М.: Голос, 1993. С. 245.

18

Наиболее авторитетный в XIX. – начале XX в. генеалогический справочник.

19

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992. С. 90.

20

А по некоторым данным, сумели вступить с ним в контакт.

21

Номинальная л.с. – это расчетная мощность машины. Она у первых пароходов была близка к фактической или, как ее тогда называли, индикаторной, но по мере совершенствования машин все больше расходилась с ней.

22

Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX века. В 2 т. М.: Изографус, ЭКСМО-пресс, 2002. С. 487-491.

23

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Тысячелетняя битва за Царьград».

24

Здесь и далее я привожу факты из аполитичной книги «Известия Таврической ученой архивной комиссии (год девятнадцатый) № 37» под редакцией правителя дел Арсения Маркевича, изданной в 1905 г. в Симферополе. Книга эта представляет собой просто изложение губернских архивных дел без всяких комментариев и тем более без выводов.

25

Там же. С. 17.

26

Там же. С. 18.

27

Там же. С. 21.

28

Там же.

29

Там же. С. 26.

30

Там же. С. 27.

31

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Санкт-Петербург, 1911—1915.

32

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. / Под ред. Н. Дубровина. Выпуск Ш. СПб, 1872. С. 128—132.

33

Руднев В.Ф. – капитан 1 ранга, командир крейсера «Варяг».

34

Кондукторы – в русском военном флоте ближайшие помощники офицеров-специалистов. На больших кораблях имелись кондукторы: старший боцман, рулевой, сигнальный, телеграфный, артиллерийский, минный, машинный, кочегарный, старший фельдшер и др.

35

Цит. по: Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004. С. 10.

36

Цит. по: Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах.

С. 35—36.

37

Алексей Максимович Каледин (1861—1918) по происхождению из дворян. В 1889 г. окончил академию Генерального штаба. Генерал от кавалерии. 17 (30) июня 1917 г. на Большом войсковом круге избран атаманом Донского казачества.

38

См.: Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005. С. 147.

39

Цит. по: Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. С. 102.

40

Там же. С. 103.

41

Гидрокрейсер «Румыния» (база гидросамолетов) – бывший румынский пароход водоизмещением 4500 т. Скорость 16 уз. Вооружение: четыре 152/45-мм и одна 75/50-мм пушки.

42

Цит. по: Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. С. 105—106.

43

В качестве комментария: 20 декабря 1917 г. большевики постановили, чтобы севастопольские буржуи выплатили им контрибуцию в 5 млн. рублей. Замечу, что ранее контрибуция налагалась лишь на захваченные вражеские города.

44

Бизертский Морской сборник 1921—1923. Избранные страницы / Составит. В.В. Лобыцын. М.: Согласие, 2003. С. 121—122.

45

Цит. по: Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. С. 151.

46

Там же.

47

Миллер (Шепте) Жан Августович (1880—1939). Курляндский немец. В социал-демократической партии с 1905 г. Участник революционных событий 1905—1907 гг. В США жил с 1907 по 1917 г., закончил высшие коммерческие курсы. В 1917 г. по решению ЦК РСДРП(б) послан в Крым. Занимал должности председателя Евпаторийского комитета РСДРП(б), председателя Симферопольского ревкома, руководил ЦИК Республики Тавриды. С 1919 по 1931 г. на дипломатической работе в США. После возвращения в СССР исполнял обязанности внештатного партследователя. Репрессирован в 1939 г.

48

Саблин Михаил Павлович. Родился в 1869 г. Контр-адмирал. В 1918 г. перешел в Добровольческую армию. 25 марта – 28 августа 1919 г., 8—17 февраля и 19 апреля – 12 октября 1920 г. командующий Черноморским флотом. Умер 17 октября 1920 г. в Ялте.

49

Скоропадский Павел Петрович (1873—1945). Служил в полку кавалергардов. К 1917 г. генерал-лейтенант.

50

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. С. 164.

51

Крым (Нейман) Соломон Самойлович (1867—1936). По национальности караим. Капиталист и помещик. Дважды избирался в Государственную думу. Умер в эмиграции во Франции.

52

Цит. по: Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. С. 177—178.

53

Там же. С. 178.

54

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-запад / Под ред. А.А. Соболева, Л., 1925. С. 25.

55

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. С. 208.

56

Там же. С. 210-211.

57

Флот в Белой борьбе / Составит. С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2002. С. 86.

58

Цит. по: Красных Е. Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю.» Биография. М.: Издательство РДЛ, 2003. С. 478.

59

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999. С. 289—292.

60

Там же. С. 297.

61

Дмитрий Ильич Ульянов (1874—1943). Младший брат В.И. Ленина. В 1901 г. окончил медицинский факультет Юрьевского университета. Член РСДРП(б) с 1903 г. В 1911—1914 гг. санитарный врач Феодосийского уезда. С августа 1914 г. по май 1917 г. врач Севастопольского крепостного госпиталя. С декабря 1917 г. по май 1918 г. член Таврического комитета РСДРП(б), редколлегии газеты «Таврическая правда». В 1918—1919 гг. в партийном подполье Крыма. С апреля 1919 г. член Евпаторийского комитета РКП(б). В мае 1919 г. председательствующий СНК СССР, нарком здравоохранения и соцобеспечения. В 1920—1921 гг. член Крымского обкома РКП(б) и ревкома, возглавил первое Центральное управление курортами Крыма. С 1921 г. в Наркомздраве, возглавил сануправление Крыма.

62

Самоходные баржи, вооруженные 152-мм орудиями. Название свое получили из-за установленных на них шведских бензиновых двигателей «Болиндер».

63

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. Юго-запад. С. 59—60.

64

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 408.

65

Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917—1920 годах. С. 239.

66

Там же. С. 259—260.

67

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. С. 87.

68

Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука, 1990. С. 42.

69

Там же. С. 43, 44.

70

Там же. С. 54—55.

71

Это версия Врангеля, а Слащов утверждал, что барон захватил пароход «Александр Михайлович» и сделал его своей резиденцией.

72

Цит. по: Петр Врангель. Оборона Крыма в 1920 г. / Гражданская война в России: оборона Крыма. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 188.

73

Там же. С. 179.

74

Там же. С. 327.

75

Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. С. 100.

76

Бабиев Николай Гаврилович родился в 1887 г. в семье казачьего офицера. 18 июня 1919 г. получил звание генерал-лейтенанта. В русской армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. Убит 30 сентября 1920 г. у села Шолохово.

77

Улагай Сергей Георгиевич родился в 1875 г. в семье офицера. С 12 ноября 1918 г. генерал-майор. С 1919 г. генерал-лейтенант. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

78

История отечественной артиллерии. Т. III. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (Октябрь 1917 – июнь 1941 гг.). Кн. 7. Советская артиллерия в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР (1917—1920 гг.). М. – Л.: Воениздат, 1963. С. 608—609.

79

В русской крепостной артиллерии были 152-мм пушки образца 1877 г. весом в 190 и 120 пудов, и их так официально именовали.

80

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. III. С. 220. (Курсив А.А. Соболева.)

81

Эльпидифор – мелкосидящее морское торговое судно с машиной в кормовой части. В годы Первой мировой войны мобилизованные и вновь построенные эльпидифоры использовались в качестве канонерских лодок и десантных судов.

82

Старый бронепоезд «Иоанн Калита» был брошен 12 марта 1920 г. На его базе был сформирован красный бронепоезд № 40. Новый бронепоезд «Иоанн Калита» был сформирован в начале лета 1920 г. в Крыму на базе 2-й батареи 1-го дивизиона тяжелой артиллерии.

83

Цит. по: Петр Врангель. Оборона Крыма в 1920 г. / Гражданская война в России: оборона Крыма. С. 441—443.

84

Там же. С. 443.

85

По данным Иванова В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. С. 173.

86

ЦХИДК. Ф. 211. Оп. 1. Д. 188.

87

Бела Кун – венгерский еврей, председатель венгерской компартии. В августе 1920 г. эмигрировал в Советскую Россию. В 1939 г. расстрелян по обвинению в шпионаже. В 50-х годах реабилитирован.

88

Землячка – Розалия Самойловна Залкинд (1876—1947), член РСДРП с 1896 г., с 1939 г. член ЦК ВКП(б).

89

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 21 июня по 31 декабря 1941 г.. М., Л.: Управление военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945.

90

Октябрьский Филипп Сергеевич (1899—1969). Участник Гражданской войны. В 1928 г. окончил курсы при военно-морском училище им. М.В. Фрунзе. С 1939 г. командующий Черноморским флотом. В июне 1941 г. вице-адмирал. С 1944 г. адмирал. В ходе войны командующий Черноморским флотом (июнь 1941 г. – апрель 1943 г. и с марта 1944 г.) и Азовской военной флотилией (июнь 1943 г. – март 1944 г.). Герой Советского Союза (1958 г.). Награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова 1-й степени, орденом Нахимова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

91

Посты СНИС – посты системы наблюдения и связи. Посты ВНОС – посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.

92

Азаров И.И. Осажденная Одесса. М.: Воениздат, 1962. С. 21.

93

Россия. XX век. Документы. 1941 год. В 2 кн. /Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2. С. 436.

94

Там же. С. 443.

95

Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981. С. 120—121.

96

Три века российского флота / Под ред. И.В. Касатонова, СПБ: LOGOS, 1996. Т. 3. С. 49.

97

ЦВМА. Ф. 216. Д. 124 867. Ф. 2. Д. 10 453.

98

Подводные силы Черноморского флота / Под ред. В.А. Кравченко. Симферополь: Таврида, 2004. С. 43.

99

Транспорт «Восток» построен в 1901 г. Стандартное водоизмещение 4756 т. Скорость 9 уз. 15 мая 1942 г. погиб на мине в Керченском проливе.

100

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 10.

101

Батов П.И. В походах и боях. М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1984. С. 12-13.

102

Хроника… Выпуск 1. С. 13.

103

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Том 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942). М.: Воениздат, 1971. С. 296.

104

Карел П. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941—1943. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. С. 241—243.

105

Батов П.И. В походах и боях. С. 35.

106

В 1928 г. большевики переименовали Алешки в Цюрюпинск, но в документах периода Великой Отечественной войны городок часто называли Алешки.

107

Батов П.И. В походах и боях. С. 40.

108

Роттенфюрер – звание в войсках СС, соответствующее обер-ефрейтору в армии.

109

Унтерштурмфюрер – звание в войсках СС, соответствующее лейтенантскому в армии.

110

Карель П. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. С. 243—245.

111

Уникальный связной самолет, для посадки ему требовалось 20—25 м, а для взлета – 60 м. Storch – по-немецки аист.

112

ОКХ – Главное командование сухопутных сил Германии.

113

19 октября румынские войска получили район для самостоятельных действий.

114

После прибытия дивизии «Лейбштандарт» она была включена в состав 30-го корпуса, а 170-я пехотная дивизия переведна в 49-й горный корпус.

115

Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. С. 228, 229.

116

Там же. С. 232.

117

Формирование Азовской военной флотилии началось 22 июля 1941 г. Организационно она подчинялась командованию Черноморского флота, но вела боевые действия на Азовском море, практически независимо от него.

118

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. М.: Наука, 1987.С. 53

119

Хроника… Выпуск 1. С. 130.

120

Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Киев: Украина, 1995. Кн. 1. С. 22.

121

Хроника. Выпуск 1. С. 147.

122

Это согласно донесению. Откуда взялись эти танки – можно только гадать.

123

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым. Сентябрь 1941 – июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002. С. 10—11.

124

Хроника. Выпуск 1. С. 151.

125

Батов П.И. В походах и боях. С. 117.

126

Там же. С. 98.

127

Так авторы «Хроники…» именовали легкий чешский танк обр. 1935 г., который в вермахте получил обозначение 35(t). Цифра означала год принятия на вооружение, а буква – название страны. Весил танк всего 10,5 т. Ладно, моряки, но и наши маршалы и генералы в своих послевоенных мемуарах героически сражались против «35-тонных» германских танков.

128

Хроника. Выпуск 1. С. 186.

129

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 242.

130

Первушин А.Н. Дороги, которые мы не выбирали. М., 1974. С. 85.

131

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 65—66.

132

Хроника. Выпуск 1. С. 203.

133

Бронепоезд № 1 принадлежал РККА, а бронепоезд № 2 («Орджоникидзе») – флоту.

134

Хроника. Выпуск 1. С. 205—206.

135

Там же. С. 213.

136

Регистровая вместимость судна – объем внутренних помещений торгового судна, исчисляемый в регистровых тоннах (1 рт = 100 куб. футам = 2,83 куб. м). Различают полную (валовую), или брутто регистровую вместимость (брт) и чистую, или нетто регистровую вместимость (нрт). В полную вместимость входят объемы всех судовых помещений, в т.ч. и помещения палубных надстроек, за исключением междудонного пространства и помещений, занятых вспомогательными механизмами, воздушными и световыми шахтами. Брутто регистровая вместимость служит одним из показателей размеров судна, и именно она учитывается при определении тоннажа торгового флота какой-либо страны или мирового тоннажа.

137

В числителе – в надводном положении, в знаменателе – в подводном положении.

138

Для первого варианта / для второго варианта.

139

Брагадин Марк Антонио. Итальянский флот во Второй мировой войне. Екатеринбург: Зеркало, 1997. Часть 2. С. 73.

140

Родной брат Амедео – изобретателя взрывающихся катеров.

141

По другим данным, 3 июня.

142

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 282—283.

143

Боргезе В. Десятая флотилия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.С. 197.

144

Там же.

145

Там же.

146

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С 1 января по 3 июля 1942 г. М.: Воениздат, 1946. С. 283.

147

Боргезе В. Десятая флотилия. С. 197—198. Фраза, взятая в кавычки, заимствована Боргезе из дневника командира колонны Ленци.

148

Там же. С. 198.

149

Там же. В кавычках – из дневника Ленци.

150

Всего с 21 сентября 1942 г. по 13 апреля 1944 г. подводная лодка «С-31» выпустила 22 торпеды, но достоверно потопила лишь десантную баржу «F-5800> (9 декабря 1943 г. с дистанции 2,5 каб., т.е. 457 м).

151

Боргезе В. Десятая флотилия. С. 202—203. В кавычках – из дневника Ленци.

152

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1959. С. 101.

153

383—й стрелковый полк имел трехбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из личного состава школы НКВД, второй батальон – из состава запасного артиллерийского полка береговой обороны и третий батальон – из состава Объединенной школы младшего комсостава береговой обороны, роты МПВО и химроты.

154

172-я стрелковая дивизия состояла из 3 полков. 514-й полк имел в своем составе два батальона; 1-й батальон был сформирован из остатков 172-й стрелковой дивизии; 2-й батальон укомплектован за счет 3 рот истребительного отряда и роты 51-го стрелкового полка. Кроме того, в состав этого полка был включен весь гарнизон долговременных оборонительных сооружений, расположенных на его участке. 2-й полк морской пехоты остался в прежнем составе. 3-й полк был вновь сформирован, в составе 3 батальонов, и получил наименование «1-й Севастопольский стрелковый полк». Первый его батальон был укомплектован за счет первого Перикопского батальона, второй – за счет батальона Дунайской флотилии и третий за счет батальона Школы оружия Учебного отряда Черноморского флота. Кроме того, на доукомплектование этого полка был обращен батальон Объединенной школы Учебного отряда. 31-й полк имел двухбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из остатков этого полка, второй батальон – за счет батальона Азовской военной флотилии.

155

287-й стрелковый полк трехбатальонного состава. Первый батальон был укомплектован за счет батальона запасного артиллерийского полка, второй – за счет 16-го батальона морской пехоты и третий – за счет 15-го батальона морской пехоты. 3-й полк морской пехоты был трехбатальонного состава. На его доукомплектование были обращены батальоны ВВС Черноморского флота, 17-й и 19-й батальоны морской пехоты, батальон Электромеханической школы Учебного отряда и пулеметно-минометный батальон. В составе 7-й бригады морской пехоты было 3 батальона. В качестве 3-го батальона в бригаду был влит 2-й Перекопский отряд.

156

Так в документе, видимо, все-таки 102/60-мм корабельная пушка обр. 1912 г.

157

161-й стрелковый полк был сформирован из остатков 95-й стрелковой дивизии. В качестве 3-го батальона в этот полк был включен 18-й батальон морской пехоты. 241-й стрелковый полк состоял из двух батальонов. Первый батальон был сформирован за счет батальона Электромеханической школы, второй – за счет батальона школы запаса.

158

Балакин С.А. «Гремящий» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7. Морская коллекция. 1996. № 2. С. 23.

159

Боевая летопись Военно-морского флота. 1941—1942. М.: Воениздат, 1983. С. 249.

160

Хроника… Выпуск 1. С. 209.

161

Там же. С. 215.

162

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 246—247.

163

Там же. С. 248—249.

164

Крейсер «Червона Украина» первым из кораблей эскадры 8 ноября открыл огонь по германским войскам, наступавшим на Севастополь.

165

Хроника… Выпуск 1. С. 230.

166

Там же. С. 232—233.

167

Там же. С. 236.

168

Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн. 1. С. 91.

169

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 38.

170

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 262—263.

171

Хроника. Выпуск 2. С. 12.

172

Там же. С. 11—12.

173

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 263.

174

Хроника… Выпуск 2. С. 14.

175

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 263.

176

Так сказано в «Хронике…». На самом деле германских войск в Новом Свете не было, а речь идет, видимо, о румынской комендатуре или штабе татарских войск самообороны.

177

Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн. 2. С. 28.

178

Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн. 2. С. 158.

179

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым. Сентябрь 1941-го – июль 1942 г. С. 86.

180

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 169.

181

Ванеев Г.И. Севастополь 1941-1942. Кн. 2. С. 170-171.

182

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым. Сентябрь 1941 – июль 1942 г. С. 86.

183

Там же.

184

Почему авторы назвали 22-ю танковую дивизию «отдельной», можно только гадать. То ли чтобы блеснуть терминологией, смысла которой не понимают, то ли с умыслом, чтобы объяснить ее отсутствие в составе 11-й армии Манштейна.

185

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым. Сентябрь 1941 – июль 1942 г. С. 79

186

Фон дер Гольц – германский генерал, активный участник интервенции в Россию в 1918 г.

187

Историческая справка в/ч № 51 353.

188

Борьба за Севастополь 1941—1942 гг. Дополнение к докладным запискам об иностранных укреплениях инспектора инженерных и крепостных войск вермахта от 1 апреля 1943 г. Берлин, 1943. С. 52—54.

189

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. М.: Воениздат, 1958. С. 172.

190

Здесь и далее история с боеприпасами Черноморского флота взята из совсекретного отчета «Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны». Гриф снят директивой ГШ ВС РФ от 20.10.1992 г.

191

«Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны». С. 27—29.

Я уже не говорю о 2495 снарядах к 305/40-мм пушкам и 1788 снарядах к 305/20-мм гаубицам Тихоокеанского флота, а также о тысячах 305-мм снарядов к армейским гаубицам обр. 1915 г., которые могли быть использованы для стрельбы из 305/52-мм пушек линкоров и береговых батарей.

193

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. С. 29.

194

Там же.

195

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Книга I. С. 169.

196

Партизанами они считались формально, на самом деле ядро их составляли сотрудники НКВД.

197

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. С. 203, 205.

198

Северо-Кавказский фронт образован 20 мая 1942 г. после упразднения Северо-Кавказского направления и расформирования Крымского фронта. В состав Северо-Кавказского фронта вошли 44-я, 47-я и 51-я армии, в оперативное подчинение – СОР, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Керченская ВМБ.

199

Хроника… Выпуск 2. С. 248.

200

Там же. С. 298.

201

Там же.

202

1 6-я ложная батарея находилась на берегу моря в 3,5 км от 35-й батареи в сторону м. Фиолент. При ее создании были использованы бетонные укрепления дореволюционной береговой батареи.

203

Хроника… Выпуск 2. С. 326.

204

Цит. по: Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 180.

205

Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия, Симферополь: Таврида, 2001. С. 58.

206

Там же. С. 59.

207

И.А. Заруба. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282.

208

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 81. (Октябрьский Ф.С. Письмо к Линчику. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 174).

209

Там же. С. 78. (П. Иноземцев. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 363.)

210

Там же. С. 80. (Зинченко А.И. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 169.)

211

Там же. С. 83. (Лощенко А.И. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282).

212

Там же. С. 120—121. (Пискунов Д.И. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 40.)

213

Там же. С. 122.

214

Там же. С. 123. (Карякин И.И. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 252—255.)

215

Там же. С. 132. (Заруба И.А. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282. Л. 162.)

216

Там же. С. 73.

217

Боргезе В. Десятая флотилия. С. 199—200.

218

Хроника. Выпуск 2. С. 334.

219

Хроника. Выпуск 3. С. 12.

220

Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 51.

221

Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн. 2. С. 249.

222

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. Симферополь: Таврия, 1973. С. 169.

223

Цит. по: Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. С. 271—272.

224

Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941—1944 в официальных документах. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2004. С. 245.

225

Там же. С. 245—247.

226

Там же. С. 248.

227

Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. С. 272—273.

228

Там же. С. 292—293.

229

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. С. 199.

230

Цит. по: Диксон Ч.О., Гейльбруин О. Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 61.

231

Там же.

232

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. С. 217—218.

233

Цит. по: Диксон Ч.О., Гейльбруин О. Коммунистические партизанские действия. С. 161—162.

234

Там же. С. 69.

235

Там же. С. 186.

236

Там же. С. 189.

237

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. С. 283.

238

Hiwi – сокращенное от HUfswillige (добровольные помощники). Так немцы называли советских граждан, сотрудничавших с оккупантами.

239

Ефимов А.В. Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941—1944 гг. // Российская община Севастополя. Май 2002 г.

240

ГААРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 40.

241

Ефимов А.В. Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941—1944 гг.

242

См. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 208.

243

По данным Влады Селиной («За что Сталин выселял народы»).

244

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 141—142.

245

Там же. С. 190.

246

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 209.

247

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию… М.: АИРО – XX, 1995. С. 146.

248

Там же. С. 2.

249

Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1./Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988. С. 80.

250

Там же.

251

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию… С. 146.

252

Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. 1. С. 298—299.

253

По данным Ефимова А.В. Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941—1944 гг.

254

К моменту окончания Второй мировой войны устарели не только линкоры, крейсера и эсминцы, заложенные при «проклятом царизме», но и крейсера проекта 26, эсминцы проектов 7 и 7У и т. д.

255

31 октября 1943 г. советские войска высадились на Керченском полуострове, но сумели захватить там лишь небольшой плацдарм. Подробнее об этом рассказано в моей книге «Битва за Черное море».

256

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. С. 339.

257

Литвин Г.А. Смирнов Е.И. Освобождение Крыма. М.: Агентство «КРЕЧЕТ», 1994. С. 82—83, 84.

258

Там же. С. 85.

259

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов /Составители Чугунов А.И., Каряева Т. Ф., Сахарова Е.В. и др.. М.: Наука, 1968. С.493.

260

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. С. 376.

261

Адмиралом Черного моря в 1944 г. был вице-адмирал Бринкман.

262

«Хроника…». Выпуск 6. С. 258—259.

263

Подробнее см. Широкорад А.Б. Отечественные минометы и реактивная артиллерия. Минск: Харвест, М: АСТ, 2000.

264

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. С. 381—382.

265

Данные на начало операции.

266

К-825 – подземная база подводных лодок.

267

4 х 4 км – типовая мишень для ракет П-5.

268

Крейсер «Слава» проекта 26 бис, бывший «Молотов». На флоте острили, что Вячеслав Молотов стал просто Славой.

269

Официальные документы того периода до сих пор закрыты, а в открытых документах приводится различное число судов.

270

Касатонов И.В. Флот вышел в океан. М.: Андреевский флаг, 1996. С. 147.

271

Ядерный архипелаг. Составитель Б.И. Огородников. М.: ИздАт, 1995. С. 80.

272

Костев Г.Г. Военно-морской флот страны 1945—1995. СПб.: Наука, 1999. С. 448—449.

273

По данным: 65 лет на страже Родины. 1939—2004 год. История Краснознаменного соединения кораблей охраны водного района главной базы Черноморского флота. Владимир: Транзит-Икс, 2004. С. 101.

274

Штаб Российского Черноморского флота / Под ред. В.П. Комоедова. Симферополь: Таврида, 2002. С. 116.

275

По данным: 65 лет на страже Родины. С. 119—121.

276

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Флот, который уничтожил Хрущев».

277

Коммунист. 1991, № 3. С. 107.

278

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…» : Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 134—136.

279

Там же. С. 138—139.

280

Вспомогательный флот ЧФ России. Симферополь: Таврида, 2004. С. 82.

281

Штаб Российского Черноморского флота. С. 123—124.

282

Там же. С. 125—126.

283

Там же. С. 133.

284

Там же. С. 139—141.

285

В рассказе о судьбе кораблей использованы материалы, присланные автору севастопольским историком флота Виталием Васильевичем Костриченко.

286

УТС-10 – переоборудованная подводная лодка Щ-209.

287

Подводные силы Черноморского флота. С. 274.

288

Там же. С. 275—276.

289

Там же. С. 281—282.

290

По данным В.В. Костриченко «Трагедия Черноморского флота» (рукопись).

291

Подводные силы Черноморского флота. С. 282.

292

Бабич В.В. Наши авианосцы на стапелях и в дальних походах. Николаев: Атолл, 2003. С. 197—199.

293

Там же. С. 203—204.

294

Там же. С. 204.

295

Автор использует материалы из статьи Сергея Горбачева «Крымская Калифорния» // Альманах «Остров Крым» № 1 (материалы сайта: http:// ok.archipelag.ru/part1/krimskaya-kaliforniy) и Бориса Сибирского «Полуостров замедленного действия» // За семью печатями. 2005. № 7.

296

Борис Сибирский. Полуостров замедленного действия.

297

По данным: Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Под ред. Л.Е. Горизонтова. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 278.

298

По данным: Украша в цифрах в 1991. Кшв, 1992.

299

Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. С. 287.

300

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003. С. 86.

301

Аркадий Чикин «Ахиллесова пята Крыма» // Российская община Севастополя. № 6 (140). Июнь 2004.

302

Там же. № 3 (137). Февраль 2004.

303

Текст Соглашения любезно предоставлен автору севастопольским историком В.В. Костриченко.